

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД «КАВКАЗ – НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ:
СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ**

**Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне
(г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.)**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2020

УДК 94(47)084.8(470.6)(063)

B27

Издается при финансовой поддержке гуманитарного фонда
«Кавказ – новые горизонты»

Редакционная коллегия:

академик Г.Г. Матишов (отв. редактор),
В.И. Афанасенко, д.и.н. Е.Ф. Кринко (зам. отв. редактора),
к.филол.н. Т.Е. Гревцова, М.В. Медведев, Р.Г. Михалюк

**Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга
B27 России: события, участники, символы:** Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. – 632 с. – ISBN 978-5-4358-0205-4.

В материалах сборника рассматривается широкий круг вопросов, связанных с событиями, участниками и символами Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на юге РСФСР/СССР. Особое внимание уделено историографии и источникам изучения Великой Отечественной войны, специфике боевых действий на южном фланге советско-германского противостояния в 1941–1944 гг., вкладу народов юга страны в Победу. Кроме того, значительное место занимают проблемы взаимодействия власти и общества в южных регионах страны в условиях войны, военной экономики и повседневной жизни, нацистской оккупации, а также отражение данных вопросов в памяти советского и постсоветских обществ.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

Утверждено на заседании Ученого совета ЮНЦ РАН № 2 от 11 июня 2020 г.

ISBN 978-5-4358-0205-4

© ЮНЦ РАН, 2020

FEDERAL RESEARCH CENTRE THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
HUMANITIES FOUNDATION "THE CAUCASUS – NEW HORIZONS"

**THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE HISTORY AND MEMORY
OF THE PEOPLES OF THE SOUTH OF RUSSIA:
EVENTS, PARTICIPANTS, SYMBOLS**

**Proceedings of the All-Russian Scientific Conference
dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War
(Rostov-on-Don, 10–11 September 2020)**

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2020

UDC 94(47)084.8(470.6)(063)

M39

Published with the financial support from the Humanities Foundation
“The Caucasus – New Horizons”

Editorial Board:

Academician RAS G.G. Matishov (Managing Editor)

Dr (History) E.F. Krinko (Deputy Managing Editor)

V.I. Afanasenko, PhD T.E. Grevtsova, M.V. Medvedev, R.G. Mikhalyuk

M39 Matishov, G.G. (Ed.) (2020). The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, Symbols. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War (Rostov-on-Don, 10–11 September 2020). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 632 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0205-4

The proceedings cover a wide range of issues related to the events, participants, and symbols of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the south of the RSFSR/ USSR. Particular attention is paid to the historiography and sources of study of the Great Patriotic War, the specifics of hostilities on the southern flank of the Soviet-German confrontation in 1941–1944, the contribution of the peoples of the south of the country to the Victory. Besides, a significant place is assigned to the problems of interaction between the authorities and society in the southern regions of the country under the conditions of war, the military economy and everyday life, the Nazi occupation, as well as the reflection of these issues in the memory of the Soviet and post-Soviet societies.

The publication is intended for researchers, university teachers, postgraduates, students, and readers interested in the subject.

UDC 94(47)07/08(470.6)(063)

Approved at Meeting No. 2 of the Academic Council of SSC RAS of 11 June 2020

ISBN 978-5-4358-0205-4

© SSC RAS (2020)

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателей сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы», посвященной 75-летию Победы, включает в себя различные по тематике и содержанию статьи. В своей совокупности они позволяют раскрыть многие аспекты Великой Отечественной войны как важнейшего исторического события XX в. Актуальность обращения к данной теме обусловлена не только юбилеем Победы, вызывающим повышенный общественный и научный интерес к событиям и участникам войны, но и тем, что она была и остается важнейшим местом памяти советского и постсоветских обществ, важным фактором формирования национальной идентичности. Однако это нередко порождает столкновения исторических нарративов, а также мемориальные конфликты.

Надеюсь, что издание настоящего сборника материалов конференции позволит найти ответы на многие всё еще не решенные вопросы в истории войны. Тем более что конференция собрала широкий круг российских и зарубежных участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Берлина, Ростова-на-Дону, Волгограда, Краснодара, Саарбрюкена, Ставрополя, Донецка, Симферополя, Луганска, Владикавказа, Махачкалы, Грозного, Владимира, Пензы, Кривого Рога, Майкопа, Сухума, Карачаевска, Магаса и многих научных центров. Широтой отличается не только география участников, но и их профессиональные интересы: наряду с историками, среди них есть социологи, политологи, фольклористы и другие специалисты, представляющие академические и научно-исследовательские институты, вузы, архивы, музеи, различные учреждения и общественные организации. Обращает внимание то, что значительную часть авторов публикуемых материалов составляют молодые исследователи, для которых данный опыт предоставляет возможности для дальнейшего профессионального роста.

Необходимо отметить, что у ЮНЦ РАН имеется существенный задел в изучении малоисследованных проблем военной истории Юга России, значительный опыт проведения международных и всероссий-

ских конференций по истории Великой Отечественной войны, в том числе совместно с другими ведущими научно-образовательными центрами. Уверен, что данная конференция станет еще одной важной вехой в развитии нашего сотрудничества.

Чрезвычайно важным представляется обращение к истории Великой Отечественной войны именно на материалах Юга России, где сохраняется конфликтогенный потенциал в восприятии многих событий военного времени. Это обусловлено коллаборационизмом части жителей в годы войны, значительными людскими и материальными потерями вследствие боевых действий и нацистской оккупации, понесенными южными регионами, этническими депортациями и другими обстоятельствами, которые нередко используются для различного рода фальсификаций и манипулирования общественным мнением, особенно в современной молодежной среде.

Новые подходы и источники в изучении истории Великой Отечественной войны позволяют в комплексе рассмотреть особенности боевых действий на южном фланге советско-германского противостояния в 1941–1943 гг. и их роль в Победе; взаимодействие власти и общества в суровые военные годы; состояние экономики, политической и социальной сферы, системы образования, культуры; участие в войне жителей и вооруженных формирований, созданных на юге страны. Немаловажное значение в публикуемых материалах уделяется стратегиям выживания советского человека в экстремальных условиях военного времени, военной повседневности и массовому сознанию в годы войны, а также вопросам нацистской оккупации, народного сопротивления и коллаборационизма в южных регионах страны, проблемам ответственности нацистских преступников и их пособников за совершенные ими военные преступления.

В годы Великой Отечественной войны советский народ понес колоссальные потери. Только героическими усилиями и массовым самопожертвованием миллионов людей удалось одержать победу над сильным и жестоким врагом. Современное российское общество должно знать о масштабных жертвах и массовом подвиге многонациональной Красной армии в переломных стратегических операциях на южном крыле советско-германского фронта, которые определили поворот в ходе войны в целом. Итоги сражений в большой излучине

Дона, на ростовском, грозненском, моздокском, орджоникидзевском и астраханском направлениях, действия на перевалах Кавказа, в ногайских и калмыцких степях, в акватории Азовского, Черного и Каспийского морей должны занять свое место в истории Великой Отечественной войны.

В современной геополитической обстановке особенно необходимо правильно трактовать и оценивать героические и трагические вопросы военной истории России. Важная задача – извлечь исторические уроки из поражений и побед в 1941–1945 гг., понять, каким образом была достигнута наша общая Победа в Великой Отечественной войне.

Академик Г.Г. Матишов

Раздел 1

Великая Отечественная война в современной историографии и исторических источниках

Е.Ф. Кринко

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЮГА РСФСР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ¹

Великая Отечественная война стала тяжелым периодом в истории всех республик, краев и областей СССР. Южные регионы РСФСР подверглись особым испытаниям: они находились в эпицентре боевых действий в 1941–1943 гг., пережили нацистскую оккупацию, а затем трудности восстановления хозяйственной и социальной инфраструктуры, осложнявшиеся негативными последствиями принудительных переселений ряда народов на восток страны.

Исследователи не раз обращались к вопросам истории юга РСФСР в годы Великой Отечественной войны, что нашло свое отражение в соответствующих историографических работах [1]. Поэтому в данной статье рассматриваются новейшие исследования и документальные публикации, вышедшие в последние два десятилетия. В 2000-е гг. указанные вопросы стали предметом нескольких докторских и значительно большего количества кандидатских диссертаций, десятков монографий и документальных публикаций, сотен статей и докладов

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект №17-18-01411).

на научных конференциях. Следует отметить и научные форумы, посвященные военной истории, событиям Великой Отечественной войны и отражению данных вопросов в исторической памяти, ставшие регулярными в Ростове-на-Дону [2], Волгограде [3], Новороссийске [4] и других научных центрах юга России [5]. Их материалы выступают важными историографическими фактами в изучении рассматриваемой темы. Увеличение количества публикаций и исследований сопровождается расширением их проблематики, появлением новых оценок, введением в научный оборот ранее неизвестных источников. Характер данной статьи обусловил целесообразность использования проблемного принципа при анализе широкого круга исследований и публикаций 2000-х гг., выделения нескольких наиболее широко обсуждаемых в современной российской историографии сюжетов.

Существенное внимание военными историками, как и прежде, уделяется Сталинградской битве, что отражает сложившееся представление о данном сражении как об одном из главных, переломных событий в Великой Отечественной войне в целом [6]. В новых трудах переосмысливаются ход и итоги битвы на Волге, ее историческое значение. На основе рассекреченных документов историками предложены новые оценки и другого сражения, итоги которого предопределили коренной перелом в войне – битвы за Кавказ [7]. Исследователи характеризуют также ход и результат боев на горных перевалах под Малгобеком [8], операций на флангах: на новороссийском и астраханском направлениях [9]. В трудах авторского коллектива под руководством академика Г.Г. Матишова впервые дан анализ 15-месячных боев на Миус-фронте, показана взаимосвязь разных боевых операций на юге страны, роль «персидского коридора» в снабжении боевой техникой находившихся здесь советских войск, охарактеризовано противостояние под Грозным и в большой излучине Дона с учетом географических и социальных особенностей региона [10]. Новые исследования раскрывают трагические и героические страницы истории противостояния советских и немецких войск в Крыму в 1941–1944 гг. [11].

Историки анализируют национальную политику, социально-экономическое и этнополитическое развитие южных регионов, участие их жителей в Великой Отечественной войне [12]. Существенное внимание, как и в предыдущее десятилетие, уделяется этническим

депортациям в военные годы, их итогам и последствиям [13]. Е.М. Малышева подчеркивает патриотизм народов региона [14], а Е.В. Панарина – решение органами советской власти многочисленных социальных проблем в условиях военного времени [15]. Исследователи характеризуют положение отдельных социальных слоев и групп, массовое сознание жителей, взаимодействие органов власти и профсоюзных организаций [16]. Т.А. Павлова впервые подробно проанализировала замалчивавшуюся прежде трагедию мирных жителей Сталинграда [17]. Судьбы детей Сталинграда стали предметом изучения в крупном исследовательском проекте, реализованном под руководством М.А. Рыбловой [18].

Значительный вклад внесен современными исследователями в изучение наиболее трагического периода в истории южных регионов СССР, связанного с нацистской оккупацией. С.И. Линец рассмотрел данные события в тесной взаимосвязи с предшествующей им эвакуацией, детально охарактеризовав структуру и деятельность оккупационной администрации, ее социально-экономическую, национальную и культурную политику на Северном Кавказе [19]. Комплексный анализ нацистской оккупационной политики во взаимосвязи с национальным вопросом в Крыму проделал О.В. Романько [20]. Постепенно переосмысливаются вопросы народного сопротивления захватчикам и его итоги, роль органов НКВД в организации партизанского движения, взаимоотношения партизан с населением [21]. Историки выделили и раскрыли различные типы коллаборационизма на юге страны, показали его масштаб и причины [22].

В последние десятилетия вышло немало работ, описывающих участие в Великой Отечественной войне жителей южных регионов, созданных здесь воинских частей в русле сложившейся еще в советское время историографической традиции, прославляющей их героические подвиги. Напротив, ряд специальных исследований обстоятельств создания и боевого пути воинских формирований и соединений, авторы которых опираются на анализ всех доступных им источников, позволяет отказаться от прежних мифов об их судьбе [23]. Нашли отражение в историографии и общие негативные последствия мобилизации для хозяйственного развития региона. Исследователи указывают, что перераспределение людских ресурсов в интересах

фронта привело к значительному сокращению трудоспособного населения на Северном Кавказе, раскрывают ошибки при проведении мобилизации на Северном Кавказе [24]. Указанные работы позволяют оценить вклад народов региона в дело Победы, в том числе и тех, которые подверглись принудительным выселениям [25].

В числе новых направлений исследований в современной историографии Великой Отечественной войны следует выделить изучение демографических процессов на юге страны в 1941–1945 гг. [26]. Данные о потерях населения городов, районов, областей, республик и краев РСФСР в годы Великой Отечественной войны были установлены благодаря подготовке и изданию Книг Памяти, однако эту работу все еще нельзя считать завершенной. Еще одним новым исследовательским направлением стало обращение к отражению событий Великой Отечественной войны в исторической памяти в воспоминаниях жителей региона [27] и мемориальной культуре юга РСФСР [28].

Отдельными исследователями указывается на «снижение уровня научных работ» по истории Великой Отечественной войне в ряде случаев [29]. В историографии отмечалось и не всегда верное использование новой научной терминологии в публикациях последних лет, иногда «соединение совершенно разных и порой взаимоисключающих понятий» [30]. Тем не менее в целом исследования, вышедшие в 2000-х гг., позволяют создать более полную и достоверную картину событий на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны.

Указанные научные результаты стали возможны в значительной степени благодаря широкому рассекречиванию и введению в научный оборот новых исторических источников [31]. Наряду с официальными документами в научный оборот вводится все больше источников личного происхождения [32], что отражает изменение самого ракурса современных исследований, обусловленное «антропологическим поворотом» в историографии.

О высокой общественной значимости изучения событий Великой Отечественной войны на юге страны свидетельствуют современные тенденции их отражения в мемориальной культуре региона, а также присвоение новых почетных званий городов воинской славы. В числе первых в 2007 г. этих званий были удостоены Владикавказ и Малгобек, в 2008 г. – Ростов-на-Дону и Туапсе, в 2010 г. –

Нальчик, в 2011 г. – Анапа и Таганрог, в 2015 г. – Грозный. Нередко необходимой базой для исторического обоснования данных решений становились публикации и исследования, содержавшие новые оценки высокой значимости и степени напряженности сражений за данные города в годы Великой Отечественной войны, позволявшие преодолеть прежние стереотипы о том, что некоторые из них были сданы чуть ли не без боя. Взаимосвязь различных форм сохранения памяти о Великой Отечественной войне позволяет считать перспективным продолжение исследований в данном направлении.

Примечания

1. Аникеев А.А., Баликов Т.М., Януш С.В., Селюнина Н.В. Проблема битвы за Кавказ в исторической литературе // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 81–82; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д., 2009. С. 139–202 и др.

2. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Мат-лы междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д., 2010; Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Мат-лы междунар. науч. конф., 1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д., 2011; Народы юга России в отечественных войнах. Мат-лы междунар. науч. конф. (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2012; Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д., 2013; Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне. Мат-лы всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д., 2015; Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах. Мат-лы всерос. науч. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.). Ростов н/Д., 2016.

3. Военная история России: проблемы, поиски, решения. Мат-лы Междунар. науч. конф., посв. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Волгоград, 25–26 сентября 2015 года: в 2 ч. Волгоград,

2015; Военная история России: проблемы, поиски, решения. Мат-лы IV Междунар. науч. конф., посв. 75-летию победы в Сталинградской битве. Волгоград, 20–21 октября 2017 г. В 2 ч. Волгоград, 2017 и др.

4. Народ. Война. Победа. Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посв. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Новороссийск, 28–30 мая 2015 г.). Пенза, 2015; Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество. Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (г. Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г.). Пенза, 2016; Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор сохранения мира и цивилизации. Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. (г. Новороссийск, 13–14 июня 2019 г.). Пенза, 2019.

5. Вклад регионов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы Рос. науч.-практ. конф. 21–22 апреля 2010 г. Элиста, 2010; Вклад народов Чечено-Ингушетии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (III Кадыровские чтения). Сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посв. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Грозный, 15 апреля 2015 г.). Грозный, 2016 и др.

6. Битва за Сталинград. М.; СПб., 2002; Барятинский М.Б. Сталинградское побоище. «За Волгой для нас земли нет!». М., 2012; Исаев А.В. Перелом 1942. Когда внезапности уже не было. М., 2012; Сталинградская битва и ее геополитическое значение. М., 2013 и др.

7. Битва за Кавказ. М.; Владикавказ, 2002; Януш С.В. Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь, 2005; Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2010; Киселёв И.В. Совместные операции Красной армии и Черноморского флота в ходе битвы за Кавказ (1942–1943 гг.). Краснодар, 2017 и др.

8. Черкасов А.А. Война в горах: страницы истории обороны города Сочи (1942–1943 гг.). Сочи, 2008; Матиев Т.Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ (сентябрь – октябрь 1942 г.). М., 2016 и др.

9. Юрина Т.И. Новороссийское противостояние 1942–1943 гг. Краснодар, 2008; Шейн О.В. Неизвестный фронт Великой Отечественной: кровавая баня в калмыцких степях. М., 2009.

10. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д., 2010. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д., 2011; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д., 2012; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Медведев М.В. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов н/Д., 2016.

11. Абрамов В.В. Керченская катастрофа 1942. М., 2006; Битва за Крым 1941–1944 гг. М., 2016 и др.

12. Магомаев В.Х. Социально-экономическое развитие республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008; Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд., доп. М., 2010; Цориев Р.И., Баликоев Т.М. Национальная политика советского государства и межнациональные отношения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Владикавказ, 2010 и др.

13. Арапханова Л.Я. Спецпереселенцы. История массовых репрессий и депортация ингушей в XX веке. М., 2004; Сабанчиев Х.-М.А. Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011; Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Войны, переселения и депортации чеченского народа. 2-е испр. изд. Грозный, 2017 и др.

14. Малышева Е.М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М., 2011.

15. Панарина Е.В. Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Армавир, 2009.

16. Бондарев В.А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов н/Д., 2005; Каменева Г.Н., Судаевцев Н.Д. Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ставрополь, 2005; Агеева В.А. Человек тыла: историко-психологический аспект: (на примере жизнедеятельности коллективов учебных заведений Юга России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Таганрог,

2009; Гаража Н.А. Власть и рабочий класс в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Краснодарского края). Майкоп, 2009; Селюнина Н.В. Власть, профсоюзы, общество: опыт реализации мобилизационных задач на водном транспорте России в 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; Лохова Т.В. Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2012 и др.

17. Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005.

18. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград, 2015 и др.

19. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003.

20. Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). М., 2011.

21. Алиев К.-М. Свет и тени партизанской войны. М.; Ставрополь, 2003; Кринко Е.Ф. Майкопские партизаны. Майкоп, 2007; Партизаны Кубани: по материалам архивов УФСБ России по Краснодарскому краю и Центра документации новейшей истории Краснодарского края. Краснодар, 2012 и др.

22. Журавлев Е.И. Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов н/Д., 2006.

23. Очиров У.Б., Заярный С.А. Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. 1–2. Элиста, 2018.

24. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

25. Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. Элиста, 2010.

26. Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017; Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019 и др.

27. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: материалы и исследования. СПб., 2008 и др.

28. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нацистротельство на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2014; Медведев М.В. Освобождение западных районов Ростовской области в 1943 г.: исторические события, тенденции и формы мемориализации: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2019 и др.

29. См.: Манышев С.Б. История здравоохранения периода Великой Отечественной войны в современной дагестанской историографии. Рец.: Книга Памяти. Дагестанский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны / Авторы-составители Р.С. Гаджиев, Ф.М. Османова; глав. ред. Д.Р. Ахмедов. Махачкала: Издательство «Лотос», 2015. 304 с. // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 260–271.

30. Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004. С. 61.

31. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Махачкала, 2005; Депортация чеченского народа: факты, свидетельства, документы. Грозный, 2012; Завещано помнить... Донские архивы – 70-летию Великой Победы. Сборник документов и материалов. Ростов н/Д., 2015; Крым, 1944: документы и материалы. Феодосия, 2017; Крымская весна 44-го. Материалы Исторических чтений и архивные документы. Симферополь, 2019 и др.

32. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сборник документов. Краснодар, 2010; Письма Великой Отечественной войны. Сборник писем. Владикавказ, 2012; Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград, 2014; Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города. Волгоград, 2015; Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941–1945 гг. Воспоминания. Махачкала, 2015; Это и моя война: Великая Отечественная в письменных и визуальных эго-документах. Краснодар, 2016 и др.

М.В. Медведев**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 г.¹**

В годы Великой Отечественной войны в западных районах Ростовской области была создана линия Миус-фронта – немецкого оборонительного рубежа общей протяженностью в 104 км. Его большая часть проходила по правому берегу р. Миус, от которой он и получил свое название. В течение пятнадцати месяцев, с октября 1941 г. по июнь 1942 г. и с февраля по август 1943 г. эта территория являлась зоной кровопролитных боев между частями Красной армии и вермахта. Освобождение западных районов Ростовской области в ходе Донбасской наступательной операции в конце августа 1943 г. имело стратегический характер, повлияв на весь ход событий на южном фланге всего советско-германского фронта. У советских войск появилась реальная возможность овладеть стратегически важным промышленным регионом – Донбассом – и выйти к нижнему течению Днепра, Северной Таврии и к Крыму. Начиная с 1943 г. этим событиям были посвящены различные работы отечественных исследователей.

Анализ отечественной историографии проблемы позволяет выделить в ее развитии два этапа, которые можно условно определить как советский и постсоветский. Критерием для выделения данных этапов служат уровень историографического осмысления рассматриваемой проблемы и ее отражение в обобщающих и специальных исследованиях, воздействие на них социально-политических и идеологических факторов, использование исследователями различных исторических источников, сам круг рассматриваемых сюжетов.

Первые публикации, рассказывающие о боях на Нижнем Дону и Миусе, вышли непосредственно в годы войны и носили публицистический характер, будучи направленными на формирование ненависти к врагу и пропаганду передового боевого опыта. Так, в газете «Правда» 23 сентября 1943 г. военным корреспондентом майором В. Величко была опубликована статья «Сокрушение Миус-фронта».

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17-18-01411).

Она стала первой публикацией, в которой специально говорилось о полном разгроме войск противника на рубеже с наименованием Миус-фронт. Автор кратко рассмотрел наступление войск Южного фронта в ходе Донбасской стратегической наступательной операции в августе 1943 г. по освобождению западной части Ростовской области с последующим выходом в Донбасс [1]. Позже расширенный вариант статьи Ростовское издательство опубликовало в виде отдельной брошюры [2]. Однако на публикациях В. Величко сказались цензурные ограничения. В частности, в них не были указаны действовавшие в наступлении части и соединения Красной армии.

После освобождения Ростовской области и до конца 1940-х гг. в печати продолжали публиковаться очерки о героическом освобождении Ростова-на-Дону и Таганрога, о роли, сыгранной в этих боях донскими казаками, о нанесенном области ущербе и начавшемся возрождении хозяйства, которые фрагментарно касались рассматриваемой проблематики [3].

Только в начале 1950-х гг. появились первые диссертации, посвященные истории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны, однако их авторы П.Б. Астафьев и И.С. Маркусенко акцентировали внимание на участии ростовской городской партийной организации и колхозного крестьянства в войне [4]. Изучение рассматриваемых вопросов на основе документов государственных архивов, а также фондов Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) СССР в этот период было ограничено для исследователей.

Научный анализ вопросов освобождения Ростовской области начался уже после XX съезда КПСС. Тогда у историков расширился доступ к материалам центральных и региональных архивов, но вышедшие в свет публикации находились под влиянием советской идеологии и нередко были приурочены только к памятным датам. Первыми специальными работами по данной теме стали вышедшие в конце 1950-х гг. брошюра В.П. Зайцева «Дон в годы Великой Отечественной войны» [5] и обновленная публикация В. Величко «Сокрушение Миус-фронта» в сборнике фронтовых очерков и рассказов «Великой Родины сыны» [6]. Однако и здесь были изложены лишь некоторые эпизоды освобождения западной части Ростовской области в 1943 г., подчеркивавшие их победную сторону, но не отражавшие всех этапов и перипетий данных сражений.

Значительное расширение исторических исследований по данной теме пришлось на 1960–1980-е гг. В это время вышли фундаментальные труды по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, в которых кратко отражены события освобождения Ростовской области в 1943 г. в контексте стратегических и фронтовых операций на юге советско-германского фронта. Определенным вкладом в развитие советской историографии стал выход в 1961–1965 гг. 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.». В третьем томе рассматривался коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, в котором можно найти упоминания об успехах Южного фронта в боях за донскую землю зимой – летом в 1943 г. [7]. В седьмом томе 12-томного издания «История Второй мировой войны 1939–1945» также рассматривался коренной перелом в войне с акцентом на победной стороне в сражениях при освобождении Ростовской области в 1943 г. При этом в данных работах не раскрывались причины неудач Ростовской наступательной операции в феврале 1943 г. после выхода армий Южного фронта к западным районам области. Вскользь упоминались события Миусской фронтовой операции в июле 1943 г. в контексте других наступательных операций того периода времени. Шире всего был показан ход Донбасской стратегической операции в августе 1943 г. [8].

В 1970-е гг. были изданы новые работы, посвященные боевым действиям в Примыусье в годы Великой Отечественной войны. В данный период вышла монография И.С. Маркусенко «Дон в Великой Отечественной войне», в которой автор раскрыл роль трудящихся Ростовской области в победе над врагом, а также рассказал о подвигах уроженцев донской земли на фронтах, социально важных аспектах жизни Дона в этот период, а также восстановлению региона после освобождения [9]. В книгах А.Ф. Корольченко «Миусские рубежи» [10] и «Сокрушение Миус-фронта» [11] был показан период боевых действий на Миусе с 1941 по 1943 г. Автор использовал отдельные документы советских архивов и опубликованные на русском языке работы бывших военачальников вермахта Э. Манштейна и К. Типпельскирха. Именно работы А. Корольченко стали наиболее информативными по истории военных событий на западных рубежах Ростовской области в 1943 г., впервые предложив относительно целостное их описание.

Однако уже в силу самого жанра (очерков и документальной повести) в них отсутствовал глубокий анализ проблемы, здесь были показаны лишь положительные результаты действий советских войск.

Военно-исторический очерк «Огненные рубежи» затрагивает более широкий спектр событий на Дону и Примиусье в период с 1941 по 1943 г. Ценность данного очерка в том, что он написан рядом авторов, принимавших участие в указанных боевых действиях. Авторы привлекли большой объем архивных сведений. В каждом разделе была изложена военно-политическая обстановка на южном крыле советско-германского фронта в соответствующий хронологический период, раскрывались примеры героизма советских граждан. Однако по устоявшейся в советской историографии традиции, в работе обращалось внимание на достижения советского руководства, но не проводился анализ просчетов и ошибок командования [12].

Еще один военно-исторический очерк под названием «Краснознаменный Северо-Кавказский» вышел в 1978 г. и был приурочен к 50-летию создания Северо-Кавказского военного округа. В девятой главе данного труда более содержательно, чем в предыдущих работах, были освещены ход и итоги наступательных операций армий Южного фронта в 1943 г. [13].

Отдельную группу составили труды, посвященные боевой истории войск Южного фронта второго формирования. Авторы работ в прошлом занимали командные должности в войсковых объединениях. Это издания документального и военно-очеркового характера о боевом пути 51, 28, 2-й гвардейской и 5-й ударной армий [14]. В 1985 г., к 40-летию Победы С.И. Горшковым и И.В. Овчаренко был издан военно-исторический очерк о героическом пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса. Авторы в своей работе использовали большое количество документальных сведений, а также воспоминаний ветеранов корпуса [15].

В период перестройки сохранялся исследовательский интерес к проблематике Миус-фронта. Здесь можно отметить книги «От Терка до Миуса» [16] и «От Миуса до Днепра» [17], написанные капитаном в отставке И.И. Полищуком. Ветеран рассказал о боевых действиях 151-й стрелковой дивизии, участвовавшей в боях на Миусе в 1943 г.

Ценность представленных книг заключается в их источниковой базе, включающей в себя материалы ЦАМО РФ, личные воспоминания и дневниковые записи автора и его однополчан. Эти работы стали завершающими для советской историографии проблемы.

Обращение к данным вопросам в российской историографии позволяет говорить о новом этапе в ее развитии. Историки получают доступ к ранее засекреченным архивным документам, более свободны в своих оценках и выборе подходов и методов исследований. В то же время на изучении темы войны продолжают сказываться политические факторы.

Новой фундаментальной работой, вышедшей к 70-летию Победы и вобравшей в себя результаты исследований предыдущих лет, стал 12-томный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Главной редакционной комиссией, председателем которой является Министр обороны РФ С.К. Шойгу, в начале первого тома были сформулированы основные принципы данной работы, в частности обращено внимание на понятие «память», отождествленное с нравственностью народа, являющейся основой для его сплочения [18]. В третьем томе в разделе «Освобождение Северного Кавказа» кратко рассматривались действия Южного фронта в наступлении на ростовском направлении в январе – феврале 1943 г. Однако и здесь повторяется шаблонное утверждение советской историографии о том, что войска Южного фронта 18 февраля 1943 г. перешли к обороне. В этом же томе в главе «Огненная дуга» указано большое влияние на дальнейший ход событий на белгородско-курском направлении действий Южного фронта. В рамках развития фронтовых событий на харьковском направлении упоминались некоторые аспекты Донбасской наступательной операции 1943 г. [19].

Большую работу по изучению истории освобождения запада Ростовской области провел фронтовик и краевед Г.К. Пужаев, посвятивший этой теме книгу «Кровь и слава Миуса» (2008 г.). Здесь, в частности, рассматриваются и бои 1943 г. на территории Матвеево-Курганского и Куйбышевского районов. При этом им частично преодолены устаревшие подходы и историографические стереотипы, введены в оборот ранее неизвестные источники. Г.К. Пужаев не только рассказал о героических победах, но и показал нелицеприятные моменты, которые замалчивались в работах предыдущих историков.

Например, автор без прикрас показал события февраля 1943 г., когда из-за просчетов командования попал в окружение 4-й гвардейский механизированный корпус [20]. Значительный интерес вызывает работа одного из самых ярких российских военных историков А.В. Исаева «Прорыв “Миус-фронта”» (2006 г.), ставшая первым специальным исследованием событий на Миусе в июле – августе 1943 г. на основе рассекреченных документов [21].

В 2010 г. вышла работа академика Г.Г. Матишова, В.И. Афанасенко и Е.Ф. Кричко «Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г.», через год переизданная с дополнениями. Авторам удалось воссоздать историю боев на Миусе и Дону не только с героическими, но и с трагическими страницами. Они использовали широкий круг источников из региональных и центральных архивов, а также воспоминания участников событий, что позволило существенно дополнить картину событий в Примиусье в годы Великой Отечественной войны. В частности, впервые были названы обобщающие цифры советских и немецких потерь при попытках прорыва Миус-фронта в 1941–1942 гг. и в 1943 г. Немало внимания уделено географическим условиям сражений. Упоминается и участие штрафных подразделений при боях на Миусе летом 1943 г. [22]. В последние годы опубликованные в указанных работах сведения все шире используются в мемориальных мероприятиях в Ростовской области, проводимых при поддержке не только общественных военно-исторических организаций, но и областного руководства.

В то же время в некоторых работах по истории освобождения Ростовской области в 1943 г. сохраняются положения советской историографии. Например, материалы военно-исторического сборника «Таганрог. Огненные годы» в рамках традиционного советского подхода повествуют в основном о мужестве, стойкости и массовом героизме бойцов, командиров, партизан и подпольщиков в боях с захватчиками при освобождении Таганрога в 1941–1943 гг. В книге также рассказывается о действиях Азовской военной флотилии в боях за Таганрог, боевых вылетах советской авиации в небе Приазовья и Миуса. О событиях в западных районах области говорится лишь в одном разделе, посвященном августовскому прорыву 1943 г. [23].

В 2011 г. вышла книга украинского историка М.А. Жирохова «Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943». В ней можно найти целый ряд интересных фактов о боевых операциях, связанных с освобождением Ростовской области в 1943 г. Но основное внимание авторов было приковано к событиям в Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областях УССР [24]. Отдельным аспектам освобождения Ростовской области в 1943 г. посвящен и ряд других публикаций [25].

В последнее время повышается исследовательский интерес к военным событиям, происходившим на Юге России в годы Великой Отечественной войны. В конце 2019 г. была защищена кандидатская диссертация автора данной статьи на тему «Освобождение западных районов Ростовской области в 1943 г.: исторические события, тенденции и формы мемориализации» [26]. Это позволило прояснить сам ход и результаты освобождения западных районов Ростовской области, а также отражение этих событий в исторической памяти.

Таким образом, еще в советской историографии были сделаны первые попытки осмысления специфики боев по освобождению западных районов Ростовской области и их исторического значения. Однако советские авторы в первую очередь раскрывали успехи Красной армии и практически не уделяли внимания ее неудачам и поражениям, а также понесенным потерям на Дону и Миусе. Современную российскую историографию характеризует значительное расширение самого круга разрабатываемых вопросов при обращении к рассматриваемой проблеме. В то же время указанные вопросы в большинстве случаев можно считать только поставленными, но не исследованными в полной мере. Остаются слабо изученными причины незавершенности наступательных операций Южного фронта при освобождении Ростовской области зимой 1943 г. и потери противоборствующих сторон.

Примечания

1. Величко В. Сокрушение Миус-фронта // Правда. 1943. № 236.
2. Величко В. Сокрушение Миус-фронта. Ростов н/Д., 1943.
3. Ольшанский А., Курилов С. Путь от Миуса до Днепра уможил нашу боевую гвардейскую славу // Молот. Ростов н/Д., 1943.

№ 240; Величко В. Донские казаки // Молот. 1943. № 240; Юдович И. Возрождение. Ростов н/Д., 1944; Никитин П. Донцы. Ростов н/Д., 1944; Андриасов М.А. Шесть дней. Ростов н/Д., 1947.

4. Астафьев П.Б. Большевики Ростова-на-Дону в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1952; Маркусенко И.В. Колхозное крестьянство Ростовской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.

5. Зайцев В.П. Дон в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д., 1958.

6. Величко В. Сокрушение Миус-фронта // Великой Родины сыны. Фронтовые очерки и рассказы. 1941–1945. М., 1958. С. 311–322.

7. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М., 1961.

8. История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 7. Завершение коренного перелома в войне. М., 1976.

9. Маркусенко И.С. Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д., 1977.

10. Корольченко А. Миусские рубежи. Очерки о местах боевой славы. Ростов н/Д., 1971.

11. Корольченко А. Сокрушение Миус-фронта. Документальная повесть. Ростов н/Д., 1978.

12. Огненные рубежи. Военно-исторический очерк. Ростов н/Д., 1976.

13. Краснознаменный Северо-Кавказский. Ростов н/Д., 1978.

14. Саркисян С.М. 51-я армия: Боевой путь 51-й армии. М., 1983; Мельников А.Н. Краснознаменная 28-я: о боевом пути 28-й армии в 1942–1945 гг.: документальный очерк. Астрахань, 2006; Мельников А.Н. Краснознаменная 28-я: о боевом пути 28-й армии в 1942–1945 гг.: документальный очерк / изд. 2-е, доп. Астрахань, 2007; Завадская О.С. «Рожденная на земле Тамбовской»: Боевой путь 2-й Гвардейской армии в годы Великой Отечественной войны. (По материалам военно-исторического музея при школе № 19 г. Тамбова). Тамбов, 2002; Антонов В.С. От Волги до Берлина. М., 2003.

15. Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской гвардейский. Ростов н/Д., 1985.

16. Полищук И.И. От Терека до Миуса. Нальчик, 1992.
17. Полищук И.И. От Миуса до Днепра. Людиново, 1990.
18. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. Изд. доп. и испр. М., 2015.
19. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012.
20. Пужаев Г.К. Кровь и слава Миуса. Таганрог, 2008.
21. Исаев А. Прорыв «Миус-фронта» // Фронтовая иллюстрация. 2006. № 3.
22. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д., 2010.
23. Таганрог. Огненные годы. Таганрог, 1993.
24. Жирохов М.А. Битва за Донбасс. Миус-фронт. М., 2011.
25. Роменский А.Ф. Пять попыток прорыва Миус-фронта // Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2013. С. 38–44; Апанасенко Н.Н. Боевые действия на территории Аксайского района как составная часть Ростовской наступательной операции 1943 г. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах. Мат-лы Всерос.- науч. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.). Ростов н/Д., 2016. С. 210–214 и др.
26. Медведев М.В. Освобождение западных районов Ростовской области в 1943 г.: исторические события, тенденции и формы меморализации: дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2019.

И.Ю. Юрченко

**НОВЕЙШАЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ КАЗАЧЬЕГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Без всякого политического и методологического ангажемента следует признать, что, несмотря на внешнюю парадоксальность этого сравнения, воссоединение Германии и развал СССР сыграли сходные роли

«разъединителей» и «разрушителей» историографических традиций как для немецкой, так и для советской историографии. В особенности это касается оценки и использования марксистского методологического и историографического наследия ГДР и СССР в немецкой и российской исторической науке соответственно. Поэтому аналогичные методологические проблемы и задачи осмысления и «реконструирования» общей «национальной» истории XX в. для немецкой и российской исторической науки определяют актуальность данной статьи.

Новейшая историография в широком смысле – это историография «постмодерна», после Первой мировой войны, а вернее – после 1917 г. В данной статье мы используем этот термин в более узком смысле, близком к понятию современная историография. В мировой историографии наступление новейшего этапа можно маркировать широко известной статьей Й.Ф. Фукуямы «Конец истории?» 1989 г., которая означала конец классической историографии XX в. Мировой триумф книги Фукуямы, развернутой из статьи в 1992 г. [1], с историографической точки зрения лишь подчеркнул справедливость советской историографии в оценке Октябрьской революции 1917 г. как события «всемирно-исторического значения», во всяком случае, это утверждение оказалось верным в значении «всемирно-историографическом».

Предложенная периодизация в полной мере справедлива и для немецкой историографии. Знаменательно, что указанные работы Фукуямы вышли – статья – как раз накануне падения Берлинской стены в 1989 г. и присоединения ГДР к ФРГ в 1990 г., а монография – вскоре после развала СССР и за два года до окончательного вывода из Германии Западной группы войск, бывшей Группы советских войск в Германии. Немцы и немецкая историография пока еще очень далеки от завершения исторического осмысления этого воссоединения, а «воссоединение немецкой истории» остается актуальной задачей. На русскоязычном немецком портале «Все о Германии», ориентированном на репатриантов, русскоязычных эмигрантов и туристов, в историческом разделе специально отмечено, что у современных немцев «единого чувства ответственности за историю и прошлое еще окончательно не сформировалось. Немцы с восточных и западных земель по-разному воспринимают Гитлера, Коля, Аденауэра». В выводах следует констатация причин такого положения: «не была про-

ведена конституционная реформа, которая могла бы способствовать созданию единой национальной истории» [2]. За этим эвфемизмом скрывается то, что фактически произошло не воссоединение, а одностороннее поглощение: ФРГ присоединила ГДР, но не смогла (или не захотела) интегрировать ее восточную историко-культурную традицию в общегерманский контекст, оставшийся, по существу, лишь западногерманским. Это определяет особенную общественно-политическую и историософскую актуальность исследования новейшей немецкой историографии конца XX – начала XXI в.

Основной источниковой базой историографического исследования послужила международная библиографическая база данных Немецкой национальной библиотеки – Deutsche Nationalbibliothek (DNB), которая является главной архивной библиотекой и библиографическим центром Германии. Фонды библиотеки распределены между двумя отделениями – в Лейпциге (унаследованная ГДР национальная библиотека) и Франкфурте-на-Майне (центральная библиотека ФРГ). Сегодня DNB является крупнейшим в мире хранилищем книг, иных публикаций и документов на немецком языке, электронных книг и документов. Библиотека аккумулирует немецкоязычные публикации не только из Германии, но также Австрии и Швейцарии, пополняется книгами, изданными в Италии, Польше, Украине, России и других странах.

Кроме анализа библиотечных фондов, в ходе исследования была проведена оценка востребованности книг по казачьей истории и культуре на основе анализа предложений немецких и англоязычных книжных интернет-магазинов deutscher-buchdienst.com, zvab.com, das-geschichtsbuch.de, militariafachbuch.com, schutz-brett.org, amazon.com и др., опубликованных рецензий и отзывов читателей на сайтах книжных сервисов по состоянию на начало IV квартала 2019 г., что позволило оценить общественное восприятие анализируемых публикаций. Следует отметить, что при этом не ставилась цель специального маркетингового исследования. В случае с западной историографией можно исходить из предположения, что сам факт коммерческого издания и его предложения в магазинах уже говорит о востребованности работы, а переиздания однозначно подтверждают спрос.

Объектом данного исследования выступает немецкоязычная историческая литература о казаках, предметом – новейшая немецкая исто-

риография истории казачьего коллаборационизма. Эта проблематика входит в круг актуальных тем, имеющих значение для всего процесса осмысления немцами своей истории в XX в. Для немецких историков история казаков-коллаборационистов и всего казачества является органической частью их собственной немецкой истории. Для авторов, особенно правого толка, продолжается традиция восприятия казаков-коллаборантов в качестве немецких «братьев по оружию» во Второй мировой войне. Исследование истории казачьих частей вермахта входит в немецкую военную историю, что предполагает освещение общих исторических оснований включения казаков в состав германских вооруженных сил и экскурсы в историю самих казаков.

Надо заметить, что казаки на протяжении столетий выступали в роли то союзников, то противников немцев. В Первой мировой войне казаки воевали в составе Императорской армии против немцев и австрийцев, но уже в годы Гражданской войны при атамане П.Н. Краснове донские казаки выступали союзниками немцев. Еще в годы Наполеоновских войн в прусской армии были опыты создания казачьих кавалерийских эскадронов и полков. Таким образом, к началу Второй мировой войны у немцев уже была «своя» казачья история. Поэтому казачий коллаборационизм стал для них своеобразным итогом довольно длительной истории взаимоотношений. Гитлеровские идеологи при полном согласии и сотрудничестве таких ярых антикоммунистов, как упомянутый П.Н. Краснов, обосновали «готскую теорию» германского происхождения казаков. Все это «вписало» казаков и казачий коллаборационизм в наиболее актуальную, но одновременно дискуссионную и даже скандальную повестку новейшей немецкой историографии. Зачастую казачья история для немецких авторов становится поводом для исторического ревизионизма.

Отдельно стоит остановиться на известном сюжете выдачи казаков в Лиенце, ставшем значимой частью не только немецкой, но и австрийской истории. Если для немцев история выдачи казаков, «коварного предательства англичан» и «зверств сталинских палачей» служит удобным поводом для актуализации ревизионизма и антикоммунизма, то для австрийской историографии эта тема имеет значение в контексте местной истории или исторического краеведения Восточного Тироля без скрытого историко-политического бэкграунда.

Поэтому важной составляющей историографического анализа работ немецких авторов, посвященных казачьему коллаборационизму, становится выявление их явных и скрытых исследовательских мотиваций, изучение авторских биографий, социального положения и политических предпочтений, т.е. всего того, что в знакомой нам советской традиции объединялось понятиями «классового анализа» и «партийности» в историографии. Эти подходы были характерны и для советской, и для восточнонемецкой марксистской историографии, но, как и в постсоветской историографии, оказались маргинализированы и отброшены в новейшей немецкой исторической науке.

Особенностью новейшей немецкой историографии стали новые попытки исторического ревизионизма и вызванные ими дискуссии. Одной из центральных фигур исторического ревизионизма в немецкой военной историографии стал сотрудник немецкого центра исследований (научного института) военной истории при Бундесвере – Militärgeschichtliche Forschungsamt (MGFA), с 2012 г. объединенного с институтом социальных исследований в Центр военной истории и социальных исследований Бундесвера (Zentrum für Militärgeschichte und Sozialwissenschaften der Bundeswehr) – Иоахим Хоффманн (1930–2002). Он родился в Кёнигсберге в Восточной Пруссии. Детство и юность Хоффманна прошли в нацистской Германии в военной семье, отец служил в вермахте и, вероятно, был связан с нацистами. Семья бежала в западную зону из страха перед Красной армией. Основные исторические работы Хоффманна вышли в Институте военной истории Бундесвера в ФРГ в годы холодной войны. Все это, разумеется, повлияло на взгляды историка и, видимо, определило мотивацию его исторического ревизионизма.

Главным ревизионистским трудом Хоффманна в новейшей немецкой историографии стала монография «Сталинская истребительная война 1941–1945», вышедшая в 1995 г. [3], выдержавшая несколько переизданий, переведенная и изданная в ряде других стран, в том числе в России. Хоффманн в этой книге фактически солидаризировался с Геббельсом и его ключевым тезисом о превентивном характере нападения Германии на СССР, который якобы сам готовил агрессию. Неудивительно, что данная книга активно переиздается по сей день, особенно в странах Прибалтики и в Польше, стремящихся пересмо-

треть результаты и исторические оценки Второй мировой войны, возложив ответственность за нее на СССР/Россию.

Специальных работ, посвященных казакам, у этого автора нет, но он опубликовал ряд крупных исследований по истории советского коллаборационизма, Русской освободительной армии, восточных легионов и отдельных национальных коллаборационистских групп из калмыков, народов Кавказа, Туркестана, татар и др. В «Истории Власовской армии» [4] Хоффманн рассматривал казачьи части вермахта в общем контексте советских коллаборационистов и ставил казаков в один ряд с «привилегированными» национальными меньшинствами. Главный вклад в немецкую историографию Хоффманна – сама постановка вопроса ревизии «историографии победителей» и, вслед за немецкими мемуаристами – офицерами вермахта, выработка историографического подхода к восточным коллаборационистам, в том числе казакам, как «братьям по оружию» (*waffenbrüder*) в войне. Ревизионизм Хоффманна, а также его отсылки к работам скандально известного В. Суворова (Резуна) вызывали резкую отповедь еще в советской историографии и сегодня вызывают отрицательную реакцию среди многих российских историков.

В год выхода первого посмертного переиздания книги Хоффманна о власовцах [5] вышла монография Вернера Х. Краузе¹ «Казаки и вермахт: освободительная борьба одного народа» [6]. В 2006 г. эта книга была переведена и издана в Польше. В те же годы был доступен перевод этой книги Краузе на русский язык С. Липатова на казачьем антибольшевистском ресурсе «Донские казаки в борьбе с большевиками» (elan-kazak.ru) (сейчас не действует). В 2010 г. вышла следующая книга Краузе на сходную тему: «Проклятые братья по оружию: трагедия восточных народов» [7]. Характерно, что на обложке книги изображены два казака в кубанках под немецкими знаменами. Краузе – автор книг не только по казачьей тематике, но и по истории нацистской Германии, ее спецслужб и войск СС.

Из библиографической карточки автора в базе данных DNB мы можем узнать, что Вернер Х. Краузе родился в 1938 г. и, кроме авторства семи книг, имеет публикации в качестве журналиста и редактора. В биографической справке издателя «Об авторе», несомненно, согласованной

¹ Не следует путать его с другим известным немецким историком В. Краузе (1934–2014).

с Краузе и, вероятно, им же составленной как редактором издательства, в книге «Казачи и вермахт» сказано, что Краузе родился в Берлине и работал журналистом в различных газетах, в 1970-е гг. за связи с оппозицией был арестован Министерством госбезопасности ГДР и приговорен к «многолетнему тюремному заключению». Затем был сотрудником издательства «Аксель Шпрингер» в восточной редакции «Берлинер моргенпост», а с 1997 по 1999 г. – управляющим делами «Союза обществ жертв коммунистического насилия». На момент издания книги являлся заместителем председателя землячества Берлин-Бранденбург, главным редактором «Мэркишен цайтунг». И, как сказано в книге, «имеет многочисленные публикации о сталинской системе, в том числе в альманахе “Украденная жизнь” об арестах и преследованиях в ГДР, а также статьи о судьбе изгнанных немцев». К сожалению, иных, независимых источников о биографии этого историка пока обнаружить не удалось. Уже из этого авторского резюме ясны антикоммунистические воззрения автора и его негативное отношение к ГДР и СССР. В отличие от Хоффманна, который был профессиональным историком, изучал историю и этнографию в Свободном университете Берлина и Гамбургском университете, защитил диссертацию на степень доктора философии и всю жизнь проработал в научном институте военной истории, в резюме Краузе мы не находим упоминания «иных университетов» в изучении «жертв коммунизма», кроме одного года заключения в «тюрьме Штази». Объединяет работы этих историков, помимо ревизионизма, общая стилистика, полемичность и публицистичность, броские заголовки и популярный стиль изложения, а также часто некритическое использование немецких документов периода войны и воспоминаний офицеров вермахта, эсэсовцев и нацистов.

Обе книги Краузе, в которых идет речь о казачьих коллаборационистах, написаны с использованием архивного материала, главным образом личного происхождения – дневников, личных архивов, воспоминаний и писем немецких офицеров вермахта и СС. В частности, в основу книги о казаках в вермахте легли документы из Федерального военного архива в Фрайбурге, отдельные дела и рукописи из других собраний, воспоминания Эрнста Вальтера фон Мосснера – командира эскадрона 6-го Терского казачьего полка, переписка и архив Зигхарда фон Паннвица о Гельмуте фон Паннвице и другие источники, а также ряд опубликованных книг

по проблеме. В том числе он ссылается на работу Рудольфа Карманна «Братство казаков по оружию» [8], что можно считать и отсылкой к «братству по оружию» казаков с немцами времен Краснова, хотя сама книга написана о революции и Гражданской войне. Разумеется, использовал Краузе и работу Хоффманна о «власовцах». Вторая книга, посвященная «восточным добровольцам» (в их числе казакам), написана Краузе на основе документов «немецкого военного атташе и генерала восточных добровольцев» Эрнста Кестринга. Обе рассматриваемые книги Краузе отличаются от работ Хоффманна большей публицистичностью, это скорее популярная история в русле западных, англоязычных и франкоязычных исторических книг, нежели результат научного исследования, которого мы обычно ожидаем от немецкого историка.

Основная идея трактовки Краузе довольно проста и восходит к работам Хоффманна: казаки жестоко угнетались и подвергались террору коммунистического режима Сталина, поэтому восприняли немцев как освободителей и добровольно присоединились к вермахту в войне за свободу своего народа. Краузе называет среди казаков-коллаборантов донцов, кубанцев, терцев и сибирских казаков. Среди «восточных добровольцев», помимо казаков, он называет эстонцев, латышей, украинцев и народы Кавказа, которые «особенно хорошо» приняли «немецкие призывы», потом белорусов, крымских татар, «армию Власова». При этом он называет более 850 тыс. военных «добровольцев» из числа граждан СССР и 1 млн «хиви» («Hilfswillige»).

Главным трагическим моментом, на который обращает особое внимание Краузе, в обеих книгах является тема насильственной и, по мысли этого автора, несправедливой, противоправной выдачи 50 тыс. казаков в Юденбурге (Лиенц, долина р. Драва), которая трактуется как предательство «братьев по оружию». Главная вина возлагается на англичан, которые «выдали Сталину на расправу» казаков и других восточных добровольцев, вступивших на службу вермахта и якобы ставших гражданами Германии вместе с офицерами вермахта. Этой выдачей англичане нарушили права казаков как военнопленных и законы войны, совершив таким образом военное преступление. Этот сюжет фактически служит этическим оправданием исторического ревизионизма автора, стремления «переписать эту историю», «сказать правду, которую скрывали».

Надо заметить, что в немецкой и во всей западной историографии сюжет выдачи казаков рассматривается как трагедия с общегуманистических позиций. В качестве примера можно привести статью о казаках главного редактора исторического отдела редакции такого respectable издания, как *Welt*, Бертольда Зиевальда, назвавшего одну из частей работы “*Die Tragödie an der Drau*” («Трагедия на р. Драу») [9]. Из новейших специальных работ назовем небольшую монографию начинающего историка-русиста Армина Вилдинга (1979 г.р.) «*Казаки в Верхней долине Драу и их экстрадиция в Советский Союз в 1945 году*» [10]. Ряд работ по этой проблеме опубликовал видный австрийский историк-славист Стефан Карнер (1952 г.р.), автор и редактор многих книг. Казакам посвящена часть главы о советской оккупации Австрии из его большого тематического сборника работ разных лет («*Война – Последствия – Исследования: Политические, экономические и социальные трансформации в XX веке*»), которая называется «*О выдаче казаков и воинов-власовцев в СССР*» [11], работа «*О выдаче казаков Советам в 1945 г. в Юденбурге*» [12] и др. Следует упомянуть коллективные работы австрийских, немецких, швейцарских и других авторов – профессора Харальда Штадлера, доктора философии Мартина Кофлера, профессора Карла Кристофа Бергера «*Побег в безнадежность: казаки в Восточном Тироле*» (2005) [13], переизданную в 2016 г., а также крупную работу «*Казаки в Первой и Второй мировой войнах*» вышеупомянутых авторов Штадлера, Бергера и профессора Рольфа Штейнингера при участии Изабель Брандауэр, Франка Грелка, вышеупомянутого Стефана Карнера, Петра Крикунова, Клары Лёффлер, Клауса Рота, Николаса Зондерса, Фридриха Степанека, Карла Штокера, Николая Толстого, Маттиаса Уля и Александра Ватлина [14]. В этой работе речь идет о 25 тыс. казаков вместе с членами их семей – масштаб выдачи ровно в два раза меньше

В этом же историографическом контексте следует назвать недавнее и первое публичное научное издание мемуаров Эрвейна К. графа Эльца – офицера штаба 1-й казачьей кавалерийской дивизии фон Паннвица, которое в 2014 г., через сорок лет после смерти отца (1975), выпустил его сын Эрвейн Х. граф Эльц (1941–2017) – профессиональный историк, доктор философии, изучавший историю, психологию и философию в Венском университете, сотрудник исторической комиссии Баварской академии наук. Книга называется «*С казаками: дневник,*

воспоминания и мысли Эрвайна Карла, графа Эльц 1943–1946» [15]. Публикатор, как сын и ученый, поясняет свою научную, личную и коммеморативную мотивацию. Он, в частности, отмечает, что решился на это издание в память об отце и по просьбе кафедры политики, истории и международных отношений Университета Лафборо в Лестершире. В аннотации сказано: «...то, что казаки также сражались в качестве коллаборационистов на стороне вермахта, является игнорируемой темой в историографии Второй мировой войны» (буквально: *ist ein vernachlässigtes Thema der Weltkriegs-Geschichtsschreibung*). Таким образом, и эта публикация источника претендует не только на новизну, но и на пересмотр оценок историографии. Обратим внимание, что это публикация мемуаров коммерческим издательством массовым тиражом. Исходный текст собственно дневника (без дополнений) уже был введен в научный оборот в 1970 г., когда он был отпечатан мизерным тиражом в 50 экземпляров «для семейного пользования» графов Эльц.

Таким образом, мы можем сделать вывод об актуальности и востребованности в новейшей немецкоязычной историографии исследований и публикаций как по казачьей тематике в целом, так и по конкретной проблеме казачьего коллаборационизма. Однако масштабы этого явления и тем более его исторические оценки остаются предметом дискуссий, инициаторами которых выступают приверженцы немецкого исторического ревизионизма. Общими, признаваемыми ныне немецкими и австрийскими историками, остаются оценки выдачи казаков СССР как трагедии.

Примечания

1. Fukuyama F. The End of History? // *The National Interest*. 1989. Vol. 16. P. 3–18; рус. изд.: Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 84–118; Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Free Press, 1992; рус. изд.: Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек* / пер. с англ. М.Б. Левина. М., 2007.

2. Объединение Германии (1990) // *Все о Германии / История*. URL: <https://germanexpert.ru/obedinenie-germanii-1990/> (дата обращения: 24.02.2020).

3. Hoffmann J. *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945*. München, 1995; рус. изд.: Гофман И. *Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы)*. Планирование, осуществление, документы. М., 2006.

4. Hoffmann J. Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg im Breisgau, 1984; франц. издание на рус. языке: Хоффманн Й. История Власовской армии / пер. с нем. Е. Гессен. Paris, 1990.
5. Hoffmann J. Die Tragödie der “Russischen Befreiungsarmee” 1944/45: Wlassow gegen Stalin. München, 2003; рус. изд.: Гофман, И. «Русская освободительная армия» против Сталина / пер. с нем. В.Ф. Диндорфа. М., 2014.
6. Krause W.H. Kosaken und Wehrmacht: der Freiheitskampf eines Volkes. Graz; Stuttgart, 2003.
7. Krause W.H. Verschmähte Waffenbrüder: die Tragödie der Ostvölker; aus dem Nachlass des deutschen Militärattachés und General der Ostfreiwilligen General Ernst Köstring. Stegen am Ammersee, 2010.
8. Karmann R. Der Freiheitskampf der Kosaken: die Weisse Armee in der Russischen Revolution, 1917–1920. Puchheim, 1985.
9. Berthold Seewald. Wie die wilden Kosaken zu Russlands Idolen wurden // Welt. URL: <https://www.welt.de/geschichte/article114131042/Wie-die-wilden-Kosaken-zu-Russlands-Idolen-wurden.html> (дата обращения: 27.02.2020).
10. Wilding A. Die Kosaken im oberen Drautal und ihre Auslieferung an die Sowjetunion 1945. Klagenfurt; Ljubljana; Wien, 1999.
11. Karner S. Zur Auslieferung der Kosaken und Vlasov-Kämpfer an die UdSSR (2010). S. 163–168 // Karner S. Krieg – Folgen – Forschung: Politische, wirtschaftliche und soziale Transformationen im 20. Jahrhundert. Wien; Köln; Weimar, 2018.
12. Karner S. Zur Auslieferung der Kosaken an die Sowjets 1945 in Judenburg // Johann Andritsch (Hg.). Judenburg 1945 in Augenzeugenberichten. Judenburger Museumsschriften XII. Judenburg, 1994. S. 243–260.
13. Flucht in die Hoffnungslosigkeit: Die Kosaken in Osttirol / Harald Stadler, Martin Kofler, Karl Christoph Berger. Innsbruck; Wien; Bozen, 2005.
14. Die Kosaken im Ersten und Zweiten Weltkrieg / Harald Stadler, Rolf Steininger, Karl Christoph Berger. Innsbruck, 2008.
15. Eltz, Erwein, Graf zu. Mit den Kosaken: Tagebuch, Erinnerungen und Gedanken des Erwein Karl Graf zu Eltz 1943-1946 / Erwein K. Graf zu Eltz (Hrsg.) [Eltz, Erwein H. (Mitwirkender)]. 1. Aufl. Bayreuth, 2014.

А.В. Дюкарев, И.А. Дюкарева

**КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И/ИЛИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОППОЗИЦИЯ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ:
К ПОСТАНОВКЕ НАУЧНО-ЭТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ**

Великая Отечественная война явилась серьезным и тяжелым испытанием для советского общества и государственности. Она принесла неизмеримые страдания и горе. Людские потери составили 26,6 млн человек, а ущерб национальному имуществу СССР – 2235,3 млрд рублей [1]. Мобилизовав все материальные ресурсы и волю народа, Советский Союз смог одержать победу в этой самой тяжелой в своей истории войне.

Казачье население Ростовской области, Краснодарского края, северокавказских республик также встало на защиту своей страны, как вливаясь в воинские части Красной армии, так и образуя отдельные казачьи формирования по территориальному признаку. Однако наряду с героизмом и стремлением отстоять свою страну от внешнего врага, в годы Великой Отечественной войны широко проявился феномен коллаборационизма, затронувший и территории проживания казачьего населения.

В отечественной историографии имеются различные точки зрения на степень вовлеченности казачества в коллаборационистское движение в годы Великой Отечественной войны. В своем диссертационном исследовании О.В. Ратушняк приводит данные, свидетельствующие о том, что к маю 1945 г., по сведениям Главного управления казачьих войск, за границей находилось более 100 тыс. казаков, из которых бывшие советские граждане составляли около 75 тыс. человек [2]. Ранее, рассматривая проблему нахождения казачьих частей в составе вермахта и СС, Е.Ф. Кринко пришел к выводу, что общая численность казачьих коллаборантов, воевавших на стороне Германии в годы Великой Отечественной войны, составляет 70–80 тыс. человек [3].

При этом следует отметить, что и в исторической науке, и в общественном сознании со времен советской эпохи сохраняется стереотип обозначения и восприятия в качестве казачьих коллаборационистов как граждан СССР, перешедших на службу Германии, так и представителей казачьей эмиграции, решивших продолжить борьбу с советской

властью. Совершенно очевидно, что на современном этапе, следуя логике научной объективности, необходимо внести ясность в терминологию и понимание данной проблемы.

«Коллаборационизм (франц. collaboration – сотрудничество), добровольное сотрудничество граждан оккупированной страны с противником во вред своему государству в ходе войны или вооруженного конфликта...» [4]. Опираясь на это определение, к коллаборационистам мы можем отнести тех казаков, кто сдался в плен в ходе военных действий и добровольно вступил в военные формирования вермахта и СС, а также ту часть казачества Юга России, которая, находясь на оккупированной территории, поступила на службу в военные, полицейские и административные структуры Германии.

В то же время, как отмечает О.В. Рагушняк, большинство казаков-эмигрантов выступили в поддержку наступления германской армии на СССР, их лидеры заявили об этом практически с первых же дней войны, а некоторые казаки рвались принять участие в войне против Советского Союза [5]. Однако к ним нельзя применить термин «коллаборационисты». Выдворенные с территории страны, не являясь юридически гражданами СССР, они не могли его и предать. Наоборот, они открыто считали себя и СССР врагами. В подтверждение этого можно привести выводы С.И. Дробязко: «...для многих бывших офицеров и солдат белых армий, находившихся в эмиграции, или уцелевших в СССР участников антибольшевистских формирований Гражданская война не закончилась в 1920–22 годов (так в цитируемой работе. – А. Д., И. Д.), как не закончилась она и в глазах советского режима в отношении названных групп лиц» [6].

В то же время неуместно в условиях трансформации российского общества, смены общественно-политического формата российского государства употреблять терминологию советской эпохи («предатель», «пособник»), несущую ярко выраженный политизированный и эмоциональный посыл. Поэтому для описания участия казачьей эмиграции в Великой Отечественной войне на стороне Германии более точным и объективным будет термин «военно-политическая оппозиция». Казачья эмиграция находилась в оппозиции к советской власти, она была открыто и откровенно враждебна к ней и хотела ее свергнуть, что и толкнуло ее воевать на стороне Германии.

Но, помимо юридических аспектов участия казачьей эмиграции в Великой Отечественной войне, имеются и этические. Казаки, ушедшие в эмиграцию, а затем взявшие оружие из рук Германии, предать советский режим не могли по объективным причинам. Но, повернув это оружие против своего народа, они преступали морально-этические принципы, в первую очередь самого казачества. Противоречие между юридическими и моральными законами в отношении казачества в период Великой Отечественной войны рассматривалось на примере Войскового атамана Кубанского казачьего войска в зарубежье В.Г. Науменко [7]. Очевидно, что эта дилемма противостояния формально-юридических доводов и морально-этических принципов относится ко всей казачьей эмиграции.

Таким образом, можно резюмировать, что термин «коллаборационист» применим к представителям казачества Юга России, воевавшим на стороне Германии в период Великой Отечественной войны, – лишь к тем, кто являлся гражданином СССР. К представителям казачьей эмиграции применять термин «коллаборационист» не объективно, целесообразно оперировать термином «военно-политическая оппозиция». При этом, невзирая на терминологию, обе категории казачества Юга России, принимавшие участие в Великой Отечественной войне на стороне нацистской Германии, с юридической точки зрения подлежат уголовному наказанию в случае наличия военных преступлений и моральному осуждению безотносительно причин, побудивших их к соотрудничеству с Германией.

Примечания

1. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 268, 282.
2. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): дис... д-ра ист. наук. Краснодар, 2018. С. 318.
3. Кринко Е.Ф. В составе вермахта и СС: коллаборационистские казачьи части // Исторические и политологические исследования. 2013. № 4 (54). С. 268.

4. Коллаборационизм // Большая российская энциклопедия. URL: https://www.bigenc.ru/military_science/text/2080679 (дата обращения: 11.04.2020).

5. Ратушняк О.В. Указ. соч. С. 276–277.

6. Дробязко С.И. Русский коллаборационизм 1941–1945 гг. как рецидив Гражданской войны // Страницы истории Второй мировой войны. Коллаборационизм: причины и последствия. Мат-лы науч. конф. (Москва, 29 апреля 2010 г.). М., 2010. С. 71.

7. Дюкарев А.В. Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани (на материалах родословной атамана В.Г. Науменко). Ростов н/Д., 2018. С. 158–165.

В.Н. Якунин

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ

Из опубликованных источников особенно интересны документы Московской патриархии, так как они дают представление обо всех направлениях деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в военные годы, ее внутреннем положении и международной деятельности, проводившихся в военные годы Архиерейских и Поместном соборах, а также ущербе, нанесенном Православной церкви захватчиками. Документы Московской патриархии публиковались как в специальных сборниках, так и в «Журнале Московской патриархии», в советских периодических изданиях.

Издание «Журнал Московской патриархии» с октября 1943 г. являлось подтверждением расширения возможностей РПЦ в деле пропаганды своих взглядов и идей. На его страницах Церковь постоянно обращалась к исторической теме, пытаясь восстановить связь времен. «Журнал Московской патриархии» затрагивал и проблемы русской культуры, исконные черты которой веками закрепляло православие. Однако при анализе публикаций «Журнала Московской патриархии» необходимо учитывать положение РПЦ и позицию ее руководства в период сталинского режима. Стремление Московской патриархии «лакировать» отношения с советским правительством отразилось на содержании опубликованного материала.

То же самое можно сказать о других изданиях Московской патриархии: книге «Правда о религии в России» и сборнике церковных документов «РПЦ и Великая Отечественная война», где наиболее полно представлены проповеди и патриотические послания православного духовенства, указы и определения Московской патриархии, заявления и обращения мирян с мест.

В книге «Правда о религии в России» приводятся данные о более чем 70 храмах, церквях и монастырях, разрушенных, поврежденных и разграбленных фашистами в Московской, Тульской, Калининской и Смоленской областях. В сообщениях из населенных пунктов, где бывал враг, говорится об убийствах, избиениях священнослужителей и верующих. Однако то, что было зафиксировано в книге, составляло лишь незначительную часть бесчинств, совершенных на советской земле оккупантами [1].

Выпуск государственными типографиями листовок с патриотическими обращениями иерархов Церкви, распространяемых в тылу врага и на освобожденной от него территории, свидетельствовал о признании государством действительности пастырского слова в тот период [2].

Особый интерес представляют для нас выступления патриархов Сергия (Страгородского) и Алексия (Симанского), а также митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича). Их проповеди, речи и обращения регулярно печатались в «Журнале Московской патриархии», газетах «Правда» и «Известия», в изданиях Московской патриархии и являлись практическим руководством для священнослужителей на местах.

Опубликованная делопроизводственная документация Московской патриархии свидетельствует и удостоверяет факты, события, права, компетенцию, полномочия, подтверждает и доказывает их. Однако документы почти не освещают сам процесс деятельности. Они чаще указывают на ее необходимость или результаты, но меньше говорят о мотивах, различных нюансах и других субъективных моментах.

Указы Московской патриархии позволяют судить о героизме конкретных представителей РПЦ [3]. Церковно-судебные определения дают информацию, какие меры воздействия предпринимались РПЦ в отношении священнослужителей, перешедших на службу

к оккупантам [4]. Доклады иерархов Церкви и ее клира показывают, как оценивали свои действия в годы Отечественной войны сами представители православного духовенства, а также содержат информацию об основных направлениях их деятельности.

Отчетная документация (отчеты о проделанной работе, обзоры, сводки, донесения), содержащаяся в письмах священников и мирян в Московскую патриархию с мест, свидетельствует о разнообразных формах, в которые вылилось всенародное движение против захватчиков.

В распорядительной документации: решениях, резолюциях, приказах, инструкциях, распоряжениях, поручениях, предписаниях и наказах, – отражена широта и искренность патриотической деятельности Православной церкви в период войны. Эти документы служили директивными указаниями священнослужителям и проникнуты призывом к верующим выполнять свой долг – защищать Родину от врагов.

Телеграммы руководителей и представителей православных и других христианских церквей говорят об их солидарности с воюющим СССР [5].

Спецификой делопроизводственной документации как вида источника является ее объективно-функциональный характер. Однако это не значит, что объективность сама по себе вытекает из официального характера документов. Поэтому их информацию нужно дополнять данными из других источников.

О патриотической позиции Церкви во время войны свидетельствуют послания Московской патриархии, направленные за рубеж. В них звучат уже и политические мотивы. Здесь Церковь выступала как проводник влияния Советского государства.

Еще один пласт опубликованных источников – публичные выступления советского руководства по проблемам положения религии, верующих и Церкви в СССР, в особенности И.В. Сталина и М.И. Калинина.

В работе с материалами центральной и местной периодической печати 1941–1945 гг. необходим критический подход, применение метода синхронного сопоставления с документальным материалом архивных фондов. Телеграммы, письма, заявления священнослужителей, опубликованные в центральных и местных органах массовой

информации, должны были подтверждать единство советского народа в борьбе с агрессором, к которому призывали как государственные, так и церковные деятели страны [6]. Представляют интерес опубликованные в прессе ответы И.В. Сталина на телеграммы и письма православных священнослужителей и мирян, в которых те сообщали о своих взносах в Фонд обороны страны и на патриотические цели. Практически ни одно послание верующих не оставалось без ответа с благодарностью И.В. Сталина.

Об интересе к патриотической деятельности Православной церкви в годы войны и к изменению государственно-церковных отношений со стороны стран – участниц антигитлеровской коалиции свидетельствуют переопубликованные со страниц центральных советских газет письма и телеграммы иерархов Церкви, адресованные И.В. Сталину, а также их многочисленные интервью и публикации по этой проблеме в газете “New York Times” и других средствах массовой информации зарубежья [7].

М.И. Одинцов и М.В. Шкаровский опубликовали многие архивные документы периода Великой Отечественной войны. М.И. Одинцов использовал, как правило, материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) [8]. Ряд подборок архивных материалов по истории Ленинградской епархии в годы войны и церковной политики нацистской Германии на оккупированных территориях СССР опубликовал М.В. Шкаровский [9].

Интерес представляют и нарративные источники различного характера (мемуары, дневники, автобиографии, письма и т.д.), позволяющие сопоставить с ними, откорректировать, дополнить соответствующие архивные материалы. К сожалению, подобных публикаций пока вышло немного и при использовании необходимо учитывать их субъективный характер.

Мемуарная литература о положении и деятельности Православной церкви в годы Великой Отечественной войны представлена несколькими группами.

Во-первых, это воспоминания ветеранов войны – советских солдат и офицеров, бывших свидетелями или участниками описываемых ими событий. Среди них книга П.К. Раины целиком посвящена участию

православного духовенства Белоруссии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Автор – партизан – сообщает неизвестные ранее сведения. В работе П.К. Раины содержатся свидетельства участников партизанского движения об активной помощи им православного духовенства, в том числе и тех, кого было принято считать пособниками оккупантов [10]. В других работах авторы лишь упоминают о патриотической деятельности РПЦ. Однако даже в той части военно-документальной литературы, где в первых изданиях упоминались имена священнослужителей, принимавших участие в партизанском движении, из последующих изданий их изъяли. Так, в книге И. Шубитыдзе «Полесские были» 1969 г. они есть, а в издании 1974 г. – отсутствуют [11]. В воспоминаниях английского журналиста А. Верта высоко оценивается роль Церкви в сохранении национального самосознания на оккупированных территориях [12].

Во-вторых, воспоминания участников войны, немецких солдат и офицеров, появившихся в послевоенные годы. Они касаются в основном религиозной жизни на оккупированных территориях и характеризуются разнородностью и противоречивостью. Эти свидетельства имеют несомненную ценность как впечатления очевидцев. Не характеристика религиозной жизни народа была главной темой немецких воспоминаний, поэтому можно предполагать, что о положении религии в России авторы писали искренне. Не раз в воспоминаниях немецких солдат и офицеров встречаются описания и просто упоминания о русских церквях и иконах. Из их сообщений становится ясным также количественное соотношение между закрытыми и разрушенными церквями и такими, которые продолжали служить своему назначению [13]. Иконы в домах, как явный признак неугасимой веры, производили на очевидцев сильное впечатление. Они заметили, что в горестях своих и страданиях русские люди обращаются к Богу и что в страшные минуты, когда горят их дома, они выносят из пламени иконы и детей [14]. Доказательством сохранившейся религиозности у значительной части населения в России являются свидетельства о том, с какой радостью принимали участие жители оккупированных областей в богослужениях, совершаемых немецкими военными священниками и, конечно, православными русскими священниками в церквях, вновь открытых немецкими властями. Не могло остаться незамеченным

от наблюдателей и то, что русские приходили на богослужения целыми семьями, некоторые плакали от радости в течение всей службы. В открытых церквах постоянно совершались обряды крещения и венчания [15]. Изучая мемуары немецких солдат и офицеров, можно сделать вывод, что они нашли религию в России изгоняемой и в большей степени изгнанной, но те отдельные примеры живой веры, которые обратили на себя их внимание, поразили их своей глубиной и подлинностью. Воспоминания Г. Пикера, стенографировавшего в 1941–1942 гг. в ставке германского верховного командования разговоры А. Гитлера, позволяют прояснить принципы, которыми руководствовался вождь нацистской Германии в своем отношении к религии и Церкви, в том числе на оккупированных территориях [16].

В-третьих, мемуары церковных деятелей и о церковных деятелях. Их особенность состоит в том, что многие авторы некритично, с излишним пафосом относятся к поступкам и действиям своего священноначалия. Это касается книги мемуаров «Патриарх Сергий и его духовное наследство», воспоминаний священнослужителей и мирян, опубликованных в «Журнале Московской патриархии». Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского) дают представление о патриотических настроениях в эмигрантских кругах, о гордости наших соотечественников за победоносную Родину, связь с которой для большинства из них была возможна лишь через церковные каналы. Воспоминания митрополита Евлогия – это не просто мемуары, а обобщение известных митрополиту фактов и документов, выражение определенного взгляда на события [17].

В 1960 г. в США увидела свет книга архиепископа Иоанна (Шаховского) «Письма о вечном и временном». Глава этой книги «Город в огне» представляет собой результат осмысления архиепископом Иоанном событий вокруг русской православной общины в Германии в период пребывания у власти нацистов, активным участником и свидетелем которых он был, будучи в то время архимандритом и возглавляя германскую общину евлогийцев в 1932–1945 гг. В 1992 г. эта глава была опубликована в России в книге архиепископа Иоанна «Избранное». Архиепископ Иоанн приводит подробности о поддержке и помощи, оказанных духовенством и прихожанами русской православной общины в Германии восточным рабочим и советским военнопленным,

о своей позиции в связи с преследованием евреев, которая стала одной из причин враждебного отношения к нему гестапо и тех представителей русской эмиграции, которые разделяли идеологические установки режима. Архиепископ подчёркивает, что «война смягчила атмосферу наших юрисдикционных расхождений» [18].

Воспоминая митрополита Вениамина (Федченкова), бывшего экзархом Московской патриархии в США, проливают свет на сложные взаимоотношения РПЦ и православных эмигрантских приходов в Северной Америке, отделившихся от Московской патриархии. В них говорится о неудачах и препятствиях на пути воссоединения раскольников с Матерью-Церковью, о позиции, занятой церковными деятелями Америки различных юрисдикций по отношению к СССР, РПЦ и войне с фашизмом [19].

Интерес представляют воспоминания о последнем начальнике Русской духовной миссии в Китае архиепископе Викторе, принявшем после войны советское гражданство и воссоединившемся с Московской патриархией [20].

В-четвертых, мемуары руководителей стран – участниц антигитлеровской коалиции: премьер-министра Великобритании У. Черчилля, государственного секретаря США К. Хэлла и других. Они позволяют раскрыть роль внешнего фактора в изменении государственно-церковных отношений в СССР [21].

Положения, которыми руководствовались фашисты на оккупированных территориях СССР по отношению к религии и Церкви, содержатся в относительно немногочисленных документах как гитлеровского политического руководства, так и немецкого военного командования, опубликованных в материалах Нюрнбергского процесса, материалах судебного процесса по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Прибалтике и появившихся в последнее время публикациях в периодической печати.

Одним из первых подобных документов следует считать инструкцию командования для немецких солдат под названием «12 заповедей поведения немцев на востоке и их обращения с русскими», изданную 1 июня 1941 г. Сущность религиозного вопроса была изложена в 10-й заповеди: «Мы не несём русским никакой новой религии. По своей натуре русский религиозен и суеверен, с этим вы должны

считаться. Однако разрешение религиозных вопросов не входит в круг ваших задач» [22]. В материалах Нюрнбергского процесса опубликованы сведения об ущербе, нанесённом фашистскими захватчиками РПЦ, разграблении и осквернении ими наших религиозных и национальных святынь [23].

В опубликованных материалах судебного процесса по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Прибалтике имеются свидетельства, подтверждающие прямое участие фашистских спецслужб в убийстве митрополита Сергия (Воскресенского) [24].

Рассматривая отдельно взятые исторические источники, надо учитывать, что все они сами по себе в той или иной степени субъективны, подвержены влиянию времени, места, соответствующей исторической обстановки. Только в результате комплексного изучения источникового материала историк может добиться максимальной объективности своего исследования.

Примечания

1. Правда о религии в России. М., 1942. С. 307–449.
2. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 3. Л. 9–10, 19.
3. Правда о религии в России. С. 112–113.
4. Там же. С. 141–142.
5. Журнал Московской патриархии. 1943–1945.
6. Правда. 1941–1945; Известия. 1941–1945.
7. New York Times. 1941–1945; Soviet War News. 1941–1945; New York Herald Tribune. 1941–1945.
8. Одинцов М.И. «РПЦ стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам РПЦ при Совете Народных Комиссаров СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину. 1943–1946 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 139–148. № 4. С. 90–112; Он же. Униаты и советская власть (встреча в Москве. Декабрь 1944 г.) // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 56–71; Он же. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995; Он же. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 37–67; Он же. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) // Отечественные

архивы. 1995. № 3. С. 41–70; Он же. Третий рейх: власть и религия. «Заявление» бывшего начальника отдела IV управления РСХА К. Нейгауза // Исторический архив. 1998. № 1. С. 87–104.

9. Шкарковский М.В. В огне войны. РПЦ в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 259–316; Он же. «О поддержке Православной церкви не может быть и речи» // Историк. 2001. № 6. С. 74–96.

10. Раина П. К. За Веру и Отечество: очерки. Л., 1990.

11. Шубитыдзе И.Г. Полесские были. Минск, 1969.

12. Верт А. Россия в войне 1941–1945 гг. М., 1967.

13. Guderian H. Erinnerungeneines Soldaten. Heidelberg, 1951; Franz P.I. Licht im Osten: Erlebnisberichtmeiner Russischen Gefangenschaft. Eichstaett, 1952; Hohoff C. Woina, Woina: Russisches Tagebuch. Duesseldorf – Koeln, 1952; Kuehner O.H. Nikolskoje. Muenchen, 1953; Pabst H. Der Ruf der aussersten Grenze. Tuebingen, 1953; Fretter-Pico M. Misbrauchte Infanterie. Frankfurt-am-Main, 1957; Hamm J.A. Als Priester in Rusland. Trier, 1960.

14. Kuehner O.H. Nikolskoje. Muenchen, 1953; Pabst H. Der Ruf der aussersten Grenze. Tuebingen, 1953.

15. Fretter-Pico M. Misbrauchte Infanterie. Frankfurt-am-Main, 1957.

16. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / пер. с нем. И.В. Розанова. Смоленск, 1993.

17. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994.

18. Иоанн, архиепископ Сан-Францисский. Избранное. Петро- заводск, 1992. С. 359–382.

19. Федченков Вениамин, митрополит. Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 5–139.

20. Кепинг О.В. Последний начальник РДМ в Китае – архиепископ Виктор: жизненный путь // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Русской духовной миссии в Китае. СПб, 1993. С. 91–99; Тихвинский С.Л. Начальник 20-й Миссии – владыка Виктор (воспоминания генерального консула СССР в Пекине) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Русской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 84–91.

21. Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990.

22. Нюрнбергский процесс. Т. 2. М., 1966. С. 162.

23. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Т. 4. Рига, 1946. С. 472–478.

24. Там же.

А.В. Бабич, С.В. Самовтор

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПЕРИОДА
ОККУПАЦИИ КРАЯ ГИТЛЕРОВЦАМИ ВО ВРЕМЯ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.**

В Государственном архиве Краснодарского края хранятся документы, отражающие трагические события гитлеровской оккупации Кубани, которая продолжалась с 20 июля 1942 г. (началась с оккупации Кущевского района) по 9 октября 1943 г. (закончилась освобождением Темрюкского района) [1]. Эти материалы, представляют ценный источник по изучению периода оккупации Краснодарского края гитлеровцами. Условно их можно разделить на две группы: документы, составленные в советских учреждениях, и документы оккупационных властей.

Знакомство с материалами первой группы начнем с характеристики архивного фонда «Краснодарская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками». Комиссия была образована в 1943 г. для установления и расследования злодеяний и ущерба, нанесенного врагом государственным, сельскохозяйственным, кооперативным организациям и гражданам на территории края. В составе фонда отложились акты о преступлениях, совершенных гитлеровцами на территории Краснодарского края в период оккупации в 1942–1943 гг., акты по учету материального ущерба, нанесенного оккупантами жителям и предприятиям края, списки советских граждан, насильственно

вывезенных в Германию и страны Восточной Европы, а также их письма, списки гитлеровских палачей и их сообщников, виновных в совершении злодеяний над мирными гражданами, брошюра «Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории г. Краснодара и Краснодарского края 14–17 июля 1945 г.» (известно, что в процессе участвовал советский писатель Алексей Толстой) и другие документы [2].

Особенно потрясает жестокая расправа нацистов, совершенная ими в октябре 1942 г. над беззащитными воспитанниками детского дома в Ейске, среди которых находились также дети эвакуированного детского дома Симферополя. В документах фонда собраны подробные сведения о детях, которых в количестве 214 человек вывезли за город и живыми закопали в землю. В тексте акта от 15 апреля 1943 г. приводятся следующие данные: «...9 октября 1942 г. в 6 часов вечера к корпусу по улице Щербиновской, где находились дети эвакуированного Симферопольского детского дома, подъехали две крытых грузовых машины, а к корпусу, находящемуся по улице Буденного, подъехала одна крытая машина. В эти машины начали сажать детей, причем, если кто-то пытался бежать или сопротивлялся, бросали в машины силой. Когда дети и сотрудники детдома спрашивали: “Куда вы нас везете?”, им отвечали: “В Краснодар, на лечение”. Другим говорили: “В банк”, третьим: “Грузить семечки”. Так как вечером 9 октября немецкие убийцы не сумели вывезти всех детей, то утром 10 октября они довершили начатое дело.

В 9 часов утра к корпусу по улице Щербиновской подъехала одна крытая машина, на которую посадили еще 13 мальчиков и 20 девочек, скрывшихся 9 октября вечером. К корпусу по улице Буденного подъехали грузовые машины, забрали остальных мальчиков и девочек, а также 32 тяжело больных ребят <...> Всех их немецкие бандиты вывезли в район Южных садов и учинили над ними невиданную в истории цивилизованных народов расправу – закопали их живыми. Когда была разрыта могила, страшная картина предстала перед нашими глазами. Все дети лежали беспорядочно; многие, прощаясь, обняли друг друга; некоторые мальчики и девочки держали в руках свои костыли. При тщательном осмотре нами не было обнаружено на теле каких-либо следов огнестрельных ран или увечий; все кости

череп были целы. Всё это еще раз подчеркивает, что дети были закопаны живыми...» [3].

В составе этого фонда также имеется акт о злодеяниях гитлеровцев в Мостовском районе Краснодарского края. В нем содержатся данные о событиях 13 ноября 1942 г., когда гитлеровцами на территории рабочего поселка Михезеева Поляна было расстреляно 207 человек. В тот день «по приказу военного коменданта лейтенанта Гофмана Густава... немецкие солдаты и офицеры, окружив поселок, приказали всем гражданам выйти из домов вместе с детьми на поляну. Когда вышли последние, немецкие солдаты разбили всех на семь групп. Мужчин собрали в одну группу и приказали им рыть яму. И когда она была вырыта, немцы из пулеметов и автоматов расстреляли мужчин и детей. Раненых достреливали из пистолетов, кололи штыками. Трупы расстрелянных было запрещено зарывать в течение недели. Во время расстрела второй группы у Анны Мамонтовой начались преждевременные роды.

Всего в рабочем поселке Михезеева Поляна было расстреляно 207 человек, в том числе 29 граждан, эвакуированных из Ленинграда, фамилии которых установить не удалось. Среди расстрелянных 20 мужчин, 72 женщины, 115 детей. Рабочий поселок был полностью сожжен. После освобождения района на Михезеевой Поляне обнаружено семь общих могил...» [4].

В актах о злодеяниях, совершенных оккупантами, есть документ о превращении православной церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы ст. Воронежской Усть-Лабинского района в место принудительного содержания советских военнопленных, которых 30 января 1943 г. в количестве 940 человек заперли в каменном здании и практически обрекли на медленную и мучительную смерть от голода, холода и побоев [5].

Как известно, гитлеровцы уничтожали и инвалидов, и людей, пораженных психическими заболеваниями. Так, в документах содержатся сведения о том, что 14 августа 1942 г. из психиатрической больницы Краснодара вывезли группу душевнобольных, погрузив их в автомобиль-душегубку. Такой автомобиль представлял собой 6–7-тонный грузовик с дизельным двигателем, внутри обитый железом и снабженный герметично закрывающейся дверью. По специ-

альной трубе через решетку в полу в кузов поступали отработанные газы, содержащие окись углерода высокой концентрации. При посадке в машину загружалось до 80 человек, которых предварительно раздевали. Трупы зарывали в противотанковом рву в районе завода измерительных приборов (ЗИП) [6].

В составе архивного фонда «Коллекция документов по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» содержатся:

- воспоминания, дневники, личные документы фронтовиков, документы о наградах, Юбилейные и Почетные грамоты, статьи из периодической печати военного времени;

- воспоминания учащихся средних школ г. Краснодара о зверствах немецких оккупантов на Кубани в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.;

- отчеты, донесения, сводки о боевых действиях на территории края и за его пределами, в том числе сведения о 339-й Таманской стрелковой дивизии, 11-м гвардейском стрелковом корпусе, 17-м Кубанском казачьем корпусе, 4-м гвардейском Кубанском казачьем кавалерийском корпусе. Воспоминания участников 20-й горно-стрелковой дивизии;

- письма, воспоминания участников партизанского движения на территории края, сведения о легендарной семье Степановых, сборник документов «Письма с фронта», наградные листы кубанцев – участников штурма Берлина;

- очерки о Героях Советского Союза и кавалерах трех орденов Славы – уроженцах Кубани. Документы о праздновании юбилейных дат Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [7].

Среди указанных материалов можно отметить ряд документов, которые содержат сведения об организации сопротивления оккупантам на территории Краснодарского края. Это листовки-обращения, составленные Краснодарским крайисполкомом и краевым комитетом ВКП(б) и штабом Апшеронского партизанского отряда, воспоминания партизан Гавриила Алексеевича Яроша и Степана Ивановича Завершинского, а также сочинения учащихся средних школ Краснодара, в которых отражены события периода оккупации города и его освобождения войсками Красной армии 12 февраля 1943 г. и воспоминания детей, находившихся во время немецко-фашистской оккупации в станицах края (звукозапись детского

городского конкурса «Эхо победы в наших сердцах» к 50-летию Великой Победы) за 1945–1995 гг. [8].

Документы, составленные учреждениями гитлеровской администрации, хранятся в разных фондах. Среди них можно отметить архивный фонд Р-498 «Ейская городская и районная управы». Ейская городская и районные управы были созданы в августе 1942 г. немецкими оккупационными властями и прекратили свою деятельность в феврале 1943 г., после освобождения района от гитлеровцев. В составе фонда хранится 19 дел. В основном это приказы шефа Ейского района и президента городской управы, бургомистра города Ейска о деятельности, копии удостоверений, выданных управой, оборотно-сальдовый баланс транспортного отдела, переписка с немецкой комендатурой г. Ейска, начальником германского военного строительного отдела, различными учреждениями по организационным и хозяйственным вопросам, а также реестры дел управы.

Приказы, отложившиеся в составе фонда, свидетельствуют о намерении германских властей утвердить с помощью коллаборационистов на оккупированной гитлеровцами территории края «новый порядок». Те, кто противостоял этому, подлежали физическому уничтожению. Так, в приказе шефа Ейского района и президента городской управы № 7 от 13 августа 1942 г. всем жителям Ейска и Ейского района предписывалось немедленно сдать все имущество, полученное на хранение от советских властей. Виновным в сокрытии указанного имущества угрожала смертная казнь [9]. В соответствии с приказом бургомистра Ейска от 9 октября 1942 г. с 5 до 19 часов в городе вводился комендантский час [10].

Приказом начальника Ейской городской управы от 6 октября 1942 г. колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям запрещалось реализовывать свою продукцию на рынке. Вся сельскохозяйственная продукция в централизованном порядке должна была поступать в торговый отдел по оптово-отпускным ценам и затем реализовываться населению по установленным германскими властями розничным ценам. Исполнение приказа возлагалось на старост, полицию и отдел заготовок и торговли [11].

Приказом начальника Ейской городской управы от 27 ноября 1942 г. колхозы преобразовывались в хозяйства с присвоением им

порядковых номеров. При этом прежние названия колхозов упразднены. Так, колхоз «Новый Путь» в с. Воронцовка получил название хозяйство № 1, колхоз «КИМ» в с. Кухаривка – хозяйство № 2; колхоз «1-я Пятилетка» в пригороде Ейска – хозяйство № 3, колхоз «Большевикская Весна» в хут. Широчанском – хозяйство № 4, колхоз «Вперед» в с. Александровка – хозяйство № 5 и т.д. [12]. Приказом начальника Ейской городской управы от 24 декабря 1942 г. с 1 января 1942 г. в Ейском районе вводилась платное медицинское обслуживание [13].

Немалый интерес представляет газета «Кубань» как главный орган нацистской пропаганды на Кубани. Первый номер газеты вышел 26 сентября 1942 г. под девизом: «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь в борьбе против большевизма!». Всего был выпущен 41 номер. Газета пропагандировала «заботу» германских властей о кубанцах. Так, в заметке «Подарок германского командования» сообщалось: «К Рождественским праздникам командование германской армии подарило работающему населению города Краснодара 1200 кг соли. Подарок принят городской управой». Газета также сообщала об эшелонах с «добровольцами», отправляемыми на работы в Германию. Редактором газеты был назначен обрусевший немец Виктор Нордель (Тумко). В состав редакции газеты входили преподаватели Краснодарского педагогического института Н.А. Яблонский, Ю.И. Иванов, Я.С. Коблов, А.Е. Бескровный, В.К. Очерет и др. В редакции существовали следующие отделы: местной жизни, военно-политический, религиозный, художественной литературы и искусства, украинский. Руководство газетой осуществляла зондеркоманда 10А (общий инструктаж сотрудников газеты и тщательную цензуру). В. Нордель пытался организовать «общественный центр» и филиал нацистской партии, однако скомпрометировал себя финансовыми махинациями и был казнен немцами в «душегубке». Вместо него редактором стал профессор Н.А. Яблоновский, а после его отъезда в Одессу – бывший редактор краевого радиовещания Б.А. Глазырин [14].

В первом номере газеты (26 сентября 1942 г.) было опубликовано выступление бургомистра г. Краснодара С.Н. Ляшевского, в котором он благодарил за оказанное доверие, вспоминал кровь замученных в застенках НКВД и отмечал, что «В нашем мире понятие благородства и чести будет поставлено так же высоко, как в былое время»

[15]. В 6 номере газеты приветствовалась «первая кубанская сотня, составленная из добровольцев, желающих служить в Германской армии». В статье отмечалось, что «Великая Германия, руководимая гением Адольфа Гитлера, строит новую Европу... Истинно русские люди твердо верят, что германский народ построит этот новый и счастливый мир», поэтому «кубанские казаки, сражаясь плечом к плечу с доблестными германскими солдатами, шашками должны добыть свои казачьи вольности» [16]. В 7 номере кубанцев призывали вступать в ряды добровольческой армии, дабы, «воюя вместе с союзниками немцев за светлое будущее», освободить Россию от «жидо-большевизма». При этом те русские люди, которые тайно помогали красным или же соблюдали нейтралитет, объявлялись врагами и с ними призывали «беспощадно бороться» [17]. В 8 номере, помимо реляций о многочисленных победах германского оружия, сообщалось об учреждении особых знаков отличия для лиц в освобожденных восточных землях. Знаки отличия изготавливались из золота, бронзы и серебра, разделялись на знаки первого и второго класса и выдавались «за проявление особой храбрости или за чрезвычайные гражданские заслуги» [18].

В 21 номере германское верховное командование призывало кубанцев присоединиться «к великому фронту трудящихся, создающих новое будущее», для этого предлагалось взять с собой «ложку, нож, вилку, миску для еды, зимнюю одежду и обувь». Уехавшим в Германию гитлеровская пропаганда обещала соответствующую заработную плату и снабжение в «достаточной мере» продовольствием [19]. Чем в действительности обернулась насильственная депортация советских граждан в Германию и другие страны Европы, мы узнали из свидетельств самих депортированных, которые в действительности использовались на тяжелых, малоквалифицированных работах, голодали и гибли от истощения.

В 26 номере германская пропаганда торжественно сообщала об уничтожении «рабского колхозного строя». При этом отмечалось, что «новый земельный порядок является первым шагом для окончательного и совершенного преодоления враждебных крестьянству законов о колхозах», он непременно улучшит продовольственное снабжение города и что после его установления на «освобожденной

от большевизма земле смогут вновь жить свободные и счастливые люди» [20].

В заключении приведем выявленные краевой комиссией данные по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории Краснодарского края, которые отражены в архивных документах. В период временной оккупации гитлеровцами Краснодарского края германским командованием издавались приказы по уничтожению советских граждан: женщин, стариков, детей и военнопленных. Расследованием установлены различные факты уничтожения: расстрелы, повешение, отравление газом в «душегубках». Кроме того, граждане и военнопленные подвергались систематическим пыткам и издевательствам. Гитлеровцы убили и замучили в крае 52 518 мирных граждан, 9022 военнопленных, 31 771 человек был угнан в немецкое рабство. Всего было представлено 43 692 акта на сумму ущерба 11 473 561 руб., в том числе 2085 актов по колхозам на сумму 7 324 135 руб., 2298 актов от учреждений культуры, искусства и здравоохранения на 494 009 руб., 1429 актов от государственных предприятий и учреждений на 1 001 988 руб., 37 880 актов об ущербе, причиненном гражданам, на сумму 2 653 429 руб. Краевой комиссией установлено, что немецко-фашистские захватчики и их сообщники уничтожили и разрушили 10 648 жилых домов общим объемом 4 616 201 кубический метр, 21 специальное здание электростанций и подстанций, 6442 промышленно-производственных здания, 90 магазинов, 1640 прочих построек хозяйственного значения, 6767 животноводческих построек.

Оккупанты отобрали у колхозов, предприятий и учреждений 394 698 тонн зерна, 40 136 тонн картофеля, 29 542 тонны овощей, 234 439 тонн сена, 299 263 головы крупного рогатого скота, 592 122 головы овец и коз, 300 592 свиньи, 175 423 лошади, 1 880 994 головы птицы, 117 565 пчелосемей; уничтожено 18 769 гектаров садов и виноградников и 996 957 гектаров посевов сельскохозяйственных культур, уничтожено и вывезено в Германию 10 885 сельскохозяйственных машин и 93 604 единицы разного сельскохозяйственного инвентаря. Захватчики сожгли и разрушили 20 зданий высших учебных заведений, 486 школьных зданий, 641 здание театров, клубов и красных уголков, 10 библиотек, 141 здание больниц и поликлиник, 1696 детских учреж-

дений, 2 церкви. При окончательном подсчете общих ущерб по краю был определен в размере 14 167 578 руб. [21].

Судя по этим данным можно себе представить, как бы жили на Кубани «свободные и счастливые люди», если бы Германия одержала победу и включила нашу землю в состав Третьего рейха.

Примечания

1. Информационный бюллетень архивного отдела администрации Краснодарского края. 1995. № 1. С. 71–73.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1–38.
3. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–23.
4. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.
5. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Л. 191-а.
6. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Л. 164; Кубань, опаленная войной (о жертвах и злодеяниях захватчиков на территории Краснодарского края, временно оккупированной в 1942–1943 гг.). Краснодар, 2005. С. 9.
7. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 1–220.
8. ГАКК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 7–7об., Д. 22. Л. 20; Д. 165. Л. 42–44; Д. 41–43.
9. ГАКК. Ф. Р-498. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
10. ГАКК. Ф. Р-498. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.
11. ГАКК. Ф. Р-498. Оп. 1. Д. 19. Л. 89.
12. ГАКК. Ф. Р-498. Оп. 1. Д. 19. Л. 143.
13. ГАКК. Ф. Р-498. Оп. 1. Л. 183–184.
14. Кубань, опаленная войной... С. 9; Самусь Т.В. Оккупация глазами очевидцев // Родная Кубань. 2003. № 1.
15. Из выступления бургомистра города Краснодара С.Н. Ляшевского // Кубань. 26 сентября 1942 г. № 1.
16. Первая Кубанская // Кубань. 14 октября 1942 г. № 6.
17. Вступайте в ряды добровольческой армии // Кубань. 18 октября 1942 г. № 7.
18. Учреждение особых знаков отличия для лиц в освобожденных восточных областях // Кубань. 20 октября 1942 г. № 8.
19. Германия зовет тебя // Кубань. 1 декабря 1942 г. № 21.
20. Колхозная система мертва // Кубань. 20 декабря 1942 г. № 26.

21. Материалы Краснодарской краевой Книги Памяти: «Кубань в Великой Отечественной... 1941–1945» Краснодар, 2000. С. 85–86.

Л.А. Болокина

ПРОТОКОЛЫ БЮРО ПОДПОЛЬНЫХ РАЙКОМОВ ВКП(б) КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В тверских архивах сохранились тексты протоколов заседаний бюро подпольных райкомов ВКП(б) нескольких западных районов Калининской области, сегодня составляющих восточную часть Псковского региона. Представляется, что информационный потенциал данного исторического источника еще не в полной мере использован тверскими исследователями. Основой публикации стали материалы Идрицкого, Красногородского Опочецкого и Себежского райкомов, охватывающие период с января 1943 г. до июля 1944 г. Тогда эта территория находилась под временной немецкой оккупацией, однако часть населенных пунктов была включена в так называемый партизанский край, возникший в тылу у немцев к началу 1943 г. Партизанские командиры вместе с партийными руководителями контролировали положение в этом крае. Место нахождения членов Себежского райкома ВКП(б) не раз менялось на протяжении рассматриваемого периода – об этом говорят названия разных деревень, указанные в конце некоторых протоколов рядом с подписью партийного секретаря. В документах Идрицкого райкома иногда появлялось уточнение о том, что заседание проведено при конкретной бригаде. Наиболее обстоятельно события фиксировались в Опочецком районе.

Записи протоколов велись ручкой или карандашом чаще всего на листах школьных тетрадей, дневников, а также на бланках различных хозяйственных документов, на вощеной бумаге. Среди участников заседаний почти всегда указывался секретарь райкома и несколько членов бюро. На некоторых встречах присутствовали командиры и комиссары партизанских отрядов, секретари первичных партийных и комсомольских организаций, партизаны, ожидавшие решения по своим заявлениям.

Основу протокольных записей составляют сведения о приеме в кандидаты или члены ВКП(б). В ходе одного заседания иногда об-

суждали более двух десятков кандидатур. Протоколы Красногородского и Опочецкого райкомов содержат не только фамилии подавших заявления, но и фамилии рекомендующих, которых нет в документах Идрицкого райкома. Зато в них есть более подробная информация о кандидатах: их образовании, социальном происхождении и должности в отряде. Так, мы узнаем, что в партию вступали комиссары отрядов, начальники штабов, начальники снабжения, командиры разведки, взвода или орудия, политруки батарей, старшины отрядов, штабные писари, повара, минометчики, пулеметчики, разведчики и рядовые бойцы, медсестры и военные фельдшеры.

По большинству кандидатур принимались положительные решения, хотя иногда вопрос оставляли открытым и партизану давали время проявить себя более активно в борьбе с врагом. В случаях когда обращались с просьбой о восстановлении в партийных рядах, чаще всего речь шла о людях, уничтоживших партийные билеты в момент приближения немцев или в условиях оккупации. Многим шли навстречу и восстанавливали их членство, особенно если они успевали проявить себя в партизанских отрядах или помогали партизанам, находясь на службе у оккупантов; некоторым также предоставляли возможность показать себя в отрядах и затем вступить на общих основаниях.

Однако несколько раз решения первичных парторганизаций бюро не утверждало, воздерживаясь от приема в кандидаты или члены ВКП(б). Причинами могло стать длительное пребывание в оккупации и работа на немцев при отсутствии убедительных сведений о содействии партизанам, сокрытие фактов работы под руководством оккупационных властей или информация об участии в незаконных изъятиях имущества у крестьян уже во время нахождения в отряде. Однажды бюро Идрицкого РК ВКП(б) отменило решение первичной парторганизации партизанского отряда об исключении бойца из кандидатов в члены партии за антипартийный поступок – избивание бойцов при переходе линии фронта [1]. В данной ситуации первоначальную санкцию смягчили, заменив исключение на строгий выговор, который был снят через три месяца. Постановлением бюро Красногородского райкома из кандидатов в члены ВКП(б) за «непартийное поведение», выразившееся в выпивке и дебоше, которые закончились убийством партизана, был исключен из партии один

человек, а в Опочецком районе бойца также исключили из кандидатов за дезертирство из отряда, несмотря на то что в момент принятия данного решения он находился в составе другой партизанской бригады [2]. Членов ВКП(б), добровольно сотрудничавших с оккупационной администрацией и отказавшихся от связи с партизанами, исключали из партии как изменников родины. Эти решения сопровождалось поручением кому-то из партизан «закончить следственный материал по делу N. в трехдневный срок и передать командованию бригады для принятия мер» [3].

В протоколах отражена часть массово-политической работы среди личного состава партизан и населения. Использовались такие формы, как проведение собраний и совместных митингов партизан и населения, приуроченных к датам советских праздников – Первомаю или годовщине революции. Практиковались групповые и индивидуальные беседы с местными жителями, читки и распространение советских газет, листовок и брошюр вплоть до самых труднодоступных селений. Агитаторов ориентировали на разъяснение приказов Сталина, заявлений руководителей союзных государств, распространение информации об успешных военных действиях Красной армии. Также им следовало рассказывать о напряженной работе граждан в советском тылу, о том, как происходило восстановление хозяйства и налаживалась жизнь на территории, освобожденной от оккупантов. Усиление внимания к работе с населением произошло во время отступления немцев в 1944 г., когда через агитаторов партизаны обращались к жителям с призывами прятать скот, продукты, инвентарь, скрываться от угонов в Германию, уходить в леса, разрушать мосты и дороги. Одновременно требовалось активизировать деятельность агенты в населенных пунктах, где располагались немецкие гарнизоны, полицейские и «изменнические части», чтобы ускорить моральное разложение армии врага и побудить сотрудничавших с оккупантами к переходу на сторону советских войск и партизан.

Сразу после открытия второго фронта в Европе на заседаниях звучали доклады, в которых подчеркивалось «огромное значение и важность» этих событий, оценивавшихся как «начало освобождения народов Европы от гитлеровской тирании» [4]. В связи с этим комиссары отрядов и секретари первичных парторганизаций должны были

усилить политическую работу, систематически направлять агитаторов, политруков, членов и кандидатов ВКП(б), лучших комсомольцев для разъяснения населению событий на фронтах Отечественной войны и на фронтах союзников СССР.

Члены бюро не раз отмечали недостатки политмассовой работы в конкретных отрядах, например, редкие, формальные и неинтересные политбеседы, ограниченность только прочтением сводок Совинформбюро, нерегулярный выход стенгазет и боевых листов или вовсе их отсутствие, малое количество бесед с местным населением, отсутствие инициативы и критического подхода во время собраний. Как правило, после анализа проблем предпринимались меры по их искоренению.

Содержание протоколов в определенной степени показывает характер взаимодействий между партизанами и местным населением. Во всех районах бойцы помогали жителям в проведении сельскохозяйственных работ. Так, весной 1943 г. партактив Себежского райкома ВКП(б) был командирован в сельские советы для организации весенне-полевых работ. Из-за острой нехватки тягловой силы в деревнях бюро райкома рекомендовало командованию бригады всех имеющих свободных лошадей передать крестьянам для использования на полевых работах; при этом напоминалось, что значительная часть животных была мобилизована партизанами именно в этих сельсоветах [5]. В конце лета по той же причине задерживалось сенокосение и сев озимых, и командирам отрядов вновь было рекомендовано организовать сельскохозяйственные работы силами партизан. Кроме того, они обеспечивали уборку бесхозных посевов, а также охрану уборочных работ населения, чтобы не допустить сбора урожая немцами и их пособниками [6].

В целях организованного снабжения партизан продуктами питания для населения вводились обязательные поставки. В 1943 г. Себежским райкомом были установлены следующие нормы: рожь и пшеница – 9 пудов с гектара, овес и ячмень – 10 пудов, горох – 12 пудов, а картофель – 100 пудов с гектара [7]. При заготовке продуктов командование отрядов обязано было выдавать крестьянам расписки с указанием количества полученной продукции. В Идрицком районе следовало сдать по 2 центнера озимых, 1 центнеру яровых и бобовых, 12 центнеров картофеля с гектара. Осенью там проводились мясо-

заготовки, их общий план был определен в 15 740 кг. Комендантам волостей и комиссарам следовало произвести начисление мясопоставок по каждому хозяйству в отдельности, исходя из экономических возможностей [8]. Нормы по озимым и яровым зерновым культурам в Опочечком районе были такими же, гороха требовалось сдать по 2, картофеля – по 10 центнеров с гектара. С каждого хозяйства взималось 3 кг сала, 32 кг капусты, 2 кг лука, 0,5 кг табака и 32 кг мяса в живом весе при наличии скота, а также 1 кг масла с коровы или полтора кг топленого сала; 3 центнера сена. Кроме того, с одной овцы или перезимовавшего ягненка нужно было предоставить 200 г шерсти, и с каждой двух голов – овчину [9]. Ягоды и грибы тоже собирались населением и передавались партизанам. Особые указания касались ситуаций с изъятиями имущества у немецких пособников.

Селения были распределены между отрядами, в некоторых протоколах есть списки населенных пунктов с указанием количества дворов или хозяйств. Постоянно подчеркивалось, что проводить заготовки может лишь тот отряд, за которым закреплена данная деревня или сельсовет. «Чужим» отрядам и бригадам разрешалось заниматься заготовками только с разрешения командования бригады, постоянно дислоцировавшейся на территории района и назначенных комендантов. Подобные ситуации отражены в протоколах. Например, красногородские партизаны обращались к себежским с просьбой о выделении ряда сельсоветов их района для проведения заготовок продовольствия в преддверии зимы; было принято положительное решение.

В протокольных записях много раз зафиксирован запрет производить заготовки сверх установленных норм. Командованию и партийным организациям отрядов напоминалось, что они отвечают перед райкомом и командованием бригады за правильное проведение заготовок и каждый факт мародерства или противоречившего советским законам отношения к населению. Действительно, упоминания о подобных явлениях и необходимости вести решительную борьбу с ними есть в документах всех четырех районов. Констатировалось, что «отдельные партизанские отряды незаконно действуют в вопросах проведения заготовок продуктов, производят поголовное изъятие скота, имеют место случаи проявления отдельными партизанами грубого обращения с местным населением, наличествуют факты эле-

ментов мародерства», что приводит к возникновению напряженности во взаимоотношениях партизан и жителей [10]. Упоминается случай изъятия продуктов «под силой оружия и под видом немцев-карателей» [11]. Себежский райком ВКП(б) счел нужным созвать 30 июля 1943 г. совещание командиров и комиссаров партизанских бригад, спецотрядов и групп, располагавшихся в районе, «в связи с непрекращающимися многочисленными фактами политически нездоровых неправильных взаимодействий некоторой части партизан с населением района...» [12].

В целях упорядочения процесса заготовок и налаживания работы с местным населением появились должности комендантов волостей или участков – в конкретных районах названия несколько отличались. Именно через них должны были осуществляться сбор, доставка и учет поступивших в отряды продуктов с каждого двора. Осенью 1943 г. члены бюро признали, что с момента введения института комендантов участков в зоне действия партизан Себежского района взаимоотношения местного населения с партизанами значительно улучшились: наведен порядок в заготовках продуктов, сократились случаи мародерства, партизаны оказывали помощь жителям, пострадавшим от немецких карательных операций. Отчеты комендантов заслушивались на заседаниях, при этом отмечался удовлетворительный ход заготовок сельскохозяйственной продукции, активное выполнение норм со стороны населения.

Следует отметить, что на заседаниях бюро настойчиво повторялось требование о принятии строгих мер к нарушителям, пристального внимания к каждому подобному факту; напоминалось, что обострение отношений с населением играет на руку врагу. При анализе причин подобных форм поведения бойцов среди опочецких партизан указывалось на ослабление, а иногда полное отсутствие работы с молодыми коммунистами, недавно вступившими в отряд партизанами и необходимость сделать центральной задачей воспитание кадров. В этом же районе сохранился приказ о выговоре, объявленном начальнику штаба бригады за недостойное советского офицера поведение, при этом отмечалось, что пример офицеров служит поводом и оправданием аналогичных поступков среди рядовых бойцов [13].

Сведения о боевых действиях партизан, количестве нанесенного противнику вреда и характере операций встречаются не столь часто. Они появлялись в протоколах заседаний, если на них звучали доклады командиров бригад и отрядов. Вместе с одобрением боевой деятельности почти всегда указывалось на недостатки, например, слабую разведывательную и диверсионную работу, проявления нерешительности у некоторых командиров, неиспользование определенных видов оружия. Разбор боевой деятельности чаще происходил весной 1944 г., в период наступления советских войск, когда возникла необходимость применять иные методы борьбы с отступавшим противником.

Добавим, что партийные руководители обязывали комиссаров отрядов и парторганизации выявлять и учитывать ущерб, причиненный немецкими оккупантами населению района [14]. Себежские документы сохранили упоминание об утверждении комиссии по учету жертв и разрушений, нанесенных фашистскими карательными экспедициями в районе; в состав вошли секретари райкома и райисполкома, командир и комиссар бригады.

В протоколах можно найти информацию о разнообразных формах поведения командиров, их профессиональных и личных качествах, реакции на их деятельность со стороны райкомов. Так, в апреле 1943 г. бюро Опочецкого райкома отмечало, что многие партизаны во время нахождения в отрядах проявили смелость, стойкость, инициативу и заняли более высокие должности. Например, в пятом отряде 8 рядовых бойцов стали командирами и политруками взводов и отделений, в первом отряде 19 бойцов были назначены командирами отделений, 6 – командирами и политруками взводов. Однако теоретических знаний им все же не хватало, и в постановлении бюро говорилось о необходимости проведения в отрядах военной учебы для младших командиров не реже двух раз в неделю во время стоянок и отдыха. Для этого следовало разработать учебный план, программу занятий, причем половину времени рекомендовалось потратить на тактические занятия [15].

Некоторые фрагменты протоколов проливают слабый свет на повседневную жизнь в отрядах. Апрельское постановление Опочецкого райкома содержит пункт о необходимости проведения «организо-

ванного быта» с личным составом во время стоянок и отдыха. Подразумевалась организация вечеров самодеятельности, музыкальных кружков, художественных выступлений, пения. Уточнялось, что такие вечера должны проходить под руководством политруков и комиссаров отрядов или с их ведома. Из постановлений узнаем о случаях карточной игры среди рядовых бойцов или с участием командиров, по этому поводу выносились решения о наказании нарушителей дисциплины и порядка.

Таким образом, протоколы подпольных райкомов ВКП(б) являются ценным источником различных сведений о жизни советских граждан на временно оккупированной немцами территории. Изучение партийных материалов дает представление о характере взаимодействия между партийными руководителями и партизанским командованием, отношений партизан и местных жителей, жизни внутри отрядов, позволяет рассмотреть аспекты военной повседневности, порой скрытые в других исторических источниках.

Примечания

1. Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1784. Л. 44, 52, 85об.
2. Там же. Д. 1785. Л 25об.
3. Там же. Д. 1787. Л. 5.
4. Там же. Д. 1785. Л. 64.
5. Там же. Д. 1787. Л. 19.
6. Там же. Д. 1784. Л. 79об.
7. Там же. Д. 1787. Л. 33об.
8. Там же. Д. 1784. Л. 79об., 95об.
9. Там же. Д. 1786. Л. 105.
10. Там же. Д. 1787. Л. 20об.
11. Там же. Д. 1784. Л. 103.
12. Там же. Д. 1787. Л. 31.
13. Там же. Д. 1786. Л. 220.
14. Там же. Д. 1786. Л. 184об.
15. Там же. Л. 21.

Е.А. Захарина**ПУБЛИКАЦИИ В РОСТОВСКИХ ГАЗЕТАХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О ЖИЗНИ ОСТАРБАЙТЕРОВ**

Судьбы «восточных рабочих» относятся к наименее разработанным аспектам истории Великой Отечественной войны. Сложившаяся традиция сохранения памяти о войне не оставляла в ней места для людей, угнанных в немецкое рабство. Свободно о своем прошлом они стали говорить только в 1980–1990-х гг., но и до сегодняшних дней эта тема остается маргинальной.

Одним из самых масштабных исследований по данной теме является монография П.М. Поляна «Жертвы двух диктатур» [1], в которой рассматриваются законодательные документы нацистов, посвященные «восточным рабочим». Среди других публикаций нужно отметить работу Б. Чистовой и К. Чистова «Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров» [2].

Основными историческими источниками о жизни остарбайтеров, наряду с документами Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, являются опросные листы, которые они заполняли по возвращении на родину. Одним из первых к ним обратился Е.Ф. Кринко в статье «Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних “восточных рабочих”» [3]. В последнее время появились первые публикации данных документов [4], а также воспоминаний самих «восточных рабочих» [5]. Значительный массив интервью с бывшими оловцами содержится в интернет-архиве «Та сторона» [6]. Помимо указанных источников можно отметить оккупационную и советскую периодическую печать.

В своем исследовании автор анализирует и сравнивает воспоминания бывших «восточных рабочих» и публикации двух ростовских газет на данную тему. Это газета «Молот», основанная еще в 1917 г. и продолжающая выходить и сейчас, в то время – печатный орган Ростовского обкома ВКП(б) и Ростовского областного исполкома Совета депутатов трудящихся, и газета «Голос Ростова» выходившая в период немецкой оккупации города в 1942–1943 гг. в качестве органа управления бургомистра Ростова-на-Дону.

Большое количество статей в «Голосе Ростова» было посвящено пропаганде условий жизни и работы в Германии. Помимо этого в газете освещались победы вермахта, рассказывалось о культуре и истории Германии. Отправлявшимся на работу в Третий рейх горожанам обещали достойную оплату труда, выплаты остававшимся дома семьям, бесплатное жилье, питание и медицинское обслуживание, а также повышение рабочей квалификации. Для большей убедительности редакция публиковала письма остовцев об их жизни в Германии. Например, 12 ноября 1942 г. был опубликован материал «Как нам живется в Германии», в котором приводятся следующие строчки: «Здравствуй, дорогой папочка! Я работаю на бумажной фабрике браковщицей, принимаю со станков работу. Немецкие женщины относятся к нам очень вежливо и дружелюбно, хорошо объясняют работу». Далее в письме сообщалось про условия жизни: «Живем мы в общежитии при фабрике, нам выдали кровати и по два одеяла». Затем следовало описание питания и свободного времяпровождения: «Кормят нас хорошо – 3 раза в день. Я поправилась на 10 кг. В свободное время мы гуляем в садике. Живется мне хорошо». Завершалась публикация общей высокой оценкой увиденного в Германии: «Здесь действительно культура. Такая красота кругом – цветы, чистота» [7]. Стоит отметить, что, по мнению некоторых исследователей, массовая добровольная отправка в рейх за лучшей жизнью была возможна до апреля 1942 г. [8]. Конечно, в отдельных случаях, пропаганда могла быть действенна и до более поздних дат.

После освобождения Ростова-на-Дону советскими войсками редакция «Молота» посчитала своим долгом дать ответ на материал оккупационных газет. Статья «В фашистской неволе» вышла через месяц после возвращения советской власти в Ростов. В ней говорилось: «Продажный фашистский черносотенный листок “Голос Ростова”, издававшийся немецким командованием при помощи презренных предателей родины, 12 ноября 1942 г. поместил отрывки из нескольких писем – “Как нам живется в Германии”».

Письма эти были сочинены тут же в редакции или явились следствием жесточайшей цензуры, не пропускающей ни одного слова правды» [9].

Другая догадка, откуда могли взяться такие письма, была опубликована на страницах выпуска газеты «Молот» 23 апреля 1943 г.: «В Та-

ганроге выходила злостная фашистская газета “Новое слово”. Время от времени она печатала письма из Германии. Сейчас стало известно, какими путями фабриковали гитлеровские борзописцы эти “документы”. В некоторых германских лагерях невольникам раздавались заранее отпечатанные в типографии стандартные письма, в которых лживо расписывалось положение в Германии. Оставалось только поставить подпись, запечатать в конверт и послать. Немцы принуждали писать такие письма» [10].

В этой же статье поднимается тема немецкой цензуры. Со страниц газеты сообщается о том, что редакция нашла в бывшем здании оккупационной трудовой биржи письма остовцев, по разным причинам не доставленные родным: «...в письмах многое зачеркнуто густым слоем туши» [11]. Автор статьи отмечает, что, несмотря на это, в некоторых письмах отражается истинное положение дел, и приводит строчки, которые были пропущены цензурой: «У меня нет больше слез...», «тоска впиалась в мое сердце...» [12]. Бывшие остовцы часто договаривались с родными о символах и знаках в письмах, использовавшихся, чтобы обойти цензуру. Так, Виктор Васильевич Шулдешов вспоминает разговор со своей матерью перед отправкой на работы: «Приедешь в Германию и напиши письмо. И если плохо – цветок нарисуй, ну мало ли, не догадаются. Если хорошо – так ничего не пиши» [13].

Третий вариант появления положительных отзывов о работе в Германии «Молот» привел 25 мая 1943 г. в статье «Письмо с каторги. Что пишет мечетинская девушка Таня Танасайчук, насильно увезенная в Германию». От лица девушки сказаны следующие слова: «...может быть, вы больше не получите от меня писем, потому что сдавать нам приказано все письма в полицию. А они читают, наши письма выбрасывают, а свои вкладывают» [14].

Потребность в ответе на статьи такого характера может говорить о том, что именно публикация «писем» остовцев могла иметь больший эффект для немецкой пропаганды. Сергей Владимирович Бокачев, во время войны проживавший в Таганроге, вместе с матерью был угнан на принудительные работы в Германию в мае 1942 г. Он вспоминал, что многие верили в лучшую жизнь в Германии. Он упоминает таганрогскую газету «Новое слово» как пропагандистское издание:

«Люди пережили очень тяжелую и голодную зиму, они думали, что... им будет там лучше. Тем более они будут работать... Пропаганда немцев работала именно в том направлении, что в Германии вы найдете не только работу, но и обеспеченную жизнь... Конечно, была же местная газета, на русском языке. Называлась она “Новое слово”» [15].

Противопоставить немецким письмам советские журналисты решили рассказы остарбайтеров. В основном, они велись от первого лица и имели сильную эмоциональную и идеологическую окраску, проявляющуюся, например, в следующих выражениях: «продажный фашистский черносотенный листок», «презренные предатели родины», «немецина» [16]. В оккупационной газете, как и в советской, тоже присутствовали выраженные идеологические элементы: «жидовско-большевистские правители», «обер-палач Сталин», «жидовское иго», «убогое советское образование». Наряду с этим в статьях, опубликованных в «Молоте», подчеркивается правдивость написанного: «Простой и правдивый рассказ, в них нет ни слова выдумки» [17].

Рассказы остовцев, которым посчастливилось вернуться на Родину, начинались обычно с описаний насильственной вербовки и отправки в Германию на поезде. В статье в газете «Молот» под названием «В фашистской неволе» от 14 марта 1943 г. приводится рассказ ростовского комсомольца и преподавателя физкультуры Александра Дмитриевича Бережного. Он вспоминал: «5 сентября 1942 года нас, около двух тысяч ростовчан – парней и девушек, погрузили на ростовском вокзале в товарный эшелон... Теплушки были из-под цемента и мела. Грязные. Нар в них не было. В каждой двухосной теплушке – 45–50 человек» [18].

Об этих же событиях, но гораздо раньше, 11 сентября 1942 г., иначе писала оккупационная газета «Голос Ростова» в статье «Первый транспорт в Германию»: «С утра 5-го сентября в городе необычайное оживление: к вокзалу направляются сотни ростовчан, преимущественно молодежи, с чемоданами и прочими дорожными вещами.

– Едем в Германию – с гордостью заявляют девушки, весело улыбаясь.

Отправляется первый транспорт “А”... У многих – цветы и музыкальные инструменты» [19].

Мы видим два абсолютно разных описания одного и того же дня, одного и того же места, принадлежащие разным авторам. Репортер

оккупационной газеты «Новое слово» сообщает, что советская молодежь с цветами и музыкальными инструментами добровольно, на комфортном транспорте отправляется на работу в Германию. Напротив, другой очевидец, рассказ которого опубликовал «Молот», поражен состоянием транспорта и не отмечает ни воодушевления, ни радости от предстоявшей поездки. Автор данной статьи, возможно, специально второй раз сделал отсылку к публикациям в оккупационных газетах, чтобы доказать их лживость. Описание поездки в поезде типично: тесное пространство, почти полное отсутствие еды, безжалостное обращение охранников: «Первые два дня нас не кормили совсем. На третий день дали по 200–500 граммов сдобного хлеба на человека... В пути в скученных теплушках было чрезвычайно жарко, и некоторые ребята вылезали на крышу. Охранники немедленно открывали по ним огонь» [20]. Виталий Беликов, угнанный в Германию из Харькова в начале 1942 г. описывал схожие условия перевозки: «Нас всех погрузили в товарные вагоны, приблизительно по 20–30 человек в вагон, закрыли и повезли в западном направлении. Первый раз кормили в Киеве» [21].

А.Д. Бережной, как и все остальные, отмечал ужасное питание, состоявшее из супа, воды и гнилых корнеплодов. Лагерь, в который привезли невольников, представлял собой огороженную колючей проволокой территорию, по периметру которой были расставлены вышки с часовыми. Жили рабочие в бараках с трехэтажными нарами [22].

О жилье и питании для остарбайтеров в оккупационных газетах рассказывалось следующее: «Нам выдали матрасы, подушки и одеяла. У нас своя очень хорошая баня.

Встаем мы в 5 часов утра, купаемся и пьем кофе с бутербродами в столовой. С 6 часов утра начинаем работать. В 9 часов утра у нас перерыв, второй перерыв на обед с 12 до 1 часу. В 5 часов, после работы, нас опять кормят горячей пищей, и в 7 часов мы пьем кофе с бутербродами. Спать мы ложимся в 9 часов» [23].

Сразу по прибытии в Германию советские граждане попадали на униженный рынок рабов, на котором немцы выбирали себе рабочих. Перед покупкой людей тщательно осматривали и ощупывали мускулы. В рассказе А.Д. Бережного отмечается, что за женщину начальнику лагеря платили по 15 марок, а за мужчину – по 18 [24].

Галина Фёдоровна Аграновская также вспоминала унижительную сцену рынка: «...мы были потрясены хорошо одетыми людьми, которые пришли, как на рабовладельческий рынок, отбирать и очень брезгливо отнеслись к отцу, который был жутко изможден, и рван, и тощ, и все. Трогали мускулатуру – мускулатуры никакой нет» [25].

В оккупационных газетах, напротив, подчеркивалось хорошее отношение работодателей к своим починенным: «...немецкие женщины (фрау) к нам относятся хорошо – как родные матери» [26].

С наступлением холодов отмечалось, что рабочим не выдали теплую одежду. 22 октября 1942 г. А.Д. Бережной с товарищами решил бежать. В статье содержится подробное описание побега со всеми его трудностями и лишениями [27].

Помимо описания жизни и работы оstarбайтеров в Германии, в газете «Молот» от 5 мая 1943 г. приводится примерное количество угнанного из Ростова населения: около 50 тысяч человек [28]. Данная цифра сильно преувеличена. По подсчетам Чрезвычайной государственной комиссии, всего за время оккупации из Ростова-на-Дону в Германию было угнано 9705 человек [29].

Подводя итог, можно сказать, что оккупационные газеты сильно приукрашивали действительность с целью привлечения новых рабочих в Германию. Авторы статей пытались создать образ благополучной, сытой и спокойной рабочей жизни в Германии, противопоставить ее жизни в СССР.

Статьи в советской печати имеют примерно одинаковую содержательную часть, рассказывающую о жизни остовцев. В них содержится немного новых деталей, однако общие факты достоверно отражают картину жизни и работы остовцев в Германии. Статьи насыщены яркими идеологическими выражениями и призывами к мщению: «Нужно мстить за наших братьев и сестер, томящихся в проклятой неметчине» [30]. Очевидно, что редакция газеты уже не ставила перед собой задачу остановить людей, желавших добровольно уехать на работу в Германию, так как Ростов был уже очищен от оккупации. Публикации в «Молоте» – это был ответ на статьи оккупационных газет, а также призыв к мщению за детей и женщин, угнанных в немецкое рабство. Возможно, поэтому некоторые данные в целях усиления эмоционального воздействия преувеличены.

В целом, ростовские газеты военного времени представляют собой ценный источник для изучения жизни восточных рабочих и отношения к данному вопросу советского и нацистского руководства. Однако при обращении к данным источникам необходимо помнить о высокой степени влияния идеологии как на оккупационную, так и на советскую прессу.

Примечания

1. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. М., 2002.
2. Чистова Б., Чистов К. Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. М., 1998.
3. Кринко Е. Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений. Краснодар, 2009. С. 42–60.
4. Krinko E.F., Zaharina E.A. “We had to Go to the Camps of Russian Workers and Give Performances...”: Documents about the life of Ostarbaiters in Germany // Русский архив. 2019. № 1. С. 80–91.
5. Полян П., Поболь Н. Сквозь две войны, сквозь два архипелага... : воспоминания советских военнопленных и оловцев. М., 2007.
6. Та сторона. Устная история военнопленных и остарбайтеров. URL: <http://tastorona.ru/> (дата обращения: 27.02.2020).
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-3. Д. 69. Оп. 2. Л. 41об.
8. Полян П.М. Указ. соч. С. 152
9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3613. Д. 442. Оп. 1. Л. 18.
10. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 442. Л. 28.
11. Там же.
12. Там же.
13. Шулдешов Виктор Васильевич // Та сторона. Устная история военнопленных и остарбайтеров. URL: <https://clck.ru/MHwbH> (дата обращения: 26.02.2020).
14. Письмо с каторги // Молот. 1943. 25 мая. № 102. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0036717/view#page=1> (дата обращения: 26.02.2020).
15. Бочкарёв Сергей Владимирович // Та сторона. Устная история военнопленных и остарбайтеров. URL: <https://clck.ru/MH7wb> (дата обращения: 24.02.2020).

16. ГАРО. Ф. Р-3613. Д. 442. Оп. 1. Л. 18.
17. Там же.
18. Там же.
19. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Д. 69. Оп. 2. Л. 11 об.
20. ГАРО. Ф. Р-3613. Д. 442. Оп. 1. Л. 18.
21. Полян П., Поболь Н. Сквозь две войны, сквозь два архипелага... С. 295.
22. ГАРО. Ф. Р-3613. Д. 442. Оп. 1. Л. 19.
23. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Д. 69. Оп. 2. Л. 41об.
24. ГАРО. Ф. Р-3613. Д. 442. Оп. 1. Л. 19.
25. Аграновская Галина Фёдоровна // Та сторона. Устная история военнопленных и остарбайтеров. URL: <https://clck.ru/MJPze> (дата обращения: 26.02.2020).
26. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Д. 69. Оп. 2. Л. 41об.
27. ГАРО. Ф. Р-3613. Д. 442. Оп. 1. Л. 20.
28. ГАРО. Ф. Р-3613. Д. 442. Оп. 1. Л. 22.
29. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Д. 18. Оп. 2. Л. 189.
30. ГАРО. Ф. Р-3613. Д. 442. Оп. 1. Л. 21.

А.В. Венков

ВОЙНА НА ЮГЕ РОССИИ В ОПУБЛИКОВАННЫХ МЕМУАРАХ ГЕРМАНСКИХ СОЛДАТ¹

Духовный мир и систему ценностей германских солдат, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны на юге России, можно узнать, опираясь на их мемуары. Этих мемуаров издано много, особенно в 1990–2000-е гг. Далеко не все авторы принимали участие в боях в нашем регионе, но есть отдельные участники, чьи воспоминания вызывают интерес.

Воспоминания германских солдат, воевавших на юге России, отличаются восприятием климата и особенностей местного населения, которое на определенный период считалось немцами либо сочув-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17-18-01411).

ствующими им, либо даже их союзниками. В качестве потенциальных союзников они видели карачаевцев, кабардинцев, осетин, ингушей, азербайджанцев и калмыков. Интересно, что чеченцев и балкарцев немцы таковыми не считали. В одной из публикаций описывается банкет, который дали немцам в Кисловодске карачаевцы, прибытие к немцам делегации калмыцких старейшин. Делался вывод: «...наша политика на Кавказе в деле налаживания нормальных контактов с местным населением была в сотни раз разумнее, чем на плодородных землях Украины» [1]. Эсэсовцы довольно высоко оценивали боевой дух полицаев в Таганроге, карачаевцев в Пятигорске и рассуждали о вечной дружбе «с освобожденными нами народами степей и гор на благо всего человечества» [2].

Что касается климата, то на Юге России немцы испытали некое разочарование. В ноябре 1941 г. под Ростовом «много солдат замерзло насмерть. Особенно мучительно было оправляться, и всякое мало-мальски защищавшее от морозного ветра сооружение использовалось нами в первую очередь не для проживания, а в качестве отхожего места» [3].

Зимой 1941/1942 гг. германские солдаты страдали от холода. «Воздух был прозрачен и чист, а холод – таким, что кожа на моем лице покалывала, как будто в нее одновременно воткнули сотни крошечных иголок. Мои кости, казалось, грохочут под дрожащими мышцами, а ноги, обмороженные во время отступления из Ростова-на-Дону, просто онемели и отказывались идти. Для поддержания кровотока я перед входом в свой тесный окоп прыгал с ноги на ногу, сгибал и разгибал руки в локтях, крутился в разные стороны. Это хоть как-то помогало согреться» [4].

Есть воспоминания солдата, который попал на Миус-фронт: «В комнате, перед полыхающим очагом, в компании русских женщин сидели мои товарищи. Раздетые до пояса, они давили вшей у себя в подмышках и на гимнастерках, щелчками отправляя их в огонь. А хозяйка дома молча наблюдали за ними, и на их лицах ощущалась странная неловкость, как будто они за что-то уважали этих маленьких злобных вредителей» [5].

Потепление принесло с собой новые трудности. «С каждым днем зловоние усиливалось по мере того, как на фоне оседающего снега обнажались почерневшие части разлагающихся трупов в русском обмун-

дировании. Запах был вездесущ, как-то его приглушить или ослабить было невозможно. Каждый вдох – подсознательный акт при нормальных обстоятельствах – превращался в мерзкое испытание» [6].

Весной 1942 г. немцы испытали огромное облегчение: «В пункте дезинфекции, развернутом вблизи нашего лагеря, я смог избавиться от целого полчища поселившихся на мне вшей и непрерывной чесотки, которая не давала мне покоя много дней. И снова жизнь стала казаться прекрасной, а холод, поселившийся было в моих костях, наконец, уступил солнечному теплу...» [7].

Праздником для германских солдат стало посещение душевых. «После нашей победы в Харькове мы двинулись на запад, на Олыпаны, где инженерные части устроили нам душевые и пункты дезинфекции. Настоящим счастьем в жизни солдата, воюющего на Восточном фронте, было ощущение чистоты, которое, по понятным причинам, посещало нас крайне редко» [8].

Условия жизни населения в прифронтовой полосе во время Великой Отечественной войны в исследуемом регионе были крайне тяжелыми, но не повсеместно. В казачьих станицах была одна ситуация, в городах – несколько иная. Есть воспоминания о том, как радостно встречали германские войска в Таганроге в 1941 г.: «... через какую-то секунду вокруг меня уже толпились дружелюбно настроенные люди... охотно несли нам, усталым и страдавшим от жажды, воду. Некоторые даже совали нам в руки хлеб» [9].

По воспоминаниям солдата элитной моторизованной бригады СС «Лейб-штандарт Адольф Гитлер», в первые же дни оккупации Ростова в ноябре 1941 г. части СД устанавливали в городе своеобразный порядок: «... на следующий день после того, как мы заняли Ростов-на-Дону, туда прибыли части СД. Что касается местных жителей, то для них эти военнослужащие мало чем отличались от солдат и офицеров “Лейб-штандарта”, за исключением букв SD, вышитых на ромбовидном шевроне их мундиров. СД быстро настроили против себя гражданское население, угоняя домашний скот и разыскивая повсюду евреев. В их действиях наблюдалась характерная манера, их окружала какая-то аура – подсознательное ощущение того, что они непроницаемы для естественных человеческих инстинктов и абсолютно безжалостны. В своих руках они сосредоточили власть смерти над жизнью. Хотя

мы порой по несколько дней недоедали, ни один из нас не смел пойти к местным крестьянам, чтобы выменять на что-нибудь даже цыпленка, если где-то рядом маячил кто-нибудь из службы СД» [10].

По циничным заявлениям коллаборантов, «если не считать евреев и умалишенных, немцы у нас не так уж много и казнили!» [11]. С другой стороны, сами немцы так описывают свои преступления: «На следующий день около полудня в штаб нашей дивизии поступил приказ, предписывающий расстрелять всех военнопленных, захваченных нами за последние три дня, в качестве возмездия за негуманное обращение с попавшими в плен немецкими военнослужащими. И, как нарочно, именно в эти злополучные дни к нам в плен попало около четырех тысяч человек...» [12].

Именно в политике оккупационных властей сами немецкие солдаты видели причину плохого отношения населения к ним: «Великую и прекрасную идею освободительной миссии на Востоке подменили карательные методы господства» [13]. Якобы русская старушка просила немецкого солдата: «Возвращайтесь, пожалуйста, с вашими друзьями и прогоните полицаев и злых комендантов» [14].

Естественно, германские солдаты тоже испытывали перебои со снабжением: «Отступающие русские опустошили все магазины и склады, а из-за растянутых коммуникаций провианта не хватало...». Встречаются воспоминания о том, как немцы питались за счет захваченных русских складов: «На складе мы обнаружили металлические фляги с маслом и медом, какими-то консервами, ветчиной и топленым салом (оно было просто восхитительным!)» [15].

Кроме немцев, на юге России воевали итальянцы, румыны, словаки, хорваты. Вот краткая характеристика итальянцев бойцом Красной армии: «...у их офицеров были шпаги, и когда он звал в атаку, то размахивал шпагой. Они ему аплодировали и кричали “Браво! Брависсимо!”. Конечно, они не хотели воевать» [16].

Общим в менталитете германских солдат и на юге и на севере было следующее. Солдатам внушали, что они – защитники европейской цивилизации от варваров: «Обергруппенфюрер фон Йена обратился с речью, от которой мы почувствовали себя героями. Героями, которым предстояло “завалить” большевистского “медведя” и спасти европейскую культуру» [17].

Некоторые, оказавшись в России, утвердились в этом мнении: «Теперь, чувствуя себя скорее освободителем, нежели завоевателем, я был убежден, что наше присутствие в этой части света целиком и полностью оправдано. Я ведь собственными ушами слышал, что рассказывали люди о сталинской жестокости» [18].

Важнейшим просчетом виделось изначальное отсутствие «точной информации о состоянии вооруженных сил Советского Союза, а также о степени большевизации русского народа: «Мы столкнулись с новой незнакомой разновидностью человеческой породы – человеком советским» [19].

У многих авторов мемуаров чувствуется ностальгия по военным временам. Михаил Баркун наблюдал амбивалентный характер катастроф, которые, с очевидностью приводя людей на край гибели, могут порождать также и неожиданное чувство счастья. Он отметил, что такие события часто создают временное ощущение общей цели и что «унизительные социальные различия растворяются во внезапно теплеющей, демократической атмосфере» [20]. Опасность возвращает человека к полузабытому осознанию возможности коллективного выживания, к заложенным в подсознании ценностям, и это, судя по всему, вызывает положительные эмоции.

Все эти бойцовские качества подпитывались пропагандой на государственном уровне: «Нам всем приходится страдать, но все вместе мы сможем добиться успеха. Не забывайте, что страна отдает вам все, а в обмен ожидает от вас полного самопожертвования. И никаких жалоб: ведь вы же немцы» [21].

Каждая воинская часть ревниво берегла свои традиции, стремилась занять и сохранить «свое лицо». Даже советское командование отмечало это: «Альпийская дивизия “Эдельвейс” была гордостью германской армии, фотографии ее солдат и офицеров печатались во всех немецких журналах... Не менее известной была и 4-я горнострелковая дивизия. Укомплектованная тирольцами, прирожденными альпинистами, для которых горы были родной стихией, она уже дралась во Франции и Югославии» [22].

Солдат обучали действовать в наступательном духе: «Атака вдохновляет, она порождает отчаянного бойца. Оборона не столь прославлена, но делает нас стойкими, – писал Г. Пабст. – Труднее ле-

жать под огнем, ожидая атаки, чем прорываться через огненную завесу и выбивать противника. Атакующий опьянен возбуждением, он не чувствует опасности. Именно он определяет ход действий. Обороняющемуся приходится ждать, он не знает, с чем ему придется столкнуться. Его сопротивление может быть ожесточенным, но в нем нет энтузиазма» [23].

«Атакующие всегда действуют с большим воодушевлением, чем те, кто находится в обороне, – подтверждал Г. Сайер. – Только наступающие войска способны на подвиг. Так обстояло дело и с немецкой армией: она была организована как наступательная, а оборонительная тактика ее заключалась в том, чтобы замедлить наступление противника с помощью контратаки» [24].

Большую роль в формировании фронтового товарищества играло отношение командиров к солдатам. Показательна сцена в г. Ростове-на-Дону в ноябре 1941 г., в которой участвовали офицеры и рядовой «Лейб-штандарта Адольф Гитлер». «Подняли тост за взятие Ростова-на-Дону, ознаменовавшее собой проникновение вглубь территории противника на 1000 километров.

Фриц Витт оглянулся через плечо.

– Шутце Бартман, а где же ваша бутылка?

– Штурмбаннфюрер, у меня ее нет, – стоически ответил я.

Командир батальона повернулся к незадачливому унтерштурмфюреру и рявкнул:

– Когда я просил принести бутылку каждому из присутствующих, то это значит каждому, черт побери!

Покрасневший унтерштурмфюрер выскочил из комнаты, а Фриц Витт жестом подозвал меня поближе, после чего вручил мне собственную бутылку и бокал» [25].

Солдаты считали, что командиры заботятся о них, как о родных: «Вскоре пошли слухи, что Хауссер, рискуя навлечь на себя самое серьезное наказание, по сути, спас нам жизнь. Он ведь отважился проигнорировать приказ Гитлера защищать Харьков до последнего солдата. Иметь такого командира, который заботится о своих солдатах, было для нас большой честью. Мы знали, что он никогда не пожертвует нами, своими “мальчишками”, ради того, чтобы выполнить какой-нибудь ненужный приказ сверху» [26].

В ходе войны менялось отношение к противнику: «Нас часто удивляло то почти нечеловеческое упорство, с каким сражались красноармейцы, невероятная стойкость даже совсем юных комсомольцев, по сути пятнадцатилетних подростков, которые, не щадя собственной жизни, защищали свои позиции, огневые точки, боевые машины» [27].

Немецкие солдаты обычно были невысокого мнения о командирах Красной армии: «Как обычно, русская пехота попала в зоны поражения наших пулеметных расчетов, и вскоре образовались груды тел из раненых и убитых. Подобная атака выглядела абсолютно бессмысленной, и за убийственную тактику своих командиров русские солдаты заплатили страшную цену. Но они все равно шли вперед, увязая в грязи, спотыкаясь о трупы и наступая на раненых. Наступление захлебнулось» [28].

После нескольких лет войны некоторые немецкие солдаты изменили отношение к русским: «Для меня они больше не были большевиками, а просто парнями, которые погибли, защищая свою страну» [29].

Таким образом, германские солдаты, воевавшие на юге России во время Великой Отечественной войны, оставили достаточно интересные источники, из которых виден их настрой, изменение отношения к войне и к противнику.

Примечания

1. Керн Э. Пляска смерти. Воспоминания унтерштурмфюрера СС. 1941–1945. М., 2007. С. 119, 121, 123, 124.

2. Там же. С. 95, 135, 137.

3. Там же. С. 91.

4. Бартман Э. Тяжелые бои на Восточном фронте. Воспоминания ветерана элитной немецкой дивизии. 1939–1945. М., 2018. С. 87.

5. Там же. С. 83.

6. Там же. С. 96.

7. Там же. С. 98.

8. Там же. С. 139.

9. Керн Э. Указ. соч. С. 85.

10. Бартман Э. Указ. соч. С. 78.

11. Тимофеев Н.С. Письма периода перестройки: [переписка Л.Н. Польского и Г.А. Беликова] // Война и судьбы. Невинномысск, [б.г.]. С. 107–139.

12. Керн Э. Указ. соч. С. 34.
13. Там же. С. 97.
14. Там же. С. 111.
15. Бартман Э. Указ. соч. С. 79.
16. Драбкин А.В. Кавалеристы. М., 2019. С. 15.
17. Бартман Э. Указ. соч. С. 46.
18. Там же. С. 50.
19. Керн Э. Указ. соч. С. 150.
20. Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. М., 2004. С. 141.
21. Сайер Г. Последний солдат третьего рейха. М., 2002. С. 52–53.
22. Тюленев И.В. Через три войны. М., 1972. С. 180.
23. Пабст Г. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте 1941–1943. М., 2004. С. 139.
24. Сайер Г. Указ. соч. С. 128.
25. Бартман Э. Указ. соч. С. 77.
26. Там же. С. 134.
27. Керн Э. Указ. соч. С. 34.
28. Бартман Э. Указ. соч. С. 67.
29. Там же. С. 135.

В.А. Матвеев

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Представленная в статье информация выявлена в ходе работы археографических экспедиций исторического факультета Ростовского государственного университета при поддержке и с непосредственным участием сотрудников Ростовского областного музея краеведения в Вёшенском районе Ростовской области еще в 1981 и 1982 гг. Исследовательская группа была нацелена на выявление и фиксацию представлявших интерес для научного осмысления фрагментов памяти. Сотрудники музея производили поиск материалов для пополнения экспозиций.

Использующиеся в качестве источников солдатские письма были выявлены во время полевого сезона в июле 1981 г. в семье ветерана Гражданской войны Самуила Титовича Дударева, проживавшего в хуторе Нижне-Ермаковском Антиповского сельсовета Вёшенского (ныне Шолоховского) района [1]. Судьба информатора примечательна тем, что в противостоянии белых и красных он побывал на стороне и тех, и других. На завершающем этапе Гражданской войны находился в Первой конной армии С.М. Будённого и за проявленное мужество в боях имел от него благодарности. Опубликовать по итогам работы археографической экспедиции в 1981 г. удалось лишь небольшую часть выявленных сведений [2]. При второй встрече в 1982 г. письма сына Самуила Титовича – красноармейца Николая Дударева – родителям переданы были на хранение в Ростовский областной музей краеведения.

Первое сохранившееся письмо Н.С. Дударева родителям отправлено 12 марта 1941 г. В самом его начале сделана пометка «выходной день». На конверте в обозначении места нахождения проставлен адрес: «г. Туапсе, п/я 10, кв. 10» [3]. Вместе с письмом в конверт была вложена фотография, как можно судить по надписи, «с товарищем Васильевым» [4]. После приветствия «дорогие мои родные родители» Николай извинялся перед ними за то, что редко писал. Объяснял это занятостью на учениях, во время которых приходилось, по его словам, проливать «много поту», напряженностью подготовки и, не жалуясь на трудности, выражал понимание необходимости осваивать ратное дело [5].

До призыва на действительную военную службу, как можно судить по другому фрагменту письма, он работал в колхозе, занимался привычным для селян земледельческим трудом. С соответствующим предшествующему опыту откровением о перегрузках во время учений, Николай признавался в письме родителям от 12 марта 1941 г., что «теперь понял, почему ложится весной бык». Сравнение указывает на его неоднократное участие в посевных компаниях, а также на то, что в предвоенные годы в колхозах Ростовской области они проводились с использованием наряду с появлявшейся техникой и тягловой силы [6].

В письме упоминалось только обучение «наступлению». Отработка наступательных сценариев боевых действий отнюдь не является свидетельством того, что Красную армию готовили к нападению.

Преобладающими они были и при обучении личного состава армий во многих зарубежных странах. В довоенных же уставах СССР сохранялась ошибочная установка «бить врага на его территории». Следование ей как раз и привело к тому, что личный состав Красной армии оказался не обученным к оборонительному сопротивлению противнику и впоследствии обретал опыт действий в обороне уже в других условиях. Командиров взводов и рот, умевших организовать оборону на небольших участках, не оказалось. Прошедшие через Первую мировую и Гражданскую войны командиры Красной армии занимали более высокие должности. Их преимущество заключалось в том, что соответствующие познания они получали еще в имперский период. Новейшие достижения использовались в подготовке Красной армии. Однако в ней были и упущения, которые выявляются из содержания письма. Ответственность за допущенный просчет ложилась на высшее руководство СССР. В советской военной доктрине сохранялись положения, заимствованные из представлений, сформировавшихся под воздействием событий Гражданской войны. Нараставшая внешняя угроза представляла гораздо большую опасность из-за произошедших качественных изменений в вооружении и появившихся новых возможностей вести маневренную войну.

Советско-финский конфликт показал неподготовленность Красной армии, невысокий уровень ее технической оснащенности. Несмотря на то, что высшим руководством СССР осознавалась неизбежность столкновения с фашистской Германией, перевооружение Красной армии к 1941 г. еще было далеко от завершения. Предчувствие скорой войны тем не менее витало в воздухе. Прослеживается оно и в письме Николая Дударева от 12 марта 1941 г. К отражению агрессии Красную армию готовили при помощи обучения преимущественно наступательным сценариям боя. Маневры с таким уклоном, как сообщал Николай Дударев родителям, проводились во все времена года: в летний зной, осеннюю и зимнюю непогоду. Совершались походы и в весенний период «в горы к Сочи». Темы на учениях, как можно судить по его письму, повторялись. По уточнению Николая, «опять изучали это же». Родителям он сообщал и о том, что для приспособления к специфике боевой обстановки «спали в окопах». Николай

выразил по этому поводу свое полное понимание: «Это для нас хорошо, мы будем знать в военное время». Исключение делалось только для особо отличившихся [7].

Из письма следует, что Н.С. Дударев служил разведчиком во взводе, который считался лучшим в боевой подготовке. Высокие показатели отмечались командованием и по «кроссу в честь наркома обороны т. Тимошенко», тренировки к сдаче которого проводились в предыдущем месяце [8]. Перечисляя другие выполнявшиеся нормативы, Николай с гордостью отметил, что его «взвод занял обратно 1-е место». В День Красной армии, 23 февраля 1941 г., личному составу выдали «новое обмундирование». Праздник был ознаменован также культурным мероприятием. Военнослужащие посетили клуб моряков, где «смотрели кино “Суворов”». Делясь впечатлением с родителями, Николай отметил, что оно «очень интересное». При помощи таких обращений к прошлому в стране происходило в предвоенные годы формирование патриотизма. В тот же праздничный день, 23 февраля, по уточнению Николая, он как раз и «сфотографировался» [9].

Весна 1941 г. на юге, по его свидетельству, выдалась ранняя и уже в марте установилась жара «как летом». Николай поделился в этой связи с родителями наблюдением: «Люди огороды уже посадили... сады цветут». В дополнение он выразил предположение, что по всем признакам «скоро будут плоды, месяца через два». Родителей он просил в ответном письме сообщить, как там «на гумне», о достижениях односельчан, «кто лучшие колхозники... трактористы». Поинтересовался Николай и тем, как они жили. Попросив у родителей прислать немного «деньжонок», хотя бы, по его приписке, «руб. 10–15», Николай стыдливо заметил, что ему очень неудобно обращаться к ним по этому поводу, так как не исключает, что живут они «еще плохо». Если возможности не позволяли родителям изыскать такую сумму на перевод, он настаивал на том, чтобы они не создавали для себя затруднительного положения [10].

Сожаление Николай выразил лишь относительно того, что не воспринял совет отца, «сглуповал», и до призыва в армию не женился. Ослушание вскоре обещал исправить, так как до окончания срока службы «оставалось 6 месяцев». В этой связи Николай поделился не исполненным намерением «поехать на курсы шоферов», куда

со «2-го года» уже никого не направляли, а послали в соответствии с поступившей командованием разнарядкой «с 1-го года службы». В конце письма Н. Дударев в сочетании с упоминанием об ожидавшейся скорой демобилизации изложил, по сути, пророчество: «И если живы будем, увидимся...» [11].

Во втором письме от 14 апреля 1941 г. Николай извещал родителей о том, что посланные ими 50 рублей получил и очень благодарил их за перевод. Он обращался к родителям за советом, какой выбор сделать после окончания срока службы в армии. Сообщил о созревшем желании «остаться в каком-либо городе и работать... добиваться квалификации». Николай предупреждал родителей, что если удастся «поступить на производство, то тогда... домой не придется поехать на много, а только суток на 15 и все». Он заверял, что будет добиваться намеченной цели, так как ему «перед товарищами нехорошо». Николай пояснил то, в чем именно он испытывал неудобство: «...они то трактористы, то шофера, то какие-то еще специалисты». В отношении себя с сожалением заметил: «...а я колхозник чистый» [12].

Из армии сослуживцы, по уточнению Николая, вернутся «прямо за свое дело». Не скрывал он от родителей, как можно судить по изложению, и не дававшее ему покоя переживание, что придется возвращаться в родной колхоз «к быкам». Но по сложившемуся за время службы у Николая убеждению, для него это было бы наихудшим вариантом, так как «в колхозе всем жить выгоды нет», и «лучше не показываться туда». При принятии такого решения он опирался на опыт сослуживцев, которые подсказывали, «как и что надо делать». Но по сделанному в послании родителям заверению, он и «сам не меньше их» осознал в период нахождения в армии престижность обретения статуса какого-либо специалиста. Николай в последние месяцы службы перед ожидаемой демобилизацией мечтал «или поехать на завод сразу рабочим», или устроиться его охранником [13].

В последнем варианте, по подсказкам сослуживцев, преимущество было в том, что «одевают сразу и обувают», оклад же достигал 300 рублей. Важным для Николая являлось то, что устройство на завод предполагало нормированный, в отличие от колхоза, график работы. Открывалась перспектива: «смену отстоял» и «можно

учиться». Предоставлялась возможность поступить «на любые курсы при этом же заводе». После завершения обучения присваивалась квалификация и предоставлялась работа уже как для специалиста с более высокой оплатой труда. Вероятность возвращения в родные места Николай также рассматривал. Но при этом придерживался настроения «в колхоз не идти», а «прямо в автошколу учеником». Знал он и о том, что автошколы есть в районном центре Вешках и соседнем селении Базках [14].

В письме от 14 апреля 1941 г. Николай просил отца узнать все поточнее, расспросить у знакомых, «как можно поступить». По-прежнему он строил планы на будущее. Его беспокоило то, как «в дальнейшем жить». Завершая описывать свои переживания, Николай напомнил родителям, что до окончания срока его службы в армии «остается пять месяцев». К этому подсчету он сделал так же, как и при окончании предшествующего послания, оказавшуюся через непродолжительное время пророческой приписку «если будем живы» [15]. Домой Николай еще надеялся вернуться, но по двум его письмам прослеживается предчувствие войны. Мечты же о возвращении к мирному созидательному труду оказывались преобладающими в армейских буднях. За счет их ослаблялись периодически проявлявшиеся тревожные ожидания.

Третье письмо, отправленное Николаем родителям с описанием впечатлений от увиденного в День международной солидарности трудящихся 1 мая, по моему запросу на хранении в музее обнаружено. Но в июле 1981 г. я держал его в руках и сделал краткие выписки. В майском послании Николай поделился с родителями впечатлениями о демонстрации и с гордостью сообщал, что «на параде видел мощь родной страны, проезжали танки, пролетали самолеты». Под воздействием от увиденного в нем окрепло желание учиться и стать квалифицированным рабочим. По данному письму так же, как и по предыдущим, не прослеживается подготовка к скорой войне, тем более за пределами СССР. По письмам Николая родителям вместе с тем заметно изменение, происходившее в предвоенные годы у советской молодежи. Наблюдалась тяга к получению образования, какой-либо квалификации, овладению техническими знаниями.

Работа в колхозе утрачивала прежнее значение, тем более если не имела связи с техникой. Профессии шоферов и трактористов пользовались в среде советской молодежи популярностью. В майском послании родителям Николай писал, что те из сослуживцев, которые обладают такими специальностями, «на вечеринках пользуются особым вниманием у девушек». В очередной раз он повторил то, что ему «стыдно возвращаться в колхоз к быкам». С ними Николай, судя по письмам к родителям, работал до призыва в армию, и техника, поступавшая в колхозы по мере осуществления политики индустриализации, не смогла еще вытеснить необходимость их использования. В конце майского письма 1941 г. Николай также отметил, сколько месяцев оставалось до завершения срока службы – «всего четыре» [16]. Письма от Николая, по пояснению Самуила Титовича, в июне и июле 1941 г. уже не приходили, майское оказалось предпоследним.

Именно поэтому его содержание воспроизводится по сделанным в экспедиции записям, отображенным в отчетах, переданных в архив областного музея краеведения. Четвертое, последнее, письмо Николай родителям отправил уже с фронта, не проставив дату. По печатям на треугольном сложении воспроизводится срок отправки – 17, поступления в город Каменск-Шахтинский Ростовской области – 26 и для распространения по хуторам Антиповского сельского совета – 31 августа 1941 г. В конце письма в надежде получить ответ от родителей Николай указал свой адрес: «Действующая Красная армия, полевая почта № 198 393 Г. С. П., п/разведка» [17].

Приветственное обращение к родителям вначале составлено было с особой нежностью и теплотой: «Добрый день, дорогие премногоуважаемые... родные... я ваш сын Дударев Н.С.» Далее оно сопровождается таким продолжением: «Имею очень большое счастье сообщить вам... о том, что... пока жив, а дальше располагать нельзя...». Николай очень просил близких написать как можно скорее ответ, сообщить об отце: «дома или в армии...». В случае если его уже призвали, как предполагал Николай, мать и бабушка остаться должны были одни без мужской поддержки. Он успокаивал их и советовал «не горевать». Понимая, что в условиях войны им очень трудно, Николай с особой душевностью настраивал: «как-нибудь живите одни» [18].

Забываясь о близких, он предлагал, что «если чего не хватает», продавать его «имущество», а также все приготовленное ему к возвращению из армии. Завершая данную наиболее важную для него, как можно судить по содержанию, часть обращения к близким, Николай еще раз повторил для них пожелание: «и живите спокойно». В письме с фронта он также ни на что не жаловался, с пониманием относился к необходимости выполнять воинский долг, защищать родину. Николая беспокоила только судьба близких. В следующем же фрагменте письма он просил передать печальную весть о гибели служившего с ним односельчанина: «Иван честно погиб за родину и теперь Ивана не ждите...». Николай постарался успокоить близких: «Это хорошо, что я об нем вам сообщил, чтобы вы уже не ожидали...» [19].

Излагались в письме от 17 августа 1941 г. и подробности о том, как все произошло: «...пуля попала прямо в голову, так что он и не слышал, как... погиб... он не мучился...». Николай передал близким, что Иван «был шофером», а потом, когда потребовали обстоятельства военного времени, «стал обратно в свою роту», был «хорошим пулеметчиком, но вражья пуля сразила его». Как видно из описания, Николай переживал по этому поводу и повторил в нем особо еще раз: «И Иван погиб!». Последнее слово он выделил для родных подчеркиванием. Передать печальное известие родственникам Николай попросил еще раз в конце письма. Сообщить «Быковским, что Иван погиб», своим близким он предлагал, «если возможно», и для того, чтобы не надеялись на возвращение [20].

При наступивших тяжелых испытаниях для страны и народа Николай наставлял их не отбиваться «от массы», делиться между собой и с другими, «чем можно». Выразил он вместе с тем сочувствие матери и бабушке, что, если отца также призвали в армию, то им «жить будет хуже» [21]. Николай советовал им при возникновении какого-либо непонимания спрашивать «у грамотных людей», которые, по его заверению, обязательно разъяснят и «будут налаживать на хороший путь». С возникновением наиболее сложных обстоятельств рекомендовал в панику не бросаться. Этим он передавал настрой, который формировали и у бойцов Красной армии в непростой период противостояния с фашизмом.

При возникновении тревожных сомнений о том, как «теперь жить», или тем более панического настроения, Николай убеждал мать и бабушку сохранять мужество и самообладание, даже при получении известий о гибели кого-либо руководствоваться установкой: «убили значит убили... на то война», а ее «без урона... не бывает». Жалея их, он также убеждал: «...не горюйте, будете жить, хлопотать – не пропадете». О том, как складывается его собственная судьба, Николай предлагал родным судить по поступлению писем. Обещал, как и раньше, присылать весточки о себе каждый месяц, а по возможности чаще. Вместе с тем предупредил, что, если «один месяц не будет письма, то значит, не стало...» [22].

Последнее слово он заштриховал, видимо, чтобы мать и бабушку преждевременно не расстраивать. Тем не менее к данному предложению приписано: «Мне тоже не шлите... но в панику не бросайтесь и не горюйте, а живите... работайте, если есть возможность». И перед указанием адреса, по которому ему следовало писать, дал краткое указание на свое местонахождение: пишу «с фронта с Украины». В конце письма Николай сделал приписку: «Дорогие родители, до свидания, пока... жив, жду... ответ». Повторил также пожелание: «живите, не горюйте, не волнуйте самих себя... передавайте всем... по привету» [23]. Письмо со штампом полевой почты от 17 августа 1941 г., как пояснили его родители, оказалось последним. Можно лишь предполагать, что оно было написано и отправлено в тот же день. Вскоре пришло сообщение: «пропал без вести...». По содержанию извещение было предельно кратким и об обстоятельствах и месте гибели указаний никаких не давалось.

По проанализированным письмам прослеживается, что подготовка в Красной армии в предвоенные месяцы 1941 г. проводилась как обычно и нацеленности на военные действия за пределами СССР не имела. Николай Дударев надеялся вернуться к мирной жизни. Демобилизация отслуживших положенные сроки военнослужащих предполагалась без каких-либо задержек.

Примечания

1. Ростовский областной музей краеведения (РОМК). КП ОФ. Ед. хр. № ПИ 265 (Письмо фронтовое на имя Дударева С.Т. от сына Дударева Н.С. от 17.08.1941).
2. Матвеев В.А. Соприкосновение с историей. В области начала работу археографическая комиссия // Молот. 1981. 18 сентября. С. 4.
3. РОМК. НВФ. Ед. хр. № 6971 (Письмо солдатское на имя Дударева С.Т. от сына Дударева Н.С. от 12.03.1941).
4. РОМК-ОФ-5543. Фо-374 (Фотография групповая... 9/13 см. Фотосъемка 1941 г.).
5. РОМК. НВФ. Ед. хр. № 6971 (Письмо солдатское на имя Дударева С.Т. от сына Дударева Н.С. от 12.03.1941).
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. РОМК-ОФ-5543. Фо-374 (Фотография групповая... 9/13 см. Фотосъемка 1941 г.).
10. РОМК. НВФ. Ед. хр. № 6971 (Письмо солдатское на имя Дударева С.Т. от сына Дударева Н.С. от 12.03.1941).
11. Там же.
12. РОМК. НВФ. Ед. хр. № 6972 (Письмо солдатское на имя Дударева С.Т. от сына Дударева Н.С. от 14.04.1941).
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Архив РОМК. Отчет об археографической экспедиции 1981 г.
17. РОМК. КП ОФ. Ед. хр. № ПИ 265 (Письмо фронтовое на имя Дударева С.Т. от сына Дударева Н.С. от 17.08.1941).
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.

Е.М. Самарина**О ВОРОШИЛОВГРАДСКОМ ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ
ПОД РУКОВОДСТВОМ И.М. ЯКОВЕНКО:
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОТЦА**

Наша семья получила известность из-за моего дяди Виктора Иосифовича Третьякевича (1924–1943), комиссара подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия», созданной в оккупированном нацистами городе Краснодоне Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области. Будучи одним из организаторов «Молодой гвардии», он был казнен вместе со своими товарищами, но после смерти оказался жертвой оговора. Лишь в 1960 г. позорное клеймо предателя было снято с него, и Виктор Третьякевич был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Старший брат Виктора, мой отец Михаил Иосифович Третьякевич (1910–1980 гг.), в августе 1941 г. стал вторым секретарем Октябрьского райкома ВКП(б) города Ворошиловграда (в настоящее время – Луганска). Во время оккупации Ворошиловградской области в 1942 г. был оставлен в тылу врага комиссаром партизанского отряда, которым командовал секретарь Ворошиловградского горкома партии Иван Михайлович Яковенко (1910–1942 гг.).

После войны отец писал воспоминания, всего получилось семь тетрадей. На основе воспоминаний отца была написана книга «Повесть о братьях Третьякевичах» [1]. В 2004 г. я опубликовала воспоминания отца, объединив под одной обложкой его записи, письма и дневники [2]. Изданная небольшим тиражом (в 200 экземпляров), книга быстро разошлась. Между тем воспоминания М.И. Третьякевича представляют собой ценный исторический источник, в котором описываются события в прифронтовом Ворошиловграде, создание и деятельность партизанского отряда. Отряд просуществовал недолго, но партизаны внесли свой вклад в дело общей победы над врагом. При этом многие заплатили за это дорогой ценой – своей жизнью. Поэтому воспоминания М.И. Третьякевича могут представлять интерес для исследователей истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

Далее приведу краткие выписки из воспоминаний Третьякевича Михаила Иосифовича.

Начало войны. В первый же день войны на стадионе им. Ворошилова состоялся митинг, на котором секретарь обкома партии Гаевой Антон Иванович поставил задачу о перестройке промышленности города на выпуск военной продукции. Постепенно предприятия начали выпускать танки, минометы, противотанковые ружья, боеприпасы. Ежедневно я бывал на бывшем паровозостроительном заводе им. Октябрьской революции (завод ОР), и видно было, как все старались выполнить задание Государственного комитета обороны (ГКО) по изготовлению танков. В сентябре 1941 г. их было произведено уже свыше 500 штук.

А в это время враг приближался к Ворошиловграду. Уже гитлеровцами были захвачены Мариуполь, Днепрпетровск, Полтава. В первой половине октября пришла телеграмма ГКО за подписью И.В. Сталина об эвакуации оборудования и рабочих специалистов. Для крупных предприятий ГКО сам установил станции назначения. Так, завод ОР должен был отгружать оборудование в города Омск и Алма-Ату. 10 октября немцы уже бомбили вокзал, где погибло много раненых из стоявшего там эшелона, и маленький базар возле 7-й школы. Там погибло много мирных жителей – 21 человек. Народ насторожился. Угроза оккупации города казалась близкой. Все партийные и советские работники были переведены на казарменное положение. Был создан крупный аварийно-восстановительный батальон, в задачу которого входило поддержание дорог для прохода военной техники, восстановление мостов и ликвидация последствий бомбежек.

Я знал, что в городе приступили к организации партийного подполья, что уже вызывали в обком для беседы секретарей райкомов М.К. Громова и Н.С. Литвинова. Я уже настроился сам идти в обком, когда 7 ноября ко мне зашел И.М. Яковенко и спросил: «Как ты смотришь на то, чтоб остаться в подполье?» Я ответил коротко: «Я готов». Центральные комитеты ВКП(б) и КП(б)У, а также ГКО придавали большое значение партизанской работе в Донбассе. Известно, что Гитлер в своих планах отводил особое место Донбассу, готовя ему роль «Восточного Рура».

Предприятия города вывозятся на восток. Мне поручено отвечать за эвакуацию новопаровозного и кузнечного цехов завода ОР.

Уже в 1942 г. на базе оборудования завода ОР действовали заводы в Омске, Алма-Ате, Фрунзе. С оборудованием выехали тысячи ворошиловградцев, где они трудились для фронта. А в это время на фронте произошли изменения – Красная армия остановила наступление гитлеровцев на границе нашей области. Но хотя немцы остановлены, опасность городу остается. Поэтому нельзя было снижать темпы строительства оборонительных сооружений.

В прифронтовом городе. Наряду с этой работой нам пришлось готовиться на случай перехода в подполье. Вся территория области разбивалась на районы, в которых должны были самостоятельно действовать подпольные обкомы партии. В одном из таких обкомов я должен был работать заместителем Яковенко. На бюро обкома Иван Михайлович был утвержден секретарем подпольного зонального обкома партии и командиром партизанского отряда. Меня утвердили секретарем подпольного горкома партии и комиссаром отряда. Бюро горкома партии также утвердило командирами группы Рыбалко С.С., Громова М.К., Литвинова Н.С., Боброва. Командиры группы занимались подбором рядового состава своих групп. Они же занимались продуктами и материальным обеспечением, получая их по специальным нарядам. Всем группам определили места дислокации. Руководство отряда должно находиться при группе Рыбалко в лесу у Донца в районе хуторов Христовое и Паньковка. Но в связи с тем, что наша армия наступление немцев приостановила, действовать отряду пока не пришлось.

В это время с нами встретились командующий армией Коротев и командиры дивизий Петраковский и Привалов. Они сообщили, что фронт стабилизировался, и, видимо, надолго. Вечером 10 декабря 1941 г. по радио сообщили о разгроме гитлеровских войск под Москвой. Какое было ликование! На следующий день на улицах люди только об этом и говорили.

Первый секретарь обкома Гаевой А.И. призвал выявить и взять на учет оставшееся оборудование. Теперь даже на небольших предприятиях организовали выпуск продукции для фронта. Например, на кроватной фабрике выпускали корпуса для гранат, а в бывшем гараже завода ОР организовали круглосуточный ремонт автомашин для воинских частей. На заводе ОР наладили выпуск авто-

матов ППШ, ремонт танков и бронемашин, завод сделал шесть бронепоездов и более 10 тысяч автоматов. Главным было обеспечение бесперебойной работы ТЭЦ, которая была единственным источником электроэнергии для города. Жизнь прифронтового города налаживалась: предприятия выпускали оборонную продукцию, столовые обеспечивали разовым питанием работающих, кинотеатры и драмтеатр работали, начали учебу школы, работали больницы и поликлиники.

В начале февраля 1942 г. на пленуме горкома партии приняли решение выпускать новые изделия для армии. Это трубы для запалов авиабомб на заводе им. Якубовского, пошив верхнего обмундирования на швейной фабрике и ботинок в артели «Красный кожевник», изготовление сухарей из ржаного хлеба на хлебозаводе № 1, котелков на заводе им. Артёма. На этом пленуме меня утвердили секретарем горкома партии. Решили направить группу товарищей в подшефную 395-ю стрелковую дивизию, которая была сформирована в августе 1941 г. у нас в городе в основном из ворошиловградцев и жителей окружающих районов. Кроме обычных подарков для воинов мы взяли на заводе ОР двести автоматов ППШ. Командир дивизии Герой Советского Союза еще с финской войны Петраковский и комиссар дивизии Санюк были очень довольны – ведь на фронте еще было очень мало автоматов. Дивизия защищала подступы к Ворошиловграду, принимала участие в освобождении Тамани, за что приказом Главкома была названа Таманской, и завершила войну в Берлине.

Было принято решение о завершении строительства оборонительных сооружений. Восьмидесятикилометровая трасса от села Желтого до Николаевки опоясывала город с трех сторон, исключая восточную часть. Кроме противотанкового рва на всем протяжении трассы были предусмотрены доты, дзоты, эскарпы, ходы сообщения, командные пункты. Удавалось ежедневно выводить на строительство 15–18 тыс. человек. В основном трасса была завершена к 20 июня 1942 г.

Поскольку город стал прифронтовым, в нем размещалось несколько воинских частей и эвакуогоспиталей. А во второй половине июня к нам перебазировался штаб и Военный совет Южного

фронта во главе с командующим генерал-лейтенантом Р.Я. Малиновским. 7 июля Яковенко и я приехали в штаб фронта. Мы узнали, что на северном участке Южного фронта в районе городов Изюм и Барвенково фашистские войска прорвали нашу оборону. Малиновский сказал, что чтоб не оказаться отрезанными, наш город на днях будет оставлен войсками. Зная, что нам предстоит уходить во вражеский тыл, мы обратились с просьбой к Малиновскому помочь нам взрывчаткой и боеприпасами. На следующий день наши люди во главе со старшиной отряда Шевченко получили 500 кг взрывчатки, запалы, бикфордов шнур, 30 ящичков патронов для автоматов, два ручных пулемета, 250 гранат РГД, две палатки. Автоматы мы взяли на заводе ОР. Нужно отметить, что за 10 дней до оккупации города мы максимально провели эвакуацию населения и остатков оборудования. Было отправлено из города около 100 эшелонов.

Об отряде. Вернувшись из штаба фронта, мы с Яковенко немедленно зашли к 1-му секретарю обкома А.И. Гаевому. Он рассказал нам, что, обсуждая на бюро обкома вопрос о подпольной работе, решили оставить так, как было определено еще в апреле прошлого года, а именно – командиром отряда будет Яковенко, и комиссаром отряда – Третьякевич. Нам предстояло доукомплектовать отряд людьми, утвердить командиров групп, решить всё, что связано с материальным обеспечением отряда, еще раз проверить явочные квартиры. На всё это нам дали три дня. 12 июля мы должны были быть в полной боевой готовности. Отряд пришлось создавать почти заново, что мы и сделали за 5 дней.

С нами встретился секретарь ЦК Компартии Украины Коротченко Демьян Сергеевич, который перед этим побывал в партизанских соединениях Ковпака, Федорова, Медведева. Он отметил, что условия борьбы в Донбассе по сравнению с правобережьем Украины различны: «Здесь безлесье, значит, большие отряды создавать нельзя. Мелкие группы по 5–10 человек смогут успешно выполнять ваши задания. Но самое главное, – продолжал Коротченко, – это проводить агитационную работу среди населения, призывать народ срывать мероприятия немцев. Одновременно надо вести и активную диверсионную работу».

Конечно же, ни Иван Михайлович, ни я не были осведомлены о практике подпольной работы при оккупации. Никто не познакомил нас с методами борьбы при оккупации. Это было большим недостатком. Мы с Яковенко решили, что обстановка на месте подскажет нам, что делать.

12 июля мы доложили Гаевому, что готовы к выезду в лес, и 13 июля я проводил группу во главе с командиром Рыбалко. С ним выехали в лес секретарь подпольного обкома комсомола Надя Фесенко, секретарь подпольного горкома комсомола Галя Серикова и старшина отряда П.Н. Шевченко. Мы с Яковенко выехать со всеми пока не могли, т.к. должны были завершить подрыв важных объектов города. Я отвечал за взрыв ТЭЦ завода ОР, а также хлебозаводов, мясокомбината, завода Пархоменко и железнодорожного моста через речку Ольховку. Когда задание по подрыву было выполнено, мы выехали в лес.

Сразу же собрали личный состав группы, решили ежедневно 2–3 часа проводить боевую подготовку. Каждый должен был уметь хорошо стрелять из автомата, подкладывать взрывчатку. Обучение шло под руководством Рыбалко и старшины Шевченко. К концу дня 16 июля все работы по укрытию продуктов и снаряжения были завершены. Всё рассредоточили в трех местах, чтобы в случае обнаружения одной базы оставался бы еще запас для отряда, соорудили шалаши.

Итак, 17 июля 1942 г. в 10 часов утра фашисты заняли Ворошиловград. Город был оставлен нашими войсками в силу того, что основная ударная группа немецких войск, обойдя город с севера, уже 15 июля захватила Миллерово и Кантемировку – в 100 км на восток. Наши войска, чтоб не остаться в кольце, вынуждены были отойти.

Наш отряд насчитывал всего 48 бойцов, не считая подпольщиков-одиночек; имел 35 автоматов, 18 винтовок и 150 гранат. Место дислокации групп мы сами установили. По сравнению с тем, что намечали раньше, внесли ряд уточнений. Штаб отряда, как и планировалось раньше, базировался в группе Рыбалко. При штабе были подпольные обком и горком комсомола во главе с Надей Фесенко и Галей Сериковой. В штаб входили командир отряда Яковенко, я, старшина Шевченко, Надя Фесенко, Опренко,

как связной. Яковенко говорил, что начальником штаба к нам в отряд назначен Груц – первый секретарь Боково-Антрацитовского райкома партии, но он к нам так и не явился.

При штабе отряда была создана комсомольская организация. Ее члены: Надя Фесенко, Галя Серикова, Афанасий Забелин, Юра Алексенцев, Ястреб и Виктор Третьякевич – мой младший брат. Он, как только узнал о создании отряда, стал меня просить взять его в отряд, но я не хотел этого. Тогда он сам пошел к Яковенко, и тот включил его в группу Рыбалко. Комсомольцы участвовали в большинстве операций отряда. С их помощью в городе и окрестностях была создана подпольная сеть комсомольцев-одиночек, действовала группа связных.

Из донесений нашей разведки стало ясно, что кроме репрессий гитлеровцы среди населения ведут большую пропаганду. Мы имели рацию, вели двухстороннюю связь со штабом партизанского движения, регулярно слушали Москву. На основании этого и донесений связных мы составляли свои листовки и распространяли их в Ворошиловграде и окрестностях. Тексты листовок составляло командование отряда и групп, а затем несколько человек, и особенно комсомольцы, их размножали при свете трофейных фонариков. На каждой листовке писали: «Прочти и передай другому». Вот одна из многих наших листовок: «Дорогие наши ворошиловградцы! Мы, коммунисты-подпольщики, обращаемся к вам – не верьте лживой фашистской пропаганде. Банда Гитлера пытается убедить вас, что они разгромили Красную армию, уничтожили советскую власть. Это наглая ложь! Красная армия не только не уничтожена, она наносит сокрушительные удары по гитлеровским войскам по всем участкам фронта. Недалек час, когда Красная армия перейдет в контрнаступление и освободит наш город от гитлеровской нечисти. 7 августа 1942 г. Подпольный горком партии».

Стали думать о проведении диверсий. Для этого необходимо было встретиться со всеми группами отряда. Это было трудно сделать, т.к. группы меняли свои местоположения из-за плохих условий укрытия. Постоянная связь была только с группой Громова, в которую входило 14 человек. В конце концов эта группа примкнула к нам.

Пытаясь наладить связь с группой Литвинова, Яковенко в который раз уже решает идти на ее поиски. Но найти ее так и не удалось. Позднее стало известно, что в группе оказались ненадежные люди, они сбежали и указали полиции место расположения группы и продовольствия. Все базы были разгромлены. Группа осталась без ничего. Литвинов направился в Ростовскую область, где осел в хуторе Роголик. Здесь он приступил к организации новой группы. Она состояла в основном из попавших в окружение наших солдат и офицеров, в ноябре 1942 г. выросла уже до 50 человек. Они провели ряд операций. Даже сбили фашистский двухмоторный самолет в районе хутора Волошина. Они разбирали пути на железной дороге Красновка – Миллерово, уничтожали телефонную связь, уничтожили три автомашины с немцами на Миллеровской дороге.

Остановлюсь на нескольких примерах боевой деятельности отряда. Стало известно, что в Паньковку прибыл большой отряд из 50–60 немцев на мотоциклах и велосипедах. На возвышенности вверх по Дону они выставили пост из нескольких человек. Яковенко дал команду немедленно идти на этот пост, для чего привести себя в полную боевую готовность. По его команде мы обстреляли фашистов с трех сторон. Никто из них не поднялся. Мы подбежали к трупам, забрали документы и оружие. Немцы из хутора открыли ураганную стрельбу, но мы были уже в лагере. После этой операции немцы обстреливали лес днем и ночью. Нам пришлось уйти в более густой лес.

По направлению на хутор Обозный за два дня выросло какое-то сооружение немцев. Яковенко дает задание молодым ребятам Забелину и Виктору пробраться в темноте и узнать, что это такое. Вернувшись, ребята рассказали, что это метеостанция. Когда они подползли ближе, то услышали, как передавали сводку погоды на аэродромы. Виктору легко было понять разговор немцев: кроме изучения в школе он в течение двух лет посещал в Краснодоне курсы немецкого языка. Он нам переводил статьи из немецких газет и документы, захваченные у немцев. На следующую ночь метеостанция уже не существовало. Несколько бойцов с Яковенко забросали ее гранатами, обстреляли из автоматов, уничтожив ее гарнизон.

Практически каждый день мы проводили боевые операции, совершали диверсии. Так, на дороге на Веселую гору мы напали на обоз из шести подвод. В результате было убито около 10 немцев, и мы обогатились на несколько ящиков гранат. А 2 августа разведка доложила, что вверх по Дону недалеко от села Христовое немцы навели через Донец понтонные мосты, по которым начали переправлять транспорт. Яковенко сказал: «Не можем мы спокойно смотреть, как немцы переезжают Донец рядом с нами». Рыбалко проработал операцию до деталей, взял ребят, которые могли подолгу плыть под водой, и ночью мост был ликвидирован. Таким же образом были взорваны мосты выше Веселой горы и около села Желтого.

Фашисты решили предпринять против нас большое наступление, распустив слухи, что в лесу находится 250 партизан. А нас даже после воссоединения с группой Громова было 22 человека. В хутор прибыл карательный отряд в количестве 300–400 человек. С утра они открыли по месту нашего расположения сильный минометный и пулеметный огонь. Обсудив положение, мы решили временно перейти в Митякинские леса, где хорошо ориентировался Степан Сергеевич Рыбалко.

10 августа мы пошли через пески Станично-Луганского района. Шли ночами с большими грузами. Во вторую ночь в результате неточной ориентировки мы подошли к неизвестному нам тогда поселку. Это был хутор Пшеничный. Собрали всю группу, условились, что идем в Митякинские леса за речку Деркул, отметили место встречи на карте. И тут неожиданно начался интенсивный обстрел со всех сторон. Когда он начался, я и несколько ребят залегли прямо на том месте, где сидели. Завязался бой, в котором погиб старшина Шевченко. Нужно было отходить, т.к. с хутора шло подкрепление немцам. Яковенко мне сказал, чтобы я с пятью бойцами прикрывал отход отряда. Мы начали отстреливаться, а Яковенко с большей группой вышел наверх. Когда немного утихла перестрелка, я и четверо бойцов отошли 150 метров по реке и стали ждать остальных.

Мы с Рыбалко решили, что остальной отряд, возможно, пошел вверх и далее в Митякинский лес, как договаривались, и мы его там обнаружим. У нас не было договоренности с Яковенко вернуться

в Паньковский лес. Была одна мысль – добраться в Митякинский лес. А Яковенко, как выяснилось потом, почему-то с отрядом пошел снова в район Паньковки. 15 сентября отряд окружили немцы, и Яковенко погиб. До этого при выполнении задания в городе были схвачены гестапо Фесенко и Серикова. Юра Алексенцев пробрался в Паньковский лес, чтоб разыскать и похоронить тело командира. Обнаруженный полицейскими, он был тяжело ранен и в последнюю минуту подорвал гранатой себя и врагов. Виктор Третьякевич вернулся в Краснодар, где стал комиссаром «Молодой гвардии» и вместе с другими молодогвардейцами казнен фашистами 15 января 1943 г.

На вторые сутки мы дошли до Митякинского леса и решили разыскивать отряд. Исходили весь лес, но никого не нашли. Лес был размером примерно 4 на 10 км. О дальнейших событиях рассказано в книге Г. Емченко и И. Письменовой «Мужество коммунистов»: «Прикрыв под Пшеничным отход отряда, Третьякевич и Рыбалко вместе с товарищами с боем прорвались через вражеское кольцо и двинулись к Митякинскому лесу. Михаил Третьякевич направился на Старобельщину, надеясь встретить партизан. Оформив чужие документы, он закрепился в Марковском зерносовхозе, где уже 15 сентября создал подпольную партийную группу. В нее вошли сельские коммунисты, которые не успели эвакуироваться на Восток, и бойцы Красной армии, которые вышли из окружения. Подпольщики саботировали и срывали работу оккупационных властей, провели успешную диверсию на дороге Евсуг – Беловодск, закидав гранатами автомашину с гитлеровцами. При этом было убито и ранено 15 фашистов. Третьякевич стал замечать за собой слежку и вынужден был уйти из тех мест» [3].

В совхозе Марковский я познакомился с группой товарищей, которые там работали, это Хмеленко, Осокин, Гетманский, Рузавкин, Морозов. Таким образом, у нас образовалась подпольная группа. Была задача разыскать оружие. В течение 20 дней собрали 15 винтовок, а к концу октября приобрели еще 4 автомата и 400 патронов, что помогло нам проводить диверсии. Когда мы поняли, что за нами стали следить, то я и трое со мной ребят двинулись в Ворошиловград. Там я останавливался на явочных квартирах. В Ворошиловгра-

де в ноябре 1942 г. я встретился с подпольщиками из нашего отряда – Соболевым, Хмаренко, Морозовым. Мы возобновили выпуск листовок. В листовке 8 января 1943 г. я писал: «Дорогие ворошиловградцы! Вся итальянская и часть немецкой армии разгромлены Красной армией на Дону. Красная армия успешно наступает. Фашисты пытаются закрепиться на правом берегу Донца. Не идите строить укрепления, прячьтесь, это поможет скорому приходу Красной армии в наш город. Смерть немецким оккупантам!».

14 февраля город был освобожден. В 11 часов утра 14 февраля в горкоме партии состоялась встреча с командованием корпуса, который освобождал город, во главе с генерал-майором Запороженко. Вспоминаю, как рано утром 14 февраля я шел по освобожденному городу. Жители вышли на улицы, радовались, обнимались. И вот одно из самых счастливых событий – ко мне стали подходить наши подпольщики из отряда. Они сообщили печальную весть о гибели командира нашего отряда Яковенко Ивана Михайловича. Вспомнили и о других погибших наших товарищах.

За время деятельности в тылу врага нашим отрядом было уничтожено 113 фашистов, взорвано два моста через Донец, разрушены переправы, метеостанция, автомашины, разгромлены обозы, распространено десятки тысяч листовок и газет, группой Литвинова сбит немецкий самолет. Немцы в течение длительного времени держали против нас свыше двухсот карателей. Несмотря на кажущуюся невозможность проникать через плотное кольцо карателей, наши люди систематически ходили в город, приносили нужные сведения, распространяли листовки. Часто приходили к нам связные. Жители знали о нашем существовании, читали наши листовки, и у них была уверенность в победе Красной армии.

Примечания

1. Самарина Е.М. Повесть о братьях Третьякевичах. Екатеринбург, 1998.
2. Третьякевич М.И. Семь тетрадей. Из воспоминаний. Екатеринбург, 2004.
3. Емченко Г., Письменова И. Мужество коммунистов. Киев, 1967. С. 78.

С.А. Приходько**НОВОЗЫБКОВ В 1942 г.
(на материале дневника Ф.Н. Далёнкина)**

Федор Никифорович Далёнкин родился в г. Новозыбкове Брянской губернии в 1925 г. Его семья жила в 130-м доме на Верхней улице. Мальчик учился в первой школе, в 1924 г. переименованной в честь М.И. Калинина, одного из Председателей ЦИК СССР. Будущий наблюдатель находился в девятом классе первой школы, когда город захватили немецко-фашистские войска.

Во время оккупации Ф.Н. Далёнкин вел дневник, который был напечатан к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне в газете «Новозыбковский маяк» [1]. Ранее он издавался А.Г. Эпштейном, но за пределами Новозыбкова. Оригинал документа хранится в Новозыбковском краеведческом музее [2].

В дневнике Ф.Н. Далёнкин внимательно фиксировал все, что видел и слышал. По его словам, на углу Первомайской и Советской улиц (в течение двух лет оккупации действовали немецкие названия данных объектов) новые правители открыли биржу труда. Жители Новозыбкова, выполняя приказ, являлись в своеобразный центр занятости (в настоящее время – Первомайская улица, 8-й дом) и получали работу, которую захватчики оплачивали.

Оккупационные рейхсмарки, выпускавшиеся в 1940–1945 гг., позволяли советскому человеку приобрести еду и непродовольственные товары, включая бритвенные принадлежности и мыло. Рейхсмарок не хватало, поэтому на захваченных территориях фашисты не могли вывести из оборота национальные платежные средства. Ф.Н. Далёнкин ни разу не получал даже 100 рейхсмарок в месяц. Для сравнения, ежемесячный доход И.М. Немцева, бургомистра Новозыбкова, составлял 1000 рейхсмарок. Также в Новозыбкове в обращении находились советские рубли, которые по курсу были дешевле в 10 раз. Как и в довоенный период, в город приезжали сельские жители для реализации своей продукции. Покупательная способность любых денег была очень низкой: на рынке в Новозыбкове за 10 советских рублей можно было приобрести только вареное яйцо.

Весной 1942 г., после победы РККА в Московской битве, над городом стали чаще замечать советские самолеты. Жители Новозыбкова фиксировали их 3–4 раза в неделю. Можно вспомнить младшего лейтенанта 191-го истребительного авиационного полка Ивана Петровича Грачёва, после краха блицкрига под Москвой награжденного медалью «Золотая звезда» и орденом Ленина [3], который сбрасывал ценные грузы новозыбковским партизанам. Помимо них, благодаря асам 101-го авиационного полка дальнего действия и 68-го отдельного авиационного полка народные мстители получали различных специалистов, включая мастеров минно-подрывного дела, без которых диверсии на автомобильных дорогах и железнодорожных магистралях были бы невозможны.

В конце апреля был взорван железнодорожный путь вблизи станции Новозыбков. Дневники руководителей партизанского движения в юго-западных районах Орловской области подтверждают, что народные мстители расшатывали оккупационный режим.

12 мая 1942 г. горожане услышали какой-то непонятный взрыв. Звук шел со стороны Софиевского леса. Все чаще слышались взрывы и происходили крушения немецких эшелонов. Ф.Н. Далёнкин с удовлетворением писал, что весной 1942 г. каждый русский человек смотрел на немцев не как на спасителей, а как на грабителей и захватчиков.

В ночь на 22 мая партизаны пустили под откос эшелон с живой силой противника всего в 200 метрах от узловой железнодорожной станции Новозыбкова. Фашисты ее тщательно охраняли, поскольку транспортный узел имел стратегическое значение. Весь длинный состав пассажирских вагонов слетел с насыпи вместе с паровозом. Уцелевшие немцы, бросившиеся бежать, были обстреляны из засады партизанами отряда.

По мнению автора дневника, партизаны не трогали железнодорожных мостов потому, что их охраняли братья-русские, насильно принятые на эту службу. Ф.Н. Далёнкин утверждал, что партизаны не трогали невинных русских людей, взрывали только военные объекты. Тем не менее долгое время среди партизан не было согласия по поводу стратегии и тактики борьбы с завоевателями.

Один из охранников моста рассказывал о случае, произошедшем в два часа ночи. Караульные услышали стук приближающихся колес.

Старший по годам, а не по чину охранник приказал спрятаться для безопасности. Спрятавшиеся охранники увидели, что по дороге со стороны Деменского леса двигались девять подвод. На них сидели люди, видны были картузы и платки на головах. Голосов не было слышно. Защитники моста решили, что это какие-то беженцы и хотели их окликнуть, но заметили блеск оружия. Люди были вооружены и по-разному одеты. На одной из телег стоял пулемет. Лошади казались хорошо откормленными. Пропустив эту процессию, мирные жители договорились не говорить начальству ни слова, но это был партизанский отряд.

Минут через пять послышалось пыхтение паровоза: по расписанию шел пассажирский поезд с немецкими войсками на фронт. Прошел поезд, и вдруг тишину прорезала пулеметная очередь. Раздался взрыв ужасной силы, вагоны и паровоз полетели с насыпи. Сбоку от железной дороги, из густых кустов, была открыта ружейно-пулеметная стрельба по выскакивающим сонным солдатам. Спросонья немцы бежали куда попало, их везде настигали партизанские пули. Со стороны станции прибыл вспомогательный отряд немцев. Партизаны забросали карателей гранатами и ушли. Фашисты начали облаву, но партизан, ни живых, ни мертвых, нигде не нашли. Не без удовлетворения Ф.Н. Далёнкин уничижительно отметил, что зря ноги били гитлеровские вояки целый день в лесу.

Летом действия партизан усилились. Все больше новозыбковцы отмечали взрывов и крушений поездов. В районе Климово народные мстители взорвали два состава вагонов с горючим, двигавшихся на фронт. По мнению Ф.Н. Далёнкина, в Дубровском районе партизанское движение получило наибольшее распространение. За рекой Вага находились непроходимые леса, в которых располагался лагерь народных мстителей. Вблизи реки располагались два поселка, жители которых были переселены в Дубровку.

Партизаны умело и незаметно подкладывали мины. На речке Каменке находился деревянный мост, который переезжал отряд немцев. Легковая машина проехала через мост, а грузовик с войском и оружием взорвался. На этой же речке на вновь выстроенном мосту взрывом была уничтожена машина с офицерами.

По достоверным данным, партизаны были хорошо вооружены. Как рассказывали очевидцы, они все были перепоясаны пулеметными

лентами. За поясом у каждого было по полдюжата гранат. В Новозыбковском отряде имелись пять танков и артиллерия. В распоряжении партизан находился даже самолет, который прилетал из-за линии фронта. Он садился в ночное время на территорию Новозыбковского района, на бывший аэродроме в Деменке. Отметим, что в окрестностях Новозыбкова действовали три аэродрома.

14 июня в Старых Бобовичах высадился советский десант в количестве 25–30 человек. Все участники его благополучно приземлились и были хорошо встречены местным населением.

По сообщению немецких газет, германская армия взяла Керчь, Севастополь, а также Кронштадт. В Новозыбкове захватчики распространяли пропагандистскую русскоязычную газету «Новый путь», которая печаталась в Смоленской области с осени 1941 г. до осени 1943 г. Ее тираж достигал 200 тысяч экземпляров. В этом многополосном периодическом издании, которое продавалось в городе за 50 копеек, постоянно печатались фальшивые новости для советских людей. Печально, что Ф.Н. Далёнкин не опроверг сообщение о взятии фашистами Кронштадта. Как и Ленинград, город выдержал долгую блокаду и в январе 1944 г. был освобожден.

Войска агрессора достигли Дона и заняли Ростов-на-Дону. Естественно, немцы не рассказывали, что осенью их наступление под Сталинградом захлебнулось. На рубеже 1942 и 1943 гг. Северный Кавказ был очищен от гитлеровцев. Коренной перелом в Великой Отечественной войне в пользу СССР не стал секретом для горожан.

Успехи партизан вызывали резонанс в Новозыбкове, поэтому их удары многократно находили отражение в дневнике Ф.Н. Далёнкина. Несколько недель ничего интересного и решительного не происходило. Автор дневника отметил, что 4 июля 1942 г. поступил на работу в учебные мастерские городской управы в цех по изготовлению игрушек из дерева.

В ночь на 7 августа были арестованы Карп Иванович (автор дневника забыл фамилию) и его жена. На другой день его имущество было конфисковано. После короткого допроса хозяева были отправлены в Гомель. Вероятно, они попали в Гомельскую тюрьму [4]. Впоследствии выяснилось, что Карп Иванович в 12 часов ночи 6 августа у себя на чердаке через радиопередатчик передавал свои наблюдения на ту

сторону фронта. В дневнике Ф.Н. Далёнкин признал Карпа Ивановича отважным человеком и назвал патриотом СССР. По волне немцы отыскали его и схватили на месте преступления. Таким образом, фашисты имели и использовали в Новозыбкове специальное оборудование для радиопеленгации. О его судьбе, как и о многих других обывателях, Ф.Н. Далёнкин не сообщил.

Неделей раньше захватчики забрали семью Цыбульских, скрывавших племянника-партизана. В числе арестованных оказалась Таисия Цыбульская. В доме фашисты оставили старуху. Ф.Н. Далёнкин не уточнил степень ее родства с узниками. Около дома немцы выставили охрану. Также в городе на этой неделе (с 3 августа) были арестованы семьи бывших и тогдашних начальников из управы: Воскресенского, Жеребцова, Червонящего и др. Оккупанты забрали мать и отца Витьки Радченко, но он сам и брат скрывались. В городе они не нашли пристанища. Их также посадили. Кроме них были арестованы Мишка Чуприн и Таиська. Фашисты отправили их в Гомель 10 августа. Ф.Н. Далёнкин отметил, что Мишка Чуприн впоследствии работал в Злынке.

7 августа был арестован Василий Концевой, рабочий автоматного цеха бывшей фабрики «Волна Революции». Обвинялся он в том, что помогал партизанам. Целую неделю велись допросы, но арестованный не признавался. Патриот не считал себя ни в чем виновным. Немецкое командование настаивало, что именно он знает местоположение партизан и что если он его не откроет, то будет повешен. Василий Концевой отвечал, «что хотите со мной делайте, я ничего не знаю и ничего не скажу». Немецкое командование решило для острастки населения повесить Василия Концевого, якобы пособника партизанам. Он был отведен в тюрьму и посажен в одиночную камеру под висячий замок.

13 августа в 4 часа утра фашисты привели осужденного в кабинет начальника тюрьмы. Виселица была построена еще вечером на площади Октябрьской революции (в период немецкого господства – Базарной площади), около памятника В.И. Ленину. Разрешение на повешение было подписано начальником полиции, начальником тюрьмы и судьей-палачом. Устно приказ отдал сам комендант. Василию Концевому в кабинете завязали полотенцем глаза, связали руки.

За воротами его посадили на телегу. При нем находились два полицая. Одним из них являлся Лёнька Шведов. У виселицы пленнику приказали встать прямо на телеге. На Василия Концевого накинули петлю. Он успел сказать три слова: «Лёня, скажи жене...».

Подвода отъехала, без крика он умер. Рядом с виселицей захватчики прибили надпись: «Такое же наказание будет всякому, кто помогает партизанам». Наутро собрался народ. Тут стояла жена «преступника» с тремя малолетними детьми. Она то падала в обморок, то нервно плакала. Многие женщины, его соседи с Урицкой улицы, стояли со слезами на глазах. Василий Концевой висел, запрокинув назад голову и опустив руки (когда его повесили, с глаз сняли повязку и развязали руки). Он висел весь день до вечера (в воскресенье), вечером с поспешностью столб был подпилен, а мертвеца сняли. Вечером его похоронили на кладбище в гробу. Чтобы замести следы, фашисты сразу же выкопали остаток столба, и, как с горечью подчеркнул Ф.Н. Далёнкин, русского человека не стало.

20 августа в 5 часов 30 минут утра произошел огромной силы взрыв. Сразу же в Новозыбков прибыли дополнительные силы немцев. Тем же утром, в 10 часов, горожане увидели советский самолет. Начали летать сталинские соколы на той неделе во вторник. Поскольку эта запись в дневнике появилась в четверг, можно предположить, что разведывательные полеты проходили через день. В 6 часов вечера также пролетел еще один советский самолёт в том же направлении – в Гомель. Катастрофическое поражение вермахта в битве на Курской дуге сделало освобождение юго-западной части РСФСР вопросом времени.

Вечером Ф.Н. Далёнкин чинил табурет дома. Его мама собирала траву. Вдруг Ф.Н. Далёнкин услышал гул мотора. Шум стал сильным: самолет шел быстро, он казался величиной с ястреба. По-видимому, это были одиночные партизанские самолеты-разведчики. Важно учитывать, что в соответствии с его дневником советская авиация начала бомбить в город в марте 1943 г., после триумфа советских войск в битве под Сталинградом. Победам на Волге и под Курском Ф.Н. Далёнкин уделил внимание в своих записях.

Из-за работы свободного времени у автора дневника не имелось: ему некогда было подробно писать о событиях. 4 сентября Ф.Н. Далёнкина перевели из отделения игрушек в столярный цех, в котором

обучались ребята в возрасте автора дневника. Они постигали основы столярного мастерства. Ф.Н. Далёнкин только успел сделать табурет, а другой не окончил, как вдруг услышал, что будут выпускать учеников. 21 сентября он получил квалификацию «столяр 2-го разряда» и был направлен на работу в строительную контору Новозыбковской городской управы.

Весь октябрь 1942 г. в Новозыбкове прошел спокойно. С огорчением Ф.Н. Далёнкин отметил, что 7 ноября горожане трудились, как в будний день, хотя свободные граждане Советского Союза отмечали 25-летний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции. Только рабочие в ту субботу поздравляли друг друга. 10 ноября началась «добровольная» (автор отметил ее принудительный характер) отправка молодежи в Германию. Многие горожане переживали за своих земляков, особенно мать и Маруся, сестра автора дневника, которые ходили на станцию, чтобы проводить третью группу молодежи. Находясь дома в одиночестве, которое способствовало творчеству, Ф.Н. Далёнкин работал над своим дневником.

Еще девять месяцев в Новозыбкове свирепствовали захватчики. Город был освобожден после кровопролитного противостояния осенью 1943 г. Города Орловской области, включая Клинцы, оккупанты поджигали и сдавали без боя [5], концентрируя силы в последнем городе области, который они удерживали, осуществляя по выходящим из Новозыбкова железнодорожным веткам эвакуацию живой силы, награбленного имущества и боевой техники в БССР, в Гомель, и в Новгород-Северский, в УССР (до 16 сентября). В течение недели западное направление являлось единственным путем спасения для завоевателей и их пособников.

Битва за Новозыбков проходила 25–26 сентября 1943 г. Как и в Сталинграде, в Новозыбкове шли ожесточенные уличные бои [6]. Обе стороны активно использовали артиллерию и танки. Город сильно пострадал: фашистские варвары уничтожили все производственные мощности [7].

Судьба Федора Никифоровича Далёнкина, автора самого известного дневника о жизни оккупированного Новозыбкова, оказалась трагической. Он был призван в Красную армию, стал минометчиком и служил в управлении 123-го стрелкового полка 23-й стрелковой

Лужской ордена Ленина дивизии. Почти год он сражался с врагом. При освобождении Латвийской ССР ефрейтор Ф.Н. Далёнкин был убит. Он погиб 29 октября 1944 г. в бою западнее хутора Стрити. Курляндская группировка противника, блокированная с суши, сохраняла свою боеспособность до самого конца войны благодаря морским коммуникациям. 70 тысяч фашистов капитулировали только 10 мая 1945 г. Факт гибели Ф.Н. Далёнкина подтверждает донесение № 116380 о безвозвратных потерях от 27 декабря 1944 г. [8]. Некоторые исследователи полагают, что Ф.Н. Далёнкин воевал около хутора Стержень или вообще на территории Литовской ССР [9], но их версии не подтверждены архивными документами.

Пока в Новозыбкове хозяйничали немецкие фашисты и их прихвостни, уроженцы города проявляли чудеса героизма и в воздухе, и на земле [10]. Многие новозыбковцы укрепляли мощь Советского Союза и во время Великой Отечественной войны, и после нее [11].

Дневник Ф.Н. Далёнкина отличается широким спектром тем и остается важным источником о жизни в Новозыбкове в период немецкой оккупации, позволяет изнутри оценить условия, в которых оказалось мирное население. Подросток, внезапно оказавшийся в 15 лет в жестоком мире взрослых людей, не озлобился, а спокойно фиксировал резко изменившуюся действительность, не избегая негативных реалий. Большое внимание в его дневниковых записях уделено бытовым деталям и террору, развязанному венгерскими и немецкими захватчиками против мирного населения, а также действиям партизан и подпольщиков, которые оцениваются положительно. О новых хозяевах Ф.Н. Далёнкин отзывался только отрицательно. Данный документ можно признать беспристрастным: в нем четко обозначены человеческие пороки (жадность и зависть) как причины разгрома подпольных групп в Новозыбкове. Многие факты, упомянутые в записях Ф.Н. Далёнкина, находят подтверждения в дневниках других горожан.

Получая сведения из немецких газет и от участников партизанско-подпольного движения, жители Новозыбкова имели представление о ситуации в Европе. Дневник Ф.Н. Далёнкина показывает, что жители Новозыбкова знали и о крупнейших победах, которых добилась РККА в 1941–1943 гг., и даже о международной обстановке, складывавшейся в пользу антигитлеровской коалиции.

Примечания

1. Далёнкин Ф.Н. Дневник (Происшествия, события, записи и наблюдения летом и зимой 1941 года – 1943 год) // Новозыбковский маяк. 2005. 19 марта. С. 3.
2. Далёнкин Ф.Н. Дневник (Происшествия, события, записи и наблюдения летом и зимой 1941 года – 1943 год) // Фонды Новозыбковского краеведческого музея. Док. № 2565.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 3. Л. 572–573.
4. Литвин А.М. «Кто может – передайте родным...» Тайны тюремных камер оккупированного Гомеля. 1941–1943 годы. Минск, 2018.
5. Кириченко П.И. Первым всегда трудно. Боевой путь 1-го танкового Инстербургского Краснознаменного корпуса. М., 2007. С. 163.
6. Горбков А.И., Кеслер И.Е., Колосов Ю.Б. Новозыбков: историко-экономический очерк. Тула, 1970. С. 129.
7. Кириченко П.И. Указ. соч. С. 164.
8. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1433. Л. 9.
9. Выкочко Л.М. «Как это было». Страницы истории народного образования юго-западных районов Брянской области. Книга вторая. Новозыбков, 2005. С. 80.
10. Приходько С.А. Генеральские звёзды Новозыбкова (к 100-летию создания Красной армии) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. № 2. С. 25–32.
11. Вартанесян В.А., Гойхман Э.Ш., Рогаткин М.И. Радиопеленгация. М., 1966.

И.А. Шмыгаль

НОВЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ОСНОВЕ ОПЫТА ПО СОЗДАНИЮ КНИГ ПАМЯТИ

Традиция особо почитать воинов, погибших за Отечество, живет в России издавна. Книги Памяти, несомненно, важное явление в истории и культуре и современной России. В январе 1989 г. руководством СССР было принято решение о создании территориальных

Книг Памяти. По Постановлению ЦК КПСС «О Всесоюзной Книге Памяти» она должна была быть издана к 50-летию Победы над фашистской Германией. Важной вехой в этой работе стал 1993 г., когда был принят закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Но и к 55-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне работы над Книгами Памяти не были завершены полностью.

Первоначально Книги Памяти готовились и первые тома издавались в рамках некоторых общих правил и концептуальных установок. Тем не менее практически ни одно территориальное издание Книги не похоже на издание своих коллег. Это особенно заметно в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, где собрано около 1500 томов Всесоюзной Книги Памяти.

Книга Памяти каждой территории не похожа на своих собратьев, как по содержанию, так и по оформлению. Тому были разные причины, в том числе и личное отношение руководителей субъектов Федерации к данному проекту и к теме Великой Отечественной войны в целом.

Что же касается Ростовской области, то даже при беглом просмотре любого тома Книги Памяти Ростовской области образца 1995 г. бросается в глаза скудость информации о человеке: фамилия, имя, отчество, год рождения, звание (если есть) и год смерти (если есть). В подавляющем большинстве случаев вместо даты гибели написано: «пропал без вести». Книга Памяти с такими данными не дает возможности потомкам воина, заглянувшем в этот мартиролог, получить даже намек на то, где искать следы своего погибшего предка. Значение имел только сам факт выпуска Книги Памяти.

В сентябре 1990 г. в Москве был образован специализированный компьютерный центр для создания автоматизированного банка данных по безвозвратным потерям вооруженных сил СССР. Распечатки этих материалов рассылались по регионам, на них исполнители должны были строить свою работу.

Когда же в 2004 г. Ростовский областной клуб «Память-Поиск» предложил доработать областную Книгу Памяти и попросил для этого передать электронную копию Книги, чтобы опять не делать набор, оказалось, что электронной копии нет нигде. Даже в администрации области электронный вариант не сохранился! Пришлось электронный

вариант делать самим. Результатом стал выпуск CD-диска небольшим тиражом, который теперь «кочует» по сети Интернет.

Вернемся к качеству информации, внесенной в Книги Памяти. Следует сказать, что информационная ценность Книг Памяти – это проблема не только Ростовской области. Основная причина недостоверной информации – это использование сведений только из одного источника. Вышеуказанные распечатки могут послужить только отправной точкой к более тщательному, скрупулезному исследованию судеб воинов, отдавших жизнь свою за Отечество. И все шире открывающиеся сейчас архивы создают возможность для воплощения в жизнь идеи создания полноценной Книги Памяти.

Книга Памяти несет в себе множественную информационную нагрузку: социальную, историческую, генеалогическую и в том числе статистическую. Например, один из принципов ее составления – это внесение сведений о том или ином воине в Книгу Памяти по месту (военкомату) призыва, т.е. по месту его прописки. Такой подход позволит сделать запись о человеке уникальной. Один человек – одна запись. Тогда можно будет более точно посчитать невернувшихся, из них награжденных и т.д. А в Книге Памяти Ростовской области 1995 г. есть случаи записи об одном и том же человеке в мартирологах разных районах восемь, тринадцать и более раз.

Тема воинских захоронений тоже не оказалась без ошибок. В связи с тем, что абсолютное большинство фамилий наносилось на братские могилы в 1970-е гг., к 30-летию Победы, ошибок в этих списках оказалось немыслимое количество. Это и фамилии выживших в войне, и погибших гораздо позже. Присутствуют и ошибки, связанные с топонимикой. Например, хуторов с названием Весёлый в Ростовской области в 1940-х гг. было более 20. Приведем еще один пример. Есть в Весёловском районе хутор Красный Октябрь, куда к памятнику на братской могиле местные краеведы приглашают родственников погибших воинов и организуют патриотические мероприятия, дети возлагают цветы. Но ведь все местные жители знают, что во время войны и до 1952 г. хутор назывался Новый Израиль и не имеет ничего общего с названием «Красный Октябрь», указанным в извещении. Так, добрая мысль увековечить в Книге Памяти воинов, погибших при освобождении конкретного населенного пункта, обернулась не-

разберихой. Фамилии этих воинов ранее были даны в общем списке с погибшими земляками. Эти списки потом полностью перекочевывают на памятники и в карточки захоронений и наоборот.

Существует большое количество братских могил, на которых указаны фамилии якобы погибших и погребенных здесь людей. Но на самом деле там нет захоронений, это памятники-кенотафы. Например, псевдобратская могила летчиков в селе Синявском Неклиновского района. Все поименованные на плитах летчики погибли в разное время и в разных местах и не только в Ростовской области.

При обнаружении ошибки встает вопрос об изменениях в записи о погибшем воине. При создании Книги Памяти сделать изменения в ней легко, несколько труднее изменить запись в учетной карточке захоронения, на плитах памятника сделать это невероятно трудно. В первую очередь, администрация должна признать ошибочность записи, что само по себе проблематично. Кроме того, замена плиты с фамилиями на памятниках – дорогостоящая процедура.

Особенно остро стоит вопрос об отказе увековечения погибших воинов. Например, в Ростове-на-Дону, на территории бывшего Ростовского артиллерийского училища (РАУ) существовал немецкий лагерь, где приняли мученическую смерть более 5 тыс. наших военнопленных [1]. Когда училищу понадобилась территория, памятник просто снесли. Территорию залили бетоном и поставили военную технику. После расформирования Ростовского военного института ракетных войск им. Главного маршала артиллерии М.И. Неделина (бывшее РАУ) в восстановлении памятника было отказано. Суд принял позорное для военных руководителей решение: «О понуждении МО РФ к увековечению памяти погибших при защите Отечества».

О типичных ошибках можно говорить долго. Их, к сожалению, много, в том числе и наличие фамилий дезертиров и коллаборационистов в мартирологах Книг Памяти. Есть разночтения в понимании этого факта. Так, например, одна патриотическая организация считает, что в Книгу Памяти нужно вносить фамилии военнослужащих по самому факту призыва. Мы не согласны с таким подходом. Книга Памяти – это Книга Славы. Чем может быть славен человек, бросивший своих товарищей в бою, служивший в немецкой полиции и ушедший с немцами при их отступлении? Таким нет места в нашей памяти.

Чем больше информации о погибших опубликовано в Книге Памяти, тем ценнее эта книга и для их родственников, и для исследователей, и для истории Великой Отечественной войны в целом. Человеческий фактор в такой работе, как сохранение памяти о погибших защитниках Отечества, имеет гораздо большее значение, чем техническая оснащенность или финансы. Работа над Книгой Памяти – это кропотливый труд, требующий усидчивости и времени. А открывающиеся архивы дают возможность сделать эту работу наиболее качественно.

Создание полноценной Книги Памяти сначала казалось неосуществимой задачей. Первой ласточкой в Ростовской области стала вышедшая из печати в 2010 г. новая Книга Памяти Ремонтненского района [2]. В нее дополнительно было внесено более 180 фамилий земляков, которые не попали в первичный вариант областной Книги Памяти. Кроме этого, в новое издание включены материалы о боевых действиях на территории района. Книга была подготовлена и выполнена неравнодушными людьми, поэтому выглядит продуманным и серьезным изданием. В ней отдельным списком, а не одним общим мартирологом, указаны и сведения о погибших освободителях района, с указанием места их последнего упокоения. В работе над Книгой была использована информация из многих источников. Это и ресурсы Интернет, и областные и местные районные архивы, и архивы военкоматов, и материалы районных и школьных музеев, и библиотеки с подшивками старых газет и т.д. В 2016 г. в Ремонтненском районе этим же автором выпущена другая Книга, посвященная ветеранам Великой Отечественной войны, «Они вернулись с Победой» [3]. Название говорит само за себя.

В 2012 г. выпущена Книга Памяти Весёловского района, в 2013 г. – зерноградского, в 2015 г. дубовского, Багаевского, Орловского и Мартыновского районов. В конце октября 2017 г. увидела свет Книга Памяти Егорлыкского района. В феврале 2020 г. – Книга Памяти Сальского района [4]. Подготовлены черновики Книг Памяти еще 7 районов Ростовской области.

Если не видеть этих и подобных изданий наших коллег-поисковиков, то может мелькнуть мысль: «Да, что могут сделать энтузиасты, если правительства регионов не спешат помогать в таком важном и государственном деле?» Но когда берешь в руки издание, которое

часто не под силу сделать официальным структурам или редакторским коллективам с именами и званиями, лишней раз осознаешь, что мы часто недооцениваем свой собственный потенциал и наработки.

Имеются в нашей работе и негативные моменты. Так, например, в 2014 г. глава Зимовниковского района отказался выпускать Книгу Памяти района и, более того, запретил районному музею участвовать в этой работе. Есть и аналогичные случаи. Отношение энтузиастов любого направления, и поискового в первую очередь, сильно отличается от отношения к этим идеям простых обывателей, и уж тем более от восприятия их карьеристами, циниками и многими чиновниками.

Мы понимаем, что преимущество общественников перед любыми государственными организациями или структурами еще и в том, что они научились работать, не надеясь на гарантированный бюджет, не предали свое Дело, ставшее их жизнью. Кроме всего прочего, у нас есть то, чем не может похвастаться ни один функционер. Мы знаем, к чему мы стремимся. Мы не энтузиасты-одиночки – мы единомышленники. Мы работаем в сообществах увлеченных людей, одержимых общей идеей – довести до полного воплощения старей, но не потерявший актуальности лозунг «Никто не забыт и ничто не забыто».

Как быть? В какую сторону дальше направлять усилия, чтобы не потерять Идею и Дело, которым занимаемся? Идея, пожалуй, есть. Это объединение усилий по созданию Книги Памяти Великой Отечественной войны, для начала региональной, совершенно нового формата, нового концептуального определения и подхода. Если быть точнее, то по объему и охвату целей это должна быть энциклопедия, целый комплекс многоплановой и разнообразной информации с довоенного периода по настоящее время, дающей наиболее полное представление о людях и событиях Великой Отечественной войны и послевоенного периода на территориях бывшего СССР. Составной частью ее являются полнообъемные и достоверные Книги Памяти.

Такая задача, как создание Энциклопедии Великой Отечественной войны, – задача трудоемкая, затратная и кажется почти невыполнимой. Но она вполне осуществима. Наверное, для этих целей нужен стабильно работающий региональный центр, куда будет стекаться и обрабатываться вся текущая историческая информация. А в повседневной работе необходимо содействие. Хотелось бы иметь более

быстрый официальный путь к номерному учету найденных при поисковых работах наград. Хотелось бы заглянуть в списки вкладчиков в красноармейском отделе Государственного банка – прояснились бы судьбы многих тысяч воинов.

Все, о чем сказано в данной статье, – это только начало большого труда. Впереди еще много не сделанного, но работа продолжается... Не за горами 100-летие Победы. Надо успеть.

Примечания

1. Как тайный концлагерь стал секретным училищем. URL: <https://medium.com/coda-story-po-russki/secretcamp-377e00be2c6c> (дата обращения: 19.01.2020)
2. Память. Элиста, 2010.
3. Они вернулись с Победой. Элиста, 2015.
4. Память жива: Книга памяти Весёловского района Ростовской области / сост. И.А. Шмыгаль. Ростов н/Д., 2012; Помните нас поимённо: книга памяти Дубовского района Ростовской области / сост. А.В. Терехов, И.А. Шмыгаль. Ростов н/Д., 2015; Будем помнить. Книга Памяти Егорлыкского района Ростовской области / сост. Д.Н. Санин, И.А. Шмыгаль. Ростов н/Д., 2017 и др.

Раздел 2. Специфика боевых действий на южном фланге советско-германского противостояния в 1941–1943 гг.

С.В. Януш

ОСОБЕННОСТИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЮЖНОМ ФЛАНГЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА В 1942–1943 гг.

Проходят годы, но память и историческая актуальность прошедших военных событий остаются неизменными и крайне ценными в сердце каждого россиянина. 75 лет – по историческим меркам совсем небольшая дата и еще живы участники Второй мировой и Великой Отечественной войн, но различного рода фальсификаторы пытаются умалить значение нашей Великой Победы над фашистской Германией, заново переписывают военную историю, основываясь на лжи, домыслах и недостоверных данных.

Несомненно, что каждое сражение во время войны имеет свою особенность и историческое значение. Такую специфику борьбы с немецким фашизмом имеет и битва за Кавказ. Можно определить некоторые характерные черты событий, проходивших на юге страны летом и осенью 1942 г. Достаточно долго исследователи изучали основные сражения: такие, как битва под Москвой, за Сталинград, на Курской дуге и другие, – но битва за Кавказ оставалась, как бы в стороне. Видимо, в расчет шла результативность – эффект от государственных и военных вложений.

Конечно, были научные работы и попытки проанализировать ход кампании на Северном Кавказе, но вплотную историки занялись изучением кавказского направления сравнительно недавно. Сегодня не вызывает сомнений, что битва за Кавказ – одно из самых продол-

жительных сражений за всю историю Великой Отечественной войны (с июля 1942 по октябрь 1943 гг.), а потеря Кавказа создала бы крайне тяжелые условия для нашей страны и дала бы возможность гитлеровской Германии достичь значительных стратегических целей не только на Восточном фронте, но и на Среднем и Ближнем Востоке [1].

Также хотелось бы отметить, что освещение военных событий на Северном Кавказе носило достаточно поверхностный характер, внимание обычно заострялось на проведении успешных боевых операций, героизме обороняющихся, успехе в преследовании врага. Но, к сожалению, умалчивались и причины отступления, потеря больших территорий, оставление городов и населенных пунктов, поведение населения на оккупированной территории и т.д.

Часто участники событий некорректно и необъективно описывали в своих мемуарах мероприятия по руководству войсками. Неслучайно оборона Кавказа освещалась в таком объеме, чтобы не были видны детали, из которых сложилась бы историческая истина, которая пришла бы в противоречие с официальной трактовкой данных событий [2].

Мы не находим убедительных ответов на вопросы: почему наши войска отступали под нажимом фашистских войск на южном фланге советско-германского фронта летом 1942 г.; почему противником в кратчайшие сроки были захвачены горные перевалы Главного Кавказского хребта; как произошел не разгром, а отход 24-й дивизий противника, попадавшей в окружение на Северном Кавказе [3]. Ответы на эти вопросы могут дать новые архивные материалы и малоизвестные документы.

Летом 1942 г. наши войска вновь упустили стратегическую инициативу и вынуждены были срочно отступать, отдавая немецко-фашистским войскам плодородные земли Дона, Кубани и Ставрополя. И это притом, что по выпуску основных видов оружия СССР догнал Германию, а Ставка Верховного главнокомандования (ВГК) имела почти годичный опыт планирования и осуществления военных операций (включая выигранную битву за Москву).

Отвечая на эти вопросы, маршал Г.К. Жуков в своем письме писателю В. Соколову писал, что обе стороны, израсходовав свои возможности продолжать активные действия, перешли к обороне: рыли окопы, строили блиндажи, ставили проволочные заграждения, минировали

подступы к переднему краю обороны [4]. Фашистское руководство к лету 1942 г. усиленно пополняло свои силы на советско-германском фронте. Отсутствие второго фронта помогло командованию фашистских войск сосредоточить против СССР все свои основные ударные силы, оставив против западного противника всего лишь 20% второстепенных войск [5]. По мнению Г.К. Жукова, немцы были в состоянии вести крупные стратегические операции одновременно на двух стратегических направлениях: на московском и на юге страны [6]. Но, анализируя обстановку на фронте, он считал, что немцы будут осуществлять свои цели, нанося свой главный удар на юге нашей страны, а на московском направлении будут вести вспомогательные действия. На северо-западном и северном направлениях они будут опорно обороняться.

И.В. Сталин же, оценив обстановку, определил необходимость самим нанести ряд ударов на широком фронте, измотать, обескровить противника и сорвать его наступательные планы [7]. С.К. Тимошенко предложил нанести упреждающий удар на запад в сторону Харькова. С этим предложением согласились В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов, поддержав предложение С.К. Тимошенко [8]. В принципе, И.В. Сталин мог особо и не советоваться. Решение о наступлении было заранее принято в узком кругу, где присутствовали С.К. Тимошенко и Н.С. Хрущев [9].

Ставка ВГК недооценила противника. Принимая решение, она опиралась не на конкретный расчет, а на непогрешимость мнения Сталина. 8 мая 1942 г. войска под командованием генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова оказались в катастрофическом положении. Немецко-фашистские войска начали наступление в Крыму. 12 мая 1942 г. войска Юго-Западного фронта перешли в наступление, но не учли, что именно на этом направлении 6-я немецкая армия и другие войска сателлитов Германии изготовились к наступлению на юг [10]. 19 мая 1942 г. командование Юго-Западного направления начало принимать меры к выводу войск из окружения противника, но было уже поздно.

На юге страны советские войска и нашу Родину постигла горечь тяжелого отступления и вновь мы были вынуждены отходить, оставляя за собой нашу родную территорию. При подготовке к летней кампании 1942 г. было допущено две ошибки: первая – Ставка неправильно

определила направление главного удара противника в этой кампании. Вторая – решение одновременно обороняться и наступать.

В общественном сознании часто бытует мнение, что битва за Кавказ – это военное событие, лишь сопутствующее сражениям под Сталинградом. Между тем, еще 5 апреля 1942 г. вышла директива А. Гитлера, где четко была поставлена задача по уничтожению наших войск на подступах к Дону, а затем определялось главное направление по овладению перевалами Кавказского хребта и нефтяными районами [11].

Американский историк Уильям Ширер, раскрывая планы гитлеровского командования и опираясь в своих рассуждениях на секретные документы нацистского рейха, отмечал, что летом 1942 г. немецкие войска одержали целый ряд крупных побед, проникли вглубь территории России, захватили Северный Кавказ и даже появились в пригороде Сталинграда, им казалось, нефтяные источники находятся у них в руках [12]. Фашистским руководителям уже виделся призрак грядущей победы, но это было крайне ошибочное мнение.

К грозненским и бакинским месторождениям их не допустили советские войска, дальше некоторых перевалов они не прошли, «персидский коридор» исправно снабжал советские войска оружием и всем необходимым. Сталинград стойко и мужественно держался, шла подготовка мощнейшего наступления. Что касается вопроса о причинах невыполнения директив № 30024 и № 30025 Ставки ВГК от 23 января 1943 г. (окружать и уничтожать противника, а не выталкивать его с Кавказа), то современные документы позволяют восстановить следующую картину [13]. Немцы в журнале боевых действий группы армий «А» писали об отступлении: «После сильного трех-четырёхчасового обстрела противник предпринял наступление, неся впереди красные знамена» [14].

К концу января 1943 г. войска Северной группы Закавказского фронта вышли к городу Армавиру и станице Лабинской, соединения Южного фронта форсировали Манычский канал и взяли Сальск. Обстановка на фронте резко изменилась. 23 января 1943 г. командование немецкой группы армий «А» доложило в ставку Гитлера, что Ростов-на-Дону уже закрыт советскими войсками. Русские освободят много войск под Сталинградом, которые и составят мощную наступательную силу. Есть опасность прорыва русских к Азовскому

морю. Документ свидетельствовал, что основные силы немецких войск, отступавших с Северного Кавказа, уже не надеялись выйти через Ростов. Немецкое командование вынуждено было повернуть свои войска в юго-западном и западном направлении, для того чтобы продолжить отступать и закрепляться на Таманском полуострове [15].

Издавая директивы от 23 января 1943 г., Ставка ВГК отмечала, что войска Южного фронта подошли к Батайску, вся северокавказская группировка противника будет отрезана от Ростова и «закупорена» на Северном Кавказе. Особо выделяется и критикуется Черноморская группа Закавказского фронта, которая не смогла выполнить поставленные задачи (выдвинуться в район Краснодара, Тихорецка и Батайска). Перед Черноморской группой ставились новые цели – прочно укрепиться на реке Кубань, на обоих ее берегах, выйти в район Краснодара, основные силы направить на освобождение Новороссийска и Таманского полуострова, полуострова, в то время как Южный фронт должен был закрыть выход противнику у Батайска и Азова.

Рассматривалось окружение войсками Южного и Закавказского фронтов 24-й дивизий противника на Северном Кавказе, по аналогии с тем, как Донской фронт окружил и уничтожает 22 дивизии противника в районе Сталинграда [16]. Военный совет Закавказского фронта 24 января 1943 г. своей директивой приказал войскам Черноморской группы наступать в направлении станицы Крымской с захватом перевала Неберджаевский с последующим окружением и уничтожением противника. Основной задачей определялось овладение Новороссийском, Крымской и Таманским полуостровом.

Войска 46-й армии, четко выполняя приказание, 26 января 1943 г. освободили станицы Ширванскую и Нефтяную, город Нефтегорск, а 2 февраля успешно форсировали реку Кубань. Войска 18-й армии вступили в станицу Хадыженскую 25 января и начали преследование отходившего противника. 2 февраля в районе реки Псекупса они вышли к реке Кубань. В районе Горячего Ключа после ожесточенных боев 56-я армия подразделениями 76-го гвардейского стрелкового корпуса перешла в наступление и 2 февраля 1943 г. вышла в район аула Лакшукая. Проводя критический анализ действий войск Черноморской группы, Ставка отмечала, что первоначально поставленные задачи не были выполнены. Как впоследствии отме-

чает А.А. Гречко, главной причиной явилось слабое руководство войсками, особенно 18-й армией. Связь с наступавшими подразделениями была нарушена и не могла быть восстановлена в течение четырех суток, что было недопустимо.

12 января 1943 г. противник оставил перевалы Марухский, Клухорский, Санчаро, Аллаштраху и начал отводить свои войска в хадыженско-апшеронском направлении. Войска 18-й армии преследовали отступавшие части противника. К 16 января войска 18-й армии овладели населенными пунктами Котлавина, Гунайка, Шаумян и вышли на рубеж Шаумян и гор. Гунай и Гейман [17]. В это время в журнале боевых действий немецкой группы армий «А» начальник штаба выделяет, что необходимо любой ценой задержать отступление, иначе оно перерастет в паническое бегство [18]. Но вскоре появилась другая запись: «Несколько дней тому назад мы получили приказ о том, чтобы темпы отступления замедлить. Вчера оперативный отдел Генерального штаба немецких сухопутных сил сообщил о том, чтобы темпы отступления были как только возможно ускорены» [19]. Эта запись была сделана 16 января 1943 г., в день наступления 56-й армии с рубежа западнее Горячего Ключа, между станицами Ставропольской и Азовской, в общем направлении на Краснодар.

Противоречивость отданных приказов не способствовала четкому их выполнению и ввергало в хаос руководство немецких войск. Подводя итог освободительному этапу битвы за Кавказ, следует отметить, что в ходе преследования противника войска Северной группы не всегда могли создать условия для окружения и уничтожения отходившей 1-й танковой немецкой армии, это приводило к тяжелым и затяжным боям. Наступавшие советские войска не уничтожали, а выталкивали противника с захваченных территорий.

Губительное воздействие на наступление наших частей оказывала потеря связи между штабами и войсками. Разрабатываемые планы наступательных действий группы, по словам А.А. Гречко, не всегда соответствовали обстановке. 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, например, командующий группой приказал в течение трех суток пройти с боями свыше 160 км, а 58-й армии ставилась задача за двое суток совершить 100-километровый переход и с боями овладеть Минеральными Водами [20].

Говоря об итогах Новороссийской операции, следует отметить, что в результате этой операции десантные части захватили очень важный плацдарм. Однако основная задача – разгром Новороссийской группировки – не была выполнена, что, в свою очередь, не позволило выполнить стратегическую задачу, поставленную в директиве Ставки ВГК от 23 января 1943 г. – закрыть выход противнику на Таманский полуостров. Гитлеровцы создали здесь укрепленную «Голубую линию», которую удалось преодолеть армиям Северо-Кавказского фронта, кораблям, морской пехоте и авиации Черноморского флота и Азовской флотилии лишь к 9 октября 1943 г. [21].

Подводя итог всей битвы за Кавказ, необходимо отметить, что в период оборонительных сражений в результате серьезных просчетов в Ставке ВГК, а также недостатков в работе тыловых служб и отсутствия серьезных укреплений гитлеровские войска летом 1942 г. захватили основную территорию Северного Кавказа, достигнув линии Сталинград – Моздок – Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ) – Новороссийск – Туапсе. Были очевидны недостатки в действиях советских войск в ходе наступательной операции по освобождению Северного Кавказа: отсутствие крупных подвижных соединений, слабое управление частями привели к тому, что не были выполнены директивы Ставки ВГК от 23 января 1943 г. об окружении немецко-фашистских войск на Северном Кавказе. Это позволило гитлеровцам отойти на заранее подготовленные позиции – «Голубую линию» [22].

Однако беспримерный подвиг, героизм защитников Кавказа, решительные меры советского командования, включая приказ № 227 (известный нам под названием «Ни шагу назад!»), позволили остановить немецко-фашистские войска на горных перевалах Кавказского хребта и отбросить их с оккупированных территорий. Нацистские планы по овладению Кавказом и проходу на Ближний и Средний Восток были сорваны [23].

Примечания

1. См.: Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967; Шестерин Ф.И. Военное искусство в битве за Кавказ. М., 1974; Тюленев И.В. Герои битвы за Кавказ. Цхинвали, 1975; Он же. Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе, 1975; Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний

Восток. М., 1977; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 6. М., 1979; Кулаев Ч.С. Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. Черкесск, 1981; Ставропольцы в Великой Отечественной войне. Ставрополь, 1995; Кринко Е.Ф. Документы по истории Северного Кавказа в годы войны и возможности их использования исследователями // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: опыт изучения и преподавания. Материалы межвузов. науч. конф., посв. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. 17 мая 2005 г. М., 2005.

2. Гареев М.А. Об изучении истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 3–4.

3. Аникеев А.А., Баликоев Т.М., Селюнина Н.В., Януш С.В. Проблема битвы за Кавказ в исторической литературе // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону. 2003. № 1 (33). С. 73–87; Януш С.В. Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь, 2005; Линец С.И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль – декабрь 1942 года). М., 2010; Аникеев А.А., Линец С.И., Януш С.В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах. Пятигорск, 2015.

4. Жуков Г.К. Горечь тяжелого отступления // 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С. 192–197.

5. Там же. С. 193.

6. Там же. С. 194.

7. Там же.

8. Там же. С. 195, 196.

9. Там же. С. 196

10. Там же. С. 197.

11. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М., 1973. С. 320–323.

12. Ширер У. Берлинский дневник // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 197–198.

13. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 23, 24; Д. 139. Л. 163, 164.

14. Цит. по: Гнеушев В.Г., Попутько А.Л. Дыхание лавин. Черкесск, 1968. С. 256.

15. Ставропольский краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15–18.
16. Там же.
17. ЦАМО РФ. Ф. 6598. Оп. 725168. Д. 1172. Л. 232.
18. ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1060. Д. 22. Л. 169–170.
19. Там же.
20. Гречко А.А. Годы войны. М., 1976. С. 421.
21. Там же. С. 220.
22. Линец С.И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль – декабрь 1942 года). М., 2010.
23. Центр документов новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 336. Л. 11–15.

С.М. Сивков

**РОЛЬ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ
ОПЕРАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1941–1942 гг.
(на материалах Урюпинского военного пехотного училища)**

Вся мировая история вооруженных конфликтов показывает, насколько существенна роль офицерских кадров в ведении боевых действий. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война, самая кровопролитная в истории человечества. Часть европейских государств сразу была втянута в этот конфликт, а другая продолжала подготовку. Ко второй стороне следует отнести и СССР. Особенно остро встал вопрос о качестве младшего офицерского состава. Соответствующие решения о подготовке военных профессиональных кадров в СССР принимались и реализовывались как на общегосударственном уровне, так и на уровнях отдельных округов.

31 декабря 1939 г. была подписана директива Народного комиссариата обороны № 4/2/103012, в которой Военному совету Северо-Кавказского военного округа предлагалось в целях усиления боевой готовности войск и накопления резервов рядового состава и младшего начальствующего состава до 20 января 1940 г. расформировать 118-ю стрелковую дивизию и на ее базе сформировать Орджоникидзевское,

Буйнакское и Урюпинское пехотные училища. Общий численный состав этих военно-учебных заведений составлял соответственно 2000, 1600 и 1600 человек.

Предусматривался ускоренный выпуск лучших курсантов из уже существующих училищ для формирования преподавательского состава. Комплектование курсантами предполагалось за счет военнослужащих срочной службы, призванных в 1939 г. Подписал эту директиву начальник Генерального штаба Красной армии командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников

Местом постоянной дислокации училища с февраля 1940 г. по август 1941 г. стал г. Урюпинск Сталинградской (ныне – Волгоградской) области. Численность населения этого районного центра по состоянию на 1939 г. составляла примерно 21 686 человек. В то же время в первый учебный (1940/1941) год в училище обучалось свыше 1200 человек, что составляло около 5,5 % от численности населения районного центра. К июню 1941 г. в нем занимались 800 курсантов.

Руководителями училища непродолжительное время был полковник Федоренко, а затем генерал-майор Ивановский Станислав Антонович (с 9 декабря 1940 г. по 10 августа 1942 г. и с середины октября 1942 г. по декабрь 1944 г. [1], с сентября 1941 по июнь 1942 г. являлся членом Комитета обороны Кабардино-Балкарской АССР), позже полковник Голубев.

К началу Великой Отечественной войны в структуру училища входило четыре батальона, которыми командовали:

- первый батальон – капитан Водопьянов;
- второй батальон – майор Фингарет;
- третий батальон – подполковник Петров;
- четвертый батальон – майор Титов Илья Самсонович.

Первыми военными педагогами училища стали лучшие выпускники Орджоникидзевского и Краснодарского военно-пехотных училищ.

В довоенный период срок обучения курсантов составлял три года. Выпускники должны были получать воинское звание лейтенанта. В период Великой Отечественной войны срок обучения курсантов был сокращен вначале до одного года, а затем и до шести месяцев. Соответственно менялся и статус выпускников: они получали воинское звание младшего лейтенанта [2].

Накануне Великой Отечественной войны был проведен первый выпуск более 1500 лейтенантов (Приказ Наркомата обороны СССР № 00269 от 10 июня 1941 г.), направленных, как правило, в стрелковые части, расположенные на западе СССР.

Предстоял новый набор слушателей. С началом войны по рекомендации райкомов комсомола в училище были направлены свыше 800 юношей, имеющих высшее и среднее образование. Это серьезно повлияло на качественный состав курсантов военного учебного заведения. Практически одновременно в училище были направлены на учебу около 500 бывших политработников, сотрудников партийных, советских и комсомольских органов Урюпинского и соседних районов Сталинградской области.

В августе в связи с продолжавшимся наступлением немецко-фашистских войск на восток Урюпинск стал сначала тыловым городом Юго-Западного фронта, а в 1942 г. – прифронтовым. В связи со сложной ситуацией в конце августа 1941 г. училище было передислоцировано в город Нальчик. В Нальчике оно было размещено в военном городке и один батальон – в с. Шалушка. Произошло количественное изменение штатного состава училища в сторону его увеличения, к четырем уже имевшимся батальонам прибавилось еще два: истребительный противотанковых ружей и батальон стрелковых пулеметов. Это расширило специализацию выпускников. После очередного выпуска произошло комплектование училища младшими командирами, прибывшими из госпиталей.

За один только неполный год пребывания в Нальчике, с августа 1941 г. по июль 1942 г., для нужд стрелковых частей Красной армии училище подготовило около полутора тысяч лейтенантов. Все они тут же, с «кубарями» в петлицах, отправлялись из училища на фронт [3]. Всего же за время квартирования Урюпинского военно-пехотного училища в г. Нальчик было выпущено несколько тысяч младших офицеров Красной армии, многие из которых получили правительственные награды. В записке начальника училища отмечалось, что большинство выпускников этого периода являлось коренными жителями Кабардино-Балкарской АССР. В мае 1942 г. училище произвело третий выпуск младших лейтенантов в количестве 1200 человек, направленных в действующую армию в Крым.

С началом Сталинградской битвы курсанты Урюпинского военно-пехотного училища были направлены на защиту города на Волге. Они вошли в состав 33-й стрелковой дивизии, а часть слушателей Урюпинского военно-пехотного училища составили 14-ю бригаду отдельного стрелкового корпуса и были отправлены под Старую Руссу [4].

На южных рубежах европейской части СССР к лету 1942 г. складывалась довольно сложная ситуация. После захвата Ставрополя части вермахта попытались нанести удары на майкопском и туапсинском направлениях. «В первой половине августа на майкопском направлении разгорелись жестокие бои, а 6 августа танковые соединения врага форсировали Кубань у Армавира, а 10-го овладели Майкопом» [5].

Несколько ранее, 15 июля 1942 г., в соответствии с приказом командующего Северо-Кавказским фронтом училище в полном составе выехало на фронт. К концу июля 1942 г. курсантов пехотного училища перевели в город Гулькевичи Краснодарского края, где занятия с ними шли уже по ускоренной программе подготовки. В начале августа 1942 г. Гулькевичи подверглись массированному налету вражеской авиации. Разрушены при этом были, в частности, штаб училища, располагавшийся в школьном здании, его двухэтажная столовая. Оставив занятия, курсанты вынуждены были выдвинуться на передовую, чтобы сдерживать наступление фашистов на позициях по реке Кубани, на линии городов Кропоткин – Майкоп – Нефтегорск – Армавир [6].

25 июля командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С.М. Будённый в своем донесении в Ставку изложил свою позицию: имевшимися силами невозможно остановить вражеское наступление на Дону, и поэтому следовало отводить войска за реки Кубань и Терек, еще надежнее – в предгорья Главного Кавказского хребта, где противник не смог бы реализовать свое тактическое превосходство. Сталин не отреагировал на предупреждение маршала Будённого. Последний, в свою очередь, потребовал прекратить дальнейший отход, навести порядок в подчиненных частях и подготовить к переходу в наступление с утра 30 июля [7].

В соответствии с приказом командования училище было преобразовано в отдельный полк армейского подчинения численностью более 2500 человек. Полк был выдвинут в район «кубанского

колена» (на участке по реке Кубань от города Армавира до города Кропоткина), где осуществлялась массированная переправа наших отступающих войск. Два батальона курсантов Урюпинского училища, которыми командовали старшие лейтенанты Булатов и Ситников, под общим руководством майора И.С. Титова 3 августа 1942 года были атакованы 30–50 танками, вероятнее всего, 57-го танкового корпуса, наступавшего в это время со стороны Белой Глины, при поддержке до 30 бомбардировщиков. Обороняя 60-километровый фронт, курсанты не допустили форсирования реки Кубань военными дивизии СС «Викинг» до получения приказа об отступлении на Апшеронск и Нефтегорск. При защите г. Кропоткина погибли около 640 курсантов и командиров. Неравный бой длился 9 часов. При возникновении реальной угрозы прорыва противника на левый берег Кубани был отдан приказ о взрыве мостов (шоссейного и железнодорожного). Этот приказ был выполнен. После взрыва моста молодые курсанты остались на правом берегу Кубани один на один с бронетанковой фашистской дивизией. Из полка урюпинцев численностью в 2500 человек в живых остались 220. Под Кропоткиным фашисты потеряли 22 танка, 29 автомашин, 17 мотоциклов, бронемашину, тягачи, 12 пушек и большое количество солдат и офицеров.

В память об этом подвиге курсантов у моста через р. Кубань, неподалеку от поселка Красносельского, установлен обелиск. На мемориальной доске помещена надпись «Воинам Урюпинского военного пехотного училища, погибшим при защите г. Кропоткина в августе 1942 г.» [8]. Памятник выполнен в форме двух погонов младшего лейтенанта.

К сожалению, при проектировании этого весьма интересного с архитектурной точки зрения памятника архитектором было допущено историческое несоответствие. Дело в том, что погоны в Красной армии вводились только в январе 1943 г., а события, происходившие на Кубани, имеют отношение к августу 1942 г.

Часть курсантов вернулась в Гулькевичи и выдвинулись, в соответствии с поступившим приказом к селу Новомихайловскому. В боях с оккупантами здесь погибли около 400 курсантов-урюпинцев, в том числе 79 во время немецких бомбардировок, а останки захоронены

у мемориала «Родина-мать» [9]. После боев под Новомихайловкой Урюпинские курсанты принимали участие в ожесточенных боях под г. Майкопом.

В соответствии с приказом командующего Северо-Кавказским фронтом училище передавалось в оперативное подчинение 31-й стрелковой дивизии, курсантский полк переброшен к «Волчьим воротам» на Тубинском перевале, занятым к тому моменту немецкими оккупантами. Это был стратегически важный участок фронта, который соединял Северный Кавказ с черноморским побережьем [10]. В ходе операции под руководством майора И.С. Титова урюпинские курсанты разгромили противника и преследовали его до станции Черниговской.

В период с 19 августа по 6 сентября 1942 г. отряд отражал натиск 31-й горно-стрелковой дивизии «Горная роза». Курсанты не сдали обороняемые рубежи и не позволили противнику прорваться к городу-порту Туапсе. По итогам операции у «Волчьих ворот» Военный совет 12-й и 18-й армий объявил благодарность училищу, многие командиры и курсанты были представлены к государственным наградам.

В начале октября 1942 г. обороняемый участок, в соответствии с поступившим приказом, был передан 31-й и 383-й стрелковым дивизиям, а училище произвело очередной выпуск. Около 1000 курсантов были выпущены с присвоением воинского звания младший лейтенант, а остальные переданы в учебные подразделения действующих дивизий.

Но к концу октября 1942 г. Нальчик всё-таки был оккупирован фашистами. Двумя неделями ранее Урюпинское пехотное училище было переведено в Армянскую ССР, в Кировокан (ныне – Ванадзор) [11]. Командно-преподавательский состав училища был выведен из боев и выехал к новому месту постоянной дислокации. Туда же были передислоцированы находившиеся в Нальчике подразделения, а также возвратившиеся из госпиталей курсанты и офицеры.

В ноябре 1942 г. последовала новая передислокация, уже в г. Молотов (в настоящее время Пермь), где было произведено несколько выпусков командиров. В письме на имя председателя совнаркома и секретаря обкома ВКП(б) от 25 января 1944 г. начальник Урюпинского военно-пехотного училища пытался обосновать необходимость возвращения учебного заведения в Нальчик, однако ни плохие жилищные

условия, ни отсутствие учебно-материальной базы не были приняты во внимание. Начальник училища в качестве аргументов указывал, что учебное заведение прибыло в г. Молотов одним из последних. Он писал, что «училище разместили часть в городе, в полуразрушенных деревянных казармах, подлежащих сносу, часть за городом в деревянных бараках».

В 1946 г. Урюпинское военно-пехотное училище как выполнившее возложенные на него задачи было расформировано. За время своего существования училище выпустило около 15 тыс. командиров, политработников и воинов-курсантов. Подвиг курсантов и офицеров Урюпинского военно-пехотного училища в оборонительных боях на Северном Кавказе не остался забытым.

7–9 мая 1985 г. прошла первая встреча ветеранов-выпускников в г. Урюпинске на территории бывшего военного училища. В 1986 г. они побывали на открытии памятника погибшим курсантам училища в г. Кропоткин, а в 1987 г. – в Нальчике. В 1991 г. на празднование Дня Победы в г. Урюпинск прибыли участники 1-го выпуска Урюпинского военно-пехотного училища, в ознаменование 50-летнего юбилея этого события. 9 мая 2015 г. в г. Гулькевичи Краснодарского края состоялось открытие памятного знака в честь подвига курсантов и офицеров Урюпинского военно-пехотного училища в годы Великой Отечественной войны [12].

Таким образом, курсанты и выпускники – урюпинцы внесли существенный вклад в дело обороны Северного Кавказа, выполнив таким образом возложенные на них функции.

Примечания

1. Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Т. IV. М., 2015. С. 37–38.
2. Лапина Е.Н., Зиналиф А.К. Урюпинское военно-пехотное училище. Урюпинск, 2011. С. 2–3.
3. Литвинов А. Курсанты из Урюпинска сражались на Кубани // Волгоградская правда. 2016. 30 апреля.
4. Лапина Е.Н., Зиналиф А.К. Указ. соч. С. 4.
5. Краснознаменный Северо-Кавказский / под ред. В.Н. Ширяева. Ростов н/Д., 1971. С. 201.

6. Батов Д. Как освобождали Кубань: фотолетопись Гулькевичского района // Кубанские новости. 2018. 28 марта.
7. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2010. С. 46–49.
8. Закон Краснодарского края от 17 августа 2000 г. №313-КЗ «О перечне объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Краснодарского края» (с изменениями на 17 декабря 2019 года).
9. Батов Д. Фотолетопись Кубани: как освобождали Кавказский район // Кубанские новости. 2018. 4 апреля.
10. Лапина Е.Н., Зиналиф А.К. Указ. соч. С. 4.
11. Литвинов А. Указ. соч.
12. В г. Гулькевичи состоялось открытие памятного знака в честь военных из Урюпинска URL: <https://www.yuga.ru/news/368291/> (дата обращения: 10.05.2015).

Е.Л. Головина

**ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАЧ ПО ВОЗВЕДЕНИЮ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ
РУБЕЖЕЙ В РАЙОНЕ СТАЛИНГРАДА ВОЙСКАМИ
5-й САПЕРНОЙ АРМИИ (октябрь 1941 г. – январь 1942 г.)**

С начала Великой Отечественной войны активно развернулось строительство оборонительных обводов вокруг значимых промышленных районов европейской части СССР. Возведение оборонительных рубежей Сталинграда относилось ко второй очереди намеченных Государственным Комитетом Оборона (ГКО) оборонительных линий полевых укреплений Советского Союза. Регламентировалось оно постановлением ГКО от 13 октября 1941 г. [1]. Протяженность намеченных к строительству рубежей составила 1100 км [2].

27 октября 1941 г. телеграммой Главного управления оборонительных работ (ГУОБР) НКО СССР уточнялась линия укрепленного рубежа на обводе Сталинграда. Круг работ, определенный наркомом обороны, включал в себя пункты: Пролейка – Большая Ивановка, южнее Широкого, Иловлинского, вверх по реке Чир, западнее Бурацкого, Нижне-Чирской, по левому берегу Дона до устья реки Аксай, по реке

Аксай через село Аксай до Малых Дербетов, на юго-востоке по линии озер Большая Ханата, Шаргуч, Амта-Цабдыр и на восток до Волги в районе Владимировки, южнее Енотаевска [3].

Ход строительства Сталинградского рубежа прошел три основных этапа:

1) строительство с октября 1941 г. до конца января 1942 г. (отдельные работы были завершены в феврале 1942 г.), когда были выполнены основные работы по сооружению рубежей внешнего обвода;

2) реконструкция нарушенных паводком укреплений и продолжение строительства внешнего обвода, начало возведения среднего обвода города с весны по июнь 1942 г., большая часть времени была посвящена поискам материалов для рубежей, что привело к выполнению промышленностью города во время Сталинградской битвы заданных оборонительным строительством объемов производства. Также в этот период была начата новая волна мобилизации населения;

3) строительство оборонительных рубежей в июле – декабре 1942 г. по всем обводам и сооружение баррикад внутри самого города, что определило масштабный размах оборонительного строительства в тяжелейших условиях.

Таким образом, под Сталинградом во время Великой Отечественной войны было построено три полосы обводов в округе и городской обвод. Обводы представляли собой не единую монолитную полосу сооружений, а делились на более мелкие части, обозначавшихся как рубежи.

На строительство обводов на сталинградском направлении в октябре 1941 г. было направлено 5-е Управление оборонительных работ (УОБР), до этого возводившее рубежи вокруг Харькова и Сталино (в настоящее время – Донецк). Прибытие военных инженеров совпало со временем создания саперных армий. Так, прибывшее под Сталинград 5-е УОБР было переформировано в 5-ю саперную армию [4]. Командующим формирования был назначен бригадный инженер Александр Николаевич Комаровский [5].

Командный состав прибывших под Сталинград двадцати саперных и одного автомобильного батальона комплектовался из офицеров запаса Сталинградской области. Таким образом, большинство командиров, призванных из запаса, обладали только начальными

знаниями, приобретенными на краткосрочных сборах комсостава запаса. Специальной военно-инженерной подготовкой обладали немногие. Уже на практике люди обучались военно-строительному делу сами и учили подчиненных, осваивали воинскую дисциплину и привыкали к лишениям военного времени. Пополнение рядового состава шло за счет призыва военнообязанных старших возрастов, привлеченных на оборонительные работы. Ядром рядового состава батальонов являлись колхозники. Большинство из них по ряду причин в армии не служили и не были знакомы с воинскими порядками. Многие полагали, что попали под временную мобилизацию на оборонительное строительство, а потому находились в ожидании скорого отпуска по домам [6].

Организация строительства оборонительных рубежей «О» и «М» началась с 19 октября 1941 г. Выполнение работ по строительству рубежей совместно с саперными частями было возложено на ряд строительных организаций: трест № 14, трест № 25, контору Нефтемашстрой, Военстрой, Москоммунстрой, УКС заводов СТЗ, «Красный Октябрь», № 221 и № 91. Они обязывались производить работы под руководством управления оборонительных сооружений Южного фронта. Строительные организации перебрасывались на места непосредственных работ, где с 20 октября 1941 г. должны были приступить к выполнению задания государственной важности. К этому времени на строительство должна была быть направлена рабочая сила, инженерно-технический персонал, гужевой и автотранспорт, необходимые механизмы и инструменты, а также материалы (лес, металл, цемент) и спецодежда [7]. Однако в указанный срок строительство не началось. Из доклада А.Н. Комаровского на 7-м пленуме Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) 22 ноября 1941 г. следует, что к строительству рубежей стали приступать только в период с 27 октября по 2 ноября [8].

Для удобства проведения строительных работ оборонительные обводы делились на рубежи, которые в свою очередь разбивались на сектора. К примеру, рубеж «О» внешнего обвода Сталинграда, где работы были развернуты в первую очередь, делился на семь секторов [9]. Сектора делились на участки, за которыми закреплялись строительные организации как основные производители работ. Также к участкам приписывались городские и сельские районы, жители

которых мобилизовались на постройку противотанковых рвов, эскарпов и контрэскарпов, рытье окопов, траншей, подготовки укрытий. Саперы возводили огневые точки, отдельные фортификационные объекты и руководили деятельностью бригад и отрядов, состоявших из гражданских лиц [10].

Система возведения оборонительных рубежей в 1941 г. была несовершенной, находясь на стадии становления и выработки основных методов и приемов строительства обводов, несколько раз управление 5-й саперной армии проводило рекогносцировки местности, а также меняло планы по первоочередному возведению оборонительных объектов. Кроме того, имелся ряд и других сложностей, тормозивших выполнение работ. Это и тяжелые погодные условия: мерзлый грунт при отсутствии техники плохо поддавался лопатам. Это постоянная нехватка самих инструментов: лопат, ломов, тачек, практически полное отсутствие транспорта, в том числе и гужевых подвод. И, несомненно, верный спутник войны – нехватка рабочей силы. Большинство трудоспособных мужчин убыли на фронт. В тылу оставались высококвалифицированные кадры, трудившиеся на предприятиях, выполняя военные заказы. В селе женщины и непригодные к строевой службе мужчины занимались сельхозработами, обеспечивая продовольственное снабжение красноармейцев и мирных жителей. Также до середины 1942 г. промышленность не справлялась вовремя с выполнением заказов оборонительного строительства, пока не был закончен перевод ее на военный лад.

Таким образом, развернувшиеся с октября 1941 г. работы на сталинградских оборонительных обводах в силу ряда причин не выполнялись в установленные сроки. После отказа от первоначальной даты окончания строительства рубежей – 10 ноября 1941 г. – сроки несколько раз переносились. Сначала – на 1 января 1942 г., затем – на 5 января, на 15 [11] и на 20 января. Последним и реальным сроком окончания работ по сталинградскому обводу было 1 февраля 1942 г. [12]. К этому моменту 5-й саперной армией, по докладу бригаинженера А.Н. Комаровского командующему Сталинградским военным округом генерал-лейтенанту В.Ф. Герасименко, были проделаны следующие работы: сталинградский рубеж («О») – 625 км (указана протяженность по фасам) со всей огневой системой и сооружениями; рубеж

от Руссенбаха до реки Медведицы и до Клетской по Дону («М») – 435 км (протяженность по фронту), построено 128 км опорных узлов; по рубежу Клетская – Нижне-Чирская («О») – 200 км (по фронту), 95 км опорных узлов [13]. За три месяца строительства оборонительных обводов проделан следующий объем работ: вынута земли 7 млн 900 тыс. кубометров (420 км рва и 410 км эскарпов); сделано огневых точек (ДОТ, ДЗОТ, СОТ) – 6500 штук; 3300 землянок, а также множество других сооружений (окопов, командных пунктов и т.д.) [14]. Это соответствовало объемам государственного задания.

Несмотря на все проблемы, необходимые работы по возведению рубежей «О» и «М» были выполнены. За успехи в организации и проведении строительства многие руководители строительных работ были отмечены наградами как со стороны гражданских властей, так и военно-инженерным руководством строительства. Военным советом 5-й саперной армии и 5-го УОБР НКО СССР была объявлена благодарность 219 жителям Сталинграда, среди которых наибольшее количество сотрудников, удостоенных похвалы, имел завод «Красный Октябрь» (37 человек) [15].

В январе 1942 г., согласно планам руководства, шло сворачивание работ на строительстве оборонительных рубежей. Одновременно с этим 5-я саперная армия расформировывалась, а основной ее состав направлялся на Южный Урал, на строительство Челябинского металлургического комбината. Другие части передавались 7-й и 8-й саперным армиям. С расформированием 5-й саперной армии начался процесс передачи построенных оборонительных рубежей в другие ведомства – органам местной власти.

Примечания

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 113.

2. Война. Народ. Победа. 1941–1945: Статьи. Очерки. Воспоминания. В 4 кн. Кн. 2 / сост. И.М. Данишевский, Ж.В. Таратута. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 12.

3. Сталинградский городской Комитет Оборона в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград, 2003. С. 58.

4. Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1941–1942): документы и материалы / под ред. М.М. Загоруйко. Волгоград, 2010. С. 129–130.
5. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 110.
6. Маляров В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны: Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб., 2000. С. 254.
7. Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны. С. 72.
8. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 1. Л. 365.
9. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп.1. Д. 130. Л. 2–2об.
10. Рубежи мужества. М., 1978. С. 110–111.
11. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп.1. Д. 125. Л. 105.
12. Комаровский А.Н. Записки строителя. М., 1972. С. 112.
13. Там же. С. 111–112.
14. Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны. С. 210–211.
15. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 31–32.

В.В. Назаренко

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ В ОККУПИРОВАННОМ ТАГАНРОГЕ

31 июля 1942 г. Таганрог посетил король Румынии Михай I, формально считавшийся главнокомандующим вооруженными силами страны. В.А. Волошин и С.В. Ракочий охарактеризовали этот визит как беспрецедентный [1], хотя в оккупированном Таганроге бывали и другие персоны высокого ранга. Однако такие сведения, равно как и связанные с ними события, не получили должного отражения в отечественных исследованиях. Это и стало причиной появления противоречивых домыслов, тиражируемых в СМИ и в блогосфере. Один из ярких тому примеров – легенда о посещении Гитлером села Федоровка Ростовской области с ночевкой в хуторе Чекилёв [2].

Визит Адольфа Гитлера. 29 ноября 1941 г. Красная армия освободила Ростов-на-Дону, захваченный нацистами восемью днями

ранее. Это было первое крупное поражение немецких войск с начала операции «Барбаросса» по молниеносному поработлению СССР. Оно закрыло оккупантам путь к ресурсам Кавказа и продвижению к нефтяным месторождениям Ближнего Востока.

На следующий день генерал Эдуард Вагнер уведомил ставку об эвакуации Таганрога в двухдневный срок. По его сообщению, все госпитали были вывезены из города, шла эвакуация запасов боеприпасов и горючего. Базу снабжения переносили в Сталино (в настоящее время – Донецк) [3].

Провал наступательной операции гитлеровцев под Ростовом, отход войск без разрешения фюрера и угроза сдачи Таганрога, захваченного немцами 17 октября 1941 г., стали для Гитлера серьезным потрясением. Он отстранил фельдмаршала Герда фон Рундштедта от командования группой армий «Юг» и назначил вместо него фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау [4]. Новый командующий отдал приказ приостановить отступление 1-й танковой армии. Однако, вникнув в ситуацию, отменил свое распоряжение.

Смещать его с должности Гитлер не стал, решив разобраться во всем на месте. По всей видимости, объяснения высшего командного состава 1-й танковой армии, штаб которой находился в Мариуполе, казались ему не очень убедительными. И фюрер решил совершить самое дальнее в своей жизни путешествие на восток Европы.

Интерес Гитлера был нацелен на Таганрог, где располагались стратегически важные объекты (морской порт, аэродромы, железнодорожные и автомобильные узлы, ремонтные базы и склады, а также штабы и командные пункты войсковых частей). Северо-восточнее Таганрога располагался 3-й моторизованный корпус генерала Эберхарда фон Макензена, в состав которого входили 13-я и 14-я танковые дивизии, 60-я моторизованная дивизия и 1-я моторизованная пехотная бригада СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Кроме того, из города просматривался южный фланг линии фронта.

2 декабря Гитлер вылетел в Киев, оттуда совершил перелет в Полтаву и, пересев на транспортный самолет Хенкель-111 Р-2 «Эскадрилья фюрера» [5], прибыл в Мариуполь. Там фюрера встречали новый командующий группы армий «Юг» генерал-фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау и командующий 1-й танковой армией генерал-полковник

Эвальд фон Клейст. Рабочее совещание проходило в штабе танковой армии, где к ним присоединился командир моторизованной пехотной бригады СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» Йозеф (Зепп) Дитрих, прибывший из Таганрога.

По показаниям начальника личной охраны фюрера Ганса Раттенхубера, «в Мариуполе Гитлер ночевал в отведенном для него доме... на берегу моря... При содействии органов тайной полевой полиции мною были проведены необходимые охранные мероприятия в непосредственной близости к квартире Гитлера, как то: усиленная патрульная служба, внутренние и внешние караулы, закрытие всего прилегающего района для постороннего движения. Более широкие мероприятия по охране мною не проводились, так как это могло вызвать ненужную шумиху. Вследствие этих минимальных мер по охране пребывание Гитлера в Мариуполе осталось неизвестным для местных жителей» [6].

Обратим внимание, что в этой поездке у фюрера была всего одна ночевка, а хутор Чекилёв находился на удалении 20 км от морского побережья, в 40 км от Мариуполя. С учетом вышеизложенного утверждения о ночлеге Гитлера в этом крохотном хуторе являются мифотворчеством.

Из Мариуполя в Таганрог фюрера доставил Зепп Дитрих. Туда и обратно они добирались на автомобиле через Широкое, Безымянное, Самсоново, Новоазовск и Лакедемоновку. Маршрут этой поездки указан в монографии Харальда Занднера, представившего в хронологической последовательности сведения обо всех перемещениях немецкого вождя в период с 1940 по 1945 г. [7]. Кроме того, о поездке Гитлера в Таганрог упоминается в мемуарах личного пилота фюрера Ганса Баура [8] и в книге генерала Гюнтера Блюментрита [9].

Село Федоровка и соседствующий с ним хутор Чекилёв были к северу от этой трассы, на 15-километровом удалении от нее. Более того, в этих поселениях не отмечено никаких воинских подразделений, штабов и командных пунктов на фронтовых картах немецкого генштаба сухопутных войск за 1–3 декабря 1941 г. Что же в таком случае могло побудить Гитлера посещать бесперспективное с военной точки зрения место?

В Таганроге Гитлер ознакомился с ситуацией, дал ряд указаний по реализации отдельных мероприятий [10], утвердил приказ об упро-

щении и повышении эффективности производства вооружений [11] и 3 декабря вылетел из Мариуполя в Полтаву.

В ходе инспекционной поездки он пришел к выводу, что Клейст и Рундштедт были правы, а также убедился в нецелесообразности отстранения от должностей командующего 1-й танковой армией генерал-полковника Клейста и начальника его штаба полковника Курта Цейтцлера.

Для таганрожцев этот тайный визит к ним немецкого вождя обернулся несбывшейся надеждой на освобождение города от нацистского гнета в 1941 г. Оккупанты превратили Таганрог в плацдарм для авиаперелетов в Сталинград и главной пункт скопления ресурсов с оперативной доставкой на линию фронта горючего, вооружения и продовольствия. Кроме того, отсюда велась отправка в Германию рабочей силы, продовольствия и ценностей, награбленных в Приазовье. В итоге Таганрог пробыл в оккупации 680 дней, дольше остальных городов Ростовской области.

Визит Хироси Осимы. 24 июля 1942 г. немецкие войска вновь захватили Ростов-на-Дону. Министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп решил воспользоваться этим, предложив японскому послу в Берлине совершить ознакомительную поездку по захваченным районам. Германское командование хотело продемонстрировать Хироси Осиме, что экономика этих территорий успешно работает на оккупационные власти и битва за Кавказ завершится их победой. При этом генерал-лейтенант Осима получал возможность ознакомиться с состоянием дел и боевым духом в фронтовых частях. Таким способом Риббентроп намеревался убедить союзника, что в 1942 г. немцы добьются решающей победы под Сталинградом, и подтолкнуть Японию к открытию второго фронта на Дальнем Востоке.

Детали обсуждения этих намерений описаны в уголовном деле № Р-48808 полковника генерального штаба вермахта Фридриха Шильдкнехта, попавшего в советский плен под Сталинградом 1 февраля 1943 г. В материалах дела имеется его подробный отчет об ознакомительной поездке Хироси Осимы, собственноручно составленный Шильдкнехтом 30 апреля 1945 г. [12].

Подготовка поездки на Восточный фронт и сопровождение в ней японского посла возлагались на Шильдкнехта как заместителя началь-

ника отдела иностранных армий Востока, с предоставлением для ее реализации транспортного самолета Юнкерс-52. От японской стороны в этой поездке участвовали еще два сотрудника посольства в Берлине, одним из которых был помощник Осимы подполковник Сейго.

В группу их сопровождения был включен представитель Верховного командования вооруженными силами Германии (ОКВ) – начальник управленческой группы «Аусланд» адмирал Леопольд Бюркнер, офицер связи Министерства иностранных дел (МИД) Германии при оберквартирмейстере IV Верховного командования сухопутных сил вермахта (ОКХ) Хассо фон Этцдорф и еще один молодой атташе из МИД.

С 1 по 6 августа 1942 г. Осима побывал в Виннице, Одессе, Николаеве, Симферополе, Севастополе, Мариуполе, Сталино, Ростове-на-Дону, Батайске, Таганроге и Днепропетровске. В ходе посещения Донского края японского посла ознакомили с картами боевых операций и данных разведки, рассказали об армейских операциях с начала наступления на Ростов, продемонстрировали с воздуха советские позиции с противотанковыми рвами, пояса укреплений к западу от Ростова и вокруг него, прорванные немецкими наступающими частями. Под Ростовом и Батайском японские представители смогли увидеть пехотинцев, артиллерию и транспорт 17-й армии, а в Таганроге посетить ее штаб.

В Германском историческом музее хранится цветная фотопленка, запечатлевшая встречу Осимы на таганрогском аэродроме 4 августа 1942 г., и общее фото 13 ее участников возле общежития на территории бывшего Карантина [13]. Кроме того, имеется снимок помощника Осимы у входа в Солдатский клуб и столовую [14]. В этом здании Таганрога по ул. Свердлова (ныне – Александровская), дом 60 проходил совместный обед участников встречи.

В ходе поездки Осима проявлял особый интерес к картам воздушной разведки и операциям пикирующих бомбардировщиков. Его интересовали сведения о среднем количестве боевых вылетов экипажей в обычные дни и в дни крупных военных операций. Также велось обсуждение возможностей продвижения немцев через Кавказ в Персию и дальше, в направлении Северо-Западной Индии, чтобы заставить англичан разделить силы, сконцентрированные ими на Вос-

токе. В итоге Осима высказал сожаление по поводу отсутствия у немецкого командования достаточных боевых ресурсов для быстрого прорыва к Персии нацистскими моторизованными экспедиционными корпусами с большим количеством танков и поддержкой их крупными силами авиации. При этом стороны сошлись во мнении, что производственная мощь советской танковой промышленности оказалась неожиданно большой и до начала войны явно недооценивалась.

Рассматривались и вопросы японо-китайской войны. По информации Осимы, китайская армия в количественном отношении намного превосходила японские силы, но в руководстве, организации, вооружении и снаряжении она отставала. Особенно большой недостаток она испытывала в оружии. По этой причине в Китае установилось равновесие сил, и крупномасштабное китайское наступление в ближайшее время вряд ли было возможно. Маловероятным казалось послу и проведение Японией каких-либо крупных операций – на это у нее попросту не было сил. Кроме того, Осима полагал, что окончание японо-китайской войны было возможным лишь после завершения противоборства Японии с Америкой.

В разговоре о положении дел на Дальнем Востоке адмирал Бюркнер также затронул тему японо-советских отношений. Осима охарактеризовал их как корректные. На вопрос Шильдкнехта о возможности вступления Японии в ближайшее время в войну против СССР Осима пояснил, что был момент, когда такой конфликт являлся желательным для Японии, чтобы окончательно устранить угрозу со стороны Владивостока. Но в дальнейшем японские силы были брошены на Китай и задействованы в наступлении в юго-западной части Тихого океана, тогда как в его северной части, расположенной против СССР, значительных военных сил не осталось. По этой причине Япония была крайне заинтересована в том, чтобы не иметь врага в тылу, стремилась создать и сохранить сносные отношения с СССР и делала всё возможное, чтобы избежать конфликта. На вопрос Шильдкнехта, означает ли это, что Япония отказалась от своего прежнего намерения в отношении Владивостока, Осима пояснил, что окончательного решения пока нет, поскольку этот вопрос временно отошел на второй план.

В ответ Осима спросил Шильдкнехта, как, по его мнению, отразилось бы на европейском театре военных действий японское

нападение на советский Дальний Восток. Шильдкнехт пояснил, что подобное нападение было бы желательно для Германии, так как оно по меньшей мере заставило бы русских прекратить переброску дальневосточных частей на Западный фронт и ослабило бы снабжение и вооружение войск на советско-германском фронте. Однако были сомнения в том, что это наступление сможет в короткий срок оказать решающее влияние на боевые операции в Европе. Посол согласился с этим мнением, отметив самодостаточность советского Дальнего Востока в хозяйственном и военно-промышленном отношении. В свою очередь Шильдкнехт подчеркнул, что при нынешнем положении он не видит угрозы для Японии со стороны СССР и считает нереальной устремленность СССР к войне на Дальнем Востоке, если для этого не возникнет крайней необходимости.

По вопросу намерений Японии на Тихом океане посол сообщил, что центр тяжести японской активности окончательно перенесен на юг после того, как в Китае создано равновесие сил. При этом цель и важнейшие задачи Японии сводились к тому, чтобы на островах южной части Тихого океана найти и использовать всё необходимое сырье, которое нужно для борьбы против Америки. На китайском театре военных действий борьба в будущем также могла разрешиться лишь при условии, что японская промышленность будет обеспечена сырьем в той мере, в какой это необходимо для ведения войны.

В разговоре Шильдкнехт спросил подполковника Сейго, сопровождавшего Осиму, считает ли он возможным окончание зашедшей в тупик японо-китайской войны компромиссным миром. Японец пояснил, что это едва ли возможно, так как Чан Кайши не соглашается на японские условия. Япония же не может отказаться от экономической эксплуатации китайского сырья, военной оккупации баз и узловых пунктов Китая. А отказ от всякого японского влияния в Китае будет равносильным поражению в войне и признанию того, что она велась впустую и все японские жертвы принесены напрасно.

Следует отметить, что эти обсуждения не оставались без внимания стран антигитлеровской коалиции, а Осима, по выражению министра обороны США Джорджа Маршалла, был для них главным источником информации о намерениях Гитлера в Европе. Помимо

постоянного взаимодействия со своим правительством, японский посол периодически встречался с Гитлером и другими нацистскими лидерами, получая от них ценную информацию. В частности, 1 мая 1941 г. Гитлер в беседе с Осимой сообщил ему о своем намерении напасть 22 июня на СССР [15].

Полученную информацию Осима направлял в Токио по дипломатическому каналу связи в виде подробных отчетов. Однако еще весной 1936 г. агент советской разведки в Берлине добыл кодовую книгу японского посольства, и с тех пор Москва регулярно читала всю переписку японского посла с МИД его страны [16].

Американские дешифровщики взломали японский дипломатический шифр в 1940 г. Благодаря этому в течение 11 месяцев 1941 г. ими было перехвачено приблизительно 75 отчетов Осимы, в 1942 г. – около 100, в 1943 г. – 400, в 1944 г. – 600, и около 300 отчетов в течение немногим более четырех месяцев 1945 г., когда Германия находилась в состоянии войны [17].

Оперативные сведения, поступавшие благодаря радиоперехвату, находились под пристальным вниманием советского руководства. В частности, по отчету о поездке Осимы, отправленному в Токио после его возвращения в Берлин, Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии подготовило специальное сообщение, которое было направлено И.В. Сталину, В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии, а также начальнику Генерального штаба А.М. Василевскому 19 августа 1942 г. [18].

С учетом вышеизложенного поездку японского посла на донскую землю следует расценивать как весомый вклад в осведомление советского руководства о развитии ситуации на Восточном фронте и о планах противника по Дальнему Востоку, что было крайне важно при скудности нашей резидентуры на советских территориях, захваченных нацистами.

Примечания

1. Волошин В.А., Ракочий С.В. Таганрог «при немцах». Хроники оккупированного города 1941–1943. Таганрог, 2015. С. 142.

2. Документальный фильм «Земля решающих сражений». URL: https://youtu.be/Z6_3IeEVFOM (дата обращения: 09.01.2020); Комаров

И.В. Визит Гитлера в Федоровку, под Таганрогом, Ростовская обл. URL: <https://cont.ws/@161igor/430953> (дата обращения: 09.01.2020); Валькириева ночь перед Рождеством. URL: <https://meotyda.ru/node/105> (дата обращения: 09.01.2020) и др.

3. Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942). М., 2010. С. 471.

4. Там же. С. 480–481.

5. A Heinkel He 111 P-2 “CA+NA” (Werknummer 2471) part of “Fliegerstaffel des Führers” (Führer’s Air Squadron) in the spring of 1942 during a visit by Adolf Hitler to an airfield in the Southern sector of the Eastern Front. URL: https://historicalsocietyofgermanmilitaryhistory.com/german-history-of-world-war-ii/world-war-two-battles/eastern-front/1966770_271059789721648_240612881_n/ (дата обращения: 26.03.2020).

6. Чуркин С. Спецслужбы России за 1000 лет. URL: https://domknig.com/read_182769-289 (дата обращения: 11.01.2020).

7. Harald Sandner. Hitler – Das Itinerar: Aufenthaltsorte und Reisen von 1889 bis 1945. Band IV: 1940–1945. Berlin, 2016. S. 1973–1975.

8. Баур Г. Личный пилот Гитлера: воспоминания обергруппенфюрера СС, 1939–1945. М., 2006. С. 252–253.

9. Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт. Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад». 1939–1945. М., 2005. С. 116.

10. Гальдер Ф. Указ. соч. С. 487.

11. Harald Sandner. Op. cit. S. 1975.

12. Хохлов Д.Ю. Японский посол Х. Осима на советско-германском фронте // Великая Отечественная война. 1942 год. Исследования, документы, комментарии. М., 2012. С. 155–172.

13. Besuch des japanischen Botschafters General Oshima an der Ostfront. URL: https://www.dhm.de/datenbank/dhm.php?seite=6&is_fulltext=true&fulltext=Oshima&suchen=Schnellsuche&modus=rechts (дата обращения: 11.01.2020).

14. Японский офицер в оккупированном Таганроге. 1942 г. URL: <https://www.facebook.com/totalwarillustrated/photos/японский-офицер-в-оккупированном-таганроге-1942-га-japanese-officer-in-german-oc/381984685716423/> (дата обращения: 11.01.2020).

15. Некрич А.М. 1941, 22 июня. М., 1995. URL: <http://militera.lib.ru/research/nekritch/06.html> (дата обращения: 11.01.2020).

16. Атаманенко И.Г. Сто великих операций спецслужб. URL: https://dom-knig.com/read_486819-41 (дата обращения: 11.11.2019).

17. General Ōshima Hiroshi and MAGIC Intelligence, 1941–1945. Lawrence, 1993. P. 42–43.

18. Лота В.И. Секретный фронт Генерального штаба. Книга о военной разведке. 1940–1942. URL: <https://litlife.club/books/238970/read?page=83> (дата обращения: 11.11.2019).

А.Н. Заблотский, Р.И. Ларинцев

«АЗОВСКИЙ ФЛОТ» КРИГСМАРИНЕ.

ВМС ГЕРМАНИИ НА АЗОВСКОМ МОРЕ В 1941–1942 гг.

Несмотря на то, что истории Великой Отечественной войны посвящены десятки тысяч работ, до сих пор в этом море информации остаются мало изученные «белые пятна». Одно из таких «пятен» – это боевые действия на Азовском море в 1941–1942 гг. в целом и создание противником своих военно-морских сил на данном театре в частности. Казалось бы сугубо частный, этот вопрос интересен тем, что он раскрывает сам механизм формирования немцами флотилий на изолированных морских и озерных театрах военных действий.

Выход немецкой 1-й танковой группы к Азовскому морю в октябре 1941 г. произошел в условиях, когда немецкое командование уже начало осознавать неизбежное затягивание войны. Обращаем внимание на данное обстоятельство потому, что парой месяцев ранее немцы и не стали бы и заниматься данным вопросом, надеясь на быстрый захват приморской территории своими сухопутными войсками. А осенью 1941 г. для них уже возникала необходимость в наращивании сил флота на Черном море и развертывания таковых на Азовском.

Поэтому, захватив северное побережье Азовского моря, противник немедленно приступил к созданию собственных военно-морских сил на данном театре. Этот театр в рассматриваемый период (1941–1942 гг.) имел ту особенность, что почти все время был изолирован от черноморского побережья, контролировавшегося немецко-румынскими силами. Период владения противником западным берегом Керченского пролива был слишком коротким. Поэтому просто перебросить

часть кораблей и катеров Кригсмарине из Черного в Азовское море длительное время не представлялось возможным. Приходилось использовать иные варианты, которых было три.

Первый заключался в использовании судов и катеров, доставшихся немцам в захваченных с суши советских портах. Выход немецких танков к северному побережью Азовского моря был достаточно неожиданным, для советского командования и местных властей, поэтому завершить эвакуационные мероприятия не удалось.

В Бердянске после его оккупации противник обнаружил стоявшие на якоре 21 одномачтовую и две двухмачтовые шхуны водоизмещением 8–13 и 20–25 тонн соответственно. У пристани находилось еще семь одномачтовых судов. Одно из них имело дизельный двигатель мощностью 65 л.с., остальные – бензиновые по 20–35 л.с. Все суда были в полной исправности. Кроме того, около десятка судов были найдены в затопленном состоянии.

Мариуполь был захвачен немцами сходу, все предприятия достались противнику без особых разрушений, в том числе судостроительная верфь. Благодаря тому, что в порту сохранилось необходимое оборудование, немцы смогли почти сразу же начать подъем затонувших катеров. Так, уже 15 октября 1941 г. был поднят катер с дизельным двигателем в 20 л.с., который планировалось ввести в строй за два дня.

В мариупольском порту трофеем для немцев стало учебное парусное судно «Товарищ». Парусник был в полностью исправен, на нем даже работала радиостанция. Немцы планировали использовать его в качестве плавучего узла связи командира порта.

Однако этим мариупольские трофеи не ограничивались. Согласно донесению командира порта от 20 октября 1941 г., в Мариуполе было захвачено: 35 рыболовных судов грузоподъемностью от 10 до 30 т, лихтер в 1300 т, плавказарма, строящийся пароход водоизмещением 10 000 т, танкер в 2400 т [1], 1000-тонный пароход в ремонте [2], танкер в 7500 т, не пригодный для плавания, но использующийся в качестве емкости для горючего. Наверное, самым ценным немецким приобретением был 3000-тонный плавдок и 40-тонный плавучий кран. Кроме того, был обнаружен затонувший ледокол, который планировалось поднять. На 31 октября в порту имелось в наличии 43 рыболовных катера и еще 19 ремонтировалось.

В Таганроге, в отличие от Мариуполя и Бердянска, было время для эвакуации, поэтому там немецкие трофеи оказались небольшими: ремонтирующийся пароход водоизмещением в 1200 т, плавучий кран грузоподъемностью 10 т, три моторных и три парусных рыболовных сейнера [3]. Кроме них в гавани были обнаружены два затопленных сторожевых катера.

В Керчи в ноябре 1941 г. немцы захватили исправную моторно-парусную шхуну грузоподъемностью 860 т и четыре рыболовных катера. После повторного захвата Керчи в мае 1942 г. противнику достались 13 грузовых несамоходных судов общей грузоподъемностью 980 т. Кроме того, семь небольших судов были вооружены и использовались для охраны побережья и минных постановок [4].

В списках трофеев вермахта числились и боевые корабли специальной постройки, однако такие сведения содержатся в документах сухопутных войск, а не Кригсмарине. Так что тут желаемое выдавалось за действительное. Например, о трофеях в Таганроге штаб 1-й танковой армии сообщал следующее: захвачены два монитора со 100-мм артиллерией, два небольших боевых корабля, один вооруженный рыболовный траулер и один вооруженный пароход водоизмещением 1500 т [5], что никак не подтверждается отечественными источниками.

Благодаря использованию трофеев, немцы к концу 1941 г. на Азовском море смогли сформировать флотилию из рыболовных судов, которую предполагалось перевести на зимний период ледостава в Керчь или Феодосию [6]. С высадкой советских десантов в декабре 1941 г. этот замысел отпал сам собой. В начале февраля 1942 г. в Мариуполе в строю имелось 46 моторно-парусных судов и 10 чисто парусных. Еще 10 ремонтировалось. Только 20 из них имели компасы. Водоизмещение большинства составляло от 6 до 20 т (только шесть были больших размеров), средняя скорость – 4 узла. В Геническе из наличных 44 моторных катеров только 27 можно было ввести в строй после текущего ремонта.

Второй вариант – это переброска малых кораблей и катеров из Европы по сухопутным коммуникациям. Катера были самые разнообразные: от пограничных до прогулочных. Вот пара примеров. 6 июля 1942 г. в Мариуполь прибыли десять моторных катеров различных типов, в том числе восемь разъездных. 15 июля из Киля были пере-

брошены еще 20 катеров, отзыв о которых заслуживает того, чтобы процитировать выдержку из архивного документа: «Речь идет о моторных катерах различного типа, с разными моторами и т.д. Четыре катера имели дизельные, остальные – бензиновые двигатели. Большая часть катеров была представительского класса, предназначенная для увеселительных поездок на выходных. Они имели многочисленные удобства типа камбузов, туалетов и так далее, но не имели необходимых жизненно необходимых устройств для обеспечения мореходных и навигационных потребностей, таких как якоря, канаты, компасы и т.п. Большинство двигателей нуждалось в профилактике» [7]. Справедливость требует признать, что среди прибывших имелось три дизельных буксирных катера почти одинаковой конструкции, пригодных для военных целей [8].

Судя по всему, вооружение даже на катера, прибывшие из Германии, устанавливалось на месте. «Главным калибром», как правило, были 20-мм зенитные автоматы, которые дополнялись одним-двумя пулеметами винтовочного калибра. Так, в июле 1942 г. группа хорватской флотилии, предназначенная для охраны побережья в районе Бердянск – Ногайск, состояла из восьми катеров. Каждый катер имел на вооружении пулемет МГ34. На четырех катерах пулемет дополнял 20-мм автомат. Только на трех из них имелись радиостанции.

Не пренебрегали немцы и их союзники и трофейным вооружением. По крайней мере, точно известен случай инициативного усиления вооружения катера хорватской флотилии советским станковым пулеметом. Запасы брони, захваченные в Мариуполе на заводе «Азовсталь», использовались противником для изготовления пулеметных щитов. Кроме того, на начальном этапе существования флотилии ее катера вооружались трофейными 45-мм пушками.

Последний, третий вариант, был в известной мере развитием второго. В немецких сухопутных и, как это ни удивительно, в военно-воздушных силах имелись свои собственные «боевые корабли» [9]. Речь идет о знаменитых паромах типа «Зибель», сборно-разборная конструкция которых позволяла перевозить части парома в нужное место по суше. Затем паром монтировался и спускался на воду. Корпус катамаранного типа водоизмещением 140 т позволял устанавливать разнообразное артиллерийское вооружение калибром до 88-мм.

Численность «Зибелей» была довольно большой. Так, на 19 августа 1942 г. только в Генчешке из-за минной опасности задерживался выход в Мариуполь 18 единиц. «Настоящие» боевые корабли появились на Азовском море только в августе 1942 г., когда немцам удалось провести через Керченский пролив в ходе специальной операции три быстроходные десантные баржи.

Задачами военно-морских сил противника на Азовском море были: обеспечение перевозки грузов в интересах сухопутных войск, прикрытие коммуникаций вдоль северного берега и пунктов базирования от ударов советских кораблей и авиации, противоминная оборона, в том числе траление. Практически весь описываемый период витала идея высадки десанта на Таманский (в ноябре 1941 г. дело дошло даже до расчетов десантовместимости имевшихся кораблей и судов) или Керченский полуостров, но она так и не была реализована [10].

Кроме материальной части создаваемой немецкой флотилии требовался личный состав. Первыми «моряками» на трофейных судах становились, как правило, армейские саперы. Кроме того, сначала в принудительном, а затем и в добровольном порядке в состав экипажей включались советские граждане. Впрочем, эта добровольность была своеобразной. Перешедший на сторону Красной армии в мае 1942 г. «доброволец» Николай Илларионович Максименко был призван на немецкую службу по повестке через полицию [11].

В октябре был решен вопрос об использовании на Азовском море Хорватского морского легиона. В конце октября 1941 г. в документах противника появляются первые упоминания об участии катеров с хорватскими экипажами в боевых столкновениях с советской авиацией. К этому времени в Мариуполе уже были введены в строй и вооружены два катера. Чуть позже хорватский легион был разделен на флотилию тральщиков, куда вошли флагманский катер, четыре катера-тральщика (плюс еще четыре в резерве) и катер-вехостав, и транспортную флотилию (все остальные плавсредства). Немецкое командование предписало, во избежание недоразумений и «дружественного огня», нести на катерах по два флага: немецкий и хорватский.

По состоянию на 22 ноября 1941 г., немцев на флотилии было совсем немного: один офицер и два матроса. Хорватов на это же чис-

ло – 34 человека, советских граждан – 180. Постепенно, с увеличением численности ВМС противника на Азовском море, росла и численность немецких и хорватских моряков. Летом 1942 г. экипаж обычного боевого катера насчитывал до семи человек, включая двух-трех украинских добровольцев.

В течение зимы 1941–1942 гг. в основном был завершен восстановительный ремонт трофейных судов и катеров. Частично из Германии, частично из наличия Военно-морской группы «Юг» поступило вооружение, в том числе тральное. 28 апреля 1942 г. в Мариуполь прибыл транспорт с 733 морскими минами типа FMC. Началась установка оборонительных минных заграждений. Катера несли дозорную службу, сопровождали конвои, тралили советские минные банки. Началась настоящая война на море, хотя и небольшим по размерам.

История любит повторяться. Весной 1943 г. уже советская сторона оказалась в аналогичной ситуации, воссоздавая свою флотилию на Азовском море при полном немецком контроле над Керченским проливом. Нам также приходилось использовать самые разные источники для пополнения флотилии боевыми единицами. Советское командование даже пыталось использовать для этого трофейный паром «Зибель», попавший к нам после боя у острова Сухо на Ладого. Но это уже совсем другая история.

Примечания

1. Танкер «Грозный», 4964 брт // Суда Министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Справочник. М., 1989. С. 93

2. Грузовой пароход «Волго-Дон», 956 брт // Суда Министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 93

3. Грузо-пассажирский пароход «Георгий Седов» («Феодосия»), 1538 брт // Суда Министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 93

4. Национальный архив США NARA T-1022. roll 2530.

5. Национальный архив США NARA T-313. roll 008.

6. Национальный архив США NARA T-1022. roll 2530.

7. Когда отечественные авторы сетуют на недостатки мобилизованных для советского ВМФ в начале войны судов, в качестве некоторого оправдания можно привести этот пример.

8. Национальный архив США NARA T-1022. roll 2530.

9. По меньшей мере, часть азовских паромов «Зибель» входила в состав Люфтваффе.

10. Операция «Блюхер» (высадка немцев на Таманском полуострове) проводилась из Крыма.

11. Центральный военно-морской архив. Ф. 957. Оп. 28. Д. 23046. Л. 315.

В. И. Афанасенко

ПОДВИГИ ВОИНОВ НКВД НА РУБЕЖЕ РЕКИ МАНЫЧ

В конце июля 1942 г., немецкие войска форсировали Дон в нижнем течении и второй раз захватили Ростов-на-Дону. Не сумев окружить и уничтожить главные силы Южного фронта между реками Северский Донец и Дон в районе Ростова-на-Дону и севернее, немецкое командование группы армий «А» решило сделать это между реками Дон и Кубань в их нижнем течении. Для этого с захваченных плацдармов в районе Константиновской, Николаевской, Раздорской и Мелиховской подвижные соединения 3, 40-го и 48-го танковых корпусов 1-й и 4-й танковых армий должны были нанести кинжальные удары через р. Маныч в направлении Тихорецка, Краснодара, в тыл главным силам Южного (9, 12, 18, 24, 37, 56-й армиям) и Северо-Кавказского (51-й армии, 17-го кавалерийского и 1-го стрелкового корпусов) фронтов. 23 июля в своей ставке «Вервольф» под Винницей Гитлер озвучил идею: «Мы не должны оставлять наши подвижные войска в районе Ростова и должны задействовать 17-ю армию, а также 1-ю танковую и 4-ю танковую армии для того, чтобы зажать русских к югу от Ростова, на подступах к Кавказу, окружить их и уничтожить» [1].

В этот же день, 23 июля 1942 г., идея Гитлера была оформлена директивой № 45 верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии о продолжении операции «Брауншвейг». В разделе 2 «Задачи дальнейших операций. А. Сухопутные войска» прямо

указано: «1. Ближайшая задача группы армий “А” состоит в окружении и уничтожении сил противника, ушедших за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее г. Ростов. Для этого бросить в наступление крупные силы танковых и моторизованных войск с плацдармов в районе Константиновской, Цимлянской, которые должны быть заблаговременно захвачены нашими войсками, в общем направлении на юго-запад, примерно на Тихорецк, а пехотными, егерскими и горными дивизиями форсировать Дон в районе Ростова» [2].

К исходу 25 июля войска 51-й армии (4 стрелковых и 2 кавалерийских дивизии) Северо-Кавказского фронта, занимавшие оборону по левому берегу Дона от Верхнекурмояровской до Багаевской, директивной Ставки ВГК № 170 529 были подчинены Южному фронту [3].

Сохранившие боеспособность соединения 37, 12, 18-й армий Южного фронта занимали оборону по левому берегу Дона в полосе Багаевская – Азов – Кагальник. Остатки 56-й армии после боев за Ростов и Новочеркасск сосредотачивались юго-восточнее Батайска. Полевые управления 9-й и 24-й армий вместе с остатками одиннадцати стрелковых дивизий и 5-го кавалерийского корпуса (51, 73, 106, 140, 242, 255, 296, 318, 335, 341, 349-я стрелковые, 30, 34, 60-я кавалерийские дивизии) и тыловыми частями выводились на южный берег реки Маныч в район Лопанка, Сальск, Богородицкое для переформирования и приведения в порядок.

Для прикрытия основных переправ через р. Маныч распоряжениями начальника охраны тыла Южного фронта 24 и 26 июля 1942 г. из состава 19-й дивизии НКВД полковника Н.П. Подоляко были выдвинуты сводный отряд 2-го батальона 175-го полка НКВД под командованием лейтенанта Курбатова – в хутор Весёлый, а 1-й батальон 175-го полка НКВД, 26-й и 24-й пограничные полки НКВД, а также 535-й гвардейский стрелковый полк и минометный батальон 2-й гвардейской стрелковой дивизии, курсы младших лейтенантов СКВО, четыре батареи 4-го гвардейского артиллерийского полка – в станицу Пролетарскую и поселок Манычстрой [4].

Оперативная обстановка в полосе Южного фронта в конце июля 1942 г. стремительно ухудшалась. 26 июля 16-я моторизованная дивизия и мотопехотная дивизия «Великая Германия» вместе с 3-й танковой дивизией генерала Брайта рассекли оборону на стыке

37-й и 51-й армий и к вечеру достигли р. Маныч у хуторов Солёный, Свобода и Новоселовка. Здесь они завязали бой с двумя полками 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии и остатками 74, 230-й и 295-й стрелковых дивизий 37-й армии. Ночью 27 июля переодетая в форму советских войск рота диверсантов 800-го полка особого назначения «Бранденбург» захватила плотину Весёловского водохранилища, через которую двинулись передовые танковые и мотопехотные части 3-й танковой дивизии 40-го танкового корпуса генерала Лео Гейра фон Швеппенбурга. Следом готовились к переправе главные силы 3-го и 40-го танковых корпусов. Этот прорыв, грозивший окружением всех войск 37, 12, 18-й и 56-й армий Южного фронта, еще удерживавших левобережье Дона в полосе Манычская, Ольгинская, Батайск, Азов, Кагальник, был сорван воинами-саперами 2-й роты лейтенанта Цилюрика из 9-го отдельного моторизованного инженерного батальона. Они заминировали мост, шлюз и дамбу Весёловского водохранилища, в тело которой заранее заложили две тонны взрывчатки [5]. 27 июля 1942 г. в 10.15 по приказу коменданта переправы, начальника отдела боевой подготовки 37-й армии майора Хейфица все эти сооружения были взорваны. Долгие десятилетия существовала легенда о неизвестном советском диверсante, ценою жизни взорвавшем плотину Веселовского водохранилища. Обнаруженные архивные документы позволяют назвать имена героев-саперов, которые под минометным и автоматным огнем противника выполнили поставленную задачу и спасли от уничтожения и плена десятки тысяч советских воинов: лейтенант Мухаметшин, младшие сержанты Беревский и Малаховский, красноармейцы Акуленко, Гринюк, Онищук, Терещенко, Федьков [6].

Еще в 1932–1936 гг. на Маныче были построены три плотины, образовавшие каскад из трех водохранилищ: Усть-Манычского, Весёловского и Пролетарского. После взрыва образовался 100-метровый пролом в теле плотины, через который хлынул мощный поток воды, заливая 3–4-км пойму Маныча [7]. Вода хлынула по балкам, ерикам, наполнила все мелкие речки. В то время Дон тоже обмелел. Основная масса воды устремилась к Дону, вышла из берегов, залила луга вплоть до Бессергеновской, Манычской. В Багаевской вода залила все огорды и другие низины. Жители, прятавшиеся в тернах в районе совре-

менного поселка Дачный, еле успели добраться до Багаевской. Вот как об этом вспоминает старожил Багаевской Алексей Епифанович Терновсков: «Опасаясь бомбежек и артобстрелов, многие багаевцы бежали на Федуловку, в бузняковские сады (ныне пос. Дачный) и там отсиживались в окопах и противотанковых рвах. Вместе с нашей семьей в бузняхках были Касьяновы, Гайдины и многие другие. Но однажды кто-то из взрослых тревожно сообщил, что начала быстро прибывать вода и мы все потопнем здесь как суслики. Надо было возвращаться в станицу. А немцы? “Их там нет”, – заверил человек. И тогда мы, преодолев не менее 5 километров вброд, по пояс в воде, возвратились домой. Немцы бежали на бессергеновскую гору, бросив затопленными в лесу, на правом берегу Дона, более 20 танков и много другой техники» [8]. Немцам пришлось развести все понтонные переправы на Дону от Старочеркасской до Синявской. Лишь к вечеру 30 июля поток воды спал, и немецкие саперы снова навели переправы через Дон и Маныч. Основные силы четырех советских армий избежали окружения.

Переправившиеся части 3-й немецкой танковой дивизии в районе хуторов Попов, Чернышевка, Мало-Кузнецовка (ныне – зерноградский район Ростовской области) были скованы боями с подвижной группой Южного фронта под командованием генерал-майора артиллерии А.И. Нестеренко в составе 176-й Краснознаменной дивизии и гвардейцев-минометчиков 49, 67-го полков и 14-го дивизиона «катюш».

Для обороны плотины северо-восточнее Весёлого по приказу командира 175-го полка НКВД подполковника И.А. Бабинцева был выдвинут сводный отряд 2-го батальона в составе 70 чекистов под командованием лейтенанта Курбатова, усиленный расчетами ПТР и станковых пулеметов. Вечером 28 июля отряд отбил атаку 2 танков и 40 автоматчиков, уничтожив 20 солдат противника. На рассвете 29 июля, после массированного артиллерийско-минометного обстрела, при котором был разбит станковый пулемет, убито 2 и ранено 5 чекистов, враг атаковал силами 8 танков и двух рот мотопехоты с минометной батареей. К 19.00 противник, потеряв два танка и до полусотни автоматчиков, овладел юго-западной стороной плотины. Остатки сводного отряда, в котором оставалось 20 бойцов с двумя станковыми пулеметами, удерживали северо-восточный берег Манычского канала [9].

1-й батальон 175-го полка НКВД к исходу 28 июля занял оборону в районе плотины у ст. Пролетарская на южном берегу р. Маныч, где вошел в подчинение командира 24-го пограничного полка НКВД подполковника С.Е. Капустина. Полк двумя батальонами занимал оборону в районе железнодорожного моста, плотины и южного берега Пролетарского водохранилища. Огневую поддержку пограничникам обеспечивали два дивизиона 6-го и две батареи 4-го гвардейских артиллерийских полков.

На рассвете 29 июля из станицы Будённовской на Пролетарскую двинулось 20 танков и до батальона мотопехоты противника. К 7.00, после ожесточенного боя, враг занял станицу Пролетарскую, переправился через р. Чепрак и попытался сходу форсировать р. Маныч в районе дамбы. Атаки противника были отбиты воинами 1-го батальона 175-го полка НКВД. В 21.00 рота диверсантов 800-го полка «Бранденбург», переодетые в советскую форму, пытались овладеть автодорожным мостом, но были отбиты после жестокого боя, оставив на мосту около 80 трупов. У железнодорожного моста была отражена атака 20 танков с десантом автоматчиков на броне. Большую помощь пограничникам и чекистам 175-го полка оказали расчеты ПТР и батарея орудий ПТО 2-й гвардейской стрелковой дивизии.

30 июля позиции 1-го батальона 175-го полка дважды подвергались бомбо-штурмовым ударам авиации и атакам танков и мотопехоты, которые были отражены. 31 июля противник превосходящими силами прорвался на флангах, на стыке с 24-м и 26-м погранполками и окружил остатки батальона. В течение суток 1-й батальон вел бой в окружении танков и мотопехоты противника. В 12.00 1 августа был получен приказ командира 24-го погранполка Степана Елисеевича Капустина о выходе из окружения в направлении села Екатериновка. Прорвав кольцо окружения, батальон в районе Екатериновки и хутора Весёлого отбил две массированные танковые атаки противника, подбил 9 вражеских танков. Всего за три дня боев личный состав 1-го батальона 175-го полка НКВД уничтожил более 800 вражеских солдат и офицеров, 10 пулеметов, 6 минометов, 9 танков, обеспечивая отход частей РККА на новые рубежи [10].

24-й погранполк в течение 30 июля четыре раза подвергался бомбежке, артиллерийско-минометному обстрелу и атакам автоматчиков.

31 июля к 13.00 враг сосредоточил в районе дамбы и железнодорожного моста до 150 танков и бронемашин, свыше 50 грузовиков с пехотой и начал переправу под прикрытием артиллерийско-минометного огня и бомбо-штурмовых ударов авиации. В бой вступила 9-я застава младшего политрука Павленко, но сдержать во много раз превосходящие силы врага не сумела. Командир 2-го батальона майор Ф.С. Волков выслал на помощь усиленную 6-ю заставу под командованием начальника штаба батальона старшего лейтенанта Ф.Я. Шумкина. Общими усилиями в ходе контратаки враг был отброшен на северный берег канала. На стыке 1-го и 2-го батальонов 24-го погранполка враг переправил до 600–700 солдат и создал небольшой плацдарм на южном берегу Маныча. Подполковник С.Е. Капустин фланговой контратакой резервного 3-го батальона капитана А.И. Матыцына отбросил врага и в течение ночи добил в ходе рукопашных схваток.

1 августа 24-й погранполк, имея открытый левый фланг, вел бой до полудня в условиях полуокружения. Решение об отводе 24-го погранполка на южный берег р. Средний Егорлык утвердил начальник штаба 74-й Таманской дивизии. К 18.00 полк вышел к селу Екатериновка и до 22.00 вел бой в окружении, уничтожив до 200 солдат, 3 танкетки, 2 автомашины, 3 пулемета и миномет. Потери 24-го погранполка в боях на Маныче составили 49 человек убитыми, 99 – ранеными, 176 – пропавшими без вести. Пример мужества и отваги показал командир 3-го батальона капитан Афанасий Иванович Матицын, лично водивший бойцов в штыковые атаки. Он получил смертельное ранение в бою 31 июля. Погибли смертью героев военком батальона старший политрук Сечкарев и начальник штаба капитан Ладушкин [11]. В наступившей темноте 24-й погранполк начал отход в направлении Нового Маныча, в полосу обороны 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Стойкость чекистов и пограничников в боях на Маныче сорвала планы немецкого командования по окружению и уничтожению советских войск между Ростовом и Краснодаром.

За боевые подвиги и массовый героизм личного состава 24-й Прутский пограничный полк был награжден орденом Красного Знамени. Отдавая дань уважения мужеству пограничников, трудящиеся Сальского района насыпали на месте боя курган – Курган

бессмертия. На его вершине воздвигнут обелиск Славы, на котором высечено: «Вечно будет жить в памяти сальчан подвиг пограничников 24-го полка!»

Примечания

1. Карель П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М., 2003. С. 443.
2. Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. М., 2002. С. 234–235.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 261–263.
4. ЦАМО РФ. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 22. Л. 11; Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (документы и материалы). М., 1975. С. 316–317, 409, 410.
5. ЦАМО РФ. Ф. 9 ОМИБ. Оп. 29 790. Д. 36. Л. 22.
6. Там же. Л. 31.
7. Макензен Э.А. фон. От Буга до Кавказа. М., 2004. С. 328–329.
8. Органы НКВД на защите Отечества. Южные рубежи. 1941–1945. Ростов н/Д., 2018. С. 61.
9. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 409–410.
10. Там же. С. 316–317.
11. Российский государственный военный архив. Ф. Южного фронта. Оп. 1. Д. 82. Л. 879.

И.В. Киселев, М.А. Урюпина

ДИВЕРСИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ ПОЛКА «БРАНДЕНБУРГ-800» В ХОДЕ БОЕВ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В 1942 г.

В ходе Великой Отечественной войны широко применялась такая форма вооруженной борьбы, как диверсионные операции. На разных участках советско-германского фронта к ним прибегали и Красная армия, и вермахт. Среди подразделений противника, осуществлявших диверсионную деятельность, наибольшую известность получил полк специального назначения «Бранденбург-800».

Боевому пути этого элитного подразделения посвящен целый ряд зарубежных и отечественных работ. Но введение в научный оборот новых источников в связи с цифровизацией советских и германских оперативных документов позволяет сегодня открыть новые страницы в истории «Бранденбурга». В частности, это касается диверсионных операций бранденбуржцев во время вторжения немецких войск на Западный Кавказ летом – осенью 1942 г.

За время боевых действий в этом регионе наибольшую известность приобрела операция германских диверсантов в Майкопе. Значение этого города определялось добычей нефти в его окрестностях. В центре внимания иностранных, а затем и российских историков оказалась работа отряда 2-го батальона полка «Бранденбург» в составе 62 человек. В большинстве своем это были судетские и прибалтийские немцы. К числу последних относился и командир отряда, адъютант штаба того же 2-го батальона лейтенант А. Фелькерзам. Пользуясь формой войск НКВД и трофейными автомашинами, 3 августа 1942 г. эта группа влилась в колонны отступающих войск Северо-Кавказского фронта и вскоре прибыла в Майкоп. Ознакомившись с обстановкой в городе, диверсанты дождались приближения наступающих немецких войск и утром 9 августа приступили к действиям. Им удалось дезорганизовать оборону города, захватив и уничтожив телефонную станцию и телеграф. Затем усилия отряда А. Фелькерзама были направлены на то, чтобы усилить панику среди защитников Майкопа и овладеть как можно большим числом объектов нефтедобычи в окрестностях города. Накануне захвата Майкопа, 5 августа 1942 г., штаб 13-й немецкой танковой дивизии был предупрежден о возможной встрече с диверсантами. Для их опознания каждый солдат дивизии должен был знать пароль «Шамиль» [1].

Утром 7 августа командиром 13-й германской танковой дивизии был отдан приказ о наступлении на Майкоп. Боевой группе обер-лейтенанта Х. Штольца были приданы основные силы 8-й роты полка «Бранденбург». Часть этой роты должна была взаимодействовать с боевой группой полковника В. Кризолли. В том случае, если сопротивление защитников Майкопа окажется слабым, рассчитывали прорваться через город и захватить переправы через р. Белая. При сильном противодействии советских войск германское коман-

дование готовилось атаковать город организованно и силами всей 13-й дивизии [2].

В середине дня 9 августа немцы атаковали Майкоп с севера и северо-востока. Впереди наступающих колонн двух боевых групп двигались отряды бранденбуржцев. Пользуясь дезорганизацией советской обороны, они прошли сквозь город и добрались до моста у р. Белой. Стремительно атаковав не ожидавшую нападения охрану, немецкие диверсанты ворвались на мост, обезвредили взрывные устройства и заблокировали переправу с помощью автомашин. Около 19 часов 9 августа танки 13-й дивизии вышли к переправе. Они смели блокировавшие мост грузовики и двинулись на левый берег р. Белой. Вместе с танками заняли плацдарм и диверсанты [3].

Бои в окрестностях Майкопа продолжались еще двое суток. Отряд 8-й роты полка «Бранденбург» в это время был переброшен в распоряжение дивизии СС «Викинг». 10 августа им был захвачен автодорожный мост в Белореченской, а на помощь диверсантам подоспел моторизованный полк «Норланд». В этот раз без потерь среди бранденбуржцев не обошлось, в числе погибших оказался лейтенант Э. Прохазка – командир 8-й роты. Он возглавлял свое подразделение менее трех недель, сменив убитого в боях за Ростов-на-Дону капитана З. Граберта.

Подводя итоги участия «Бранденбурга» в боях за Майкоп, стоит указать на отсутствие упоминаний о немецких диверсантах в текущих оперативных документах советских войск: Северо-Кавказского фронта, 12-й и 18-й армий, 17-го кавалерийского корпуса. В опубликованных докладных и объяснительных записках руководителей Адыгейского областного комитета ВКП(б) упоминаний о немецких диверсантах нет. По-видимому, их авторы были настолько поражены стремительным захватом Майкопа врагом, что разобраться в происходившем попросту не сумели [4]. Но, по словам 17-летнего бойца майкопского истребительного батальона В.М. Чуканова, еще накануне боев «по городу якобы ходили немцы, переодетые в нашу форму» [5].

В то же время степень сохранности доставшихся противнику нефтепромыслов остается предметом спора даже среди зарубежных авторов. Американский историк Д. Хиггинс, посвятивший целое исследование майкопскому рейду бранденбуржцев, утверждает, что це-

лыми были захвачены все 30 резервуаров, 14 из 15 нефтевышек [6]. Напротив, его соотечественник, автор двух книг о битве за Кавказ Р. Форзик, разделяет мнение советских историков о том, что буровые установки, основные запасы нефти и нефтепродуктов в окрестностях города удалось вывезти или уничтожить [7]. Как бы то ни было, добыча нефти в значительной степени осуществлялась в 40–50 км южнее Майкопа, в районе Хадыженской и Нефтегорска. Быстро проникнуть в этот район немцам не удалось. Поэтому советские специалисты сумели демонтировать или испортить оборудование нефтепромыслов. Вдобавок ко всему, атакам отступающих советских подразделений подверглась техническая бригада нефтедобычи – специализированное подразделение, следовавшее вместе с 13-й танковой дивизией.

15 августа 1942 г. 13-я танковая дивизия противника была отведена с фронта для отправки на восток Кавказа. К этому моменту в ее подчинении находился уже весь 2-й батальон полка специального назначения «Бранденбург». Вместе с тем в воспоминаниях унтер-офицер дивизии СС «Викинг» привел еще один боевой эпизод с участием бранденбуржцев. Бойцы 7-й роты 12 августа воспользовались советской военной формой и проникли в ряды отступающих колонн в районе Пшехской. Посеяв панику среди подразделений Красной армии, немецкие диверсанты захватили мост через р. Пшеха и сумели удержать его до подхода мотопехоты упоминавшегося выше полка «Норланд» [8].

События, развернувшиеся вокруг Майкопа в августе 1942 г., ярко описал в своей книге «Марш на Кавказ» В. Тике. В присущей ему и другим германским публицистам манере им излагаются события другой операции. Она была проведена «береговой ротой» полка «Бранденбург» на приморском шоссе под Новороссийском с целью нарушить снабжение советских войск. По словам В. Тике, все прошло как по нотам: бранденбуржцы преодолели Цемесскую бухту, скрытно высадились, уничтожили попавшуюся на пути советскую автоколонну и подорвали полотно дороги. «На следующий день воздушная разведка заметила километровые заторы у взорванного участка дороги» [9].

Однако и советские [10], и современные российские исследования указывают на провал этой операции, проведенной в ночь с 29 на 30 октября 1942 г. [11]. В их работах кратко отмечается, что целью этого

десанта был подрыв дороги и уничтожение береговой батареи в районе м. Пенай. Свет на эти события проливает отчет командира 10-й роты полка «Бранденбург» обер-лейтенанта Х. Кригсхейма, сохранившийся в документах 5-го армейского корпуса [12].

Операция готовилась тщательно, была согласована с командованием 73-й немецкой пехотной дивизии и 10-й румынской пехотной дивизии. Поддерживалась связь со штабами морского коменданта Кавказа и 4-го авиационного корпуса. Время для начала операции было выбрано так, чтобы еще не взошла луна, не было сильного ветра и волнения моря. В 21.05 немцы приступили к спуску 28 штурмовых лодок на воду в районе Мысхако и через 40 минут отправились к противоположному берегу Цемесской бухты. Спустя еще 70 минут диверсанты оказались в 150 м от берега. И в этот момент по ним открыли огонь советские пулеметы. Шедшие впереди лодки на полной скорости подошли к пляжу и сумели высадить один взвод бранденбуржцев. Однако один из них вскоре подорвался на mine, а остальные попали под винтовочный огонь. Забрав тело погибшего и еще одного раненого, немцы поспешили ретироваться. Уже в море командир роты решил повторить высадку, но собрать скрывшиеся в темноте штурмовые лодки было уже невозможно. Поэтому к 00.30 10-я рота вернулась в район Мысхако.

Эти события нашли отражение в итоговой оперативной сводке 47-й армии, державшей фронт под Новороссийском: «В ночь на 30.10 пр[отивни]к, подойдя к берегу с группой катеров в р[айо]не 13 км Новороссийского шоссе пытался высадить десантную группу. На берег высадилось до 30–40 человек. Десант наткнулся на минное поле и был обстрелян ружейно-пулеметным огнем подразделений 1-го Б[оевого] У[частка], после чего высадившаяся группа вернулась на катера и ушла в направлении м. МЫСХАКО. Группа имела, по-видимому, разведывательно-диверсионные задачи, так как на берегу было брошено до 100 кг тола» [13].

Те же факты изложил в своих воспоминаниях командир Новороссийской военно-морской базы Г.Н. Холостяков, уточнив, что десант был отражен буквально четверыми бойцами морской пехоты – подчиненными командира 1-го боевого участка капитан-лейтенанта В.А. Ботылёва [14].

Этот короткий боевой эпизод показателен по нескольким причинам. Хорошо поставленное наблюдение и решительные действия позволили небольшой группе советских бойцов сорвать подготовленную диверсионную операцию врага. Вместе с тем бранденбуржцы продемонстрировали профессионализм и организованность, сумев покинуть опасный район при минимальных потерях. Сопоставление данных из оперативных документов с версией В. Тике заставляет усомниться в степени достоверности книги «Марш на Кавказ».

Провал десанта под Новороссийском заставил немцев искать другие варианты для применения 10-й роты полка «Бранденбург». Рассматривались варианты высадки на другом участке побережья. Были идеи проникнуть в тыл советских войск на участке румынского кавалерийского корпуса, где плотность войск по обе стороны фронта оставалась невелика [15]. Однако факта проведения диверсионных операций в Краснодарском крае в последующие месяцы пока установить не удалось. Зато бранденбуржцы продолжали воевать на Восточном Кавказе. Это отдельная большая тема, мы же позволим остановиться только на одном показательном случае.

22 ноября 1942 г. в 5 км южнее села Чикола в Северной Осетии были захвачены в плен двое военнослужащих 5-й роты полка «Бранденбург-800». Первым из них оказался унтер-офицер П. Фелькерзам, родной брат А. Фелькерзама, руководившего операцией в Майкопе в августе 1942 г. Описание его политико-морального состояния характеризует солдат вермахта вообще и германских диверсантов в частности не лучшим образом: «В[оенно]п[ленный] карьерист, убежденный сторонник гитлеровского режима и теории, что “цель оправдывает средства”. Он считает, что Германия должна захватить всю Европейскую часть СССР до Урала...

...Военнопленный уверен в победе немцев в настоящей войне считает свое пленение несчастным случаем. Требуется к себе отношение как к обычному в[оенно]п[ленному] и доказывает, что агентурщик, переодетый в красноармейскую одежду, ничем не отличается от солдата, взятого в бою.

В результате допроса в[оенно]п[ленный] Фалькерзам изъявил желание работать на стороне Красной армии при условии сохранения ему

жизни и гарантировании хороших условий до конца войны, а после окончания войны – возвращения в Германию с сохранением в тайне его деятельности в пользу Красной армии».

Вторым военнопленным оказался уроженец Тбилиси, лейтенант танковых войск Красной армии. О нем сказано следующее: «Изменник Родины, бывший кандидат партии, бывший рабочий и сын крестьянина, проданся немцам и пошел выполнять их агентурные задания. Для того чтобы заслужить их доверие, он все поручения немецкого командования выполнял тщательно и точно, являясь помощником Фалькерзама во всех операциях и последний ему доверял... Во время опроса ничего членораздельного и убедительного в свое оправдание сказать не мог» [16].

И все же единственный документ не может служить исчерпывающей характеристикой всего полка специального назначения «Бранденбург-800». Изучение участия его солдат и офицеров в боях на Западном Кавказе говорит о том, что советским войскам довелось столкнуться с опытным, хорошо подготовленным и экипированным врагом. Проведенные бранденбуржцами в августе 1942 г. диверсионные операции существенно осложнили положение частей и соединений Северо-Кавказского фронта в районе Майкопа. Однако неудача германских диверсантов под Новороссийском в октябре 1942 г. продемонстрировала, что помешать проведению их плана в жизнь оказалось по силам даже небольшой группе советских бойцов. Для этого оказалось достаточно грамотно подготовленной обороны и решимости дать отпор нападающим.

Примечания

1. National Archives and Records Administration (далее – NARA). T. 315. R. 642. Fr. 001231.
2. NARA. T. 315. R. 643. Fr. 000633–000634.
3. NARA. T. 315. R. 643. Fr. 001085–001086.
4. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 2 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 401–404.
5. Цит. по: Krinko E.F. Seizure of Maikop by the Wehrmach (August 9–10, 1942) // Военный сборник. 2013. № 2. С. 137.

6. Higgins D. Behind Soviet lines. Hitler's Brandenburgers capture the Maikop Oilfields 1942. Oxford, 2014. P. 62.
7. Forczyk R. The Caucasus 1942–1943. Kleist's race for oil. Oxford, 2015. P. 45.
8. Klapdor E. Viking panzers: the German 5th SS Tank Regiment in the East in World War II. Mechanicsburg, 2011. P. 47.
9. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943. М., 2005. С. 118.
10. Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 4 т. Т. 2: Черноморский флот. СПб., 2005. С. 211.
11. Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. Краткий курс боевых действий. М., 2015. С. 160–161.
12. NARA. T. 314. R. 257. Fr. 000455–000460.
13. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 276. Оп. 811. Д. 28. Л. 265.
14. Холостяков Г.Н. Вечный огонь. М., 1976. С. 227–229.
15. NARA. T. 314. R. 257. Fr. 000453–000454.
16. Опросный лист военнопленных военнослужащих 5 роты полка «БРАНДЕНБУРГ», взятых 22.11.42 в р-не 5 км южнее ЧИКО-ЛА // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 21.02.2020).

К.Г. Ачмиз

ОБОРОНА МАЙКОПА В ХОДЕ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ В АВГУСТЕ 1942 г.

Судьба многих советских городов, особенно в начальный период Великой Отечественной войны, складывалась трагично. Далеко не все они смогли оказать наступавшему противнику упорное сопротивление, а некоторые были сданы вообще без боя. Даже приказ наркома обороны № 227 от 27 июля 1942 г. «Ни шагу назад!», запрещавший отступление без приказа вышестоящего командования и предусматривавший создание в РККА 135 заградительных отрядов,

штрафных рот и батальонов, не смог остановить поспешное отступление советских войск на южном участке фронта.

Операция вермахта по захвату Кавказа летом 1942 г. получила наименование «Эдельвейс». Нелегкая задача сдержать продвижение вермахта на юг возлагалась на Северо-Кавказский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза С.М. Будённый. Российский историк Е.Ф. Кринко отмечает, что Будённый еще 25 июля писал в Ставку Верховного Главнокомандования о невозможности имеющимися силами остановить вражеское наступление. Командующий предлагал отвести войска за реки Кубань и Терек, в предгорья Главного Кавказского хребта, где противник не мог реализовать свое превосходство в технике. Несмотря на грозные приказы командования РККА о наведении порядка в отступавших войсках и переходе к наступлению, ослабленные в предыдущих боях войска вынуждены были отступать [1]. Штаб Северо-Кавказского фронта за семь дней, со 2 по 9 августа, шесть раз поменял дислокацию: из Краснодара переместился в село Новокубанское, оттуда в станицу Белореченскую, затем в поселок Хадыженский, село Георгиевское и, наконец, в район Туапсе [2].

О стремлении вермахта во что бы то ни стало овладеть Кавказом свидетельствует тот факт, что уже 21 августа группа под командованием капитана Грота, выполняя приказ фельдмаршала В. Листа, установила фашистский флаг на обеих вершинах Эльбруса – 5642 и 5621 м [3]. Нацистская пропаганда рассматривала это событие как покорение Кавказа. Приведем два факта, которые помогут лучше оценить сложную ситуацию июля – августа 1942 г.

Факт первый. В июне 1942 г. А. Гитлер провел совещание в Виннице, на котором обсуждались стоящие перед вермахтом задачи. «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, – говорил фюрер генералу Паулюсу, командующему 6-й армией, перед началом летнего наступления, – тогда я буду вынужден закончить эту войну» [4].

Факт второй. В один из жарких июльских дней 1942 г. заместитель наркома нефтяной промышленности Н.К. Байбаков был вызван в Кремль. И.В. Сталин поставил перед ним задачу: «Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам». И добавил: «Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем. Но если вы уничтожите промыслы преждевременно,

а немец их так и не захватит, и мы останемся без горячего, мы вас тоже расстреляем» [5].

К числу трагических и одновременно героических страниц истории минувшей войны и битвы за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) относится и неожиданный захват противником столицы Адыгейской автономной области г. Майкопа 9 августа 1942 г.

Анализ опубликованной литературы, связанной с обороной г. Майкопа от немецко-фашистских захватчиков, воспоминания непосредственных участников тех далеких событий, а также майкопчан, которые оказались на оккупированной врагом территории, всё больше убеждают нас в том, что сегодня мы сталкиваемся с фактами переписывания истории Великой Отечественной войны, реабилитации и даже героизацией немецких диверсантов из подразделения «Брандербург-800», участвовавших в захвате города. Для обоснования подобных выводов используется книга В. Тике «Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943» [6], в которой описываются действия солдат вермахта при оккупации Кавказа.

Вот что пишет В. Тике о тех далеких событиях: «Штурм Майкопа представлял собой одну из самых отчаянных операций в военной истории. Перед небольшим отрядом немецких солдат, переодетых в форму войск НКВД, направленных в Майкоп впереди наступающих войск, была поставлена задача: предотвратить разрушение нефтехранилищ и нефтепромыслов» [7]. Лейтенант барон Фелькерзам, из прибалтийских немцев, потомок адмирала, служившего и погибшего на русском флоте, в восточнопрусском городе Алленштайн, собрал и подготовил группу из 62 прибалтов и судетских немцев, говоривших по-русски. Теперь интенсивная подготовка должна была принести свои плоды при выполнении поставленной задачи...

В ночь на 2 августа, когда 13-я танковая дивизия стояла еще под Новоалександровской в долине Кубани, барон Фелькерзам собрал своих лжеслужащих НКВД у одной из деревень, занятой советскими солдатами разных национальностей. Барон Фелькерзам приказал своим людям собрать красноармейцев и выступил перед ними с речью: «Солдаты славной Красной армии! Фашисты еще не победили. Наш великий Сталин лишь заманил немцев на Кавказ, чтобы уничтожить их в ловушке...» [8]. Лейтенант Фелькерзам, которого звали теперь

майор Трухин, собрал своих солдат, посадил их на советские машины и вместе с ними поехал в направлении Майкопа. В Майкопе он остановился перед штабом войск НКВД. На следующий день он вдвоем с генералом НКВД выехал на фронт. «Трухину» удалось убедить генерала разместить артиллерию равномерно по фронту, потому что на этом направлении немцы намечали нанесение главного удара [9].

К 7 августа 13-я танковая и 16-я моторизованная дивизии подошли к Майкопу. В городе воцарился хаос. Окопы и штабы потянулись в горы. Немцы, переодетые в форму НКВД, точно знали свои задачи. Фёлькерзам с небольшим отрядом отправился на фронт, так как там в последнюю минуту оборона всё же была снова усилена, именно на участке, где ожидался главный удар немцев [10]. Вечером 8 августа авангарды 13-й танковой дивизии стояли под Майкопом. Люди Фёлькерзама взорвали советский узел связи. Никто в городе не заподозрил, что взрыв произошел не из-за немецких снарядов, а был устроен диверсантами. Все линии связи были оборваны.

В то же время отряд немцев, переодетых в форму войск НКВД, захватил телеграфную станцию. На все запросы давался один и тот же ответ: «Город оставлен. Телеграф прекращает свою работу!» Это внесло еще больше путаницы. Ни одна из воинских частей не хотела отставать. Все устремились в горы [11]. Такова версия В. Тике.

В руки врага попали списки членов партизанских отрядов, а также места их предполагаемой дислокации, продуктовые базы, заготовленные для них, явочные квартиры и даже денежные средства из партийной кассы обкома ВКП(б). Руководство Адыгейской АО было застигнуто врасплох. Врага ожидали со стороны Белореченской и Ханской, а он появился в 15 часов у вокзала со стороны Кужорской и Гиагинской. Даже председатель облисполкома А.Х. Чамоков вместе с товарищами вынужден был в спешном порядке вброд через реку Белую уходить в горы. Тем не менее все эти большие провалы в подготовке к обороне города не стали основанием для панических настроений. К чести руководства автономной области, оно быстро вышло из оцепенения, надежно защитив подходы к местам сосредоточения партизанских отрядов и баз, сменив пароли и явки.

Барон Фёлькерзам за проведенную под Майкопом операцию был награжден высшей наградой Германии Рыцарским крестом. А захват

города Майкопа группой Фёлькерзама вошел во все учебные пособия для разведывательных школ, где осуществляется подготовка диверсантов и шпионов. Оставим все эти утверждения на совести самого В. Тике.

Как же все происходило на самом деле? Войска Северо-Кавказского фронта в период 6–17 августа 1942 г. провели Армави́ро-Майкопскую оборонительную операцию. Несмотря на значительное превосходство противника в живой силе и особенно в танках и самолетах, к 15–17 августа его все же удалось остановить на рубеже станиц Самурской и Хадзыженской, южнее Ключевой и Ставропольской. Подступы к горным проходам, ведущим к Туапсе и на побережье Черного моря, были прочно прикрыты. Поставленных целей враг не смог достичь. Это позволило войскам Закавказского фронта занять оборону по рекам Терек, Баксану и на перевалах Главного Кавказского хребта, прикрыв направления на Баку и на Тбилиси. Следом началась Туапсинская оборонительная операция (25 сентября – 20 декабря 1942 г.), которая надежно сковала силы противника на подступах к Туапсе. В одном из писем в Германию, по свидетельству другого немецкого автора, командира артиллерийского дивизиона горных егерей А. фон Эрнстхаузена, ефрейтор его штаба в отчаянии писал своей бабушке в Мюнхен: «Когда начинается перестрелка, мы постоянно несем потери. Вокруг нас более чем достаточно русских, которые ведут по нам огонь. Но немцев становится все меньше, а русских все больше. Постоянно спрашиваешь себя: сколько это будет еще продолжаться? И еще я спрашиваю себя, доведется ли мне еще увидеть родину, или я однажды сгину где-нибудь здесь в пыли, как уже сгнуло так много моих товарищей» [12]. А начиналось все в достаточно высоком приподнятом духе, солдаты ликовали, что они наконец достигли Кавказа и, таким образом, покорили всю Европу.

«В течении 4 дней, с 8 по 12 августа 1942 года, шли сильные бои на рубежах рек Кубань, Лаба, Белая. Особенно ожесточенными они были в районах Курганной, Гиагинской, Келермесской, Белореченской, Майкопа», – говорится в книге «Битва за Кавказ» А.А. Гречко. «По данным штаба группы армий “А”, потери гитлеровцев за этот период составили около 54 тыс. солдат и офицеров» [13]. И это главный, неопровержимый факт героической обороны города Майкопа и обороны Майкопского направления в целом.

Вернемся к беседе Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина с Н.К. Байбаковым. В срочном порядке Байбаков с группой специалистов-нефтяников и работников Наркомата внутренних дел вылетел в Краснодар. В те годы нефтяные промыслы Краснодарского края были сосредоточены в двух районах – в станицах Апшеронской (ныне город Апшеронск) и Хадыженской (город Хадыженск). Расстояние между ними составляло порядка 30 км. Группа Байбакова действовала по разработанному плану. «Трудно передать состояние людей, взрывающих то, что строили сами, чему отдали все свои силы и считали подвигом всей жизни. Когда взрывались первые (по графику) нефтеперекачивающие и компрессорные станции, люди, не скрывая слез, плакали, метались в душевном смятении», – вспоминал Н.К. Байбаков [14].

Закончив ликвидацию в станице Апшеронской, группа Байбакова срочно выехала на хадыженские промыслы. И все это было сделано за несколько дней до появления в этих местах барона Фелькерзама. Далее путь Н.К. Байбакова лежал в Грозный, затем в Баку. До августа 1942 г., по словам Байбакова, успели отправить на восток страны около 600 вагонов с оборудованием, вывезти в Грозный всю добытую за последние дни нефть, подлежащую переработке [15]. Немцы не сумели воспользоваться майкопской нефтью. В вечерней сводке Совинформбюро от 16 августа 1942 г. сообщалось: «Наши войска оставили город Майкоп. Оборудование майкопских нефтепромыслов и все наличные запасы нефти своевременно вывезены, а сами нефтепромыслы приведены в полную негодность. Немецкие фашисты, рассчитывавшие, что со взятием Майкопа смогут поживиться за счет советской нефти, просчитались: советской нефти они не получили и не получают» [16].

9–10 августа 1942 г. разгорелись ожесточенные бои по обороне города и за переправу через реку Белую. На восточной стороне, где сегодня находятся плавательные бассейны, в парковой зоне Майкопа, артиллеристы-зенитчики 32-го артполка 31-й стрелковой дивизии установили зенитку на прямую наводку. Расчет орудия погиб, но остановил танковую атаку противника. Этот подвиг артиллеристов также описал в своих мемуарах В. Тике, который сам был участником вторжения немецких войск на Кавказ.

Чтобы опровергнуть необоснованные утверждения о том, что в те августовские дни город Майкоп был сдан без боя, мы обратились к документам Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и изучили боевые журналы 248-го стрелкового полка 31-й стрелковой дивизии. Чтобы представить, в каких тяжелых условиях шли бои под Майкопом, рассмотрим бой 9–10 августа у подошвы хребта Нагиеш-Уашх, который происходил на шоссе, ведущем в поселок Краснооктябрьский. Натолкнувшись на оборону советских войск в самом узком месте долины реки Белой на южных окраинах Майкопа, немцы стали перебрасывать крупные силы с правого берега реки Белой в обход позиций оборонявшихся, чтобы окружить защитников. Мощный удар врага принял на себя 248-й полк 31-й стрелковой дивизии, в котором после боя под станицей Кужорской 6 августа осталось всего 150 чел. Он был пополнен 600 бойцами из 182-го запасного полка. Оружия и боеприпасов не хватало. На 750 человек полка было всего 170 винтовок. И вот в таких условиях здесь наши бойцы остановили превосходившие их моторизованные и танковые силы противника.

Отход основных сил 31-й дивизии прикрывал 3-й батальон 248-го стрелкового полка. И только 11 августа 1942 г. после двухдневных ожесточенных боев врагу удалось захватить переправу через реку Курджипис. В бою под хребтом Нагиеш-Уашх (ныне здесь расположена гостиница туркомплекса «Адыгетурист») отличились и пали смертью храбрых 33 минометчика 3-го батальона 248-го стрелкового полка 31-й стрелковой дивизии под командованием комбата Дмитрия Михайловича Маслюка, уроженца Ставропольского края [17].

Бой за мост через реку Белая отмечен еще одним замечательным подвигом советских солдат. Здесь воины 31-й стрелковой дивизии уничтожили диверсантов полка «Бранденбург-800». Немецкие солдаты, чисто говорившие по-русски и переодетые в форму красноармейцев, на советских грузовиках въехали на мост. Используя фактор неожиданности, они вступили в рукопашный бой с охраной моста [18]. Немцы захватили небольшой плацдарм, но дальше продвинуться так и не смогли. По дороге на Апшеронск в узком месте между рекой Белой и подошвой хребта Нагиеш-Уашх воины 320-го дивизиона 67-го полка гвардейских минометов и 32-го артполка 31-й стрелковой дивизии перекрыли путь противнику [19].

В ожесточенных боях в обороне Майкопа 31-я стрелковая дивизия понесла огромные потери. Только в боевых схватках на южных окраинах города пали смертью храбрых 275 бойцов и командиров, был ранен 501 воин. Такой была цена их подвига, позволившего другим дивизиям избежать окружения, которое готовили захватчики, и отойти на защиту Туапсинского направления. Но противнику не удалось получить майкопскую нефть. Чтобы хоть как-то подсластить «горькую пилюлю», нацисты пошли на открытую фальсификацию исторических событий героической обороны Майкопа и доложили Гитлеру о легком захвате города. Тогда и была придумана история захвата Майкопа диверсантами из «Бранденбурга-800», взрыва городского узла связи и захвата телеграфа. Город защищался как мог, позволил отвести стрелковые дивизии, не допустить окружения и организовать оборону Туапсинского направления. Эти части и соединения затем героически обороняли Туапсе и в дальнейшем освобождали аулы, станицы и хутора Адыгеи.

По свидетельству бывшего начальника городского узла связи Георгия Сергеевича Палия – партизана отряда № 2 г. Майкопа – он 8 августа находился в городском узле связи, поддерживал связь с командующим Северо-Кавказского фронта С.М. Будённым, никакого проникновения посторонних на объект и подрыва диверсантами городского узла связи он не подтвердил [20]. Бывший боец Майкопского истребительного батальона, а затем партизан отряда № 1 «Народные мстители» Виктор Максимович Чуканов подтвердил, что накануне видел лжемайора НКВД вместе с женщиной, также одетой в военную форму сотрудника НКВД. 9 августа он стоял в карауле, в центре города, где находилась казарма истребительного батальона (угол улиц Пролетарской и Жуковской), пользовался телефонной связью [21]. Это позволяет сомневаться в диверсии на городском узле связи.

Утверждение о том, что здание майкопского узла связи, размещавшееся на улице Первомайская, д. 240, было взорвано, не соответствует действительности. Прежнее здание майкопского узла связи сохранилось до наших дней, до революции в нем размещалась почтовая контора. Сейчас это здание является памятником истории и культуры нашего города и охраняется государством. В нем располагается муниципальный лицей № 34.

После начала контрнаступления РККА под Сталинградом события в ноябре – декабре 1942 г. на советско-германском фронте развивались стремительно. Теперь и вермахт осознал, что на фронте по реке Дон вырисовываются цели советских ударных армий. Гитлер был вынужден отдать приказ об отступлении 1-й танковой армии, который он так долго откладывал.

В новогоднюю ночь 30 декабря 1942 г. командиры рот 50-й пехотной дивизии получили распоряжения о предстоящем отходе, который в дивизии проходил под кодовым названием «Сдерживание половодья». Солдаты еще не знали, что название «Сдерживание половодья» в буквальном смысле слова будет соответствовать дальнейшему роковому ходу событий [22]. 17 февраля 1943 г. после капитуляции Паулюса две группы советских горных стрелков, преодолев минные и ледяные поля, в сорокаградусный мороз, пургу и свирепый ветер, поднялись на Эльбрус и сбросили оттуда нацистские штандарты.

18 февраля 1943 г. была освобождена вся территория Адыгеи, а 9 октября 1943 г. прорыв укрепленной «Голубой линии» на Тамани и освобождение Новороссийска привели к полному освобождению Кавказа. Чтобы поднять боевой дух отступавших немецких частей, был учрежден специальный воинский знак для солдат и офицеров вермахта «Кубанский щит», которым к концу битвы за Кавказ было награждено около 100 тыс. солдат и офицеров [23].

Подведем некоторые итоги. Оборона Майкопа в ходе битвы за Кавказ представляет собой одну из самых ярких страниц истории города, в ходе которой воины РККА, бойцы истребительных батальонов, партизаны проявили патриотизм, мужество и стойкость. Потом были шесть месяцев оккупации. На действия партизан, настоящих патриотов родной Адыгеи, враг отвечал террором. За короткий период оккупации (9 августа 1942 г. – 18 февраля 1943 г.) были уничтожены более 4 тыс. мирных граждан, включая женщин и детей. К чести жителей Майкопа следует отнести тот непреложный факт, что они не дали возможности фашистским «поджигателям» уничтожить оборудование промышленных предприятий и организаций в ходе их поспешного отступления с Кавказа. Эта страница истории героической защиты Адыгеи от немецко-фашистских захватчиков еще ждет своих исследователей.

К числу ярких страниц боев за Майкоп относится и десантная операция на майкопский аэродром, которая была успешно проведена в октябре 1942 г. и нанесла существенный урон базировавшимся там немецким самолетам. Можно привести много свидетельств беззаветного служения Отчизне жителей Адыгеи, воинов РККА, майкопчан.

Факты, приведенные в статье, убедительно доказывают, что защитники города Майкопа совершили в ходе битвы за Кавказ и за свой город подвиг, который стал символом мужества, стойкости и героизма для поколений российских граждан. Самый главный итог состоит в том, что нефть майкопских нефтепромыслов не попала в руки врага. Исходя из этого, полагаем, что город Майкоп достоин присвоения почетного звания «Город воинской славы».

Примечания

1. Krinko E.F. Seizure of Maikop by the Wehrmacht (August 9–10, 1942) // Военный сборник. 2013. Т. 2. № 2. С. 134–145.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 391. Л. 1–2.
3. Эрнстхаузен А. фон. Война на Кавказе. Перелом. М., 2012. С. 80.
4. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 2014. С. 960.
5. Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 64.
6. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943. М., 2005.
7. Там же. С. 73.
8. Там же. С. 73.
9. Там же. С. 74.
10. Там же. С. 74.
11. Там же. С. 75.
12. Эрнстхаузен А. фон. Указ. соч. С. 69.
13. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 79, 83.
14. Байбаков Н.К. Указ. соч. С. 69.
15. Там же. С. 69.
16. Оперативная сводка за 16 августа 1942 года. URL: <https://history.wikireading.ru/370646> (дата обращения: 13.09.2019).
17. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 6725. Оп. 143553. Д. 5. Л. 1–127.

18. Тике В. Указ. соч. С. 76
19. Бормотов И.В. В боях за Майкоп. Крах операции «Эдельвейс». Майкоп, 2010. С. 34; Бормотов И.В., Романов М.Ф. Непокоренные горы Адыгеи. Майкоп, 2007. С. 22–23.
20. Воспоминания Паляя Георгия Сергеевича – бывшего поли-трука взвода, партизана партизанского отряда № 2 (г. Майкоп). URL: <http://pobeda.mggtk.ru/info/memuary/vilyahovskiy.pdf> (дата обращения: 28.02.2020).
21. Романов М.Ф., Статкевич Ю.А. Солдаты Победы. Майкоп, 2005. С. 85.
22. Тике В. Указ. соч. С. 298.
23. Мерников А.Г., Спектор А.А. Вторая мировая война. Минск, 2007. С. 113.

В.В. Говоровский

ЗНАЧЕНИЕ БОЕВ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ ДЛЯ ПОБЕДЫ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

Вторая мировая война, а для россиян – Великая Отечественная – событие, предопределившее путь развития всего человечества. Переломным в войне был 1942 г., когда происходили бои под Сталинградом, Воронежем, Ржевом, Ленинградом. Там наиболее остро стоял вопрос «кто кого». В своих пронзительных воспоминаниях «Ванька-ротный. Дневник солдата» о боях под Ржевом вот как оценивал тот год А.И. Шумилин: «В сорок втором корчились мы, а немцы, простите, стояли поверх земли и смотрели. Тогда оно было именно так! В сорок втором воевали немцы, а мы, так сказать, обливались кровью. Тот, кто не был на войне, на переднем крае, тот не знает, чего нам стоила тогда война» [1]. Так же очень ярко, по-русски, по-казачьи, сказал М.А. Шолохов в романе «Они сражались за Родину»: «Но, черт возьми, ведь “русские прусских всегда бивали”? Побьем и на этот раз! Какой ценой? Ну, браток, когда вопрос станет – быть или не быть, – о цене не говорят и не спрашивают!» [2]. Пожалуй, без этого «обливания кровью», без науки побеждать не было бы Победы. Так же, как и не было бы ее без разгрома врага под Сталинградом.

Сражения в степях Верхнего Дона в период Великой Отечественной войны мало изучены и поэтому зачастую плохо известны даже местным жителям, но существенны для понимания великого подвига, совершенного солдатами Красной армии в 1942 г. в наших славных казачьих краях. Основа Победы закладывалась здесь, и прежде всего в боях за Еланский плацдарм. Нашему современнику очень важно почувствовать, что происходило в те летние дни 1942 г. Главным было удержать Сталинград и отвлечь немцев от города.

Маршал Советского Союза А.М. Василевский в книге «Дело всей жизни» вспоминал: «Очередное наступление на Сталинград силами 6-й и 4-й танковой армий противник начал 19 августа. Разгорелись жаркие бои на ближних подступах к городу. В ходе этих боев сильной подвижной группе вражеских войск удалось прорвать оборону к северу от Калача и к 23 августа выйти к Волге севернее Сталинграда». Далее он отмечал: «Несмотря на все мероприятия, проведенные нами 23 и 24 августа, ликвидировать подошедшего непосредственно к окраинам города врага, закрыть коридор и восстановить положение в те дни не удалось. Лишь усилиями войск 63-й и 21-й армий, осуществлявших вспомогательный удар на правом крыле Сталинградского фронта, в результате упорных боев удалось захватить у противника юго-западнее Серафимовича плацдарм в 50 км по фронту и 25 км в глубину, весьма пригодившийся нам впоследствии» [3].

Этим боям и посвящена книга автора настоящей статьи «Еланский плацдарм. Нулевой километр дороги на Берлин». В нее вошли только сухие штабные документы, в которые добавлены скупые эмоции участников описываемых сражений. Эта информация позволяет понять, как шли бои на Верхнем Дону за плацдарм, как рисковало наше командование, когда бросило в бой не только практически все резервы 63-й армии, но и всего фронта на более многочисленного врага, имевшего полное преимущество в боевой технике. В направлениях городов Камышин (к Волге) и Борисоглебск (в обход Москвы) советских войск уже не оставалось.

Участник боев на Еланском плацдарме Н.М. Грибачев в книге «Белый ангел в поле» вспоминал о тех днях: «А на правобережном плацдарме от Еланской до Серафимовича, откуда в ноябре танки будут по мокрому снегу писать гусеницами смертный приговор ста-

линградской группировке немцев, с утра разверзлся ад. Степные высоты от канонады затягивались пылью и дымом. Горела подсыхающая трава и нескошенная пшеница. Чад стоял понизу в окопах и блиндажах. Из-за дыма и пыли светило тусклое солнце, похожее на глаз филина. Резервов не было. В nascоро открытых окопах, еще не имея развитой обороны, сражались и умирали полки, батальоны и роты, форсировавшие Дон» [4]. Так закладывалась основа победы СССР под Сталинградом.

С 20 августа начались кровопролитные бои на Еланском плацдарме. На нем доблестно сражались 197, 203, 14-я гвардейские стрелковые дивизии 63-й армии, 304-я стрелковая дивизия 21-й армии и 3-й гвардейский кавалерийский корпус. На фронте более 280 км от плацдарма до Бабка (15 км северо-западнее Павловска) держали оборону 1, 127, 153-я стрелковые дивизии 63-й армии. Более 100 танков, постоянные налеты авиации, крупнокалиберная артиллерия, контратаки немецких и итальянских частей не смогли сломить боевой дух наших солдат. Они выстояли. Вгрызаясь в землю, создали плацдарм для наступления ударной группировки Юго-Западного фронта.

К большому сожалению, значение Еланского плацдарма для Победы в Сталинградской битве до сих пор еще не получило достойной и соответствующей оценки. Хотя участники боев на Верхнем Дону его роль понимали. Поэтому остаются бессмертными слова И.А. Плиева: «Плацдарм для наступления Юго-Западного фронта имел такое же важное значение, какое имел Мамаев Курган в самом Сталинграде» [5]. Заслуженно и справедливо, что на Мамаевом Кургане есть мемориал, где можно почтить героев, проявивших высочайшую стойкость при обороне родной земли, бившихся за каждый ее клочок. К сожалению, на Еланском плацдарме – только горькая полынь.

Решающее наступление Юго-Западного фронта, начавшееся с Еланского плацдарма 19 ноября 1942 г. и приведшее к окружению, а затем и к разгрому врага, подробно описано во многих публикациях, посвященных Сталинградской битве. Во время Сталинградской битвы именно на стратегически важном Еланском плацдарме была сконцентрирована основная ударная группировка Юго-Западного фронта – 5-я танковая армия. Ее 1-й и 26-й танковые, 8-й кавалерийский корпуса, шесть стрелковых дивизий, приданные части, а это

103 627 военнослужащих, 378 танков, более 1500 орудий и минометов, в ноябре 1942 г. прорвали оборону врага и приняли участие в его окружении под Сталинградом. Отсюда советские войска начали свой победоносный путь по освобождению родной земли.

Важно отметить роль органов государственной безопасности и в первую очередь военной контрразведки в подготовке и проведении операции, обеспечивших режим строгой секретности. Удар для врага стал ошеломляющим. Г.К. Жуков вспоминал: «При подготовке контрнаступления предстояло провести колоссальные перевозки войск и материально-технических средств для всех фронтов, особенно для вновь создаваемого Юго-Западного фронта. Надо отдать должное Генеральному штабу и штабу тыла Красной армии. Они блестяще справились с сосредоточением сил и средств для операции. На перевозке войск и грузов работало 27 тысяч машин. Железные дороги ежедневно подавали 1300 вагонов грузов» [6].

Последующие бои на Верхнем Дону, особенно во второй половине декабря, в литературе отражены скупо и лаконично. Но это не умаляет их значения, ведь во многом судьба окруженной под Сталинградом группировки врага решалась в этих краях. Именно успех наступления в рамках операции «Малый Сатурн» привел к снятию и переброске немецких танковых соединений из ударной группировки прорыва на более угрожающий участок, против войск Юго-Западного фронта, двигавшихся с Верхнего Дона, когда до окруженной армии Паулюса оставались считанные километры. Это во многом и привело к победе. С Верхнего Дона танкисты Юго-Западного фронта начали свой героический рейд по вражеским тылам с целью уничтожения авиационной базы снабжения в Тацинской, чем практически обнулили поставки продовольствия, боеприпасов, горючего в осажденный Сталинград. Разгром и фактическое уничтожение на Верхнем Дону 8-й итальянской армии с ее элитным альпийским корпусом и бригадами «чернорубашечников» в конечном результате способствовало выходу Италии из войны, подрыву авторитета Муссолини у народа, приведшему к его аресту и объявлению Италией войны Германии.

Даже противник признал, что перелом в Великой Отечественной войне произошел благодаря победе под Сталинградом. В частности, фельдмаршал Э. фон Манштейн, один из самых способных

военачальников Гитлера, в своих мемуарах «Утерянные победы», опубликованных в 1955 г., писал: «Сталинградская битва по вполне понятным причинам рассматривается Советским Союзом как коренной перелом в ходе войны. Англичане приписывают подобное же значение исходу battle of Britain (“Битва за Англию”), т.е. отражению воздушного нападения люфтваффе на Британские острова в 1940 г. Американцы склонны приписывать окончательный успех союзников самому факту своего участия в войне. Но также и в Германии многие считают, что Сталинград является “генеральным сражением”.

Конечно, Сталинградская битва постольку является поворотным пунктом в истории Второй мировой войны, поскольку на Волге разбилась волна немецкого наступления, чтобы затем откатиться обратно, подобно волне прибой» [7].

63-я армия 4 ноября стала 1-й гвардейской армией (2-го формирования). Это произошло еще до наступления, начавшегося 19 ноября 1942 г. Ведь она достигла уровня героизма 1-й гвардейской армии 1-го формирования, полностью состоявшей из десантных соединений, элиты Красной армии, понесшей серьезные потери в боях под Сталинградом. При этом практически все дивизии 63-й армии также стали гвардейскими. Это была высочайшая оценка доблести и массового героизма в те суровые для страны лето и осень 1942 г., когда награды были большой редкостью и давались только за выдающиеся заслуги.

Приведем только два примера. Из 60-тысячного 35-го армейского корпуса 8-й итальянской армии после боев на Верхнем Дону, в том числе и на Еланском плацдарме, домой вернулось около 4 тыс. человек. 203-я стрелковая дивизия, сражавшаяся на Еланском плацдарме, на 1 октября 1942 г. в боевых подразделениях имела 7112 бойцов. На 30 декабря в боях за Тацинскую в боевых подразделениях осталось 173 человека. При этом она даже не стала гвардейской, единственная из всей 63-й армии.

По результатам Сталинградской битвы историками всегда делается акцент на том, что здесь произошел перелом в войне. Это, бесспорно, очень важно, но сейчас, когда от тех сражений нас отделяют три четверти века, осознаешь, что главный перелом произошел в сознании людей. Еще в XIX в. немецкий военный теоретик К. фон Клаузевиц, почерпнувший боевой опыт в рядах русской армии в войне с Наполе-

оном под Бородино, обоснованно считал: «Не надо думать, что сражение – это взаимное убийство, надо стремиться скорее к тому, чтобы подорвать дух противника, чем к тому, чтобы убить неприятельских солдат» [8].

Есть замечательные слова о значении боев за Еланский плацдарм в книге Д.С. Добрушина «От Волги до Эльбы»: «В корне менялся весь характер боевых действий. В войне действительно наступал перелом. Осталось позади время, когда оборонительные бои служили средством выиграть час, день, неделю. Теперь любой рубеж обороны мы рассматривали как плацдарм для наступления – не частной контратаки, а именно наступления!» [9].

Сегодня необходимо чтить и помнить места массовых сражений Великой Отечественной войны. Однако, к сожалению, на месте Еланского плацдарма все еще нет ни мемориала, ни даже поклонного креста.

Примечания

1. Шумилин А.И. Ванька-ротный. Дневник солдата. URL: http://www.danilov.lg.ua/author/14717/ebook/100241/shumilin_ai/vanka_rotnyi (дата обращения: 25.05.2017).
2. Шолохов М.А. Собрание сочинений. Т. 7. Они сражались за Родину. Главы из романа. М., 1986. С. 46.
3. Василевский А.М. Дело всей жизни. Изд. 2-е, доп. М., 1975. С. 238.
4. Грибачев Н.М. Белый ангел в поле // Роман-газета. 1968. № 22 (620). С. 48.
5. Плиев И.А. Под гвардейским знаменем. Орджоникидзе, 1976. С. 116.
6. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1985. С. 297.
7. Манштейн Э. Утерянные победы. М., 2014. С. 317–318.
8. Клаузевиц К. О войне. М., 1934. С. 62.
9. Добрушин Д.С. От Волги до Эльбы. Киев, 1984. С. 158.

Раздел 3. Вклад народов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне

Ш.А. Гапуров, С.С. Магамадов, А.М. Бугаев

ВОССТАНАВЛИВАЯ ИСТОРИЧЕСКУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ (вклад чеченцев в борьбу с немецкими фашистами)

75 лет назад, 9 мая 1945 г., закончилась самая кровопролитная в истории человечества Великая Отечественная война. Проходят годы, сменяются поколения, но величие Победы, одержанной СССР над гитлеровской коалицией, неоспоримо, какие бы мифы ни придумывались фальсификаторами ее всемирно-исторического значения. Хребет гитлеровской военной машины был сломан именно на советско-германском фронте. Советская страна ценою великих жертв, только убитыми потеряв примерно 27 млн своих сынов и дочерей [1], не говоря об ущербе материальном, спасла человечество, в первую очередь европейские государства, от реальной угрозы фашистского порабощения.

О решающей роли СССР в разгроме фашистской Германии в свое время говорили такие выдающиеся политические деятели мирового масштаба, как Шарль де Голль, Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт – лидеры государств антигитлеровской коалиции. «Французы знают, – отмечал Шарль де Голль, – что сделала для них Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла важную роль в их освобождении» [2]. Уинстон Черчилль, который никогда особо не скрывал свою антикоммунистические взгляды, в 1944 г., выступая

на заседании палаты общин, признавал, что «именно русская армия выполнила главную задачу, выпустила кишки из германской военной машины» [3]. А президент США Ф. Рузвельт заявил: «С точки зрения большой стратегии трудно уйти от того очевидного факта, что русские одни уничтожили больше солдат и сооружений противника, чем все остальные 25 государств Организации Объединенных Наций, вместе взятые» [4].

То, что советско-германский фронт являлся решающим в сокрушительном поражении гитлеровской армады, видно по ее потерям, которые в совокупности составили 73 % от общих потерь. Советскими войсками было уничтожено, взято в плен и разгромлено 607 дивизий, в то время как в Западной Европе и Северной Африке фашисты потеряли не более 176 дивизий. Главнокомандующий британскими вооруженными силами фельдмаршал Б. Монтгомери 3 октября 1945 г., выступая в Королевском институте объединенной службы, заявил: «Мы должны помнить, что русские приняли на себя наибольшую тяжесть действий противника на суше» [5].

Победа в Великой Отечественной войне – результат самоотверженного труда всех народов СССР, мужества и отваги советских воинов на полях сражений. При этом всегда следует помнить, что величайшая заслуга в победе над фашистскими агрессорами принадлежит русскому народу, на плечи которого легла неимоверная тяжесть военных испытаний.

Весомый вклад в разгром фашизма внесли и народы Северного Кавказа. Как отмечают исследователи, более 900 их представителей были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а 9 из них получили Золотую Звезду Героя дважды [6].

По данным Архивного управления правительства Чеченской Республики (три тома книги «Память»), около 30 тыс. воинов из Чечено-Ингушетии принимали непосредственное участие в боевых сражениях Великой Отечественной войны. Из них звание Героя Советского Союза присвоено 41 человеку, трое получили звание Героя Российской Федерации, но уже значительно позже – в 1996 г.

Однако в годы войны 1941–1945 гг. отдельные народы, в частности чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы, обвиненные сталинским режимом в коллаборационизме, поголовно были подвергнуты

принудительному выселению в Среднюю Азию и Казахстан. Эта противоправная акция является одной из самых чудовищных в цепи преступных деяний сталинского режима. Для ее осуществления были привлечены огромные силы и средства. Бесспорно, в начале 1944 г. Сталин мог позволить себе такой маневр: перелом в войне уже четко обозначился, большая часть страны была уже освобождена от немецких оккупантов. Но война еще продолжалась, европейская часть СССР лежала в руинах. И эти немалые силы и средства, с осени 1943 г. отвлеченные для решения задач по выселению наказанных народов, были крайне необходимы и для фронта, и для неотложного решения задач восстановления страны.

Законами логики, здравым смыслом невозможно объяснить и понять мотивы этих действий. А жестокость «сталинско-бериевских соколов» в отношении беззащитных детей, женщин, стариков вообще выходит за пределы человеческого разума. Свидетельством это варварства служит высокогорный аул Хайбах Галанчожского района Чечено-Ингушской АССР, где в ходе реализации преступной операции «Чечевица» заживо были сожжены свыше 700 человек [7].

За период сталинского режима были репрессированы миллионы людей: от простых крестьян до маршалов. При этом предъявляемое обвинение было стандартным: «предатели» и «враги народа». Для обоснования депортации чеченцев и других народов сталинская пропаганда не изобрела ничего нового. На них повесили ярлык «народ-предатель» и в собственной стране сделали спецпоселенцами, иначе говоря, изгоями. Даже сегодня, спустя 76 лет после этих трагических событий, когда травмированная память данных народов требует объективных ответов на вопрос о причинах переселения, некоторые авторы утверждают, что это было «справедливое возмездие».

В этом старании преуспел Игорь Пыхалов. Его книга «За что Сталин выселял народы. Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие», основные выводы которой вызывают обоснованные возражения в академической среде, переиздается многократно (уже седьмой раз) под рубрикой «Сталинская правда. Бестселлеры И. Пыхалова» [8]. Такая «востребованность» дает нам основание полагать, что тиражирование данной книги имеет целенаправленный характер.

Никто не дает ответа на вопрос, где и когда чеченцы «массово сотрудничали с немцами», поскольку территория Чечено-Ингушской АССР вообще не была оккупирована. Отдельные авторы, пытаясь любым способом обвинить целый народ в коллаборационизме, идут на изобретение небылиц. В одной из работ констатируется, что повстанческий отряд М. Шерипова в 1942–1943 гг. действовал на территории Назрановского и Пригородного районов. В ходе разгрома отряда силами НКВД было уничтожено 178 бандитов, 518 задержано. У них было изъято 215 единиц оружия [9]. Получается, что 696 человек уничтожено и задержано. Но оружия у них почему-то изъято только 215 единиц. Следовательно, остальные 481 человек были безоружны. Выходит, это были безвинно пострадавшие люди. Вот так создавали образ чеченца-бандита, чеченца-предателя. Возникает и другой вопрос: как в указанный период в названных районах мог находиться М. Шерипов, если он был убит в ноябре 1942 г. в Шатойском районе.

В 2006 г. в Москве вышла «Большая энциклопедия», в 58-м томе которой также приведены подобные измышления. В заключении, данном Институтом Востоковедения РАН на данный материал, отмечается: «В провокационном духе описывается история чеченцев в годы Великой Отечественной войны. Мало того, что автор делает особый упор на антисоветских восстаниях на территории Чечено-Ингушетии в 1940-е годы, но и повторяет расхожие домислы о том, что чеченцы подготовили подарок для Гитлера – “белого коня с седлом из чистого золота” (с. 262)» [10].

Эти спекулятивные мифы оказались неожиданно востребованными в период усиления необратимого процесса возвращения Чеченской Республики в конституционное поле Российской Федерации, укрепления устойчивости стабилизации общественно-политической ситуации на всей ее территории. Как отметил директор Института российской истории РАН профессор Ю.А. Петров, «от истории можно и нужно требовать правды. Безнравственно как раз подгонять историю под конъюнктурные требования времени» [11].

Документы НКВД, сталинские указы о предательстве чеченцев в годы войны – это как раз и есть ярчайший пример подобной «подгонки». Сегодня время от времени появляются отголоски сталинско-бериевской пропаганды о коллаборационизме чеченцев. Совершенно

очевидно, что делается это не в благих целях, не в поисках правды, ибо не могут быть благими целями стремление разжигать межнациональную рознь, которое однозначно работает не на укрепление политической стабильности нашего государства. Президент России В.В. Путин в одном из своих выступлений отмечал: «Много было несправедливости в Советские времена. Много нарушений прав человека в самом прямом и трагичном смысле этого слова, в том числе и на Кавказе, в том числе и с чеченским народом» [12].

Как известно, в 1930–1940-е гг. репрессии в СССР носили массовый характер. Под обвинения была подведена и соответствующая документальная база, подготовленная органами НКВД. После XX съезда КПСС многие из тех, кто невинно пострадал от тоталитарного режима, были реабилитированы. Высшее политическое руководство государства признало, что обвинительные документы были сфабрикованы органами НКВД. В этих циркулярах НКВД о «массовом повстанческом движении» в Чечено-Ингушской АССР столько же правды, сколько в документах этого ведомства о «шпионской» деятельности маршалов Блюхера, Тухачевского, деятелей культуры Мейерхольда, Бабеля и прочих. Надо учесть и другой фактор. Получившая название «антибольшевистской» антисоветская борьба, особенно против проводимой карательными методами коллективизации, наблюдалась во многих районах СССР. Но почему-то тех, кто в Чечне боролся против подобных перегибов коллективизации по-прежнему отдельные исследователи склонны причислять к «политическим бандитам».

Чеченцы, как и другие народы СССР, отдавали все свои силы на борьбу с гитлеровскими захватчиками. На территории Чечено-Ингушетии в 1942 г. были сформированы 242-я горнострелковая и 317-я стрелковые дивизии, которые приняли участие в боях против немцев на Кавказском фронте. 242-я дивизия с боями прошла от Северного Кавказа до Праги. 317-я дивизия сражалась с немецкими фашистами на Кавказе, в Белоруссии, участвовала во взятии Берлина. В августе 1945 г. дивизия принимала участие в разгроме Квантунской армии Японии на Дальнем Востоке. Под Сталинградом в 1942 г. сражался 225-й чечено-ингушский кавалерийский полк. Чечено-Ингушский кавалерийский дивизион воевал в составе 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. Чеченцы прославились своими боевыми подвигами

в боях под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, на Севере и на Черноморском побережье, при освобождении стран Европы [13].

Одним из первых героев Советского Союза в период войны был чеченец Ханпаша Нурадилов. Газета Юго-Западного фронта писала о нем в 1942 г.: «Бессмертный герой Кавказа, пулеметчик Ханпаша Нурадилов. Он убил 920 фашистов. Воин-богатырь, воин-орел... Придя на фронт из Чечено-Ингушетии, Ханпаша Нурадилов воплотил в себе лучшие черты доблестного чеченского народа – его героизм, орлиную удаль и отвагу, мужество и доблесть. Былинным подвигам кавказских витязей следовал славный воин Нурадилов» [14]. Ханпаша Нурадилов погиб под Сталинградом, а семья его была депортирована в Казахстан.

Десятки тысяч чеченцев и ингушей воевали на фронтах Великой Отечественной войны, тысячи были награждены орденами и медалями, десятки стали Героями Советского Союза, тысячи вернулись с фронта инвалидами. Огромный вклад чеченцев в победу над фашистской Германией, их героизм и мужество в борьбе за независимость нашей Родины не раз подчеркивал Президент РФ В.В. Путин. Выступая 7 сентября 2013 г. в Санкт-Петербурге, он заявил: «Чеченцы... пострадали в результате репрессий... чеченцы и ингуши очень многое сделали для победы в Великой Отечественной войне. Вели себя исключительно мужественно, проявили себя как храбрые воины и защитники Отечества. Это очевидный факт, этому есть многочисленные документальные подтверждения» [15].

Руководство России высоко оценило вклад народов Чечено-Ингушской АССР в победу в Великой Отечественной войне. 6 апреля 2015 г. Президент В.В. Путин подписал указ № 176 о присвоении г. Грозному почетного звания «Город воинской славы». Мы думаем, что это самый достойный ответ всем тем, кто в течение многих десятилетий, начиная со Сталина и Берии, пытался очернить чеченский народ.

Труженики республики, не жалея сил, работали в тылу. В сложнейших условиях, когда фашисты рвались к грозненской и бакинской нефти и почти вся европейская промышленно развитая часть СССР была захвачена гитлеровцами, республика увеличила производство нефти и ценнейшего авиабензина более чем в два раза. Колхозники Чечено-Ингушетии перевыполнили за 1943 г. план госпоставок

продукции животноводства, поставили государству сверх плана 66 200 пудов зерна, 60 840 пудов овощей, 21 150 пудов картофеля [16].

К 1944 г. на фронтах Великой Отечественной войны сражались десятки тысяч чеченцев. Что же они должны были чувствовать, когда узнали, что их семьи, их народ депортирован в Среднюю Азию? Тем не менее нет ни одного случая, чтобы хоть один чеченец после этого перешел на сторону врага. Более того, когда по распоряжению Сталина чеченцев стали высылать с фронта, многие стали именоваться грузинами, осетинами, чтобы остаться на фронте. Как правило, таковых командиры подразделений скрывали, не сомневаясь в их мужестве и преданности Отечеству.

По данным архивных источников за три года Великой Отечественной войны (с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1944 г.) было ликвидировано банд и их участников [17]:

	За отчетный период ликвидировано		Состоит на учете на 1 июля 1944 г.	
	банд	участников банд	банд	участников банд
Всего в СССР	7161	89 008	421	8455
В том числе:				
1. Северный Кавказ	963	17563	64	477
2. Грозненская область (территория ЧИАССР)	185	4368	20	129

За этот период изъяты дезертиры и лица, уклонившиеся от службы в Красной армии [18]:

	Дезертиры	Уклонившиеся от призыва
Всего в СССР	1 210 224	456 667
В том числе:		
1. Северный Кавказ	49 362	13 389
2. Грозненская область (территория ЧИАССР)	4441	856

Победа над фашистской Германией была достигнута во многом благодаря единству народов СССР. Все попытки немецких спецслужб расколоть это единство, поднять некоторые народы против советского строя, развернуть в тылу Красной армии гражданскую войну в целом закончились неудачей. Разумеется, были и предатели, и дезертиры. Они были всегда, у всех народов и во всех войнах в истории человечества. Но ход и исход войн определяли не они, а патриоты, защищавшие свою страну. Народы СССР выступили на защиту своей общей Родины. Одни воевали на фронте, другие работали в тылу, и все вместе ковали общую Победу.

В некоторых бывших советских республиках (в Украине, Латвии, Литве, Эстонии) пытаются сегодня переписать историю борьбы с немецкими фашистами, историю Великой Отечественной войны. К сожалению, нет единства среди историков и писателей, пишущих о Великой Отечественной войне, и в современной России. Дагестанский профессор М.Д. Бутаев, участник войны 1941–1945 гг., выступая в Махачкале на конференции, посвященной 60-летию юбилею Победы, говорил: «Есть давние истины, забвение которых чревато трагедией. Не сможет встать на ноги, выжить страна, где публично высмеивается такое понятие, как патриотизм, где ни во что не ставят свое прошлое, свою историю... Бросать комья грязи в своих защитников, в свою историю, в землю, которая тебя родила и вырастила, – это противоестественно» [19]. Разве не является позором для страны и ее истории, когда целый народ, чьи сыновья тысячами погибали во имя ее независимости в Брестской крепости, под Сталинградом, на долгом пути от Волги до Берлина, объявляется предателем и депортируется с Кавказа в Среднюю Азию?

Совместная борьба народов России за ее независимость в годы Великой Отечественной войны, общая Победа над фашистской Германией – это события, память о которых должна укреплять единство народов, события, на которых нужно воспитывать патриотизм и толерантность у подрастающего поколения. На фронтах Великой Отечественной войны сражался советский народ, и солдаты, идя в атаку, не разбирались, кто из них русский, кто чеченец, кто татарин или калмык. Они сражались и погибали, как братья, защищавшие общую Родину. И потому победили фашистов. В этом своем единстве

они были непобедимы. Давайте перестанем сегодня оскорблять память этих героев и не будем делить Великую Победу. Она наша общая! Давайте будем вместе крепить единство нашей общей Родины. Будущее Великой России возможно только по этому пути.

Примечания

1. Народонаселение. Демографический энциклопедический словарь. М., 1994. С. 48
2. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1983. С. 158.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. Т. 1. М., 1976. С. 305.
4. Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 354.
5. Цит. по: «Территория историка» URL: http://historick.ru/view_post.php?cat=12&id=73 (дата обращения: 24.02.2020).
6. Баликоев Т.М. Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владикавказ, 2000. С. 5.
7. Бондаренко А.Ю. Ефимов Н.Н. Утаенные страницы советской истории / 4-е изд. М., 2010. С. 201.
8. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы. Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие / изд. 7-е, доп. и испр. М., 2019.
9. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2008. С. 168–171.
10. Научное экспертное заключение о фальсификации отечественной истории в статье «Чеченская Республика» в «Большой энциклопедии» (М.: ТЕРРА, 2006. Т. 58) Института востоковедения РАН. URL: <https://vz.ru/information/2010/4/8/391138.html> (дата обращения: 24.02.2020).
11. Аргументы и факты. 2010. № 6. 10 февраля.
12. Чеченская Республика – земля Героев. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/47792/> (дата обращения: 24.02.2020).

13. Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 2007. С. 116.
14. Боков Х.Х. Дорога печали и мужества. М., 1992. С. 28.
15. Чеченский акцент – на саммите G20. Вести республики: общественно-политическая газета Чеченской Республики. URL: <http://vesti95.ru/2013/09/chechenskiy-aktsent-na-sammite-g20/> (дата обращения: 24.02.2020).
16. Алиев И.И. Этнические репрессии. М., 2009. С. 172–173.
17. ГАРО. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 174.
18. Там же. Л. 177.
19. Бутаев М.Д. История не прощает лжи // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Махачкала, 2005. С. 369–370.

А.Д. Койчнев

КАРАЧАЕВЦЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 2020 г. исполнилось 75 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. По своим масштабам, степени ожесточенности военных действий, людским и материальным потерям Великая Отечественная война превосходит все войны прошлого. Каждый юбилей великой Победы является поводом для того, чтобы вспомнить, какой ценой она досталась для многонационального советского народа. Общие прямые людские потери СССР за годы войны оцениваются почти в 27 млн человек. Из них 11 420 200 человек составляют потери вооруженных сил, остальные – мирное население СССР. Общие безвозвратные потери Германии и ее сателлитов в годы Второй мировой войны составили 8 649 300 военнослужащих [1].

Наряду с другими народами СССР приняли участие в войне и карачаевцы. Добровольно и по призыву ушли на фронт 16,5 тыс. сыновей и дочерей карачаевского народа с 22 июня 1941 г. по октябрь 1943 г., еще 2 тыс. человек служили в тыловых частях и на военных заводах [2]. Многие карачаевские семьи потеряли погибшими или пропавшими без вести сразу несколько своих детей. Например, семья Аслана Байтокова из аула Верхняя Мара отправила на фронт 10 сыновей, из них погибли на фронте или пропали без вести 6 человек. 8 сыновей отпра-

вила на фронт семья Хасановых из аула Хурзук, по 7 сыновей – семьи Батчаевых и Блимготовых, по 6 сыновей отправили 11 карачаевских семей, при этом на фронте погибли по 5 из них. Еще 30 семей потеряли по 4, а 118 семей – по 3 человека [3].

С первых же дней начался перевод промышленности на военный лад и в Карачае. Трудящиеся Карачая собрали средства на строительство авиаэскадрилий самолетов «Северокавказский комсомолец», «Комсомолец Карачая», танковой колонны «Ставропольский колхозник». Население Малокарачаевского района собрало на строительство авиаэскадрильи боевых самолетов «Колхозник Карачая» более 2 млн рублей, за что получило благодарность от Верховного главнокомандующего. На формирование кавалерийской дивизии Карачай послал около 500 добровольцев на лошадях карачаевской породы с полным снаряжением, а на их вооружение было собрано 6 млн рублей. Карачаевцы приняли активное участие в подписке на государственные военные займы СССР и денежно-вещевые лотереи. За период с осени 1941 г. по 2 ноября 1943 г. денежные поступления в фонд обороны от трудящихся Карачая составили более 50 млн рублей. По ценам того времени, на эту сумму можно было построить более 375 танков [4].

По неполным данным, за два года трудящиеся Карачая собрали и отправили для бойцов Красной армии 620 ц зерна, 760 т картофеля, 542 ц мяса, десятки центнеров животного, топленого и подсолнечного масла и сыра, 44 т фруктов, 34 т овощей, 50 тыс. л сока, 214 пудов меда, 2 556 кг шиповника, а также муку, крупный рогатый скот, овец и коз и т.д.

В период оккупации основная масса карачаевцев в меру сил и возможностей боролась против врага. Одни сражались в рядах партизан, другие помогали партизанам и подпольщикам, распространяя в городах и аулах листовки, саботировали распоряжения оккупантов. Благодаря мужеству населения, в период оккупации на территории Карачаевской автономной области были спасены жизни многих патриотов, которых преследовали фашисты: эвакуированных из разных городов детей евреев, военнопленных – русских, украинцев, казахов, киргизов и представителей других народов СССР. Всего за период оккупации карачаевцы спасли около 200 евреев, детей и взрослых [5].

В 1943 г. трудящиеся Карачая оказывали помощь жителям территорий, освобожденных от немецкой оккупации. Так, колхозники Карачаевской области организовали сбор и отправку муки, пшеницы, кукурузы и других продуктов жителям блокадного Ленинграда и населению Тульской области [6]. В условиях осенних и зимних холодов огромное значение имела помощь трудящимся фронтовикам теплыми вещами. По неполным данным, с осени 1941 по июль 1943 г. трудящимися области было отправлено 558 пар валенок, 975 полушубков, 3219 шапок-ушанок, 1709 стеганых брюк, 218 кавалерийских бурок, сотни башлыков, 2769 пар носков и перчаток, 577 комплектов белья и много других теплых вещей [7]. Таким образом, трудящиеся Карачая внесли весомый вклад в создание крепкого организованного тыла, в обеспечение фронта всем необходимым.

В то время как труженики тыла Карачая совершали трудовой подвиг, его посланцы показывали образцы воинской отваги и мужества на фронтах Великой Отечественной войны и в партизанских отрядах. Многие из них находились в приграничных районах и на рассвете 22 июня 1941 г. приняли первый бой с фашистами. 15 сынов Карачая были участниками героической обороны Брестской крепости [8]. Большинство из них героически погибли, защищая рубежи нашей страны. Остальные были вынуждены отступать в тыл, в белорусские и украинские леса.

Семь славных сыновей Карачая в годы войны командовали крупными партизанскими отрядами в тылу врага на территории Белоруссии, Украины, Словакии, из них пять – на территории Белоруссии. Это легендарный командир 121-го партизанского полка капитан Осман Касаев, впоследствии Герой Советского Союза, командир 830-го партизанского отряда Аскер Бархозов, командир партизанского отряда Курман Кипкеев; командиры партизанских отрядов, впоследствии Герои Российской Федерации Кичибатыр Хаиркизов и Юнус Каракетов. Отважно сражался под Ровно на Украине, выполняя задание Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, в сотрудничестве с легендарным разведчиком Николаем Кузнецовым, командир партизанского отряда особого назначения капитан Дугербий Узденов, впоследствии Герой Российской Федерации. В 1944 г. бежал из вражеского плена, собрал партизанский отряд «Свобода»

на территории Словакии и мужественно сражался с фашистами Харун Чочуев, позже удостоенный звания Героя Российской Федерации.

Смело громил фашистов полковник Аскер Бадахов, имеющий 31 награду, в том числе орден Суворова. Повторил бессмертный подвиг Николая Корницкого Хызыр Хачиров, партийный билет которого, обогранный кровью, хранится в музее Краснознаменного Северного военного флота в Мурманске. Солтан Магометов был участником войны с белофиннами и Великой Отечественной войны, который после войны вырос от майора до генерал-полковника, известного военного дипломата [9].

На 1-м Украинском фронте был известен как мастер танкового боя Герой Советского Союза Харун Богатырёв, который за годы войны был ранен 16 раз, 7 раз горел в танках. Это о нем писал специальный корреспондент газеты «Известия» Евгений Кригер: «Харун из аула Джегутинский остался всадником, но этот всадник – в броне. У него и сердце в броне. Он не верит смерти и обманывает её на каждом шагу. В двадцати двух местах его тело пробито осколками, но в госпитале за время войны он лежал только 5 дней. Богатырев выбирался живым из горящих танков, выползал из-под дымящих обломков металла, выходил из могилы, где лежали тела его убитых товарищей и возвращался в бой – мстить за них, мстить за всех замученных немцами, за кровь детей, за раны родной страны» [10].

В числе тех, кто отважно сражался против захватчиков на боевых самолетах, были карачаевцы Джанибек Голаев и Солтан-Хамит Биджиев. Старший лейтенант Джанибек Голаев из аула Хасаут с 1 августа 1942 г. по 26 сентября 1943 г. на самолете Як-9 совершил 102 боевых вылета, провел 39 воздушных боев, лично сбил 15 вражеских самолетов. За умелое руководство боевой работой звена и за личную отвагу и героизм в борьбе с германским фашизмом Голаеву Джанибеку было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Капитан Солтан-Хамит Биджиев, уроженец аула Учкулан, воевал в эскадрилье ныне прославленного космонавта Георгия Берегового. «Помимо таланта и великолепных природных данных он отличился еще одним важным качеством – спокойным, ровным, прочным, как скала, упорством и огромным желанием воевать. Воевать как можно скорее и как можно больше», – пишет о нем Г. Сомов [11]. За на-

стойчивость, мужество и отвагу, самоотверженную боевую работу, отличное выполнение боевых вылетов был награжден тремя орденами Красного знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, ему было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Незабываемые подвиги совершили сержант, командир отделения разведки Абдулла Ижаев и младший сержант, командир отделения Магомет Гербеков. Им обоим присвоено звание Героев Российской Федерации. Подлинным интернационалистом-подпольщиком показал себя на пражской земле бывший помощник областного прокурора Борис Казиев, который был казнен гестаповцами в Праге. Выполнял задание партизан, перенеся зверские пытки в концлагере, не выдал товарищей, за что был повешен фашистами Борис Хапаев.

Среди мужественных защитников Родины было немало сынов Карачая, которые за свои ратные подвиги были удостоены многих боевых наград. Это гвардии полковник Магомет Деккушев, капитан Сафар Кубанов, гвардии капитан, командир полковой разведки Таубий Курджиев, командир полка, гвардии полковник, кавалер шести боевых орденов Ахмат Боташев. Участник войны с финнами, боев на западной границе, позже воевавший в Донбассе, под Харьковом и на Курской дуге капитан Магомет Боташев впоследствии был председателем Карачаево-Черкесского областного исполкома.

Около 200 карачаевских девушек ушли добровольно на фронт и сражались с немецко-фашистскими захватчиками [12]. Тысячи сынов Карачая мужественно защищали Москву, обороняли блокадный Ленинград, участвовали в Сталинградской и Курской битвах, защищали родной Кавказ, штурмовали Сиваш и Сапун-гору, форсировали Днепр, освобождали Украину, Белоруссию, Прибалтику, Польшу, Чехословакию, Румынию, Югославию, Венгрию, Австрию, штурмовали Рейхстаг, помогали громить Квантунскую армию Японии.

Сыны и дочери Карачая вписали свои имена в историю Великой Отечественной войны. Более 55 % карачаевцев – 9 тыс. человек – погибли на фронте. По данным Х.-М. Ибрагимбеили, к званию Героя Советского Союза было представлено 24 карачаевца. Их дела прошли штабы полков, дивизий, армий, но застопорились в канцеляриях фронтов по причине принадлежности бойцов к репрессированному народу [13]. Из них звания Героя Советского Союза и Героя Россий-

ской Федерации получили лишь 11 карачаевцев. Остальные 13 человек до сих пор не получили заслуженную высокую награду Родины. Если учесть, что численность карачаевцев на июнь 1941 г. составляла не более 80 тыс. человек, то получается, что на 7 272 человека приходится по одному герою. Это самый высокий показатель по СССР [14].

Несмотря на все это, 2 ноября 1943 г. из Карачаевской автономной области были депортированы 63 938 карачаевцев без какого-либо основания. С учетом людей, снятых с фронта в 1944 г., демобилизованных с фронта и из трудовой армии в 1945–1947 гг., численность депортированных карачаевцев составила 68 827 человек или 18 068 семей. Согласно данным переписи населения СССР 1959 г., численность карачаевцев, находившихся в ссылке, составила 81 тыс. человек [15]. Если исходить из среднегодовых темпов прироста карачаевского населения за 10 лет до его депортации, составлявшего 2 %, то численность карачаевцев к 1959 г. при нормальных условиях жизни достигла бы 108 212 человек [16].

Таким образом, потери численности населения за годы депортации, без учета 9 тыс. погибших на фронте, составили 27 212 человек или 34,5 % от общей численности населения. 70 % потерь в ссылке составляли дети (22 тыс. человек). Это очень большие потери, даже если сравнить их с тем, что в годы Великой Отечественной войны общие потери населения СССР составили 5 %, а Германии – 10 % ее населения [17].

Людские потери были большие, но каково же было положение тех, кто живым вернулся на свою историческую родину? Об этом красноречиво говорят итоги проведенного специального опроса людей, переживших депортацию. В результате депортации произошли резкие изменения среды обитания, уклада жизни и питания карачаевцев [18]. Питание переселенцев на чужбине, особенно в первое время, было крайне ограничено. Люди ели корни и листья трав, жмых, мерзлый картофель, макуху, люцерну, вареную кожу стертой обуви и др. Тяжелые условия проживания в местах ссылки, отсутствие элементарных социально-бытовых условий, массовый голод, частые вспышки инфекционных болезней, тяжелый женский и детский труд, постоянное нервно-эмоциональное напряжение ссыльных повлекли за собой рост массовой смертности среди карачаевцев, ослабление здоровья вы-

живших. На эти обстоятельства указали 86,5 % опрошенных респондентов. Как следствие длительного голода, алиментарная дистрофия отмечается у 58 % (в контрольной группе 9 %). Из опрошенных людей кишечную инфекцию перенесли – 47 %, вирусный гепатит – 31,1 %, малярию – 51 %, сыпной тиф – 31 %, дифтерию – 15 %. Более 90 % людей, переживших ссылку, страдали хроническими заболеваниями. Из числа опрошенных 72,7 % отметили наличие сердечно-сосудистых заболеваний, 73,7 % – органов пищеварения, 46,2 % – органов дыхания.

По данным архива ЗАГС Карачаево-Черкесской АССР, смертность карачаевцев в возрасте 40–50 лет от сердечно-сосудистых заболеваний превышала в 2–3 раза смертность по ним среди других народов республики. Медицинское обслуживание депортированных народов не соответствовало элементарным требованиям, а медицинские работники нередко отказывали в помощи больным переселенцам. Так, 81,7 % опрошенных (в контрольной группе 10 %) заявили, что на смертность от голода и инфекций большое влияние оказало отсутствие медицинской помощи. Было немало случаев, когда за ночь вымирали целые семьи. Из-за того, что некому было хоронить тела умерших, они оставались не захороненными в течение нескольких дней [19].

В заключение следует подчеркнуть, что слишком высока была цена ошибок Сталина и созданной им тоталитарной системы власти. Если к этому добавить и то, что было нажито на Родине: дома и хозяйственные постройки, мебель, имущество карачаевцев, домашний и колхозный скот, – всё это осталось на Кавказе, как и дома и все имущество в Центральной Азии, когда карачаевцы вернулись обратно.

Своим старательным и упорным трудом даже в невыносимых условиях депортации спецпереселенцы внесли в восстановление и развитие экономики СССР достойный вклад. За выдающиеся достижения в выращивании сахарной свеклы девушки-карачаевки Нузула Кубанова, Патия Шидакова, Тамара Абдуллаева стали Героями Социалистического Труда, Маруа Шаманова, Мариям Хапаева, Балбу Эркенова, Асият Лайпанова и Фатима Умарова (всего 16 человек) стали кавалерами ордена Ленина, многие стали кавалерами ордена Трудового Красного Знамени, получили Знак почета, сотни были награждены медалями.

Примечания

1. Люченко Д.С. Основные итоги и уроки Второй мировой войны // Великая Победа: итоги и уроки. СПб., 2006. С. 223–224.
2. Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Ростов н/Д., 1998. С. 445.
3. См. подробнее: Койчуев А.Д. Карачай: вопросы войны, мира, образования и культуры. Карачаевск ; Ставрополь, 2019.
4. Алиева С.К. Помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны. Карачаевск, 2002. С. 11–12.
5. Койчуев А.Д. Карачай: вопросы войны, мира, образования и культуры. С. 70.
6. Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: дис. ... д-ра ист. наук. Карачаевск, 2000. С. 316–320.
7. Алиева С.К. Указ. соч. С. 21–22.
8. Герои Бреста. Минск, 1991. С. 82–85.
9. Койчуев А.Д. Славные сыны Карачая. Карачаевск, 1998. С. 208–210.
10. Кригер Е. Всадник в броне // Известия. 1944. 19 марта.
11. Сомов Г. Четверо суток и вся жизнь. М., 1972. С. 26–27.
12. Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. С. 387–395.
13. Ибрагимбейли Х.-М. Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981. С. 265, 269.
14. Койчуев А.Д. Славные сыны Карачая. С. 208–210.
15. Карачаевцы: выселение и возвращение. Материалы и документы. 1943–1957. Черкесск, 1993. С. 20.
16. Там же.
17. Лизунов А.И. Правда и ложь о Великой Отечественной войне // Великая Победа. Итоги и уроки. СПб., 2006. С. 212.
18. Карачаевцы: выселение и возвращение. С. 18.
19. Там же. С. 19.

М.А. Зухба

**«НЕМНОГОЕ О МНОГОМ»
(об участии Абхазии в Великой Отечественной войне)**

Во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) из Абхазии было мобилизовано более 55 тыс. советских граждан, более 17 тыс. человек не вернулось с войны. Сыновья и дочери Абхазии отважно сражались на всех фронтах – в небе, на земле и в море. Экономика Абхазии была перестроена на военный лад. Большая часть мужчин ушла на фронт, поэтому в республике развернулось движение женщин, стариков и подростков под лозунгом: «заменить на производстве мужей, отцов и братьев, ушедших на фронт». Документальные источники, имеющиеся на сегодняшний день, говорят о героизме абхазского народа в войне, многие представители которого награждены боевыми орденами и медалями.

23 июня 1941 г. Совет народных комиссаров (СНК) Абхазской АССР и бюро Абхазского обкома КП(б) Грузии приняли постановление об обеспечении успешного проведения мобилизации военнообязанных [1]. Мобилизация по республике проходила в полном соответствии с мобилизационным планом. Всем были вручены повестки и подготовлен транспорт для отправки военнообязанных из районов в Сухуми. Помимо военнообязанных, в военкоматы приходили молодые граждане с просьбами отправить их на фронт, большая часть которых умышленно завывшала свой возраст [2]. В связи с тем, что в прошлом грузинские и мегрельские священники в абхазских церквях, записывая в метрические книги абхазов, давали им грузинские либо чаще мегрельские фамилии, производные от абхазских, тем самым фактически «огрузинивая» их (например, абх. фамилия Зухба – мегр. фамилия Зухбая, Бутба – Бутбая, Маршан – Маршания, Маан – Маргания и т.д.), точных данных о численности погибших абхазов нет. Однако в 1986 г. в свет вышел труд американской журналистки, этнографа и геронтолога П. Гарб «Долгожители», которая пришла к выводу, что с фронта не вернулось более 10 тыс. абхазов [3]. Для малочисленного абхазского народа это очень большие цифры. Согласно переписи населения, проведенной накануне Великой Отечественной войны в 1939 г., абхазов насчитывалось 58 969 человек.

Начало войны оказалось неблагоприятным для советских войск. Неся большие людские потери, а также потери военной техники, они вынуждены были отступать вглубь страны. В планах немецко-фашистского командования на начальном этапе подготовки войны против СССР не предусматривалось стратегическое наступление войск на Кавказ. Маршал Советского Союза А.А. Гречко объяснял это тем, что, исходя из идеи быстротечной войны, гитлеровцы полагали, будто достижение ближайших целей войны приведет к развалу Советского государства и беспрепятственному овладению всеми территориями. При таком положении проведение операции по овладению Кавказом не было необходимым [4]. Но с самого начала фашистской агрессии события войны развернулись не так, как планировало немецкое командование. Идея «молниеносной войны» не оправдалась. Это обстоятельство вынуждало фашистское командование вносить в планы изменения и дополнения, в том числе перенести главные усилия немецких вооруженных сил на Кавказ [5].

СНК Грузинской ССР в постановлении от 21 сентября 1941 г. утвердил места расположения оборонительных сооружений. В соответствии с этим документом 28 сентября 1941 г. СНК Абхазской АССР и бюро Абхазского обкома КП(б) Грузии приняли постановление «О строительстве оборонных объектов первой очереди по укреплению Черноморского побережья». Для строительства оборонных объектов предлагалось использовать все мужское трудоспособное население и гужевого транспорт.

29 сентября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О предоставлении Военному Совету Закавказского фронта прав, предусмотренных указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. “О военном положении” без объявления республик Закавказья на военном положении» [6]. Такие полномочия были оправданы, так как необходимо было срочно произвести огромный объем военно-оборонительных работ. В Гудаутском районе, наряду с оборонительными работами, имело особую важность строительство военного аэродрома в Бомборах, осуществлявшееся силами местного населения [7].

28 июля 1942 г. командующий 46-й армией генерал-лейтенант В.Ф. Сергацков потребовал незамедлительного выполнения опера-

тивных задач по обороне перевалов Главного Кавказского хребта. Он приказал подразделениям выдвинуться на вершины перевалов и оборудовать оборонительные сооружения, произвести разрушения всех перевалов, за исключением Марухского и Клухорского, построить ротные опорные пункты с круговой обороной и системой заграждений в районах озера Рица, перевалов Доу, Марухский, Клухорский, Чхалта, Химса и др. [8]. Выдвинутые ранее на перевалы небольшие силы не знали сложившейся обстановки на фронтах и при недостаточном контроле со стороны вышестоящих командиров проявляли медлительность в выдвигании на перевалы и строительстве оборонительных объектов. Военный совет Закавказского фронта отмечал, что многие командиры зачастую сами не были на перевалах и поэтому не могли оценить построенные оборонительные рубежи. Другие же командиры были вообще убеждены в том, что Главный Кавказский хребет сам по себе является непреодолимой преградой для противника и не видели необходимости в его обороне [9].

Между тем к августу 1942 г. немецкие войска перешли в наступление через кавказские перевалы. На центральном участке Главного Кавказского хребта наступал 49-й немецкий горнострелковый корпус под командованием генерала Р. Конрада. Войска корпуса прошли специальную подготовку для ведения боев в горных условиях и были оснащены всем необходимым: специальной экипировкой, горной техникой, вплоть до оборудования канатных дорог. Входящая в корпус 1-я горнопехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Х. Ланца носила название «Эдельвейс», в ней служили хорошо обученные воины-альпинисты. Накануне войны многие немцы, впоследствии ставшие воинами «Эдельвейса», посетили Кавказ под видом туристов [10]. 4-я горнопехотная дивизия под командованием генерал-майора К. Эгльзеера состояла в основном из австрийцев, как правило, выходцев из горных районов.

Немцы через перевалы Большого Кавказского хребта (Клухорский, Санчарский и Марухский) пытались спуститься на Черноморское побережье и захватить прибрежные города Сухуми (Сухум), Гагры (Гагру) и Гудауту. Главным планом врага был захват Клухорского перевала, через который в тот период проходила Военно-Сухумская дорога, проложенная на месте важного в средневековье торгового

пути, ответвления Великого шелкового пути, известного в истории Абхазии как «Даринская дорога», проходящая по западной части Большого Кавказского хребта из Карачаево-Черкесии к Черноморскому побережью. Главной целью врага был захват Закавказья [11].

На Клухорском направлении советские солдаты продемонстрировали массовый героизм. За мужество и отвагу сотни командиров, политработников и бойцов были награждены орденами и медалями. Посмертно был награжден медалью «За отвагу» уроженец села Члоу Очамчирского района, командир взвода 121-го горнострелкового полка младший лейтенант Андрей Николаевич Ахуба. Медалью «За отвагу» был награжден и Шамиль Тачович Дбар, отличились также Николай Эрастович Аргун и Петр Антонович Чанба. Немаловажную роль при обороне Клухорского направления сыграло население Абхазии, которое доставляло грузы в горы.

В Вооруженных силах СССР плечом к плечу сражались представители всех народов страны. Каждый советский воин осознавал, что ведет освободительную войну, защищая свою Родину и свой народ. Наряду со всеми народами Советского Союза, абхазы также внесли свой достойный вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Абхазский народ выдержал все испытания в смертельной схватке с фашистской Германией. Его представители проявили мужество и героизм в борьбе с врагом на родных кавказских перевалах, в боях под Москвой, при обороне Ленинграда, Сталинграда, Севастополя, Одессы, Новороссийска, принимали участие в освобождении городов, областей, краев и стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также в разгроме фашистов в самой Германии в Берлине. Более 20 Героев Советского Союза – это призывники из Абхазии, в их числе четверо абхазов: Владимир Харазия, Ражден Барциц, Варлам Габлия, Ясон Кокоскерия.

Мери Хафизовна Авидзба – первая летчица-абхазка. Выпускница 10-й Сухумской средней школы, затем Краснознаменной школы гражданского воздушного флота (ГВФ) им. Баранова в г. Батайске. Проявив себя старательной, исполнительной курсанткой, после защиты экзаменов на звание летчика была направлена в Сухумский аэроклуб Общества содействия обороне, авиационному и хими-

ческому строительству (Осоавиахим). С 1937 по 1939 г. являлась инструктором авиаклуба, где готовила летчиков, планеристов и парашютистов. С 1939 г. по 1941 г. прошла обучение в Ленинградской военно-медицинской академии. С первых дней Великой Отечественной войны в составе частей противовоздушной обороны принимала участие в обороне Ленинграда, а с осени 1941 г. была направлена в Пермскую истребительную авиашколу. Затем по собственному желанию была переведена в г. Энгельс, с декабря 1942 г. назначена штурманом 46-го гвардейского легкобомбардировочного ночного авиаполка 4-й воздушной армии, в рядах которого участвовала в обороне Кавказа, освобождении Белоруссии, Крыма, Польши, разгроме немецко-фашистских войск в самой Германии. За время войны совершила 477 боевых вылетов, провела в воздухе свыше 1000 часов, сбросив на противника 63 т бомб. В послевоенное время была избрана депутатом Верховного совета Абхазской АССР. За отвагу и самоотверженность, проявленную при защите Родины, а также за активную общественную деятельность М. Авидзба была награждена орденом Отечественной войны I и II степени, медалями «За оборону Кавказа», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», почетной грамотой Председателя Верховного совета Абхазской АССР, благодарностью министра просвещения Абхазской АССР и другими наградами [12].

Виктор Константинович Аргун – первый абхазский летчик, уроженец села Куланьрхуа Гудаутского района. Учился в Краснознаменной школе ГВФ им. Баранова в г. Батайске, по окончании которой стал пилотом 4 класса. В 1936 г. назначен начальником летной части Сухумского аэроклуба Осоавиахима. В 1941 г. призван в ряды РККА и направлен заместителем начальника по политчасти в Тбилиси в спецшколу ВВС, затем – заместителем командующего учебной эскадрильи Цнорис-Цкальской авиашколы. С начала 1942 г. он громит фашистов, которые рвались через перевалы в родную Абхазию. Осуществлял авиационное прикрытие советских сухопутных войск, военных кораблей и транспортных судов, проводя воздушную разведку боевых порядков противника и нанося удары по скоплениям техники и живой силы врага [13]. В декабре 1942 г. трагически погиб, выполняя боевое задание. Родина высоко оценила его заслуги:

он награжден орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени.

Агрба Кязым Хохтович – уроженец с. Джирхуа Гудаутского района, выпускник Сухумской 10-й средней школы, по окончании которой был призван в ряды РККА. После окончания летной школы в г. Энгельс получил звание младшего лейтенанта. Был летчиком-штурмовиком, участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками, уничтожил сотни фашистов и много вражеской техники. Дважды представлялся к званию Героя Советского Союза, но, к сожалению, так и не получил награду. Во время наступательных боев в ходе Яско-Кишинёвской операции в августе 1944 г. погиб смертью героя, направив поврежденный бомбардировщик в расположение вражеской техники. К сожалению, можно сказать, что его подвиг забыт. Именно поэтому в 2015 г. ветераном Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг., летчиком-штурмовиком, выпускником Борисоглебского высшего Краснознаменного училища летчиков им. В. Чкалова Джамалом Хагба была совершена акция «Дань памяти и восстановления справедливости» по отношению к герою войны: совершен авиаперелет Сухум – Москва, посвященный Кязыму Агрба. Как отметили организаторы перелета, они хотят привлечь внимание к тому, что героически погибший летчик-истребитель Кязым Агрба так и не получил заслуженной награды Героя Советского Союза. 28 сентября 2017 г. указом президента Республики Абхазия Р.Д. Хаджимба Кязыму Агрба было присвоено звание Героя Абхазии.

Ражден Михайлович Барциц – уроженец г. Гагры (Гагра), сын участника Первой мировой войны, активного борца за победу советской власти. С детства мечтал стать моряком, учился на курсах водолазов, в 1940 г. окончил Батумскую школу водолазов и возвратился на родину, где начал свою трудовую деятельность. С первых дней войны ушел в ряды Красной армии. Боевое крещение принял в битве за Кавказ. Мужественно и храбро бился под Моздоком, где получил ранение. После госпиталя был направлен в Военно-морской флот. Р. Барциц участвовал во многих десантных операциях. Катер, на котором он служил, выполнял задачи в любую погоду, доставлял боеприпасы и продовольствие на Малую землю, высаживал десант морской пехоты в Новороссийском порту и на Керченском полуостро-

ве. За боевые заслуги в борьбе с врагом Р. Барциц награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Отечественной войны I степени. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1944 г. за образцовое выполнение боевых заданий, проявленные при этом отвагу и мужество ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [14].

В этой статье освещена лишь часть событий, связанных с героями войны – выходцами из маленькой Абхазии. К большому сожалению, каждый третий солдат не вернулся с войны. Вместе с фронтовиками не покладая рук за Победу над врагом боролись труженики тыла. Особый размах приобрело в Абхазии общественное движение по сбору средств на производство оружия для Красной армии. За короткий срок было собрано 30 млн рублей, эти средства были израсходованы на строительство катеров «Комсомолец Абхазии», «Здравница Абхазии», танковой колонны «Юный пионер».

В годы войны Абхазия оказала большую помощь раненым бойцам и командирам, находившимся в 19 госпиталях на ее территории. Всего за время войны через абхазские госпитали прошло 200 тыс. раненых и больных солдат и офицеров. Героические дела тружеников тыла были отмечены по достоинству. Только медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждено более 32 тыс. человек.

По словам Председателя республиканского Совета ветеранов войны и труда Александра Тария, давшего интервью накануне празднования Дня Победы в 2012 г. государственному информационному агентству «Апсныпресс», «ветераны не только победили врага, но и внесли огромный вклад в восстановление разрушенных врагом городов, населенных пунктов, фабрик, заводов, колхозов, учебных заведений и учреждений культуры, подъем материального благосостояния соотечественников, патриотическое воспитание молодого поколения» [15]. Поэтому с уверенностью можно сказать что народ Абхазии внес существенный вклад в дело Победы.

Примечания

1. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1944 гг. М., 1945. С. 97.

2. Очерки истории Абхазской АССР. Ч. II. Сухум., 1964. С. 160.
3. Гарб П. Долгожители. М., 1986. С. 94.
4. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 22.
5. Там же.
6. Центральный государственный архив Абхазии (далее – ЦГАА).
Ф. 2. Оп. 1. Д. 42. Л. 25.
7. ЦГАА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 42. Л. 4.
8. ЦАМО РФ. Ф. 1720 (394 СД). Оп. 1. Д. 23. Л. 1об.
9. Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток.
М., 1977. С. 104.
10. ЦАМО РФ. Ф. 401 (45А). Оп. 9511. Д. 73. Л. 43.
11. Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С. 101.
12. Тария А.М. Абхазские соколы в небе. Сухум, 2006.
13. Там же.
14. Правда. 1944. 17 мая.
15. Александр Тария: За время войны через госпитали Абхазии прошли более 200 тыс. раненых и больных солдат и офицеров // Апсныпресс. 2012. 9 мая. URL: <http://www.apsnypress.info/news/aleksandr-tariya-za-vremya-voyny-cherez-gospitali-abkhazii-proshli-bolee-200-tys-ranenykh-i-bolnykh/> (дата обращения: 13.12.2019).

В.З. Акопян

АРМЯНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАЙОН НА КУБАНИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В южной части Краснодарского края, на территории нынешних Туапсинского, Апшеронского и Горячеключевского районов, с 1925 по 1953 г. находился Армянский национальный район. Предки большинства местных армян были выходцами из северо-восточной части Османской империи, где располагаются исторические области Амшен, Джаник и др. Со второй половины XIX в., спасаясь от геноцида, амшенские армяне мигрировали на территорию Северо-Западного Кавказа, вошедшего в состав Российской империи. По окончании войны с горцами между Российской и Османской империями был произведен своеобразный обмен – в Порту переселились адыги, а в Закубанье

и Черноморье – армяне и греки. Кроме амшенцев, в регионе проживали и другие группы западных армян, поселившиеся здесь в годы Первой мировой войны.

В процессе осуществления административно-территориальной реформы в Кубано-Черноморской области (1924 г.) более 60 компактно расположенных армянских сел оказались в двух районах: Хадыженском Майкопского округа и Горячеключевском Кубанского округа [1]. 7 августа 1925 г. Северо-Кавказский крайисполком принял решение об образовании Армянского района. 12 апреля 1926 г. было принято постановление ВЦИК «О выделении Армянского района в Майкопском округе Северо-Кавказского края» [2]. Административным центром района стало с. Елизаветпольское, в 1936 г. переименованное в Шаумян. В апреле 1932 г. в восьми сельсоветах (Гойтхском, Гунайском, Елизаветпольском, Кубано-Армянском, Кушинском, Черниговском, Садовом и Тубинском) проживали 9142 человека, из которых 96 % составляли армяне. Из всех национальных районов края Армянский был самым мононациональным. Его площадь изначально составляла 1286 км² (впоследствии – 1653 км²) [3].

В период Великой Отечественной войны жители района проявили мужество, стойкость, героизм и преданность родине. Почти все взрослое мужское население было мобилизовано в Красную армию. В их числе были председатели колхозов – Кеворк Аведисян («Советская Армения», с. Гойтх), Арут Крбашян («Красный табакковод», с. Кубано-Армянское); председатели Черниговского и Режетского сельсоветов – Левон и Саркис Гайтяны; председатель Тубинского сельсовета Арташ Миселимян и многие другие. Первые трое пали смертью храбрых на войне.

На фронт добровольно шли и девушки: Вера Карапетовна Гайтян (с. Кушинка), секретарь райкома ВЛКСМ Элмас Хастян (с. Шаумян). На фронт отправились заведующий Армянским районным отделом народного образования Александр Кабанцев, Степан Оганесян, Ваган Топчиян, Текнеджян, Сет Арутюнян и другие кадры. Героями СССР стали А. Снабьян, А. Мелконян и М.М. Шалджян. Первый орден Боевого Красного Знамени получил подполковник Мелик Захарович Кармирян родом из Алтубинала. Первым летчиком района стал Борис Авджян, награжденный орденами Ленина, Боевого Красного Знамени и др. Орде-

ном Александра Невского был награжден командир батальона, гвардии майор Карапет Карапетович Парталян. В партизанском отряде в Белоруссии сражался А.О. Папазян из Кубано-Армянского сельсовета [4].

В июле 1942 г. немецкие войска приступили к выполнению плана «Эдельвейс», предусматривавшего захват всего Кавказа. После того как 9 августа 1-я танковая армия противника завладела Майкопом, Ставка Верховного Главнокомандования 10 августа указала Военному совету Северо-Кавказского фронта: «В связи с создавшейся обстановкой самым основным и опасным для Северо-Кавказского фронта и Черноморского побережья в данный момент является направление от Майкопа до Туапсе. С выходом противника в район Туапсе 47-я армия и все войска фронта, находящиеся в районе Краснодара, окажутся отрезанными и попадут в плен» [5]. 1 сентября Ставка преобразовала Северо-Кавказский фронт в Черноморскую группу войск Закавказского фронта (в составе 12, 18, 47, 56-й армий и 4-го гвардейского кавалерийского корпуса) под командованием генерала Я.Т. Черевиченко. Немецкое командование запланировало наступление на Туапсе силами 17-й армии (группа «Туапсе»). Предполагалось нанесение двух ударов по сходящимся направлениям с целью окружить основные силы 18-й армии северо-восточнее Шаумяна. Путь врага на Туапсе лежал через Армянский район.

Немецкая 17-я армия имела 162,4 тыс. человек, 147 танков и штурмовых орудий, 1316 орудий и 950 минометов. Ее войска поддерживал 4-й авиационный корпус 4-го воздушного флота (350 самолетов). Противник превосходил войска Черноморской группы: в орудиях и минометах – в 2 раза, в танках – абсолютно, в самолетах – в 5 раз, в личном составе – в 1,5 раза [6].

Туапсинская оборонительная операция продолжалась с 25 сентября до 20 декабря. Основные сражения происходили на территории Армянского района. После кровопролитных боев 16–17 октября гитлеровцы овладели Шаумяном и завязали бои за Елизаветпольский перевал. 19 октября 18-ю армию возглавил генерал А.А. Гречко, который в своих воспоминаниях подробно изложил события войны в регионе [7].

Ценой огромных потерь к исходу 23 октября враг был остановлен, а с 31 октября перешел к обороне. 26 ноября советские войска перешли

в наступление и, ликвидировав большую часть группировки противника, к 17 декабря отбросили ее остатки за реку Пшиш. Туапсинская оборонительная операция завершилась. Началась подготовка к наступательной операции [8]. В оборонительных сражениях на территории Армянского района участвовали бойцы 408-й армянской стрелковой дивизии. Она формировалась в Ереване весной 1942 г. На командные должности были выдвинуты кадровые командиры – майоры Сурен Бабаян, Тигран Саядян, Арамис Ефремян, старшие лейтенанты Николай Тюрин, Иван Давыдов, Арцруни Кцоян. Политическую работу возглавляли партийные и советские работники, деятели науки и культуры республики – Галуст Манучарян, Геворг Кацахян, Николай Саргсян, Гарегин Петросян, Мкртич Нерсесян, Артем Шахбазян, Арам Инжикян, Паруйр Исаакян и др. 10 сентября 1942 г. 408-я стрелковая дивизия, насчитывавшая 11 500 человек, из Армянской ССР через Потти морем отправилась на фронт. 15 сентября она вошла в состав 47-й армии и заняла оборону на северо-восточном побережье Цемесской бухты [9].

408-я стрелковая дивизия принимала активное участие в боях против немецко-фашистских войск в районе ст. Абинской, что способствовало срыву планов гитлеровцев прорваться по побережью через Геленджик в Туапсе. 672-й стрелковый полк решительной атакой освободил населенные пункты Чуматов, Эриванский, Первый Греческий, Красная Победа, за что удостоился благодарности Военного совета армии, а многие из воинов были награждены.

В начале октября 1942 г. командование 408-й стрелковой дивизии получило приказ: выдвинуться на рубеж р. Пшиш, занять оборону на высотах с задачей не допускать противника в долину р. Пшиш и выхода его к побережью. Дивизия была включена в состав 18-й армии и ночью 3 октября выступила походными колоннами по извилистому Туапсинскому шоссе. Утром 4 октября она подверглась на Гойтхском перевале массированной бомбежке фашистской авиации. В районе перевала в этот день находился заместитель главнокомандующего и член Военного совета Северо-Кавказского направления адмирал флота, Герой Советского Союза Иван (Ованес) Степанович Исаков. На передовой линии обороны Исаков был тяжело ранен, в результате ему ампутировали ногу. В 2013 г. в с. Гойтх Туапсинского района на месте ранения адмирала Исакова был открыт памятник, посвящен-

ный участникам Туапсинской оборонительной операции и монумент в честь И.С. Исакова [10].

В своей книге «Битва за Кавказ» маршал А.А. Гречко писал: «К 19 октября части дивизии, удерживая оборону на невыгодных позициях, несли большие потери. Иссякли снаряды, мины, патроны для винтовок. Левый берег Пшиша – выгодный рубеж – ни армией, ни дивизией не был подготовлен к обороне. Между полковыми частями и между 408-й стрелковой дивизией и 40-й мотострелковой бригадой каждый разрыв составлял более 2 километров. Разрыв же слева, между 408-й стрелковой дивизией и 107-й стрелковой бригадой, – более 5 километров... В такой обстановке, казалось, разумно было отвести полки на левый берег реки, занять выгодный рубеж обороны с сильным предпольем на правобережных полянах. Но командир дивизии, не имея на то приказа, не взял на себя ответственность за подобный шаг» [11].

В течение нескольких суток разделенная на части 408-я стрелковая дивизия отбивала атаки наземных войск противника, принимая на себя бомбовые удары сотен самолетов, преградила фашистам путь к перевалам гор Два Брата, Семашко, Каменистой. К 24 октября, выполняя приказ командующего 18-й армией А.А. Гречко, в район высот Два Брата, Каменистой вышли части 383-й и 353-й стрелковых дивизий с задачей нанести контрудар по прорвавшемуся в Пшишскую долину противнику. Было приказано: «408-ю стрелковую дивизию по выходе ударной группы на реку Пшиш вывести из боя в резерв Черноморской группы войск в район Аула» [12]. 26 октября дивизию вывели из состава 18-й армии, подчинив командующему Туапсинским оборонительным районом. Заняв оборону на морском побережье, дивизия начала принимать пополнение и довооружаться.

Учитывая неудачи в боях за Пшиш, создавшуюся обстановку и большие потери в 408-й стрелковой дивизии, Военный совет Черноморской группы войск 28 октября 1942 г. принял решение сформировать на ее базе 7-ю стрелковую бригаду, которая выдвинулась на передний край сражений на туапсинском и новороссийском направлениях. В мае 1943 г. 7-я стрелковая бригада была переформирована в 23-ю стрелковую дивизию и в этом качестве вела героические бои на Курской дуге, на Левобережной и Правобережной Украине,

получила почетное наименование Киевской, Черниговской и закончила войну на Эльбе [13].

Следует отметить, что в книге Э. Пятигорского «Роль Туапсе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», тщательно проанализировавшего все документы, говорится о трагической судьбе дивизии, ставшей приманкой, живой мишенью. Задержав продвижение противника (до полутора дивизий) на левом берегу р. Пшиш, бойцы не удостоились ни прижизненной, ни посмертной славы: «В советской историографии, – заключает Пятигорский, – Туапсинская оборонительная операция оставалась в тени. Все внимание было уделено Новороссийску, где на Малой земле участвовал Л.И. Брежнев» [14].

В период оккупации в Армянском районе и в примыкавших к нему соседних населенных пунктах действовали пять партизанских отрядов, в подавляющем большинстве состоявших из местных жителей. Больше всего сохранилось данных о партизанском отряде им. Шаумяна, возглавляемом председателем районного исполкома Совета депутатов трудящихся Андреем Месроповичем Малхасяном. В ноябре 1942 г. северо-восточнее с. Котловина отряд был окружен гитлеровцами. Командир отряда и большинство бойцов погибли во время боя [15].

Группа исследователей – Н. Шахназарян, А. Аракелян, С. Делигевурян – провела серию биографических интервью в Туапсинском районе, расспрашивая амшенских армян, переживших войну детьми. По итогам трехлетних исследований был опубликован ряд работ, материал которых представляет интерес как альтернативный взгляд на историю, проясняющий многие «белые пятна», в том числе повседневной истории военного периода [16]. Авторы отмечают, что проделанный анализ краеведческих и других публикаций по теме обнаружил амбивалентность в оценке участия местных жителей в войне, если не умалчивание.

Исследователи приводят слова Аршака Валерджяна, председателя армянской общины г. Туапсе, который с горечью говорил о том, что ему не дали слова на конференции «Вклад кавказских народов в Великой Отечественной войне»: «Я подходил, просил слова – нет, не дали. Мне нужно было пять минут. Хотел сказать, что было село Мопут (Пляхо сейчас называется) – там жили всего 24 семьи, и из них 42 человека ушли на фронт, т.е. по два человека от каждой семьи.

Еще хотел сказать – село Кушинка, сейчас к Апшеронскому району относится, – там жили два брата Партальяны, из их семей 14 братьев ушли на фронт и только один вернулся. В Туапсинском районе было пять партизанских отрядов почти в основном из армян. Самый главный – отряд Малхасяна. Это я хотел сказать». И это притом, отмечал Валерджян, что среди шести героев войны, уроженцев Туапсинского района, «из местных туапсинцев насчитали троих этнических армян, двоих адыгов и одного русского» [17].

Тем не менее активисты армянской общины Туапсе приняли решение установить своими силами три памятника, посвященных участию армян в Великой Отечественной войне: первый – памятная стела адмиралу И.С. Исакову и всем морякам, погибшим вблизи поселка Горный; второй – памятник трем героям села Шаумян – Андронику Мелконяну, Амаяку Сноплянну и Миграну Шалжияну. Третий памятник – Хачкар – община Туапсе решила подарить городу в память обо всех погибших в ту войну.

Материалы, собранные Н. Шахназарян, А. Аракелян, С. Делигевурян, свидетельствуют о любви амшенцев к своей новой родине, патриотизме жителей района, их ненависти к оккупантам, уверенности в неминуемом поражении врага и скором освобождении района и всей страны, которому способствовали и они, в том числе помощью попавшим в окружение солдатам и партизанам. «Как немцы ушли, – вспоминает Геворг Валерджян, – мы всю ночь не спали. Женщина (Гоар) закрыла все двери, окна позавязала. А потом в окна стучат уже к утру и говорят по-армянски: “Менкенк, Советаган панег” (с амш. диалекта: “Это мы, Советская армия”)... Наши, помню, шли в ушанках, со звездочками, в фуфайках, а мы как радовались – бежим им навстречу, кричим: “Наши! Наши!” И нам было все равно кто – советские – значит наши, и все!» [18].

Агоп Касумян вспоминал о дне, когда в Гойтхе получили весть о Победе: «Останки наших красноармейцев собирали со всех окрестностей и сносили в одно место. И никто не уклонялся от этого. Потому что в каждой семье были отцы, сыновья, которые воевали где-то, и, может быть, их останки тоже собирали и предавали земле... Потом нам дали лошадь, и мы должны были поехать в Терзиян и Алтубинал, сообщить о Победе» [19].

Нельзя не упомянуть о гражданском подвиге Аршалуйс Ханжиян, жительницы хут. Поднависла у подножья скалы Нависла (ныне в пределах городского округа Горячий Ключ). Во время войны в их доме разместилась полевая санчасть. Юная девушка вместе со своей семьей выхаживала раненых, хоронила умерших и погибших. После окончания войны Аршалуйс поклялась, что навеки останется охранять покой солдатских могил: «Никогда от могил не уйду!». Эта клятва сделала всю ее жизнь подвигом, благодаря которому люди не забывают погибших. Спасшая жизнь многих раненых бойцов во время войны, в мирное время она с охотничьим ружьем в руках защитила братские могилы. 9 мая 2000 г. в Поднависле открыт мемориал с надписью: «Бессмертен твой подвиг, советский солдат». Этот монумент в Поднависле сегодня является не только памятником павшим солдатам, но и памятью о жизненном подвиге Аршалуйс [20].

Краевая газета сообщала: «Армянский район особо пострадал от хозяйничанья немецких бандитов. В каждом населенном пункте остались кровавые следы их “нового порядка” – пожарища и развалины» [21]. Многие жители, вынужденные во время военных действий покинуть свои населенные пункты, возвращались на пепелища. Значительная часть семей потеряла на войне кормильцев, немало было инвалидов. Руководство района мобилизовало население на восстановительные работы. Полностью был разрушен райцентр Шаумян, вот почему с 1943 по 1946 г. центром района было с. Черниговское, которое также находилось под контролем гитлеровцев. Возрожденный Шаумян вновь стал центром района.

Левон Антонян и Арут Одабашян, бывшие жители в свое время многонаселенного села Кубано-Армянска, а теперь покинутого и разрушенного, вспоминают: «Война сделала свое черное дело. Лучшие мужчины хутора ушли воевать. Вернувшиеся с полей солдаты принимали участие в боях под Брестом, в Новороссийске, брали Прагу и Берлин... На кладбище стоит небольшой памятник, где перечислены фамилии солдат, сложивших в боях свои головы. Память о них не угасает в сердцах земляков. Не все здесь указаны. В основном только те, кто известен по принесенным почтой похоронкам, установлен военкоматами... А сколько пропало без вести... Мы их помним, но место их здесь в одном списке» [22]. В настоящее время самым ухоженным

местом в бывшем селе осталось кладбище, куда регулярно приезжают бывшие сельчане, разбросанные по всей стране.

К началу 1950-х гг. населенные пункты и народное хозяйство Армянского района были восстановлены. В то же время население многих сел не только не достигло довоенной численности, но и значительно сократилось.

То, что Армянский район не был упразднен сразу после войны, можно объяснить и тем обстоятельством, что в горах пали смертью храбрых представители различных национальностей, не позволившие гитлеровцам захватить Туапсе. Но имели место и меркантильные соображения, связанные с необходимостью мобилизовать трудолюбивое население для восстановления района. Когда официально было объявлено о восстановлении разрушенного хозяйства, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 августа 1953 г. Армянский национальный район был упразднен.

Примечания

1. Акопян В.З. Армянский национальный район на Кубани: образование, статус, политические процессы // *Armenological Issues. Bulletin. ЕГУ.* № 2 (5). 2015. С. 31–46.
2. ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 105. Л. 2.
3. Акопян В.З. Указ. соч.
4. Армянский район. URL: <https://forum.hayastan.com/topic/9453-армянский-район> (дата обращения: 17.12.2019); Бессмертный полк. Парталян К.К. URL: <https://www.moypolk.ru/krasnodar/soldiers/partalyan-karapet-karapetovich> (дата обращения: 17.12.2019).
5. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 5. М., 1975. С. 209.
6. Там же. С. 220.
7. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=57068&p=42> (дата обращения: 17.12.2019).
8. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 5. С. 220.
9. Саркисян С.М. 408-я армянская стрелковая дивизия в битве за Кавказ. Ереван, 1985.
10. Арзуманян А.М. Адмирал. М., 1976.
11. Гречко А.А. Указ. соч.

12. Там же.
13. Саркисян С.М. Указ. соч.
14. Пятигорский Э.И. На остриях войны. Кубань. 1942. Август. Туапсе, 2005; Он же. Роль Туапсе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Туапсе, 2007.
15. Шахназарян Н., Аракелян А., Делигевурян С. Амшенская деревня в годы Великой Отечественной войны: без идеологических купюр // The Journal of Power Institutions. 2013. Вып. 14–15. URL: <https://doi.org/10.4000/pips.4025> (дата обращения: 17.12.2019).
16. Шахназарян Н.Р., Аракелян А.М., Делигевурян С.В. Память и война. Армянский район сквозь призму повседневности. СПб. – Краснодар, 2013 и др.
17. Шахназарян Н., Аракелян А., Делигевурян С. Амшенская деревня в годы Великой Отечественной войны ... URL: <https://journals.openedition.org/pipss/4025> (дата обращения: 17.12.2019).
18. Там же.
19. Там же.
20. Кузнецов В. Аршалуйс. URL: <http://www.proza.ru/2012/03/02/1573> (дата обращения: 17.12.2019).
21. Советская Кубань. 1945. 26 сентября.
22. Еркумас. Краснодар. 2007. Сентябрь.

Н.Ф. Бугай

БАРОМЕТР ПОГОДЫ И НРАВСТВЕННОСТИ В ГОСУДАРСТВЕ: НА СЛУЖБЕ ПОБЕДЫ В ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

Российская историография в последние годы обращается к изучению истории государственных органов власти на территории СССР, России на разных этапах их становления и развития, выявлению их роли в укреплении государственности, в том числе и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Не остается без внимания и такое подразделение в системе государственного обустройства, общества как *специальные государственные службы*, призванные обслуживать специфические направления развития государственности, сохранять целостность страны, обеспечивать условия для проживания граждан,

их безопасность. В этом ряду стоит и своевременное предупреждение о возможных техногенных катастрофах, чрезвычайных природных явлениях с целью принятия срочных мер как для защиты самого государства, так и для сохранения жизни населения. К таким учреждениям относится и гидрометеорологическая служба погоды.

Наряду с публикацией информационных материалов о подразделениях службы погоды, известных ученых, заслуженных специалистов сети погоды, размещенных на интернет-сайтах, появляются монографические исследования [1], научные статьи [2] об ученых, внесших вклад в организацию службы. В трудах частично затрагивается и период войны 1941–1945 гг. Конечно, в целом по периоду войны исследований крайне мало. Это относится и к Югу России.

Территория Юга России со времени основания службы погоды в СССР оставалась составной частью государственной сети гидрометеорологической службы. По приблизительным данным ее специалистов, в целом по стране трудилось свыше 30 тыс. человек. Они работали и в мирной, и в военной обстановке, в годы войны обеспечивая на советской территории условия для победы над фашизмом.

Работа службы погоды адаптировалась к возникавшей ситуации, в том числе и в условиях военного времени. Как известно, она сосредоточивалась, кроме общесоюзных центров погоды, и в местных подразделениях, основой которых выступали метеорологические станции, гидрологические посты, гидрометеорологические бюро, агро- и аэростанции, военные структуры гидрометеосети, центры по обслуживанию военной и гражданской авиации, Красной армии и народного хозяйства. В условиях войны система сразу же приобрела военный характер и была всецело направлена на обеспечение нужд армии, оборону и достижение победы над врагом.

Изучение накопленного материала свидетельствует прежде всего о непрерывности работы системы службы погоды в годы войны. Она осуществлялась как непосредственно на линии фронта, так и в тылу, в партизанских зонах, в регионах дислокации флотов и воинских подразделений армии, расположении транспортных узлов. Конечно, это не могло не содействовать использованию новых форм деятельности сформированных подразделений службы погоды – метеостанций, гидрометеопостов, бюро погоды, аэрологических станций, специали-

зированных отраслевых центров погоды – и новых методов ведения наблюдений за атмосферными явлениями, с учетом возможностей получения метеоданных, их обобщения и предоставления прогнозов. Всё это позволяло создавать условия для обеспечения Красной армии и народного хозяйства необходимыми данными о состоянии погоды, прогнозов для эффективного действия авиации в военных и мирных условиях.

Война вызывала необходимость перевода специалистов погоды на работу в военной обстановке. Они становились военнообязанными специалистами с присвоением воинских званий – техник-лейтенант, техник-капитан, майор гидрометеослужбы и др. Уже в 1942 г. все эти изменения коснулись службы погоды на Юге России. Они были связаны с захватом противником территории Дона и Северного Кавказа.

Накануне захвата территории происходила передислокация многих структурных подразделений службы погоды и ее специалистов, проводилась и консервация приборной части. Многие из специалистов были призваны на службу в Красную армию, направлялись на фронты в распоряжение воинских подразделений, часть из них оставалась в центрах службы погоды на местах, например в Закавказье, пополняя тем самым местные коллективы специалистов службы погоды.

21 июня 1921 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял «Декрет об организации метеорологической службы РСФСР», подписанный В.И. Лениным. Под председательством директора Геофизической обсерватории был создан межведомственный Метеорологический комитет для координации действий по развитию геофизических и метеорологических исследований в соответствии с потребностями разных отраслей народного хозяйства. В 1918–1922 гг. они были напрямую связаны с Гражданской войной на Дальнем Востоке, Сахалине, в Камчатской губернии, Поволжье, на северо-западе страны, Северном Кавказе. Здесь по-прежнему были ощутимыми отголоски действий разного рода бандгруппировок.

Так, на Северном Кавказе в середине 1924 г. численность бандгрупп распределялась по регионам следующим образом: Донская область – 1, Кубано-Черноморская – 15, Ставропольская губерния – 5, Терская область – 4, Карачаево-Черкесская АО – 3, Кабардино-Балкарская АССР – 2, Горская АССР – 1, Чеченская область – 4, Дагестанская

АССР – 4. Все группировки дислоцировались на юго-востоке страны. К концу 1924 г. в объединениях банд оставались 551 человек [3]. В тех районах, где были созданы условия для работы, конечно же, не закрывались и метеостанции. Они действовали под эгидой СНК СССР, Совета министров, председателя и зампреда СНК СССР, СТО и др. В ведение СНК СССР переходило и реформированное к этому времени Управление Гидрометеослужбы СССР при СНК, военных ведомств, Совете министров СССР как главного органа в стране, ведавшего этой системой службы в разные периоды.

В 1921–1929 гг. органы власти переходили к конкретной реализации мер по созданию метеорологических бюро в союзных республиках, национальных округах, краях, областях. Создание подобной сети службы было положено в основу формирования территориальных управлений ГМС, ЦГМС, ГУГМС. На практике был использован уже накопленный РСФСР опыт. Формировались центральные геофизические учреждения в союзных республиках. Ценное значение в становлении Гидрометеорологической службы СССР в этот период оказал 1-й геофизический (3-й метеорологический) съезд. Он проходил в Москве в мае 1925 г. Участники съезда уделили внимание вопросам организации единой службы. Дело оставалось за принятием постановления ЦИК и Совнаркомом СССР.

7 августа 1929 г. был издан документ о создании Единой гидрометеорологической службы (ЕГМС) СССР. В связи с этим в 1929 г. был сформирован Государственный гидрометеорологический комитет СССР, в котором и сосредотачивалось руководство метеосетью уже в масштабах страны. Принимались усилия по разработке новых методов по долгосрочным прогнозам. Прочно входил в практику синоптический метод, который на долгие годы стал основным.

В 1930 г. в Москве было создано Центральное бюро прогнозов (позднее переименованное в Центральный институт прогнозов). 23 февраля 1933 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об организации Центрального управления Единой гидрометеорологической службы (ЦУЕГМС) СССР при Народном комиссариате земледелия СССР. Вероятно, эти преобразования носили несколько поспешный характер, и от них пришлось отказаться. 14 ноября 1936 г. ЦИК и СНК СССР принимают новое постановление, но уже об организации Глав-

ного управления гидрометеорологической службы при СНК СССР (ГУГМС при СНК СССР).

Сведения об аэрометеостанциях, расположенных также и на военных метеостанциях, в предвоенное и военное время обслуживали и специалистов Военно-воздушных сил (ВВС) РККА. Главная аэрологическая метеостанция, а также станции этого направления на местах подчинялись начальнику VI отдела штаба ВВС РКА («Метеоролог»), руководителем которого в ту пору (1936 г.) был полковник П.И. Бессонов. Обычно для работы в управлении Гидрометеорологической службы СССР в военных структурах рекомендовались опытные специалисты.

На июнь 1941 г. в ГУГМС работало около 30 тыс. сотрудников, функционировало 3947 метеорологических, 190 аэрологических, 240 авиационно-метеорологических станций, 4463 гидрологических станций и постов [4]. Наступление немцев на территорию страны в 1941 г. создавало угрозу потери всей гидрометеосети в восточно-европейской части СССР. Были приняты в срочном порядке меры по ее сохранению, правда, в условиях натиска врага они не всегда давали положительный результат. 15 июля 1941 г. был подписан приказ № 0054 Верховного командования о подчинении Главного управления гидрометеослужбы СССР при СНК СССР Народному комиссариату обороны (НКО). Этим приказом Главному управлению гидрометеослужбы Красной армии было подчинено Метеорологическое управление Главного управления ВВС Красной армии, Главная авиаметеорологическая станция (ГАМС) ВВС и отдел гидрометеорологической службы Наркомата Военно-морского флота (НК ВМФ) СССР. На Главное управление гидрометеослужбы Красной армии были возложены обязанности по предоставлению командованию и частям НКО и НК ВМФ метеорологических прогнозов, информации, сводок и описаний; техническому руководству всеми органами гидрометеорологической службы частей Красной армии и ВМФ; комплектованию органов гидрометеослужбы Красной армии специалистами и снабжению всеми специальными приборами и пособиями; развертыванию гидрометеослужбы на фронте. Было постановлено укомплектовать ГУГМС контингентом военнослужащих, призван на действительную военную службу военнообязанных специалистов

ГУГМС и используя личный состав метеоуправления ВВС и отдела гидрометеослужбы НК ВМФ.

Эта перестройка метеослужбы, несомненно, содействовала повышению и ответственности государственной службы, и дисциплины личного состава ее подразделений. Перед всеми рабочими коллективами стояла задача сосредоточения усилий на разгроме врага. ГУГМС Красной армии возглавил Евгений Константинович Федоров.

Исследователи отмечают, что Россия уже оказывалась в такой ситуации, испытав на себе переход системы Гидрометеослужбы на «военные рельсы» во время Первой мировой войны. Что интересно, сразу же было создано Главное военное метеорологическое управление (Главвоенмет). Возглавил его директор Главной геофизической обсерватории (ГФО) академик Б.Б. Голицын. Действовало управление при ГФО. Была обозначена цель работы этих учреждений, принявших в определенной мере военизированный характер, – обеспечение армии и флота гидрометеорологической информацией.

Опыт оперативной работы, накопленный ранее, находит свое применение в период Великой Отечественной войны. Обобщением сведений занимались и специалисты, работавшие перед войной в ГГО (Бюро военной метеорологии). Бюро сыграло заметную роль в развитии метеорологии, в первую очередь военной [5]. Неоценимый вклад в дело победы внесли коллективы метеорологов в годы Великой Отечественной войны. На их счету работа в сложной обстановке в Ленинграде и области, где для управления после дислокации ГФО в Свердловске, был создан специальный орган для управления гидрометеорологической службой – Ленинградский институт экспериментальной метеорологии (ЛИЭМ), который возглавил инженер-капитан В.Л. Гаевский.

В марте – апреле 1942 г. начала свою работу аэрологическая группа для запуска шаропилотов в Ленинграде. Все преобразования были связаны прежде всего с потребностями штаба Ленинградского фронта. Наряду с шаропилотным зондированием, вводилось в строй и аэростатное зондирование для получения данных в верхних слоях атмосферы.

Налаживалось синоптическое обслуживание партизанских отрядов в районах действия соединений партизан в Псковской области.

Отслеживалось состояние льда на Ладожском озере, по которому проходила «Дорога жизни». Вносились коррективы и в синоптический метод исследования. Именно в годы войны получил широкое распространение прогноз по «обрезанным картам», основателем которого стал И.А. Кибель. Благодаря этому командование было осведомлено о погоде на территории, захваченной противником. Метод получил распространение и на других фронтах.

Особенно был востребован метод радиопеленгации в облачные дни. С этой целью на острове Лавенсаари и в Кронштадте запускался радиопилот. На счету военных метеорологов Ленинграда значится и внедрение в практику с 1941 г. походных метеопостов, дежурство при районном штабе местной противовоздушной обороны, проведение метеонаблюдений в партизанских соединениях (в этом были задействованы как специалисты-метеорологи, так и обученные в полевых условиях партизаны), обслуживание летных составов в 1941–1944 гг. Особенно известными были в округе метеорологи-партизаны Н.Н. Интересова, Г.М. Башкирова. Они занимались передачей метеоданных из зоны партизан, а также на Большую землю, в синоптические бюро погоды, работали над составлением прогнозов по «обрезанным картам».

В условиях военной обстановки вся «армия метеорологов» переводилась под крыло территориальных военных округов. Так, на Северном Кавказе, в Северо-Кавказском военном округе (СКВО) со штабом в Ростове-на-Дону, эти специалисты становились по своему статусу военными.

В целях сохранения управленческой структуры гидрометеослужбы в Северо-Кавказском регионе в октябре 1941 г. она была переведена из Ростова-на-Дону в Пятигорск, хотя и этот пункт не был конечной остановкой, потом состоялась передислокация в Орджоникидзе. Тем не менее специалисты погоды не прерывали свою работу, обеспечивали нужды Красной армии. Работа продолжалась и в прифронтовой полосе даже под обстрелами и ожесточенными бомбежками.

Наступление немцев стало причиной временной ликвидации в октябре 1942 г. УГМС СКВО. Многие из специалистов оказались после г. Орджоникидзе в Закавказье или были направлены на фронт.

На занятых территориях остановилась работа ранее действовавших на Северном Кавказе 25 станций, 22 постов [6].

В период войны напряженными были будни метеоцентров (гидрометеорологические станции, гидрометеопосты) Краснодарского края и Адыгейской автономной области – Майкопа, Армавира, Белореченска, Краснодара, многих других населенных пунктов Юга СССР. Они полностью подчинялись нуждам сражавшейся Красной армии. Потребность в них ощущалась как накануне войны, так и во время нее, особенно после 1943 г. В сфере метеослужбы на Юге СССР восстановительный процесс возглавил начальник Управления гидрометеорологической службы СКВО инженер-майор Ткаченко [7]. Только после освобождения Красной армией г. Краснодара и продвижения линии фронта на запад была восстановлена гидрометеостанция «Краснодар».

Восстанавливались и многие другие метеостанции Юга СССР, например гидрометеостанция «Майкоп». С 8 февраля 1943 г. возглавил коллектив ее специалистов А.А. Кашинцев, прибывший на должность начальника станции из Армянского управления гидрометеослужбы Закавказского фронта. Основанием назначения на должность Начальника ГМС «Майкоп» послужил Приказ № 3 Армянского УГМС Закавказского фронта и собственный рапорт А.А. Кашинцева.

В это же время обустроивались на местах и другие метеорологические станции Северного Кавказа, в частности ГМС «Краснодар», ГМС «Армавир», ГМС «Будённовск», ГМС «Белореченск», ГМС «Темрюк» и др. По мере освобождения территории Северного Кавказа по приказу ГУГМС СССР от 15 марта 1943 г. была восстановлена и работа УГМС Северо-Кавказского фронта. Перед гидрометеорологической службой ставились другие задачи. Большое значение для экономического роста края и области имело повышение производства сельскохозяйственного сектора, увеличение продукции растениеводства и животноводства. 21 августа 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации».

Тяжелым оставалось и материальное положение коллективов специалистов на метеостанциях, обусловленное прежде всего трудностями послевоенного времени. Прилагались немалые усилия для решения этой проблемы. 29 октября 1943 г. руководство территориального

Управления ГМС вплотную занялось ею. Было принято постановление с IV квартала 1943 г. через торговую сеть Главвенторга организовать снабжение метеостанций, а в случае отсутствия такового – через сеть других торговых организаций, находившихся в районе ГМС, по указанию местных органов Наркомпромторга СССР по существовавшим нормам для рабочих промышленности, транспорта и связи.

Краткий анализ деятельности системы гидрометеослужбы в Северо-Кавказском регионе свидетельствует, насколько сложным оказалась ее судьба в годы войны. Пришлось восстанавливать базу только после освобождения территории от врага. Особое внимание, конечно же, уделялось человеческому фактору. Нехватку кадров испытывали все метеостанции. Война отвлекала специалистов погоды, особенно тех, кто был на фронте, самоотверженно выполнял свой служебный долг перед родиной. До окончания войны трудной оставалась и служба военных метеорологов.

Примечания

1. Астафуров В.И. М.В. Ломоносов: для славы народа российского. М., 2001; Бугай Н.Ф. Метеоролог, историк: штрихи к портрету. М., 2017; Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 2003; Нездюрлов Д.Ф. Очерки развития метеорологических наблюдений в России. Л., 1969; Прямыцын В.Н. Отечественная гидрометеорология в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1921 гг.). СПб., 2018; Кароль Б.П. М.В. Ломоносов и метеорология. Л., 1961; Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). М., 1986.

2. Русин Н.П., Беспалов Д.П. Метеорологическая сеть и метод наблюдения // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. Л., 1967. С. 145–153; Бугай Н.Ф. М.В. Ломоносов: вклад в развитие метеорологии в Российской империи // «История... я обращаюсь в твои бойницы»: сб. к 75-летию Н.Ф. Бугая. М., 2016. С. 52–67; Он же. Метеорологи Юга России в местном социуме: обстановка военного времени. 1941–1950-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 4. С. 56–72; Смирнов В.А. Российские метеорологи и Первая мировая война (1914–1918 гг.) // Метеорология и гидрология. 2014. № 8. С. 85–89;

Федоров Е.К. Гидрометеослужба СССР в Великой Отечественной войне // Метеорология и гидрология. 1975. № 5. С. 3–8.

3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 51. Л. 124.

4. Гидрометслужба в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <http://www.meteorf.ru/about/history/vov/> (дата обращения: 05.01.2020).

5. Военная метеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. ст. СПб., 1995.

6. Лурье П.М., Панов В.Д. Гидрометеорологическая служба Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://www.meteorf.ru/about/history/memories/9328/> (дата обращения: 26.05.2019).

7. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. 725. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

Н.Д. Судацков

СЕВЕРОКАВКАЗЦЫ В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Движение Сопrotивления в странах Европы возникло с началом Второй мировой войны и было направлено против фашизма. Оно значительно расширилось после нападения гитлеровской Германии на СССР. В борьбу с фашизмом в Европе активно включались народы Северного Кавказа, оказавшиеся в странах, оккупированных Германией. Там они оказались разными путями: попали в плен, бежали из концентрационных лагерей, с места работы, куда их вывезли на работы в Германию с оккупированной территории СССР. Среди них были и те, кто поддался на фашистскую пропаганду и добровольно поехал в Третий рейх, но, хлебнув хваленной роскошной жизни, оказались в рядах борцов с фашизмом.

Установленный фашистами на оккупированных территориях в странах Европы так называемый «новый порядок» вызвал волну народно-освободительной борьбы, которая вошла в историю Второй

мировой войны как движение Сопrotивления. Попавшие в плен бойцы и офицеры Красной армии, в том числе и представители народов Северного Кавказа, не смирились со своим положением. Бежавшие из концлагерей, они вместе с местными патриотами вели героическую борьбу против гитлеровцев, оказывая помощь Красной армии и войскам союзников в изгнании врага.

Движение Сопrotивления составляло неотъемлемую, закономерную часть войны всех народов Европы против фашизма, чем объясняется непреходящий интерес к этой теме историков, публицистов и журналистов. Она затрагивалась как в обобщающих работах по истории республик Северного Кавказа, так и в исследованиях о Великой Отечественной войне. В книге «История Второй мировой войны» отмечается, что «история войн не знает примера, когда партизанское движение играло бы такую же большую роль, какую сыграло во Второй мировой войне. По своим размерам оно представляет собой нечто совершенно новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны. Партизанское движение, с годами постепенно усиливавшееся в России (СССР. – Н.С.), в Польше, на Балканах, а также во Франции и Италии, повлияло на характер всей Второй мировой войны» [1].

Оказавшись на оккупированной территории иностранных государств, многие советские люди, не задумываясь, вступали в борьбу с врагом. Они создавали партизанские отряды, подпольные группы, вливались в состав действующих отрядов сопротивления. В движении Сопrotивления, в партизанских отрядах, подполье они представляли собой внушительную силу. По далеко не полным данным в движении Сопrotивления на территории европейских государств воевали более 40 тыс. советских граждан, в том числе 5 тыс. в рядах итальянского движения сопротивления, 4 тыс. во Франции, более 3 тыс. в Чехословакии, 20 тыс. в Польше и в других странах. В Югославии сражались более 6 тыс. советских граждан, из них были сформировано 31 подразделение и одна бригада. Всего же они воевали в 188 частях Народно-освободительной армии Югославии [2].

Активное участие советских людей в партизанском движении и подполье в Европе способствовало более тесному сплочению антифашистских сил, усилению их ударов по врагу, оно существенно подрывало его военную мощь. В результате побед Красной армии и активизации действий англо-американских войск катастрофически упал международный авторитет фашистской Германии даже среди ее ярых приверженцев. Под влиянием борющихся патриотических сил находились миллионные массы населения поработанных фашизмом стран. Твердая, последовательная внешняя политика СССР развеяла все надежды фашистов ослабить консолидацию сил антифашистского лагеря.

Для Восточной Европы одним из важных направлений в борьбе с фашизмом были рейды советских партизан с территории Белоруссии, Украины на территории сопредельных государств, оккупированных фашистами, – Польши, Чехии, Словакии, которые широко использовались в период активного наступления войск советской армии и освобождения территории СССР. Даже в концлагерях многие северокавказцы, как и другие советские люди, не теряли присутствия духа, продолжали борьбу за свободу и победу.

Больше всего сражавшихся в движении Сопrotивления советских людей было в Польше. Так как она оказалась одной из первых стран, подвергшихся нападению Германии и испытавших все ужасы фашистского владычества, именно здесь раньше, чем в других странах, началось движение Сопrotивления, которое со временем набрало силу. С территории Польши наносился главный удар по СССР с началом Великой Отечественной войны. На территории Польши была создана многочисленная сеть концентрационных лагерей для военнопленных и гражданского населения. Бежавшие из поездов, концлагерей военнопленные, в также граждане, вывезенные с оккупированной территории СССР для работы в Германии, активно включались в борьбу с фашизмом.

Пользуясь поддержкой местного населения, успешные боевые действия вели на территории Польши советские партизанские отряды «Володи», майора «Васильевича», «Казика», «Сокола», «Лешки», «Андреева». О них хорошо известно в Польше и СССР. В партизанских отрядах охотно ставили командирами подразделений советских людей.

Так, тремя из пяти боевых групп польского отряда Гвардии Людовой командовали советские партизаны «Михайло-осетинец», «Семен» и «Рябой». К сожалению, подлинные имена и фамилии многих сражавшихся здесь советских людей до сих пор остаются неизвестными, но боевые дела обессмертили этих бойцов, оставили неизгладимый след в сердцах польских трудящихся.

В сентябре 1944 г. в составе Гвардии Людовой были сформированы 10-я бригада «Звиценство» («Победа») в составе 300 человек под командованием Н. Донцова и 11-я бригада «Вольносьц» («Свобода») численностью 200 человек во главе с лейтенантом С. Рященко. Объединенное командование возглавил полковник Т.Ф. Новак, который до этого руководил Ровенским подпольным горкомом ВКП(б). К концу сентября численность бригад достигла 1100 человек и на 85 % они состояли из советских партизан, действовавших на линии Коньске – Стараховице – Островец [3].

Своим мужеством и самоотверженностью северокавказцы снискали уважение народов, боровшихся против фашизма. Имена многих из них навечно вошли в историю европейского движения Сопротивления. Некоторые стали национальными героями ряда европейских стран. Среди них дагестанцы Гасан-Гусейн Камалов, Шахбуба Меджидов, сражавшиеся в Италии, Гусейн Кушаев, воевавший во Франции, Магомед Батыров – в Греции и Югославии.

В 1939 г. Гасан-Гусейн Магомедович Камалов из аула Читур Лакского района Дагестана был призван в Красную армию и вскоре оказался направлен в артиллерийское училище в Батуми. В начале Великой Отечественной войны он командовал взводом 950-го артиллерийского полка. В одном из боев старший лейтенант Г. Камалов был тяжело ранен. В 1942 г. после госпиталя его демобилизовали, и он вернулся в родной аул. Но офицер Г. Камалов рвался на фронт. Окрепнув, он через три месяца обратился в райвоенкомат с просьбой отправить его на фронт и вскоре оказался в действующей армии. В 1944 г. он попал в плен. Немцы попытались завербовать его в Русскую освободительную армию, но он категорически отказался. Его отправили в концентрационный лагерь в Южной Германии. Там с группой военнопленных он бежал и оказался в Италии, где вступил в ряды партизан в состав бригады «Тарзан» дивизии «Фи-

амее верди» («Зеленое пламя»). В нее весной 1944 г. влилось много советских военнопленных, совершивших побеги из концлагерей. Капитан Гасан Камалов отважно сражался с врагом, вместе с итальянскими патриотами участвовал во многих боевых операциях: добывал оружие, боеприпасы, взрывал железнодорожные эшелоны, уничтожал вражеские гарнизоны. Но подвиг, совершенный им в апреле 1945 г., стал бессмертным. Во время Миланского восстания Г. Камалов командовал отрядом советских партизан в составе 32 человек, участвовал совместно с итальянцами в освобождении важных населенных пунктов, в том числе Сарнико, Палаццоло, Кари, Грумелло и Понтольо. В 20-х числах апреля 1945 г. всеобщее восстание партизан стало расширяться с невиданной силой. Они освободили важный промышленный центр Северной Италии – Палаццоло. В боях за освобождение Палаццоло была захвачена в плен немецкая колонна численностью более 3,5 тыс. человек. Командир бригады Бертоли Томасо и его боевые товарищи – комиссар Камотти Паоло, полковник Джоварини Джузеппе, капитан Камал Гасанов и другие в дни борьбы за освобождение Милана от оккупантов действовали решительно и самоотверженно.

В зоне, где действовали партизаны «Тарзана», восстание началось 24 апреля вечером. Решительным штурмом они сразу же заняли муниципалитет Брежна, здание городской управы. Сразу после этого они отправились освобождать другой населенный пункт. Немцы упорно сопротивлялись. Партизаны действовали на подступах к городу Ровата и героически отражали атаки двухтысячной, мощно оснащенной вражеской колонны. В этом неравном бою погибли 13 партизан: фашисты схватили их, пытали, а затем расстреляли. Среди них был и капитан Гасан Камалов.

Высоко оценил подвиг партизан мэр города Понтольо Б. Скиварди, представивший их к награде Золотой медалью. Говоря о самопожертвовании 13 партизан, он писал: «Жертва жизни вознесла их к славе, подобной времени “Рисерджименто” (эпоха воссоединения Италии), когда люди встали против тирании за освобождение Италии. Под каким бы политическим флагом они ни сражались, цель была одна: освобождение от лжи и насилия». Итальянцы у крепости Гремелло, где погибли 13 партизан, воздвигли им памятник, чтобы их подвиг

стал вдохновляющим примером для будущих поколений как символ мужества, героизма и дружбы народов [4].

В конце 1942 г. из немецкого эшелона, шедшего в направлении штрафного лагеря, находившегося в Лотарингии, бежала большая группа советских военнопленных, в их числе лейтенант Александр Макиев из Северной Осетии. Оказавшись в движении Сопротивления Франции, он бесстрашно сражался с врагом и стал одним из лидеров партизан. Поэтому не случайно, когда в апреле 1944 г. командование партизан Франции в департаменте Дордонь сформировало отряд партизан, его командиром был назначен А.И. Макиев, больше известный как «Саша Хетагуров». Его отряд, нанося удары по тылам противника, оказал существенную помощь союзникам, высадившимся во Франции в июне 1944 г. и открывших второй фронт. Отважно сражались в отряде и другие уроженцы Осетии – Иван Пелпенко, Виктор Алексеев, Харитон Гиголаев, Григорий Кесаев, Сергей Тигиев и другие. Их мужество и героизм были высоко оценены французами. А.И. Макиев был награжден высшими наградами Франции – орденом Почетного легиона и Военным крестом с серебряной звездой [5].

Во время празднования освобождения Франции в г. Бордо отряд «Саши Хетагурова» был удостоен чести идти первым в колонне парада, который принимал генерал де Голль. Успехи его партизанского отряда были отмечены Пленумом ЦК Французской коммунистической партии. Ни одна союзная армия не удостоилась во Франции такого почета, как отряды советских партизан. 2 июня 1945 г. при отправке их из Марселя на родину в честь них был выстроен почетный караул на протяжении 30 км, а девушки на всем пути бросали советским партизанам цветы [6].

Большую помощь партизанам, движению Сопротивления оказывали советские летчики. В июне 1943 г. была сформирована 105-я отдельная гвардейская авиационная эскадрилья особого назначения. С начала войны и до дня Победы ее машины летали в глубоком тылу врага – за Бугом, Днестром, Дунаем, над Шпрее и Рейном. В любых метеорологических условиях пилоты эскадрильи ночью совершали боевые вылеты. В их задачу входило десантирование партизанских и разведывательных групп и отрядов, обеспечение их всем необходимым для боевой деятельности. В годы войны в сводках

Совинформбюро о подвигах летчиков-гвардейцев не сообщалось, но вклад их в общее дело победы над врагом был весьма весомым. Гвардейцы-пилоты вывезли из тыла врага сотни раненых партизан и разведчиков, десантировали значительное количество отрядов, групп народных мстителей, перебросили сотни тонн боевых грузов для обеспечения партизан.

Большое мужество и героизм проявляли советские летчики, летавшие в тыл для оказания помощи партизанским отрядам, выполняя ответственные поручения командования. Каждый вылет в глубокий тыл врага был подвигом, где оружием пилота было высокое мастерство, а союзниками – темная ночь и непогода. Не случайно все наиболее ответственные и опасные задания поручались мастерам ночных полетов и точного выхода на партизанские огни. В 1944 г. был мощный подъем освободительной борьбы народов Югославии. Германское командование приняло ряд мер по его подавлению. В Югославию были переброшены дополнительные контингенты войск. Советское командование значительно увеличило оказание помощи Народно-освободительной армии Югославии, организовав регулярную переброску вооружения, боеприпасов, продовольствия.

В этих операциях хорошо проявил себя пятигорчанин летчик Борис Калинин. Ему пришлось участвовать в эвакуации руководителей национально-освободительного движения Югославии, когда в 1944 г. гитлеровцы высадили десант в районе Дрвара. Перед летчиками была поставлена задача вывезти руководство из окружения. В труднейших условиях горной местности, проявив особый героизм и находчивость, летчики блестяще выполнили рискованную и ответственную задачу. Трех советским летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза, в том числе пятигорчанину Б.Т. Калинин. Они также были удостоены звания Народного героя Югославии [7].

Немногие иностранцы, сражавшиеся с фашистами на итальянской земле, удостоились такой высокой чести, какой удостоился сын Кабардино-Балкарии Иван (Наоло) Барановский. За подвиги в боях с итальянскими и немецкими фашистами его посмертно наградили серебряной медалью коммуны Альяпы, а на площади города Альяпы провинции Пиетоа боевые друзья поставили ему гранитный памятник [8].

Самоотверженная борьба советских патриотов на польской земле проходила в сложных условиях антисоветской пропаганды, проводившейся эмиссарами польского эмигрантского правительства и реакционных буржуазных партий. Но большинство польского народа хорошо разбиралось в том, кто его друг, а кто враг, и с глубокой благодарностью относилось к своим советским братьям, не жалевшим крови и жизни для победы над общим врагом.

С исключительным мужеством и отвагой сражался за свободу югославского народа пятигорчанин А.А. Болотов. За боевые подвиги на советской земле лейтенант Болотов был награжден двумя орденами, но в 1943 г. раненым попал в плен. Его отправили в Югославию. Советский патриот бежал из Бродского лагеря военнопленных к югославским партизанам. Вскоре его назначили командиром 1-й отдельной русской роты 8-й Ударной Краинской бригады Народно-освободительной армии Югославии, и вместе с ней он прошел славный боевой путь через всю страну. В Боснии, Хорватии, Черногории, Сербии рота А. Болотова громила гитлеровцев и усташей – предателей югославского народа. В одной из операций Анатолий Болотов с боевыми товарищами захватил на станции Скопле фашистский бронепоезд «Принц Эуген». Командир бронепоезда, застигнутый врасплох, приказал своим солдатам сложить оружие. Из орудий и пулеметов бронированной крепости болотовцы шквальным огнем уничтожили скопившиеся на путях эшелоны с гитлеровскими солдатами и офицерами и, взорвав бронепоезд, скрылись в лесу. В жестоком бою за Клашницу в сентябре 1944 г. А. Болотов был тяжело ранен и лишился ноги. Но братский югославский народ не забыл подвигов русского офицера. В 1945 г. в торжественной обстановке в Белграде маршал Иосип Броз Тито вручил Анатолию Болотову четыре югославских ордена: два «Партизанской звезды» и два «За храбрость». Спустя более двадцати лет герой был удостоен еще двух наград: высшего ордена Югославии «За заслуги перед народом» и ордена «За храбрость» [9].

В концлагерях нередко настоящими борцами с фашизмом проявляли себя медицинские работники, оказавшиеся за колючей проволокой. Среди них был Ф.И. Врублевский – уроженец Ставрополя. После средней школы он поступил в Астраханский медицинский институт, после окончания которого работал в г. Горьком хирургом

областной клинической больницы и ассистентом кафедры нормальной анатомии мединститута. В июле 1941 г. был призван в действующую армию и работал в госпитале. Под г. Вязьмой дивизия попала в окружение, и он оказался в плену. В концлагерях Ф. Врублевскому пришлось пробыть до окончания войны. В начале его отправили в лагерь Гогенштейн, где он лечил узников. Вскоре ему с тремя товарищами удалось бежать из лагеря через подкоп, сделанный под полом дезинфекционной камеры. Их поймали только на оккупированной территории СССР, под Пинском. После этого ему удалось совершить еще один побег, также оказавшийся в итоге неудачным. Врублевский и еще несколько человек выпрыгнули из вагона поезда, который вез их обратно в Германию. Там его разместили в лагере смерти Дахау, где он повел решительную борьбу с фашистами. Вскоре его знал весь Дахау. Многие заключенные его искренне полюбили. Будучи высококлассным хирургом, мастером высшего класса, он был предельно скромным, человеком редкого мужества и доброты. Ф.И. Врублевский, рискуя жизнью, делал все возможное и невозможное для спасения людей: освобождал от каторжного труда измученных лагерников, был агитатором, распространял сводки Совинформбюро. Доктор Врублевский, оказавшись в немецком плену, не хотел сдаваться, он продолжал лечить людей и надеялся освободиться из плена. В Дахау его называли Шварцдок – «чёрный доктор» – по цвету волос. Вскоре у него появился помощник – польский паренек Франтишек. Врублевский и Франтишек спрятали и вывели генерала Михайлова и многих других. «Шварцдок» использовал и право освобождать людей от работы, и люди надеялись на него. Тех, кто совсем обессилел от тяжелого труда, кто вызвал гнев эсэсовцев, он забирал в лазарет, пугая немцев эпидемией тифа. Ф. Врублевский понимал, что если обман раскроется, ему грозит смерть. Были случаи, когда доктору удавалось подменить приговоренных к смерти.

Освободили Дахау 29 апреля 1945 г. Здесь были убиты 70 тыс. человек. Из тех, кто дожил до свободы, многие потом говорили, что сохранить им жизнь и не впасть в отчаяние помогали врачи из числа таких же узников. Среди этих докторов, помогавших людям в таких тяжелых условиях, они называли имя доктора Федора Врублевского. Освободившись из лагеря, он всю жизнь отдал медицине [10].

Советские патриоты в годы Второй мировой войны внесли достойный вклад в движение сопротивления в Европе, в противостоянии германскому фашизму и его союзникам.

Примечания

1. Итоги Второй мировой войны: сб. статей / пер. с нем. М., 1957. С. 135.
2. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 234–235.
3. Семиряга М.И. Советские люди в Европейском Сопротивлении. М., 1970. С. 50.
4. Бабаев А.-М.Б. Дагестанцы – участники партизанской борьбы и движения сопротивления в 1941–1945 гг. Махачкала, 2002. С. 96–975.
5. История Северной Осетии: XX век. М., 2003. С. 364–365.
6. Там же. С. 365.
7. Мы победили. (Пятигорск и пятигорчане в годы Великой Отечественной войны). Пятигорск, 2005. С. 84.
8. История Кабардино-Балкарии. Т. 2. М., 1967. С. 275.
9. На огненной черте. Ставрополь, 1967. С. 133.
10. Аргументы и факты. 2016. № 45. 9 ноября.

О.И. Кускарова

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С древнейших времен Кавказ соединял между собой Европу и Ближний Восток, был необходимым плацдармом для успешных походов европейских и восточных завоевателей. В новейшее время стратегическое значение кавказского региона возросло в связи с открытием огромных залежей минерального сырья (в том числе нефти), являющегося ключевым компонентом индустриальной эпохи. Возможный захват Кавказа немецкими войсками поставил бы СССР в исключительно сложные условия ведения войны, лишив страну в тяжелое время основной массы нефти, газа, марганцевой руды, молибдена, вольфрама, а также крупнейшей продовольственной и ку-

рортной баз. И напротив, по мере крушения стратегии «молниеносной войны», проблема снабжения германской моторизованной армии горючим принимала всё более острые формы, а уже весной 1942 г., по признанию Гитлера, стала угрожать катастрофой.

Битве за Кавказ, как одному из наиболее важных сражений Великой Отечественной войны, посвящена обширная исследовательская и мемуарная литература. Она отличается высоким уровнем военно-исторического анализа происходивших событий, широким привлечением архивного материала.

Летом 1942 г. немецко-фашистские войска развернули массированное наступление на южном фронте, стремясь захватить Кавказ, Придонье, Нижнюю Волгу и Кубань – самые богатые и плодородные земли СССР. Сражение за Кавказ разворачивалось в чрезвычайно сложной обстановке. В этих условиях весь советский народ встал на защиту своего Отечества. Вместе со всей страной в этом движении активное участие принимали трудящиеся Северо-Кавказского региона. При этом в борьбе против агрессора были мобилизованы все силы и средства, а также проявились дружба и единство всех народов СССР.

Великая заслуга в достижении экономической победы над врагом принадлежала труженикам тыла, героическому рабочему классу. Выполняя боевые заказы фронта, рабочие трудились с исключительным напряжением сил, сутками и неделями не выходили из цехов. Питание было скудным. Не хватало самого необходимого. Но никто не жаловался на трудности. Люди в тылу боролись за победу с такой же самоотверженностью, как бойцы на фронте. Трудовой подвиг совершило население Северного Кавказа, строившее оборонительные сооружения, и работники железной дороги, обеспечивавшие бесперебойную переброску войск, эвакуацию раненых и оборудования.

На Кавказе, как и по всей стране, с началом войны значительная часть квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров были призваны в ряды Красной армии или ушли на фронт добровольцами. Их рабочие места заняли женщины, подростки и ветераны труда, вернувшиеся на производство в тяжелые для Родины дни. Только за первые шесть месяцев Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии после окончания специальных курсов новые профессии получили более 3000 девушек [1]. В Ставропольском крае

в июне – августе 1941 г. были проведены дополнительные приемы молодежи в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), железнодорожные и ремесленные училища. Согласно постановлению Краснодарского крайкома ВКП(б) от 28 октября 1941 г., был осуществлен досрочный выпуск 1000 учащихся ремесленных и железнодорожных училищ края набора 1940 г. Молодые рабочие сразу же направлялись на оборонные предприятия края. Ровно через месяц на Кубани был произведен досрочный выпуск учащихся всех школ системы фабрично-заводского обучения. К станкам пришли подростки, заменившие ушедших на фронт мужчин [2].

В Северо-Осетинской АССР работницы лесозавода «Красное знамя» столицы республики заменили всех ушедших в Красную армию столяров, маляров, слесарей и других работников. По инициативе партийных органов они обратились ко всем женщинам с призывом: «Идите на фабрики, заводы, в колхозы, становитесь за штурвалы комбайнов, садитесь за руль тракторов и других машин, овладевайте специальностями, работайте по-стахановски, крепите мощь нашей Отчизны, укрепляйте тыл» [3]. С промышленных предприятий Дагестанской АССР в первый месяц войны ушли на фронт около 8 тысяч квалифицированных рабочих и инженерно-технических служащих. Их заменили женщины и подростки. Основной формой переподготовки и подготовки новых кадров в республике стало индивидуальное и бригадное обучение непосредственно в цехах и мастерских [4].

Местная власть организовала на всех промышленных предприятиях Северного Кавказа многочисленные патриотические инициативы. Их главной целью стало значительное перевыполнение плановых заданий, внедрение в производство рационализаторских предложений, появление новых форм стахановского движения. Все это, несмотря на огромные трудности, позволило промышленным предприятиям региона не только успешно выполнить, но и перевыполнить производственный план первого года войны. К примеру, в Кабардино-Балкарии по сравнению с 1940 г. выпуск валовой продукции к концу 1941 г. был увеличен на 10,8 % [5].

В столице Северной Осетии уже на третий день Великой Отечественной войны 80 женщин обратились в партком завода «Электротрактор» с просьбой использовать их в качестве резервной рабочей

бригады для выполнения любого производственного задания. В Ставрополе с началом войны рабочие завода «Красный металлист» стали работать по 18–20 часов в сутки, не уходя с рабочих мест до полного выполнения плановых заданий [6].

В Дагестане с первых дней войны на промышленных предприятиях развернулось патриотическое движение за выполнение двух и более норм. В июле 1941 г. на заводах и фабриках Махачкалы насчитывалось 186 двухсотников (работников, выполнявших две нормы), в августе – свыше 300, а в сентябре около 1000 рабочих регулярно выполняли по две-три производственные нормы в день. На всю республику прогремело имя коммуниста токаря Ф. Эюбова, который на одном из предприятий Махачкалы в августе 1941 г. довел выработку нормы до 1075 %. Ему удалось этого добиться благодаря рациональному изменению технологического процесса. Токарь С. Магомедов, выполняя ответственный фронтовой заказ, несколько суток не выходил из цеха, выполняя по 15 норм в день [7].

Столь же самоотверженно в начале Великой Отечественной войны трудилось и колхозное крестьянство Северного Кавказа. Необходимо отметить, что северокавказское село даже в большей степени, чем промышленность региона, лишилось рабочих рук из-за ухода на фронт мужчин. Кроме того, значительная часть тракторного и автомобильного парка, а также конского поголовья колхозов и совхозов была направлена в действующую армию. С началом войны ухудшилось снабжение сельского хозяйства горюче-смазочными материалами и различными видами удобрений. Поэтому сельским труженикам необходимо было работать в экстремальных условиях.

Как свидетельствуют документы и статистика военных лет, женский труд в сельскохозяйственной отрасли стал в годы Великой Отечественной войны основным. По всему Северному Кавказу с первых же дней войны широкое развитие получило патриотическое движение по обучению женщин работе на тракторах, комбайнах, грузовых автомобилях и другой технике. К примеру, если в Кабардино-Балкарии в довоенное время на тракторах работало 132 женщины, то уже осенью 1941 г. на полях республики за рычагами тракторов и штурвалами комбайнов трудились 732 женщины [8]. В Ставропольском крае многие колхозницы встали на рабочие места своих

мужей, братьев, отцов. Так, жена известного в крае комбайнера Урожайненской машинно-тракторной станции (МТС) Левокумского района Русанова, заняв место своего мужа на комбайне, успешно справлялась с его работой [9].

В Ставропольском крае на конец сентября 1941 г. обучались 6931 женщина на краткосрочных курсах механизаторов. В течение зимы 1941–1942 гг. в Ставропольском крае были обучены 25,5 тыс. трактористок [10]. В Краснодарском крае из Дядьковской МТС Кореновского района по мобилизации ушли в армию 29 комбайнеров. Все они сразу же были заменены женщинами, имевшими опыт работы на комбайнах. Еще 104 женщины обучались на ускоренных курсах трактористок при МТС. Кроме того, на каждый трактор в районе было прикреплено по одной женщине, которые работали без отрыва от производства, одновременно обучаясь навыкам вождения трактора. В результате самоотверженного труда работников сельского хозяйства Кубани уже к 20 июля 1941 г. в крае было убрано 76,4 % всех зерновых культур, в два раза больше, чем в 1940 г. В Адыгейской автономной области до начала ноября 1941 г. были подготовлены 400 трактористов, в том числе 326 женщин [11].

В Северо-Осетинской АССР только за первые 10 месяцев Великой Отечественной войны количество женщин-трактористок увеличилось на 317 человек. Женщины привлекались и на руководящие должности в сельском хозяйстве республики. В первые месяцы войны 185 женщин были выдвинуты на различные управленческие посты в колхозах [12]. Итоги уборочной страды 1941 г. показали, что женщины, заменившие мужчин на многих участках сельскохозяйственных работ, справлялись с новым делом успешно. Уже к 10 августа 1941 г., на 10 дней раньше, чем в 1940 г., полностью была закончена уборка зерновых культур, хотя уровень механизации снизился, а доля ручного труда, напротив, значительно увеличилась.

В Дагестанской АССР, несмотря на нехватку опытных механизаторов и техники, летом 1941 г. уборка урожая зерновых культур прошла успешно. По всей республике уборочные работы прошли в предельно сжатые сроки. Если в 1940 г. к 1 августа было обмолочено 36,2 % всех зерновых культур, то к этому же сроку в 1941 г. – 60,2 %. Государству было сдано хлеба в 3 раза больше, чем в последнем предвоенном году

[13]. Эти успехи были достигнуты во многом благодаря активному участию женщин в сельскохозяйственном производстве.

В проведение сельскохозяйственных работ стала активнее вовлекаться молодежь и подростки. На уборке богатого урожая летом и осенью 1941 г. в Кабардино-Балкарской АССР работало 150 молодежно-фронтовых звеньев [14]. По инициативе комсомольских организаций Ставропольского края весной 1942 г. во всех регионах страны было развернуто Всесоюзное социалистическое соревнование женских тракторных бригад за своевременную подготовку к весеннему севу. Они обязывались провести все полевые работы в короткие сроки и с высоким качеством, а также собирались сэкономить не менее 5 % горюче-смазочных материалов на каждый трактор [15].

В военное время значительно выросла интенсификация труда в сельском хозяйстве. Зарождалась она по двум направлениям. Во-первых, руководство СССР с началом Великой Отечественной войны приняло целый ряд указов и постановлений по данному вопросу, а во-вторых, сами труженики, настроенные патриотически, добровольно брали на себя повышенные трудовые обязательства [16]. В Ардонском районе Северо-Осетинской АССР все комбайнеры работали на уборке зерновых культур круглосуточно. Колхозники сельхозартели «Труд Сталина» закончили уборку зерна всего за 6 рабочих дней [17]. В 1941 г. все колхозы Изобильненского района Ставропольского края провели уборку урожая за 17 рабочих дней. Отметим, что в предвоенном 1940 г. при более значительных людских ресурсах и более высокой степени механизации труда уборочная страда продолжалась 41 рабочий день [18].

Кроме того, труженики сельского хозяйства Северного Кавказа значительную часть собранного урожая, предназначенную для трудодней, направляли в Фонд обороны страны. На Ставрополье самым распространенным способом участия колхозников в этом почине стало перечисление в Фонд обороны двух или трех трудодней ежемесячно. Кроме того, в крае комсомольцы засевали десятки тысяч гектар земли в счет Фонда обороны [19].

Таким образом, помощь жителей Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны выражалась в самых различных формах.

Все слои населения Северо-Кавказского региона приняли активное участие в оказании помощи фронту. Рабочие, колхозное крестьянство, служащие и трудовая интеллигенция проявляли высокое гражданское самосознание и патриотизм. Участие населения в оказании помощи фронту внесло значительный вклад в дело разгрома врага и поднятие морального духа Красной армии.

Примечания

1. История Кабардино-Балкарской АССР. В 2 т. Т. 2. М., 1967. С. 242–243.
2. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Краснодар, 2000. С. 105.
3. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Владикавказ, 1992. С. 23.
4. История Дагестана. В 3 т. Т. III. М., 1968. С. 351.
5. История Кабардино-Балкарской АССР. С. 242–243.
6. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. С. 353.
7. История Дагестана. Т. III. С. 352.
8. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 2. С. 244.
9. Мещерякова А.В., Линец С.И. Сельское хозяйство Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятигорск, 2006. С. 51.
10. Климова Н.Ю., Линец С.И. Трудовой и ратный подвиг молодежи Ставрополя в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятигорск, 2006. С. 40.
11. Кубань в годы Великой Отечественной войны. С. 30–31.
12. Худалов Т.Т. Указ. соч. С. 43.
13. История Дагестана. Т. III. С. 359
14. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 2. С. 244.
15. Климова Н.Ю., Линец С.И. Указ. соч. С. 41.
16. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 2. С. 244.
17. Худалов Т.Т. Указ. соч. С. 25.
18. Мещерякова А.В., Линец С.И. Указ. соч. С. 51.
19. Там же. С. 57.

М.И. Жбанникова**БОРЬБА ЗА УРОЖАЙ ЗЕРНА 1941 г. В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО
ПОЛОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам донских архивов)**

Урожай зерновых на территории Ростовской области в 1941 г. обещал быть хорошим, труженики колхозов, совхозов и МТС сделали все для этого и ждали самого главного для хлеборобов – уборки урожая и вывоза его с полей на ссыпные пункты, элеваторы. Предстояло не только рассчитаться с государством по обязательным поставкам, но и накормить жителей хуторов, станиц и городов области, создать запас кормов для животноводства и птицеводства. Однако 22 июня 1941 г. мирный труд советских граждан был прерван нападением фашистской Германии на СССР. Уже в первый день Великой Отечественной войны в Ростовской области было объявлено военное положение. На фронт мобилизовали практически все мужское население, автотранспорт и трактора. Основной труд ложился на плечи женщин и подростков, а главным транспортом в уборочную пору стали лошади, быки и волы.

В это сложное время для страны партийные и советские органы взяли на себя ответственность за создавшееся положение с уборкой хлеба в совхозах и колхозах области. 30 июня 1941 г. бюро обкома ВКП(б) на своем заседании рассматривает вопрос «О дополнительных мероприятиях по подготовке и проведению уборки урожая в колхозах и совхозах области в связи с войной» и принимает по нему решение под грифом «строго секретно», в котором говорилось: «Уборка большого урожая, в условиях войны с германским фашизмом, должна быть проведена в самые сжатые сроки, без каких-либо потерь и с соблюдением жесточайшей экономии горючего и ма-сел. <...> Также необходимо в самом срочном порядке продумать, разработать и ввести в уборочные планы колхозов максимальное применение ручной уборки хлебов косами и серпами. Чрезвычайно важной и сложной задачей является полное сохранение от порчи всего намолоченного зерна и своевременное скирдование хлебов, скошенных простыми машинами» [1]. В документе также говорилось, что предстоящая уборка большого урожая хлебов будет проводиться с серьезными трудностями из-за сложившейся обстановки.

«В целях безусловного преодоления всех затруднений» бюро обкома ВКП(б) постановило областному земельному отделу и директорам совхозных трестов немедленно провести работу по равномерному распределению тракторов и автомашин в МТС и совхозах, обязало секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов «с началом уборки провести работу по привлечению на уборку хлебов всего трудоспособного населения станиц, сел, хуторов, МТС, совхозов и колхозов», а также студентов и учащихся 8–10 классов средних школ городов, «направляя их в районы (колхозы и совхозы) компактными группами, вместе с преподавателями», обеспечив их соответствующими бытовыми условиями, общественным питанием и необходимым сельхозинвентарем для работы в поле [2]. МТС и колхозы обязаны были в пятидневный срок полностью подготовить весь уборочный конный и ручной сельхозинвентарь, обеспечить круглосуточную работу мастерских и кузниц, организовать специальные группы косарей и жнецов, обеспечить полностью потребности колхозов и совхозов в ручных косах, серпах, ручных граблях и вилах. Весь скошенный ручными косами и серпами хлеб обязательно должен быть связан в снопы и сложен в крестцы.

7 июля 1941 г. на объединенном заседании бюро обкома ВКП(б) и облисполкома рассматривался вопрос «О государственном годовом плане хлебозаготовок на урожай 1941 г.», согласно плану, представленному постановлением СНК СССР. Были установлены планы хлебосдачи по каждому совхозу, исходя из утвержденного плана по системам [3]. Исполком областного совета и бюро обкома ВКП(б) особо подчеркивали, что «военное положение требует того, чтобы хлебозаготовки из урожая 1941 г. провести организованно и в максимально сжатые сроки. Партийные, советские, заготовительные и земельные органы обязаны обеспечить выполнение плана решительными мерами. Каждая досрочно заготовленная тонна хлеба – это решительный удар по фашистским стервятникам. Каждая досрочно заготовленная тонна хлеба есть основа своевременного и полного снабжения нашей славной Красной Армии, Военно-Морского Флота, Авиации и рабочих оборонительных заводов» [4].

В этот же день обкомом ВКП(б) рассматривался вопрос «О первых днях уборки хлеба», по результатам которого было принято строго

секретное решение. В нем отмечалось, «что в колхозах районов, вступающих в уборку хлеба, проявляется высокая организованность и активность колхозников, рабочих МТС, специалистов и руководителей сельского хозяйства в уборке хлеба нового урожая» [5].

Вместе с тем бюро обкома ВКП(б) отмечало следующие недостатки. Руководители отдельных колхозов Сальского, Кагальницкого, Песчанокопского, Азовского районов упускали время начала уборки зерна, ожидая пока полностью не вызреют большие массивы: «Некоторые председатели колхозов до сих пор не понимают, что надеяться только на механическую уборку хлеба в данный момент нельзя, и не пускают своевременно в работу тягло и простые уборочные машины, требуя, чтобы весь хлеб был убран комбайнами, а если и лобогрейками, то на тракторной тяге» [6]. Были случаи, когда уборочные машины оказались отремонтированными неудовлетворительно. Так, в колхозе «Восточная заря» Песчанокопского района из 20 лобогреек 4 оказались неотремонтированными. В отдельных колхозах Сальского, Азовского, Песчанокопского и других районов наблюдались случаи позднего выхода на работу, причем «наступившие лунные ночи не используются полностью для уборочных работ» [7]. В Песчанокопском районе в колхозах «Мировой Октябрь», им. Буденного подростки не были привлечены к полевым работам.

Бюро обкома ВКП(б) постановило принять меры к тому, чтобы во всех колхозах работа в поле проходила полный световой день: «Организовать ее в лунные светлые ночи (косить, вязать, скирдовать). Работающие в степи должны ночевать в полевых станах. Привлечь к работе в колхозах подростков, юношей и девушек» [8]. Было решено «перенести центр политико-воспитательной работы на живую, доходчивую агитацию в полеводческих и тракторных бригадах, используя для этого лучших агитаторов и такие виды агитации, как плакаты, стенгазеты, транспаранты, лозунги» [9].

11 июля 1941 г. бюро обкома ВКП(б) принимает под грифом «строго секретно» постановление «О развертывании хлебосдачи в Кагальницком, Александровском и Азовском районах». Обком ВКП(б) отмечал, что колхозы Кагальницкого района «Заветы Ильича», «Новый мир», «Коминтерн» и другие с первых же дней уборки развернули сдачу хлеба государству в счет хлебопоставок и натуро-

платы: «В то же время многие колхозы Азовского и Александровского районов, полностью вступившие в уборку, все еще продолжают “раскачиваться”. <...> Учебно-опытный совхоз в первый день хлебосдачи доставил на элеватор зерно, зараженное клещом и рыжим мукоедом. Эти случаи показывают, что наряду с общим небывалым патриотическим подъемом колхозных масс, стремящихся быстро и без потерь убрать хлеб и досрочно выполнить первую заповедь – хлебопоставки, имеются еще элементы благодушия и самоуспокоенности в этом деле» [10]. Бюро обкома ВКП(б) постановило немедленно устранить недостатки в хлебосдаче и принять меры к форсированному вывозу хлеба на заготовительные пункты, организовав социалистическое соревнование звена со звеном, бригады с бригадой, колхоза с колхозом [11].

Помимо проблемы заражения зерна вредителями и клещами, стоял еще вопрос охраны урожая от немецких диверсантов и парашютистов, которые с помощью зажигательных смесей могли наносить вред колхозам и уничтожать запасы урожая. В связи с этим ростовский облисполком принял решение № 6 «О предохранении урожая от пожаров», призывавшее создавать группы для охраны урожая, а также делать прокосы в 3–5 м, чтобы огонь не мог уничтожить всё поле, и, конечно же, сразу увозить хлеб на элеваторы [12].

Под грифом «строго секретно» было принято решение по вопросу «Об обмолоте хлебов», рассмотренное на заседании бюро обкома ВКП(б) 18 июля 1941 г. В нем говорилось следующее: «Бюро обкома ВКП(б) отмечает, что районы, полностью вступившие в уборку хлебов, правильно поняли задачи, вытекающие из условий военного времени, и лучше прошлогоднего проводят уборку урожая, особенно простейшими уборочными машинами. Однако многие районы области не сумели наряду с уборкой организовать обмолота хлеба, скошенного лобогрейками и другими уборочными машинами. Так, в Александровском районе простыми уборочными машинами убрано 6400 га, но еще не обмолочено ни одного гектара, в Азовском районе скошено 7960 га, а обмолочено только 42 га, в Неклиновском районе скошено 7780 га, а обмолочено 31 га, в Мечетинском районе скошено 11 120 га, к обмолоту еще не приступали, в Целинском районе скошено 14 450 га, но к обмолоту также еще не приступали» [13].

В августе 1941 г. погода в Ростовской области была дождливой, что сказалось на уборке зерновых: в районах создалось неблагоприятное положение с уборочными и посевными работами. 13 августа бюро обкома ВКП(б) и облисполкома на совместном заседании приняли решение обязать райисполкомы и райкомы ВКП(б) «для быстрого исправления положения»:

«<...> 5. Не допускать скопления зерна под открытым небом, а принимать меры к завозу его под навесы, в базы и другие помещения, не допускать, чтобы хлеб, лежавший на токах, подмокал и портился.

<...> 11. Проверить, везде ли своевременно и тщательно взвешивается хлеб, поступающий из-под комбайнов и молотилок, не допускать скопления на токах не взвешенного хлеба, руководителей колхозов, уклоняющихся от взвешивания хлеба, надо сурово наказывать. Проверить также постановку отправки хлеба на элеваторы и пресечь всякие возможности к расхищению хлеба при транспортировке его на элеваторах» [14].

В середине августа 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР направили в обком ВКП(б) и облисполком Ростовской области письмо, с указанием, что область сдала хлеба меньше в текущем году, чем в прошлом за такой же период. ЦК ВКП(б) и СНК СССР посчитали это свидетельством того, что работа по вывозу хлеба не перестроена на военный лад, и потребовали в ближайшее время выполнить государственную поставку зерна по нормам, выделенным области [15]. В связи с полученным указанием 20 августа бюро обкома ВКП(б) и облисполкома на совместном заседании приняли объединенное решение «обязать райкомы ВКП(б) и райисполкомы немедленно осуществить все эти мероприятия, памятуя, что при сложившихся условиях – вывоз хлеба является самой срочной, первоочередной перед другими задачей» [16]. Сведения со всех районов о ходе уборки зерновых и вывоза зерна на элеваторы в счет госпоставок регулярно поступали в обком ВКП(б).

26 сентября 1941 г. на объединенном заседании бюро обкома ВКП(б) и облисполкома рассматривалось сразу несколько вопросов, касающихся уборки урожая. При заслушивании вопроса «О ходе хлебозаготовок» было отмечено, что «за исключением Кагальницкого, Таганрогского (сельского), Азовского, Каменского (сельского), Октябрьского (сельского), сдавших больше 75 % плана, все остальные районы области сдают хлеб государству намного хуже прошлого года.

Ничем не оправданную недисциплинированность в деле хлебозаготовок проявляют руководители партийных, советских, земельных и заготовительных организаций районов: Милютинского, выполнившего на 15 сентября с[его].г[ода]. годовой план хлебозаготовок всего на 14 %, вместо установленных правительством на этот срок 75 %, соответственно Боковского – 20 %, Николаевского – 21 %, Р[одионово]-Несветаевского – 23 %, Чернышевского – 24 %, Обливского – 24 %, Алексеево-Лозовского, Заветинского, Ремонтненского – 25 %, Б[ольше]-Крепинского – 26 %, Калмыцкого – 29 %, Анастасиевского – 32 %, Мартыновского – 33 %, Колушкинского, Скосырского, Тацинского – 35 %, Куйбышевского – 36 % и др. Указанные выше особо отстающие районы обязаны сделать большевистские выводы из настоящего предупреждения и в обстановке военного времени организовать работу по-военному и обеспечить выполнение своих обязательств перед государством досрочно» [17].

Особым вопросом, рассматриваемым на заседании бюро обкома ВКП(б) в этот же день, была организация уборки урожая в немецких колхозах, население которых было эвакуировано в обязательном порядке за пределы области. Секретарям райкомов ВКП(б) и председателям райисполкомов были даны указания, которые они должны были выполнить в срок до 5 октября 1941 г. с целью «завершения уборочных работ, озимого сева и вспашки зяби и других организационно-хозяйственных мероприятий в переселенных немецких колхозах» [18]. Обком ВКП(б) и исполком областного совета предлагали:

«1. Выделить в каждый переселенный колхоз из колхозников других колхозов ответственных руководителей – председателя, завхоза, счетного работника, заведующих фермами, бригадиров полеводческих бригад, а также необходимое количество колхозников, с расчетом полного завершения всех сельскохозяйственных работ в данном колхозе.

2. Районным комиссиям передать выделенным руководителями колхозов все имущество, скот, хлеб и колхозный инвентарь, а также имущество индивидуальных хозяйств колхозников. При передаче произвести точный переучет всего оставшегося имущества. Возложить ответственность на руководителей колхозов за выполнение всех сельхозработ и сохранение всего принятого хлеба, скота, имущества колхозов и колхозников.

<...> 7. В срок до 1 октября произвести организованное вселение колхозников на постоянное жительство в переселенные колхозы. Заселение произвести с таким расчетом, чтобы основная масса колхозников была выделена из колхозников своего района, а остальная часть – за счет эвакуированных из других областей» [19].

Следует отметить, что органы печати райкомов ВКП(б) и райисполкомов Ростовской области регулярно освещали ход борьбы за урожай зерновых 1941 г., выделяя места для небольших заметок на газетных страницах. Эти статьи были краткими, как сводки с фронтов.

Очередной номер газеты «Большевик», органа Семикаракорского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, вышедший 22 июня 1941 г., был последним мирным, довоенным. На первой странице под общим заголовком «Уборка ждать не любит» были напечатаны несколько заметок, среди них – передовица «Решающие дни», в которой говорилось, что в районе «хлеба на колхозных полях в этом году обещают значительно больший урожай. Но чтобы собрать этот урожай до единого зернышка, надо во всеоружии встретить и провести уборочную» [20]. Однако нападение фашистской Германии на СССР внесло свои коррективы. Уборку урожая зерновых пришлось проводить в условиях военного времени и на территории, которая была объявлена на военном положении. Мужское население было практически все мобилизовано на фронт, транспортные средства, трактора и лошади отправлены в помощь Красной армии. Предстоял нелегкий труд по уборке урожая силами в основном женщин, стариков и подростков на рабочем тягле и в основном простейшими механизмами.

Огромное количество статей на страницах донской прессы было посвящено уборке урожая. Приведем буквально пару из них, которые интересны еще и поэтическими призывами. В № 59 от 27 июля 1941 г. в газете «Большевик» почти целая страница под общим заголовком «Каждый лишний пуд зерна – снаряд по фашистским извергам!» начиналась стихами:

На поле силу страны умножай!
Время уборки везде наступило,
Наше оружие, наш урожай,
Хлеб для фронтов и советского тыла [21].

Газета «Знамя Ленина», орган Большекрепинского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, в июле 1941 г. в 4 номерах помещала материал о ходе борьбы за урожай зерновых. В № 58 от 13 июля в рубрике «На колхозных полях» были размещены статьи «Первые дни уборки», «Хорошо подготовились к уборке», «Скошено 40 гектаров», «Нормы перевыполняются». Заканчивалась подборка статей словами:

Товарищ, не будем у фронта в долгу:
Каждая норма – удар по врагу [22].

Газета «Знамя коммунизма», орган Константиновского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, в августе 1941 г. печатала материал о ходе хлебоуборки и хлебозаготовке в нескольких номерах. Так, в № 98 от 10 августа на странице были помещены две статьи: «Отличные показатели» о комбайнерах Пономареве и Землякове, которые убрали сцепом «Сталинец» 790 га, и «Ночные работы в поле», рассказывающей, что в колхозе «Волна революции» в ночное время идет скирдование. На странице было напечатано стихотворение:

Куюм победу днем за днем,
Фашистских варваров сражая
На фронте – сталью и огнем,
В тылу – уборкой урожая [23].

Представленный материал свидетельствует о том, что сбор урожая хлебов в Ростовской области в июне – августе 1941 г. проходил в тяжелых условиях военного времени, на территории, объявленной на военном положении, при огромном патриотическом подъеме колхозников, колхозниц, комбайнеров и трактористов области, женщин, стариков и подростков, которые заменили мобилизованное на фронт мужское население хуторов и станиц, при отсутствии транспорта и сельскохозяйственных машин. Партийные и советские органы области координировали работу по уборке урожая и сдаче госпоставок колхозами и совхозами. Районные газеты – органы райкомов ВКП(б) и райсоветов депутатов трудящихся – на своих страницах регулярно информировали население о ходе уборки зерновых, называя передовые колхозы, отмечая самоотверженный труд колхозников, колхозниц и комбайнеров. Напечатанные статьи поднимали энтузиазм населения и являлись мощным агитационным и пропагандистским оружием в ходе борьбы за урожай, снабжении Красной армии и страны хлебом.

Примечания

1. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 105. Д. 305. Л. 11–14.
2. Там же.
3. Там же. Д. 306. Л. 7–8.
4. Там же.
5. Там же. Л. 8–9.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же. Л. 6–7.
11. Там же.
12. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 5. Д. 37. Л. 177–177об.
13. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 105. Д. 306. Л. 21–22.
14. Там же. Д. 312. Л. 167–168.
15. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 105. Д. 313. Л. 108.
16. Там же.
17. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 105. Д. 315. Л. 4–7.
18. Там же.
19. Там же.
20. Большевик (Семикаракорский район). 1941. 22 июня. № 47.
21. Большевик (Семикаракорский район). 1941. 27 июня. № 59.
22. Знамя Ленина (Большекрепинский район). 1941. 13 июля. № 58.
23. Знамя коммунизма (Константиновский район). 1941. 10 августа. № 98.

Р.М. Султанбеков**ВКЛАД НАСЕЛЕНИЯ ДАХАДАЕВСКОГО РАЙОНА В ДОСТИЖЕНИЕ
ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ**

Главным и решающим событием Второй мировой войны была Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии и ее союзников. 1418 дней и ночей продолжалась одна из самых кровопролитных войн за всю историю человечества. 26,6 млн своих дочерей и сыновей потерял СССР в жесточайшей схватке

с вероломным агрессором. Наша страна вынесла на себе основную тяжесть военных действий, а Красная армия нанесла фашистским войскам решающие поражения.

Историческая победа над фашистской Германией стала возможной благодаря усилиям, героизму всех народов нашей страны. Вместе с другими народами СССР на защиту Отечества встали и дагестанцы. Они мужественно сражались на фронтах, самоотверженно трудились в тылу на протяжении всей войны во имя победы над врагом.

Освещению истории Великой Отечественной войны, ратного и трудового вклада народов Дагестана в победу над фашистской Германией посвящен ряд монографических исследований, сборников статей, воспоминаний участников, а также сборников биографических очерков о героях-воинах, тружениках тыла, множество журнальных и газетных статей. Однако еще немало вопросов требует специального исследования в рамках отдельно взятого региона – Дахадаевского района, – это мобилизация сил и средств, вклад в Фонд обороны СССР, подвиги жителей на фронтах Великой Отечественной войны.

В первые же дни начала войны в райцентре, в с. Уркарах, перед районным Домом Советов состоялся многолюдный митинг. Выступившие на нем секретарь райкома комсомола Хадижат Курбанова, бухгалтер Керим Шахбабаев, председатель Кубачинской артели Захар Магомедов, Нухади Магомедов, Вера Шуйтова и многие другие гневно осудили вероломное нападение фашистов на нашу Родину, выразили готовность добровольно отправиться на фронт [1].

Подобные митинги прошли и в других населенных пунктах района. Памятна речь горянки из с. Кища Ханум Гаджиевой, которая сказала: «Мой муж и все пятеро сыновей сейчас отправляются на фронт, а я буду бороться против врага в тылу, не жалея сил трудиться на колхозных полях, выращивая хлеб для пропитания бойцов Красной армии» [2]. 42-летний житель с. Дзилебки убеждал военного комиссара района Булгакова, что он 5 лет служил в армии пулеметчиком, чувствует себя нужным фронту и просил направить его в горячую точку [3].

С первых же дней войны партийные и советские органы власти возглавили работу по мобилизации сил и средств района для помощи фронту. В те тяжелые времена руководителями были секретари

райкома ВКП(б) М. Омаров и А. Ибрагимов, председатель райсовета народных депутатов М. Гасанов и другие [4].

Женщины, старики, подростки, заменившие своих мужей, отцов братьев ушедших на фронт, самоотверженно трудились на колхозных полях. Они писали: «Мы колхозники и колхозницы, рабочие и служащие, будем работать на своих участках с удвоенной, с утроенной энергией. Поднимем революционную бдительность, укрепим трудовую дисциплину» [5].

Основной отраслью экономики района являлось сельское хозяйство, в частности животноводство, и поэтому районный комитет партии уделял особое внимание улучшению породности и увеличению поголовья скота. Так, отдельные колхозы и передовики колхозного производства района, включившись в социалистическое соревнование за дальнейший подъем колхозного животноводства, перевыполнили установленные планы развития животноводства и добились значительного роста поголовья общественного скота. Колхоз им. Ленина перевыполнил план развития животноводства за 1942 г. на 10 % (по крупному рогатому скоту), колхоз им. Куйбышева – на 8 % (по лошадям), на 5,9 % (по овцам и козам), колхоз им. 10-го съезда ВЛКСМ – на 10 % (по лошадям), на 5,1 % (овцам и козам) [6].

К концу 1943 г., согласно статистическим данным, в районе имелось 46 колхозов, объединяющих 7055 хозяйств с населением 27052 человек, в том числе трудоспособных 8133 человек, из них 2812 мужчин, 5321 женщина. За последний год уменьшилось население в целом (на 680 человек) и особенно его трудоспособная часть (на 1277 человек) [7]. Но несмотря на это, районные и партийные организации справились с выполнением основных сельскохозяйственных работ в районе.

В 46 колхозах работали 41 овцеводческая товарная, 29 молочно-товарных и 6 коневодческих товарных ферм, причем 31 колхоз имел по 2 животноводческих фермы. На 1 декабря 1943 г. в районе имелось 13 320 голов крупного рогатого скота, в том числе 2813 коров и 3666 волов; 82 282 головы овец и коз, в том числе 43 125 овцекозematок; 721 лошадь, в том числе 300 кобыл. Выполнение государственного плана развития животноводства на 1 декабря 1943 г. составило: по крупному рогатому скоту – 71 %; по овцам и козам –

88 %; по лошадям – 66 % [8]. Как видно из приведенных данных, государственный план развития животноводства почти по всем видам скота не был выполнен.

Большое внимание уделялось земледелию, особенно росту пахотных земель и увеличению посевных площадей. На 1943 г. в колхозах района имелось 9524 га пахотных земель, половина из которых находилось на кутаных землях. Общая посевная площадь составляла 8422 га, из которых под озимыми было занято 4530 га, а под яровыми культурами – 3892 га [9].

Красная армия остро нуждалась в поставках зерна, мяса, кожи, овчины, шерсти и других видов сельскохозяйственной продукции. В 1944 г. районный комитет партии направил все свои усилия на выполнение плана развития животноводства и поднятия его продуктивности, так как эта отрасль имела исключительно большое значение для района. Большинство колхозов и колхозников района добились успехов в выполнении государственного плана повышения продуктивности. Сохранение молодняка составило: ягнят и козлят – 112 %, телят – 93 %, жеребят – 90 %. Выполнение государственного плана по развитию животноводства составило: по крупному рогатому скоту – 106 %, по лошадям – 104 %, по овцам и козам – 115 % [10].

Отдельные передовые колхозы района добились еще больших успехов: Колхоз им. Сталина выполнил план по крупному рогатому скоту на 107 %, по овцам и козам – на 119 %, по лошадям – на 118 %, по ослам – на 480 %; колхоз им. Серго – по крупному рогатому скоту на 107 %, по овцам и козам – на 135 %, по лошадям – на 115 %, по ослам – на 100 %. Хорошо справились с выполнением государственного плана развития животноводства также колхозы им. XVI партсъезда, им. М. Горького, «Большевик», «Правда», им. XVIII партсъезда и др. [11].

Ряд колхозов, такие как – им. Хрущева, «Новый путь», им. Молотова, им. Куйбышева, Жданова и др. не справились с поставленными задачами по выполнению государственного плана заготовки кормов и развития животноводства. Этот вопрос стал предметом обсуждения на пленуме Дагестанского обкома ВКП(б). В постановлении бюро обкома ВКП(б) от 28 октября 1944 г. было указано на серьезные просчеты в организации сельскохозяйственного производства, невыполнение планов по поставкам государству сельскохозяйственной продукции

[12]. Все силы и средства были мобилизованы на выполнение вышеуказанного постановления бюро обкома ВКП(б). В результате принятых мер план развития животноводства на 1944 г. был выполнен полностью. Прирост, по сравнению с 1943 г., составил: по крупному рогатому скоту – 12 %, по овцам и козам – 50 %, по лошадям – 17 % [13].

На 1944 г. в колхозах района имелось 8196 га земель, из которых расположенные на кутаных землях 428 га было засеяно под озимые. 1330 га было выделено под приусадебные участки для нужд колхозного крестьянства. Большое внимание уделялось развитию садоводства и виноградарства, которые в последнее время достигли значительных размеров. Под сады было отведено – 16 га, под виноградники – 17 га. Сады и виноградники давали весьма неплохие доходы для колхозов. Только за 1943 г. колхоз им. Сталина получил доход от виноградников свыше 1,5 млн рублей [14].

Значительной была помощь района фронту деньгами, скотом, драгоценными металлами. Только за 1943–1944 гг. в Фонд обороны внесли: деньгами более 1 745 102 руб.; займом – 212 950 руб.; подписали и собрали государственный заем 1943–1944 гг. на 3 414 709 руб.; денежно-вещевой лотереи – на 366 311 руб. Собрано и сдано в Фонд обороны: шерсти – 5683 кг, овчины – 3494 шт., фуфайки – 100 шт., шубы – 304 шт., перчатки и носки – 2034 пары, простыни и одеяла – 450 шт., сельхозпродуктов – 18,5 т, посылки – 465 шт., крупного рогатого скота – 285 голов [15].

Комсомольцы района внесли для строительства танковой колонны им. Шамиля 220 тыс. руб., авиаэскадрильи им. Богатырева – 470 тыс. руб., бронепоездов им. М. Гаджиева – 110 тыс. руб., «Юный пионер» и «Комсомолец Дагестана» – 440,7 тыс. руб. В колхозе им. XVI партсъезда в ответ на приветственное обращение тов. Сталина к трудящимся Дагестана прошел дополнительный сбор средств на боевую технику для Красной армии. На самом митинге было собрано 56 300 руб. [16].

Своими сбережениями помогали фронту многие жители района. Гаджи Курбанов из с. Уркарах из своих личных сбережений внес в Фонд обороны страны 205 тыс. руб., Верховный главнокомандующий И.В. Сталин прислал ему правительственную телеграмму [17]. И таких патриотов в районе было немало. Только лишь за февраль 1943 г. школьниками района на фронт было отправлено 185 посылок, в них

находились платочки, рубашки, теплые носки, брюки и другие вещи. Девушки-горянки района собрали и сдали в Фонд обороны личные украшения из золота и серебра весом более 70 кг [18].

За 1943–1944 гг. была оказана помощь семьям военнослужащих: продовольствием – 93,48 т, животноводческой продукцией (мясо, масло, сыр, и шерсти) – 5,2 т; теплыми вещами: овчины и кож – 1046 шт., обувь и чарыки – 858 пар; топливо – 3881 кубометров, отремонтировано квартир – 278 хозяйствам, оказана помощь в заготовке кормов для скота – 5791 ц, оказана денежная помощь добровольными сборами – 24 288 рублей. Предоставлены законные льготы и налоговые скидки, организовано 12 колхозных детских домов с охватом 175 детей фронтовиков, трудоустроено из семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны 865 человек, оказана колхозниками помощь 1300 хозяйствам семей военнослужащих тяглом и семенами для посева приусадебных участков, выделено и выдано скота колхозами для семей военнослужащих 60 голов [19].

С началом войны было мобилизовано больше половины состава учительских кадров в РККА, на место которых немедленно были подобраны учителя, и учеба в школах продолжалась в нормальных условиях. Для подготовки учительских кадров и поднятия их квалификации ежегодно в каникулярный период учителя направлялись на областные и межрайонные краткосрочные курсы. Всего 1943–1944 гг. в районе функционировало 50 школ, из них 1 средняя, 14 семилетних и 35 начальных с общим числом учащихся всех школ. Учителей насчитывалось 177 человек, из них 1 с высшим образованием, 5 окончили двухгодичные учительские курсы, 9 имели среднее образование, 162 не имели среднего образования [20].

Подвиги многих выходцев района, оказавшихся на разных фронтах войны, были высоко оценены советским правительством. Так, звание Героя России был удостоен уроженец с. Худуц, подполковник в отставке командир батальона Магомед Усманович Гамзатов. О его подвиге при форсировании реки Нарева на подступах к Варшаве в мае 1944 г. и взятии укрепленного плацдарма фашистов, что позволило начать наступательную операцию 65-й армии, подробно написано в одной из книг: «Нужно было переплыть глубокую и широкую реку Нарева. Фашисты всеми силами старались не допустить советских

бойцов на тот берег. Завязался ожесточенный бой. В самый ответственный момент комбат Гамзатов проявил мужество, отвагу, силу воли и командирское умение. Благодаря его слаженным действиям солдаты батальона смогли форсировать реку и захватить очень важный плацдарм» [21].

Образцами мужества и храбрости, примерами беззаветного служения Родине для других советских солдат были многие дахадаевцы, сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них командир роты десантников старший лейтенант Ацци Абдуллаев, кавалеры орденов Славы двух степеней Магомед Атабеков, Джамав Раджабов из Уркараха, Али Сулейманов из Дибгаши, доблестный разведчик из Трисанчи Али Чурухов и здравствующий ныне меусишинец Габиб Магомедов, уничтоживший в боях около сотни «фрицев».

Участник Сталинградской битвы артиллерист Шахбан Курбанов из с. Кища подбил восемь вражеских танков, за что был награжден орденом Красного Знамени. Его односельчанин Гасбал Сулейманов заслужил за боевые подвиги ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды. До Берлина пролегла фронтовая дорога односельчан-кункинцев Ахмеда Салихова и Курбанмагомеда Мусаева, награжденных орденами Красного Знамени и многими медалями. В боях за взятие Варшавы и Берлина участвовал бускринец Гирай Кадиев, награжденный за боевые заслуги орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды [22].

В боях за Северный Кавказ в 1943 г. погиб летчик-стрелок из с. Сутбук Гаджимурад Гасайниев, награжденный орденом Красной Звезды и медалью «За Отвагу». От Северного Кавказа до стен Берлина боевой путь прошел ст. сержант Шарип Абдуллаев, награжденный орденами Славы III степени и Красной Звезды. В боях за освобождение Польши и взятие Берлина проявил свои лучшие боевые качества Аммай Ахмедов из с. Бакни, награжденный орденами Красной Звезды и Славы III степени. Снайпер Мяммя Омаров из с. Ашты только в феврале 1943 г. уничтожил 43 вражеских солдат и офицеров, он был награжден двумя орденами Красной Звезды и медалями [23].

Таких примеров, говорящих о храбрости, мужестве и героизме дахадаевцев на фронтах Великой Отечественной войны, можно привести еще немало.

Из 3698 человек, призванных Дахадаевским райвоенкоматом и ушедших добровольцами на фронт, 2670 человек сложили головы на полях сражений. Захоронения многих из них не были известны [24]. В послевоенные годы поисками их могил занимались красные следопыты школ района. Благодаря их труду удалось выявить места захоронений Абдуллы Яхьяева из с. Бускри (г. Краснодар), капитана М.А. Шапиева из с. Харбука (г. Взбачнева, Чехословакия), минометчика Ибрагима Ахмедханова из с. Уркарах (г. Запорожье), политрука Магомеда Акаева (г. Малгобек, Республика Ингушетия), зубанчинцев Магомеда Шарипова (Украина), Халика Агаева (Польша), Аци Магомедова (г. Ленинград), старшего лейтенанта Гаджиева Гаджи из Сутбука (Польша) [25].

Таким образом, дахадаевцы так же, как и все остальные народы Дагестана, проявили героизм и мужество в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны, защищая свободу и независимость нашей многонациональной советской Родины.

Примечания

1. Дахадаевский район: история и современность. Махачкала, 2009. С. 41.
2. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). (Документы и материалы) / отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала, 1963. С. 47.
3. Султанбеков Р.М. Дахадаевцы в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны. 70-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Материалы межвузовской научно-практической конференции студентов и преподавателей. Махачкала: ДГПУ, 2015. С. 130–138.
4. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. (Документы и материалы). Махачкала, 2015. С. 324.
5. Магомедов Р., Назаревич А. XXV лет Дагестанской АССР. Махачкала, 1945. С. 130.
6. Из постановления исполкома Дахадаевского райсовета депутатов трудящихся и бюро райкомов ВКП(б) «О ходе заготовки и сельхозпродуктов и сырья» // Трудовой подвиг народов Дагестана ... Т. I. С. 180.

7. Из отчета секретаря Дахадаевского райкома ВКП(б) М. Омарова о работе райкома ВКП (б) за период с 1 января по 1 декабря 1943 г. // Трудовой подвиг народов Дагестана ... Т. 1. С. 195.
8. Там же. С. 196.
9. Там же. С. 197.
10. Из постановления 2-го пленума Дахадаевского райкома ВКП(б) «О выполнении государственного плана развития животноводства в колхозах района за 10 месяцев 1944 г. и о состоянии подготовки к зимовке скота» // Трудовой подвиг народов Дагестана ... Т. 1. С. 217.
11. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1408-п. Оп. 1. Д. 89. Л. 21, 22.
12. ЦГА РД. Ф. 679-п. Оп. 1. Д. 138. Л. 2–5.
13. Из отчетного доклада секретаря Дахадаевского райкома ВКП(б) А. Ибрагимова о работе райкома ВКП(б) за период с марта 1940 по июль 1944 г. // Трудовой подвиг народов Дагестана ... Т. 1. С. 264.
14. Там же. С. 265.
15. Там же. С. 262.
16. Дагестанская правда. 1943. 20 января.
17. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Махачкала, 1995. С. 330.
18. Там же. С. 334.
19. Из отчетного доклада секретаря Дахадаевского райкома ВКП(б) А. Ибрагимова ... С. 263.
20. ЦГА РД. Ф. 1408-п. Оп. 1. Д. 88. Л. 78.
21. Ильясов З.З. Дагестанцы: Герои России. Герои Советского Союза. Герои социалистического труда. Махачкала, 2008. С. 21.
22. Дахадаевский район: история и современность. Махачкала, 2009. С. 44.
23. Там же.
24. Назовем поименно. Книга памяти. Т. 3. Махачкала, 1999. С. 212.
25. Хасбулатов Х.М. Уркарах: история, культура, традиции. Махачкала, 2005. С. 210.

З.Б. Идрисова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ГОРНЫХ РАЙОНОВ ДАГЕСТАНА ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ ФРОНТОВИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из наиболее ярких форм массового народного патриотизма стало движение советских людей по оказанию всесторонней материально-финансовой помощи семьям фронтовиков, ушедших на защиту Родины. 26 июня 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям начальствующего состава в военное время», который был опубликован в газете «Правда» от 27 июня 1941 г. [1]. В соответствии с этим указом на пособие имели право семьи военнослужащих, лиц рядового и младшего начальствующего состава, ушедших добровольно на фронт, если за этим военнослужащим не сохранена заработная плата по месту прежней работы.

Пособия семьи фронтовиков получали в следующем порядке. Если в семье нет трудоспособных, то пособия выплачивались в следующих размерах: а) при наличии одного нетрудоспособного – 100 рублей; б) двух нетрудоспособных – 150 рублей; в) трех и более нетрудоспособных – 200 рублей в месяц в городе и 50 % от этой суммы – в сельской местности. Так, например, право на выплаты имели дети, братья, сестры военнослужащего до достижения ими 18-летнего возраста. Полностью пособия выплачивались лишь отцу военнослужащего старше 60 лет, матери старше 55 лет, а также жене и родителям – инвалидам 1-й и 2-й групп [2]. Пособия не выдавались тем лицам, которые могли себя обеспечивать, то есть трудоспособным членам семьи.

Выплата пособия производилась районными отделами социального обеспечения в период с 16 по 30 числа каждого месяца. Так, на 26 июня 1941 г. в Хунзахском районе Дагестана 60 семьям было назначено пособие, в Гумбетовском – 65, в Агульском районе – 30 семьям. Сумма, назначенная этим районам государством, составляла всего 1 125 тыс. рублей [3].

Советское государство в период войны помогало семьям красноармейцев, ушедших на фронт, обеспечивая жен, матерей и сестер

работой и пособиями. В статье «Окружим вниманием и заботой семьи советских воинов», вышедшей в газете «Правда» от 5 июля 1941 г., говорилось: «Забота о семьях красноармейцев – великое дело. Тут нет, и не может быть равнодушных, безразличных людей. Вся страна думает о том, чтобы жены, матери, дети бойцов не терпели лишений. Об этом говорит и опубликованный Указ Президиума Верховного Совета СССР о порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время. Огромные средства ассигнует государство, чтобы обеспечить семьи бойцов Красной Армии. Очень важно трудовое устройство членов семей товарищей, борющихся на фронте. Надо помочь вчерашним домохозяйкам овладеть новой специальностью, получить необходимую квалификацию» [4].

Государство не забывало и о детях военнослужащих, которые, пока их отцы, братья воевали на фронте, а матери и сестры работали на заводах и в колхозах, находились в специально построенных детских садах. В той же статье говорится: «У нас в стране по городам и селам существуют разветвленная сеть яслей, домов младенца, детских садов, консультаций и молочных кухонь. Сейчас увеличивается число мест в детских учреждениях. Жены красноармейцев, поступив на фабрику и устроив детей в ясли, детские сады, знают, что им будет обеспечено питание, заботливый и внимательный уход. Помимо больших, специально оборудованных детских учреждений, значительную роль в военное время сыграют, создаваемые силами общественности, детские площадки, прогулочные группы, маленькие ясли, обслуживающие один дом. Работать в них, смотреть за детьми, пока мать занята на работе, могут домашние хозяйки и пионеры» [5].

Особое внимание уделялось оказанию помощи семьям военнослужащих со стороны колхозников: «Многие колхозники организуют, снабжение семей мобилизованных топливом, помогают нетрудоспособным. Так товарищи, оставшиеся в тылу, помогают бойцам Красной Армии. Эта работа будет расширяться с каждым днем. Нужно сделать так, чтобы жена красноармейца, каждый член его семьи почувствовали, что они не одиноки, что в любом случае они могут обратиться за помощью в местный совет, профсоюз или правление колхоза, где им окажут поддержку, дружескую помощь» [6].

В ответ на этот призыв центрального печатного органа ЦК ВКП(б), возникла новая инициатива, начатая девушками-комсомолками школ и колхозов Гунибского района Дагестанской АССР. Она заключалась в создании фондов помощи детям-сиротам, семьям погибших воинов, семьям фронтовиков и инвалидам Великой Отечественной войны. Так, например, в Кулинском районе был проведен месячник по оказанию материальной помощи семьям фронтовиков за 1943–1944 гг. За время месячника поступило в фонд помощи семьям фронтовиков 308 000 руб. деньгами, зерна 35 070 кг, картофеля 7372 кг, мяса 6100 кг, шерсти 2946 кг, овчин 1035 шт., обуви 185 пар, кавказского сукна 30 кусков, разной одежды 178 шт. [7].

Партийные и советские органы власти проводили огромную работу по оказанию помощи семьям военнослужащих. Так, на расширенном заседании XIII пленума Ахтынского райкома партии было отмечено, что «пособия получают – 892 семьи; а пенсии – 68 семей; 565 семей военнослужащих получили предусмотренные законом льготы по поставкам и 3382 семьи – по налогам. Устроено на работу более 1622 семей, в том числе и на руководящие должности. 1625 семей военнослужащих получили индивидуальные участки под огороды, за ними закреплено 196 га.

В целом за период Отечественной войны оказана помощь семьям военнослужащих в следующем виде: отпущено хлебопродуктов из фонда отпускаемого государством 61 024 кг, хлебопродуктами из колхозной кассы взаимопомощи 19 475 кг, овощами (картофель и капуста) 17 218 кг, промтоварами (мануфактура, бязь, обувь) на 39 673 руб.; керосин, соль – на 6209 руб. и на отопление и освещение 4213 руб.» [8]. Такая же работа по оказанию помощи в том или ином объеме была проделана и в других районах. Например, в Курахском районе «оказана помощь школьникам-детям фронтовиков: детская обувь (чарыки) – 1951 пара, папах – 547 шт., шерсть – 205 кг, овчин – 317 шт., носков – 64 пары, перчаток – 36 пар, зерна – 3,5 т, сыр – 218 кг, мясо – 310 кг, молоко – 986 литров, масло – 11 кг» [9].

Однако, несмотря на такую помощь семьям фронтовиков, положение их было удручающим в связи большими налогами, которые они вынуждены были платить государству. О своем положении члены семей фронтовиков писали своим мужьям, сыновьям, братьям.

Жительница Докузпаринского района Н. Аладинова из села Микрах писала фронтовику: «Ни сельсовет, ни колхоз нам не помогают, у нас ничего не осталось, даже коровы нет. В колхозе мы имеем 200 трудодней, из них 36 трудодней отчислили в фонд обороны. Ровно месяц как мы сидим голодные, а мать и сестра заболели от голода. Поэтому прошу тебя приехать домой» [10].

Государство принимало соответствующие меры по обеспечению семей фронтовиков. Так, заведующий отделом по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при Совнаркомом ДАССР М. Гусейнов дал указания заведующему по государственному и бытовому устройству семей военнослужащих при Докузпаринском райисполкоме Эмирбекову немедленно проверять условия жизни семей фронтовиков. И, если они действительно нуждаются, помочь им [11].

В некоторых горных районах республики имело место ущемление прав семей военнослужащих. В основном оно заключалось в незаконном назначении пособий, а также в отказе в назначении пособия, неоказании помощи семьям военнослужащих, растрате средств, предназначенных для выплаты пособий, нарушение прав личности. К примеру, в Гунибском районе в декабре 1943 года, по вине почтового начальника связи с. Чох Г.А. Дибирова были задержаны на 20 дней извещения, адресованные 42 семьям военнослужащих [12]. Председатель сельсовета сел Уркарах Дахадаевского района, Рабаданова Хадижат, используя служебное положение, выдавала ложные справки о составе семей военнослужащих, благодаря чему незаконно были выплачены пособия Гаджиеву в размере 1920 руб. и Абадарову (к сожалению, инициалы этих людей не были зафиксированы) – 1922 руб. Также имели место и факты избития семей военнослужащих. Например, в Левашинском районе бригадиром Шейховым была избита жена военнослужащего Абдусаламова (к сожалению, инициалы этих людей не были зафиксированы) за отказ выйти на прополку колхозного участка [13].

Одним из первых в республике в Агульском районе по инициативе райкома ВКП(б) был организован месячник по оказанию помощи семьям фронтовиков района, а также создан огромный фонд для удовлетворения нужд семей военнослужащих: 6382 кг зерна, 364 кг масла,

2810 кг сыра, 2664 кг моркови, 1264 кг картофеля, 16 кг мяса, 690 кг шерсти, а также денег 131 442 руб. [14].

В 1944 г. в Унцукульском районе проходил месячник по оказанию помощи семьям фронтовиков. За несколько дней здесь было собрано 250 тыс. рублей. Колхозники собрали 30 т хлеба, 10 т картофеля, 700 кг шерсти. Особенно эффективно проходил сбор средств и продуктов в колхозах им. Куйбышева с. Балаханы и им. Калинина с. Зирани. Колхоз им. Куйбышева выделил 13 голов крупного рогатого скота, 5800 кг хлеба, 3 т картофеля, 25 тыс. руб., а для рабочих оборонной промышленности собрали 2 тыс. кг яблок и хурмы [15].

В 1945 г. по всему Дагестану прошел месячник, посвященный помощи семьям фронтовиков. Так, комсомольцы Левашинского района отремонтировали 64 квартиры семей фронтовиков. С осени они заготовили и завезли для семей фронтовиков 800 пудов зерна, 250 пудов картофеля и овощей, 30 пудов масла и брынзы. Комсомольцы Докузпаринского района организовали для детей фронтовиков детский дом, ясли и интернат. Специально для семей фронтовиков дополнительно было засеяно по всему району 35 га пшеницы и ячменя. Отец двух фронтовиков, председатель колхоза им. Калинина Акушинского района Мурад Муртузалиев внес в фонд помощи семьям фронтовиков 10 тыс. руб. деньгами, две овцы и два пуда зерна [16].

Огромная помощь оказывалась учащимися школ республики детям фронтовиков и освобожденным районам. Во многих городских школах были организованы тимуровские команды, которые оказывали помощь семьям фронтовиков и дежурили в госпиталях. Пионеры, школьники и учащиеся проделали большую работу по сбору теплых вещей для бойцов Красной армии. Благородный почин и инициативу проявили учителя и учащиеся в частности Чохской средней школы Гунибского района, которые собрали денежные средства на восстановление одной из школ г. Мелитополя. Для этой цели они отчислили одну треть своего месячного заработка, а каждый учащийся передал 2–3 трудодня, заработанных во время летних каникул. Был проведен также сбор учебной и художественной литературы для школ освобожденных районов [17].

Инициатива чохцев нашла широкую поддержку всех учащихся и учителей Дагестана. Всего за годы войны, учителя и учащиеся школ

республики внесли на вооружение Красной армии более 3 млн руб., передали в фонд помощи детям фронтовиков свыше 150 тыс. разных вещей и собрали 500 тыс. руб. [18].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны трудящиеся Дагестана проявляли заботу и оказывали всестороннюю помощь семьям военнослужащих, организовывая сбор денег, продуктов, теплых вещей, проводили месячники по улучшению их жилищно-бытовых условий.

Примечания

1. Правда. 1941. 27 июня.
2. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5723. Л. 34.
3. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (Документы и материалы). Т. 1. Махачкала, 2015. С. 5–6.
4. Правда. 1941. 5 июля.
5. Там же.
6. Там же.
7. ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 27. Д. 457. Л. 5–7.
8. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (Документы и материалы). Т. 2. Махачкала, 2018. С. 226.
9. Там же. С. 232.
10. ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6239. Л. 60.
11. Там же. Д. 6238. Л. 128.
12. ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6149. Л. 4.
13. Там же. Д. 6150. Л. 32.
14. ЦГА РД. Ф. 1739. Оп. 1. Д. 74. Л. 16.
15. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 6150. Л. 4.
16. «Дагестан своим фронтовикам», январь – февраль 1945 г. Открытое письмо № 11 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 222. Л. 3.
17. Дагестанская правда. 1943. 26 ноября.
18. Дагестанская правда. 1945. 14 июля.

И.З. Хатуев, А.М. Сугаипова**РАБОТНИКИ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В Чечено-Ингушетии в предвоенные годы проблемы образования, науки, культуры и здравоохранения были в центре внимания местных органов власти [1]. Одновременно велось и политическое воспитание, что, в частности, стало очень важной и необходимой предпосылкой для подготовки национальных кадров [2].

В период с 1938 по 1941 г. в Чечено-Ингушской АССР были достигнуты заметные успехи в развитии здравоохранения. В 1939 г. расходы на него составляли 32 % бюджета, или 27 974 500 руб., а в 1941 г. было ассигновано 33 900 тыс. руб. [3]. Существенно улучшилось медицинское обслуживание населения. Так, если на 1 мая 1938 г. в республике имелись 30 больниц, то в 1940 г. их стало 50, в том числе одна психоневрологическая. Из них 35 больниц находились в сельской местности. Кроме больниц, действовали еще 32 женские и детские консультации, 134 фельдшерско-акушерских пункта, 7 санаториев, 14 родильных домов в 10 сельских районах. В предвоенные годы построены больницы в Ачхой-Мартановском, Ножай-Юртовском, Пседахском, Чеберлоевском, Шароевском и других районах. В 1939 г. во всех сельских районах созданы зубоврачебные кабинеты.

В 1940 г. в Чечено-Ингушской АССР работали 429 врачей, в том числе 72 стоматолога и 1434 человека среднего медицинского персонала. 314 врачей работали в городских медицинских учреждениях [4]. В республике к началу 1941 г. функционировали более 30 постоянных и 165 сезонных детских яслей на 5085 коек, 5 туберкулезных диспансеров, 9 рентгеновских кабинетов, 5 противомаларийных станций [5].

Заслуженным уважением общественности и населения Чечено-Ингушетии пользовались врачи А.Ф. Анисимов, Э.В. Балицкий, М.М. Сахарова, Ю. Эльдерханов, Е.М. Постнова, Ш.Ш. Эпендиев, У.Д. Цутиев, И.С. Кухаренко, К.М. Родина и другие. Многим сотням людей они спасли жизнь, заботились о больных, о здоровье населения.

В Чечено-Ингушской АССР в 1938–1941 гг. имелись курорты союзного значения – Серноводск и Армхи, водолечебницы в Октябрьском районе. Благодаря хорошей работе этих лечебниц и сети медицинских

учреждений, многих врачей и медицинского персонала, заболеваемость в республике значительно снизилась.

Однако достигнутые успехи в области здравоохранения всё еще не могли удовлетворить потребности населения. Республика нуждалась в дальнейшем расширении сети медицинских учреждений, особенно на селе, улучшении медицинского обслуживания людей.

С самого начала Великой Отечественной войны работники сферы здравоохранения активно помогали фронту. Не только своей заботой о раненых в госпиталях старались женщины вернуть в строй бойцов. За годы Великой Отечественной войны 5,5 млн человек стали донорами, они дали для раненых 1,7 млн литров крови. И среди самых активных доноров были женщины Чечено-Ингушетии, которые дали фронту и эвакогоспиталям более 2 т своей крови. В Гудермесе, где находился большой военный госпиталь, женщины, работавшие в локомотивном и вагонном депо, постоянно писали о своем желании стать донорами. «Отдам свою кровь, лишь бы скорее поднялся раненый и стал в ряды защитников Родины», – говорилось в одном из таких заявлений. В другом заявлении, написанном студенткой нефтяного института, сообщалось: «У меня три брата на фронте... Прошу взять у меня кровь, сколько надо. Буду счастлива, если моя кровь окажется полезной для бойцов нашей родной армии» [6].

Мы располагаем письмами, которые писали раненые бойцы в газету «Грозненский рабочий» в годы войны. Так, в редакцию газеты писали письмо раненые из госпиталя о домохозяйках 15-го участка Старопромысловского района: «Сандружинницы ежедневно посещают нас, стирают белье, убирают посуду, постели. А перед праздником (имеется в виду 23 февраля. – И.Х., А.С.) домохозяйки Ширикина, Макшина, Загороднева, Пономарева под руководством своего бригадира А.А. Тюркиной побелили палаты, повесили занавески, украсили столики цветами и провели с нами вместе праздник, за что им большое советское спасибо!». В госпиталях проводилась большая политико-воспитательная работа среди медицинского и обслуживающего персонала, а также раненых, что благотворно сказывалось на всей деятельности госпиталя. Многие медицинские работники проявляли исключительные способности и умение. Так, например, врачи Сазонова, Токарь, Якубовская, медсестра Терская

и другие врачи оказали помощь более 70 % раненых и больных воинов [7].

К концу 1943 г. в Чечено-Ингушской АССР насчитывалось более 5,5 тыс. активных доноров. В годы войны в республике прошли подготовку 122 врача и 340 медицинских сестер, владеющих методикой переливания крови и освоивших гематологию. Так, М.Ф. Додиленная заботливо ухаживала за ранеными в госпитале. В войну была хирургом во фронтовых госпиталях А.С. Волкова, которая спасла жизнь многим бойцам и офицерам, оперировала в самых сложных условиях. Она была удостоена боевых орденов и медалей. На счету фронтового хирурга Т.Т. Троицкой много сложных операций и спасенных жизней.

Кису Сулаеву (родную сестру писателя Магомеда Сулаева) война застала в Ленинграде, где она проживала и училась, приехав из Чечни. Ее муж Канташ Назиев добровольцем ушел на фронт и сражался под Сталинградом против фашистских оккупантов. К. Сулаева имела медицинское образование, и она приняла самое деятельное участие в обороне Ленинграда. Как медицинский работник, она самоотверженно, без сна и отдыха работала в военном госпитале, помогая раненым и больным [8].

В 1942 г. добровольно ушла на фронт жительница г. Грозного Г.И. Джуповская. Вначале она была медсестрой, а потом в качестве штурмана сражалась в авиационном полку, которым командовала М. Раскова. Впоследствии за высокие боевые заслуги ей было присуждено звание Героя Советского Союза.

Орденом и пятью боевыми медалями была награждена медработник Нина Даниловна Беликова [9]. Высокими наградами отмечены отважные чеченские девушки из Веденского района З. Сайдумова и Д. Кусиева [10].

Вера Ивановна Толстокоренко ушла на фронт в 1942 г. из ст. Петропавловской Грозненского сельского района Чечено-Ингушской АССР. Работала санитаркой в хирургическом передвижном полевом госпитале № 575 при воинской части № 23749. Она прошла свой героический путь по фронтовым дорогам Кубани, Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, а в Чехословакии Вера Ивановна встретила победу. Была награждена орденом Отечественной войны и медалями [11].

Младшая сестра героя войны – легендарного танкиста Маташа Мазаева – Есимат Мазаева с самого начала войны работала медсестрой

в госпитале. «В начале войны, – вспоминала позже Есимат, – я работала в госпитале, дома почти не бывала. С фронта прибывало столько раненых, что иной раз, бывало, врачи и медсестры засыпали у операционного стола. Но мы готовы были пережить любые трудности, лишь бы линия фронта не приближалась к нам. 1942 год стал для Чечни поворотным. Враг вплотную подступил к Кавказу. Грозный начали бомбить уже не только с самолетов. В ход пошла тяжелая артиллерия. Меня в спешном порядке направили на передовую в Малгобек. Здесь я увидела войну в ее жуткой реальности...» [12]. В 1943 г. на железнодорожной станции г. Крпоткина двадцатидвухлетняя Е. Мазаева во время бомбежки получила ранение и была комиссована. В звании капитана медицинской службы она вернулась в родной Серноводск. В учебном городке находился военный госпиталь, куда Есимат Мазаева пошла работать, чтобы помогать раненым бойцам.

В конце 1920-х гг. Асият Тутаева окончила медицинский факультет государственного университета в Ростове-на-Дону. Работала врачом в селах Чеченской автономной области. В 1932 г. поступила в 1-й медицинский институт в Ленинграде. По его окончании училась в аспирантуре, специализировалась по микробиологии. Блестяще защитила кандидатскую диссертацию. Подготовила 11 трудов по различным аспектам профилактики и лечения тифа. Ее успешная исследовательская деятельность была прервана, когда в июне 1941 г. началась Великая Отечественная война. Асият добровольно ушла на фронт, где стала военным врачом, спасала раненых в госпиталях Воронежского фронта. В 1943 г. ей было присвоено звание майора медицинской службы. Фронтовые газеты не раз рассказывали о сложнейших операциях, выполненных врачом А. Тутаевой, публиковали благодарные отклики возвращенных ею к жизни солдат и офицеров. В 1944 г. в ходе боев за освобождение г. Тернополя А. Тутаева вместе с группой воинов попала в засаду. Она пережила плен, издевательства, пытки. Не добившись от нее и ее друзей нужной информации, гитлеровцы повесили отважную горянку и ее боевых товарищей. Это произошло 29 октября 1944 г. в г. Колодино Вишневского района Тернопольщины. Подвиг Асият Тутаевой, отдавшей свою жизнь за Родину, увековечен в 1-м Медицинском институте Санкт-Петербурга, ее имя – на Доске почета героев Великой Отечественной войны

1941–1945 гг. Отважной защитницей Отечества зарекомендовала себя и ее сестра Нина Тутаева.

По примеру врача Ю. Эльдарханова сотни медицинских работников добровольцами отправились на фронт. 246 медицинских работников Чечено-Ингушской АССР были награждены орденами и медалями [13].

В подготовке медицинских работников активное участие принимала Грозненская медицинская школа. За 8 месяцев войны она выпустила 205 средних медработников, которые спасали жизнь советским воинам. Выпускнику школы М. Бутенко вскоре после ухода на фронт было присвоено звание военфельдшера и вручена медаль «За отвагу».

За всё время войны 64 медицинских работника республики были награждены значком «Отличник здравоохранения» и 50 получили благодарность наркома здравоохранения СССР [14].

Население Чечено-Ингушской АССР проявляло большую заботу и о семьях воинов, больных и раненых, бойцах и командирах Красной армии. Военные госпитали были размещены в наиболее благоустроенных помещениях Грозного, на курорте Серноводск и в доме отдыха в с. Чишки. Для работы в них был выделен квалифицированный медицинский и обслуживающий персонал, лучшая техника, инвентарь, мебель. Над госпиталями шествовали 16 колхозов, 10 промышленных предприятий [15]. Шефы оказывали госпиталям систематическую помощь, доставляли продовольствие, организовывали культурный досуг раненых и больных. Пионеры и школьники собрали для госпиталей 26 906 руб., 14 650 книг, 25 музыкальных инструментов, 242 настольные игры, 413 комплектов постельного белья, тысячи карандашей и ручек и другие вещи [16].

В республике был создан фонд здоровья защитников Родины. Это позволяло значительно улучшить обслуживание госпиталей. Особое внимание обращалось на улучшение условий жизни, труда и отдыха семей военнослужащих и инвалидов войны.

Примечания

1. Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973. С. 170.

2. Государственный архив Чеченской Республики (ГАЧР). Ф. 679. Оп. 143. Д. 39. Л. 15–16.

3. ГАЧР. Ф. 657. Оп. 134. Д. 27. Л. 25–26.
4. ГАЧР. Ф. 220. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.
5. Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. Грозный, 1988. С. 338.
6. Грозненский рабочий. 1941. 20 августа. С. 2.
7. Грозненский рабочий. 1945. 23 октября. С. 3.
8. Зов земли. 2005. 28 февраля. С. 2.
9. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Подвиг во имя Родины. Грозный, 2015. С. 105.
10. Ибрагимов М.М., Балаева А.Р., Нуридова А.Х. Вклад русской интеллигенции в социально-экономическое и культурное развитие Чечено-Ингушетии в годы советской власти. Грозный, 2012. С. 127.
11. Керла дахар (Веденская районная газета). 2005. 11 мая. С. 4.
12. Культурное строительство в СССР. М.; Л., 1940. С. 10.
13. Молодежная смена. 2006. 9 мая. С. 4.
14. Там же. 13 мая. С. 3.
15. Там же. 2005. 16 марта. С. 4; Филькин В.И. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный, 1989. С. 92.
16. ГАЧР. Ф. 657. Оп. 134. Д. 27. Л. 25–26.

О.В. Степаньян

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ЖИЗНИ ДОНСКИХ АРМЯН СЕЛА НЕСВЕТАЙ
(на примере семьи Степаньян)**

Великая Отечественная война оставила трагический след в судьбе каждого жителя СССР. Поколение ветеранов уже почти ушло, но раны войны не заживают до сих пор. Суровые испытания выпали на долю жителей оккупированных территорий, в том числе и Ростовской области.

Донские армяне стали непосредственными участниками тех событий. Несколько тысяч жителей армянских сел и города Нахичевани (ныне Пролетарский район г. Ростова-на-Дону) были призваны в ряды Красной армии, многие погибли на фронтах войны, немногие вернулись, трагично сложилась судьба и тех, кто остался на оккупированной территории.

На примере истории семей Степаньян и Асватуриян хотелось бы рассказать о вкладе донских армян в Победу в Великой Отечественной войне. В данной статье излагается несколько сюжетов о судьбах местных жителей и о стратегиях их борьбы с оккупантами.

Кадровые военные. Начало Великой Отечественной войны неразрывно связано с подвигом защитников Брестской крепости. В настоящее время установлено более 1000 имен ее защитников. Известно, что на начало войны в крепости находились 6-я стрелковая дивизия [1] и 42-я стрелковая дивизия [2]. Группа бойцов сумела выйти из крепости и отойти на заранее отведенные рубежи, где приняла бой 22–23 июня 1941 г. Несколько тысяч воинов, включая семьи командного состава, оставались в Брестской крепости и героически держали оборону до конца июня. Отдельные бойцы и небольшие группы смогли продержаться в крепости и вести ее защиту еще месяц – до конца июля. Полностью подавить сопротивление фашистам удалось к середине августа, когда крепость посетило высшее военное руководство Германии, включая Гитлера.

В числе защитников Брестской крепости сражались представители более 30 национальностей СССР. Среди них был донской армянин Арутюн Асватуриян [3]. Анализ архивных материалов показал, что он был единственным армянином, призванным на службу в Брестскую крепость из армянских сел Ростовской области [4].

Родился Арутюн Карапетович Асватуриян 15 февраля 1921 г. в селе Несветай Мясниковского района Ростовской области. В школе учился отлично, что позволило ему поступить в педагогический техникум (армянский) в г. Ростове-на-Дону. Вступил в комсомол. Окончив техникум в 1940 г., получил специальность учителя русского и армянского языков начальных классов. 10–11 октября того же года Пролетарским районным военным комиссариатом (далее – РВК) Ростова-на-Дону был призван на службу в Красную армию.

Арутюн Асватуриян был отправлен служить в Брестскую крепость, в 455-й стрелковый полк 42-й стрелковой дивизии в подразделение № 43. Это была знаменитая дивизия, имеющая боевой опыт и отлично показавшая себя в Советско-финскую войну. Грамотность и педагогическая подготовка Арутюна позволили командованию определить его в делопроизводители (писари) при штабе полка. Осенний

призыв 1940 г. привел к тому, что в 44-м и 455-м стрелковых полках $\frac{2}{3}$ численного состава составляли призывники первого года службы с Северного Кавказа и из Средней Азии [5]. Было много уроженцев Армении, и Арутюн, отлично знавший армянский и русский языки, несомненно, был знаком со многими бойцами и выполнял функции переводчика для командиров. На трудности в боевой подготовке 44-го и 455-го стрелковых полков, связанные с языковым барьером, указывает в ряде воспоминаний, приведенных в одном из источников [6].

По воспоминаниям сестры [7], в письмах домой Арутюн писал, что часто бывает в командировках с командирами, что планирует поступить в полковую школу младших командиров, которая находилась в крепости (этажом выше штаба полка). В одном из последних писем, датированном 15–17 июня (родители получили письмо 22 июня 1941 г.), писал о своих планах на жизнь, переслал большую общую фотографию с однополчанами. В этом письме Арутюн сообщил, что находится в крепости и готовится к планируемыми учениям полка в конце июня.

Утром 22 июня 1941 г. шквал смертоносного огня обрушился на крепость. Помещение, где находился штаб полка, секретная комната и жилая комната писарей, размещалось на первом этаже казармы 455-го стрелкового полка. Именно этот район казармы был подвергнут массивному обстрелу с первых минут боевых действий. С этим участком крепости связана героическая попытка освобождения Дома офицеров (здание церкви) и последующий прорыв через Трехарочные ворота. Одной из основных задач бойцов штаба полка была охрана и эвакуация секретной комнаты. В воспоминаниях бойцов есть указания, что писари располагались и ночевали в отдельной комнате возле штаба. По имеющимся воспоминаниям выживших писарей 455-го стрелкового полка, они занимались эвакуацией секретных документов, поэтому не смогли покинуть крепость, в отличие от другой части подразделений. К сожалению, имеющаяся информация об Арутюне Асватурияне ограничена, есть только указание, что он пропал без вести в июне 1941 г. [8].

Призыв из освобожденных районов Ростовской области. После частичного освобождения Ростовской области был проведен призыв практически всего мужского населения, находившегося на оккупированной территории. В их число попал и Карапет Арутюнович

Асватурян (1896 г.р., с. Несветай Ростовской области) – отец Арутюна Асватуряна, пропавшего без вести в Брестской крепости. В период первой и второй оккупации Ростова-на-Дону К.А. Асватурян находился в селе Несветай. После освобождения родного села был призван в армию. Ему было 47 лет.

Призвали К.А. Асватуряна в апреле 1943 г. в 695-й стрелковый полк 221-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Дивизия была практически полностью обескровлена в боях за освобождение Ростовской области, и ее 2-й состав формировался в основном из местных жителей, которые оставались на освобожденной территории. По воспоминаниям дочери Изабеллы, отец добровольно пошел в армию, чтобы попытаться найти сына, от которого было получено из Брестской крепости последнее письмо, датированное 17 июня 1941 г. [9].

Военно-учетная специальность К.А. Асватуряна – № 134 (ограниченно годные (обученные) к нестроевой службе). То есть, К.А. Асватурян за 1–2 месяца прошел первичную военную подготовку. Проходил службу в составе ремонтно-мастерского управления, где прослужил несколько месяцев.

В документах Министерства обороны указано, что 13 июля 1943 г. по приговору военного трибунала НКВД вместе с еще несколькими десятками человек осужден как дезертир на 8 лет лишения свободы, замененные 2 месяцами штрафной роты [10]. Причина такой ситуации неясна. Может быть он решил проведать родных в с. Несветай перед масштабным наступлением – среди осужденных (фамилии в списке находятся рядом) был его односельчанин Аваков Акоп Лусегенович, с точно такими же формулировками приговора. Или, как это часто бывало на фронте, он был задержан сотрудниками НКВД в нескольких сотнях метров от своей части, где, вероятно, собирал запчасти подбитой техники, и сразу записан в дезертиры. Об этом Карапет Асватурян никогда не говорил.

Это было за несколько дней до масштабного наступления и попытки прорыва Миус-фронта, которое стало первым (и последним) боем Карапета. Прорыв начался 17 июля 1943 г. в районе пос. Куйбышево [11]. Первыми шли штрафные роты. По воспоминаниям Карапета Асватуряна, рано утром (но уже было светло) штрафники попытались быстро пробежать примерно 1 км по чистому полю до позиций

противника, которые находились на возвышенности, но сразу же попали под шквальный пулеметный и минометный огонь фашистов. Штрафники двигались плотными группами и потери были ужасающие. По воспоминаниям Карапета [12], из нескольких сотен человек его роты, которые пошли на прорыв, в живых осталось 3 человека. Эта цифра совпадает с данными В.И. Афанасенко, которые он указал в публикации, посвященной штрафным ротам, прорывавшим Миус-фронт: «...в 162-й и 163-й отдельных штрафных ротах, имевших перед боем, соответственно, 317 и 239 человек постоянного и переменного состава, через восемь дней, к 25 июля, оставалось в строю 11 и 56 человек, в том числе 3 и 47 штрафников...» [13]. Несмотря на жару в конце июля, штрафники бежали в полном обмундировании (штрафникам тыловые обозы не полагались), в том числе на них были скатки шинелей. Именно это спасло Карапета, когда мина разорвалась позади него, и он получил множественные ранения спины и ног. Однако он остался жив и его вытащили с поля боя. Карапет вспоминал, что всё видимое глазу пространство поля было усеяно сотнями тел бойцов, которые еще два часа назад были живыми [14].

В начале августа 1943 г. Карапет попал в ростовский госпиталь № 5342, расположенный между 22-й и 24-й линиями в Нахичевани, где он проходил лечение до весны 1944 г. Все свободное пространство госпиталя было забито ранеными бойцами с того самого прорыва под с. Куйбышево, их было больше 1 тыс. человек. Весной 1944 г. Карапет был комиссован и вернулся домой. Судимость с него была снята, как и указание, что он находился на оккупированной территории. Многие годы Карапет ходил с большим трудом, с костылями, но мог управляться по хозяйству. Всю свою жизнь он искал своего сына Арутюна. В семье с 1945 г. был объявлен траур, который продолжался до смерти не только Карапета и его жены, но и сестры Арутюна – Изабеллы, скончавшейся в 2018 г. Прямых наследников этой семьи не осталось. Но осталась память.

Партизанское движение в г. Ростове-на-Дону. До начала Великой Отечественной войны семья Степаньян (Лусеген с женой, сыном и дочкой) проживала в селе Несветай. Войну и первую оккупацию семья Степаньян встретила на донской земле в родном селе [15]. Летом 1942 г. при эвакуации сельской почты (Лусеген Степаньян был

начальником почты в селах Несветай, Больших и Малых Салах) семья попала в Ростов-на-Дону, где остановилась у родственников в районе Сельмаша. Выбор места жительства в Ростове Лусегена с семьей был не случаен, он мог выполнять функции агента или связного при формировании органами НКВД и военной разведкой будущего подполья Ростова-на-Дону. После войны был награжден боевыми наградами. О его участии в подпольной деятельности на оккупированной территории практически ничего не известно. Больше известно о деятельности его сына Нерсеса, который в 16 лет стал бойцом партизанского отряда Югова (М.М. Трифонова) [16]. Командира, которому на тот момент было 28 лет, знали по позывному «дядя Миша». Отряд действовал в районе Сельмаша и современного аэропорта. Нерсес, помимо русского и армянского языков, хорошо знал немецкий язык, имел отличную зрительную память, хороший музыкальный слух, виртуозно рисовал. Осенью и зимой 1942 г. активно участвовал в партизанских вылазках, расклеивал листовки, изготавливал немецкие печати и документы на немецком языке (в том числе пропуска, которые было не отличить от оригинальных), похищал оружие, боеприпасы и продовольствие из немецких машин. Участвовал в установке мин и взрывчатки на военных объектах фашистов. Особо ответственным и опасным заданием для Нерсеса была закладка разведывательных сообщений в районе старого аэропорта Ростова (в брошенных трубах недостроенного водовода завода Сельмаш). Эти сообщения забирали советские военные разведчики и переправляли за линию фронта. Задачей Нерсеса была также последующая проверка: оставались ли эти сообщения на месте или уже были забраны. Знание немецкого языка пригодилось при ведении разведки в районе немецкого и румынского штабов. Войдя в доверие к нескольким офицерам в конце 1942 г., он сумел получить доступ к некоторым ценным штабным документам.

В январе 1943 г. оккупанты, предчувствуя неминуемое отступление, ужесточили полицейский режим и провели тотальные репрессии против мирных жителей города. Шли массовые зачистки и облавы, жители города тысячами угонялись в Германию. Несмотря на имевшиеся оригинальные немецкие документы, Нерсес с несколькими товарищами из отряда попал в облаву и был угнан на работы в Германию. На границе с Донбассом сумел бежать из эшелона и более 100 км

на себе пронес избитого еврейского друга, который не мог ходить. Вместе они прятались у родственников в армянских селах Несветай и Большие Салы до освобождения советскими войсками. За несколько дней до освобождения села полковник вермахта обнаружил Нерсеса во дворе дома, и только разговор на немецком языке спас жизнь юному партизану и его другу.

После освобождения Ростова и армянских сел в феврале 1943 г., семья Степаньян попала в г. Новочеркасск, где Лусеген работал в Новочеркасском суворовском военном училище, созданном в конце 1943 г., а Нерсес получил специальность водителя-механика танка, но в боевых действиях больше не принимал участие. В училище выполнял функции снабженца, имел личное оружие.

Роль армян Дона в боевых действиях во время Великой Отечественной войны и в партизанском движении Ростова-на-Дону оценена не в полной мере. Характерные черты армян, связанные с сетевым расселением, сплочением внутри диаспоры, многочисленными родственными связями, знанием нескольких языков, помогли советским спецслужбам провести важные операции на Южном фронте в 1942–1943 гг. и освободить Ростов и Донскую землю от фашистов.

Донские армяне как на фронте, так и на оккупированной территории ценой жертв и лишений приближали Великую Победу.

Примечания

1. Алиев Р., Рыжов И. Брест. Июнь. Крепость. Брест, 2012. С. 12.
2. Там же. С. 43.
3. Степаньян О.В. Арутюн Асватуриян – неизвестный защитник Брестской крепости // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2016. С. 219–223.
4. Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie57458990/ (дата обращения: 12.02.2020).
5. Алиев Р., Рыжов И. Брест. Июнь. Крепость. Брест, 2012. С. 12, 43.
6. Там же.

7. Полевые материалы автора (ПМА) Респондент Асватуриян Изабелла Карапетовна, 1933 г.р. Зап. в г. Ростове-на-Дону, в июне 2014 г. Интервьюер О.В. Степаньян.
8. Степаньян О.В. Указ. соч. С. 219–223.
9. ПМА. Респондент Асватуриян Изабелла Карапетовна ...
10. База данных «Память народа» Министерства обороны РФ. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 12.02.2019).
11. Afanasenko V.I. The Peninsula of the Southern Front in the July offensive of 1943 // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2017. No. 4 (1). P. 4–9.
12. Степаньян О.В. Указ. соч. С. 219–223.
13. Afanasenko V.I. Op. cit. P. 4–9.
14. Степаньян О.В. Указ. соч. С. 219–223.
15. Степаньян О.В. Участие армян Дона в партизанской борьбе в Ростове-на-Дону в 1942–1943 гг. (на примере семьи Степаньян) // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: мат-лы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2015. С. 446–447.
16. Там же.

Н.Г. Очирова

ВОЙНА И МИР В СУДЬБЕ НАРОДНОГО ПИСАТЕЛЯ КАЛМЫКИИ АЛЕКСЕЯ БАДМАЕВА (1925–2007 гг.)¹

Духовность – неотъемлемое свойство, проявляющееся в культуре, религии и в национальных традициях. Жертвенность во имя идеи, блага народа, во имя Родины – это лейтмотив всей отечественной духовности. И в тяжелейшие годы именно это свойство многонациональной страны способствовало спасению Отечества. Однако такой любви, такой духовной стойкости, которую проявили народы СССР, защищая Родину в годы Великой Отечественной войны, история, пожалуй, не знала.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

В сражениях на всех фронтах Великой Отечественной войны приняли участие 43 210 уроженцев Калмыцкой АССР (19,58 % ее населения), в числе которых были и бойцы 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии [1]. Неоценимый вклад в Победу над гитлеровскими захватчиками внесли деятели культуры Калмыкии. На фронтах Великой Отечественной войны мужественно сражались писатели А. Бадмаев, Я. Джамбинов, А. Джимбиев, Б. Дорджиев, С. Доржинов, Л. Инджиев, Э. Кектеев, А. Кичиков, Д. Кугультинов, Э. Лиджиев, С. Липкин, М. Нармаев, А. Тачиев, М. Тюлюмджиев, М. Хонинов. В боях за Родину погибли молодые калмыцкие поэты Г. Шалбуров, М. Эрдниева, Б. Буханков, Б. Джимбиев, Л. Хонинов. Одним из ярких представителей военного поколения творческой интеллигенции Калмыкии был писатель Алексей Балдуевич Бадмаев, до дна испивший горькую чашу военного лихолетья и депортации калмыцкого народа. Он родился 16 сентября 1925 г. в хотоне (селе) Бага-Ханата Малодербетовского улуса. Осиротевшего в раннем детстве десятилетнего мальчика поместили в Зургановскую школу-интернат, ставшую для него, как он считал, родным домом [2]. В июне 1942 г., по окончании Малодербетовской средней школы, юношу направили в Сталинградское военное училище. После двух с половиной месяцев учебы курсантов сняли и пешим маршем отправили под Сталинград. На второй день после прибытия они попали в жесточайшее сражение. Отбивали танковую атаку, бой шел всю ночь, а утром из 37 человек осталось лишь двое. 19 ноября в составе 825-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии Бадмаев участвовал в общем наступлении. 22 ноября, завершив мощный прорыв обороны врага, дивизия оседлала железную дорогу на Северный Кавказ у станций Котельниково и Абганерово. В это время под Калачом соединились основные части прорвавшихся южнее и севернее Сталинграда 51-й и 57-й армий. Молодой солдат еще не раз с боевыми товарищами бросался в штыковую, чтобы отбросить врага, пока не была разгромлена вся группировка противника и не был захвачен в плен сам фельдмаршал Ф. Паулюс. Таким образом, военная биография Алексея Бадмаева неотделима от Сталинградской битвы.

Рядовой Алексей Бадмаев в составе 51-й армии воевал в боях за Ростов, форсировал Днепр и с боями дошел до тихой речки Миус.

Здесь противник соорудил неприступное оборонительное укрепление протяженностью более 100 км, позже названное Миусским рубежом, которому вермахт придавал особое значение. В 1941–1942 и в 1943 гг. на Миусе шли ожесточенные бои между войсками Красной армии и гитлеровскими захватчиками. Эти драматические события военного времени многие годы замалчивались в связи с неоправданно огромным количеством погибших советских воинов и ошибками руководства РККА. В последние годы на основе глубокого изучения исторических документов объективная картина боев на Миус-фронте дается в уникальном фундаментальном издании, созданном учеными Южного научного центра РАН под руководством академика Г.Г. Матишова [3].

В одном из ночных боев 2 мая 1943 г. А.Б. Бадмаев получил тяжелое ранение в ногу и был отправлен в Сталинградский эвакуационный госпиталь, где проходил лечение до февраля 1944 г. После выписки ничего не ведавшего молодого бойца вместо фронта отправили на строительство Широковской ГЭС в Молотовскую область (ныне Пермский край). Основанием для отзыва с фронта и тыловых частей и направления военнослужащих калмыцкой национальности послужили печально известный Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» [4] и постановление Совнаркома СССР о выселении калмыков от 28 декабря 1943 г. [5]. Весной 1944 г. начался второй этап репрессий калмыцкого народа, направленный уже на командиров, политработников, рядовой и сержантский состав, призванный в армию как в довоенный период, так и во время Великой Отечественной войны. Собранные в Новосибирске и Ташкенте офицеры были демобилизованы и отправлены в места поселения семей в Сибирь и Казахстан, где их ждала та же участь ссыльных: ограничения в передвижении и в трудоустройстве, получении образования, ежемесячные унижительные хождения в комендатуру «для отметки» и пр.

Трагическая судьба постигла рядовых, сержантов и старшин калмыцкой национальности, которых по невыясненным до сих пор причинам вместо демобилизации передали из армии в распоряжение НКВД СССР и превратили в строителей рабочих колонн. Калмы-

ков-фронтовиков отзывали в тыл под предлогом формирования калмыцкой национальной части на Урале. А. Бадмаев, как и другие военнослужащие, встретил это разъяснение с удовлетворением. Однако по прибытии на ст. Половинка, где был один из сборных пунктов, он и его товарищи поняли, что их обманули и привезли в зону для строительства Широковской ГЭС, что глубоко разочаровало и оскорбило фронтовиков. В момент достигнутого коренного перелома в ходе войны и начала массового изгнания немецких оккупантов с родной земли они оказались в далеком уральском тылу. Полные сил и здоровья, крепкие молодые люди 1920–1926 гг. рождения готовы были до победного конца сражаться с врагами, но вместо этого оказались по существу в положении заключенных на одном из бесчисленных островов сталинского ГУЛАГа.

Необходимость строительства ГЭС возникла в связи с эвакуацией многих предприятий на Урал для обеспечения нужд фронта в технике и другом вооружении, нехваткой электроэнергии, тормозившей производство. Одной из такихстроек явилась Широковская ГЭС на реке Косье, куда привезли отозванных с фронта калмыков. Сначала Алексея и прибывших с ним товарищей собрали в Кунгуре, разместили в Белой церкви, где внутри стояли трехъярусные нары, а стены были расписаны фамилиями и адресами тех, кто приехал раньше. Многие встретили здесь земляков и родственников, что их очень обрадовало. Однако после прибытия на территорию станции радужное настроение у бойцов в значительной степени убавилось. Разместили их в созданном в ноябре 1942 г. Широковском исправительно-трудовом лагере, и началась адская жизнь. Условия содержания в лагере были катастрофическими. Зимой в холодных бараках они постоянно замерзали. Новоиспеченные строители спали на матрасах, набитых соломой или стружками, укрывшись шинелями. Ночью не было спасу от клопов, которые не давали спать. В этих нечеловеческих условиях судьба вновь испытывала молодого бойца, будущего писателя Алексея Бадмаева, на жизнестойкость.

С первых дней пребывания воинов на строительстве ГЭС руководство Широкстроя и Широклага не исключало возможности их массовых побегов. Опасения лагерного начальства были, как выяс-

нилось позже, не напрасны. В течение 1944–1945 гг. неоднократно предпринимались групповые, не всегда удачные побег и, вопреки ожиданиям лагерного начальства, не в тыл, а на фронт. Эти попытки часто заканчивались драматично. Так, А.Б. Бадмаев вспоминал, что пойманных при попытке бегства троих его товарищей настолько жестоко избили, что они от побоев умерли. Однако некоторым все-таки удавалось бежать. Среди них были Бембя (Борис) Михайлов и Джава (Андрей) Джальчинов, Тюрбя Лиджи-Горяев и др. Они попали на фронт, воевали и вернулись в места проживания их семей в Сибири, где им была уготована судьба спецпереселенцев.

Из прибывших в Широклаг сформировали два строительных батальона, назначив командирами офицеров внутренних войск НКВД, а командирами рот и взводов определили бывших фронтовиков. Таким образом, внешне для них был сохранен армейский распорядок. Однако условия их жизни ничем не отличались от режима, установленного для заключенных, живших и работавших рядом, за исключением того, что калмыцкие бараки не были обнесены колючей проволокой, их не окружали вышки с часовыми, и конвойные не сопровождали бойцов на работу и с работы. Всеми производственными делами руководили прорабы, бригадиры и мастера из числа гражданских лиц. Сначала они строили железную дорогу до ГЭС, затем перешли непосредственно на ее возведение. Орудиями труда были лопаты, кувалды, кирки, с помощью которых долбили и разворачивали огромные уральские камни. Позже стали копать котлован – основание ГЭС, эта работа была самой тяжелой. Все строительство велось вручную, многие молодые люди – лучшая часть калмыцкого народа – погибли при строительстве дна электростанции. Говорили, что котлован ГЭС строился «на костях калмыков». Алексей Балдуевич писал об этом времени: «С шести утра до шести вечера возили на одноколесной тачке по 300-метровому бетонному трапу, установленному под углом, наверное, не менее 45 градусов. С полной тачкой несешься вниз, опрокидываешь в котлован, а затем – медленный, изнурительный путь вверх. Пот застилал глаза, и после гонки с тачкой вниз, опять подъем, а тачка все тяжелела, тяжелела» [6]. С горечью вспоминал писатель и о своем товарище Пюрве Джалхаеве, которого за подвиг, совершенный на войне, представили к званию Героя Советского Сою-

за. Однако как представителя депортированного народа вместо этого наградили орденом Красного Знамени и, отозвав, как и всех калмыков, с фронта, отправили в Широлаг, где он погиб. До конца своей жизни А. Бадмаев помнил, как Пюрвя, спасая его от гибели, обессиленного, тащил на тачке по 300-метровому трапу до самого верха – на веревке, привязанной к брючному ремню, руками толкая впереди свою тачку.

Бывшие фронтовики трудились на промышленных предприятиях, угольных шахтах, на строительстве и ремонте железных дорог, лесозаготовках, каменных и песчаных карьерах, расположенных в Молотовской области. Через некоторое время среди совсем еще недавно здоровых в большинстве своем молодых людей стали появляться тяжелобольные, ослабевшие и истощенные, потерявшие трудоспособность, подлежащие активированию. К этому привели каторжные условия труда, недоедание. Климат данной местности был губительным для степняков-южан: весной и осенью шли непрерывные ливневые дожди, зимой – крепкие морозы. Со временем солдатское обмундирование у них износилось, и они получили лагерную одежду, а вместо обуви – тяжелые длинные чуни, сделанные из автопокрышек. На бойцов они уже не походили. Питание было очень скудное. Еду готовили из мерзлой картошки, капусты и некачественной рыбы с душиком. Чтобы получить даже эту еду, надо было выполнять норму. Алексей Балдуевич вспоминал, что постоянно испытывал голод, как и его товарищи. Истощенный от недоедания, однажды он с полной тачкой чуть не угодил в глубокий котлован, но товарищ успел его удержать. После чего ему дали три дня отдыха, а затем отправили в ЧОС (часть общего снабжения лагеря). Работа здесь была сравнительно легкой: он с несколькими пожилыми калмыками перебирал рыбу, отделяя съедобную от протухшей. Заметив, красивый почерк и грамотность бойца, заведующий складом, немец по национальности, упросил начальство перевести Алексея к себе помощником. Конечно, это было для него спасением. На складе А. Бадмаев занимался перепиской и оформлением складских документов. По неполным сведениям, из 3600 бойцов в Широлагге погибло свыше 900 человек от каторжного труда, голода, холода и болезней.

С апреля 1945 г. особенно после Победы, калмыков стали отпускать домой. Однако, как вспоминал А. Бадмаев, поправившегося

«на складских харчах», его и еще 25 человек отобрали и оставили для погрузочно-разгрузочных работ на ст. Широкой. После того как уехала последняя партия калмыков, их передали в колонию заключенных № 127. Бадмаев обратился к начальнику управления Широкалга с заявлением о демобилизации в связи с семейными обстоятельствами, приложив письмо о сестрах-сиротах, оставшихся без попечения, на что получил резолюцию – «отпустить». Так А. Бадмаев попал в Алтайский край. Здесь начался новый этап в жизни молодого человека в качестве спецпереселенца. Почти 12 лет работал он в бухгалтерии колхоза, затем главным бухгалтером в МТС и др. После реабилитации калмыцкого народа в марте 1957 г. А.Б. Бадмаев вернулся на родину. Началась новая жизнь. Вместе со всем народом он с воодушевлением участвовал в возрождении своей республики.

На фоне восстановления справедливости и всеобщего ликования А. Бадмаеву хотелось поведать миру о том, какие драматические события пережил огульно обвиненный калмыцкий народ в сибирской тайге, а его сыны – на полях сражений Великой Отечественной войны и в Широковском исправительно-трудовом лагере на строительстве Широковской ГЭС, весь ужас которого он испытал на себе. Первые публикации начинающего литератора в местной прессе сразу же привлекли внимание читателей. За очерк «Последнее письмо отца» в 1957 г. ему была присуждена первая премия в конкурсе республиканской газеты «Хальмг унн» («Калмыцкая правда»). В 1964 г. появился первый роман писателя «Там за далью непогоды» («Алтн шорад даргддо») [7]. Книга была посвящена депортации калмыцкого народа – проблеме, которая в то время умалчивалась. Однако Алексея Бадмаева это не испугало. Многоплановое остросюжетное произведение высокой пробы, получившее значительный резонанс в обществе, стало событием не только в калмыцкой литературе, но и в литературе многонациональной страны, принесло писателю широкую известность.

Творчество А.Б. Бадмаева – знаковое явление национальной литературы. Мастером калмыцкой прозы, писателем-романистом созданы крупные эпические произведения, в которых отображена история калмыцкого народа. И в этом смысле своеобразной

энциклопедией жизни калмыков первой половины XX в. стал его роман «Зултурган – трава степная» [8]. Важное место в творчестве писателя занимает Великая Отечественная война. Писатель является автором 6 крупных романов, множества повестей, очерков и рассказов. Среди них такие как «Белый курган» [9], «Мукебэн» [10], «Голубоглазая каторжанка» [11] и др. Многие произведения известного прозаика переведены на разные языки народов мира. Творчеству писателя посвящены работы Н.Н. Полякова [12], Г.Г. Кукареки [13] и др.

Ратные и трудовые заслуги Алексея Балдуевича Бадмаева отмечены орденами Отечественной войны I степени и «Знак Почета», медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги» и «За доблестный труд». Ему присвоены звания «Народный писатель Калмыкии», «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Писатель являлся лауреатом Государственной премии имени О.И. Городовикова. Литературный труд А.Б. Бадмаев успешно совмещал с государственной и общественной деятельностью, был членом правительства республики, секретарем правления Союза писателей России и членом исполкома Международного сообщества писательских союзов.

Примечания

1. Максимов К.Н. Предисловие ко 2-му изданию // Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / изд. 2-е перераб. и доп. Элиста, 2015. С. 4.
2. Алексей Балдуевич Бадмаев (1925–2007 гг.) // Герои войны – герои литературы: писатели-фронтовики Калмыкии о Великой Отечественной войне. Элиста, 2010. С. 41.
3. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д., 2010.
4. Ссылка калмыков: как это было: сб. документов и материалов. Элиста, 1993. Т. 1. Кн. 1. С. 6, 9, 25–29.
5. Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста, 1991. С. 22–23.
6. Бадмаев А.Б. Широлаг – смерти порог // Ширострой. Широлаг: сб. воспоминаний воинов – калмыков, участников строительства Широковской ГЭС. Т. 3. Кн. 2 / сост. Р.В. Неяченко. Элиста, 1994. С. 24.

7. Бадмаев А.Б. Там за далью непогоды. Элиста, 1966.
8. Бадмаев А.Б. Зултурган – трава степная: Роман / пер. с калм. Н. Родичева. М., 1987.
9. Бадмаев А.Б. Белый курган: повесть / пер. с калм. В. Сидорова. Элиста, 1979.
10. Бадмаев А.Б. Мукебэн. М., 1988.
11. Бадмаев А.Б. Голубоглазая каторжанка: рассказ. Элиста, 1994.
12. Поляков Н.Н. Герои войны – герои литературы: писатели-фронтовики Калмыкии в Великой Отечественной войне. Элиста, 1973. С. 65–68.
13. Кукарека Г.Г. Белый курган Алексея Бадмаева // Хальмг унн. 2014. 16 сентября (№162). С. 4.

Раздел 4. Власть и общество в 1941–1945 гг.: военная экономика и повседневная жизнь

С.Я. Суций

СИСТЕМА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮГА РСФСР В 1941–1945 гг.

(на материалах Степного Предкавказья и Нижнего Поволжья)¹

Советская власть, используя серьезные инфраструктурные заделы императорской России, многое сделала для формирования в стране системы всеобщего школьного образования. В 1920–1930-е гг. СССР сумел в целом решить проблему ликвидации безграмотности взрослого населения, создать разветвленную сеть начальных и средних учебных заведений, охватившую не только города, но и всю сельскую местность. На Юге России на рубеже 1930–1940-х гг. функционировали тысячи школ, шел активный переход местных учебных сетей от начальных школ к семилеткам, а затем и к средним школам [1].

В годы Великой Отечественной войны эта мощная образовательная инфраструктура подверглась самым серьезным испытаниям. Ее массовость и повсеместность не позволяли эвакуировать учебные заведения (профессиональные кадры, оборудование), как это происходило с организациями других направлений социокультурной инфраструктуры (а непосредственно в сфере образования – с вузами, частью техникумов и училищ).

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17-18-01411).

Следует учесть и то, что наступление вермахта летом 1942 г. было слишком быстрым, и поэтому эвакуация в значительной степени носила авральный характер. Подавляющая часть материально-технического оснащения школьных учебных заведений осталась в зоне оккупации (достаточно сказать, что из 2,5 тысяч школ Кубани за пределы края была эвакуирована только одна [2]).

К осени 1942 г. более $\frac{2}{3}$ территории Юга России оказалась в оккупации, другая часть находилась в прифронтовой зоне, серьезно затруднявшей (если не исключавшей) возможность функционирования учебных заведений. Впрочем, факты свидетельствуют, что даже небольшая стабилизация на фронте позволяла функционировать учебным заведениям, расположенным практически в прифронтовой зоне. Так, к примеру, работала школьная сеть Ростова зимой – весной 1942 г., после первого освобождения города от оккупантов.

Существенно осложнилась работа школ и в тыловых районах. На фронт ушли многие преподаватели, эвакуация населения сокращала численность потенциальных учеников, бомбежками были разрушены некоторые школьные здания, другие были отданы под военные нужды. В Астраханском округе Сталинградской области уже к весне 1942 г., задолго до того, как данная территория стала прифронтовой, число учеников сократилось на 30 %. Отсев нарастал вплоть до зимы 1943/1944 г., когда школы Астрахани и ее сельских районов посещало чуть более трети учеников от уровня довоенного времени (старшекласников осталось еще меньше – около четверти) [3]. Иной была количественная динамика школ округа: сократившись в начале войны (под нужды других ведомств было передано 61 школьное здание), их число затем стало увеличиваться. Это было связано с решением властей максимально приблизить учебные заведения к месту проживания детей (если населенный пункт располагался на расстоянии более 3 км от действующей школы, в нем открывалась своя учебная организация).

Система школьного образования в зоне оккупации находилась в кардинально ином положении. Сохранение значительной части образовательной инфраструктуры и материально-технической базы позволяло новой власти не прерывать деятельности учебных заведений, тем более что она сама была заинтересована в сохранении

на подчиненных территориях социального порядка. Хорошо известны высказывания высшего руководства нацистской Германии и лично фюрера о необходимости если не полного уничтожения, то серьезного сокращения советской системы образования. В генеральном плане «Ост» подчеркивалось, что для подрастающего поколения завоеванных советских территорий будет достаточно четырехклассной народной школы, целью обучения в которой являлось бы освоение простейшей арифметики и получение учениками небольших навыков чтения и письма [4].

Однако у войны оказалась собственная логика, которую пришлось учитывать. Затяжной характер военных действий с 1942 г. вынудил немецкое руководство определенным образом изменить свою социокультурную политику на оккупированных территориях. Согласно С.И. Линцу, такие изменения прежде всего были характерны для степного Предкавказья и Северного Кавказа, поскольку «именно здесь оккупанты рассчитывали найти поддержку у тех слоев и групп населения, которые были недовольны советской властью» [5]. Речь шла об оппозиционной творческой интеллигенции (в том числе и горской), представителях привилегированных социальных прослоек, ликвидированных советской властью; этнорадикально настроенной части кавказских народов.

Но очевидно, что немецким руководством были извлечены и общие уроки из оккупационного опыта первого года войны. Именно жесткое, циничное (т.е. в полной мере соответствующее ранее сделанным декларациям) отношение к населению захваченных советских территорий вело к росту ответного сопротивления (в том числе военного), неприемлемого в условиях тяжелой затяжной войны. А запущенный маховик борьбы с населением остановить было крайне тяжело (насилие порождало ответное насилие, провоцируя обе стороны на эскалацию противостояния), в чем к лету 1942 г. немецкое руководство сумело убедиться в полной мере.

При оккупации новых территорий следовало не повторять ранее допущенных ошибок. И политика немецких властей, хотя бы в силу сугубого прагматизма, не могла не стать более социально ориентированной, в том числе и в сфере образования. Летом – осенью 1942 г. немцы были весьма заинтересованы в сохранении лояльности граж-

данского населения Юга России и поддержании базовых институтов социального порядка (что, конечно, не исключало и абсолютно бесчеловечных форм оккупационной деятельности).

Впрочем, оставшаяся учебная инфраструктура и «добрая воля» новой власти были необходимыми, но далеко не достаточными условиями для возобновления учебного процесса. Требовалось вернуть в школы учителей и учеников. На местах остались далеко не все преподаватели, а из них далеко не все были готовы продолжать работу при оккупантах. Покинула захваченные территории и часть населения. Те же, кто остался, не торопились посылать детей в школы.

Вот как описывает ситуацию в оккупированном Ростове (лето 1942 г.) известный ростовский поэт Л.Г. Григорян, которому в это время было 12 лет: «Где-то в конце августа стали обходить дома, приглашать детей в школу, для знакомства... Пришло несколько десятков человек. Я зашел и удивился: там выступал с речью Александр Прокофьевич, он был до войны завучем 36-й школы... Он говорил: “Наступили новые времена. Немцы освободили нас от большевизма. Мы теперь свободные люди. Вы должны хорошо учиться, слушаться властей, и все будет прекрасно”. Как дико было слушать такое. Все стояли в изумлении и молчали... В школу я не пошел. Судьба этого учителя мне неизвестна» [6].

Даже в отсутствие развернутой точной статистики о количественных показателях школьной системы Ростовской области в период оккупации очевидно, что они в разы уступали довоенным параметрам. Значительное число школ так и не приступило к работе, другие работали в существенно ограниченном формате. Но и такой формат означал многие сотни школ и десятки тысяч учеников. А в масштабе всей оккупированной части Юга России эти показатели могли быть значительно выше.

Действительно, только в пределах трех регионов – Ростовской области, Краснодарского и Орджоникидзевского (Ставропольского) краев – в довоенном 1940 г. функционировало более 6,6 тыс. школ, которые посещало 1,44 млн учеников. К моменту прихода немцев в пригодном для учебного процесса состоянии находилось от половины до $\frac{2}{3}$ школьной инфраструктуры. На местах оставалось порядка 60–70 % местных жителей [7]. Если даже треть или четверть этого

населения, проявляя лояльность к новой власти, посылало детей в школы, общее число учеников в трех регионах могло достигать 200–300 тыс. человек.

Но имеются свидетельства того, что в отдельных районах (городских центрах) уровень образовательной «лояльности» населения был заметно выше. В оккупированном Таганроге весной 1942 г. после решения немецкой комендатуры открыть в городе начальные школы в них записалось 54 % местных детей [8]. Приводящий этот пример С.И. Линец констатирует срыв учебных планов новой власти. Однако данные цифры скорее свидетельствуют о том, что школьная система в городе начала функционировать, причем в достаточно массовой форме (многие тысячи учеников).

Но ситуация очень сильно различалась по отдельным центрам и территориям. Многое зависело от степени удаленности линии фронта, длительности пребывания центра/района в оккупации, а также от множества других конкретных обстоятельств и факторов (в том числе от персональных качеств представителей оккупационных властей того или иного места). Если в одних населенных пунктах школьная система, по сути, могла на время прекратить существование, то в других она сохраняла масштабы, почти сопоставимые с довоенным временем (заметим, что таких районов и городов на Юге России было совсем немного).

Показательна ситуация на Ставрополье: за 5 месяцев своего пребывания в крае немцы открыли школы в 34 из 59 его сельских районов. Учебная сеть этого времени включала 220 учебных заведений, в том числе 13 семилеток и 15 гимназий (так были названы полные школы) [9]. Таким образом, школьная система края в оккупационный период составляла около 15 % от учебной сети довоенного 1940/1941 года. При этом функционировало более 19 % начальных (четырёхлетних) школ, но только 4,2 % семилеток и 8,5 % средних школ.

Если количественные параметры оккупационной школы Ставрополья не очень впечатляли, то статистика по отдельным сельским районам Краснодарского края фиксирует приближенный к довоенному формат учебной сети, приступившей к работе осенью 1942 г. (в Пластуновском районе это 22 начальные школы – 2452 ученика; в Каневском – 18 начальных и 8 средних школ) [10]. Косвенным

свидетельством значительного масштаба функционировавшей на Кубани в период оккупации школьной системы является и количество учителей, пошедших на сотрудничество с новым режимом, – 9,32 тыс. человек [11]. Учитывая, что учительский корпус Краснодарского края в 1940 г. составлял около 20 тыс. человек, почти половина местных преподавателей пошла на сотрудничество с немцами. Хотя не все трудовые коллаборанты остались работать в сфере образования, число учителей должно было исчисляться многими тысячами. Даже если довоенное соотношение, существовавшее в крае (1 учитель на 30 учеников), изменилось, речь должна идти минимум о многих десятках тысяч учащихся.

Однако не исключено, что контингент учащихся на Кубани был заметно больше. Если его доля от довоенного уровня составляла 25–30 % (что не представляется невероятным), то он был вполне сопоставим с показателем Астраханского округа, который оставался на советской территории. Не исключено и то, что Краснодарский край от других оккупированных регионов Юга России отличался повышенной распространенностью коллаборационистских практик. Для примера, число учителей, сотрудничавших с немцами (профессиональная деятельность в школах, а также работа в разных в оккупационных структурах) в Ростовской области, составляло 3,5 тыс. человек (только 19 % от довоенного уровня) [12].

Все приведенные цифры и расчеты, не позволяя делать серьезных обобщений, вместе с тем очевидным образом иллюстрируют положение системы школьного образования, продолжавшей функционировать в регионах Юга России и при оккупантах. С одной стороны, это было обусловлено усилиями новой власти по сохранению социального порядка, с другой – свидетельствовало о распространении среди населения различных форм социальной адаптации к изменившимся условиям существования. В целом же оккупационный период оказался слишком коротким (на большей части захваченных немцами южно-российских территорий он уложился в несколько месяцев).

В этом ограниченном временном интервале немецкое руководство так и не смогло четко сформулировать, тем более реализовать на практике собственную программу в сфере «народного просвещения» оккупированных территорий. В силу динамизма данного периода

такой программы в полностью сформированном виде быть и не могло. Хотя справедливости ради следует отметить, что немецкие власти работу в данном направлении вели [13]. С другой стороны, местное население так и не убедилось в окончательности перемен (подобная убежденность, безусловно, заставила бы его более активно осваивать образовательные возможности, предоставляемые новым режимом).

Уже к началу учебного 1943/1944 г. советская власть была восстановлена практически на всем Юге России. Показательна статистика школьной системы Ростовской области, наряду со Сталинградской наиболее пострадавшей от военных действий. К моменту освобождения области от захватчиков в рабочем состоянии находилось около половины местных школ, порядка четверти школьных зданий требовало более или менее значительных восстановительных работ. И они могли быть использованы для учебного процесса, который по числу школ в 1943/1944 г. мало отличался от довоенного времени (94 % образовательных учреждений). Но число учеников сократилось почти вдвое (54 %), что в первую очередь было связано с общим сокращением численности населения области.

Доля детей младшего школьного возраста, посещавших учебные заведения даже в 1942/1943-й, самый сложный, год, составила 83 %, а в следующем (1943/1944 г.) поднялась до 95 %. Уровень охвата подростков – учеников средних и старших классов – был заметно ниже. Даже у детей 8–11 лет среди значимых причин непосещения школы были труд на предприятиях, в колхозах и домашняя работа. Среди подростков доля вынужденных работать в это время была значительно выше. Аналогичным в это время было положение и во многих других регионах Юга России, где от половины до $\frac{2}{3}$ детей старшего школьного возраста по разным причинам (но в основном из-за трудовой деятельности) не учились.

Однако восстановление системы школьного образования шло достаточно быстрыми темпами. К примеру, в Краснодарском крае число школ за период 1940–1945 гг. практически не изменилось при параллельном ощутимом количественном сокращении контингента учащихся. Как и в Ростовской области, число школьников на Кубани к концу войны составляло 69 % от довоенного уровня. Однако это сокращение было прежде всего связано с оттоком населения.

Подавляющее большинство детей младшего школьного возраста, оставшихся в крае, в конце войны уже снова посещало школу. Как и в Ростовской области, ситуация с подростками (старшие классы) в крае была заметно сложнее. Многие из них были вынуждены работать. Как следствие, охват школой подростков 14–17 лет составлял в это время на Кубани порядка 60 %. Отстающей на этом фоне выглядит школьная система Астраханского округа, в котором к концу войны учебные заведения посещали чуть более половины учеников от уровня довоенного времени [14].

В любом случае школьная система регионов Юга России продемонстрировала в годы войны свою жизнестойкость. А быстрота, с какой она возвращала свои базовые количественные характеристики, являлась свидетельством не только высокого организационного потенциала советской власти, но и общей укорененности системы образования среди основных социальных институтов региональных сообществ, уже сложившейся у местного населения устойчивой потребности в образовании подрастающего поколения.

Примечания

1. Суций С.Я. Образование и наука Юга России: аналитико-картографическое исследование. Часть I (период до 1945 года). Ростов н/Д., 2009. С. 120.
2. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). Ростов н/Д., 2003. С. 275.
3. История Астраханского края. URL: <http://www.astrakhan.ru/history/read/76/> (дата обращения: 03.11.2014).
4. Черник С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 141.
5. Линец С.И. Указ. соч. С. 273.
6. Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д., 2006. С. 136.
7. Линец С.И. Указ. соч. С. 278.
8. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в. Демографические процессы и последствия. Ростов н/Д., 2019. С. 454.
9. Линец С.И. Указ. соч. С. 280.

10. Линец С.И. Указ. соч. С. 278–279.
11. Агеева В.А. Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Таганрог, 2007. С. 81.
12. Суций С.Я. Указ. соч. С. 204.
13. Агеева В.А. Указ. соч. С. 82.
14. История Астраханского края.

Л.А. Королева, А.С. Давыдов, А.А. Королев

**СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(по материалам Пензенской области)**

В условиях Великой Отечественной войны перед школами встали новые задачи. Наряду с образовательными и воспитательными функциями, школа должна была осуществлять серьезную военно-физкультурную подготовку школьников, прививать качества, необходимые будущим бойцам. Преподавание каждой учебной дисциплины нужно было подчинить интересам обороны, воспитанию качеств, достойных гражданина своей страны, овладению навыков будущих воинов [1].

Учебные заведения Пензенской области сразу же начали переход на «военные рельсы». Уже в июле 1941 г. во все школы был разослан циркуляр районо, в котором предлагалось «установить ежедневный учет за работой школ в данный период по следующим вопросам: обучение учащихся с 1 по 10 кл. по ПВО и ПВХО (систематические занятия по курсу БПВО и БПВХО, ознакомление учащихся с правилами поведения населения во время воздушных тревог); ...сбор металлолома; ...организованная высылка учащихся в колхозы и совхозы на сельхозработы» [2].

Школьники массово приходили в райкомы комсомола с требованием направить их на любую фабрику или завод для замены ушедших на фронт отцов и братьев. В отделах найма заводов Пензенской области школьники писали заявления на трудоустройство автоматчиками, станочниками, браковщиками и т.п. Комсомольцы Пензенской средней школы № 6 выступили с инициативой отказаться от каникулярно-

го отдыха и вышли работать на фабрики и заводы. Старшеклассники подавали заявления с просьбой организовать для них краткосрочные курсы трактористов, провести учебу на базе МТС.

Учителя возвращались из отпусков, организовывали участие своих учеников в сельскохозяйственных работах. Школьники с. Шунькино Тамалинского района своими силами очистили от сорняков 120 га посевов зерновых и овощных культур. Школьники с. Громов Соседского района пропололи в колхозе им. Красной Армии 160 га посевов. Ученик неполной средней школы с. Большая Варезка Каменского района А. Казаков, участвуя в сенокосе, ежедневно скашивал по 0,25 га вместо положенных по норме 0,15 га. На прополке посевов в 1,5 раза перевыполняли норму пионерки Мочалейской школы того же района Р. Бодрякова и Т. Урасгильдеева. Учителя средней школы № 2 Пензы Е.К. Державина, О.Е. Глебова и пионервожатая М. Усанова возглавили бригады учащихся на сельскохозяйственных работах в пригородном совхозе. Вместе со своими учениками работали на полях колхозов и совхозов директора и 15 учителей Пензенской средней школы № 3 и неполной средней школы № 11 [3].

Особое значение в то время приобрела задача сбора металлического лома. 102 т черного и цветного металла собрали для нужд обороны пионеры Пензы. В воскресенье 17 августа 200 учащихся и 17 педагогов средней школы № 2 Пензы собрали 12 т металлолома [4].

Поскольку в предстоящем учебном году значительное внимание следовало уделять военно-физкультурной подготовке учащихся, при многих школах оборудовали спортивные площадки, разбивали футбольные и волейбольные поля, сооружали беговые дорожки и т.п. Так, в Канадеевской средней школе Николаевского района не только сделали ремонт в здании, но и построили спортивные сооружения. Во многих школах были созданы специальные военно-физкультурные кабинеты, организованы оборонные кружки, где детей знакомили со средствами защиты от противовоздушной и противохимической атаки и т.д. [5].

Для экономии средств многие школьные коллективы стремились проводить ремонтные работы собственными силами. Так, учителя и школьники Анненковской средней школы Кузнецкого района под руководством директора А.П. Чекалиной сами выкрасили и побелили

здание, привели в порядок классную мебель, отремонтировали наглядные пособия; для отопления школы заготовили 500 кубометров дров. В Пачелмской железнодорожной школе № 34 также весь ремонт школы и учебного оборудования, заготовка дров были произведены педагогами и учащимися.

1941/1942 учебный год начался 1 сентября без переносов. Директор начальной школы № 28 Пензы Н.А. Макарова на торжественном митинге в первый день учебы сказала: «...В эти грозные дни, когда решается судьба нашей страны, ваш долг приложить все усилия, все старания для того, чтобы учиться отлично, так же, как сражаются на фронте ваши отцы и братья, как работают на заводах ваши матери и сестры» [6]. Практически во всех школах были подготовлены стенды, плакаты, выставки о Великой Отечественной войне. Например, в средней школе № 2 Пензы учащиеся Нульман и Лифанов под руководством учительницы Л.Н. Буренковой составили плакат «Герои Отечественной войны»; у входа в школу был вывешен плакат «Учиться так, чтобы отцы на фронте гордились нашими успехами». На стенах комнат Пензенской начальной школы № 28 была размещена фотовыставка «Отечественная война советского народа» [7].

В военных условиях дефицита всех ресурсов актуализировалась проблема экономии средств. В начале 1942 г. на партийно-кандидатской группе Пачелмской средней школы № 87 состоялось обсуждение вопроса о режиме экономии: «Вскрылись каналы проведения режима экономии, которые могут быть применены в каждой школе. Первым таким каналом является укрупнение классов и ликвидация некомплектности. В 1941 г. мы имели 19 классов, а в начале 1942 г. путем слияния неполно-комплектных классов, при том же количестве учащихся, имели всего 17 классов. Дальнейшее наполнение классов дало удешевление стоимости обучения учащегося, и если в мае 1942 г. она равнялась 370 рублей в год, то в октябре 1942 года она упала до 319 рублей, что составляет на год на 620 учащихся 30 620 рублей экономии. Уменьшая количество классов, таким образом резко уменьшили расход топлива на одного ученика, количество обслуживающего персонала – вместо 9 технических работников по смете мы имеем всего 6, что снова дает экономию в трудовых ресурсах и в средствах (около 2100 рублей)» [8].

7 сентября 1941 г. школьники Пензенской области приняли активное участие во втором массовом Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике в честь XXVII годовщины Международного юношеского дня. Так, учащиеся Городищенской средней школы № 2 работали на жатве пшеницы в колхозе им. И.В. Сталина и заготавливали дрова для школы. Учащиеся Чаадаевской железнодорожной средней школы № 35 поднимали рельсы, меняли шпалы, ремонтировали железнодорожное полотно [9]. Бригады старшеклассников пензенских школ № 10 и № 13 в пригородном колхозе собирали картофель и огурцы, косили траву.

Школьники активно участвовали в сборе металлолома для нужд обороны. 2 октября коллектив учителей и школьников Веселовской неполной средней школы собрал 60 пудов металлических изделий, вышедших из употребления.

10 декабря в школах начались зимние каникулы. Во всех школах были составлены планы организации каникул, в которых определялись культурно-массовые и общественно-полезные мероприятия. Например, учащиеся школы № 3 Пензы активно во время каникул собирали цветной лом и средства на создание танковой колонны имени пензенского комсомола. Многие школьники сдавали свои лыжи для бойцов Красной армии. Школьные кружки художественной самодеятельности организовывали выступления для красноармейцев. В школе № 10 Пензы проводили лыжные походы, спортивные соревнования и т.п.

Свою посильную лепту в дело Победы вносили школьники всех возрастов. Учащиеся школы № 2 Пензы прислали письмо в местную газету «Сталинское знамя»: «Мы – пионеры 7 класса “В” не могли оставаться в стороне от великого дела. Но мы еще малы, на фронт нас не берут, и поэтому решили мы помогать фронту здесь, в тылу. На первом же пионерском сборе все обещали стать тимуровцами. Еще в начале учебного года мы стали помогать семьям бойцов и командиров Красной армии» [10]. Школьники убирались в квартирах, носили воду, пилили, кололи дрова и пр.

С самого начала Великой Отечественной войны в области проводились мероприятия по обеспечению школ области педагогическими кадрами и по их усовершенствованию. В 1941 г. в Пензе открылся

педагогический институт (первый вуз в области). Были увеличены контингенты учащихся существовавших училищ, расширена сеть заочного обучения во всех педучилищах, в педагогическом и учительском институтах. Все эти мероприятия позволили покрывать потребность в учительских кадрах [11].

Учителей часто привлекали к дополнительной, не учебной работе. Так, Даниловский райком ВКП(б) создал группу агитаторов из учителей средней школы. За каждым агитатором был закреплен определенный квартал, и учителя-агитаторы на своих участках проводили с домохозяйками беседы и громкие читки газет, рассказывали о героической борьбе Красной армии, разъясняли международные события [12].

Таким образом, деятельность школ в военное время была ориентирована на военные потребности. Педагогические и ученические коллективы были вовлечены в решение административно-хозяйственных задач региона.

Примечания

1. Королев А.А., Королева Л.А. Советская школа в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам Пензенской области) // *Е-Scio*. 2018. № 6 (21). С. 83–89.

2. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 282.

3. Священный долг юных патриотов // *Сталинское знамя*. 1941. 13 июля. С. 2.

4. Востоков И. Учащиеся собирают металлолом // *Сталинское знамя*. 1941. 29 августа. С. 2.

5. Королева Л.А. Подготовка педагогических кадров – преподавателей физкультуры средней квалификации в Пензенской области. 1944–1952 гг. (на примере Пензенского техникума физической культуры) // *Образование и наука в современном мире. Инновации*. 2015. № 1. С. 29.

6. Александрова З. Учебный год начался // *Сталинское знамя*. 1941. 2 сентября. С. 2.

7. Степанова Н. Добро пожаловать // *Сталинское знамя*. 1941. 31 августа. С. 3.

8. Соколов К. Режим экономии в школе // Сталинский путь. 1942. 28 октября. С. 1.
9. Вклад школьников // Сталинское знамя. 1941. 9 сентября. С. 4.
10. Тимуровская команда // Сталинское знамя. 1941. 24 декабря. С. 3.
11. Пензенская область за 40 лет Советской власти. 1917–1957. Пенза, 1957. С. 432.
12. Иванов К. Учителя-агитаторы // Сталинское знамя. 1941. 19 октября. С. 4.

В.А. Агеева

РЕОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на материалах Дона)

Великая Отечественная война – это символ массового героизма, гражданской ответственности и национальной гордости нашего народа. Чем дальше уходят в прошлое события военного лихолетья, тем актуальнее и острее встает вопрос исторической памяти о них, поскольку в истории найдется не так много примеров подобного коллективного подвига, способствовавшего физическому и социокультурному сохранению значительного числа народов, стран и цивилизаций.

Для молодежи XXI в. эта война уже стала историей. Вместе с тем страницы истории Великой Отечественной войны содержат мощный воспитательный потенциал, являющийся неисчерпаемым источником формирования активной гражданской позиции юношества. Формы выражения патриотизма и национального единства народов СССР в годы Великой Отечественной войны были многообразны и проявлялись во всех аспектах жизнедеятельности советского социума. Определение места образовательной сферы, частью которой в годы войны являлась система трудовых резервов, в процессе военного противостояния и выделение роли духовного фактора в Победе над фашизмом вызывает бесспорный научный интерес.

Следует отметить, что исследования по истории профессионально-технического образования в 1940-е – начале 1950-х гг. практически не велись. В середине 1950-х гг. появился труд доктора педагогических наук, профессора А.Н. Веселова [1]. В 1970-е гг. вышли в свет крупные работы Э.С. Котляра, М.М. Кучеренко [2].

Знаковым исследованием на рубеже советского и постсоветского периодов явилась докторская диссертация В.В. Дрыночкина «Великая Отечественная война и функционирование советской системы народного образования» [3]. В ней раскрываются противоречия в деятельности советского правительства по перестройке работы учреждений системы трудовых резервов, организации учебного процесса в условиях военного времени. Автор отметил как положительные, так и негативные явления в вопросах мобилизационного набора в систему трудовых резервов.

Исследователи 2000-х гг. стремились определить лакуны в историческом исследовании темы с ориентацией прежде всего на локальные региональные исследования и привлечь новые источники к ее рассмотрению [4]. В прикладном плане представляет интерес коллективная монография Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной [5]. Методологические подходы критического осмысления исторической литературы и источниковой базы периода Великой Отечественной войны, предложенные авторами, являются перспективными алгоритмами, способствующими решению исследовательских задач по самой широкой проблематике, в том числе и рассматриваемой нами теме.

Одним из противоречивых и вызывающих дискуссии в современной исторической литературе является вопрос о мобилизационном характере государственных трудовых резервов. Определенная часть исторического профессионального сообщества объявила трудовые резервы «принудительной полувоенной или полутюремной системой, закономерным порождением тоталитарного режима» [6]. В.В. Дрыночкин в своей диссертации констатировал: «...принуждение в отношении подростков при комплектовании учебных заведений трудовых резервов продолжалось и до окончания войны, представляя в сущности крепостническую систему формирования трудовых резервов, которая вполне “вписывалась” в условия тоталитарного общественного строя» [7]. Большинство авторов склонны рассма-

тривать усиление мобилизации (призыва) как прямое следствие начала Великой Отечественной войны и необходимую часть системы мобилизационных мер, направленных на обеспечение победы над фашистскими агрессорами. При этом исследователи обращают внимание на то, что во время войны наряду с мобилизацией сохранялась практика добровольного набора [8]. В итоге можно отметить, что и те и другие признают, что в сфере профессионально-технического образования установилась система преобладания государственного начала над личностным, ограничившая индивидуальную и социальную мобильность юношества [9].

Обращаясь к теме, заявленной нами в данной работе, необходимо отметить, что создание накануне Великой Отечественной войны системы трудовых резервов открыло принципиально новый этап в развитии профессионально-технического образования в стране и в регионе. Прежде всего создается жесткая вертикаль управления профессионально-техническим образованием: от Государственного управления трудовых резервов (ГУТР) при СНК СССР в центре, где сосредоточилось руководство и распределение кадров, к региональным управлениям трудовых резервов на местах. Таким образом, отход от узковедомственного подхода предприятий и наркоматов к подготовке рабочих кадров позволяло повысить качество их подготовки посредством следующих изменений: установление единых сроков обучения, введение стандартизированных учебных планов, программ и производственной практики. В Ростовской области к 1941 г. сложилась крупная сеть учебных заведений системы трудовых резервов, отвечающая актуальным запросам подготовки молодых рабочих кадров для народно-хозяйственного комплекса региона [10].

В условиях начавшейся войны деятельность системы трудовых резервов стала перестраиваться и претерпела реорганизацию, обусловленную задачами обороны, наращивания военной продукции и укрепления тыла. Следует отметить, что модернизационные процессы не были одноэтапными и зачастую кардинально отличались по содержанию, что было обусловлено прежде всего объективной ситуацией на фронтах, диктовавшей свои насущные потребности. Фактически с первых месяцев войны территория Донского края стала фронтовой и прифронтовой областью, что несколько осложнило,

но в то же время и ускорило реорганизационные процессы по перестройке работы училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) на военный лад.

На первом этапе войны, когда перед правительством стояла задача быстрой милитаризации народно-хозяйственного комплекса и максимального удовлетворения нужд фронта, в условиях массовой мобилизации трудоспособного населения на фронт были проведены следующие преобразования. Во-первых, были сокращены сроки обучения, пересмотрены программы, изменены формы и методы обучения, а также условия приема в ремесленные училища и школы ФЗО. Велась большая целенаправленная работа по созданию новых учебных заведений трудовых резервов и пересмотру номенклатуры специальностей. Активно организовывалась подготовка радиотехников, военных строителей, специалистов в области энергетики, авиации и др. Фактически же процесс обучения был подменен отработкой минимальных профессиональных умений и навыков и трудовыми процессами на базе сети трудовых резервов по выпуску военной продукции, снизился обмен передовыми практическими методами обучения. Несмотря на то, что такая организация учебного процесса позволяла эффективно решать задачи обороны минимальным кадровым составом и быстро заполняла дефицит рабочих кадров в народном хозяйстве, существовала масса отрицательных последствий таких преобразований системы трудовых резервов в 1941–1942 гг.: снизилось качество подготовки квалифицированных кадров, ухудшилась учебно-воспитательная работа, а выпускаемые рабочие имели узкий профиль знаний.

Ситуацию по организации деятельности системы трудовых резервов на территории Ростовской области в рамках общегосударственной программы реорганизации усугубили объективные условия военной действительности. Фактически с первых месяцев 1941 г. на ее территории начались эвакуационные процессы, так как немецко-фашистские войска стремительно продвигались по региону и устанавливали в городах и районах Дона оккупационный режим. Оккупационный режим по продолжительности был разным, от нескольких месяцев до нескольких лет. Например, Таганрог и ряд прилегающих к нему районов находились под властью оккупантов с 1941 по 1943 г.

Таким образом, эвакуация и оккупация разрушили целостность системы трудовых резервов Ростовской области уже в 1941 г.; задачи, поставленные правительством и ГУТР на первом этапе реорганизационных процессов, выполнялись частично там, где это позволяли объективные условия хода военных действий. Однако следует отметить, что обучающиеся училищ и школ ФЗО под руководством своих наставников в прифронтовых условиях до последней возможности под бомбежками и обстрелами вражеской авиации выполняли все необходимые ремонтные работы, тем самым пополняя боевой арсенал войск Южного фронта. Например, в связи с тем, что в начале 1942 г. линия фронта находилась в 45–50 км от Ростова-на-Дону, большое распространение получила практика организации на базе учебных заведений трудовых резервов своеобразных прифронтовых мастерских, куда военная техника прибывала прямо с полей сражений и после ремонта направлялась снова в бой. Одна из первых таких мастерских была создана на базе ремесленного училища № 13, располагавшегося недалеко от шоссе на г. Таганрог [11].

Наращивание деятельности сети трудовых резервов тыловых районов, подкрепленное эвакуированными ремесленными училищами, железнодорожными училищами, школами ФЗО, а затем и перелом в Великой Отечественной войне и успешное поступательное освобождение территорий СССР, в том числе и Дона, обусловили новые качественные по содержанию и структуре реорганизационные процессы в системе трудовых резервов страны.

Еще с начала 1942 г. ГУТР и правительство были обеспокоены резким снижением уровня учебной и методической работы в ремесленных училищах и школах ФЗО. В функционировании системы профессионально-технического образования, направленной на выполнение оборонных заказов, наметились трудности. Они были связаны с оккупацией значительной территории СССР немецко-фашистскими захватчиками и, соответственно, с разрушением целостности сложившейся до войны сети учебных заведений системы трудовых резервов; сложностями перестройки деятельности учебных заведений в местах эвакуации и необходимостью большинству учебных заведений приспособиться к требованиям новых базовых предприятий. «В военное время учащихся принимали для обучения в разные сроки

на протяжении всего учебного года, группы начинали занятия не одновременно и за истекший учебный период изучали разный по объему материал. Неоднородность состава групп по возрасту, общеобразовательному уровню, а часто и по смешанным профессиям срывала своевременное выполнение учебных программ. Возникла нехватка инженерно-педагогического персонала из-за того, что многие преподаватели и мастера производственного обучения ушли на фронт» [12].

В этой череде факторов выделяется проблема явных пробелов в общеобразовательной подготовке поступающих в сеть трудовых резервов. Последний фактор усугубился к 1943 г., поскольку из-за оккупации у многих подростков образовался перерыв в учебе в 1–2 года. Восполнить пробелы по общеобразовательным дисциплинам у учащихся в условиях, когда они с первых же занятий приступали к изучению специальных и общетехнических дисциплин, было практически нереальным делом.

Первым с начала войны основополагающим документом по повышению качества обучения в системе трудовых резервов явился приказ ГУТР от 22 июля 1942 г. «Об упорядочении производственного обучения учащихся в ремесленных и железнодорожных училищах». В нем намечались решительные меры по улучшению всего учебно-производственного процесса: восстанавливался семичасовой учебно-производственный день (шесть часов производственного обучения и один час теоретических занятий), практическая работа переносилась на ведущие предприятия и в мастерские, вносились исправления в комплектование групп, восстанавливались методические советы при местных управлениях трудовых резервов. В основном он был актуален для училищ и школ ФЗО Ростовской области, эвакуированных в тыл.

В 1943 г. после освобождения Дона от немецко-фашистских захватчиков возрождающаяся система трудовых резервов региона планомерно включилась в общегосударственные процессы реорганизации начального профессионального образования. На этом этапе были проведены мероприятия, направленные на ликвидацию потерь учебного времени, восстановление порядка комплектования учебных групп, повышение требований к текущему учету знаний учащихся. Наметились изменения и в учебно-методической работе:

были восстановлены теоретические занятия, проведена аттестация преподавателей специальных и общеобразовательных дисциплин. Нормализация управления учебно-производительным процессом расширила функции учебно-методического отдела, учебно-производственного совета. Первые учебно-методические кабинеты при республиканских и городских управлениях открылись к концу войны. В итоге все преобразования были направлены на создание новой модели единого учебного процесса в системе трудовых резервов, в котором сочетались профессиональная и общеобразовательная подготовка будущих рабочих. Таким образом, закладывался принцип перехода от подготовки рабочего-«операционника» к подготовке высококвалифицированного рабочего. При этом создавать данную модель приходилось в условиях восстановления разрушенного войной народного хозяйства страны, когда не хватало мастерских, оборудованных станочных парков, лабораторий и кабинетов по теоретическому обучению, учебников, учебных пособий, письменных принадлежностей, благоустроенных общежитий, квалифицированных педагогических кадров и пр.

В Ростовской области в 1943–1945 гг. преимущественно создавались учебные заведения трудовых резервов, способные обеспечить профессиональными кадрами сельские районы, что вполне правомерно, учитывая тот факт, что Дон являлся житницей России. Во-вторых, вполне закономерна и организация на территории, пережившей немецко-фашистскую оккупацию, новых школ ФЗО, преимущественно готовящих специалистов строительного дела [13].

Структурные реорганизации сети ремесленных училищ после изгнания немецко-фашистских оккупантов были тесно взаимосвязаны с профилактикой порожденного войной такого опасного социального бедствия, как массовая детская беспризорность. Организация специальных ремесленных училищ в августе 1943 г. для детей-сирот, родители которых погибли на фронте или от рук фашистских оккупантов, явилась своевременной мерой социальной защиты подростков из малоимущих семей и борьбы с детской беспризорностью. В Ростове-на-Дону в 1943 г. было создано два специальных ремесленных училища: одно № 8 (металлистов) для мальчиков и второе № 9 (радиодела) для девочек [14].

В заключение следует отметить, что единство фронта и тыла в период Великой Отечественной войны явилось одним из главных слагаемых Великой Победы советского народа. Составной частью советского тыла являлась система трудовых резервов. Учебные заведения, как и все другие социальные институты, встали в ряды борцов с фашизмом, за сохранение независимости Родины.

Примечания

1. Веселов А.Н. Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР. М., 1955.

2. Котляр Э.С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1975; Кучеренко М.М. Молодое поколение рабочего класса СССР: процесс формирования и воспитания. 1917–1979. М., 1979.

3. Дрыночкин В.В. Великая Отечественная война и функционирование советской системы народного образования: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992.

4. Калайчева Т.М. Трудовые резервы Ленинграда в годы блокады, 1941–1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; Хисамутдинов Р.Р. Создание системы Государственных трудовых резервов и ее развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале: 1940–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002; Нестеров А.С. История профессионально-технического образования на Ставрополье и Кубани: 1940–1980-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006; Агеева В.А. Общеобразовательная школа и трудовые резервы Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2006; Панарина Е.В. Реализация социальной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): на материалах Дона и Северного Кавказа: дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2009.

5. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д., 2009.

6. Захаровский Л.В. К вопросу о мобилизационном характере государственных трудовых резервов // Научный диалог. 2015. № 8 (44). С. 59.

7. Дрыночкин В.В. Указ. соч. С. 196.
8. Захаровский Л.В. Указ. соч. С. 62.
9. Агеева В. А. Человек тыла: историко-психологический аспект (на примере жизнедеятельности коллективов учебных заведений Юга России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Таганрог, 2009. С. 21.
10. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-9. Оп. 4. Д. 73. Л. 24; Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4260. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
11. Нестеров А.С. Указ. соч. С. 134.
12. ГАРО. Ф. Р-4260. Оп. 1. Д. 11. Л. 7, 8.
13. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 356. Л. 26.
14. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 4. Д. 11. Л. 23.

Г.Б. Кайтуков

ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1941–1945 гг.

В годы Великой Отечественной войны Советскому Союзу потребовалась тотальная мобилизация экономических и людских ресурсов. В исторической науке проблемы мобилизационной экономики до настоящего времени являются дискуссионными и требуют дальнейшего изучения [1]. По понятным причинам основные направления стратегии военной экономики находятся в тесной связи с политической доктриной [2].

Ю.П. Бокарев считает, что «стратегическая модель военной экономики формируется на основе принятой политическим руководством страны концепции о вероятном противнике и характере будущей войны. Исходя из этого определяются задачи военной промышленности, строится структура производства вооружений и боеприпасов» [3]. По мнению С. Глазьева, мобилизационная экономика представляет собой систему государственного регулирования, позволяющую достичь максимальной концентрации всех отраслей экономики для решения актуальных проблем, к примеру на период войны [4]. Другие специалисты предлагают разделять термины «мобилизация экономики»

и «мобилизационная экономика»: в первом случае речь должна идти о переходе экономики страны на военные рельсы, во втором – о системе государственных мер, которые стесняют граждан страны, нарушая их права [5]. Имеет право на существование и определение, данное А. Дутиным, который считает, что мобилизационная экономика является собой такой вид экономических отношений, который предполагает перераспределение ресурсов страны на одну цель в ущерб остальным, что приводит к дисбалансу в обществе [6]. Это определение, как нам кажется, наиболее полно отражает процессы, которые прослеживаются в экономике страны в годы Великой Отечественной войны.

Новые методологические реалии ставят вопросы о механизмах и направленности мобилизационной экономики. Эти аспекты проблемы еще не получили своего решения в региональной историографии. Процессы институционализации экономики в исключительных условиях Великой Отечественной войны должны рассматриваться с учетом сформировавшейся в 1930-е гг. командно-административной системы. В годы войны Северо-Осетинская АССР, как и другие регионы страны, была включена в мобилизационную систему экономики. О переквалификации народного хозяйства республики имеются специальные исследования [7].

В непростых условиях перестройки экономики на военные рельсы от тружеников тыла требовались героические усилия во имя победы над врагом: «Основной задачей в нынешней обстановке является перевод работы всех предприятий и учреждений на военный лад. Введение строжайшей экономии везде и во всем, строго беречь материальные фонды, беречь время и рабочую силу. Надо сделать так, чтобы там, где раньше работали двое-трое, работал один, и работа, на которую тратились дни, чтобы сейчас тратились лишь часы, нужно также совершенно ликвидировать все еще имеющиеся непроизводительные излишние расходы», – отмечалось в обращении к населению г. Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ) [8].

Рабочие флагмана цветной металлургии СССР завода «Электроцинк» в течение короткого времени перешли на выпуск военной продукции. Например, рабочие химического производства под руководством начальника цеха О.И. Гусова начали выпускать тротил, столь необходимый для изготовления противотанковых мин. Было

освоено производство деталей для ракетных установок М-13, производство гранат Ф-1 и РГД-33, а также бутылок с зажигательной смесью, осколочных и фугасных авиабомб. «Установить следующие сроки начала опытного и массового производства: а) гранат системы Ф-1 и РГД-33 на заводе “Электроцинк”: опытного – 15.11.1941 и массового производства – 22.11.1941, на предприятиях Наркомместпрома: опытного – 25.11, массового – 01.12; б) мины на Орджоникидзеvском вагоноремонтном заводе: опытного – к 10.11.1941 и массового производства – к 25.11.1941, опытное производство стволов минометов – 10.11 и массовое – 10.12.1941; в) опытное производство взрывателей для мин на заводе “Стеклотара” – 10.11.1941 и массовое производство – 25.11.1941, опытное производство прибора прицела минометов – 25.11 и массовое – 10.12.1941; г) организацию производства деталей запалов (медные трубки и т.д.) на заводе “Электроцинк” закончить к 20.11.1941, производство азотной кислоты освоить к 20.11 сего года; д) опытное производство гремучей ртути на Садонском комбинате организовать к 25.11 и массовое производство – к 01.12.1941» [9].

Уже в начальный период войны все предприятия республики были перепрофилированы на выпуск военной продукции, производство минометов, мин, гранат. Коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих Орджоникидзеvского вагоноремонтного завода им. С.М. Кирова досрочно выполнил специальное правительственное задание по оборудованию и формированию четырех санитарных поездов. За короткий срок заводчане ввели в действие эвакуированное из Украины оборудование и наладили выпуск минометов и мин к ним.

На заводе «Стеклотара» было налажено производство противотанковых заграждений, прицелов для минометов М-50. Садонский комбинат начал добычу гремучей ртути, необходимой для начинки мин и гранат. Перестраивая промышленное производство на военные рельсы, рабочие, инженеры и техники Северо-Осетинской АССР только в течение первого года войны дали фронту 117 тыс. минометов, 50 тыс. мин, 114 тыс. гранат и 164 тыс. артиллерийских снарядов [10]. Предприятия легкой промышленности за это же время дали действующей армии 69 тыс. кавалерийских шашек, 42 тыс. седел, 707 тыс. ватных телогреек, 9750 пар валенок, 13 тыс. полушубков [11].

Отметим, что формирование мобилизационной экономики было немислимо без жесткого контроля политических институтов. Уже в первые дни войны встал вопрос о создании внеконституционных органов, которые могли осуществлять неослабный контроль над всеми сферами жизни советского общества. 30 июня 1941 г. было принято совместное постановление ЦК ВКП(б), СНК и Президиума Верховного Совета СССР о создании Государственного комитета обороны (ГКО) СССР. В первые месяцы войны было создано 79 городских комитетов обороны в разных регионах страны. Изучение директивы позволяет сделать ряд выводов, прежде всего – в руках городских комитетов обороны концентрировалась вся полнота власти и ответственности. В состав комитетов входили не только гражданские лица, но и представители фронтовых и армейских штабов, военных гарнизонов. Следует иметь в виду, что юрисдикция комитетов распространялась как на городские районы и прилегающие к ним территории, так и на большие административные субъекты.

24 октября 1941 г. был создан Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны, который координировал работу на территории всей Северо-Осетинской АССР. «В интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти, установления строжайшего порядка в городах и районах, – отмечалось в Постановлении Президиума Верховного Совета и СНК Северо-Осетинской АССР, областного комитета ВКП(б), – 1) Создать Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны в составе Мазин Н.П. – секретарь обкома ВКП(б) (председатель), Кулов К.Д. – второй секретарь обкома ВКП(б) (зам. председателя), Зоделава А.С. – нарком внутренних дел и Запороженченко М.И. – начальник гарнизона (члены); 2) Сосредоточить всю полноту власти в Северо-Осетинской АССР в руках Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны; 3) Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы, расположенные на территории СО АССР, беспрекословно выполнять решения и распоряжения Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны» [12]. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны умело организовал работу всей тыловой жизни автономной республики. Создание и функционирование Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны, как и десятков других, связано

с исключительными условиями военного времени, когда требовалась централизация усилий государственных и общественных структур на всех уровнях власти. Руководство их работой связано с неослабным контролем со стороны ГКО, который давал распоряжения, обязательные к исполнению.

В исторической литературе нет единого мнения по поводу взаимоотношений между ГКО и местными комитетами обороны. Так, В.Н. Данилов указывает, что местные комитеты обороны руководствовались указаниями ГКО, а также его уполномоченных. Но в то же время не было обнаружено каких-либо структурно-организационных взаимоотношений между центральными и региональными органами, «их иерархическая связь воспринималась, скорее, на уровне политико-идеологического подсознания местного руководства» [13].

Другие исследователи указывают на тесную связь этих структур [14]. В частности, А.А. Магомедов считает, что «Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны был тесно связан с Государственным комитетом обороны, Верховным Главнокомандованием, а в период боев на территории Северной Осетии – со штабами Закавказского фронта и Северной группы войск» [15]. Исследование отложившегося архивного материала позволяет согласиться с теми историками, которые указывают на несомненную связь и подчиненность региональных комитетов обороны ГКО.

Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны за счет местных бюджетов создавал специальные фонды для оплаты не только военных расходов (оплата труда строителей оборонительных рубежей, содержание бойцов народного ополчения на казарменном положении, мероприятия местной противовоздушной обороны (МПВО)), но и иных [16]. Основным документом деятельности комитета обороны являлись обязательные к исполнению директивы. Абсолютное большинство постановлений городских партийно-государственных органов касалось тем, связанных с войной: 1) организация плановой эвакуации предприятий и жителей республики; 2) перепрофилирование предприятий республики на выпуск военной продукции; 3) охрана стратегических объектов; 4) военное обучение тылового населения и политическое воспитание; 5) создание МПВО, бомбо- и газоубежищ.

Таким образом, во время Великой Отечественной войны жесткая вертикаль партийной и советской власти, государственное принуждение дали положительный результат в мобилизации ресурсов и концентрации усилий для достижения быстрого и качественного перевода экономики на военные рельсы для нужд фронта.

Примечания

1. Круглый стол «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40. С. 142–147.

2. Быковская Г.А., Македонская В.А., Черенков Р.А. Мобилизационная экономика советского государства в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3 ч. Ч. II. С. 40–43.

3. Бокарев Ю. Создание учреждений мобилизационной военной экономики в СССР // Россия и современный мир. 2015. № 4. С. 188.

4. Глазьев С. Пора объявлять мобилизацию // Власть. 1999. 20 апреля.

5. Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012.

6. Дугин Александр: Для мобилизационной экономики необходима мобилизационное общество и мобилизационная национальная идея. URL: <http://c-society.ru/main.php?ID=408055> (дата обращения: 31.01.2020).

7. Абаев А.И. Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Орджоникидзе, 1978; Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941–1945. Владикавказ, 1992.

8. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 41. Ч. 2. Л. 15.

9. Государственный архив новейшей истории РСО – Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

10. Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1968. С. 120–122.

11. Хубулова С.А., Хубулова Э.В. Роль Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны в защите столицы Северо-Осетинской АССР (август – ноябрь 1942 г.) // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 47.
12. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
13. Данилов В.Н. Чрезвычайные органы власти в советской государственной системе // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 111.
14. Пищулина С.Ю. Политико-правовое обоснование привлечения рабочих кадров на восстановление Сталинграда // Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер.: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. № 7. С. 100–102.
15. Магометов А.А. Разгром немцев под Владикавказом. Владикавказ, 2015. С. 50–51.
16. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–4.

В.Н. Бубличенко

ДЕТСКИЕ ЗАКРЫТЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НКВД СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Детские закрытые учреждения (приемники-распределители и трудовые колонии) в годы Великой Отечественной войны вели свою деятельность в особых условиях. Рост беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних сделал актуальной проблему совершенствования работы по устранению данных явлений. Создание условий по социализации подростков, потерявших возможность семейного воспитания, являлось важным условием дальнейшего развития страны.

Постсоветская историография рассматривает проблемы правовой защиты детства и развитие детских пенитенциарных учреждений периода Великой Отечественной войны в контексте ликвидации беспризорности и безнадзорности. Обобщающая характеристика роли государства в организации помощи детям-сиротам военного времени содержится в работе А.А. Славко [1]. Исследование Е.Е. Красноженовой посвящено анализу деятельности органов государственной власти

Нижнего Поволжья в проведении политики социальной защиты беспризорных несовершеннолетних [2]. Изменение законодательной базы в начальный период войны и практика реализации принятых решений в Сталинградской области рассматриваются в статье В.С. Меркурьевой [3]. Роль правоохранительных органов в работе с беспризорными и безнадзорными подростками на территории Среднего Поволжья изучена Е.В. Ибрагимовым [4]. На основе архивных материалов исследователи А.Г. Быкова и А.В. Быков восстановили историю создания и функционирования в 1943–1948 гг. детской трудовой воспитательной колонии № 1 УНКВД по Омской области [5].

В настоящей работе ставится цель охарактеризовать основные формы и методы работы по преодолению преступности среди несовершеннолетних военного периода через систему детских закрытых учреждений.

До середины 1943 г. развивался процесс адаптации к новым условиям нормативно-правовой базы детских закрытых учреждений НКВД СССР, созданной в довоенный период. На основании Указа Президиума Верховного Совета от 7 июля 1941 г. практика применения уголовного наказания стала распространяться на подростков, совершивших преступление по неосторожности. Циркуляр НКВД СССР от 26 марта 1942 г. разрешал применение условно-досрочного освобождения или снижение сроков заключения в качестве поощрения для подростков, работающих «стахановскими методами» и являющихся отличниками учебы с примерным поведением [6]. Инициатива о применении данного положения, как и оформление соответствующих документов, должна была исходить от руководства колонии, где содержался несовершеннолетний. Приказ Наркомата внутренних дел № 0438 от 7 ноября 1942 г. предусматривал применение к несовершеннолетним с неоконченными сроками заключения более трех месяцев снижение возрастного предела при переводе в исправительно-трудовые лагеря [7].

Принятие постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» может рассматриваться как «дополнительный документ, направленный к усилению заботы о детях, оставшихся без родителей в период отечественной войны» [8]. Перед органами исполнительной власти ставилась задача организации

Комиссии по устройству безнадзорных детей. Созданные при отделениях УНКВД справочно-адресные детские столы должны были регистрировать подростков, находящихся в приемниках-распределителях, направленных на производство, в детские учреждения или определенных на патронат. В процессе реализации постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. активизировалась работа приемников-распределителей. Так, если на 1 января 1942 г. в данных учреждениях находилось 8035 подростков, то к аналогичному периоду 1943 г. их численность увеличилась до 12 325 человек, в начале 1944 г. – до 16 991 человек [9].

Динамичное развитие в годы войны детских закрытых учреждений привело к формированию на основании приказа НКВД СССР № 0246 от 21 июня 1943 г. Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ). Новое структурное подразделение Наркомата внутренних дел должно было решать следующие задачи: а) осуществлять руководство приемниками-распределителями, трудовыми и трудовыми воспитательными колониями; б) реализовывать мероприятия, направленные на ликвидацию детской беспризорности и безнадзорности; в) принимать меры по трудоустройству несовершеннолетних из приемников-распределителей и освободившихся из трудовых колоний подростков [10].

Законодатель не изменил карательную направленность в деятельности детских закрытых учреждений, но приоритетным направлением избрал выполнение требования по локализации роста беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, возникших в результате отражения фашистской агрессии. Создание трудовых воспитательных колоний позволило снизить уголовное преследование несовершеннолетних. В создаваемых учреждениях приоритет отдавался развитию педагогических методик. Однако режим воспитательных колоний позволял отправлять в них подростков из детских домов, которые нарушали внутренний распорядок и мешали проведению учебного процесса [11]. На основании «Временного положения об охране трудовых и трудовых воспитательных колоний НКВД для несовершеннолетних» от 5 ноября 1943 г. изменилась система организации в них охраны. Надзиратели отвечали за несение охраны внутренней территории учреждения. Внешняя, на вышках и воротах, находилась в ведении вневедомственной охраны Главного управления исправи-

тельно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР [12]. Когда в 1944 г. среди воспитанников детских закрытых учреждений увеличилось число больных, ослабленных и истощенных подростков, был введен запрет на применение наказания в виде штрафного изолятора и уменьшение пайка на срок более пяти суток в течение квартала. Для применения к воспитаннику санкций требовалась официальная разрешающая справка медроботника [13].

Составной частью деятельности детских закрытых учреждений являлось идеологическое воспитание подростков в соответствии с требованиями советской политической доктрины. В детские трудовые колонии внедрялась система клубных мероприятий, воспитанникам читались лекции, в обязанности воспитателей входило чтение с ними газет, журналов, художественной литературы, открывались кружки по направлениям. Отдельные учреждения пытались организовать театральные постановки. В годы войны широко пропагандировался подвиг А.М. Матросова. Воспитанник Уфимской детской трудовой колонии (ДТК) добровольцем ушел на фронт и, спасая в бою своих товарищей, закрыл амбразуру немецкого дзота. Письмо начальника ОБДББ № 192/1094 от 18 октября 1943 г. ставило перед руководителями детских колоний задачу «добиться того, чтобы бессмертный подвиг А.М. Матросова был известен каждому колонисту» [14]. Соответствующее распоряжение было разослано в ДТК страны. «Боевые и трудовые подвиги советских людей, – подчеркивалось в документе, – должны послужить примером, воспитывающим нашу молодежь в духе советского патриотизма» [15].

Обучение осужденных несовершеннолетних в школах при ДТК рассматривалось как средство воспитания и возможность дальнейшей социализации в обществе совершивших противоправные деяния подростков. «Необходимо приложить все силы к тому, – подчеркивалось в сентябре 1943 г. директивными распоряжениями ОБДББ, – чтобы заинтересовать их [учеников] наукой, добиться от них ответственного отношения к учению, дать им как можно большую общеобразовательную подготовку» [16]. В январе 1945 г. на совещании ОБДББ НКВД СССР обсуждался вопрос о корректировке учебных программ Наркомата просвещения, внедренных в практику ДТК. Несогласованность в работе учебно-воспитательного отделения и производственного

создали условия для дополнительной нагрузки на колонистов, снизив возможности для повышения подростками профессиональной квалификации [17]. Попытка решить возникшую проблему в дальнейшем успеха не имела.

В годы войны производственные мощности детских трудовых колоний использовались для организации выпуска оборонной продукции. Так, в 1943 г. на базе Архангельской ДТК «Конвейер» было проведено переоборудование цехового производства для изготовления боеприпасов. За десять месяцев в учреждении отлили и обработали 591 146 корпусов мин М-82 [18]. По итогам первого полугодия 1944 г. ДТК страны выпустили продукции на 52 млн рублей, выполнив план по изготовлению боеприпасов на 105 % [19].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны система детских закрытых учреждений НКВД СССР получила дальнейшее развитие. Изменения затронули нормативно-правовое, учебно-воспитательное и производственное направления деятельности детских пенитенциарных учреждений. Своевременно принятые меры позволили взять под контроль рост уличной беспризорности, безнадзорности и преступности в сложных условиях военного времени.

Примечания

1. Славко А.А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 33–43.

2. Красноженова Е.Е. Борьба с детской беспризорностью в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2013. Вып. 1. С. 89–93.

3. Меркурьева В.С. Правовые основы защиты детей в 1941–1943 гг. (на материалах Сталинградской области) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 158–162.

4. Ибрагимов Е.В. Развитие системы детских исправительно-воспитательных учреждений НКВД СССР как одно из направлений

в борьбе с массовой детской беспризорностью в 1941–1945 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 417–423.

5. Быкова А.Г., Быков А.В. Детская трудовая воспитательная колония № 1 УНКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943–1948 гг. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 4 (8). С. 83–89.

6. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 21. Л. 17.

7. Там же. Д. 21. Л. 23.

8. Дети ГУЛАГа. 1918–1956: сб. док. / сост. С.С. Виленский и др. М., 2002. С. 378.

9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 35. Л. 197.

10. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. С. 389.

11. Там же. С. 383.

12. Там же. С. 569.

13. НАРК. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 21. Л. 39.

14. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. С. 394.

15. НАРК. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

16. Там же. Л. 75.

17. Архив Информационного центра УВД по Архангельской области. Ф. 41. Оп. 1. Д. 40. Л. 17об., 18.

18. Там же. Д. 10. Л. 8.

19. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. С. 411, 412.

И.В. Упоров

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО БОРЬБЕ С БАНДФОРМИРОВАНИЯМИ
В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ (1941–1943 гг.)**

После начала Великой Отечественной войны на территории СССР стала обостряться криминогенная обстановка, фиксировался рост тяжких преступлений, совершаемых бандформированиями, особенно

на прифронтовых территориях. Этому способствовал ряд причин, в том числе активизация антисоветски настроенных лиц в связи с тяжелыми поражениями Красной армии в первые месяцы войны. С учетом обострения криминогенной обстановки в структуре Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР был выделен самостоятельный отдел по борьбе с бандитизмом, на должность руководителя которого был назначен С.А. Клепов, уже получивший определенный практический опыт в Смоленской области, где он возглавлял областное управление внутренних дел [1]. Соответствующие подразделения формировались также на местах. В управлении НКВД СССР по Краснодарскому краю самостоятельный отдел по борьбе с бандитизмом (ранее он был в структуре управления милиции) был образован приказом по управлению от 13 октября 1941 г. В составе нового структурного подразделения числились оперативное и следственное управления, а общая численность штатного расписания составляла четырнадцать должностей. Руководителем отдела был назначен лейтенант госбезопасности М.И. Файнбурд [2]. В дальнейшем в июне 1942 г. руководителем отдела был назначен капитан госбезопасности П.И. Сологуб, и именно с ним связывается проведение основных противобандитских мероприятий на территории Краснодарского края в военный период.

Во второй половине 1942 г. обозначилась тенденция, связанная с укреплением бандформирований за счет дезертиров. Здесь нужно заметить, что коллаборационизм на Кубани, учитывая исторические особенности ее развития, имел немалый масштаб [3], о чем свидетельствовали, в частности, судебные процессы над пособниками фашистов на территории Краснодарского края [4]. В соответствующей директиве НКВД СССР от 10 декабря 1942 г. указывалось, что в создавшейся обстановке следует внедрять «в существующие бандитско-дезертирские формирования агентов-внутренников, способных подвести их под оперативный удар» [5]. Помимо этого, Москва предписывала усилить работу согласно более ранней директиве, по которой следовало изменников родине, дезертиров, активно участвовавших в нападениях «повстанческих банд», заочно предавать суду, материалы на членов их семей следовало направлять на рассмотрение особого совещания (ОСО) НКВД СССР. Такой подход (привлечение родственников банди-

тов к юридической ответственности, в основном административного характера, но нередко и уголовного) обуславливался сложностью выявления бандформирований, члены которых укрывались в сложной рельефной гористо-лесной местности Абинского, Новороссийского, Верхнебаканского и других районов, особенно в период оккупации части территории Краснодарского края (с 1 августа 1942 г. по 9 октября 1943 г.), когда бандиты получали поддержку немецко-фашистских захватчиков.

При этом в НКВД СССР выражали некоторое недовольство деятельностью управления НКВД СССР по Краснодарскому краю по выполнению этой задачи. В частности, в одном из писем из центра за подписью заместителя наркома внутренних дел СССР комиссара госбезопасности 2-го ранга С.Н. Круглова отмечалось, что «слабо выкорчевывается пособническая база», в том числе указывалось на то, что в июле 1943 г. «не оформлено ни одного дела на членов семей бандитов» [6]. Однако такой упрек вряд ли справедлив. Дело в том, что именно в начале 1943 г. вместе с наступлением советских войск и приближавшимся освобождением отдел по борьбе с бандитизмом проявил повышенную активность. В частности, под началом упомянутого выше П.И. Сологуба был проведен анализ проводимых ранее на Кубани спецопераций против бандформирований (включая 1920-е и 1930-е гг.). В результате 8 марта 1943 г. появился документ под названием «Краткая справка о политическом бандитизме на Кубани в прошлом и настоящем и вытекающих отсюда задачах ОББ» [7]. Применительно к текущему моменту здесь указывалось на новый период активизации преступной деятельности бандформирований, чему в частности способствовали такие обстоятельства, как относительная близость линии фронта, расширение у бандитов арсенала стрелкового и иного вооружения (которое по разным причинам оставлялось сначала после отхода Красной армии, затем после отступления фашистских войск), а также сохранявшиеся ожидания настроенных против советской власти местных жителей, среди которых было немало тех, кто помнил, с каким трудом советская власть в свое время победила на Кубани. В документе подчеркивалось, что после отступления фашистов значительная часть их пособников уходила в горы и леса, пополняя бандформирования.

Соответственно, борьба с бандформированиями на территории Краснодарского края требовала более эффективных методов и решений. В результате обсуждения в управлении НКВД СССР указанной справки было решено акцентировать внимание на следующих направлениях: склонение бандитов к явке с повинной через членов их семей; профилактическая работа с призывниками посредством взаимодействия с военными комиссариатами; лишение бандформирований пособнической базы из числа местных жителей (как отмечалось в справке, «еще многие жители помогают бандитам, желая заручиться их милостью на случай возврата немцев» [8]).

На наш взгляд, в создавшихся условиях на тот момент это были вполне продуманные решения. Вместе с тем их реализация столкнулась с недостатком кадров. Дело в том, что личный состав органов внутренних дел в целом в СССР претерпевал непрерывную ротацию – действующие сотрудники уходили на фронт, на их место поступали новые, которых нужно было обучать, а на это требовалось определенное время. Дело доходило до того, что в некоторых территориальных органах личный состав в течение 1941–1943 гг. обновлялся на 90–97 % [9]. Краснодарский край не был исключением, при этом не хватало прежде всего оперативных работников.

Органы внутренних дел Краснодарского края, тем не менее, сумели провести ряд успешных операций по ликвидации бандформирований. При этом в силу масштабности преступных организаций и их вооруженности применялись не только такие методы борьбы с преступностью, как облавы и засады, но также и нанесение превентивных ударов военно-тактического характера. Кроме того, к борьбе с бандформированиями активно подключились сотрудники управления Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) СССР по Краснодарскому краю. В частности, чекисты выявили оперативным путем, что один из жителей Гиагинского района сообщал в своем письме о том, что «те, которые были полициями, старостами, – ушли в леса и сейчас грабят население, убивают бойцов, командиров и советских работников. Недавно убили бригадира – инвалида Отечественной войны» [10]. Житель Мостовского района сообщал: «Мы сейчас живем и дрожим, потому что в лесу много разной швали. В сегодняшнюю ночь банда сделала налет на станицу. В нашем колхозе они увели 3 лошадей,

забрали муки 100 кг, делали налет на мельницу и тоже взяли 300 кг муки» [11]. Такого рода сведения позволяли органам внутренних дел выявлять пособников фашистов, а также лучше знать обстановку в населенных пунктах и, соответственно, вести профилактическую работу с населением. Чекисты перехватывали также записки, которые представители бандформирований передавали разным адресатам. Так, одна из них предназначалась бригадирам тракторных бригад с вполне конкретными угрозами, например: «...чтобы люди в выходной день не работали, и чтобы кормили хорошо народ... если этого не будете делать, то мы вам все машины разобьем и с вами разделаемся» [12].

В результате уточнения стратегии в борьбе с бандформированиями на территории Краснодарского края, мобилизации кадровых ресурсов отделу по борьбе с бандитизмом при поддержке всего управления НКВД СССР по Краснодарскому краю удалось осуществить ряд эффективных оперативно-военных мероприятий. В частности, с конца февраля по 1 июня 1943 г. удалось ликвидировать 32 банды общей численностью в 191 человека. 13 банд были ликвидированы частично (уничтожен 51 бандит). Были уничтожены также так называемые бандиты-одиночки (51 человек). В ходе операций были арестованы 220 бандитов, а 89 бандитов добровольно сдались органам правопорядка [13]. В ходе указанных операций было изъято также значительное количество единиц оружия и боеприпасов к ним, которыми располагали бандформирования. В частности, было изъято 3025 автоматов, 13 641 винтовка, 76 минометов, 26 противотанковых ружей, 301 пулемет, 50 револьверов и пистолетов, 5188 гранат, 79 976 мин, 1375 снарядов и более 413 тыс. патронов [14].

Несмотря на такие результаты, проблема с ликвидацией всех банд решалась с большим трудом. Так, на 1 июля 1943 г. продолжали действовать 29 банд, а численность составлявших их преступников достигала 443 человека [15], т.е. удалось ликвидировать примерно половину бандформирований, а их численность через некоторое время была восстановлена, в основном за счет дезертиров. УНКВД работало при этом на пределе своих сил. Требовались дополнительные меры, и они были обсуждены на бюро Краснодарского краевого комитета ВКП(б). Крайком партии предписал УНКВД следующее: улучшить вооружение сотрудников органов внутренних дел, которые

непосредственно сталкивались с бандитами; увеличить агентурную сеть («в десять раз»); привлечь пограничников для прочесывания лесных массивов; «выселить все семьи антисоветского элемента, тем самым лишив бандитов материальной базы и возможности получать подробную информацию» [16]. Последняя мера была обобщающей – «усилить карательную политику», однако практика деятельности органов внутренних дел показала, что результативными могут быть не только репрессивные меры.

В целом указанная координация сил и средств из разных ведомств, подкреплённая подобными же ведомственными директивами своим подразделениям на местах, дала позитивные результаты. Так, только за 20 дней после заседания бюро крайкома ВКП(б) были полностью ликвидированы 9 банд (52 бандита), 29 банд были ликвидированы частично (уничтожены 112 бандитов), а также были уничтожены 24 бандита-одиночки [17]. И в дальнейшем действия силовых структур давали необходимый эффект. Этому способствовала и более «тонкая» работа с родственниками бандитов – их арестовывали и предлагали членам банд своеобразный обмен: если член банды не был замечен в совершении тяжких преступлений, то получал возможность жить легально без применения репрессивных санкций, а родственники освобождались также без каких-либо репрессий. Кроме того, в другом варианте арестованным женам бандитов предлагалось письменно дать обязательство привести с повинной мужа, что могло значительно смягчить ответственность для последнего.

К концу 1943 г. «хребет» бандформирований, скрывавшихся в горно-лесистой местности южной части Краснодарского края, был сломлен. На начало 1944 г. на оперативном учете числилось 19 банд (84 бандита) [18]. Последние проявления бандитизма были зафиксированы летом 1945 г., то есть практически одновременно с окончанием Великой Отечественной войны.

Изложенное показывает, что для выполнения задачи по ликвидации бандформирований на территории Краснодарского края (преимущественно в южной его части) в военный период органы внутренних дел действовали довольно жестко, в том числе применительно к членам семей участников банд. В последнем случае это было связано с нарушением законности, поскольку речь шла о род-

ственников участников банд, вина которых еще не была установлена в надлежащем порядке. Вместе с тем обычными методами краевой отдел по борьбе с бандитизмом, даже при поддержке всего УНКВД по Краснодарскому краю, был не в состоянии решить проблему ликвидации всех бандформирований, представлявших большую опасность как для населения, так и для властных структур, и в этом контексте, учитывая военное время, мы полагаем, что принимаемые меры есть основание расценивать как принятые в состоянии крайней необходимости.

Примечания

1. Кокурин А.И., Петров Н.В. НКВД – НКГБ – «Смерш»: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 8. С. 121.
2. Архив Главного управления Министерства внутренних дел (далее –ГУ МВД) России по Краснодарскому краю. Ф. 19. Д. 1. (не пронумеровано).
3. Степанова Л.Г. Коллаборационизм на Кубани во время немецкой оккупации: социальные истоки и проявления. По материалам Центрального штаба партизанского движения и Чрезвычайной комиссии // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность: сб. мат-лов X Междунар. науч.-практ. конф. «Научно-творческое наследие Ф.А. Щербины и современность» (Краснодар, 26 февраля 2010 г.). Краснодар, 2010. С. 161–166.
4. Журавлев Е.И. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 22. С. 154–160; Михневич А.В., Сокол А.В. Политико-правовые особенности краснодарского процесса 1943 года над пособниками немецких оккупантов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4. С. 97–101.
5. Архив ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Ф. 21. Д. 1. Л. 6.
6. Там же. Л. 16.
7. Там же. Д. 7. Л. 388.
8. Там же. Д. 12. Л. 9.
9. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 265.

10. Архив ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Ф. 21. Д. 12. Л. 222.
11. Там же. Л. 8.
12. Там же. Л. 221.
13. Там же. Л. 12.
14. Там же.
15. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 619. Л. 8.
16. Там же. Л. 6.
17. Там же. Л. 9.
18. Архив ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Ф. 21. Д. 12. Л. 222.

А.А. Панарин, Е.В. Панарина

**ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОММУНАЛЬНЫМИ УСЛУГАМИ
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Одной из сложнейших социальных проблем в годы войны являлось обеспечение городского населения коммунальными услугами. Решение этой проблемы на Северном Кавказе усугублялось тем, что достигнутый довоенный уровень развития коммунального хозяйства не соответствовал потребностям населения. Например, в г. Краснодаре в конце 1930-х гг. существовало напряженное положение с водоснабжением жилого сектора. В летний период население, живущее выше первого этажа, круглые сутки не получало воды, как и живущие на окраине города [1]. В городах Северного Кавказа происходили перебои в обеспечении жилого сектора электроэнергией, неудовлетворительно обстояло дело с теплоснабжением в зимний период.

Массированные бомбардировки и обстрелы привели к нарастанию трудностей в работе жилищно-коммунального хозяйства. Перестройка в деятельности ЖКХ означала повышение ответственности в вопросах жизнеобеспечения населения, обеспечение готовности к быстрому восстановлению разрушенных объектов и коммуникаций. Руководство этим процессом осуществляли партийно-государ-

ственные органы. Так, уже на второй день войны Ростовский горком ВКП(б) обязал прокуратуру и милицию взять под охрану объекты государственной важности: горводопровод, хлебозавод и другие [2].

Еще через три дня при рассмотрении вопроса «О работе горводопровода и Ростэлектросети в период военного положения» горком ВКП(б) обратил внимание на то, что эти учреждения еще не перестроили своей работы, в том числе «в связи с уходом рабочей силы в армию руководство горводопровода не провело работы по созданию резерва и обеспечению бесперебойной работы объектов и сооружений». Было решено усилить охрану объектов, тщательно проверить весь личный состав охраны, закончить работы по противозадушной обороне, с целью быстрой ликвидации аварий в трехдневный срок создать резерв рабочей силы соответствующей квалификации. Руководители горводопровода были обязаны принять меры по недопущению бесконтрольного расходования и утечки воды и обеспечению противопожарной безопасности всех участков города [3].

В конце июля эти задачи были дополнены необходимостью проведения маскировки таких головных сооружений водопровода, как очистные сооружения и насосная станция. На учет были взяты все источники и колодцы грунтовых вод в пределах города. Кроме того, было решено произвести изыскания подземных вод, а также быть готовым к быстрому восстановлению водопроводной сети [4]. Для обеспечения быстрого восстановления повреждений при военных действиях жилых домов, больниц, школ, водопровода и других объектов был организован Ростовский аварийно-восстановительный отряд в составе 10 рот из личного состава предприятий энергетики, связи, коммунальных предприятий. Эти работники переведены на казарменное положение и в любой момент были готовы выехать на восстановление объектов [5].

В результате перестройки деятельности служб ЖКХ в целом удалось обеспечить функционирование системы жизнеобеспечения населенных пунктов региона. Например, в таких городах Краснодарского края, как Краснодар, Армавир, Сочи, Новороссийск и Майкоп, в период с января по апрель 1942 г. было подано в сеть 6293 тыс. куб. м воды, что составило 103 % к годовому плану. Потребителю было отпущено 5511 куб. м, или 99,2 % к плану [6].

Достаточно быстро реагировали службы ЖКХ на массовые случаи повреждений линий коммуникаций, принимали меры к восстановлению разрушенного в результате бомбежек и военных действий коммунального хозяйства. Так, во время кратковременной оккупации фашистами г. Ростова-на-Дону в конце ноября 1941 г. городскому хозяйству был нанесен существенный ущерб. По свидетельству областной газеты, «многие прекрасные здания, коммунальные и хозяйственные предприятия были разрушены, склады и магазины разграблены. Город остался без света, без воды, без хлеба». Между тем уже с первого после освобождения дня развернулась энергичная работа по восстановлению хозяйства. Быстрыми темпами шло восстановление электричества и водопровода [7].

Несмотря на принимаемые меры, абсолютное большинство имеющегося в условиях войны жилья не было обеспечено элементарными элементами благоустройства. Особенно тяжелое положение складывалось в общежитиях, многие из которых не соответствовали минимальным нормам проживания людей. Так, по результатам проверки в январе 1942 г. общежития завода № 229 г. Краснодара выявилось состояние крайней запущенности и антисанитарии: в комнатах стены были сырые и грязные, постельные принадлежности долгое время не стирались, большинство рабочих спали одетыми, температура в помещениях доходила до нуля. В общежитии не было электроосвещения, рабочие использовали коптилки, свечи, керосиновые лампы [8].

В это же время в общежитии ремесленного училища г. Краснодара аварийное состояние парового отопления привело к тому, что температура в спальнях опустилась ниже нуля. Поэтому дети спали не раздеваясь, укрываясь шинелями и матрацами. Холод и отсутствие горячей воды привели к тому, что у некоторых учащихся появились вши, имели место чесоточные заболевания [9].

Как видно из приведенных примеров, к числу наиболее сложных бытовых вопросов в зимнее время года относилось отсутствие тепла. Лишь небольшое количество жилых помещений отапливалось с помощью центрального отопления. В остальных использовались стационарные печи, а также временные печи-буржуйки. В связи с этим большое внимание уделялось проблемам обеспечения населения топливом. Местные органы, администрация предприятий и учрежде-

ний, профсоюзные организации проводили работу по мобилизации рабочих и служащих на заготовку топлива, добиваясь при этом стройшей экономии в его расходовании.

Преимущественным правом по обеспечению топливом пользовались семьи военнослужащих и инвалиды войны. Для решения этого вопроса формировались специальные бригады из работников предприятий и учреждений, которые в свободное от основной работы время заготавливали дрова и доставляли их по месту назначения. Например, в Сталинском районе г. Краснодара в заготовках топлива было задействовано более 2700 работников государственных учреждений [10]. Профком Новочеркасского завода имени Будённого оказал помощь семьям военнослужащих, обеспечив их на зиму дровами и углем [11]. Между тем большинству граждан городов приходилось самостоятельно решать проблемы обеспечения топливом, что удавалось лишь немногим.

Наступление немецко-фашистских войск летом 1942 г. и последующая затем оккупация значительно ухудшили состояние жилищно-коммунального хозяйства. За время своего пребывания в городах Северного Кавказа оккупанты фактически не проявляли никакой заботы о предоставлении коммунальных услуг населению. Исключения составляли помещения, предназначенные для нужд немецкой армии и оккупационных властей.

Огромный урон коммунальному хозяйству был нанесен фашистами при отступлении, когда были взорваны многие необходимые для жизнеобеспечения населения объекты. Особенно пострадали такие города, как Новороссийск, Краснодар и Армавир. Так, по описанию очевидца событий Н. Платонова, после года оккупации «вступившие в Новороссийск части Красной армии, Флота, партизанские отряды на месте кипучего портового города, каким был Новороссийск до войны, нашли мертвую пустыню» [12].

В связи с этим задача восстановления жилищно-коммунального хозяйства стала одной из первостепенных в жизни освобожденных городов. Большое значение в ее решении имело финансирование масштабных восстановительных работ, объемы которого определялись исходя из результатов работы специальных комиссий по установлению ущерба, нанесенного фашистскими оккупантами экономике и социальной сфере.

На практике выделяемые государством суммы не могли покрыть необходимые затраты на восстановление хозяйства, что объяснялось огромными расходами на военные нужды. Кроме того, основная часть выделяемых средств направлялась на восстановление промышленности, а не социальной сферы. Например, для восстановления жилищно-коммунального хозяйства во всех городах Ростовской области была выделена сумма в 11 720 тыс. руб., этого было явно недостаточно [13].

В условиях острой нехватки средств и малочисленности служб ЖКХ к работам по восстановлению коммунального хозяйства активно привлекалось население, а также находящиеся в городах воинские части. Так, в принятом в июне 1943 г. постановлении Ростовского обкома ВКП(б) было решено организовать ремонт кухонных очагов, печей и дымоходов, привести в порядок дворовую сеть водопроводов и канализации [14].

Проведенный сравнительный анализ показал, что комплекс осуществляемых местными органами мероприятий имел универсальный характер для всей страны, о чем свидетельствуют результаты исследований по другим регионам. Например, авторы одной из статей при рассмотрении социально-бытовых проблем населения Мордовской АССР в годы войны приводят аналогичный перечень мер, применяемых республиканскими органами по обеспечению граждан коммунальными услугами [15].

Участвующие в восстановлении коммунального хозяйства работники ЖКХ и представители трудовых коллективов сталкивались с серьезными трудностями. Например, в полностью разрушенном г. Новороссийске в первые дни после освобождения при восстановлении городского водопровода слесари ползали по улицам и зданиям, сращивая трубы в узлы, перебитые в тысячах мест, ежеминутно рискуя подорваться на mine [16].

Одной из первоочередных задач в процессе восстановления коммунального хозяйства являлось обеспечение электроснабжения городов и других населенных пунктов. От ее решения зависело не только нормальное функционирование местной промышленности, но и создание элементарных условий повседневной жизни населения. Так, сразу после освобождения г. Нальчика в конце января 1943 г. партийное руководство области обязало директора завода № 4 в течение месяца

обеспечить ввод в строй электростанции [17]. Работы по восстановлению электрохозяйства города были завершены в конце 1943 г., электричество стало приниматься в том числе от Баксанской ГЭС [18]. Подобные меры в сфере электроснабжения были приняты в других городах Северного Кавказа.

Вместе с тем электроэнергией в основном обеспечивались промышленные предприятия и важные социальные объекты. В коммунальном хозяйстве всё обстояло гораздо хуже. Например, в Краснодарском крае в конце войны практически все коммунальные электростанции находились в запущенном состоянии [19]. В связи с острым дефицитом электроэнергии в городах Северного Кавказа действовал режим экономии. Так, в Ростовской области в октябре 1944 г. были установлены лимиты на потребление электроэнергии. Для освещения квартир они были самые низкие и составляли в сутки 1,5 ватта на 1 кв. м площади, тогда как для конторских помещений – 3, для больничных помещений – 3, парикмахерских – 5 ватт. Если при проверке счетчика выявлялось завышение данных норм, потребители отключались от электроснабжения сроком на один месяц [20].

С учетом этих обстоятельств жители городов широко использовали для освещения своих жилищ керосиновые лампы и свечи. В качестве доказательства популярности этих видов освещения можно привести сведения о массовом выпуске стекол для керосиновых ламп предприятиями местной промышленности. Так, сразу после восстановления Нальчикского стеклозавода в январе 1944 г. первой его продукцией стали ламповые стекла. В последующем завод выпускал 500 ламповых стекол в сутки [21].

По причине недостаточных средств и ресурсов медленно решалась проблема полноценного восстановления водоснабжения городов. Так, через год после окончания оккупации в феврале 1944 г. в г. Ростове-на-Дону городской водопровод обеспечивал до 56 тыс. куб. м подачи воды в сутки, тогда как до войны – 90 тыс. куб. м, в Новочеркасске соответственно 2400 и 5 тыс. куб. м [22]. При этом населению приходилось уплачивать подушный тариф за воду и пользование канализацией в размере 3 рублей 25 копеек в месяц [23].

Тяжелая ситуация с водоснабжением была характерна для большинства других городов Северного Кавказа. Например, в г. Ставро-

поле в сентябре 1944 г. на некоторых улицах вода через водозаборные колонки подавалась два – три дня в неделю. В течение двух недель воды не было вообще и жители ходили за ней за десять кварталов [24]. В г. Краснодаре городской водопровод вместо 5 тыс. куб. м давал не более 2 тыс. куб. м в сутки [25].

В числе самых сложных проблем оставалась проблема отопления жилых помещений. В результате военных действий и оккупации лишились центрального отопления те из немногих жилых домов, которые до этого имели возможность им пользоваться. Восстановление тепловых электростанций и систем центрального отопления происходило медленно. По этой причине зимой 1943/1944 г. ряд крупных зданий в г. Ростове-на-Дону остался без центрального отопления, в том числе Гигант № 1, имеющий более 12 тыс. кв. м жилой площади. Городская ТЭЦ обеспечивала теплом только 56 крупных зданий, в то время как до оккупации – 121 здание [26].

Для обеспечения топливом городов осуществлялись массовые заготовки дров и других источников тепла. Например, на территории Ставропольского края были разведаны и эксплуатировались три угольных пласта [27]. Острые затруднения в топливе, которые испытывала зимой 1944/1945 гг. Северная Осетия, было решено ослабить путем включения в ее состав Малгобекского нефтяного района, что позволяло провести газификацию столицы республики г. Дзауджикау [28]. Для решения топливной проблемы местным органам было разрешено привлекать из числа городского неработающего и сельского населения в порядке трудовой и гужевой повинности на дровазаготовки в целом по стране 35 700 пеших рабочих и на вывозку дров, торфа и мелкого угля 70 тыс. возчиков с подводами [29].

Вместе с тем возможности обогрева квартир были ограничены ввиду преимущественного снабжения топливом жизненно важных объектов. Так, при рассмотрении постановления СНК СССР от 12 июня 1944 г. «О дрово-лесозаготовках для нужд края» Краснодарский крайком ВКП(б) решил в первую очередь обеспечить топливом госпитали и школы. Из числа населения топливом наделялись семьи военнослужащих и инвалиды войны [30]. Остальная часть населения вынуждена была чаще всего самостоятельно изыскивать возможности для заготовки или приобретения топлива, обогревая квартиры с помо-

щью временных печек-буржук. Сделать это было очень сложно, поэтому в зимнее время большинство квартиросъемщиков испытывали значительные трудности, находясь в холодных и сырых помещениях.

Таким образом, принятые центральными и местными органами меры, а также усилия самого населения способствовали в условиях войны определенному ослаблению проблемы обеспечения городских жителей Северного Кавказа коммунальными услугами. Вместе с тем в силу объективных причин, связанных прежде всего с последствиями немецко-фашистской агрессии, городское население региона продолжало испытывать серьезные трудности в вопросах благоустройства жилых помещений.

Примечания

1. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. Краснодар, 1997. С. 508.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-13. Оп. 2. Д. 745. Л. 5.
3. Там же. Д. 746. Л. 2.
4. Там же. Д. 789. Л. 3.
5. Там же. Д. 763. Л. 2–3.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.
7. Молот. 1941. 7 декабря.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 983. Л. 33.
9. Там же. Л. 7.
10. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
11. Молот. 1941. 6 сентября.
12. Платонов Н. Восстановление Новороссийска // Агитатор. 1944. № 8. С. 33.
13. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 111. Л. 57.
14. Там же. Д. 379. Л. 36–38.
15. Кадерова Т.Н., Надькин Т.Д., Горячев Н.Е. Социально-бытовые проблемы населения Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 2. С. 149.

16. Платонов Н. Указ. соч. С. 34.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 476. Л. 23–24.
18. Там же. Д. 488. Л. 182.
19. Там же. Оп. 44. Д. 717. Л. 31.
20. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4126. Оп. 1. Д. 16. Л. 35.
21. Социалистическая Кабардино-Балкария. 1944. 11 января.
22. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 484. Л. 32.
23. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 2. Л. 73.
24. Ставропольская правда. 1944. 30 сентября.
25. ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 2. Д. 15. Л. 5.
26. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 52. Л. 102.
27. Ставропольская правда. 1945. 13 января.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1259. Л. 112.
29. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 240. Л. 34–36.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 717. Л. 34.

И.А. Лысенко

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны экономическая жизнь страны была подчинена интересам обороны. Перестройка экономики на военные рельсы коснулась и системы потребительской кооперации. Потребкооперация являлась одной из частей народно-хозяйственного комплекса страны, на которую была возложена сложная задача – обеспечение сельских жителей, эвакуированных, детей-сирот и других категорий населения продовольственными и промышленными товарами.

Вскоре после принятия постановлений, характеризующих становление экономики военного времени, в стране началось закрытое нормированное распределение товаров первой необходимости. С 18 июля 1941 г. Совет народных комиссаров (СНК) СССР ввел

в Москве, Ленинграде и их пригородах карточки на хлеб, мясо, жиры, сахар, рыбу и кондитерские изделия, а также на товары промышленной группы – обувь, ткани и швейные изделия, мыло, чулочно-носочные товары и трикотажные изделия [1]. Аналогичные меры были проведены по всем регионам страны. В Сталинграде, Астрахани и Камышине, как и в других 197 городах, рабочих поселках и поселках городского типа, снабжение по карточкам хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями было введено с 1 сентября [2]. При этом были разработаны дифференцированные нормы снабжения отдельных групп населения, а также работников различных отраслей народного хозяйства [3].

На первом этапе войны население деревни, работавшее в сельском хозяйстве, на государственное довольствие не принималось. Гарантированные нормы снабжения хлебом устанавливались только для сельской интеллигенции, инвалидов Великой Отечественной войны, эвакуированных жителей, работников советского и партийного звена. Основное место при нормированном обеспечении сельского населения товарами отводилось системе потребительской кооперации. Источником же питания для крестьянских семей были приусадебные участки, в большинстве колхозов продукты на трудодни не выдавались.

В сельской местности введение нормированного снабжения населения регламентировалось приказом Народного комиссара торговли СССР и Центросоюза СССР и РСФСР № 40/42 от 24 декабря 1942 г. «О порядке снабжения хлебом в сельской местности по талонам» [4]. Необходимо отметить, что для сельского населения особое значение приобретали также товары промышленной группы: железоскобяные изделия, шорные и ободно-щепные, – их, как правило, выдавали в порядке товарообмена на сельхозпродукцию.

По оценкам историков, основанным на данных ЦСУ СССР, общая численность населения страны к началу Великой Отечественной войны составляла около 200 млн человек (в том числе сельское – 133,6 млн человек). Сельское население составляло 66,8 % общего числа жителей.

Концентрация в руках государства основной массы товарных ресурсов позволяла обеспечивать на протяжении всего военного периода систему государственного распределения важнейших предметов потребления, хотя и в весьма скудных пределах. Уже в начале

войны планирование распространилось на все элементы товарооборота кооперативной торговли: общий объем розничного и оптового товарооборота; распределение товарных ресурсов между рыночными и внерыночными фондами по районам страны, по уровню товарных запасов и скорости обращения товаров, численности торговых работников, издержек обращения, рентабельности торговой работы и т.д.

Как видим, в период Великой Отечественной войны значительная часть продовольственных и промышленных товаров имела целевое назначение. На потребительскую кооперацию была возложена задача нормированного обеспечения рабочих и служащих в сельских местностях, а также так называемых специальных контингентов.

С самого начала войны системой потребкооперации обслуживались эвакуированные жители. «В истории военного хозяйства СССР был такой период, когда большая часть военной промышленности находилась в движении на восток, – отмечал председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, – передвигались десятки тысяч станков, молотов, прессов, турбин. Двигались тысячи рабочих, инженеров и техников. Это был своеобразный период перемещения производительных сил СССР на восток. Героическими усилиями рабочего класса и технической интеллигенции... эвакуированная промышленность была восстановлена. На Урале, на Волге и в Сибири была создана мощная производственная основа Великой Отечественной войны. Пройдя период военной перестройки народного хозяйства, перемещения производительных сил и восстановления их на востоке, Советское государство в период Отечественной войны получило слаженное и быстро растущее военное хозяйство» [5].

Народный комиссар торговли СССР в период войны, а в послевоенные годы – председатель правления Роспотребсоюза А.В. Любимов так описывал период эвакуации: «На Урал и в Поволжье, в Сибирь и Казахстан... шли эшелоны с демонтированным оборудованием, ценными материалами и сырьем, с рабочими, инженерами и их семьями... На путях следования эвакуированного населения предприятия общественного питания переводились на круглосуточную работу... Своим трудом по обслуживанию эвакуированного населения немало коллективов... предприятий общественного питания потребительской кооперации способствовали успешному решению важной государ-

ственной задачи перебазирования в восточные районы, сохранению здоровья и жизни многих советских людей» [6].

При значительном притоке эвакуированных жителей в сельскую местность необходимо было срочно создавать инфраструктуру для обеспечения товарами и услугами первой необходимости (столовые, предприятия по производству одежды и обуви), расширять выпечку хлеба и др. Предлагалось установить порядок, по которому все промтовары, за исключением целевых, райпотребсоюзы и сельпо обязаны были продавать нуждающемуся эвакуированному населению и детям по спискам, утвержденным исполкомами Советов [7]. Степень нуждаемости устанавливалась районными и сельскими советами депутатов трудящихся. Внимание было уделено также продовольственному снабжению учащихся.

Для организации распределения нормированных товаров по сельским потребительским обществам устанавливалось, что в головном сельпо района отпуск этих товаров не должен был превышать 15–20 % к сумме получаемых райпотребсоюзом в течение квартала товаров. В феврале 1943 г. в целях упорядочения отпуска нормированных товаров сельскому населению был определен порядок продажи через розничную торговую сеть потребительской кооперации по разовым талонам согласно спискам, утверждаемым сельсоветами. Детским лечебным учреждениям и столовым закрытого типа продовольственные товары должны были отпускаться по заборным книжкам в соответствии с установленными нормами по разовому талону. Количество талонов, выдаваемых определенному контингенту населения, должно было определяться райторготделами совместно с райпотребсоюзами исходя из получаемых райпотребсоюзом на квартал товарных фондов [8].

При планировании отпуска продовольственных товаров учитывались следующие контингенты: госбюджетные детские и лечебные учреждения; учителя, врачи, агрономы, ветврачи, зоотехники, работающие в госбюджетных организациях; руководящие работники районных советских, хозяйственных и партийных организаций; инвалиды Отечественной войны; эвакуированное население; семьи военнослужащих. На большинство промышленных товаров: ткани, галоши, валенки, готовое платье, белье, чулки, перчатки, трикотажные

товары, головные уборы, спички, керосин, табак, мыло и др. – были установлены предельные нормы, которые нужно было учитывать при определении отпуска товаров на разовый талон. Снабжение рыбаков-колхозников и охотников, работавших по договорам с организациями потребительской кооперации, было поставлено в зависимость от количества и качества сданной ими продукции.

Приведем в качестве примера сведения о контингентах, снабжаемых продтоварами и хлебом системой потребительской кооперации Сталинградской области по состоянию на 1 января 1943 г. (данные подготовлены 10 февраля 1943 г., вскоре после окончания Сталинградской битвы, в связи с чем отсутствовали сведения по 11 районам, освобожденным от немецких оккупантов).

Таблица 1. Сведения о контингентах, снабжаемых продтоварами и хлебом системой потребительской кооперации Сталинградской области по состоянию на 1 января 1943 г. [9]

	Контингенты, снабжаемые хлебом	Контингенты, снабжаемые продтоварами
I. Контингент, снабжаемый по карточкам		
1. Рабочие 1-й группы	1062	1062
2. Рабочие 2-й группы	5725	5725
Итого рабочие	6785	6785
3. Служащие	1615	1615
4. Иждивенцы	45421	45421
5. Дети до 12 лет	5863	5863
Итого контингенты снабжения по карточкам	52 899	52 899
II. Контингент, снабжаемый по спискам		
1. Рабочие 1-й группы	1405	1405
2. Рабочие 2-й группы	38440	38440
Итого рабочие	39845	39845
3. Служащие	45122	45122

Окончание табл. 1

	Контингенты, снабжаемые хлебом	Контингенты, снабжаемые продуктами
4. Иждивенцы	139672	139672
5. Дети до 12 лет	13181	13181
Итого контингенты снабжения по спискам	197 975	197 975
III. Эвакуированное население	75588	75588
IV. Госснаб		
1. Детские сады	3090	3090
2. В том числе эвакуированные	–	–
3. Детские ясли	3999	3999
4. Лечебные учреждения	2978	2978
Итого контингенты Госснаба	10 067	10 067
V. Прочие		
1. Детдома и интернаты, в т.ч. эвакуированные	1565	1565
2. Прочее население	9096	9096
3. Учителя	8616	8616
4. Врачи	397	397
5. Агрономы	653	653
6. Зоотехники	628	628
7. Ветврачи	890	890
8. Руководящие работники	690	690
Всего	405 694	405 694

Обеспечение распределения нормированными товарами являлось одним из основных направлений деятельности потребкооперации военного периода. Для системы потребительской кооперации, нацеленной на удовлетворение нужд своих пайщиков, военное время дало стимул к изменению форм и видов деятельности, состава обслуживаемых категорий населения. Значительно возросла ее социальная миссия.

Торговля в годы Великой Отечественной войны представляла известную сложность в связи с ограниченностью товарных ресурсов. Необходимо было максимально расширить заготовки продуктов питания, а также организовать собственное производство для увеличения товарной массы.

Вследствие переключения части промышленных предприятий, выпускавших предметы широкого потребления, на работу для нужд фронта и резкого увеличения доли вне рыночных фондов перед торгующими организациями, в том числе перед потребительской кооперацией, была поставлена задача – усилить вовлечение в товарооборот дополнительных товарных ресурсов. Соответственно были усилены децентрализованные закупки сельскохозяйственных продуктов. Частично заготовленная продукция шла на приготовление пищи в столовых разных типов.

В военные годы значительно увеличилось количество беспризорных детей. В связи с этим были организованы дополнительные детские дома, дома ребенка. Для их обеспечения целевым назначением осуществлялся отпуск продуктов питания и товаров первой необходимости, который регулировался приказом Наркомата торговли СССР и Центросоюза СССР и РСФСР «О порядке продажи населению, проживающему в сельских местностях, продовольственных и некоторых промышленных товаров» № 40/42 от 24 января 1943 г.

Таблица 2. Нормы отпуска продуктов питания и мыла детским домам и интернатам в сельских местностях на одного ребенка в месяц в граммах (Приложение к приказу Наркомата торговли СССР и Центросоюза СССР № 40/42) [10]

1	Крупа/макароны	1500
2	Сахар/кондитерские изделия	500
3	Жиры	500
4	Мясо/рыбопродукты	1500
5	Чай	25
6	Картофель и овощи (сезонные нормы)	7500
7	Пшеничная мука (для изготовления блюд)	750
8	Мыло хозяйственное	400

Взаимосвязь отраслей деятельности в условиях Великой Отечественной войны усилилась, что было обусловлено нарушением связей с другими хозяйствующими субъектами. Потребкооперация вынуждена была проявлять свойственные ей качества, такие как адаптивность и самодостаточность. Так, в 1942 г. член правления Центросоюза Нагайцев в своем выступлении говорил о необходимости расширения возможностей для увеличения товарной массы: «Решающим фактором в деле выполнения плана товарооборота, а также получения дополнительных ресурсов для народа является организация своего собственного производства для получения дополнительных товаров» [11].

Одним из основных направлений увеличения ассортимента товаров продовольственной и промышленной групп явилась организация заготовительной деятельности. До войны это направление начинало работать в системе потребкооперации, однако в военных условиях стало объективной необходимостью. «Мы должны торговать, и заготавливать, и производить. Не ради производства, а ради удовлетворения потребностей данного района, данной области. Население нуждается, его потребности надо удовлетворить», – подчеркивал председатель Центросоюза Н.П. Сидоров на заседании правления [12].

В годы войны значительно расширился ассортимент закупаемой у населения продукции, основным направлением заготовительной деятельности являлась организация закупки пшена, яиц, овощей и других продуктов питания. Заготовительная деятельность осуществлялась через развернутую сеть заготконтор потребительской кооперации.

Еще накануне войны было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 января 1941 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья», в соответствии с которым необходимо было увеличить количество плодозаготовительных, вареньеварочных, грибоварочных, сушильных, посолочных и копильных пунктов, в то же время организовать производство тары. Также предлагалось организовать новые и расширить действующие предприятия по производству картофельного крахмала, переработке желудей, дикорастущих плодов

и ягод. «Вы знаете, что такое шиповник, что он идет для обороны, раненый красноармеец должен получать витамин С, он выздоравливает, получая витамин, в два раза быстрее, у летчика усиливается зрение в три раза, а мы недооценивали этого дела», – объяснял председатель правления Центросоюза СССР Н.П. Сидоров [13]. В другом документе отмечалось: «По линии использования сырья. Рассчитывать на пряжу и на другие текстильные изделия нельзя. Наша задача – создать свою дополнительную шерстяную пряжу, использовать утиль. Из кожи сделать кожевную овчину, сыромять и др. вещи, т.е. то сырье, которое не в состоянии сейчас вырабатывать государственная промышленность» [14].

Необходимыми направлениями в заготовительной деятельности являлись организация временного хранения и переработки овощей и сырья.

Конечно, основное направление заготовительной работы – проведение заготовок по поставкам, т.е. приобретение сельскохозяйственных продуктов по обязательным поставкам от совхозов по договорам контрактации, а также поступление продуктов в фонд обороны страны, однако в ходе войны всё большее значение стали приобретать заготовки по закупкам.

В сводном отчете по системе Сталинградского облпотребсоюза (в розничных ценах за 1942 г.) приводятся сведения: заготовлено сельхозпродукции на 8193 тыс. рублей, из которых на долю райпотребсоюзов пришлось 4018 тыс. рублей, общества потребителей – 4175 тыс. рублей [15]. В 1943 г. сумма заготовок составила по области 6247 рублей (непосредственно у сдатчиков колхозов, совхозов, колхозников, в покупных ценах) [16]. Планы заготовительной деятельности зачастую не могли быть выполнены. Это было связано с нарушением транспортных связей, с отсутствием оборудования для переработки и возможностей для хранения продукции.

По стране доля закупаемых потребкооперацией продовольственных товаров по отношению к розничному обороту в 1942 г. составила 6,98 %. Среди товаров промышленной группы производились децентрализованные закупки швейных товаров, кожаной и резиновой обуви, мыла, обозощепных и шорных товаров. Доля закупаемых непродовольственных товаров составила 21,1 % [17].

Таким образом, можно сделать вывод, что потребительская кооперация оказывала значительное влияние на возможности выживания жителей в период Великой Отечественной войны в направлении обеспечения населения товарами продовольственной и промышленной групп, организации товарообмена между сельской и городской местностью, возросла социальная направленность деятельности кооперативной системы.

Примечания

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 42–43.
2. Чуюнов А.С. Сталинградский дневник. Волгоград, 1979. С. 29.
3. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 43.
4. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 484. Оп. 1. Д. 4188. Л. 21–22.
5. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1948. С. 7–8.
6. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 96–97.
7. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 4179. Оп. 5. Д. 1д. Л. 64.
8. Алюгин Ф.А. Очерки развития советской потребительской кооперации. М., 1952. С. 53.
9. ГАВО. Ф. 4179. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.
10. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 2. М., 1961. С. 546.
11. РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 4151. Л. 71.
12. РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 4075. Л. 21.
13. РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 4075. Л. 20.
14. ГАВО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 4151. Л. 71.
15. ГАВО. Ф. 4179. Оп. 4. Д. 3. Л. 3, 3об.
16. ГАВО. Ф. 4179. Оп. 4. Д. 7. Л. 1–17.
17. Потребительская кооперация за 1942 год. Годовой статистический отчет. М., 1943. С. 28.

С.Д. Багдасарян**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КУРОРТА
В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на материалах города-курорта Сочи)**

Великая Отечественная война (1941–1945) стала вехой военной истории Советского Союза, частью Второй мировой войны. Она перевернула жизнь простых советских граждан, кинув их в горнило бед, потерь, многочисленных утрат. Еще в довоенный период страна пережила тяжелые преобразования, связанные с индустриализацией, коллективизацией; впервые население массово перемещалось с одной территории на другую в рамках советского социалистического строительства, что рушило повседневный мир, быт и восприятие жизни простого труженика. Уже в 1930-х гг. тяжелый труд, его милитаризация стали основной составляющей будней советского человека. Такая повседневность, наполненная физически трудной работой, мало соотносилась с мечтой о советских рабоче-крестьянских курортах, строившихся по всей стране. У жителей курортных мест тоже были свои трудовые будни, – а также небольшие радости, семейные и государственные праздники.

Исследование посвящено повседневной жизни курорта в условиях военного времени и чрезвычайной политики 1941–1945 гг. В исследовательской литературе последних лет немало внимания уделено всестороннему изучению госпитальной базы СССР в годы войны [1], ученые рассмотрели деятельность учреждений здравоохранения, прорыв в научной хирургической работе, жертвенность медицинских работников: специалистов, медсестер, нянечек [2]. Но нельзя забывать, что особое значение для Советского государства имела культурно-идеологическая составляющая в годы Великой Отечественной войны, пропаганда, направленная на неизбежность будущей Победы, вера в силу духа народа. Поддержка психологического и нравственного состояния населения со стороны властных структур была постоянной, поэтому исследование посвящено жизни Сочи не только как госпитальной базы СССР, но и его жителям, работникам различных культурно-просветительских учреждений, которые создавали и поддерживали атмосферу жизни, наполненной надеждой на выздоровление и возврат к миру.

22 июня 1941 г. – это переломный день для каждого советского человека, разделивший жизнь на довоенную, мирную, – и новую, военную. До войны город Сочи в сознании простых граждан сохранил старое название еще 1920-х гг. – Сочи-Мацестинский. В него еще не входили те обширные курортные территории по побережью (более 146 км), которые будут закреплены правительственным решением 1960-х гг. и превратят Сочи в курортную здравницу международного уровня СССР для социалистических стран. 1930-е гг. – это время всесоюзного социалистического строительства курорта как части индустриального рывка. В небольшие населенные пункты Черноморского побережья (Адлер, Кудепста, Хоста, Сочи) – разношерстные, сельско-курортные, полиэтничные по составу населения (здесь проживали русские, украинцы, белорусы, армяне, греки, грузины, латыши, эстонцы, молдаване и др.) – хлынули рабочие, направленные государственным решением 1933 г. о строительстве курорта.

В первый же день войны курортная местность стала напоминать полувоенный лагерь, из которого уходили волны бывших отдыхающих и призывников. В архивных городских музейных материалах сохранилось немало фотографий и свидетельств жителей о митингах, посвященных будущей победе [3]. Бесспорно, на первый план организационной работы вышло переоборудование существовавших санаториев, домов отдыха, пансионатов под нужды создающихся госпиталей [4]. Затем стали проводиться решения, политически правильные в условиях военного времени и чрезвычайно сложной жизни работников медицинских учреждений и всех местных жителей (взрослые и дети), которые посвятили себя работе по организации помощи раненым. Это и сбор недостающих продуктов питания в горных массивах, дикого меда, орехов, лечебных трав, мха, заменяющего бинты. Женщины стирали, обшивали раненых, чинили их одежду, постельные принадлежности, которых так не хватало; школьники свободное время посвящали дополнительному уходу за ранеными, чтению для них газет и книг, различной литературы, пересказывали новости – отсюда так много в местных музейных композициях сохранившихся фотографий раненых с местной детворой в школьных формах.

Одновременно велась и работа на основе партийных и государственных решений центральных органов власти [5], каждое утро в госпиталях (по палатам в зависимости от тяжести ранений) и во всех образовательных и общественных учреждениях начиналось с политического просвещения о событиях на полях фронтов, в послеобеденное время, а потом и после ужина обязательно организовывали различные мероприятия (чтение стихов, рассказов, пение песен, по возможности, если разрешали врачи, даже танцев и сценок). И реализовывалась такая программа в соответствии с планом замполитов (обязательная должность в медицинском учреждении в годы войны) и пропагандистов (заведующие местных клубов, библиотекари), которые имели право читать и докладывать только официальные государственные сообщения, передаваемые Совинформбюро, дополненные местными новостями из краевых и городских газет («Советская Кубань», газеты Черноморского флота, «Красное знамя» и др.). Всем учреждениям продолжала предоставляться подписка периодической печати СССР. К примеру, по данным Сочинского курортного управления, более 1938 различных печатных изданий поступало в подведомственные ему учреждения в годы войны для проведения мероприятий, связанных с просвещением и пропагандой. Продолжали работать библиотеки, музеи. Обязательным атрибутом каждого общественного городского и сельского места была радиоточка.

Таким образом, у раненых была возможность читать и слушать, развивать культуру чтения, чего зачастую люди недополучали в условиях мирного времени в таком объеме. Просветительский отдел Сочинского курортного управления требовал, чтобы «одна центральная газета была на 45, краевая на 25, местная на 10, журнал на 10, брошюра на 50 человек» [6]. Велась активная шефская работа с ранеными, с медицинскими учреждениями.

Особую лепту вносили продолжавшие работать городской краеведческий музей и музей писателя Николая Островского, ставшие средоточием культурной жизни. Более 50 тыс. человек за годы войны стали их посетителями, при том что сам курортный город насчитывал около 70 тыс. жителей по довоенной переписи. Память о себе оставила и мать героя Гражданской войны Ольга Осиповна Островская. Находясь в немолодом возрасте, она оказывала посильную помощь,

посещала госпитали, рассказывала о сыне, ставила пластинки на патефоне с записью его произведения «Как закалялась сталь». Выздоровливающие становились участниками экскурсий по городу и его окрестностям, знакомились с природой субтропиков.

Переломным становится для городского уклада 1943 год. После окончательного завершения сражений за Кавказ сюда поехали профессиональные артисты и музыканты, стали устраивать для раненых шахматные турниры, а кто не мог их посещать, тот участвовал в шашечных боях, посещал концерты, викторины, просмотры кинофильмов. Вся эта работа организовывалась специальными клубами при госпиталях. Если посмотреть афишу 1943 г., сохранившуюся в музее города-курорта Сочи, то поражает география и масштаб выступлений приезжавших коллективов и отдельных артистов. Краснодарский драматический театр им. М. Горького дал 70 спектаклей, Тбилисский государственный драматический театр имени А.С. Грибоедова – 81 спектакль, Ленинградский театр эстрады и миниатюр А. Райкина – 4 концерта. В конце года состоялись 62 концерта столичного театра музыкальной комедии. Все они выступали и в Зимнем городском театре, встречались с ранеными, давали музыкальные вечера. Запечатлены в хронике культурной жизни в это время и кукольный театр Сергея Образцова, и советская звезда кино Любовь Орлова, встречавшиеся с ранеными госпиталей и горожанами на ступенях Зимнего театра. Такая дружественная культурно-просветительная атмосфера дополнялась проведением военных учебных занятий для выздоравливающих, а для получивших тяжелую инвалидность либо временно потерявших трудоспособность – занятиями по освоению новых профессий в целях реабилитации. Последний раненый покинул стены сочинского госпиталя в 1946 г.

Бесспорно, лечение раненых и ежедневные заботы горожан не были радужными. Город пережил голод, бомбежки во время битвы за Кавказ, похоронки, смерти своих жителей. Но в памяти остались не только ужасы военного времени, чрезвычайно сложных трудовых будней. Фотографии сохранили для нас и улыбки выздоравливающих, и строгие лица их врачей и медсестер; запечатлены и дети, и старики, ожидающие своих близких... Сохранившиеся источники дают возможность дальнейших интересных исследований повседневности Великой Отечественной войны [7].

Примечания

1. Шелия Ж.А. Госпитали в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ярославской и Костромской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. С. 5; Линец С.И. Формирование госпитальной базы в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод в первый год Великой Отечественной войны // Былые годы. 2009. № 3 (13). С. 54–63; Он же. Госпитальная база Кавказских Минеральных Вод в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятигорск, 2010; Ермачков И.А., Натолочная О.В. Сочи – город-госпиталь // Русская старина. 2011. № 2 (4). С. 4–7 и др.

2. Горшколепов О.И., Поляков С.А., Глотов Д.А. Вклад курортов и санаториев в лечение раненых и больных воинов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-медицинский журнал. 2009. Т. 330. № 5. С. 90–95; Абдо Х.М., Бочкарева А.С. К вопросу о здравоохранении и санитарной культуре в годы Великой Отечественной войны // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2015. № 7. С. 38–49.

3. «Мы отстояли этот мир...». [Буклет Музея истории города-курорта Сочи]. Сочи, 2005; Солдатские треугольники. [Буклет Музея истории города-курорта Сочи]. Сочи, 2005; Девина Е.Н. Подвиг милосердия. Сочи, 2012; Город Сочи и его горожане. Сборник статей. Сочи, 2015.

4. Черкасов А.А. К некоторым аспектам работы Сочинской госпитальной базы (1941–1945 гг.): периодизация и эффективность // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 2. С. 19–28; Артюхов С.А. Помощь сочинцев фронту // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. С. 41–42.

5. Токарев И.А. Формирование и реализация партийно-государственной политики СССР в сфере идеологии, культуры и образования в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2007.

6. Сочи: страницы прошлого и настоящего. Иллюстрированный сборник статей. Сочи, 2003. С. 181; Ларионов А.Э. Отдых и досуг как компонент повседневной жизни Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 7 (26).

С. 120–133; Он же. Нормативные механизмы регуляции повседневной жизни милитарного социума (на примере РККА в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) // *Сервис plus*. 2014. № 1. С. 29–35.

7. Малышева Е.М. Методологические и источниковедческие подходы к интерпретации социальной истории периода Великой Отечественной войны // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 49–55; Щепкин С.С. Великая Отечественная война в контексте истории повседневности (на примере анализа писем советского политрука и дневника генерала фашистской армии) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2015. №4 (68). С. 20–23; Багдасарян С.Д., Самсоненко Т.А., Рагер Ю.Б. Развитие инфраструктуры города-курорта Сочи в 1945–1960 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 9. С. 4–9.

А.В. Броварь, Н.А. Броварь

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР: ДОНБАСС (1943–1950 гг.)

Героической страницей в летописи Великой Отечественной войны остается восстановление промышленности Донбасса как одного из ведущих экономических центров СССР. В первую очередь это касается экономической стратегии, а также перспективных последствий экономических решений.

В результате боевых действий и вражеской оккупации разрушение промышленности Донбасса достигло катастрофических масштабов. В довоенное время вклад региона в экономику СССР был велик: Донбасс давал 60 % всесоюзной добычи угля, свыше 70 % – коксующихся углей, значительным также был его доля в металлургии и машиностроительной промышленности государства.

Во время эвакуации в 1941 г. на восток страны перебазировали самое ценное оборудование десятков крупнейших предприятий и тысячи высококвалифицированных специалистов, рабочих [1]. В период временной оккупации враг нанес народному хозяйству До-

нецкого края ущерб на общую сумму около 50 млрд рублей. Только 61 из 1311 предприятий, действовавших до войны в Сталинской области, были пригодны к эксплуатации [2].

Юг СССР стал центром важнейших военных действий и ожесточенных боев, происходивших на его территории в 1941–1943 гг. и повлекших уничтожение промышленных предприятий. К тому же лидеры Германии рассматривали юг СССР как главную базу снабжения продовольствием и сырьем государства. Суть экономической политики выразил рейхскомиссар Украины Э. Кох на совещании в Ровно (26–28 августа 1942 г.): «Украина должна дать то, чего не хватает Германии» [3].

Действуя в соответствии с директивами нацистского правительства, немецкие монополии разворовывали и вывозили в Германию промышленное оборудование, запасы сырья, материалов, готовой продукции и полуфабрикатов – всё то, что по тем или иным причинам в начале войны советская власть не успела эвакуировать в тыловые районы СССР. Захват и использование материальных ресурсов оккупированных и зависимых стран представляли одно из главных направлений экономической политики государств фашистского блока [4]. Кроме грабежа, оккупанты пытались организовать добычу угля и запустить промышленное производство. Для этих целей гитлеровцы образовали горно-металлургическое общество «Восток»; концерн «Рейхсверке Герман Геринг», игравший в нем ведущую роль, открыл в городе свое отделение [5].

Оставляя оккупированные советские земли, захватчики по специальным инструкциям осуществляли тактику «выжженной земли». О намерениях захватчиков свидетельствует приказ рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера высшему руководству войск СС и полиции на Украине о разрушении Донбасса (№ 147/43 от 7 сентября 1943 года): «...Необходимо добиться того, чтобы при отходе не осталось ни одного человека, чтобы не осталось ни одного пригодного здания, ни одной шахты, которая не была выведена из строя на долгие годы. <...> Враг должен найти действительно тотально выжженную и разрушенную страну» [6].

Хорошо осознавая то, какую большую роль играли экономические ресурсы Донбасса в военной мощи СССР, немецкое ко-

мандование разрушало всё на его территории, что не подлежало вывозу. Целенаправленно уничтожалась основа основ экономики СССР – тяжелая индустрия: Донецкий угольный, Криворожский железорудный и Никопольский марганцевый бассейны, все главные электростанции юга СССР. Гитлеровцы на территории СССР превратили в руины свыше 16 тысяч промышленных предприятий и 200 тысяч зданий производственного назначения. Было разрушено 47 доменных и 117 мартеновских печей, 135 прокатных станов. Только прямые материальные потери народного хозяйства СССР составили 285 млрд рублей. СССР фактически потеряла энергетическую, металлургическую, угольную, химическую, транспортную, судостроительную, самолетостроительную, станкостроительную и другие отрасли промышленности [7].

Не ограничиваясь разрушением шахт, заводов, производственных сооружений, немецкие оккупанты уничтожили и сожгли жилые дома, детские сады и ясли, столовые, школы, больницы, магазины, парки культуры и отдыха Донбасса. В ходе войны хозяйственный комплекс понес катастрофические убытки. Его восстановление потребовало огромных средств, материалов, трудовых усилий и длительного времени.

Программа и задачи ликвидации тяжелых последствий фашистской оккупации были определены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В этот день для непосредственного руководства работой был создан Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, в состав которого вошли Г.М. Маленков (председатель), А.И. Микоян, А.Н. Вознесенский, А.А. Андреев. Последнее заседание Комитета состоялось 12 мая 1944 г. На данный орган возлагалась координация действий всех ведомств, занимающихся восстановительными работами на освобожденных от врага территориях [8].

Восстановительный процесс условно делится на два периода: первый – от освобождения определенных регионов государства до завершения войны. 25 марта 1945 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР «О государственном плане

восстановления и развития народного хозяйства на 1945 год» [9]. Содержащиеся в нем директивы определили основные тенденции восстановления экономики в последний год войны. Второй – от принятия 18 марта 1946 г. закона «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы», который постановил восстановление разрушенной войной экономики нашего государства в кратчайшие сроки [10].

Сразу после изгнания врага начинались восстановительные работы (в первой половине 1943 г. – в Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области, во втором полугодии – почти на всем Левобережье УССР). В центре внимания правительства находилась первоочередная реконструкция топливно-энергетической и металлургической базы республики, возрождение промышленности Донбасса и Приднепровья, Харькова и Киева, Николаева и Одессы. Предприятия освобожденных территорий составляли важный резерв для расширения военного хозяйства страны, роста его производственных мощностей, а следовательно, для непрерывного увеличения масштабов поступлений танков, артиллерийско-стрелкового вооружения, самолетов и боеприпасов наступающей Красной армии. Вместе с тем введение в действие предприятий тяжелой индустрии составляло непереносимое условие высоких темпов возрождения и дальнейшего развития экономики СССР в целом.

Процесс восстановления регулировался и контролировался государственными и партийными органами: уже в 1943–1945 гг. Государственный комитет обороны (ГКО) СССР, СНК СССР, ЦК ВКП(б), республиканские партийные и государственные органы приняли ряд важных решений по вопросам восстановления и деятельности промышленных предприятий. В нормативных актах определялись сроки восстановления, меры, направленные на обеспечение заводов кредитами, оборудованием, строительными материалами, пути снабжения рабочей силы.

22 февраля 1943 г. ГКО принял постановление № 2925с «О восстановлении угольных шахт Донбасса», в котором обязал Наркомат угольной промышленности СССР немедленно приступить к восстановлению шахт и предприятий угольной промышленности в освобожденных районах Ворошиловградской и Сталинской (в настоящее

время – Донецкой) областей [11]. С этой целью руководство страны рекомендовало областным и республиканским органам обратить особое внимание в первую очередь на восстановление средних и мало-разрушенных крупных шахт, восстановление и строительство мелких шахт для организации быстрой добычи угля.

В течение 1944–1945 гг. ГКО разработал ряд конкретных мер по возрождению не только угольной, но и других отраслей тяжелой индустрии. Был принят ряд соответствующих постановлений: «О развитии производства металлорежущих станков на предприятиях Наркомата станкостроения» (28 февраля 1944 г.) № 5269с; «О мероприятиях по восстановлению Криворожского железорудного бассейна Наркомчермета» (19 сентября 1944 г.) № 6563с; «Об усилении внимания делу восстановления и развития угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии и электростанций» (30 сентября 1944 г.) № 6626с; «О мерах помощи черной металлургии юга» (23 ноября 1944 г.) № 6990с; «О дальнейших мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса для обеспечения углем черной металлургии, железнодорожного транспорта, электростанций и военной промышленности юга» (18 июля 1944 г.) № 6213; «О мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса во 2-м квартале 1945 года» (13 апреля 1945) № 8119 и других, в которых подробно излагались подходы к восстановлению и организации производства [12].

Наряду с восстановлением топливной промышленности принимались меры по восстановлению энергетической инфраструктуры. Согласно постановлению ГКО № 5637с «О вводе новых мощностей на электростанциях в 1944 г.» (16 апреля 1944 г.) [13], строители и энергетики ускоренными темпами смонтировали первые турбины Зуевской, Штеровской и Северо-Донецкой государственных районных электростанций (ГРЭС). В январе 1944 г. заработала Зуевская ГРЭС, а в мае – Штеровская ГРЭС и теплоэлектроцентраль Ворошиловградского завода имени Октябрьской революции [14]. Одновременно восстанавливалось производство электроэнергии на небольших электростанциях. Нарращивание энергетических мощностей способствовало быстрому возрождению тяжелой индустрии, в первую очередь металлургии и машиностроения.

Заметный вклад в снабжение страны металлом сделали районы, освобожденные от немецкой оккупации. Южный металлургический район находился в оккупации почти два года. Все 28 действовавших на Украине до войны металлургических заводов и 25 коксохимических заводов были разрушены оккупантами. Больше всех пострадали крупные металлургические заводы: Макеевский, Енакиевский, Днепродзержинский, завод им. Петровского, «Азовсталь», «Запорожсталь», Криворожский.

Первыми восстановительные работы и наладку цикла начали металлурги Ворошиловградского завода им. К. Ворошилова. Летом 1943 г. они возвели корпуса основных цехов, до конца года специалисты отремонтировали все газогенераторы и пустили в действие мартеновскую печь. 25 ноября 1943 г. наладили выплавку стали металлурги Константиновского завода, в декабре уже работали Енакиевский и Макеевский заводы. Во всех освобожденных районах Донбасса в 1943 г. было пущено 2 домны, 27 мартеновских печей, 9 прокатных станов, 12 коксовых батарей [15].

Быстрыми темпами возрождались и другие отрасли, обеспечивавшие функционирование черной и цветной металлургии республики. В первый год четвертой пятилетки работали и наращивали производство коксовые батареи в Сталино, Горловке, Краматорске, Константиновске, Макеевке, Мариуполе, Днепродзержинске, Днепропетровске и другие коксохимзаводы. Вводились в строй карьеры по добыче известняка и другие объекты, работающие на металлургию [16].

На Мариупольском металлургическом заводе «Азовстали» до конца войны успели восстановить и ввести в действие к июлю 1945 г. мощнейшую в УССР доменную печь № 3, печь № 4 – к сентябрю 1946 г. [17].

Основным потребителем металла была машиностроительная промышленность, причем больший ее сегмент специализировался на производстве военной продукции, для ее восстановления необходимо было обеспечить немедленное и четкое исполнение постановления ГКО № 4168с от 21 сентября 1943 г. «О восстановлении Ново-Краматорского завода имени Сталина и Старо-Краматорского завода имени Орджоникидзе в Донбассе» соответствующими ведомствами. Параллельно с восстановительными мероприятиями рабочие и инженеры краматорских заводов выполняли важные военные заказы [18].

Значительные объемы восстановительно-ремонтных работ выполнил коллектив Сталинского металлургического завода, который своими силами собрал подъемные краны, полностью отстроил котельно-монтажный цех и частично кузнечный, механический, литейный, электроремонтный, огнеупорный и транспортный. В июле 1944 г. завод отгрузил первый металл.

За четвертую пятилетку на новой технической базе были восстановлены все металлургические заводы Донбасса и Приднепровья, разрушенные за время войны. Заводы Министерства черной металлургии превысили в 1950 г. довоенный уровень выплавки чугуна и производства проката.

Принятый Верховным Советом Украинской ССР в августе 1946 г. послевоенный план восстановления и развития народного хозяйства Украинской ССР на 1946–1950 гг. под руководством союзного правительства, при помощи союзных республик был успешно выполнен, а важнейшие задания плана значительно перевыполнены. Промышленность, разрушенная немецко-фашистскими захватчиками, была восстановлена и расширена на новой технической базе. Установленный пятилетним планом на 1950 г. уровень промышленного производства достигнут досрочно – в четвертом квартале 1949 г. [19].

Преодолевая большие трудности, обусловленные последствиями войны, народ Донбасса быстрыми темпами восстановил промышленность региона. Окончательное восстановление промышленности Донбасса завершилось в начале 1950-х гг., когда был достигнут довоенный уровень по всем без исключения показателям в отраслях экономики. Эти результаты были получены благодаря высокопрофессиональному планированию восстановительных мероприятий, а также народному патриотизму и инвестированию огромных материальных ресурсов.

Объективно освещая аспекты послевоенного восстановительного периода, необходимо безоговорочно признать, что народ Донбасса, проявляя героизм на фронтах, в партизанских отрядах и подполье, совершил также настоящий трудовой подвиг в Великой Отечественной войне – самой жесточайшей за всю историю человечества.

Примечания

1. Броварь А.В. Эвакуация промышленности Донбасса в начальный период войны (август – октябрь 1941 г.) // Исторические и политологические исследования. Донецк, 2000. № 1 (3). С. 68–71.

2. Восстановление Донбасса, 1946–1950: документы и материалы / сост. А.Г. Кандаля и др. Киев, 1986. С. III.

3. Выдержка из сообщения о выступлении рейхскомиссара Украины Э. Коха на совещании в Ровно с 26 по 28 августа 1942 г. на предмет обращения с Украиной // Война против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция. 2-е изд. Берлин, 1991. Текст 55. С. 86.

4. Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 252–253.

5. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. М., 1985. С. 250.

6. Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. Р-326. Оп. 2. Д. 463. Л. 44.

7. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. С. 742–743.

8. О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации // Правда. 1943. № 209 (9345). 22 августа. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6148900/pages/1> (дата обращения: 25.02.2020); Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9504. Оп. 1. Д. 40. URL: <http://guides.rusarchives.ru/funds/komitet-pri-sovete-narodnyh-komissarov-sssr-po-voosstanovleniyu-hozyaystva-v-rayonah> (дата обращения: 25.02.2020).

9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967. М., 1968. Т. 3. С. 229–231.

10. Сталинский план будет претворен в жизнь // Правда. 1946. № 66 (10148). 18 марта. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6165359/pages/1> (дата обращения: 25.02.2020).

11. Постановления и распоряжения Государственного Комитета Оборона за 1941–1945 годы. URL: http://portal.rusarchives.ru/secret/bul6/1943_02.shtml (дата обращения: 21.02.2020).

12. Постановления и распоряжения Государственного Комитета Оборона за 1941–1945 годы. URL: http://portal.rusarchives.ru/secret/bul6/1944_02.shtml; http://portal.rusarchives.ru/secret/bul6/1944_09.

shtml; http://portal.rusarchives.ru/secret/bul6/1944_11.shtml; http://portal.rusarchives.ru/secret/bul6/1945_04.shtml (дата обращения: 21.02.2020).

13. Постановления и распоряжения Государственного Комитета Оборона за 1941–1945 годы. URL: http://portal.rusarchives.ru/secret/bul6/1944_04.shtml (дата обращения: 21.02.2020).

14. Успех энергетиков Донбасса // Правда. 1944. № 13 (9470). 15 января. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6148126/pages/2> (дата обращения: 22.02.2020); Зажглись огни Зугрэса // Правда. 1944. № 16 (9473). 19 января. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6148129/pages/3> (дата обращения: 22.02.2020).

15. История социалистической экономики СССР. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны / ред. И.А. Гладков. М., 1976–1980. Т. 5. М., 1978. URL: <https://history.wikireading.ru/322138> (дата обращения: 26.02.2020).

16. Восстановление Донбасса, 1946–1950: документы и материалы. С. 149.

17. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. С. 43.

18. Постановления и распоряжения Государственного Комитета Оборона за 1941–1945 годы. URL: http://portal.rusarchives.ru/secret/bul6/1943_09.shtml (дата обращения: 25.02.2020).

19. Восстановление Донбасса, 1946–1950: документы и материалы. С. 531.

В.М. Забелин

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЛАГОДАРНЕНСКОГО РАЙОНА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В 1945 г.

В течение двух лет, прошедших после освобождения в январе 1943 г. от немецко-фашистских оккупантов Благодарненского района Ставропольского края, шла напряженная работа по восстановлению разрушенного хозяйства [1]. В данной статье рассмотрим, какие трудности испытывал район в социально-экономической сфере в начале 1945 г. В качестве источника использованы материалы, опубликованные в районной газете «Трибуна ударника».

Все важные направления в работе хозяйств района были сформулированы в следующем призыве: «Задача тружеников тыла – неустанно усиливать помощь стране и фронту, своим самоотверженным трудом успешно завершить хлебопоставки государству, образцово отремонтировать трактора и сельскохозяйственный инвентарь, немедленно устранить недостатки в зимовке скота, по-боевому подготовиться к предстоящему севу» [2].

Катастрофическая нехватка рабочих рук влияла на проводимые работы. Так, урожай 1944 г. хозяйства района должны были обмолотить и сдать на приемные пункты Благодарненского элеватора «Заготзерно» к 10 января 1945 г. В печати того периода то и дело публиковались призывы выполнить план хлебозаготовок. «Решающим условием быстрее завершения хлебозаготовок является организация бесперебойного обмолота урожая. Круглосуточное и полное использование на обмолоте молотилок, комбайнов, всех имеющихся в колхозах средств – такова решающая задача. Колхозники и колхозницы! Быстрее завершайте обмолот хлебов, полностью рассчитайтесь к 10 января с государством по хлебопоставкам! Все силы – на обмолот и хлебовывоз!» – с таким призывом обратилась к населению районная газета «Трибуна ударника» [3].

С хлебозаготовками не справлялся не только Благодарненский район, но и все районы края. Поэтому бюро Крайкома ВКП(б) постановило провести с 8 по 18 января 1945 г. во всех районах фронтовой декадник по завершению хлебозаготовок. По этому случаю районная газета выступила с призывом: «Колхозники и колхозницы, рабочие совхозов! Превратим фронтовой декадник завершения хлебозаготовок в массовую боевую кампанию, полностью рассчитаемся с государством по хлебопоставкам! Чем больше мы дадим государству хлеба – тем сильнее, зажиточней будет наша Родина! В декадник фронтовой дадим больше хлеба стране родной» [4].

Но и к этой дате не справился район. На 18 января здесь оставались необмолоченными зерновые на площади 619 га и подсолнечника – на 214 га. Из 21 колхоза района план выполнили только 5: им. Ленина, им. Чапаева, «Диктатура пролетариата», «Первое Мая» и «Вторая пятилетка».

Второй важнейшей проблемой в работе колхозов и совхозов был ремонт сельскохозяйственной техники. «Дружно поработал на ремон-

те тракторов в четвертом квартале прошлого года коллектив рабочих Каменно-Балковского мясосовхоза. Здесь каждый ремонтник самоотверженно боролся за то, чтобы наверстать упущенное, выполнить график, дать высококачественный ремонт каждой машине.

Поставленную задачу – к 1 января 1945 г. выпустить из ремонта 6 тракторов – коллектив совхоза решил успешно. 31 декабря к 12 часам ночи все шесть машин вышли из ремонта. Тщательно проверенные директором мясосовхоза и инженером треста, тракторы признаны хорошо отремонтированными и приняты комиссией», – писали современники [5].

Однако такая картина была не везде. Из 4 МТС района были проверены 2 – Елизаветинская и Мирненская. В Елизаветинской МТС из 16 вышедших из ремонта тракторов Государственной комиссией было принято только 4. В Мирненской МТС из 15 тракторов было принято 2. Не лучше была картина и в Благодарненской и Шишкинской МТС. Много проблем было в ремонте мелкой сельскохозяйственной техники в колхозах.

Население призывали помочь хозяйствам в подготовке сельхозтехники к весеннему севу и уборке нового урожая. Посильную помощь МТС района оказали учащиеся ремесленного училища № 6. Так, в Благодарненской и Елизаветинской МТС работали 7 учащихся. Они ремонтировали головки блока, коромысла клапанов и выполняли другие ремонтные работы. В порядке шефства ремесленное училище стало изготавливать комплекты инструментов, которые вручали бригадам и трактористам всех машинно-тракторных станций района. В комплект изготавливаемых инструментов входили молоток, кронциркуль, нутромер, магнитные ключи и др. Задания по 200 % от нормы выполняли учащиеся Дмитриев, Екимцов, Бутенко, Андреева и многие другие [6]. Работники противочумного пункта организовали мастерскую по изготовлению остродефицитных запчастей для МТС.

Не было проблем у МТС с обеспечением горючего, за которое отвечала Благодарненская нефтебаза. Ее работники наполовину сократили слив большегрузных цистерн с горючим, сэкономили 24 т светлых нефтепродуктов. Отпуск нефтепродуктов МТС и совхозам производился быстро, без единой задержки. Рабочие не считались со временем и работали даже ночью.

Много было проблем и в животноводстве. Вот что, например, писали современники о его состоянии в колхозе им. Ворошилова: «Кошары для овец раскрыты, базы не огорожены, ни одного центнера нет подвезенных к месту зимовки кормов. В результате этого имеется уже 30 голов отхода...

Такое же положение и на молочно-товарной ферме. Коровы до сего времени находятся под открытым небом, кадрами ферма не укомплектована» [7].

В период оккупации было полностью уничтожено птицеводство как отрасль в хозяйствах района. Постепенно всеобщими усилиями в совхозах и колхозах стали восстанавливать птицеводство. К началу 1945 г. некоторые фермы имели уже по тысяче кур.

С целью стимулирования развития колхозов Благодарненский район заключил соглашение с Буденновским и Туркменским районами о социалистическом соревновании на 1945 г. Обязательства, взятые Благодарненским районом, показывают степень восстановленности хозяйств и задачи по их дальнейшему развитию.

В сельском хозяйстве предполагалось закончить подготовительные работы к весеннему севу – ремонт тракторов, тракторного и конного сельхозинвентаря, засыпку семян и доведение их до посевных кондиций, заготовку местных удобрений, организацию звеньев и закрепление за ними участков, ремонт сбруи и подготовку рабочего тягла – к 1 марта 1945 г.

Для ликвидации обезлички, охраны общественной собственности и повышения ответственности за качество работ планировалось подобрать в каждую полеводческую бригаду опытного «качественника», а также из передовых колхозников назначить плугарей, сеяльщиков, бороновальщиков, протравщиков семян, яровизаторов, воловщиков, конюхов, сторожей по охране семян и горячего, закрепить за прицепщиками сельхозинвентарь по акту.

В период весеннего сева предполагалось установить строгий контроль за нормой высева, качеством обработки почвы и сева, не допускать нарушения агротехники. Для этого следовало установить повседневный контроль над всеми производимыми работами и вменить в обязанность бригадиров и звеньевых принимать от колхозников работу по акту, борясь за качество вспашки и сева,

а председателям колхозов производить приемку работ от бригадиров по пятидневкам.

Планировалось получить урожай с каждого гектара в среднем всех зерновых 11,5 ц, в том числе озимой пшеницы – 12, ярового ячменя – 11, овса – 17, проса – 8, кукурузы – 13, подсолнечника – 8, корнеплодов – 160, овощей – 120, картофеля – 80, бахчи – 150, хлопка – 4 ц.

Предполагалось произвести сев ранних колосовых и подсолнечника в 10–12 рабочих дней, поздних культур – в 13–14 дней, посеять яровизированными семенами 3000 га, произвести перекрестный сев на площади 1000 га, провести боронование всей зяби в 1–2 дня, забороновать все озимые посевы в первые дни выезда в поле, а также произвести подкормку посевов местными удобрениями на площади 200 га.

Планировалось провести двукратную прополку колосовых, а на семенных участках – третью, сортовую-видовую, все пропашные широкорядные посевы закультивировать не менее 2 раз и провести три ручные обработки. Нужно было организовать борьбу с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений, а также с сорняками на всех посевах, межах, пустырях, лесополосах и обочинах дорог.

Предстояло привлечь на полевые работы не менее 800 коров, принадлежащих колхозам и колхозникам. К 10 марта во всех колхозах следовало составить производственные планы и утвердить их на общих колхозных собраниях, вспахать до 20 мая 15 000 га паров и содержать их в чистом состоянии до осеннего сева. Весь уборочный сельхозинвентарь, машины и комбайны постановили отремонтировать к 15 мая.

Планировалось произвести посев семенных участков и закрепить их за постоянными семеноводческими звеньями, организовав тщательный уход за семенниками, закрепить все посевы в колхозах за бригадами и звеньями и внедрить индивидуальную сдельщину, ввести раздельный учет полученной продукции, организовать противопожарную и сторожевую охрану урожая, подготовить крытые навесы, тока и зернохранилища к началу уборки урожая.

Уборку колосовых в 1945 г. постановили провести в 25 рабочих дней и без потерь, для чего необходимо было все комбайны и лобогрейки, занятые на уборке урожая, оборудовать зерноуловителями; организовать сгребание и сбор колосьев на всей уборочной площади

колосовых; весь скошенный хлеб простейшими машинами связать в снопы и заскирдовать.

В животноводстве район обязался выполнить план развития к 7 ноября. Планировалось получить и сохранить молодняк 1945 года рождения от 100 коров – 85 телят, от 100 кобыл – 65 жеребят, от 100 овцематок – 100 ягнят, от 1 свиноматки – 20 деловых поросят, надоить на одну фуражную корову 1100 л, настричь шерсти с одной головы тонкорунной овцы – 4 кг, полугрубошерстной – 3 кг, и грубошерстной – 1,5 кг, получить от одной несущей 90 яиц. Постановили организовать племенные фермы крупного рогатого скота и одну свиноводческую, купить и законтрактовать у рабочих, служащих и колхозников 1000 голов телят, добиться случки всего маточного поголовья скота, годного к расплоду.

Постановили полностью выполнить эпизоотический план и не допустить эпизоотических и инфекционных заболеваний скота, подготовить здоровое поголовье к зимовке, организовать и привести в хорошее состояние изоляторы. Следовало полностью отремонтировать ветлечебницы и ветпункты, привести в надлежащий порядок все животноводческие помещения, скотные дворы, базы, водопои, полностью освоить прифермерские посева, организовать бригады по кормодобыванию, провести заготовку кормов и подвоз их к месту зимовки скота, обеспечить весь скот на стойловый период хорошими кормами, для чего нужно было провести сенокошение на площади 13 000 га и получить 56 000 ц сена. Для успешного проведения сенокошения следовало не позднее 1 мая отремонтировать весь сеноуборочный инвентарь.

На имеющихся племенных фермах планировалось наладить племенную и селекционную работу, довести производственные задания по получению и сохранению молодняка до каждой фермы и в отдельности до каждого работника, организовать учет в животноводстве по надою молока, настригу шерсти, выращиванию молодняка, обеспечить выдачу натуральной и денежной оплаты за перевыполнение планов. Выполнить государственный план поставок животноводческих продуктов постановили к 1 октября [8].

В период оккупации захватчики уничтожили все мельницы в районе. Коллектив рабочих и служащих Благодарненского мельзаводу-

правления не только за два года восстановил все мельницы, но и к началу 1945 г. запустил их на полную мощность. Много труда для этого приложили токарь механической мастерской Орлянский, механик Труфанов, машинисты Шарубенко и Калашников, мирошники Изовимов, Катеров, Радищев и Емцев.

В начале 1945 г. райпищеккомбинат работал с перевыполнением плана. Январский план был выполнен досрочно на 120 %. Работали на комбинате в основном жены фронтовиков, которые овладели техникой производства. Мастер колбасного цеха З.П. Аксаныч выполнила план по выпуску колбасных изделий на 150 %. Мастер М.А. Мезенцева в полтора раза превышала план по производству безалкогольных напитков. За лошадьми, которые были «хорошей упитанности, всегда вовремя накормлены и напоены», смотрел конюх П.В. Кириллов.

К рассматриваемому периоду в районе были восстановлены все школы и культурно-просветительные учреждения. В каждом селе работали начальные, неполные средние и средние школы, клубы, избы-читальни. Пополнялись фонды библиотек [9].

Прошедшее в начале февраля районное совещание заведующих и директоров начальных, неполных средних и средних школ района с приглашением учителей школ Благодарного выявило проблему того, что многие дети школьного возраста не посещают школу. Так, например, в с. Алексеевском в школу не ходили 47 детей. Было принято решение обязать «заведующих и директоров школ еще раз проверить детей, не посещающих школу, и через сельские Советы депутатов трудящихся принять меры к тому, чтобы учебой были охвачены все дети школьного возраста» [10]. Проблемой в работе школ было и то, что многие из них не полностью были обеспечены топливом на зиму.

Подготовкой учительских кадров занималось Благодарненское педучилище. Для окончивших 9–10 классов средней школы или приравниваемыми к 9-му классу учебные заведения проводились десятимесячные курсы учителей 1–4 классов. Все курсанты получали стипендию.

Сразу после освобождения от оккупантов возобновила подготовка сельскохозяйственных кадров Благодарненская краевая школа механизации сельского хозяйства. В 1943 г. школа выпустила 137 тракто-

ристов, около 200 комбайнеров, 21 шофера. В 1944 г. школу окончили 606 человек. В 1945 г. школа, кроме трактористов и комбайнеров, стала готовить бухгалтеров для колхозов, вела переподготовку бригадиров тракторных бригад.

10–11 февраля 1945 г. в Доме культуры с. Благодарного состоялся районный смотр художественной самодеятельности. В нем приняли участие кружки художественной самодеятельности колхозов и совхозов, а также ремесленного училища и школы механизации сельского хозяйства.

Смотр открылся выступлением хора Дома культуры под управлением Лишенко. Он исполнил Гимн СССР, «Славься Родина», «Дороженька», «Где ты, где ты» и др. Кружок избы-читальни с. Александрии поставил пьесу «Убедили», а член этого кружка Лазарев мастерски исполнил на баяне «У избушки». Восторг зрителей вызвали частушки и танцы колхозниц сельхозартели «Ударник полей» Кудиновой и Старенко, танец «Дубок» колхоза «Красное знамя», песня «Красный флаг» и «Про казака Голоту», исполненная 14-летним колхозником сельхозартели им. Чапаева Мишей Гладких.

По результатам смотра лучшие исполнители были награждены грамотами и денежными премиями. Районная комиссия отобрала кандидатов на краевой смотр художественной самодеятельности [11]. Необходимо отметить, что смотры художественной самодеятельности проходили во всех населенных пунктах района и даже в отдельных колхозах.

Таким образом, работа хозяйств Благодарненского района Ставропольского края в 1945 г. определялась характерными трудностями военного времени. Например, так как не хватало рабочих рук, хлеб скашивали и складывали в скирды. Обмолот урожая 1944 г. продлился еще на период после наступившего очередного календарного года. При проведении полевых работ привлекали тягловый скот не только колхозов, но и колхозников. Всё это свидетельствовало о тяжелейших условиях работы хозяйств Благодарненского района в послеоккупационный период и последующие годы военного времени. Разработанный план межрайонного социалистического соревнования на 1945 г. по развитию сельского хозяйства и животноводства констатировал фактические задачи, которые надо было выполнить с целью восстанов-

ления нормального функционирования хозяйств Благодарненского района. Несмотря на все сложности, в районе прилагались усилия, направленные на поднятие морального духа населения, проводились культурные мероприятия. Делали всё возможное и для возобновления полноценной работы школ.

Примечания

1. Забелин В.М. Благодарненский район – через испытания временем: исторические очерки. Ставрополь, 2010.
2. Навстречу второй годовщине освобождения Ставрополя // Трибуна ударника. 1945. № 5 (14 января). С. 1.
3. Передовица // Трибуна ударника. 1945. № 3 (7 января). С. 1.
4. Передовица // Трибуна ударника. 1945. № 4 (11 января). С. 1.
5. Каскелич И. Осенне-зимний ремонт тракторов // Трибуна ударника. 1945. № 2 (4 января). С. 1.
6. Макшанцев М. Ремесленное училище помогает МТС // Трибуна ударника. 1945. № 5 (14 января). С. 1.
7. Яковлев И. О животных не заботятся // Трибуна ударника. 1945. № 5 (14 января). С. 2.
8. Договор социалистического соревнования между Благодарненским, Буденовским и Туркменским районами на 1945 год // Трибуна ударника. 1945. № 17 (25 февраля). С. 1–2.
9. Восстановлены все школы, клубы, избы читальни // Трибуна ударника. 1945. № 9 (28 января). С. 1.
10. Районное совещание заведующих и директоров школ // Трибуна ударника. 1945. № 12 (8 февраля). С. 2.
11. Районный смотр художественной самодеятельности // Трибуна ударника. 1945. № 15 (15 февраля). С. 2.

А.А. Боголюбов

ПОЛЬСКИЕ БЕЖЕНЦЫ НА ЮГЕ РСФСР в 1944–1946 гг.

В настоящей статье будет рассмотрен такой малоизвестный факт, как пребывание на территории южных окраин России беженцев

из Польши на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Будут проанализированы различные аспекты их нахождения на Северном Кавказе в тот период, когда уже прошло больше года со дня его освобождения от немецко-фашистской оккупации и советская политико-административная система, а также экономика на этих территориях успешно функционировали. Будет рассмотрен и вопрос оказания материальной помощи гражданам Польши, оказавшимся в Ставропольском и Краснодарском краях в 1944–1946 гг.

Прежде всего возникает вопрос: каким образом несколько тысяч польских граждан оказались в заключительный период Великой Отечественной войны на Юге России? В начале Второй мировой войны люди разных национальностей – не только этнические поляки – оказались на территориях, оккупированных немецко-фашистскими войсками, и перебрались на территорию СССР. Здесь их, особенно в связи с началом Великой Отечественной войны, разместили в северных регионах страны: Коми АССР, Пермской, Новосибирской и Кировской областях.

После перелома в ходе войны в пользу СССР, когда значительные территории, в том числе и на Северном Кавказе, временно оккупированные немецко-фашистскими войсками, были освобождены Красной армией, встал вопрос о переселении беженцев в районы с более благоприятным, теплым климатом. Созданный в июне 1943 г. Союз польских патриотов (СПП) во главе с известной писательницей Вандой Василевской активно занялся переселением польских беженцев в южные регионы РСФСР весной 1944 г. [1]. Этой работе предшествовало обращение СПП к руководству СССР от 18 марта 1944 г., в котором сообщалось о планах переселения двадцати пяти с половиной тысяч беженцев из Польши в южные районы Советского Союза [2]. Вопрос был решен. Помимо Краснодарского и Ставропольского краев, польских беженцев размещали на территории Грозненской области, образованной после депортации чеченцев и ингушей в 1944 г. [3]. Вопросы переселения беженцев курировал НКВД во главе с Л.П. Берия [4]. В Москве, в наркомате непосредственно делами беженцев занимался майор Кузнецов, а в Ставропольском крае – майор Яшин [5]. Хозяйственными вопросами переселения в Москве занимался председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР А.Н. Косыгин

[6]. Непосредственно курировал хозяйственные вопросы переселения руководитель одного из отделов Совнаркома РСФСР Быченко [7].

Этнический состав польских беженцев на Юге России был далеко не однороден: поляки составляли лишь около 45 % переселенцев, евреи – 20 %, также около 20 % переселенцев составляли украинцы, белорусов было 8 %, литовцев – 2 % и примерно столько же русских [8]. Любопытно отношение представителей советских властей к такого рода этническому составу переселенцев. Поляков и евреев в секретных донесениях называли «бывшими гражданами Польши», а литовцев, украинцев и русских – «членами семей военнослужащих Войска Польского» [9].

Организованный в Ставропольском крае отдел Союза польских патриотов находился по адресу: г. Ставрополь, ул. Орджоникидзе, 39 [10]. Сохранился отчет только об одной краевой конференции СПП, проводившейся 19–20 марта 1945 г. в Ставрополе. Конференция была посвящена решению материальных проблем беженцев, а также организации их культурной жизни. Увы, и в том, и в другом случае возможности СПП были весьма ограничены. Так, например, культурная жизнь сводилась к распространению среди беженцев польских газет, выходивших в то время в СССР [11]. Это были «Вольна Польска» и «Жолнеж Вольности» [12]. Что касается выделения материальной помощи польским переселенцам, то централизованно ее оказание началось после письма Ванды Василевской заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотову от 10 октября 1944 г., в котором писательница попросила о помощи. В письме заключались просьбы о помощи в ремонте жилья, одежды и обуви, выделении овощей тем, кому не досталось приусадебных участков, а также в трудоустройстве специалистов. Последняя просьба была особенно актуальной, так как беженцев поселяли в совхозах, где для высококвалифицированных специалистов не было работы. Решение, принятое М.В. Молотовым в ответ на обращение Ванды Василевской, позволило частично решить затронутые в обращении вопросы: польским переселенцам в Краснодарском и Ставропольском краях было выделено по 150 тыс. рублей в каждом крае на закупку одежды и обуви. Кроме того, по крайней мере в Ставропольском крае польские переселенцы получили 100 т овощей [13]. В октябре 1944 г. исполком Ставрополь-

ского краевого совета принял решение о выделении дополнительной помощи польским переселенцам. Согласно этому решению, каждому из них выделялся дополнительный паек: в месяц 2 кг муки, 1 кг жиров, 500 г сахара, 500 г сладостей и 1 кусок мыла. Всем переселенцам было обещано трудоустройство, а также выделение приусадебных участков. Детям было гарантировано получение образования и получение одежды и обуви. Для детей, лишенных опеки родителей, решено было создать детские дома [14]. В Ставропольском крае такой дом был создан в селе Ипатово. В нем находились, по различным данным, от 58 [15] до 220 [16] польских подростков. По данным польского исследователя А. Гловацкого, этот детский дом был переведен в Ипатово из Архангельска. Кроме того, как указывает все тот же А. Гловацкий, в Ипатово существовали три польских детских сада, в которых находился 31 воспитанник [17]. В тот же период в Краснодарском крае польский детский дом находился в станице Афипской Северского района. Туда он был переведен из Томска. В этом детском доме находилось от 157 до 186 воспитанников [18]. Делами польских детдомов, в том числе их содержанием, занимался специально образованный Комитет по делам польских детей в СССР, находившийся в Москве по адресу Армянский переулок, 5. Председателем Комитета был заместитель Народного комиссара просвещения РСФСР А. Новиков [19].

Секретное распоряжение Совнаркома СССР от 5 июня 1944 г. требовало от местных властей исключить контакты местного населения с польскими переселенцами. Отсюда и размещение прибывших в совхозах, подальше от центральной усадьбы. Объяснялось это плохим состоянием здоровья вновь прибывших. В этой связи местным органам здравоохранения предписывалось сделать переселенцам прививки от оспы и тифа, а детям до 12 лет дополнительно – от дифтерита и рожи [20].

Условия жизни переселенцев были очень тяжелы: в некоторых совхозах они по несколько дней не получали никакой пищи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что порой отмечались случаи гибели людей от истощения и туберкулеза [21]. Из-за границы для польских беженцев на Юге России приходили продовольственные посылки, преимущественно от лиц еврейской национальности, из Палестины, США, Канады, Аргентины, Великобритании и Швеции. Распределя-

лись они преимущественно среди военных и инвалидов. Из гражданского населения их удавалось получить преимущественно тем, кто жил ближе к продовольственным распределителям [22].

Вскоре после победы в Великой Отечественной войне и заключения польско-советского договора об обмене репатриантами от 6 июля 1945 г. началась практическая подготовка к отправке проживавших на Юге России польских беженцев на родину. Вопросы выезда регулировались распоряжением Совнаркома СССР от 10 ноября 1945 г. Репатриантов предполагалось отправлять эшелонами, по 20–25 семей в каждом вагоне [23]. Несмотря на ограничения, каждой семье разрешалось взять с собой определенный объем имущества: живущим в сельской местности – 2 т вещей, в городской – 1 т. Разрешалось обменивать советскую валюту по официальному курсу, но не более чем на 1000 злотых. Предусматривалось выделение питания на время следования: хлеба – не менее 500 г на человека в день, а также переселенцев снабжали жирами, мясом, рыбой и кашей [24]. Подавать заявления на репатриацию могли все, кто являлся гражданином Польши до 17 сентября 1939 г. При этом документом, удостоверяющим личность, мог быть как советский, так и польский паспорт. Советские документы теряли силу с момента пересечения репатриантом советско-польской границы [25]. Для сопровождения эшелонов выделялись не только уполномоченные, но и медработники [26]. Денежные расходы на репатриацию польских беженцев только из Ставропольского края составили 163 630 руб., т.е. около 10 тыс. руб. на человека [27].

Таким образом, даже весьма краткий обзор научных работ и архивных материалов о пребывании польских беженцев на Юге России в заключительный период Великой Отечественной войны, т.е. с июня 1944 г. и до последовавшей по окончании войны их репатриации на родину, позволяет прийти к заключению, что, несмотря на крайне тяжелое материальное положение Советской страны и ее народа, власти как в центре, так и на местах оказывали материальную помощь польским беженцам в регионе, а впоследствии организовали их репатриацию на родину. Проблема эта представляет большой интерес в наши дни, когда высказываются различные точки зрения на советско-польские отношения в период Великой Отечественной войны и первые годы после нее.

Примечания

1. Głowacki A. Przemieszczenie obywateli polskich w Związku Radzieckim w 1944 roku. Łódź, 1989. S. 6–7.
2. Ibid. S. 9–10.
3. Żaroń P. Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej. Warszawa, 1990. S. 404.
4. Głowacki A. Op. sit. S. 20.
5. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 72. Л. 6, 9.
6. Głowacki A. Op. sit. S. 20.
7. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 72. Л. 6, 9.
8. Głowacki A. Op. sit. S. 93
9. Żaroń P. Op. sit. S. 9–10.
10. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 83. Л. 54.
11. ГАСК. Ф. Р-2495. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.
12. Głowacki A. Op. sit. S. 5, 15.
13. Ibid. S. 82.
14. ГАСК. Ф. Р-2801. Оп. 2. Д. 6. Л. 9–9об.
15. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 72. Л. 182.
16. Głowacki A. Ocalić i repatriować. Łódź, 1994. S. 259.
17. Ibid. S. 259, 282.
18. Ibid. S. 256.
19. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 72. Л. 181.
20. Там же. Л. 24.
21. Там же. Л. 185, 88.
22. Głowacki A. Ocalić i repatriować. Łódź, 1994. S. 75.
23. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 72. Л. 88.
24. ГАСК. Ф. Р-2495. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.
25. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 83. Л. 14.
26. Там же. Л. 31.
27. Там же. Л. 83, 84.

Е.А. Фогель**МЕРЫ ПО ОХРАНЕ ДЕТСТВА В ТАГАНРОГЕ в 1943–1944 гг.**

Великая Отечественная война стала периодом тяжелейших испытаний для многих граждан СССР. Мобилизация сил и средств для победы над врагом требовалась не только на полях сражений, но и в советском тылу. С многочисленными трудностями столкнулось мирное население на оккупированных, а затем освобожденных от врага территориях. Приходилось восстанавливать разрушенное хозяйство, возрождать систему социальных институтов.

Важным направлением работы органов власти в освобожденных городах и сельских районах стали мероприятия по организации социальной защиты и охраны детства. Основными из них были восстановление системы школьного и дошкольного образования, борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью, организация и поддержка детских домов, улучшение материально-бытового положения многодетных семей и семей военнослужащих, а также усиление контроля над материнством и детством. Данная работа обеспечивала решение задач материального обеспечения особо нуждавшихся детей и подростков, контроля над состоянием детской преступности, привлечения несовершеннолетних к труду на предприятиях, испытывавших дефицит рабочих рук в условиях войны. Их решение требовало усилий органов местной власти, милиции, отделов народного образования, здравоохранения, иных учреждений, организаций и предприятий, а также общественных организаций, в первую очередь комсомола.

Город Таганрог Ростовской области находился в оккупации с 17 октября 1941 г. и был освобожден 30 августа 1943 г. Два первых учебных года, пришедшихся на время Великой Отечественной войны, 1941/1942 и 1942/1943 гг., школьники Таганрога провели в условиях нацистской оккупации. Следующий, 1943/1944 г., стал первым учебным годом, проведенным в условиях мирной жизни. При подведении его итогов отмечалось в первую очередь выполнение закона о всеобщем, повышении требований к школе. По решениям педагогических советов школ из 5218 учащихся 1–3-х классов в следующий класс было переведено 4200 человек, 470 человек получили задания на лето. Из 3213 учащихся

ся 4–10-х классов было переведено в следующий класс и выпущено 2459 человек, для 499 человек перенесены испытания на осень [1].

Неполное выполнение закона о всеобщем обучении заведующий городского отдела народного образования В.И. Белявский связывал с неудовлетворительной работой домоуправления по учету детского населения школьного возраста. Однако причиной тому было также отсутствие у части семей с несовершеннолетними детьми одежды, обуви, лекарств и зачастую средств гигиены. Так, по итогам проведения месячника помощи семьям военнослужащих в феврале 1944 г. было выявлено 17 детей, не посещавших школу. В результате городской Совет депутатов трудящихся постановил обязать председателя таганрогской промыслово-кооперативной артели «Тагхимпром» и директора мыловаренного завода выделить 200 кг жиров-отходов аптекоуправлению и городскому отделу здравоохранения для изготовления противочесоточных мазей, усилить работу тимуровских команд, а в исключительных случаях направлять детей фронтовиков в детские дома [2].

Следует отметить, что, несмотря на трудности, в городе создавались условия для обучения подростков, работавших на предприятиях и желавших без отрыва от производства продолжить свое образование. Во исполнение постановления Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 15 июля 1943 г. было принято решение об открытии в Таганроге для этой категории средней школы на 250 человек [3].

Внеучебная деятельность школьников в 1943/1944 учебном году была направлена на патриотические цели: восстановление школ и хозяйств города, сбор металлолома, денежных средств на строительство танковой колонны и самолета «Таганрогский пионер». В отчете заведующего отдела образования Таганрога говорится о 200 воскресниках, проведенных школьниками [4]. Это количество заставляет предположить проведение данных мероприятий и в другие дни недели, что говорит об активном привлечении детей школьного возраста к восстановительным работам.

При высокой оценке работы системы школьного образования в первый год после освобождения от оккупации, выявлялись такие недочеты, как слабость связей с краеведческим музеем и библиотекой им. Чехова, недостаточная методическая работа с молодыми учителями, слабая работа по повышению культуры поведения школьников

и отсутствие связи школ с детской комнатой при отделе народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

Приемники-распределители НКВД в годы войны принимали детей через органы милиции, от общественных организаций и отдельных граждан. Их работа была направлена на оценку состояния здоровья, привитие санитарно-гигиенических навыков и определение возможностей дальнейшего устройства несовершеннолетних. Срок пребывания детей в приемниках-распределителях не должен был превышать двух недель, однако на практике он мог значительно удлиниться. Так, в Таганроге имели место задержки до двух месяцев из-за невыдачи путевок областным отделом народного образования [5]. Исходя из решений исполкома горсовета о выделении 1000 м ткани и 500 пар обуви для обмундирования детей, «выводимых детприемником в ремесленные училища», можно сделать предположение о неудовлетворительном состоянии одежды и обуви несовершеннолетних, что становилось причиной их ухода из образовательных учреждений и возвращения к беспризорной жизни. Отмечалась также нехватка тетрадей, слабость охраны, недостаточная площадь помещений и отсутствие шефской помощи со стороны предприятий города, хотя питание и чистота помещений оценивались как достаточные.

На основании постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» и решения облисполкома от 20 ноября 1943 г. было принято решение о создании в городе Таганроге трудовой воспитательной колонии НКВД с контингентом в 350 человек на производственных базах заводов им. Сталина и им. Димитрова. В соответствии с постановлением, в такие воспитательные колонии направлялись несовершеннолетние в возрасте 12–16 лет из числа беспризорных, безнадзорных и трудновоспитуемых. Зачастую они задерживались за мелкие правонарушения, уголовное преследование за которые было признано нецелесообразным [6]. Также в колонии данного типа попадали воспитанники детских домов, систематически нарушавшие внутренний распорядок и дезорганизовывавшие учебу и воспитание в детском доме [7].

Среди сложностей на пути организации трудовой воспитательной колонии НКВД в Таганроге отмечались отсутствие необходимого

количества стройматериалов, мебели, медицинского оборудования, школьных пособий и персонала. В качестве стройматериалов предлагалось использовать кирпич от разбираемых зданий, не подлежащих восстановлению, использование бетонных перекрытий и плит, уложенных в период оккупации под тротуары. Городскому отделу здравоохранения вменялось в обязанность выделить освободившиеся в связи с выездом госпиталя кровати и оказать помощь в укомплектовании медпункта врачами и медикаментами. Руководство заводов им. Сталина и им. Димитрова обязывалось взять шефство над колонией. Содействие же в укомплектовании охраны поручалось городскому военкому, в связи с чем ему рекомендовалось подобрать 35 человек из числа ограниченно годных [8].

О масштабах детской беспризорности и безнадзорности в Таганроге говорят цифры, приведенные в отчете о работе органов милиции по борьбе с хулиганством за третий квартал 1944 г. За указанный период было задержано 1140 человек, из них 118 беспризорных и 1022 безнадзорных. Из числа задержанных 807 детей были переданы родителям, 98 – детскому приемнику, 5 помещены в детский дома. 11 человек привлечены к уголовной ответственности и осуждены на срок от 1 до 5 лет, 67 привлечены к административной ответственности [9].

Местами притяжения для безнадзорных детей признавались кинотеатры, клубы, театр, железнодорожный узел, парки и базар. Для предотвращения озорства и непристойного поведения детей и подростков на улицах и в общественных местах города Таганрога исполком городского Совета запрещал пребывание детей в возрасте до 14 лет без взрослых на улицах, в общественных местах и зрелищных предприятиях города после 21 часа. Также запрещалась продажа билетов в кино и театры детям и подросткам до 16 лет во все дни, кроме дней отдыха и революционных праздников, дней зимних и весенних каникул. За нарушение данного решения предусматривался штраф в размере 100 рублей и административная ответственность в виде исправительно-трудовых работ сроком до 30 дней [10]. Однако эта мера оказывалась неэффективной, в связи с чем организовывалось дежурство учителей у мест, где проводились зрелищные мероприятия, и в детской комнате милиции.

В тяжелом положении находились детские сады города. К началу 1944 г. было открыто 24 детских сада, в том числе 5 бюджетных и 19 ведомственных с общим количеством в 2026 детей. В 7 детских садах были организованы интернатные группы на 160 человек. Однако условия содержания детей были неудовлетворительными. В частности, отмечались отсутствие организованного режима сна, недостаток твердого инвентаря, отсутствие ремонта помещений, топлива, а также недостаточное снабжение продуктами питания и неудовлетворительная работа медперсонала, что приводило к частым заболеваниям и завшивленности детей [11].

В целом, характеризуя усилия по организации жизни несовершеннолетних в первый год после освобождения Таганрога от оккупации, можно говорить о большом объеме проделанных работ. Отсутствие существенных разрушений в городе способствовало сокращению сроков на возобновление школьного обучения. Однако материальные трудности, обусловленные войной, препятствовали организации качественного образовательного процесса и обеспечению комфортных условий содержания детей в школьных и дошкольных учреждениях.

Для решения проблемы детской беспризорности и безнадзорности в городе создавались специализированные заведения, систематическую работу проводили органы милиции и отдел народного образования. Однако отсутствие должного быстрого результата также напрямую зависело от дефицита материального и кадрового ресурсов.

Примечания

1. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 10. Л. 145об.
2. Там же. Л. 35об.
3. Там же. Д. 2. Л. 2.
4. Там же. Л. 146.
5. Там же. Д. 10. Л. 130об.
6. Гусак В.А. Деятельность милиции Челябинской области по борьбе с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 5. С. 248.

7. Ибрагимов Е.В. Развитие системы детских исправительно-воспитательных учреждений НКВД СССР как одно из направлений в борьбе с массовой детской беспризорностью в 1941–1945 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 420.

8. ТФ ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 10. Л. 139об. – 140.

9. Там же. Д. 11. Л. 73об.

10. Там же. Д. 10. Л. 141–142.

11. Там же. Л. 36об.

М.Ю. Киселев

АКАДЕМИЧЕСКИЕ КОМИССИИ ПОМОЩИ РАНЕНЫМ БОЙЦАМ И ИХ СЕМЬЯМ

В Архиве Российской академии наук – одном из крупнейших и старейших ведомственных архивохранилищ России – хранятся документальные комплексы учреждений и организаций Академии наук, фонды личного происхождения ученых, источники по истории российской и зарубежной науки и культуры за XIX–XXI вв. История участия Академии наук СССР в Великой Отечественной войне достаточно полно освещена в монографии бывшего директора Архива АН СССР Б.В. Левшина [1]. В то же время за последние годы выявлены новые архивные документы, в которых представлена деятельность Академии наук СССР в годы войны.

В документальных собраниях Архива РАН сохранились материалы Военно-шефской комиссии при Президиуме АН СССР, образованной 23 октября 1943 г. на базе Советов жен ученых, созданных накануне Великой Отечественной войны при Ленинградском доме ученых. В состав документов архивного фонда вошли обращения к сотрудникам АН СССР о сборе подарков для раненых; переписка комиссии с Главным санитарным управлением Красной армии, с Наркоматом обороны СССР и органами власти на местах об оказании медицинской помощи бойцам, о розыске членов семей,

о приобретении ранеными бойцами новых специальностей, письма с фронта с отзывами о работе комиссии.

В 1943–1944 гг. члены комиссии осуществляли шефство над госпиталем № 5018 Ленинского района г. Москвы и госпиталем № 1447 в г. Калинин: организовывались лекции, политические беседы и концерты, выставки картин, кружки; доставлялись дефицитные лекарства. Систематически работали бригады сестер-общественниц комиссии по уходу за ранеными и их бытовому обслуживанию. Сестры-общественницы ухаживали за тяжелобольными, кормили их, разносили пищу, следили за чистотой палат, кроватей и тумбочек, читали литературу, сопровождали раненых на протезный завод, писали письма их родным, оказывали помощь в розыске родных раненых, фотографировании раненых.

Наряду с членами комиссии в шефской работе принимали участие академики, члены-корреспонденты, сотрудники аппарата АН СССР, Энергетического института, Института неорганической химии, Института органической химии, Института горючих ископаемых, Коллоидно-электрохимического института [2]. Сохранилось письмо академика В.Н. Образцова в Кокчетавский районный военкомат об оказании материальной помощи семье раненого, находившегося на лечении в госпитале, датируемое 23 апреля 1943 г. [3]. Военно-шефские комиссии были созданы и работали в Казани, Ташкенте, Алма-Ате, Свердловске и других городах восточных и южных регионов страны, в которые были эвакуированы учреждения и организации АН СССР.

В документальных комплексах Архива Российской академии наук сохранился архивный фонд Комиссии помощи семьям фронтовиков Академии наук СССР, в котором отложились отчеты шефских комиссий академических институтов о помощи семьям мобилизованных на фронт бойцов, письма фронтовиков членам комиссии в 1944–1945 гг. Председателем комиссии была жена академика В.Л. Комарова – Комарова Надежда Викторовна.

В отчете Института технической геофизики АН СССР сообщались сведения об оказании помощи семье без вести пропавшего бывшего заведующего электромеханической мастерской института Филиппова Михаила Петровича, который добровольцем ушел в ополчение в на-

чале войны. В Москве осталась его семья: жена – домохозяйка, сын (11 лет) и дочь (4 года). Через уполномоченную института Н. Семашко жене М.И. Филипповой в 1943–1944 гг. были выданы 10 карточек «сухого пайка» (научного работника), три раза выдавались деньги на оплату детского сада, два раза выдавались овощи, к праздникам дети получали подарки и билеты на елку. М.И. Филиппову устроили на работу препаратором в лабораторию, зимой ей выдавались дрова, был выделен огород в районе города и семена. Дочь была устроена в детский сад, который организовывал выезды детей летом на дачу, сын отдыхал в лагере санитарного типа. Семье было выдано 14 ордеров: дамское платье, пальто, брюки для сына, детские кожаные туфли, детские валенки и галоши, ботинки для сына, чулки, 25 м хлопчатобумажной ткани.

Бывший сотрудник института капитан Трусфус Михаил Исаакович погиб на фронте в декабре 1942 г.; в 1944 г. погиб его сын. Осталась дочь Сурина Тамара (12 лет), проживающая со старушкой опекуницей, ее бывшей няней. Девочка училась в шестом классе школы № 228 Октябрьского района. В 1943–1944 гг. Т. Суриной было выдано шесть карточек «сухого пайка», 65 кг овощей, 200 руб., билет на елку, ордера на шелковое платье, на галоши, на хлопчатобумажную ткань. Летом ей была предложена путевка в лагерь, но она отказалась, так как она в течение двух месяцев находилась на площадке санаторного типа при школе.

Уполномоченная Института машиноведения АН СССР сообщала об оказании помощи семье бывшего старшего научного сотрудника института С.А. Городкова. Его жене Н.С. Левиной (два иждивенца) была оказана помощь в эвакуации из г. Казани, она была устроена на работу в институт на должность младшего научного сотрудника. В 1943–1944 гг. ей было выдано 2 м² дров с доставкой на дом, 12 ордеров на детскую обувь, 30 м мануфактуры, белье, галоши, 8 карточек «сухого пайка», выделен участок под огород. Н.С. Левина получила 250 кг картофеля, 16 кг капусты, 25 кг огурцов.

Сохранилась информация о помощи семьям бывшим сотрудникам Института общей неорганической химии АН СССР. Семье без вести пропавшего старшего научного сотрудника Коренева была оказана помощь в возвращении в Москву, жена – Е.И. Коренева – принята

на работу в институт на должность лаборанта, ей было выдано денежное пособие в размере 1600 руб., предоставлялся ежемесячно ордер на «сухой паек». Ребенок был устроен в академический детский сад, семья систематически получала ордера на мануфактуру (зимние пальто, детские ботинки, галоши, валенки), было выдано два мешка картофеля, выделен дополнительно участок под огород и семенной материал.

Жена добровольца бывшего научного сотрудника Кожуховского была зачислена на работу в институт. Двое детей устроены в академический детский сад, с которым они на всё лето выезжали на дачу. Семья ежемесячно получала дополнительную карточку на «сухой паек», 12 ордеров на мануфактуру; на зиму было завезено 2 мешка картофеля и 1,5 куб. м дров, выделен участок под огород и семенной материал.

Отец Жени Егорова, работавший старшим научным сотрудником института, пропал без вести. Его опекала тетя, которая ежемесячно получала дополнительную карточку на «сухой паек», ордера на мануфактуру. Лето мальчик проводил в детском санатории Академии наук СССР [4].

Обратимся к письмам, поступившим в адрес Комиссии помощи семьям фронтовиков АН СССР. Сотрудник Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии АН СССР Калинин Александр Александрович (полевая почта 16 657-ю) 4 июля 1944 г. писал «Я решил написать это письмо в то время, как узнал через письмо моей жены о том, что наша лаборатория по-прежнему ведет свою плодотворную работу. Дорогие товарищи, нет слов выразить слова благодарности к Вам, друзья по труду, за оказанную помощь моей жене и семье. Вся оказанная помощь моей семье еще раз подтверждает и доказывает сплоченность и дружбу народа Советской страны. Ваш доблестный труд и дружба наших семей воодушевляют нас на новые ратные подвиги в деле разгрома кровавого фашизма». На обороте солдатского треугольника карандашом сделана запись: «Семья эвакуирована. В данный момент семья вернулась в Москву. Двое детей: 7 и 5 лет. Всё в доме растащено. Положение тяжелое» [5]. Можно предположить, что запись сделана уполномоченным комиссии для оказания помощи семье.

Заслуживает внимания письмо детей на имя В.Л. Комарова и Н.В. Комаровой, сохранившееся в фонде комиссии, датированное 25 марта 1945 г.: «Пишем Вам это письмо мы трое: Миша, Юля, Олечка Хаджиновы. Наш папа – гвардии майор, служит на втором Белорусском фронте. Двое нас – Миша и Юля учимся, а Оля ходит в детский сад. Живем мы хорошо, только одно у нас плохо, что очень тесно. Одна маленькая комната на всех. Когда готовим уроки за одним столом, то только мешаем друг другу.

И у брата нет кровати, наша мама не покупает, потому что негде ставить. А под другой кроватью дрова. И еще нет места для уголка, чтобы можно [было] поиграть. Ну, сильная теснота! Мы очень и очень просим Вас помочь нам. Папа давно, до войны работал в издательстве. И ему уже давали квартиру, только из-за войны не успели переехать. Так и остались в своей маленькой комнате.

Наша мама очень нервная, и когда мы шумим, она говорит, чтобы мы перестали, а то ее расстраиваем. Мы надеемся на Вашу доброту и втроем просим сильно Вас помочь нам. Приезжайте к нам и посмотрите, как мы живем» [6].

Академик В.Л. Комаров неоднократно высказывал мысль о необходимости устройства детского дома, в котором бы воспитывались дети погибших научных сотрудников и работников академических учреждений и организаций, над которым осуществлялось шефство Академией наук СССР. Постановлением Совета народных комиссаров от 14 октября 1944 г. был учрежден детский дом № 4 им. В.Л. Комарова, который был открыт 18 ноября 1945 г. в Москве на Большой Пироговской улице. Шефство над детским домом взял на себя Попечительский совет, в состав которого вошли академики, представители партийных и профсоюзных организаций и общест-венности АН СССР [7].

Представленная информация позволит частично раскрыть малоизученные страницы истории Великой Отечественной войны и Академии наук СССР, понять умонастроения, нужды и стремления советских людей в годы тяжелых испытаний. Она позволит расширить источниковедческую базу по истории участия АН СССР во всенародной борьбе с фашизмом и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Примечания

1. Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.

2. Архив Российской академии наук. Ф. 525. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–5.

3. Там же. Д. 22. Л. 1.

4. Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

5. Там же. Д. 2. Л. 3–3об.

6. Там же. Л. 21–22об.

7. Там же. Ф. 277. Оп. 2. Д. 144. Л. 125–125об.

Раздел 5. Оккупация советских территорий и ее последствия

О.В. Романько

НЕМЕЦКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ НА ОККУПИРОВАННОЙ СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В 1941–1944 гг.: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (на примере Крыма)¹

К декабрю 1941 г. большая часть Крымского полуострова была захвачена немецко-румынскими войсками. Практически сразу началось создание органов администрации и формирование силовых структур для вооруженной поддержки оккупационного режима. Особое место в них заняли немецкие спецслужбы, на которые была возложена главная роль по борьбе с противниками «нового порядка» – партизанами и подпольщиками, а также с органами советской разведки и контрразведки. Немецкие спецслужбы в Крыму представляли собой часть большого аппарата разведки и контрразведки, который функционировал на оккупированных советских территориях в целом. Тем не менее здесь он имел целый ряд региональных особенностей, указывающих на место и значение полуострова в системе нацистской оккупационной политики.

Силовой аппарат оккупантов, частью которого являлись спецслужбы, состоял из группировки вермахта и формирований, действовавших под эгидой полицейских властей.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576 «Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Юга России (Волгоград – Севастополь – Керчь – Новороссийск), 1945–1991 гг.».

Основой армейской группировки являлись полевые войска, на которых лежала основная ответственность по обороне Крыма. Части и соединения вермахта и его союзников (Румыния и Словакия) несли гарнизонную службу, обеспечивали охрану побережья, а также участвовали в операциях против партизан. В декабре 1941 – августе 1942 г. их группировка находилась в подчинении 11-й армии. В августе 1942 г. был создан специальный орган – штаб командующего войсками вермахта в Крыму (Befehlshaber Krim), который не только руководил воинскими частями, но еще и осуществлял военное администрирование на полуострове. Наконец, в ноябре 1943 г. все функции по управлению армейской группировкой перешли к командованию 17-й армии. На относительно небольшой территории Крыма немцы держали значительные военные силы, численность которых постоянно росла. В результате в апреле 1944 г., к началу советской наступательной операции, немецко-румынская группировка на полуострове насчитывала более 200 тыс. человек (примерно 130 тыс. немцев и 70 тыс. румын) [1].

Разведывательно-диверсионное, контрразведывательное и военно-полицейское обеспечение этих частей и соединений было возложено на структуру вермахта – военную разведку абвер (Abwehr), а также на различные подразделения армейской службы порядка, которые в Крыму были представлены полевой жандармерией (Feldgendarmarie) и тайной полевой полицией (Geheime Feldpolizei).

Создание органов абвера на территории Крымского полуострова происходило следующим образом. Весной 1941 г., почти перед самым нападением на СССР, каждой немецкой группе армий были приданы абверкоманды (Abwehrkommando), а армиям – подчиненные этим командам абвергруппы (Abwehrguppe). Согласно своим функциональным обязанностям, каждая из абверкоманд (и абвергрупп) занимались разведывательной, диверсионной или контрразведывательной деятельностью. Поэтому в своей номенклатуре они имели цифру 1, 2 или 3, которые обозначали номер отдела в структуре абвера соответственно. Именно эти подразделения и подчиненные им спецшколы являлись основными органами разведки и контрразведки на всем протяжении Восточного фрон-

та [2]. Из них на территории Крыма с 1941 по 1944 г. действовали следующие:

- в распоряжении штаба групп армий «Юг» и «А» – 101, 201 и 301-я абверкоманды, а также абверкоманда IWi/153 и зондеркоманда принца Ройса, которые занимались экономической разведкой;
- в распоряжении штаба 11-й полевой армии – 201-я и 301-я абвергруппы;
- в распоряжении штаба 17-й полевой армии – 106, 202, 302 и 320-я абвергруппы [3].

Абвергруппы и абверкоманды представляли собой оперативные формирования, которые были приданы полевым частям и действовали на территории Крыма только в определенный период. После создания на полуострове военно-административного аппарата здесь появились стационарные организации военной разведки, имевшие в 1941–1944 гг. следующую структуру:

- основной организацией, отвечавшей за проведение разведывательных, диверсионных и контрразведывательных операций в генеральном округе «Таврия» была местная резидентура «Украина-Юг» (Abwehrnebenstelle Ukraina-Süd), которая располагалась в Николаеве и подчинялась главной резидентуре «Украина» (Abwehrstelle Ukraina) (штаб-квартира в Ровно). Обе эти организации занимались своей деятельностью в сфере юрисдикции гражданской оккупационной администрации, поэтому в Крыму их структуры находились только до июля 1942 г.;
- поскольку Крымский полуостров так и не вошел в сферу гражданской администрации, а остался в ведении военных властей, при их административном аппарате была создана своя главная резидентура – «Крым» (Abwehrstelle Krim), которая действовала в Симферополе с июля 1942 по ноябрь 1943 г. [4].

Как и оперативные формирования, стационарные организации абвера имели такие же функции – с учетом того, что они действовали в глубоком тылу немецких войск. В целом эти функции заключались в следующем: организация борьбы с разведкой Красной армии, советскими парашютистами, радистами и подпольщиками, разведы-

вательное и контрразведывательное обеспечение антипартизанских операций [5].

Для работы на определенной территории в структуре каждой местной (а иногда и главной) резидентуры были предусмотрены специальные внешние резидентуры (Aussenstelle). У главной резидентуры «Крым» они, например, располагались в следующих населенных пунктах: Биюк-Онлар, Геническ, Сейтлер, Симферополь и Юшунь [6].

Немецкие военно-морские силы также имели свои органы абвера на территории Крыма:

- в конце 1941 г. была создана еще одна абверкоманда – АК НБО (Abwehrkommando Nachrichten Beobachter), которую передали в распоряжение штаба начальника морского командования «Юг» адмирала Карла-Георга Шустера, отвечавшего за операции на Черном море. Несмотря на это, ее функции оставались стандартными: разведка и контрразведка. Кроме того, при этой абверкоманде были созданы разведывательно-диверсионные школы в населенных пунктах Бешуй, Симеиз и Тавель. Весной 1943 г. агентура, находившаяся в этих школах, была передана в так называемый легион «Черное море» (Legion “Das Schwarze Meer”). Это формирование предназначалось для операций против партизан и несения караульной службы [7];
- параллельно с главной резидентурой «Крым» в Симферополе существовала еще одна подобная организация под таким же названием. Она была выделена из местной резидентуры «Украина-Юг» и отдана в подчинение штабу адмирала Шустера. Морская резидентура «Крым» (Marine Abwehrstelle Krim) вела контрразведывательную работу через местные резидентуры в приморских населенных пунктах [8];
- наконец, недолгое время на территории Крыма действовал еще один морской разведорган – морская оперативная команда «Черное море» (Marine Einsatzkommando “Das Schwarze Meer”). Ее сотрудники занимались добыванием сведений о военном и торговом флотах СССР, об объектах морской инфраструктуры, о судостроительных и судоремонтных

предприятиях и береговой обороне. Команда не имела постоянного места дислокации и продвигалась вслед за немецкими частями, выделяя при необходимости передовые группы (Vorgruppe). До января 1942 г. такие передовые группы действовали в Симферополе и Керчи, где их агентура пыталась узнать информацию о расположении советских минных полей в Керченском проливе и около Севастополя, а также о состоянии береговых укреплений в районе Новороссийска [9].

Кроме этих подразделений и организаций абвера с весны 1942 г. на территории Крымского полуострова действовали структуры специального штаба «Россия» (“Sonderstab-R”). Его основными задачами являлись борьба с советским партизанским движением, пропаганда, а также подготовка кадров для повстанческих действий в тылу Красной армии. Всю практическую деятельность на местах этот штаб осуществлял через так называемые разведывательно-резидентские области. Крым входил в состав разведывательно-резидентской области «А», центр которой находился в Симферополе. Каждая разведывательно-резидентская область делилась на районные резидентуры, которых на полуострове было три: в Симферополе, Севастополе и Феодосии. В конце 1943 г. специальный штаб «Россия» был расформирован, а его структуры и кадры переданы другим немецким спецслужбам [10].

Следующая армейская спецслужба – полевая жандармерия – осуществляла функции охраны порядка в войсках и в зоне ответственности военной администрации. Обычно в ее задачи входило: а) борьба с партизанами в районе дислокации; б) регулировка движения войск на марше; в) установка контрольно-пропускных пунктов, проверка документов, конвоирование военнопленных; г) охрана портов и аэродромов; д) приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов. Кроме того, продвигаясь за регулярными войсками, полевая жандармерия руководила созданием на захваченных территориях местных органов власти, проводила поиск дезертиров, собирала беженцев и военнопленных, охраняла трофеи от разграбления и контролировала сдачу местным населением оружия [11].

При группах армий и армиях состояли батальоны (Abteilung) полевой жандармерии, находившиеся в подчинении соответствующего начальника тыла, а при штабах корпусов и дивизий – отряды (Gruppe). Каждый батальон состоял организационно из трех рот. Рота делилась на три взвода, в каждом из которых было 4 офицера, 90 унтер-офицеров и 22 рядовых. Все подразделения были полностью моторизованы. Старший по званию офицер всей полевой жандармерии находился в подчинении генерал-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск [12].

На территории Крыма полевая жандармерия действовала при соответствующих воинских формированиях и административных структурах. В Симферополе функционировало жандармское управление, в районных центрах – жандармские посты, а в сельской местности за порядком следили служащие опорных пунктов. В течение 1941–1944 гг. на Крымском полуострове оперировали следующие батальоны полевой жандармерии:

- 694-й батальон – в распоряжении штаба группы армий «Южная Украина»;
- 683-й батальон – в распоряжении штаба 11-й полевой армии;
- 593-й батальон – в распоряжении штаба 17-й полевой армии [13].

Будучи составной частью вермахта, тайная полевая полиция осуществляла следственные функции, являясь, по сути, армейским аналогом гестапо. В ее задачи входило: а) организация контрразведывательных мероприятий по охране штабов и личная охрана высшего комсостава; б) наблюдение за военной корреспонденцией, контроль над почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения; в) содействие в охране почтовых сообщений; г) розыск оставшихся на оккупированной территории военнослужащих армий противника; д) проведение дознания и надзор за подозрительными лицами в зоне военных действий [14].

Подразделения тайной полевой полиции были представлены группами (Gruppe) при штабах групп армий, армий и полевых комендатурах и комиссариатах (Kommissariat) – при штабах корпусов, дивизий и некоторых местных комендатурах. Группы и комиссариаты подчинялись шефу тайной полевой полиции

соответствующей группы армий и офицеру армейской разведки (согласно штабной номенклатуре эта должность называлась ИЦ) соответствующих штабов и/или комендатур. Каждая группа имела в своем составе от двух до пяти комиссариатов, которые, в свою очередь, делились на внешние команды (Aussenkommando). Численность групп была разной. Если в 1939–1940 гг. она состояла из 50 человек (руководитель, 32 сотрудника среднего звена и 17 человек вспомогательного персонала – шоферы, стенографисты, охрана), то во время войны против СССР их численность увеличилась до 95 человек (руководитель, 54 сотрудника среднего звена и 40 сотрудников вспомогательного персонала). Кроме того, при подразделениях этой полиции находились группы штатных агентов и небольшие воинские формирования для карательных операций против партизан, проведения облав, охраны и конвоирования арестованных. Все группы были полностью моторизованы. Всеми частями тайной полевой полиции руководила специальная группа отдела военной администрации генерал-квартирмейстера генштаба сухопутных войск [15].

С 1941 по 1944 г. на территории Крыма действовали следующие группы тайной полевой полиции:

- 647-я группа – в распоряжении штаба 11-й полевой армии;
- 312-я группа – в распоряжении штаба 17-й полевой армии;
- 711-я и 720-я группы – в распоряжении штаба командующего войсками вермахта в Крыму [16].

Полицейская администрация на Крымском полуострове подчинялась аппарату фюрера СС и полиции «Таврия – Крым – Симферополь» (SS und Polizeiführer Taurien – Krim – Simferopol), который также имел свои силовые структуры. Они были представлены частями и подразделениями полиции порядка (Ordnungspolizei) и полиции безопасности (Sicherheitspolizei), в рамках которых действовали спецслужбы этой администрации [17].

Местные отделения начальника полиции порядка начали создаваться в Крыму позже, чем на остальной территории генерального округа «Таврия», – только в августе 1942 г. До этого их функции выполняли соответствующие подразделения полевой жандармерии 11-й армии. Всего местных отделений насчитывалось восемь

и располагались они в следующих населенных пунктах: Алушта, Бахчисарай, Евпатория, Зуя, Карасубазар, Симферополь, Феодосия и Ялта. Основными частями полиции порядка в городах и в сельской местности были охранная полиция и жандармерия. На 25 ноября 1942 г. на территории Крыма служили по всем местным отделениям: 348 немецких полицейских в охранной полиции и 421 – в жандармерии [18].

13 марта 1941 г. Главное управление имперской безопасности (РСХА) приняло решение о создании так называемых оперативных групп (Einsatzgruppe) полиции безопасности и СД. Эти формирования должны были действовать в тыловых районах групп армий и выполнять следующие функции: а) обеспечивать сохранность документов, архивов, картотек подозрительных лиц, организаций и групп; б) задерживать лидеров эмиграции, саботажников, террористов; в) обнаруживать и уничтожать враждебные элементы и предотвращать враждебную деятельность со стороны местного населения; г) информировать армейское командование о политическом положении на оккупированной территории [19].

Всего было создано четыре оперативные группы: «А», «Б», «С» и «Д», каждая из которых была придана соответствующей группе армий. В тыловом районе группы армий «Юг» действовала оперативная группа «Д» (Einsatzgruppe D), штаб которой располагался сначала в Кишиневе, а с ноября 1941 по август 1942 г. – в Симферополе. Основной зоной деятельности этой группы за весь период ее существования были Молдавия, юг России, Крым и Северный Кавказ. Ее первым начальником стал СС-штандартенфюрер Отто Олендорф, который находился на этой должности с июня 1941 по июль 1942 г. [20].

Обычно состав оперативной группы насчитывал от 550 до 1200 человек, в число которых входили: сотрудники СД, гестапо, криминальной полиции, полиции порядка, военнослужащие войск СС и вспомогательный персонал (радисты, мотоциклисты и т.п.). С августа 1941 г. в такие группы начали принимать местных добровольцев (в качестве переводчиков и исполнителей «грязной работы») [21].

Организационно оперативные группы состояли из нескольких подразделений. Например, оперативная группа «Д» включала в себя:

специальные команды (Sonderkommando) 10-а, 10-б, 11-а, 11-б, оперативную команду (Einsatzkommando) и специальную команду «Астрахань» (Sonderkommando Astrachan), которая с октября по декабрь 1942 г. оперировала в Калмыкии в зоне ответственности группы армий «А» [22].

Каждое из указанных подразделений действовало самостоятельно. С ноября 1941 по август 1942 г. они располагались в следующих населенных пунктах Крыма: Алушта, Бахчисарай, Джанкой, Евпатория, Зуя, Карасубазар, Керчь, Симферополь, Судак, Феодосия и Ялта. Осенью 1942 г. были созданы полноценные органы полиции безопасности, которые приняли на себя функции оперативной группы «Д» [23].

В марте 1942 г. РСХА создало специальный разведывательно-диверсионный орган «Цеппелин» (Unternehmen Zeppelin), главной задачей которого стала работа по дезорганизации советского тыла. «Цеппелин» подбирал и готовил агентуру, которая в дальнейшем забрасывалась в тыловые районы СССР, имеющие важное военно-экономическое значение. Кроме того, немецкие агенты пытались проникнуть в национальные республики с целью сбора информации о настроениях местного населения, для антисоветской и националистической пропаганды, организации повстанческого движения и террористических актов против партийно-советского и военного руководства. Оперативные органы «Цеппелина» – команды разного уровня – действовали на протяжении всего Восточного фронта, а их руководители находились в подчинении, как правило, у местных начальников полиции безопасности и СД. С марта 1943 г. на территории Крымского полуострова действовала так называемая главная команда «Россия-Юг» со штабом в Симферополе. Ее сотрудники занимались вербовкой, подготовкой и переброской разведывательно-диверсионной агентуры на Северный Кавказ, в Закавказье и Среднюю Азию, а также проводили сбор информации о военно-политическом и экономическом положении в этой части СССР. Команда располагала своей разведывательно-диверсионной школой в Евпатории. Весной 1943 г. главная команда «Россия-Юг» и ее структуры были выведены за пределы Крыма [24].

Таким образом, за период оккупации немцам удалось создать в Крыму довольно большой и разветвленный аппарат разведывательно-

диверсионных, контрразведывательных и военно-полицейских сил. Структурно и функционально он повторял аппарат спецслужб на других оккупированных советских территориях. Однако среди особенностей функционирования этого аппарата следует, во-первых, отметить то, что весь он действовал под эгидой вермахта, даже несмотря на наличие отдельной полицейской администрации. Во-вторых, стоит обратить внимание на значительную «морскую» составляющую в подразделениях военной разведки. Именно на «морской абвер» была возложена основная миссия по подготовке и заброске агентуры в советский тыл, а также значительная часть мероприятий по борьбе с советским движением сопротивления. Эта борьба была очень жестокой и шла с переменным успехом. Тем не менее оккупантам так и не удалось полностью уничтожить крымских партизан и подпольщиков. К весне 1944 г. они оправались от потерь 1942–1943 гг. и внесли значительный вклад в дело освобождения Крыма. Таким же образом можно оценить и противодействие немецким спецслужбам советских органов разведки и контрразведки. С 1943 г. они начали системно переигрывать немцев, фактически раскрыв всю их агентуру и не дав создать пронемецкое партизанско-подпольное движение после освобождения полуострова.

Примечания

1. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. М., 2002. С. 781, 784, 788; Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации (1941–1944). Органы управления, их структуры и функции // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. М., 2017. № 4 (11). С. 54–68; Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945: In 17 bd. Frankfurt am Main – Osnabrück, 1965–2002. Bd. 3. S. 191–193; Bd. 4. S. 50–54, 282; Bd. 5. S. 101, 155, 191.

2. Bundesarchiv Freiburg (далее – BArch Freiburg). RH 20 (Armeeoberkommandos). Bd. 5: AOK 11. RH 20–11/334. Oberkommando der Heeresgruppe Süd, Ic/AO, Nr. 1320/41 geh., H. Qu., den 2. September 1941. Bl. 1–4.

3. Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: в 2 кн. СПб., 2003. Кн. 1. С. 56–153, 167, 171.

4. Там же. С. 45–52.
5. BArch Freiburg. RH 20 (Armeeoberkommandos). Bd. 5: AOK 11. RH 20–11/334. Oberkommando der Truppen des deutschen Heeres in Rumänien, Abt. Ic/AO, Nr. 56/41 g. Kdos., H. Qu., den 21. Juni 1941. Bl. 1–3.
6. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны: сб. док. / сост. А.В. Валякин, А.А. Кохан. Симферополь, 2011. С. 341.
7. Архив УФСБ по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 1. Д. 192. Т. 1. Л. 26–29, 31–35; Кашин В.В. Исповедь legionера (воспоминания солдата двух армий, узника фашистских лагерей и Тагиллага). Нижний Тагил, 2012. С. 68–82.
8. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. С. 340.
9. Там же. С. 124.
10. Там же. С. 343–347.
11. Уильямсон Г. Немецкая военная полиция, 1939–1945. М., 2005. С. 7–9.
12. Там же. С. 8–10.
13. Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Byelorussia, 1941–1944. New York, 2003. P. 131.
14. BArch Freiburg. RW 5 (Oberkommando der Wehrmacht – Amt Ausland / Abwehr). RW 5/283. Bl. 1–3.
15. Ibid. Bl. 7.
16. Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit. P. 160.
17. Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М., 2014. С. 60–61.
18. Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939–1945. Ein Überblick anhand der Feldpostübersicht / Bearb. v. G. Tessin und N. Kanapin. Osnabrück, 2000. S. 593.
19. Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppen des Weltanschauungskrieges 1938–1942. Frankfurt am Main, 1985. S. 99–100, 135.
20. BArch Freiburg. RH 20 (Armeeoberkommandos). Bd. 5: AOK 11. RH 20–11/334. Vortrangsnotiz über die Besprechung am 16.5.1941 bei

Gen. Qu. (Gen. Major Wagner) in Wünsdorf. Teil B. Vollziehende Gewalt im Operationsgebiet. Bl. 3.

21. Krausnick H. Op. cit. S. 121–128.
22. Залесский К.А. РСХА. М., 2004. С. 262–264.
23. Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit. P. 130–131.
24. Структура и деятельность органов германской разведки. С. 472, 487–489.

В.А. Бондарев, Н.В. Шишова

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на материалах Юга России)**

Великая Отечественная война стала самым суровым испытанием для советского народа, заплатившего огромную цену за победу в этом ожесточенном противоборстве с гитлеровской Германией и ее союзниками. Война была наполнена трагическими событиями и огромными лишениями, а одним из самых тяжелых ее периодов для множества граждан СССР стало время немецко-фашистской оккупации, длившейся в разных регионах страны от нескольких месяцев до нескольких лет. Наиболее отчетливо огромные лишения, которые принесла с собой оккупация местному населению, проявлялись на бытовом уровне, где декларации гитлеровцев об «освобождении от ига большевиков» резко контрастировали с их действиями по грабежу захваченной территории. Уже поэтому повседневная жизнь советских граждан в условиях немецко-фашистской оккупации выступает актуальной темой научных исследований. Данной теме посвящена и настоящая публикация, основанная на материалах южнороссийских регионов – Ростовской области, Краснодарского и Орджоникидзевского (Ставропольского) краев, большинство районов которых побывали под властью гитлеровцев с середины 1942 г. до начала 1943 г.

Одними из знаковых элементов советской повседневности являлись наименования населенных пунктов, колхозов, улиц и т.д., связанные с известными деятелями и знаменательными событиями мирового и российского коммунистического движения или знаме-

нательными датами этого движения. Разумеется, нацисты предприняли усилия по искоренению подобных наименований, рекомендуя использовать взамен «неполитические или нейтральные названия» (например, фамилии русских «писателей – классиков дореволюционной литературы») и запрещая «называть улицы именами живых руководящих политических и военных немецких деятелей» [1]. Так, в станице Шкуринской Краснодарского края были заменены названия 18 улиц и переулков: в их число попали ул. Ленина, Калинина, Энгельса, Буденного, Октябрьская и т.п. Той же участи подверглись улицы, именовавшиеся менее вызывающе: ул. Красная стала Веселой, ул. Партизанская – Киевской, пер. Товарищеский – Дружеским [2].

Советская наглядность как элемент повседневности также ликвидировалась. Вместо советских плакатов на улицах городов и сёл гитлеровцы развешивали свои плакаты и воззвания. Насколько эти новации приветствовались местным населением, свидетельствуют следующие факты. Бывали случаи, когда на плакатах с надписями «Мне немцы дают землю», «Каждому трудолюбивому крестьянину своя земля» противники «нового порядка» дописывали – «в 1,5 аршина», прозрачно намекая на истинное отношение захватчиков к жителям оккупированных территорий. На плакатах, изображавших фюрера, с надписью «Гитлер-освободитель» порой появлялись дополнения, разъясняющие, от чего же он «освободил» советских граждан: «от масла, сала, хлеба, молока, свободы» [3].

Нацисты ввели на захваченных территориях новую систему знаменательных дат взамен советской. Поскольку одним из главных пропагандистских мероприятий гитлеровцев являлось восстановление церквей и разрешение религии, были возрождены церковные праздники: Рождество, Троица, Пасха и т.д. Часть населения охотно отмечала эти праздники, посещая повсеместно открывавшиеся храмы (штат священнослужителей пополняли либо бывшие священники, либо обычные граждане, знавшие толк в богослужении и Священном Писании). В частности, по сообщениям партизанской агентуры, в кубанских станицах Марьянской, Новомышастовской, Мингрельской станичные клубы были преобразованы в церкви (или, что вернее, церковным помещениям, где размещались клубы, были возвращены их прежние функции). В первом из упомянутых населенных пунктов

настоятелем храма стал священник, привезенный немцами из Краснодара, а дьяконом – местный колхозник [4].

Отмечались также 1 мая (но уже как день национального труда), День культуры и т.д. В то же время резкое отторжение населения вызывали нацистские праздники, такие как день рождения Гитлера или день его прихода к власти. Следует, впрочем, отметить, что в условиях оккупации у местного населения было слишком мало возможностей, чтобы отпраздновать ту или иную торжественную дату. Трудно ожидать от людей веселья в условиях постоянного стресса, вызванного насилием и притеснениями.

В столь важной сфере повседневности, как материально-бытовое обеспечение, в период оккупации преобладали негативные тенденции. Нельзя не сказать об иерархии продовольственного потребления на оккупированных территориях, на вершине которой находились сами оккупанты и их пособники из числа местного населения. Четкого административно-территориального деления на оккупированных территориях СССР не существовало, районы иногда сохранялись, а иногда упразднялись и заменялись несколькими волостями. Волостной староста (волостной старшина) назначался представителями немецкого командования или оккупационных властей из числа местных жителей и управлял волостью (как правило, в территориальном отношении это была часть довоенного района), выполняя административные функции. Те же функции выполнял и районный староста (иначе – старшина, начальник района, районный шеф), назначавшийся в том случае, если район сохранялся. Волостные (районные) старосты и старшины получали довольно высокое жалование, которое на Юге России составляло, как правило, не менее 2 тыс. рублей в месяц. Заместители старост получали 1,2 тыс. рублей, управделами – 700 рублей, машинистки – 500 рублей и т.д. [5].

Ступенькой ниже располагались городские бургомистры и сельские старосты (старосты сельских управ), возглавлявшие сельские населенные пункты, которым тоже полагалось жалование. Так, сельские старосты Глубокинского района Ростовской области по штатному расписанию получали от 300 до 700 рублей в месяц (наиболее распространенная ставка – 600 рублей), секретари – 240–560 рублей (в основном – 480 рублей) [6]. Ниже по статусу находились старосты

сельскохозяйственных общин (или колхозов – в источниках часто встречается и то и другое наименование). В частности, в Раздорском районе Ростовской области старосты коллективных хозяйств делились на три группы (возможно, за критерий деления были приняты размеры хозяйств, которыми они управляли). В соответствии с этим им выплачивалось 300–400 рублей в месяц и, независимо от группы, начислялось по два трудодня за рабочий день. Бухгалтеры-секретари, к которым приравнивались и заместители старост, также делились на три группы и получали 200–300 рублей в месяц и по 1,5 трудодня за рабочий день. «Бригады всех отраслей» получали два трудодня за день работы [7].

В сельской местности на эти деньги можно было более или менее сносно существовать. Так, в ноябре 1942 г. цены на рынках Крымского района Краснодарского края были следующими: пуд муки стоил 1–1,2 тыс. рублей (то есть 1 кг муки оценивался в 62,5–75 рублей), пуд кукурузы – от 250 до 400 рублей, десяток яиц – 50 рублей, литр молока – от 30 до 35 рублей [8]. Правда, рост цен и нехватка продовольствия на захваченных гитлеровцами территориях зачастую обесценивали денежные выплаты представителям местной оккупационной администрации.

Кроме денег коллаборационисты имели право на получение натуральных продуктов. Так, «служащие вспомогательной полиции», или в просторечии «полицай», получали весомый паек. Например, в Морозовском районе Ростовской области старшему полицейскому выдавалось в день 600 г хлеба и неограниченное количество овощей, а на каждого ребенка в его семье приходилось 300 г хлеба в день [9]. К этому следует добавить многочисленные возможности представителей новой власти обогатиться за счет местных жителей. Сами гитлеровцы свидетельствовали, что «полицай» и старосты нередко «занимались самоснабжением за счет населения» [10], или, попросту говоря, грабежом.

Рядовые жители, сотрудничавшие с оккупантами, также могли рассчитывать на сравнительно хорошие материально-бытовые условия. Показателен следующий пример. Один из участников состоявшегося в феврале 1944 г. в Ростове-на-Дону совещания руководителей и работников городских и районных отделов по государ-

ственным обеспечению и трудоустройству семей военнослужащих утверждал, что, в противовес крайне тяжелой продовольственной ситуации в недавно освобожденных от оккупации районах области, жители хутора Гусынка Базковского района практически не пострадали от гитлеровцев. По его утверждениям, все колхозники Гусынки имели «коров, свиней, кур, а главное хлеб, которого очень много в ямах». Гитлеровцы не разорили хутор якобы потому, что жители сотрудничали с ними и выдали им около 100 бойцов и командиров РККА, попавших в окружение [11]. Проверить достоверность этой информации нам не удалось, но подобные явления имели место в период оккупации.

Но сколь бы сносным ни было материально-бытовое положение коллаборационистов, основная масса населения оккупированных территорий столкнулась в это время с огромными трудностями. Воспоминания современников, донесения партизан, документы органов власти периода оккупации единогласно свидетельствуют: в это время положение горожан и крестьян Дона, Кубани и Ставрополя было, пожалуй, наиболее тяжелым за все годы Великой Отечественной войны.

Одной из важнейших задач «нового порядка», установленного нацистами на оккупированных территориях Советского Союза, являлось изъятие сельхозпродукции для нужд Третьего рейха. Нередко оккупанты попросту забирали у колхозов, переименованных в «общины», весь собранный урожай: так было, например, в октябре 1942 г. в станице Гостагаевской на Кубани [12]. Чтобы сохранить сельхозпродукцию для себя, немцы часто запрещали колхозам и колхозникам продавать ее населению (хотя это не было жестким правилом, распространенным повсеместно, – имеется немало свидетельств горожан об изобилии продуктов на рынках в период оккупации). Результатом такой экономической политики было полное разорение колхозов Юга России. Так, колхозы Краснодарского края потеряли за время оккупации около 70 % крупного рогатого скота, имевшегося у них к 1 июля 1942 г., свыше 93 % свиней, 63,5 % овец и коз, 69 % лошадей [13]. Из Ставропольского края оккупанты вывезли 30 млн пудов зерна, около 6 млн пудов овощей и картофеля, а поголовье продуктивного скота в период оккупации по колхозам и совхозам края уменьшилось в 2,3 раза [14].

Личные хозяйства крестьян облагались налогами, как существовавшими еще в советское время (сельхозналог, культсбор, обязательное окладное страхование, самообложение), так и введенными в период оккупации: подушным и земельным налогами, налогом с построек, налогом за содержание собак и кошек, сбором за нотариальные услуги, различными единовременными налогами и сборами и пр. [15].

Гораздо более тяжелым бременем, чем налоги, были для крестьянских хозяйств поставки натуральных продуктов. Понять, насколько они были разорительны, поможет следующий пример. Руководство Шептуховской волости (Чертковский район Ростовской области) в сентябре 1942 г. приказало крестьянам сдавать по 600 л молока с коровы в год – то есть более 1,6 л в день; в октябре «общинники» обязывались отдать 60 % урожая картофеля; в ноябре надо было сдать 50 % от общего количества гусей и уток, 100 % старых кур и почти всех петухов (молодых кур трогать не велели – кто б тогда нес яйца?); с декабря 1942 г. по август 1943 г. предполагалось собрать с колхозников 118 свиней (причем с «сельхозобщин» в это же время оккупанты потребовали только 5 свиней). За невыполнение поставок полагалось наказание вплоть до расстрела [16]. И это еще не полные данные! Скот и птицу могли отобрать в любой момент под предлогом внеочередных поставок на нужды германской армии, чаще, впрочем, грабили без всяких предлогов. По существу, поставки сельскохозяйственных продуктов в нацистском варианте являлись ничем иным как плохо замаскированным грабежом. Но и открытый грабеж был широко распространен, о чем есть масса свидетельств. Хотя в ряде случаев германское командование безуспешно пыталось с этим бороться, так как личное имущество населения оккупированных территорий тоже рассматривалось как собственность рейха, и немецкие солдаты, следовательно, ее расхищали.

В итоге возможности и размеры продовольственного потребления основной массы населения оккупированных территорий сократились до минимума. Так, рацион сельских жителей в данное время составляли картофель, овощи, бобовые (фасоль, горох), фрукты, молоко, яйца, очень редко мясо. Но и этого недоставало, и многие семьи употребляли в пищу дикорастущие ягоды, фрукты, съедобные корни, лебеду, крапиву, щавель и т.п. Еще более обостряло ситуацию то, что фашисты

запрещали населению заниматься охотой и рыболовством, объявив леса и реки собственностью рейха. Власти существовавшего в период оккупации Дона Раздорского района в сентябре 1942 г. объявили, что «реки и озера под ловлю рыбы всеми средствами лова будут продаваться сроком до 1 января 1943 г.». Размер платы за использование рыбных угодий колебался от 200 до 2 тыс. рублей (правда, неясно, за какое время). Так, аренда Ольховской ямы оценивалась в 200 рублей, Жигулёвской ямы – 300 рублей, реки Кундрючки – 1,5 тыс. рублей, Аксая – 2 тыс. рублей и т.д. В ноябре 1942 г. жителям района окончательно запретили заниматься рыболовством (исключая лов удочками), оставив это право только рыболовецким бригадам [17].

Разрушение торговой сети на оккупированных территориях привело к тому, что приобрести промышленные товары, в том числе и предметы первой необходимости, оказалось практически невозможно. Мыло, керосин, обувь, одежда и многое другое стали дефицитом. Для приобретения таких товаров требовались значительные средства. По донесениям разведки, в августе 1942 г. в Краснодаре кусок хозяйственного мыла продавали за 60 рублей, пара дамских туфель стоила 1 тыс. рублей и т.д. [18]. Если даже в городе цены были столь высоки, то что говорить о деревне... Поэтому не удивительно, что в источниках нередко встречаются сообщения о недостатке одежды и обуви у жителей оккупированных городов и сел. Так, зимой 1942 г. в станице Екатериновке Краснодарского края многие дети не ходили в школу из-за плохой одежды и отсутствия обуви [19].

Хроническое недоедание, изнурительный труд с утра до вечера, ухудшение санитарно-гигиенических условий в деревне привели к распространению инфекционных заболеваний. На Дону только в Тарасовском районе к декабрю 1942 г. было зафиксировано 4 случая заболевания брюшным тифом, 12 – дизентерией, 2 – туляремией и т.д. [20]. Дабы пресечь возможность возникновения и передачи заразы, нацисты рекомендовали содержать населенные пункты в чистоте. Жителям предписывалось уничтожать мусор, бурьян, устраивать в каждом дворе мусорную яму, не реже раза в неделю посыпать ее хлорной известью, содержать на общественных колодцах постоянное ведро и т.п. [21].

Добавим, что гитлеровцы пытались сохранить на оккупированных территориях структуры здравоохранения и социальной помощи. В городах и райцентрах функционировал ряд уцелевших больниц, роддомов, аптек, существовала частная врачебная практика. Непосредственно в селах и станицах сохранялись небольшие фельдшерские пункты, работники которых продолжали выполнять свои обязанности. При городских и районных управах функционировали отделы соцобеспечения, работники которых руководствовались как инструкциями Наркомсобеса СССР, так и нацистским «Временным положением об оказании денежной помощи гражданам, лишившимся нормальной трудоспособности». Согласно этому положению, таким людям должна была оказываться постоянная (по инвалидности, старости, потере кормильца и т.д.) и временная (по болезни и пр.) денежная помощь. Особенно большое внимание уделялось нуждавшимся, относившимся к числу лиц, пострадавших от советских властей, так как оккупанты видели в них наиболее прочную опору своего режима. Пенсии выплачивались на тех же условиях и в тех же размерах, что и в советское время, для чего был проведен учет пенсионеров [22]. Однако не следует преувеличивать возможности учреждений здравоохранения и соцобеспечения в период оккупации, так как эффективно функционировать они не могли в силу дефицита медикаментов, ресурсов, продовольствия.

Изучение структур повседневности населения южнороссийских регионов в период немецко-фашистской оккупации позволяет с полным основанием утверждать, что декларации гитлеровцев и их политическая практика в отношении жителей временно захваченных территорий СССР представляли собой два совершенно разных явления. На словах оккупанты позиционировали себя как «освободители от деспотии большевиков», стремясь с помощью подобных заявлений привлечь на свою сторону антисоветски настроенных граждан; помимо обещаний на словах, нацисты старались обеспечить приемлемые материально-бытовые условия для коллаборационистов, дабы подкрепить их верность «новому порядку». Однако исследование повседневной жизни подавляющего большинства населения оккупированных территорий свидетельствует, что оккупационный режим носил ярко выраженный захватнический и грабительский характер. Никакие

декларации не могли скрыть этого факта и привлечь основную массу населения на сторону гитлеровцев.

Примечания

1. Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД в г. Шахты). Ф. Р-797. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

2. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 561.

3. Бочкарёва З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. С. 83.

4. Кубань в годы Великой Отечественной войн. Кн. 1. С. 611.

5. ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 1. Л. 205.

6. ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-797. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

7. Там же. Л. 84.

8. Кубань в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1. С. 606.

9. ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

10. ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.

11. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4219. Оп. 1. Д. 16. Л. 99.

12. Кубань в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1. С. 560.

13. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК). Ф. 1774-а. Оп. 2. Д. 599. Л. 1–2.

14. Калинина Е.В. Возрождение экономического потенциала Ставрополя (1945–1950 гг.) // Из истории земли Ставропольской. Сб. статей. Вып. 2. Ставрополь, 1996. С. 8.

15. Бочкарёва З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе. С. 79, 80.

16. ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-925. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, 20, 55, 64.

17. ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-797. Оп. 1. Д. 2. Л. 55, 103.

18. Кубань в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1. С. 460.

19. Бочкарёва З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе. С. 64.

20. ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 8. Л. 162.

21. ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-925. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

22. ГАРО. Ф. Р-3759. Оп. 1. Д. 13. Л. 2260б.

С.В. Филатов**СЕЛО ЮГА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ**

В результате весенне-летнего 1942 г. наступления враг захватил ряд краев и областей юга РСФСР, в том числе Дон, Кубань и Ставрополье. Данные территории находились под фашистским гнетом с июля 1942 г. по начало 1943 г., некоторые районы, в частности г. Таганрог, до августа 1943 г. Оказавшись в прифронтовой полосе, южные территории России были поставлены под жесткий административный контроль военных властей. Во главе оккупационных органов стоял наделенный широкими полномочиями комендант, которому в свою очередь подчинялись районные и городские управы. Старосты населенных пунктов и колхозов выступали низшими ступенями разветвленной властной структуры [1]. Наряду с этим была сформирована и система карательных полицейских органов для борьбы с активными противниками «нового порядка» – дивизии службы безопасности, вооруженные формирования, рекрутировавшиеся из местного населения [2]. Однако особую роль в укреплении власти фашистов в регионе, привлечении симпатий местного населения к оккупационному режиму должна была сыграть аграрная политика.

Как отмечает Н. Мюллер, в 1942 г. захватчики использовали новую пропагандистскую риторику, «обещая населению “свободу и благосостояние”, немедленное восстановление единоличного крестьянского хозяйства, создание национальных органов управления и т.п.» [3]. Согласно закону «О новом аграрном порядке» министерства по делам оккупированных восточных территорий, вышедшем в феврале 1942 г., в захваченных регионах Юга России предполагалось реформировать советский аграрный строй. Суть преобразований сводилась к ряду поэтапных мероприятий. В первую очередь, на время войны колхозы заменялись «общинными хозяйствами», подчинявшимися оккупационной администрации, где главы хозяйств назначались захватчиками или избирались из местного населения. Такие хозяйства облагались обязательными поставками в пользу рейха. Земля обрабатывалась совместно, при помощи общинного тяглового скота или инвентаря, а также сохранившейся техникой МТС. Вместе с этим члены «общинного хозяйства» могли содержать неограниченное количество скота

и иметь в частной собственности не облагавшийся налогами приусадебный участок до 1,5 га. В особых случаях для некоторых хозяев площадь участков могла быть существенно увеличена. На втором этапе планировалось формирование «сельскохозяйственных кооперативов», объединений индивидуальных крестьянских хозяйств. Только при этом средства производства находились в частной собственности, и лишь сложная сельскохозяйственная техника оставалась в ведении МТС или кооперативов. На заключительном этапе предусматривалось создание самостоятельных частных хозяйств. Подчеркивалось, что землю в собственность и право вести единоличное хозяйство получают только самые старательные крестьяне, относящиеся к гитлеровцам особенно лояльно. По новым правилам частные хозяйства не подлежали разделу, а передавались по взаимному согласию одному члену семьи. При этом наделение землей производилось по числу работников, а не по количеству едоков в семье, как этого требовала дореволюционная правовая традиция [4].

Объективно рассматривая подобные планы оккупантов, трудно не согласиться с мнением С.И. Линца о том, что аграрная программа захватчиков, учитывавшая психологию крестьян, их отрицательное отношение к колхозам, местные традиции аграрного реформаторства, «была составлена достаточно грамотно и выглядела вполне реалистично» [5]. Но важно подчеркнуть в этой связи, что на практике фашисты отнюдь не собирались ее реализовывать. Причины такого положения пояснял, например, нацистский профессор Шиллер: «Большевистская колхозная система должна быть сохранена... колхозы представляют собой крупные сельскохозяйственные предприятия, и потому очевидно, что как носителей крупных производственных форм их не следует дробить... Сельским хозяйством, объединенным в тысячу крупных предприятий, значительно легче управлять, контролировать, чем когда оно насчитывает 2 млн мелких крестьянских хозяйств» [6]. Оккупанты прекрасно понимали выгоды колхозов, позволявших изымать из деревни максимальное количество ресурсов. Но дабы противопоставить свой режим советскому строю, привлечь на свою сторону массу сельских жителей, им следовало показательно распустить сельхозартели. Находясь в таком затруднительном положении, нацистское руководство заключило, что «ропуск колхозов не желателен... однако

необходимо создать впечатление, что большевистский аграрный строй уничтожен...» [7]. Именно такой позиции и придерживались захватчики в отношении крестьянства Дона, Кубани и Ставрополя.

Уже в августе 1942 г. в сельских населенных пунктах Юга России появилось воззвание, где заявлялось, что «колхозы будут уничтожены», «постепенно в одной деревне за другой будет общинная земля предоставляться для пользования отдельным семьям». Обещалось, что площадь приусадебных участков будет увеличена [8]. Вместе с этим в воззвании ничего не говорилось о частной собственности, не приводилось конкретных цифр, не объяснялись конкретные механизмы реализации объявлявшихся новшеств. Много в этом документе выдавало в нем не аграрную программу, а ловкий пропагандистский трюк. Тем не менее ряд мер гитлеровцы все же предприняли.

Фашисты иногда наделяли землей крестьян. В основном это коснулось раскулаченных, а также тех, кто вынужденно покинул село во время коллективизации. Так, узнав о подобных действиях захватчиков, летом – осенью 1942 г. с шахт Донбасса стали уходить многие горнорабочие, в прошлом крестьяне, покинувшие родные места в начале 1930-х гг., стремившиеся получить землю и вернуться к прежней жизни. Исход был настолько массовым, что оккупационные власти вынуждены были принять меры по прекращению оттока шахтеров. Вблизи оккупированного Ставрополя было организовано около 40 товариществ по обработке земли (ТОЗ), в основном из бывших крестьян. Например, один из таких ТОЗов насчитывал 15 пайщиков, располагал 45 га земли, имел трактор и 11 лошадей [9].

Наряду с этим в ряде случаев захватчики шли на увеличение площадей приусадебных участков. Например, на Дону оккупанты на осень 1942 г. планировали в 20 % колхозов увеличить приусадебные участки колхозников до 1,5 га, а некоторым семьям предоставить и до 4–8 га приусадебной земли. Тогда же планировалось преобразовать в «общинные хозяйства» 10 % колхозов с тем расчетом, чтобы в каждом сельском районе было хотя бы одно такое хозяйство. Согласно сообщениям оккупационной администрации Таганрогского округа, подобные мероприятия проводились здесь уже с весны 1942 г. [10].

Однако в целом подобное реформирование хозяйственной структуры советской деревни шло очень медленно. С конца 1942 г., когда по-

ложение на фронте стало складываться угрожающим для оккупантов образом, наметились активные действия в направлении поддержки коллаборационистов. Так, в Северском, Крымском, Верхнебакинском районах Краснодарского края в ноябре 1942 г. фашисты выделили так называемым «новым казакам» по 1 га земли на душу и по 2 лошади на семью, после чего они объявлялись единоличными хозяевами. В декабре 1942 г. в Краснодаре и Ставрополе были показательно проведены даже краевые «съезды землевладельцев», где гитлеровцы озвучивали положения закона «О новом аграрном порядке» и объявляли о начале повсеместного осуществления реформы [11].

Все подобные частные мероприятия были призваны создать у населения лишь впечатление о продвигающихся преобразованиях, тогда как в действительности колхозная мобилизационная система оказалась востребована захватчиками, поддерживалась и дополнялась рядом новшеств. В первую очередь, захватчики объявили все имущество предприятий и организаций в пределах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев собственностью рейха, уничтожив общественный характер колхозов. Гитлеровцы установили жесткий контроль за колхозным имуществом. Так, власти Морозовского района Ростовской области в августе 1942 г. заявили, что «весь колхозный скот, лошади, инвентарь, и зернопродукты, разобранные колхозниками при эвакуации, должны быть немедленно сданы старосте колхоза...» [12]. Управа Глубокинского района в то же время потребовала от населения «в 3-дневный срок возвратить присвоенное незаконно имущество», в противном случае угрожая расстрелами [13]. На Ставрополье было объявлено колхозникам, что «до установления нового порядка германскими властями категорически запрещено развозить зерно и корнеплоды с колхозных и совхозных полей по домам колхозников... все должно свозиться в амбары бывших колхозов и совхозов» [14]. Крестьян призывали продолжать работу. В воззвании первых дней оккупации на Ставрополье говорилось: «Работа в колхозах и совхозах должна быть немедленно продолжена. Сохраняйте спокойствие и порядок и продолжайте работать. Этим вы сами поможете себе» [15].

Стремясь обеспечить продовольственное снабжение армии, фашисты сохранили прежнюю систему коллективных хозяйств. Как сооб-

щали кубанские партизаны, в августе – сентябре 1942 г. «германское командование оставило в силе коллективное владение землей». Например, в станицах Новомышастовской и Марьянской Новотитаровского района Краснодарского края все сельхозартели функционировали «по прежней колхозной структуре». Председатель, бригадиры, звеньевые и прочие представители административно-управленческого аппарата колхозов продолжали исполнять свои прежние обязанности или назначались немцами [16]. Аналогичная ситуация сложилась на Дону и Ставрополье.

Организовывая работу в колхозах и «общинах», фашисты использовали помимо убеждения методы прямого принуждения к труду. Нередко людей выгоняли на работы под угрозой расправ. Так, в августе 1942 г. захватчики приказали крестьянам станицы Мечетинской Ростовской области в возрасте от 14 до 45 лет «явиться на работу в поле со своими продуктами и водой... не явившиеся подлежат расстрелу». Иногда нацисты пытались «стимулировать» труд колхозников физическими наказаниями. По воспоминаниям очевидца событий, жителя слободы Ольховый Рог Ростовской области Е.П. Соломинченко, его односельчан заставляли трудиться от рассвета до заката, и даже во время отдыха комендант бил их плетью, вновь принуждая к работе. Существовали и виды взыскания за невыход на работу, например штрафы, достигавшие 100, 300 и даже 800 рублей [17].

В период оккупации в большинстве коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополя продолжала существовать система трудодней. Вероятно, она оказалась удобной как механизм контроля (выработка обязательного минимума трудодней) и стимуляции трудовой деятельности (выдача продуктов и денег в зависимости от количества засчитанных трудодней) крестьян. Так, в рекомендациях волостным старостам Морозовского района Ростовской области от 17 сентября 1942 г. оккупационные власти советовали «предупреждать колхозников о том, что те граждане, которые имеют мало трудодней, будут лишены возможности пользоваться приусадебной землей». Относительно размеров оплаты труда можно сказать, что они были формальны, так как система эксплуатации крестьян в оккупированных районах базировалась почти исключительно на внеэкономическом принуждении [18].

По причинам дефицита рабочих рук, средств производства, а также скрытого саботажа со стороны крестьян разнообразных мероприятий оккупационной администрации, фашистам не удалось решить многие поставленные перед колхозами задачи. Так, например, если в 1941 г. в Ставропольском крае уборка урожая закончилась в основном к 1 августа, то в 1942 г. она затянулась до поздней осени. В сельхозобщине № 3 (колхоз «Красное знамя») Шпаковского района из имеющихся 1543 га зернобобовых культур даже к 20 августа 1942 г. было скошено только 962 га (62 %), а обмолочено еще меньше – 385 га (40 % от скошенной площади). В то же время было убрано лишь 17 % овощей, 0,5 % картофеля, 0,4 % технических культур, при этом к уборке подсолнечника хозяйство не приступало вовсе. Согласно сведениям, содержащимся в газете «Ставропольское слово», в целом по краю к 1 августа 1942 г. было скошено только 40 % зерновых, а полностью уборка урожая закончилась лишь к концу сентября 1942 г. Таким образом, урожай захватчикам в основном удалось собрать, хотя нет сомнений, что в результате длительности уборочных работ была потеряна значительная его часть. Остальные же сельскохозяйственные культуры (картофель, подсолнечник и т.д.) в большинстве остались несобранными [19]. На Дону и Кубани дела обстояли так же.

Были другие неприятные для оккупантов «сюрпризы». По справедливому замечанию А.А. Аникеева, обмолот зерновых и подсолнечника (наиболее трудоемкие операции) затягивался в «общинах» до глубокой осени. Как правило, не обеспечивалось хранение собранного урожая, он оставался под открытым небом, о чем, в частности, говорили представители органов власти Раздорского района Ростовской области в октябре 1942 г. Еще хуже была ситуация с проведением осенних полевых работ. «Сельхозобщина» хутора Урывский Глубокинского района по плану должна была поднять осенью 1942 г. 400 га земли, но даже к началу ноября крестьяне обработали 92 га, или менее 25 %. В целом по району был сорван сев озимых [20]. Такое же положение наблюдалось в других оккупированных нацистами районах Дона, Кубани, Ставрополя.

Наряду с этим захватчиками проводилась жесткая налоговая политика. В частности, коллективные хозяйства уплачивали «оборотный налог», отдавая часть выручки от проданной продукции. На Дону

такой налог, например, взимался в размере 15 % доходов от продаж. Особенно важны для оккупантов были продукты, получаемые от «общин» в виде натуральных поставок. Осуществлялся тщательный учет скотопоголовья и всех продуктов, имевшихся в сельхозартелях и в местных хозяйствах крестьян, и исходя из этого устанавливался объем натуральных повинностей. Нередко фашисты забирали у «общин» весь урожай, так было, например, в октябре 1942 г. в станице Гостагаевской на Кубани [21]. Стремясь сохранить сельхозпродукцию для себя, захватчики порой запрещали колхозам продавать ее населению. В августе 1942 г. такой запрет был наложен на «сельхозобщину» хутора Орешкина Глубокинского района Ростовской области [22].

Разнообразными поставками, налогами и сборами облагались и личные хозяйства крестьян. В период оккупации сохранялись некоторые советские налоги, в частности сельхозналог. В дополнение к нему фашисты заставляли сельских жителей платить даже за домашних животных – за кошку 25 рублей, за собаку – до 50–60 рублей в год. Крестьяне привлекались к уплате местных сборов, проводившихся для «улучшения материальных условий престарелых и немощных», содержания районного управленческого аппарата, учреждений культуры, образования и здравоохранения. В основном ставки таких единовременных «душевых налогов» составляли 50–100 рублей с трудоспособного. Вводилась плата за оформление и выдачу документов: регистрация брака – 25–200 рублей, развода – 500–1000 рублей, смерти – 5–10 рублей и т.д. Иногда подобные поборы позволяли мобилизовать значительные денежные средства. Так, в Маньковской управе Чертковского района Ростовской области к концу ноября 1942 г. было собрано за нотариальные услуги более 30 тыс. рублей. Думается, и во время оккупации крестьяне уплачивали налоги с не меньшим напряжением, чем и выполняли поставки [23].

Тяжелым бременем, помимо налогов, была для крестьянских хозяйств поставка натуральных продуктов. В 1941 г. каждое хозяйство колхозника сдавало государству 150 яиц в год по цене в среднем 2 рубля за десяток (примерно по 3 яйца в неделю). Оккупанты требовали по 5 яиц в неделю с каждой курицы бесплатно. С каждой дойной коровы «общинники» отдавали «освободителям от большевистского ига» по 2 литра и более молока в день. Это было настоящим разорением. Так,

например, руководство Шептуховской волости Чертковского района Ростовской области в сентябре 1942 г. приказало крестьянам сдавать по 600 литров молока с коровы в год (или 1,5 литра в день). В октябре «общинники» должны были отдать 60 % урожая картофеля, в ноябре сдать 50 % от числа всех гусей и уток, 100 % старых кур, с декабря 1942 г. по август 1943 г. предполагалось собрать с колхозников 120 свиней. За невыполнение плана полагалось наказание вплоть до расстрела [24]. Таким образом, натуральные поставки в их нацистском варианте, по существу, являлись плохо замаскированным грабежом.

В результате экономической политики оккупантов сельское хозяйство Дона, Кубани и Ставрополя понесло огромные потери, исчислявшиеся миллиардами рублей. Были угнаны десятки тысяч голов скота, вывезено, по неполным данным, свыше 2,7 млн т зерна, овощей и прочих продуктов растениеводства [25]. Масштабы ущерба, причиненного личным крестьянским хозяйствам, установить затруднительно, но они, без сомнения, тоже были весьма значительны.

Итак, немецко-фашистские захватчики преследовали целью полное подчинение Дона, Кубани, Ставрополя и изъятие из подконтрольных территорий как можно большего количества ресурсов. Установив в деревне систему принудительного труда и налогового гнета, сохранив колхозную систему организации сельскохозяйственного производства, оккупанты попытались выполнить данную задачу в максимально полном объеме. Крестьянам оставался минимум продовольствия, нередко сельские жители вовсе обрекались на голодную смерть. В то же время фашисты старались расположить к себе население, используя пропагандистские мероприятия. Подобные действия имели незначительный успех. Крестьяне всеми силами боролись с оккупантами и их «новым порядком».

Примечания

1. Бочкарёва З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. С. 47–48.
2. Там же. С. 49.
3. Мюллер Н. Вермахт и оккупация / пер. с немецкого. М., 1974. С. 258.

4. Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Ростов н/Д., 1990. С. 140–141.
5. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). Ростов н/Д., 2003. С. 268.
6. Аникеев А.А. Указ. соч. С. 139–140.
7. Там же.
8. Бондарев В.А. Селяне в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д., 2005. С. 88–89.
9. Степной С. Товарищества по совместной обработке земли // Утро Кавказа. 1942. 6 декабря.
10. Бондарев В.А. Указ. соч. С. 92.
11. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Кн. 1. Краснодар, 2011. С. 604, 643–649; Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 97.
12. Бондарев В.А. Указ. соч. С. 92–94.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. С. 67–68.
17. Кузнецов В.И., Маркусенко И.С. Ростовская область в период Великой Отечественной войны // История Дона. Ростов н/Д., 1967. С. 243–244.
18. Бондарев В.А. Указ. соч. С. 94–95.
19. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 г.). Документы и материалы. Ставрополь, 2000. С. 43–45.
20. Аникеев А.А. Указ. соч. С. 88–89.
21. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. С. 90–92.
22. Бондарев В.А. Указ. соч. С. 95.
23. Бочкарёва З.В. Указ. соч. С. 45–55.
24. Бондарев В.А. Указ. соч. С. 103–104.
25. Кузнецов В.И., Маркусенко И.С. Указ. соч. С. 243.

И.Ю. Васильев**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ
УСТЬ-ЛАБИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

В последние десятилетия достигнуты значительные успехи в изучении повседневности периода Великой Отечественной войны, в том числе повседневной жизни мирного населения как в советском тылу, так и под властью гитлеровских оккупантов [1]. Значительное место в изучении повседневности военного времени занимают материалы устной истории, источники личного происхождения. Они, а также архивные, статистические материалы в комплексе дают объемную картину повседневности [2].

Усть-Лабинский район, как и многие территории Краснодарского края, во время войны переходил из рук в руки, местным жителям пришлось пережить боевые действия, оккупацию и другие драматические события военного времени. Всё это нашло свое отражение в воспоминаниях старожилов станиц района.

В начале войны территория Усть-Лабинского района была глубоким тылом. Но в 1942 г. фашисты оказались в опасной близости от территории района. Поэтому было принято решение убрать урожай за 10 дней. Сельхозартель «Огонёк» ст. Некрасовской подготовила «сталинский» (сверхурочный) хлебный обоз из 15 т зерна. Животноводы помогали обмолачивать собранный хлеб полеводам, например, в колхозе «Большевик». Молодежи и подросткам приходилось работать на тяжелых работах в сельском хозяйстве и постройке укреплений [3]. На заводах Усть-Лабинска по двенадцать и более часов трудились старики, женщины и подростки. В состав народного ополчения в ст. Новолабинской вступило 74 человек, в состав добровольческих казачьих частей в составе Красной армии – 125 человек [4]. Местные жители оказывали помощь отступающим частям Красной армии, а позднее прятали от гитлеровцев военнослужащих, попавших в окружение: «По хатам жили (подпольщики из числа офицеров, попавших в окружение. – И. В.). И люди их спасали. Как бы там ни было, а геройство проявляли люди наши» [5].

Усть-Лабинский район был оккупирован гитлеровцами 8 августа 1942 г. Местные жители постоянно ощущали угрозу со стороны ок-

купантов, особенно сразу после их вступления в станицу и перед их уходом, во время боев за освобождение населенных пунктов (ст. Воронежская, х. Железный) [6]: «Шли и говорили: “Квартиры не закрывать на замок!” А мамаша взяла – замкнула. И в нашу хату кинули гранату...» [7]; «Здесь был немецкий штаб в сорок третьем году... Генерал здесь был немецкий. Как стуло поломалось, я помню, сразу в ружьё, с автоматами, проверяли, бабу Абыниху чуть не застрелили. Стуло лажовое... шурупы старые, поржавели, и он перекинулся...» [8]. В соответствии с нацистской доктриной гитлеровцы уничтожали коммунистов, психически больных людей, а также тех, кто казался подозрительным и опасным: «Подъедет до двора и кричит: “Курка, яйко!” А мы прятались. А если они видели, что человек прячется, они его или убивали, или забирали...» [9]. «Тут вот около правления с левой стороны был Нараев Миша. Он немножко сдвинутый был... А тут немцы. А те глянули, что он того... И брата Урюпина... Это Урюпин, большевик же ж этот» [10].

Оккупанты не только прибегали к грубому насилию, но и пытались добиться расположения станичников. Во многих станицах Кубани с разрешения гитлеровцев открывались храмы, нередко сразу после освобождения они закрывались вновь, и часто в течение года открывались опять. В ст. Восточной и х. Новоалександровском в 1942 г. в период оккупации были открыты церкви. После освобождения станиц в 1943 г. они были вновь закрыты. В 1944 г. в х. Новоалександровском приход был снова открыт, а жителям ст. Восточной в этом было отказано, мотивировалось это наличием поблизости (в ст. Кирпильской) церкви и использованием здания бывшей церкви под клуб [11].

Старост и атаманов, возглавлявших местный сегмент оккупационной власти, старожилы нередко описывали как своих защитников, спасавших жителей и их имущество от немцев: «Он (атаман Тараненко. – *И. В.*) был в совете и близко знаком со списком, кого казнить, кого это [угнать]. А на утро немец нас покинул. Все сохранились! Поэтому, когда всех сажали полицейских и атаманов, то народ был за него» [12]. В отношении же полицейев преобладали негативные отзывы, их порой отождествляли с комсодовцами времен голода 1933 г.: «Они [комсодовцы] хуже немцев были» [13]; «Перед войной, эти полицейеи приходят, и на потолок. Всё съедобное ищут. Усё забирали!... А те полицейеи [комсодовцы] усё обыскивали!» [14].

В период оккупации развивалось партизанское движение. В Усть-Лабинском районе действовал партизанский отряд им. Кочубея. Другой такой отряд действовал в Ладожском районе. Действовали и группы подпольщиков, например в станице Тенгинской. Больше всего пользы для Красной армии приносил сбор партизанами и подпольщиками разведывательной информации [15]. Старожилы рассказывали и о других их действиях, например об уничтожении помощника немецкого коменданта в станице Тенгинской: «У меня пили четыре или пять человек воду. Мужчины. Попили воды, а потом спрашивают: “Немцев много тут?” – “Да нет”. – “А комендант?” – “Остался помощник коменданта и ещё там два человека с ним”... Мы тока зашли в кладовую с этой стороны. Конторка была вот здесь, слева. И выводят помощника атамана...» [16].

Усть-Лабинский район был освобожден 5 февраля 1943 г. Жители станиц района тепло встречали наступавшую Красную армию, воспринимали ее как спасительницу: «А тут в феврале месяце наши разведчики. Сразу думали, что это немцы. Переодетые. А потом оказались наши ребята, красноармейцы. И не забрали нас в Германию» [17]. Победа в Великой Отечественной войне стала огромной радостью: «Бригада наша была, вот до северной школы посчитай. Километров двенадцать, и мы всё время бегли. И прибегли, а тута уже людей по́лно! Обнимаются, целуются! Больше женщин, мужчины ж на войне были» [18].

Во время войны погибли 6922 человека, пропали без вести 6562 человека из числа жителей Усть-Лабинского района. За период оккупации района фашисты расстреляли около 370 жителей станицы Усть-Лабинской. Ущерб, нанесенный оккупантами промышленности, был оценен в 75 700 рублей, животноводству и птицеводству – в 25 781 рублей, зерна было вывезено на сумму 9804 рублей [19].

Таким образом, в воспоминаниях старожилов станиц района, архивных документах, статистических данных нашли отражение различные аспекты периода нацистской оккупации, а также радость освобождения от захватчиков.

Примечания

1. Ковалев Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011; Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлы-

нина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920-х – 1940-х годов: жизнь в условиях социалистической трансформации. Ростов н/Д., 2011. С. 125.

2. Рожков А.Ю. «Вместо сияющего будущего – участь рабыни»: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Краснодар, 2010. С. 299–300; Стрекалова Е.Н. Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941–1945 годов по устным воспоминаниям // Там же. С. 354.

3. Россия, Краснодарский край, Подвиг во имя Победы. Краснодарский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Краснодар, 2000. С. 84, 159–166.

4. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМ КФЭЭ) – 2008. Аудиокассета (далее – А/к) № 4091. Станица (далее – ст.) Некрасовская. Информант (далее – Инф.): Бондарев Н.П., 1924 года рождения (далее – г.р.). Исследователь (далее – Иссл.): Васильев И.Ю.

5. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4057. Ст. Новолабинская. Инф.: Сопелкина М.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.

6. Россия, Краснодарский край, Подвиг во имя Победы. С. 166, 170–173.

7. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4023. Ст. Тенгинская. Инф.: Пенчук А.П., 1931 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.

8. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4061. Ст. Некрасовская. Инф.: Агеева М.Ф., 1926 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.

9. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4059. Ст. Новолабинская. Инф.: Кравченко М.А., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.

10. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4026. Ст. Тенгинская. Инф.: Руденко М.Т., 1923 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.

11. Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар, 2009. С. 156; Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 8, 12, 15–15об., 17.

12. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4085. Ст. Некрасовская. Инф.: Васильева А.Н., 1929 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.

13. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4089. Ст. Некрасовская. Инф.: Протасова Р.С., 1936 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.

14. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4059. Ст. Новолабинская. Инф.: Кравченко М.А., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.
15. Россия, Краснодарский край, Подвиг во имя Победы. С. 166–170.
16. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4026. Ст. Тенгинская. Инф. Руденко М.Т., 1923 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.
17. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4057. Ст. Новолабинская. Инф.: Сопелкина М.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.
18. ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4059. Ст. Новолабинская. Инф.: Кравченко М.А., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.
19. Администрация Усть-Лабинского городского поселения. История. URL: <https://gorod-ust-labinsk.ru/gorod2018/istoriya-1/> (дата обращения: 25.02.2020); Россия, Краснодарский край, Подвиг во имя Победы. С. 11, 167, 178–181.

Е.В. Курочкин

РАССТРЕЛЫ ЕВРЕЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ: ИСТОЧНИКИ, МЕТОДИКА И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2019 г. началось исследование обстоятельств казни еврейских беженцев в с. Александровка Азовского района Ростовской области. Его ведет журналист Татьяна Стаценко при содействии историка Дмитрия Зенюка. Активное участие в установлении обстоятельств убийства евреев и их имен принимает краевед Евгений Курочкин, тесно сотрудничающий с Научно-просветительным центром (НПЦ) «Холокост». Предполагается установка памятника и стел с именами жертв Холокоста в рамках проекта НПЦ «Холокост» и Российского еврейского конгресса «Вернуть достоинство» [1].

Импульсом для исследования, начавшегося со статьи журналистки газеты «Приазовье» Татьяны Стаценко, стало интервью с ее бабушкой, Ниной Яковлевной Павленко, которая в сентябре 1942 г. стала невольной свидетельницей ужасающего преступления нацистов. «Однажды рано утром меня с сестрой Шурой разбудила мать, – рассказывает она. – “Слушайте. Евреев расстреливают...” И мы услышали автоматные очереди и человеческий стон. Никто не кричал. Только

стон... Зачем только нас мать разбудила? В нашей бригаде работала молодая еврейка Белла. Она была беременная. Ее тоже расстреляли и сбросили в ту яму...» [2]. Исследование должно выявить все возможные сведения (документы, свидетельства очевидцев и т.д.) об обстоятельствах расстрела фашистами и их пособниками евреев в с. Александровка и Александровском районе (сейчас его территория входит в состав Азовского района) Ростовской области, а также именах убитых с целью последующей мемориализации. Мемориал жертвам Холокоста в с. Александровка и публикация материалов о событиях войны послужит напоминанием о том, что происходило в годы войны, и увековечит память о невинных жертвах.

В настоящее время события войны на территории Александровского района, после войны вошедшего в состав Азовского района Ростовской области, являются малоизученными: довоенные архивы фактически не сохранились, послевоенные находятся в открытом доступе фрагментарно. Например, так и не удалось установить все фамилии евреев, расстрелянных фашистами в окрестностях Александровки (известны и подтверждены документами Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) 10 имен, а расстреляны были от 18–20 [3] до 70 человек [4]).

Сразу после отступления немцев и вступления 3 февраля 1943 г. на территорию с. Александровка (районного центра) партизанского отряда имени Ростовского обкома ВКП(б) были выявлены и арестованы многие из пособников врага – полицаи, старосты, председатели колхозов, а также некоторые из тех, кто помогал немцам. «Для охраны района из местного населения в этот же день были созданы особые отряды, которые кроме всего занимались отловом всех предателей, старост, полицейских и т.д. Организованная нами камера с каждым часом перегружалась. Так мы держали свой район до 8 февраля, т.е. 5 дней. 9 февраля в Александровку вступили регулярные части действующей Красной армии» [5]. 4 февраля 1943 г. была обнаружена яма, в которую оккупанты скидывали тела замученных партизан, все они были в дальнейшем перезахоронены в центре села рядом с братской могилой красных партизан, убитых в годы Гражданской войны. При этом нет сведений о том, что происходило перезахоронение евреев, убитых в период оккупации (хотя факт их расстрела отмечен

в документе). «При изъятии из земли для похорон в братскую могилу трупы были неузнаваемы... Кроме партизан немецкие бандиты расстреляли ни в чем не повинных женщин, детей, стариков еврейского населения, фамилии которых не установлены, в количестве 20 человек, и еще кроме этого были расстреляны колхозники колхоза им. Курышко: Пака Иван, Коваленко Иван Кузьмич» [6]. После восстановления советской власти в районе все уличенные в связях с фашистами (включая дезертиров из партизанского отряда, не ушедших с отступающими вражескими войсками) были переданы органам НКВД и в дальнейшем либо были казнены, либо получили по 10 лет лагерей. Протоколы их допросов могли бы стать ценным источником информации об александровской трагедии. Среди них были непосредственные участники расстрелов: помощник начальника полиции Левченко Иван Константинович, бывший секретарь Александровского райкома ВКП(б) по кадрам, перешедший на сторону врага и впоследствии расстрелянный, Бородько Иван Никифорович и др. В течение 1943–1944 гг. шло расследование зверств фашистов на территории Ростовской области (по партийной линии и линии спецслужб), параллельно районные власти, а также райкомы ВКП(б) и комсомола проверяли всех граждан района, оставшихся на оккупированной территории. Благодаря материалам этой проверки нам удалось установить имя беженки-еврейки, размещенной в 1941 г. в колхозе им. Молотова с. Александровка и сумевшей избежать смерти, – Розы Соломоновны (Розалии Семёновны) Коган. Девушка смогла уйти с оккупированной территории, перешла линию фронта, работала и пережила болезнь в осажденном Сталинграде, а после освобождения Ростовской области вернулась в Александровку, где трудилась в редакции районной газеты «Искра Ильича» [7]. Есть вероятность, что она вернулась, чтобы разыскать своего отца, Соломона Мееровича Когана, который, так же как и она, эвакуировался в 1941 г. с территории Украины и поселился в колхозе им. Молотова (с. Александровка) [8].

В «Сообщении Чрезвычайной государственной комиссии по Александровскому району по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, государственным предприятиям и учреждениям» названы 10 имен расстрелянных в с. Александровка

евреев-беженцев: «В сентябре месяце 1942 года по приказу начальника района Бургардта Готлиба Готлибовича, начальника полиции Левченко Ивана Константиновича было арестовано 18 человек еврейской национальности, в том числе: Штейман Фрида Аркадьевна – рождения 1905 г. – мать; Штейман Исаак Яковлевич – рождения 1926 г. – сын; Штейман Берта Яковлевна – рождения 1934 г. – дочь; Френклах Исаак – 12 лет; Лившиц Самуил Янкелевич – рождения 1889 г.; Лившиц Рахиль – рождения 1886 г.; Лившиц Сарра Самуиловна – рождения 1921 г.; Лившиц Хая Самуиловна – рождения 1923 г.; Лившиц Броня Самуиловна – рождения 1925 г.; Лившиц Этка Самуиловна – рождения 1928 г. Имена оставшихся 8 человек установить не удалось» [9].

Было установлено, что расстрелянные 18–19 сентября 1942 г. евреи приехали в Александровский район из Киева (семья Штейман) и Мозыря (семья Лившиц и Исаак Френклах, последнего не было в списках беженцев, судя по всему, он отстал от родных и прибил к эшелону). Кроме них, в списках было еще 14 имен: Айзейштейн София Иосифовна, глава, 1909, г. Ровно, домохозяйка, в к-зе им. Сталина; Айзейштейн Ярослав Ильевич, сын, 1939; Айзейштейн Циля Берковна, мать, 1872; Коган Роза Соломоновна, 1923, из Сталинского р-на г. Киева, уч-ся, госуниверситет, в к-зе Молотова; Коган Соломон Меерович, 1885; Стоклер Сруль Лизухович (неразборчиво), 1915, одинок., БССР (город неразборчиво), к-з Кагановича, плотник; Ватенмахер Абрам Иванович, 1923, Каменец-Подольский, отд. связи, к-з Кагановича, пропал без вести в 1943 г.; Шкляр Рузя Шлемовна, 1891, глава, Одесской обл., Кодымского р-на, г. Кодыма, швея, к-з Курышко; Шкляр Раиса Моисеевна, дочь, 1923, счетовод; Вильсман Эрнст (отчество неразборчиво), 1866, Полесской обл., г. Мозырь, пенсионер, к-з Курышко; Вильсман Доба Мордуховна, 1876, пенсионерка; Манчин Юзин Яковлевич, глава, 1890, Днепропетровск, рабочий, конюх в с. Совдар; Бух Овелий Гершевич, глава, 1901, г. Бельск, рабочий, политотдел, рядовой, Совдар; Бух Герш Овельевич, сын, 1922.

Из материалов, полученных от Yahad in Unum (организация, созданная в 2004 г., занимается поиском мест массовых захоронений евреев, цыган и других жертв нацистов на территории Восточной Европы, а также видеодокументацией рассказов свидетелей), – три интервью жителей Александровки, записанные организацией во вре-

мя полевых экспедиций 2009 и 2011 гг. [10]. В них содержится информация о том, как встречали беженцев и распределяли по колхозам Александровского района, а также свидетельства (ранее известные из материалов ЧГК), что карательный отряд фашистов располагался в здании Александровской средней школы, комендатура – в здании райисполкома (бывшее волостное правление, располагавшееся напротив Дома культуры и снесенное осенью 2019 г.).

Были выявлены имена других евреев, живших в Александровке до оккупации (их дальнейшую судьбу еще предстоит выяснить).

Во-первых, в свидетельстве Нины Яковлевны Павленко [11] упомянута еврейка Белла, беженка, работавшая до оккупации в одном из колхозов Александровки и расстрелянная фашистами.

Во-вторых, в свидетельстве Веры Семёновны Чапкой упоминается еврей Чванилов: «Когда пришли немцы, из подполья вышел Афанасий Павлович Лукьяненко, который все это время скрывался от призыва в Красную армию. Пока прятался, оброс бородой, поэтому немцы сначала приняли его за еврея и чуть не арестовали... Первым делом он начал выдавать бывших руководителей, коммунистов. Недалеко от нас жил Владимир Блохин, его первого арестовали по указке Афанасия. Очень он лютый был, безжалостный. До войны работал заготовителем, семья жила хорошо, откуда в нем столько ненависти к советской власти было? Непонятно. Сдал он немцам и тяжелобольного еврея Чванилова... Под предлогом регистрации евреев создали в комендатуру. Сколько евреев на тот момент оставалось в селе, Вера Семеновна сказать не может, но только из Христичева мимо ее дома проехало три подводы с людьми. В каждой – человек по десять... Все они погибли, сраженные немецкими пулями» [12].

В-третьих, евреи упоминаются в интервью информанта Yahad in Umot из х. Христичево (одного из тех, кто встречал беженцев с поезда в Азове): «В 1941 году приехали эвакуированные. Из Мозыря, Житомира, многих привезли тогда в хуторок, и они жили. У нас через два дома, в частности, жила бабушка, на квартиру их взяли – бесплатно, без ничего. И молодая дама лет 27–30 с ребеночком. Жили еще недалеко на квартире две семьи и одна женщина была беременна. И то ли зимой 41-го, то ли в начале 42-го (до прихода немцев) я ее и ее брата или еще кого возил в Александровку. Она по дороге родила и ее

забрали санитары, а потом после освобождения куда они делись – я не знаю... Одну женщину помню, имя – Карпман Хая. У ней была девочка, лет 13–14, ну она уже ходила тогда на работу. Я в это время был уже учетчиком в бригаде. А этих, которых жену я в роддом отвозил, имя я не знаю, а фамилию знаю – Стокман и Тамаркин» [13].

В-четвертых, писатель Н.М. Коржавин (Мандель) (сам Наум Моисеевич и его родители были среди эвакуированных, попавших в Александровку в 1941 г., но успели уйти дальше до оккупации, сначала на север Ростовской области, а потом на Урал) в мемуарах «В соблазнах кровавой эпохи» пишет: «Баржи отправлялись из Киева, но киевлянами были отнюдь не все, кто на них взобрался, – для многих Киев был только промежуточным пунктом на пути их бегства. Для некоторых оно началось еще в Польше. Они лучше всех знали, от чего бежали, но отнюдь не лучше, куда прибежали»; «А в Александровке были евреи из Лодзи, пожившие при немцах. То, что они рассказывали, от чего убежали, – страшно»; «Поезд подошел к Батайску. Там нам объявили, что нас повезут в Александровский район Ростовской области и распределят по колхозам» [14].

В-пятых, в процессе изучения партизанских фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области обнаружилось еще одно свидетельство расстрела евреев в сентябре 1942 г. около мельницы колхоза 2-й пятилетки (на западе от с. Александровка, на северо-запад от окончания ул. Советской) – от И.Г. Ярошенко, записанное 6 октября 1944 г.: «В 1942 г. 30 июля немецкие бандиты оккупировали село Александровку и хозяйничали до 1943 г. до февраля месяца, мы стояли на пороге... живыми свидетелями, как немецкие бандиты расстреливали в 1942 г. евреев возле мельницы ветряка... вывезли их... стариков, старух и детей маленьких, как они кричали – спасайте нас, и когда бандитский автомат застрекотал, этот крик... несчастных был превращён в стон, после чего были одиночные выстрелы, и стон этих несчастных советских людей умолк» [15].

В августе и сентябре 2019 г. было сделано два полевых выезда на предполагаемое место расстрела 18–19 сентября 1942 г. (северо-западная окраина с. Александровка, на холме за развалинами МТФ, где раньше стояла ветряная мельница). На месте – остатки МТФ и силосных ям, за ними – распаханное поле. По свидетельствам местных

жителей, на этом месте тела расстрелянных не находили, непонятно, было ли перезахоронение тел расстрелянных евреев вместе с телами замученных партизан (есть неподтвержденные сведения от местных жителей, что одиночные расстрелы немцы производили на кладбище колхоза им. Ленина на юго-западной окраине с. Александровка) [16]. Ясность в этом вопросе могли бы внести документы о вскрытии захоронений 4 февраля 1942 г. и в последующие месяцы после освобождения села, материалы дел на бывших полицаях, старост и полицаях, а также немцев, захваченных партизанами Александровского отряда 30 января 1942 г. в с. Христичево и 1 февраля 1942 г. в с. Александровка.

В заключение хотелось бы отметить сложности, с которыми мы столкнулись в ходе работы. Во-первых, неизвестно точное количество жертв. Это связано с тем, что все колхозные и районные архивы были уничтожены во время эвакуации (она началась 29 июля 1942 г., когда враги были уже на подступах к селу). По свидетельствам очевидцев, не были эвакуированы на не занятые врагом территории даже добровольцы, уже отобранные военкоматом (как в случае с Розой Соломоновной Коган). В краеведческих исследованиях встречаются разные цифры: у местного краеведа, бывшего заведующего военно-учетным столом Александровской сельской администрации Н.А. Мельника в его машинописной книге «Село Александровка: страницы истории» (1976 г.) говорится о 70 убитых евреях [17], Т.А. Федотова приводит документы ЧГК о расстреле 18 евреев в сентябре 1942 г. [18], в книге Э.К. Христич и С.Н. Казиковой «Село у Чумбурки» (2007 г.) упоминается факт расстрела евреев без указания их количества [19]. В связи с этим есть гипотеза, что еврейское население Александровского района арестовывалось и расстреливалось в начале периода оккупации (конец июля – начало августа 1942 г.; скорее всего, эти расстрелы были бессистемны и не документировались немцами) и в сентябре 1942 г. (в это время в районе был введен гестаповский режим из-за активизации партизан, в с. Александровка вошло до 200 человек эсесовцев, расположившихся в здании Александровской средней школы, а по всей территории района периодически шли облавы). Во-вторых, примерное место расстрела (возможно, одного из мест расстрела) и захоронения известно, но не выявлены документы

и свидетельства о вскрытии расстрельных ям и перезахоронении тел. При этом тела партизан были найдены 4 февраля 1943 г., извлечены из ям и после торжественного прощания (некоторое время гробы с останками были выставлены в Доме культуры с. Александровка) были перезахоронены в городском парке рядом с братской могилой красных партизан, погибших в годы Гражданской войны (на месте братской могилы установлен памятник с именами погибших) [20]. В-третьих, все материалы уголовных дел бывших полицаяв, старост, пойманных партизанами немцев хранятся в закрытых спецархивах. При этом в ходе исследования выявлен ряд имен бывших полицаяв, а также дезертиров из партизанского отряда, перешедших на сторону врага (среди которых были партийные и хозяйственные руководители Александровского района уровня секретаря райкома ВКП(б) по кадрам, председателя колхоза, зав. парткабинета и т.д.) [21].

Примечания

1. Холокост в Ростовской области: борьба за память продолжается. URL: <http://holocf.ru/холокост-в-ростовской-области-борьба/> (дата обращения: 05.02.2019).

2. Стаценко Т. Это забыть нельзя: воспоминания о войне Нины Яковлевны Павленко // Приазовье. 2013. 24 апреля (№ 17). С. 12.

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 773. Л. 1, 2, 2а, 8, 9; Архив Яд Вашем. JM-21169, f. 9, 19–21, 23–25, 27, 28 – List of murdered Jews from Aleksandrovka district, 09/1942 (Материалы по расследованию злодеяний, совершавшихся немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами Александровского... и др. районов Ростовской области).

4. Стаценко Т. Забытое преступление // Приазовье. 2019. 28 августа (№ 35). С. 3.

5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 33. Л. 22.

6. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

7. Архив Яд Вашем. JM-23566, f. 543–545, 549–550 – List of residents who were evacuated to the Aleksandrovka district, prepared in 1942 (Список эвакуированных граждан, размещенных в Александровском районе Ростовской области); Курочкин Е. От При-

азовья до Сталинграда и обратно. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d05287480030d0d86acc108/ot-priazovia-do-stalingrada-i-obratno-5e2205ef2beb4900ada5cc17?&secdata=CLiw1Kr7LSABMAI%3D> (дата обращения: 05.02.2019).

8. Архив Яд Вашем. JM-23566, f. 543–545, 549–550 – List of residents who were evacuated to the Aleksandrovka district, prepared in 1942 (Список эвакуированных граждан, размещенных в Александровском районе Ростовской области); Курочкин Е. Историческое расследование: Смогли ли спастись от фашистов евреи-беженцы? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d05287480030d0d86acc108/istoricheskoe-rassledovanie-smogli-li-spastis-ot-fashistov-evrei-bejency-5d73f64335ca3100b9c11241> (дата обращения: 05.02.2019).

9. Архив Яд Вашем. JM-21169, f. 9, 19–21, 23–25, 27, 28 – List of murdered Jews from Aleksandrovka district, 09/1942 (Материалы по расследованию злодеяний, совершавшихся немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами Александровского... и др. районов Ростовской области).

10. Execution of Jews in Aleksandrovka (Rostov-on-Don): материалы экспедиции Yahad-In Unum в с. Александровка в 2009 и 2011 годах. URL: https://yahadmap.org/en/?fbclid=IwAR1FexSRTZlYzGE1pgakmGLNUAHBY5AZts_dW5tyRzq_br50xn1JYpqtGNE#village/aleksandrovka-rostov-russia.496 (дата обращения: 05.02.2019); Курочкин Е. Как встречали эвакуированных в Азове в июле 1941-го. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d05287480030d0d86acc108/kak-vstrechali-evakuirovannyh-v-azove-v-iiule-1941go-5db5f50d35c8d800afef0abf?&secdata=CJrFvaThLSABMAI%3D> (дата обращения: 05.02.2019).

11. Стаценко Т. Это забыть нельзя... С. 12.

12. Стаценко Т. А в августе пришли немцы: воспоминание о войне Веры Семёновны Чапкой. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d05287480030d0d86acc108/a-v-avguste-prishli-nemtsy-5d7887e41d656a00ad27c443> (дата обращения: 15.02.2020).

13. Курочкин Е. Как встречали эвакуированных в Азове в июле 1941-го.

14. Коржавин Н.М. В соблазнах кровавой эпохи: воспоминания. В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 290, 303, 274.

15. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 184. Л. 24.

16. Мельник Н.А. Село Александровка: страницы истории. Машинопись, оригинал хранится в Александровской поселенческой библиотеке. С. Александровка Азовского района Ростовской области, 1976. Оцифровано Е. Курочкиным в 2019 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d05287480030d0d86acc108/selo-aleksandrovka-stranicy-istorii-chast-11-voina-5d2988c3f8ea6700ad451823> (дата обращения: 05.02.2019); Курочкин Е. 77-я годовщина. Вечная память убитым в те дни... URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d05287480030d0d86acc108/77ia-godovscina-vechnaia-pamiat-ubitym-v-te-dni--5d80adebc7e50c00ac61baee> (дата обращения: 05.02.2019).

17. Стаценко Т. Забытое преступление // Приазовье. 2019. 28 августа (№ 35). С. 3.

18. Федотова Т.А. Очерки истории Азова. Вып. 4: Азов и Приазовье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Азов, 1995. С. 83.

19. Христинич Э.К., Казикова С.Н. Село у Чумбурки: историко-краеведческий очерк в лицах. Батайск, 2007. С. 30–33.

20. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 33. Л. 22.

21. Федотова Т.А. Очерки истории Азова. Вып. 4: Азов и Приазовье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Азов, 1995. С. 82–83; ЦДНИРО. Ф. Р-280. Оп. 1. Д. 2. Л. 33; Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 33. Л. 77; Там же. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1.

Д.Н. Титаренко

СУДЬБА ИНФЕКЦИОННЫХ И ВЕНЕРИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (на примере Украины)

Темы, связанные с периодом Второй мировой / Великой Отечественной войны, в силу разного рода причин относятся к дискуссионным в постсоветских государствах. Однако одно является бесспорным: доступ историков к новым источникам дает возможность исследовать ранее неразработанные или недостаточно разработанные проблемы. К их числу относятся и аспекты, связанные с нацистской полити-

кой по отношению к различным категориям больных и инвалидов из числа гражданского населения. В течение длительного времени вопросы трагической судьбы, гибели различных категорий больных на оккупированной советской территории находились на периферии исследовательского интереса и в целом общественного дискурса. Немногочисленные научные публикации и художественные произведения, отчасти касавшиеся проблемы, в первую очередь судеб душевнобольных [1], лишь иллюстрировали второстепенность этой категории нацистских жертв. В последние годы в Украине стали заметными определенные сдвиги относительно изучения данной тематики, в частности связанной с уничтожением пациентов психиатрических больниц либо с особенностями расследования данных преступлений [2]. В то же время практически неисследованными остаются вопросы нацистской политики относительно иных категорий больных, в частности людей, болевших инфекционными, в том числе венерическими болезнями. Исходя из этого задача данной публикации заключается в том, чтобы определить общие принципы и особенности нацистской политики по отношению к вышеупомянутым категориям больных, выделить аспекты, требующие дополнительного анализа и изучения.

Инфекционные заболевания, являющиеся неотъемлемым атрибутом любой войны, уже с осени 1941 г. стали серьезной проблемой на оккупированной территории Украины. Их распространению способствовало разрушение системы здравоохранения, дефицит медикаментов, квалифицированных кадров, катастрофическое ухудшение санитарных условий, снижение иммунитета населения на фоне недостаточности питания.

Особенно острой была ситуация с заболеваемостью брюшным и возвратным тифом. Это вызывало озабоченность со стороны немецкого командования, поскольку распространение данных болезней несло прямую угрозу боеспособности вермахта. Каноничными стали примеры, когда местные жители, стремясь избежать расквартирования у себя немецких солдат, скрывая у себя подпольщиков, бежавших военнопленных, евреев, говорили о наличии в доме тифозных больных.

Помимо чисто полицейских мероприятий, направленных на минимизацию угрозы инфицирования солдат вермахта (в частности запрет на совместное посещение немецкими военнослужащими

и местным населением кинотеатров и театров [3]), применялись также и санитарные меры по профилактике тифа [4]. В городах в инфекционных отделениях больниц осуществлялось также лечение больных гражданских лиц.

В то же время имели место случаи убийства тифозных больных, прежде всего из числа заключенных тюрем: 30–40 человек, содержащихся в тюрьме г. Кривой Рог, были расстреляны в конце осени 1942 г. с целью предотвращения «распространения инфекции» (при этом никакого медицинского осмотра заключенных проведено не было) [5]. С этой же целью зимой 1942/1943 г. было убито по крайней мере 6 заключенных Черниговской тюрьмы, заболевших тифом [6], 10–12 тифозных больных были расстреляны в январе 1943 г. в Сталино (ныне Донецк) [7]. Отбор в тюрьмах больных узников в качестве категорий, подлежащих уничтожению, был продиктован среди прочего и чисто утилитарными соображениями – «благовидным» предлогом разгрузить переполненные тюрьмы. В некоторых случаях убивали инфекционных больных и с иными диагнозами – так, в Черниговской тюрьме был расстрелян ребенок, больной дифтерией [8]. Крайне высокой была смертность от тифа среди советских военнопленных, содержащихся в нечеловеческих условиях в лагерях на оккупированной территории. Имели место случаи расстрела больных пленных с целью «предотвратить распространение болезни».

В условиях оккупации значительные масштабы приобрела смертность среди одной из наиболее уязвимых групп населения – младенцев и малолетних детей. Она была вызвана как недостаточным питанием и отсутствием надлежащего медицинского ухода, так и распространением инфекционных болезней. Несмотря на отсутствие обобщающей статистики, даже спорадические факты дают представление о катастрофичности ситуации. Так, в 1942 г. в Харькове из родившихся 2199 детей умерло в возрасте до 1 года 1118, то есть более 50 % [9]. Не лучше была ситуация в детских домах, где высокая скученность детей приводила к стремительному распространению инфекционных болезней и, как следствие, к высокой смертности. Следует констатировать также отсутствие интереса оккупационных властей в продовольственном и медицинском обслуживании малолетних пациентов и воспитанников, поддержании надлежащей санитарной обстановки.

В условиях тесных бытовых контактов между в основном женским населением оккупированных территорий и оккупантами неминуемо вставал вопрос и о сексуальных отношениях. Возможности их проявления, в соответствии с установками гражданских и военных властей, определялись расово-идеологическими моментами, мотивами военно-политической безопасности, соображениями, связанными с риском роста числа изнасилований, распространения венерических болезней и гомосексуализма [10]. Минимизация последнего была связана с созданием сети солдатских и офицерских борделей. Для работы в них привлекали местных жительниц, в ряде случаев насильно (для многих стояла альтернатива – работать в борделе или ехать на принудительную работу в Германию [11]). В то же время масштабность театра боевых действий, затяжной характер войны способствовали формированию межличностных контактов, в том числе и сексуальных, местного населения и военнослужащих вермахта и вне домов терпимости. На ситуацию влиял и голод среди местного населения, особенно в крупных городах, вынуждавший женщин сожительствовать с немцами, заниматься проституцией вне сети организованных борделей [12].

Все эти факторы способствовали распространению венерических заболеваний. Так, согласно отчету команды пропаганды Сталино (“Propaganda-Staffel Stalino”) отдела пропаганды вермахта U (“Propaganda-Abteilung U (Ukraine)”), за июль 1943 г. количество зафиксированных случаев венерических болезней среди личного состава 6-й армии вермахта по сравнению с предыдущим месяцем возросло вдвое (с 750 до 1500 случаев) [13]. Источником инфекции для жителей, а через них и для других солдат вермахта были в большинстве случаев немецкие, а также итальянские солдаты. С последними, как свидетельствуют очевидцы нацистской оккупации, межличностные контакты, в том числе и сексуального характера, устанавливались гораздо проще [14].

Выявление венерически больных женщин проводилось с самого начала в больницах для гражданского населения, где были соответствующие врачи или отделения. В соответствии с распоряжением рейхскомиссара Украины Коха «О борьбе с половыми болезнями среди местного населения» от 25 июля 1942 г. на медицинский персонал возлагалась обязанность незамедлительно информировать соответ-

ствующего гебитскомиссара о каждом случае выявления половой болезни [15]. Подобным образом должны были поступать врачи и в зоне под военным управлением [16]. Согласно распоряжениям органов военной администрации, изданным уже в начале оккупации, по отношению к венерическим больным «необходимо использовать принудительное лечение до полного выздоровления» [17]. Лечение венерических больных предполагалось только лишь в стационарных условиях, частная практика была запрещена.

В официальном публичном пространстве акцентировалось внимание на необходимости лечения заболеваний, передаваемых половым путем. При этом отмечалось, что пациенты с венерическими заболеваниями наряду с больными туберкулезом освобождаются от платы за предоставление медицинской помощи [18] и обеспечиваются всеми необходимыми лекарственными средствами [19] (по признанию самих оккупационных властей, дефицит медикаментов был серьезным препятствием в деле лечения передававшихся половым путем болезней [20]). Акцент на бесплатности медицинского обслуживания инфекционных больных, вероятнее всего, должен был способствовать более легкому выявлению больных. Имели место случаи, когда с просьбой «изолировать» женщин, больных венерическими болезнями и якобы заразивших немецких солдат, обращались к властям сами местные жители, в частности домоуправители [21].

В целях «эффективной и быстрой борьбы с венерическими и иными инфекционными заболеваниями» в ряде городов была создана специальная медицинская полиция [22]. В ее задачи входило установление источников инфекции, выявление венерических больных среди местного населения, направление их на принудительное лечение и, таким образом, предотвращение распространения этих заболеваний [23]. Для этих же целей использовалась местная полиция [24]. Внутренними инструкциями лечебных учреждений предусматривался тщательный учет выявленных венерических больных. В случае, если больной не поступал на стационарное лечение, об этом информировались немецкие комендатуры с указанием адреса больного [25]. В ситуациях, когда вследствие полового контакта имело место заражение немецкого солдата, для задержания больной привлекалась полевая жандармерия [26].

Судьба венерически больных пациентов зачастую складывалась трагично. Так, в июне 1942 г., согласно показаниям главного врача Заводской больницы Мариуполя Ефима Миквича, из нее забрали 10–12 человек с венерическими заболеваниями и расстреляли [27]. Документы свидетельствуют, что выявленные в Сталино венерические больные изолировались под охраной полиции в помещениях, не подходивших для лечения, некоторые из них были расстреляны [28]. Предусматривающим смертную казнь обстоятельством, как в зоне военной администрации, так и на территории рейхскомиссарата Украины, было заражение немецких военнослужащих либо немецких служащих «не немецким лицом» [29]. Подобного рода действия квалифицировались как «подрыв боевого духа» [30]. В частности, в июне 1943 г. в соответствии с приказом гарнизонного коменданта Сталино подполковника Ленца были расстреляны 2 девушки, сбежавшие из больницы. Данная мера обосновывалась тем, что «они занимались далее развратом, несмотря на запрет, при этом заразили военных чинов, и таким образом представляют особую опасность для общественности» [31]. На территории Украины имел место по крайней мере один случай массового расстрела венерически больных женщин: в начале 1943 г. СД расстреляло 50 таких женщин в Мариуполе [32].

В единичных случаях уничтожению подвергались не только венерически больные женщины, но и члены их семей. Например, летом 1942 г. в Полтаве во время массовой казни политзаключенных и уголовных преступников сотрудниками СД была расстреляна женщина с двумя маленькими детьми. Как сообщал свидетель этого преступления, она была венерически больная [33]. Очевидно, имели место и иные прецеденты уничтожения больных с таким диагнозом. Не исключено, что немецкие солдаты устраивали самосуды над женщинами, заразившими их венерическими болезнями.

Изучение данной проблемы с учетом ее неразработанности в советской и постсоветской историографии требует масштабной работы с первоисточниками. В качестве исходного пункта для проведения исследований ценными являются материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, в которых нашли отражение многочисленные факты нацистских злодеяний, в том

числе и по отношению к пациентам больниц. Материалы нацистских спецслужб, органов гражданской и военной администрации в ряде случаев содержат информацию не только об основах политики по отношению к тем или иным категориям больных, но и о конкретных случаях уничтожения пациентов. Важную роль с точки зрения реконструкции обстоятельств убийства различных категорий больных играют материалы послевоенных процессов относительно нацистских преступников в Германии. Значимыми для изучения роли местных коллаборантов, общественной реакции на случаи убийства больных являются уголовные дела на нацистских пособников, к которым исследователи в Украине сейчас имеют широкий доступ.

При изучении данной темы необходимо принимать во внимание как злодеяния, совершенные непосредственно на оккупированной территории, так и случаи уничтожения больных граждан СССР за его пределами. Так, из числа более 5 млн советских граждан, депортированных в Германию на принудительные работы, несколько сотен страдавших психическими заболеваниями, а также инфекционными болезнями, в частности туберкулезом, были уничтожены в немецких больницах в рамках так называемой «дикий эвтаназии» [34].

В целом политика по отношению к больным инфекционными и венерическими болезнями на оккупированной территории зависела от ряда факторов: роли органов местного самоуправления; возможностей системы здравоохранения; периода оккупации и степени распространения болезней; позиции, которую занимали органы немецкой гражданской и военной администрации. Случаи уничтожения на оккупированной территории нацистскими спецслужбами во взаимодействии с вермахтом инфекционных и венерических больных объяснялись не только влиянием нацистской идеологии, дегуманизирующей эти категории. Они рассматривались оккупационными властями и как меры по минимизации угроз для вермахта, предотвращения ущерба боеспособности немецких войск.

Дальнейшая работа по установлению мест и обстоятельств уничтожения больных и инвалидов различных категорий возможна на основе изучения материалов региональных архивов, архивов спецслужб (в частности Службы безопасности Украины), а также немецких и российских архивов. Изучение данного вопроса требует учета таких

аспектов, как стратегии выживания и спасения отдельных представителей подлежащих уничтожению категорий больных; позиция органов местного самоуправления, реакция местного населения на убийства людей данных категорий; сходство и различия политики по отношению к больным в зонах военной и гражданской администраций; сравнительный анализ советских и зарубежных практик преследования нацистских преступников и коллаборантов; механизм юридического взаимодействия советской и немецкой сторон в деле расследования нацистских преступлений, совершенных по отношению к больным и инвалидам; особенности реализации политики памяти по отношению к этим «забытым жертвам войны». Всё это предполагает новые исследовательские усилия как украинских, так и зарубежных историков.

Примечания

1. Федотов Д.Д. О гибели душевнобольных на территории СССР, временно оккупированной фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны // Вопросы социальной и клинической психоневрологии. 1965. Т. 12. С. 443–459; Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1963. С. 303–305; Кузнецов А. Бабий Яр. Роман-документ. М., 1991.

2. Петрюк П.Т., Петрюк А.П. Психиатрия при нацизме: убийства душевнобольных на временно оккупированных территориях СССР // Психічне здоров'я. 2012. № 1. С. 88–92; Грінченко Г.Г., Венгер А.Г. Масове знищення пацієнтів Ігреньської психіатричної лікарні впродовж 1941–43 рр.: цифри, люди, долі // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки». Вип. 23. Харків, 2016. С. 60–69; Tytarenko D. Medizinische Betreuung und nationalsozialistische Krankenmorde in der Ukraine unter der deutschen Okkupation // Diskriminiert-vernichtet-vergessen. Behinderte in den Sowjetunion, unter nationalsozialistischer Besatzung und im Ostblock 1917–1991 / Hrg. von A. Friedman und R. Hudemann. Stuttgart, 2016. S. 355–372; Penfer T. Vergessene Opfer von Mord und Missbrauch: Behindertenmorde unter deutscher Besatzungsherrschaft in der Ukraine (1941–1943) und ihre juristische Aufarbeitung in der Sowjetunion // Journal of Modern European History. 2019. Vol. 17 (3). P. 353–376.

3. Bundesarchiv, Ludwigsburg (далее – BAL). В 162/7174. Bl. 118. Автор выражает искреннюю признательность фонду Александра Гумбольдта за предоставленную возможность в рамках исследовательского проекта провести работу в архивах и библиотеках Германии.

4. Государственный архив Черниговской области. Ф. Р-3031. Оп. 1. Д. 2. Л. 36; Государственный архив Черниговской области (отдел Нежин). Ф. Р-4362. Оп. 2. Д. 44. Л. 64–67, 114; Донецкий вестник (Юзовка). 1942. 16 апреля; Нова Україна (Харків). 1942. 19 червня; Нове життя (Ворошиловград). 1942. 18 вересня.

5. BAL. В 162/7174. Bl. 51–53; В 162/3885. Bl. 145–146.

6. Чернігівщина в роки нацистської окупації: Документи і матеріали. Чернігів, 2013. С. 449, 451.

7. BAL. В 162/4928. Bl. 716.

8. Чернігівщина в роки нацистської окупації ... С. 449.

9. Скоробогатов А.В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943). Харків, 2004. С. 306.

10. Bundesarchiv, Berlin. R 58/225. Bl. 202; Beck B. The Military Trials of Sexual Crimes Committed by Soldiers in the Wehrmacht, 1939–1944 // Home/Front: the military, war, and gender in twentieth-century Germany / Ed. by K. Hagemann and S. Schuler-Springorum, Oxford; New York, 2002. P. 266–267; Müller R.-D. Liebe im Vernichtungskrieg. Geschlechtergeschichtliche Aspekte des Einsatzes deutscher Soldaten im Russlandkrieg 1941–1944 // Politische Gewalt in der Moderne. Herausgegeben von F. Becker, T. Grobölting, A. Owzar, R. Schlögl. Münster, 2003. S. 248.

11. Mühlhäuser R. Eroberungen: Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion 1941–1945. Hamburg, 2010. S. 219–226; Röger M., Debruyne E. From Control to Terror. German Prostitution Policies in Eastern and Western European Territories during both World Wars // Gender & History. Vol. 28. No. 3 November 2016. P. 700; Beck B. The Military Trials of Sexual Crimes Committed by Soldiers in the Wehrmacht, 1939–1944. P. 267; Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 815. Л. 6–7.

12. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф. П-2. Оп. 13. Д. 17. Л. 124; Шевельов Ю. (Юрій Шерех). Я – мене – мені... (і доокруги). Т. 1: В Україні. Харків, 2001. С. 339; Гончар О. Щоденники. Київ, 2002. Т. 1. С. 22.

13. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (далее – ВА-МА). RH 20-6/301. Bl. 120.
14. Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельства очевидцы / авт.-сост. Д.Н. Титаренко, Т. Пентер. Донецк, 2013. С. 257–268.
15. Дніпропетровська газета. 1942. 7 серпня.
16. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. Р-1870. Оп. 1. Д. 1. Л. 151.
17. Жизнь в оккупации. Винницкая область. 1941–1944 гг. М., 2010. С. 165.
18. ГАДО. Ф. Р-1870. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.
19. Донецкий вестник. 1943. 16 мая.
20. ВА-МА. RH 22/206. Bl. 25.
21. ГАХО. Ф. Р-3069. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
22. ВА-МА. RH 23/353. Bl. 53.
23. Не исключено, что, помимо венерически больных, санитарная полиция также выявляла и больных иных категорий. По некоторым данным, в Сталино ею было выявлено около 400 человек. См.: Архив Управления Службы безопасности Украины в Донецкой области (далее – АУСБУ-ДО). Д. 60090 в 8 т. Т. 7. Л. 170.
24. ГАХО. Ф. Р-3069. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
25. ГАДО. Ф. Р-1870. Оп. 1. Д. 1. Л. 151.
26. VAL. V162/7174. Bl. 119; V162/25761. Bl. 48.
27. VAL. V162/4927. Bl. 270.
28. АУСБУ-ДО. Д. 60090 в 8 т. Т. 3. Л. 127.
29. Дніпропетровська газета. 1942. 7 серпня.
30. VAL. V162/4048. Bl. 81.
31. Донецкий вестник. 1943. 27 июня.
32. ВА-МА. RH 22/131. Bl. 35. В 1967 г. органы юстиции Федеративной Республики Германии начали предварительное следствие по данному факту, однако установить виновных в этом преступлении так и не удалось (VAL. V 162/4919. Bl. 179-200; VAL. V 162/4924. Bl. 83–86; VAL, V 162/4925. Bl. 122).
33. VAL. V 162/4048. Bl. 145.
34. VAL. V 162/29807. Bl. 8–16.

И.В. Реброва, А.Э. Фридман

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ БЕЗ ПАМЯТИ И НАКАЗАНИЯ?
УБИЙСТВА ДЕТЕЙ С ФИЗИЧЕСКИМИ И УМСТВЕННЫМИ
ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗВИТИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ РСФСР В 1941–1943 гг.**

Долгое время в исторической науке изучали все группы жертв нацистов на оккупированных советских территориях в общем, используя устоявшийся термин «мирные советские жители» (здесь и далее в тексте использование кавычек демонстрирует советский дискурс памяти о войне, который мы не разделяем, а напротив, подчеркиваем его архаичность и необходимость пересмотра современными русскоязычными исследователями. – *И. Р., А. Ф.*). В память о «мирных жителях», ставших жертвами «фашистов», в городах и селах устанавливали памятные знаки: этот культ стал неотъемлемой частью сформировавшейся к середине 1970-х гг. официальной советской модели памяти о Великой Отечественной войне. Наряду с чествованием героев и победителей войны – воинов Красной армии, партизан и подпольщиков – «мирных граждан» также вспоминали в дни празднования очередной годовщины Дня Победы, они становились героями художественных произведений. Эта память хоть и присутствовала в контексте представлений о Победе в СССР и затем на постсоветском пространстве, прежде всего в России, но была обезличенной, не вскрывала причины, по которым те или иные группы советских граждан становились жертвами нацистской оккупационной политики. По примеру «Неизвестного солдата», павшего в боях за светлое будущее своей страны, «мирные советские граждане» становились символом жестокости нацистов по отношению к ни в чем неповинным «женщинам, старикам и детям».

Тенденция изучать отдельные группы жертв нацистов впервые наметилась во время перестройки и была связана прежде всего с формированием памяти о жертвах Холокоста [1]. Остальные группы жертв нацистов продолжали скрываться за обобщающим понятием «мирные советские граждане». Лишь недавно российские исследователи стали рассматривать ромское население, пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов, проживавших в специальных детских домах, пожилых людей из домов престарелых,

свидетелей Иеговы как отдельные группы жертв нацизма [2]. Такое точечное внимание к различным группам жертв позволяет не только по возможности восстановить имена жертв, проследить их судьбы (хотя на территории России это сделать практически невозможно из-за отсутствия фотографий жертв, их медицинских личных дел и информации о довоенной жизни), но также разобраться в причинах нацистской политики «расовой гигиены» (здесь использование кавычек показывает, что этот термин использовался нацистской пропагандой, которую мы, разумеется, не разделяем. – И. Р., А. Ф.) [3]. Данная статья представляет собой общий обзор выявленных нами случаев массовых убийств детей с особенностями физического и психического здоровья, которые были воспитанниками специальных (оздоровительно-лечебных) санаториев и детских домов. Мы допускаем, что изученные нами случаи не являются полным перечнем всех нацистских преступлений против этой категории граждан на оккупированных территориях РСФСР. Однако их наличие позволяет нам, во-первых, пролить свет на общий сценарий убийства детей с особенностями здоровья и, во-вторых, проанализировать причины конкретных преступлений нацистов и возможное соучастие в них местных коллаборационистов.

Третья речка Кочеты. Детская краевая психиатрическая больница располагалась на хуторе Третья речка Кочеты (в настоящее время – село Суворовское) Усть-Лабинского района Краснодарского края. С 8 августа 1942 г. по 5 февраля 1943 г. район был оккупирован немцами. В августе 1942 г. в медицинском учреждении проходили лечение около 40 детей с диагнозом «эпилепсия». В корпусах больницы также были размещены около 100 здоровых детей, эвакуированных из детского дома станицы Тенгинской Усть-Лабинского района.

В сентябре 1942 г. к третьему корпусу, где находились проходившие лечение дети, подъехали две автомашины (легковая и грузовая – «душегубка») с вооруженными немцами. По их приказу в «душегубку» были помещены 42 ребенка в возрасте от 5 до 17 лет. Согласно акту Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР

(ЧГК), «дети, садясь в машину, проклинали фашистов, говоря: “Будьте вы прокляты, изверги! Мы умрем за нашу Родину, умрем за нашего родного Сталина. Прощайте, товарищи!” Дети плакали, просясь оставить их, но фашисты, как звери, толкали их в машину. Отъехав от здания больницы, машина остановилась, был включен ток (скорее всего, подан газ в кабину. – *И. Р., А. Ф.*), и дети были убиты в машине» [4]. Детей отвезли за хутор Чернышевка (в 1923–1974 гг. хутор назывался Красноматвеевский, в настоящее время территория села Суворовское), располагавшийся в 5 км от больницы, «выкинули в заранее подготовленную яму и слегка засыпали землей». Затем на место казни пригнали местных колхозников и заставили их зарыть могилу [5]. Точное место захоронения детей неизвестно до сих пор. Имена детей из акта ЧГК в 2017 г. были увековечены на одной из плит мемориального комплекса «Землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны» на центральной площади села Суворовское.

Новочеркасск. В 1941 г. в Интернат увечного ребенка, располагавшийся в городе Новочеркасске Ростовской области, были эвакуированы дети с особенностями физического здоровья из города Черкассы Киевской области. Новочеркасск находился в оккупации с 25 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г. По данным ЧГК, 17 октября 1942 г. немцы убили 8 детей в возрасте 6–12 лет. «Одна машина с открытыми задними дверцами кузова стояла близко от парадных дверей, и рядом с ней стояли два эсэсовца (имеются в виду члены Зондеркоманды 10а Айнзацгруппы Д. – *И. Р., А. Ф.*), а из здания еще двое эсэсовцев через коридор выбрасывали тем двоим детей вместе с колясками. Они подхватывали коляску вместе с ребенком и забрасывали в кузов. Внутри кузова стоял еще один немец, видимо, уплотнял эти тележки. Так они набросали полный кузов. Немец спрыгнул, дверцы захлопнули. Машина отъехала, а на ее место встала вторая. В нее также стали забрасывать коляски с детьми. Женщины-сотрудницы детдома и дети громко плакали» [6]. Точное количество детей с особенностями физического здоровья, способ их уничтожения, а также место их первичного захоронения до сих пор не установлены. В 2019 г. сотрудница Новочеркасской городской библиотеки им. Пушкина И.И. Кондратюк обнаружила на городском кладбище памятник с именами восьмерых детей. Их фамилии совпадают с теми, которые значатся в акте ЧГК

[7], однако не совсем ясно, является ли это место первоначальным захоронением или уже послевоенным перезахоронением.

Шумячи. В начале августа 1941 г. войска Германского рейха заняли поселок Шумячи в Смоленской области, в котором накануне войны проживало около 3500 человек. Конторский служащий Д. Яковлев, 1874 г.р., работавший во время оккупации на местной машинно-тракторной станции, стал 18 ноября 1941 г. невольным очевидцем преступления нацистов: на его глазах из детского дома были вывезены 17 так называемых «дефектных детей», которых позднее расстреляли возле кирпичного завода [8]. Ответственность за это преступление лежит на пятом отряде Айнзацкоманды 8 Айнзацгруппы Б. Айнзацгруппа Б, в которой насчитывалось более 650 человек, действовала в начальный период войны на территории Белорусской ССР, а затем переместилась в западные районы РСФСР, уничтожая на своем пути прежде всего евреев, а также коммунистов, людей с особенностями психического здоровья, ромов и прочих «врагов Германского рейха» [9]. В оперативной сводке № 148 от 19 декабря 1941 г. руководство данной Айнзацгруппы сообщало в Берлин о «специальных акциях», имевших место в Шумячах и в близлежащем Рославле в ноябре 1941 г. и унесших жизни 510 евреев, а также «умственно отсталых детей». «В Шумячах были расстреляны 16 душевнобольных русских и еврейских детей, проживавших в детском доме, который советские власти покинули в совершенно запущенном состоянии. На протяжении недель дети часто лежали в своих собственных экскрементах и имели сплошь тяжелые экземы на теле. Привлеченный немецкий старший штабной врач из лазарета в Шумячах объявил детский дом и его обитателей первостепенным очагом эпидемии и предложил расстрелять детей» [10].

Состоявшееся в начале 1960-х гг. в Бонне судебное разбирательство над бывшим командиром пятого отряда, а в конце 1950-х гг. шефом уголовной полиции в районе Зиг (Siegbreis) в ФРГ В. Дёрингом (W. Döring), показало, что в Шумячах, как и в других местах СССР, представители «высшей арийской расы», уничтожая местное мирное население, стремились переложить «грязную работу» на еврейских и славянских «унтерменшей». Желая избежать физического контакта с жертвами (прежде всего, видимо, из-за опасности заразиться), пя-

тый отряд принудил пожилую женщину, которая заботилась о детях во время оккупации, и проживавшего в детском доме 14-летнего подростка, слонявшегося по поселку в поисках пропитания для детей, погрузить детей в грузовую машину. Расстрел осуществили члены отряда, причем первым от рук карателей пал упомянутый подросток [11].

Курорт Теберда. Целебные свойства долины Теберда, расположенной в границах современной Карачаево-Черкесской Республики (в период немецкой оккупации относилась к Микояновскому району Карачаевской автономной области Орджоникидзевского края), использовались для лечения больных туберкулезом еще с конца XIX в. В 1930-х гг. на территории курорта Теберда были построены несколько санаториев, в том числе здравницы «Горное ущелье», «Джамагат», «Теберда», «Клухори» [12]. В начале войны сюда были эвакуированы санатории из Крыма (в том числе «Пролетарий», «Красный партизан», «Пионер», им. Крупской – из г. Евпатория; «XIII лет РККА» – из г. Ялта) с детьми, больными костным туберкулезом, обслуживающим персоналом и имуществом. Курорт Теберда находился в оккупации с 14 августа 1942 г. по 13 января 1943 г. От голода и истощения за это время умерли около 500 больных детей. «22 декабря 1942 года по приказу начальника гестапо г. Микоян-Шахар (с 1957 г. Карачаевск. – И. Р., А. Ф.) обер-лейтенанта Айнзацкоманды 12 Айнзацгруппы Д Отто Вебера (имеется в виду оберштурмфюрер СС Герберт Вебер – Herbert Weber. – И. Р., А. Ф.) к подъезду санатория 1-го объединения («Пролетарий» и «им. Крупской») подъехала немецкая автомашина, имеющая высокий закрытый металлический кузов с герметически закрывающейся входной дверью» [13]. Немцы, угрожая расстрелом, приказали сотрудникам санатория «укладывать в автомобиль прикованных к постели костнотуберкулезных детей в возрасте от 3 лет». Это были дети – пациенты еврейской национальности. Когда 54 ребенка, «как поленья дров, были уложены штабелями в несколько ярусов, немцы захлопнули дверь автомашины, впустили внутрь кузова заранее заготовленный выхлопной газ и выехали со двора. Через час эта машина вернулась в поселок пустой. Все эти дети были умерщвлены немцами и сброшены в районе курорта Теберда, в Тебердинское ущелье близ Гуначгира (видимо, имеется в виду ущелье близ р. Гоначхир, расположенное в 15 км южнее от курорта Теберда. – И. Р., А. Ф.)» [14]. До сих

пор имена детей, которые зафиксированы в акте ЧГК, никак не обозначены в современной мемориальной культуре, как и не установлено точное место гибели детей.

Ейск. Школа-интернат для глубоко умственно отсталых детей была открыта в г. Ейске в 1934 г. В 1939 г. здесь также разместили группу детей-инвалидов с «нормальным интеллектом». В годы войны учреждение получило название Ейский детский дом Краснодарского краевого отдела социального обеспечения (Крайсо). Ейский район Краснодарского края находился в оккупации с 9 августа 1942 г. по 5 февраля 1943 г. На момент оккупации города в Ейском детском доме проходили лечение и воспитывались около 40 лежачих детей с особенностями умственного здоровья тяжелой формы (проживали в одноэтажном корпусе на углу ул. Буденного и Сталина, в настоящее время угол ул. Плеханова и Коммунистическая); до 120 детей с особенностями умственного здоровья, подлежащих обучению (они проживали в двух корпусах по ул. Баррикадная); около 100 воспитанников с физическими особенностями здоровья, эвакуированных в 1941 г. из Симферопольского детского дома (они проживали в корпусе на углу ул. Гоголя и Щербиновская, в настоящее время ул. Б. Хмельницкого). Таким образом, в Ейском детском доме Крайсо к октябрю 1942 г. находились на воспитании и лечении около 260 детей в возрасте от 3 до 17 лет.

9 октября 1942 г. к корпусу детского дома по ул. Щербиновская, 56 подъехали две легковые и две грузовые крытые автомашины, в которых находились члены Зондеркоманды 10а Айнзацгруппы Д. Немцы осмотрели детей, затем отдали команду отстранить обслуживающий персонал и посадить воспитанников учреждения в грузовые машины. Так около 140 детей были увезены в «душегубках» за город. На следующий день, 10 октября, вновь прибыла «душегубка», куда были погружены дети с особенностями умственного здоровья и многие из тех, что успели спрятаться накануне. Машина уехала в сторону садов за город. Всего нацисты вывезли и уничтожили 214 воспитанников Ейского детского дома [15]. Около 25 детей ушли на территорию подсобного хозяйства детского дома, где в это время жили и работали несколько старших воспитанников. Всего остались в живых 46 детей.

После освобождения Ейского района от немецкой оккупации сотрудники ЧГК произвели раскопки ямы с останками детей. В акте судебно-медицинского осмотра трупов от 15 апреля 1943 г. зафиксировано: «отсутствие ран в мягких тканях, инородных тел, переломов костей и каких-либо явных следов насилия, а также на основании свидетельских показаний о том, что дети были увезены в герметически закрытых машинах, при большой скорости, мы можем предположить, что смерть у детей наступила вследствие асфиксии (удушение). Ввиду отсутствия данных вскрытия и лабораторного исследования дать заключение о механизме удушения не представляется возможным» [16]. Более 40 трупов поместили в гробы и захоронили в братской могиле в городском саду им. Пушкина летом 1943 г. [17]. В 1963 г. останки детей из центра города были перенесены на городское кладбище [18]. Первоначальное место массового захоронения детей в настоящее время утеряно.

Описанные выше акции уничтожения наглядно демонстрируют необходимость изучения нацистских преступлений в отношении детей с физическими и умственными особенностями здоровья на основе анализа (по возможности – сравнительного) советских и немецких источников, а также в широком историческом контексте.

Причины убийства нацистами данной категории несовершеннолетних граждан носят комплексный характер. Наряду с идеологическими факторами не стоит пренебрегать экономическими и санитарно-гигиеническими мотивами совершения преступлений. Национал-социалистическая «расовая гигиена» и «эвтаназия» сделала детей с особенностями здоровья объектом политики уничтожения и заложила идеологическую основу преступлений. В Теберде были по расовому признаку отобраны и ликвидированы в первую очередь дети-евреи. Шансы выжить у детей других национальностей были несколько выше, так как их ликвидация не являлась приоритетным направлением нацистской политики уничтожения на оккупированных советских территориях. В то же время оккупационные власти рассматривали таких детей как «расово неполноценных», «бесполезных едоков», «балласт», «источник эпидемий» или «нежелательных обитателей» специальных учреждений. «Специальная обработка» детей была фактически узаконена нацистской «расовой гигиеной»

и представлялась нацистам особенно необходимой в случае острой нехватки ресурсов или же в случае сложной санитарно-гигиенической ситуации. Если в Шумячах во главе угла стояла именно «опасность эпидемии», то в Ейске детей уничтожили исключительно по «расово-гигиеническим» причинам.

Местные коллаборационисты в большинстве выявленных случаев активного участия в описанных акциях не принимали. Тем не менее многие медицинские сестры, врачи и воспитатели привлекались советскими следственными органами для дачи показаний или в качестве подозреваемых в помощи нацистам. Например, было возбуждено уголовное дело в отношении врача Аникеева (он осуществлял помощь немцам при выявлении детей в Ейском детском доме). Он был арестован «на том основании, что незадолго до посещения гестапо он в разговоре с сотрудниками детдома высказывал мнение, что часть детей надо уничтожить как бесполезных для общества, и намеревался по этому поводу говорить с кем следует» [19]. Отдельные нацистские преступники предстали после войны перед судом в ФРГ и были приговорены к незначительным тюремным срокам. Так, «за помощь в убийстве» 683 человек боннский суд приговорил руководителя пятого отряда Дёринга к четырем годам тюрьмы, а в июне того же года он и вовсе был условно-досрочно освобожден [20].

В СССР теме уничтожения детей с физическими и умственными особенностями здоровья серьезного внимания не уделялось, и в советской культуре памяти о войне ей была отведена маргинальная роль. Данный факт связан не в последнюю очередь с «неприятными» для советской стороны аспектами нацистских преступлений: если детей с физическими особенностями здоровья (как в случае с санаториями в Крыму для детей, больных костным туберкулезом) советские власти пытались эвакуировать в тыл еще во второй половине 1941 г., то детей с умственными особенностями здоровья, как правило, оставляли на оккупированных территориях, и к тому же (как в Шумячах) в катастрофических условиях. Стремясь облегчить свою задачу, нацисты использовали местный медицинский персонал для погрузки детей, а местных жителей – для уничтожения следов своих преступлений, делая их тем самым невольной частью преступного механизма. При-

мечательно, что тема преступлений в отношении советских детей (их физические и умственные особенности здоровья не упоминались в принципе) использовалась в пропагандистском противостоянии в эпоху холодной войны, чтобы подчеркнуть жестокость «фашистских варваров» и снисходительное отношение западногерманской фемиды к нацистским преступникам.

Примечания

1. Gitelman Zvi. Politics and the Historiography of the Holocaust in the Soviet Union // *Bitter Legacy. Confronting the Holocaust in the Soviet Union*, ed. Zvi Gitelman. Bloomington and Indianapolis, 1997. P. 14–42.

2. Holler M. Der nationalsozialistische Völkermord an den Roma in der besetzten Sowjetunion (1941–1944) Gutachten für das Dokumentations- und Kulturzentrum Deutscher Sinti und Roma. Heidelberg, 2009; Ковалев Б.Н. Палачи и жертвы Колмовской больницы // *Петербургский исторический журнал*. 2016. № 3. С. 249–260; Документы об уничтожении нацистскими оккупантами психически больных в Ростовской области (подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии – Е.Ф. Кринко) // *Войны и вооруженные конфликты на Юге России в социально-демографической и историко-антропологической ретроспективе. Материалы круглого стола (г. Ростов-на-Дону, 26 сентября 2017 г.) / отв. ред. Е.Ф. Кринко*. Ростов н/Д., 2017. С. 235–264; «Помни о нас...»: каталог выставки, посвященной памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов и врачей-евреев, убитых в период нацистской оккупации Северного Кавказа / под ред. И.В. Ребровой. Краснодар, 2019.

3. Klee E. “Euthanasie” im Dritten Reich. Die “Vernichtung lebensunwerten Lebens”. Frankfurt am Main, 2010; Mielke F., Mitscherlich A. *Medizin ohne Menschlichkeit. Dokumente des Nürnberger Ärzteprozesses*. Frankfurt am Main, 2004; *Diskriminiert – vernichtet – vergessen. Behinderte und Kranke in der Sowjetunion, in den besetzten sowjetischen Gebieten und im Ostblock*, hg. von A. Friedman und R. Hudemann. Stuttgart, 2016.

4. Архивный отдел администрации МО Усть-Лабинский район. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

5. Государственный архив г. Мюнхен (StA München). Staatsanwaltschaft. 35308/32. 1. Bl.

6. Марченко Ю.В. Мои воспоминания детских лет периода оккупации г. Новочеркасск (июнь 1942 г. – февраль 1943 г). Новочеркасск, 2015. С. 12.

7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 2. Л. 6.

8. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 635. Л. 29–31.

9. Gerlach C. Die Einsatzgruppe B // Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD, hg. von Peter Klein. Berlin, 1997. S. 52–70.

10. Ereignismeldung Nr. 148 v. 19.12.1941 // Die “Ereignismeldungen UdSSR” 1941. Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion. Für Konrad Kwiet zum 70. Geburtstag, hg. von Klaus-Michael Mallmann, Andrej Angrick, Jürgen Matthäus und Martin Cüppers. Darmstadt, 2011. S. 887–891.

11. Der Leitende Oberstaatsanwalt bei dem Landgericht Bonn, Anklageschrift in der Strafsache gegen den Kriminalkommissar Wilhelm Döring v. 30.4.1962. Bundesarchiv Ludwigsburg B 162/19275. Л 80-85; Urteil des Schwurgerichts bei dem Landgericht in Bonn v. 19.2.1964 in der Strafsache gegen den Kriminaloberkommissar Wilhelm Döring, geboren am 21. Juli 1917 in Hindenburg/Oberschlesien, wohnhaft in Siegburg-Mülldorf, wegen Beihilfe zum Mord (8 Ks 2/62) // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966, hg. von I. Sagel-Grande, H.H. Fuchs u. C.F. Rüter, Bd. XIX, Amsterdam, 1978. S. 713, 717.

12. Адамян Г.А. Курорт Теберда. Ставрополь, 1971. С. 41–49.

13. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 7. Л. 13.

14. Там же. Л. 15.

15. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 3. Л. 19.

16. Там же. Л. 24.

17. Митинг гнева // Красный черноморец. 1943. 3 июля. Цит. по: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 3. Л. 13.

18. Ейский историко-краеведческий музей им. В.В. Самсонова. Переписка по памятникам, бюстам, мемориальным доскам города Ейск и Ейского района с октября 1964 по декабрь 1965 года. Л. 42.

19. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

20. Langbein H. Im Namen des deutschen Volkes. Zwischenbilanz der Prozesse wegen national-sozialistischer Verbrechen. Köln, 1963. S. 162–163.

А.В. Шадрин

**ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ
В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 гг.
И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИКЕ ОККУПАЦИОННОГО ПЕРИОДА**

История Великой Отечественной войны на протяжении уже более 70 лет привлекает внимание исследователей. Особенно эта тема актуализировалась в последнее время, что обусловлено многими причинами: введением в научный оборот значительного массива источников, обращением к изучению новых тем военной проблематики, в том числе ранее не рассматривавшихся по идеологическим соображениям, юбилейными торжествами, а также в связи с политической конъюнктурой.

Одной из малоизученных проблем истории Великой Отечественной войны является религиозная жизнь жителей СССР, которая после 1929 г. была искусственно введена в состояние анабиоза и активизировалась после начала войны. В связи с этим представляется актуальным обращение к выявлению особенностей религиозной жизни в период оккупации в таком непростом регионе, как Ростовская область, и ее отражению в оккупационных периодических изданиях.

Историография проблемы религиозной жизни в СССР в годы Великой Отечественной войны обширна [1]. Однако региональная проблематика, в данном случае посвященная Ростовской области, представлена незначительным числом работ [2].

Источниковой базой настоящей работы являются газеты, издававшиеся оккупационными властями в 1942 и 1943 гг., – «Голос Ростова» (Ростов-на-Дону) и «Новое слово» (Таганрог). В отличие от доступных сегодня источников, этот ресурс характеризуется обилием сведений, которые не были отражены ни в одном из известных сегодня архивных документов, как оккупационного, так и военного и послевоенного периодов, поскольку религиозная жизнь, даже несмотря на изменение политики Советского государства в отно-

шении религиозных организаций в сторону смягчения, оставалась за пределами дозволенного.

Как ранее отмечалось в многочисленных исследованиях, после начала Великой Отечественной войны и открытого обращения в первый день войны с посланием к клиру и верующим митрополита Сергия (Страгородского) [3] на территории СССР началось стихийное возрождение религиозной жизни. Без санкций органов власти всех уровней открывались, в большинстве случаев по постановлению местных жителей, ранее закрытые церкви, в том числе здания которых были переданы советским организациям и переоборудованы. Священники, перешедшие на работу в государственные учреждения, либо проживавшие на иждивении своих детей [4], вернулись к исполнению священнослужительских обязанностей. Пользуясь возобновлением богослужebной жизни, граждане СССР начали массово обращаться в храмы за совершением ранее запрещенных советской властью таинств: крещения детей, венчания браков, отпевания. Этот процесс затронул и Ростовскую область. Однако пик открытого проявления религиозности пришелся здесь на период оккупации.

До начала Великой Отечественной войны на территории Ростовской области в соответствии с советским законодательством прекратили свою деятельность все религиозные организации, которых было значительное количество, учитывая, что Юг России традиционно являлся полиэтническим и поликонфессиональным регионом. Несмотря на поликонфессиональность, главную роль здесь играли Русская православная церковь и Армянская апостольская церковь, центром которой на Юге России был город Нахичевань-на-Дону. После прекращения деятельности епархиальных структур этих конфессий к 1941 г., по официальным отчетам, здесь оставался действующим один православный храм [5].

До начала оккупации в Ростовской области не было признаков возрождения религиозной жизни. С начала Великой Отечественной войны до октября 1941 г. по инициативе местных жителей здесь было открыто всего 3 церкви. Период оккупации, начавшейся с 8 октября 1941 г. и длившейся до 30 августа 1943 г., увенчался стихийным открытием 240 храмов [6], в которых были возобновлены богослужения,

что свидетельствовало об оживлении церковной жизни. Ее центрами стали Ростов-на-Дону и Таганрог.

Как и в других оккупированных регионах, в Ростовской области нацисты поощряли открытие храмов всех исповеданий [7]. Они даже оказывали незначительную помощь при освобождении заброшенных храмов от мусора [8]. При этом оккупационные власти преследовали исключительно пропагандистские цели, направленные на демонстрацию «антинародной» политики советской власти, в отличие от оккупационного режима. В качестве идеологического воздействия нацисты инициировали организацию епархиальных управлений, которые выполняли в том числе и пропагандистские функции. После оккупации Ростова-на-Дону 24 июля 1942 г. уже в августе в Ростовской области были образованы три епархиальных управления Русской православной церкви: в Ростове-на-Дону, Новочеркаске и Таганроге [9]. В сентябре 1942 г. по приказу оккупационных властей для руководства церквями территорий Кавказа, Кубани и Дона при открытом 22 августа 1942 г. соборе Рождества Пресвятой Богородицы Ростова-на-Дону [10] было организовано епархиальное управление, которое получило название Управление благочинного при кафедральном соборе [11]. В Новочеркаске руководство епархиальной жизнью взял на себя Новочеркасский благочиннический совет во главе с протоиереем Митрофаном Долговским. В Таганроге церковную жизнь возглавил епископ Иосиф (Чернов), проживавший там с августа 1942 г. по февраль 1943 г. [12]. Епархиальные управления, часто с санкции оккупационных властей, приглашали к служению священников, в 1930-е гг. перешедших на работу в государственные учреждения.

Менее чем через месяц после оккупации Ростова-на-Дону, с 9 августа 1942 г., здесь начала публиковаться оккупационная газета органа управления бургомистра «Голос Ростова», которая выполняла функции площадки для идеологического воздействия на население. Особенностью этого издания стало пристальное внимание к религиозной жизни. Примечательно, что даже материалы, демонстративно заявлявшие о бесчисленных преступлениях коммунистов и представителей советской власти [13], изобиловали вербальной христианской символикой [14]. При этом анализ текстов о событиях, связанных с религиозной жизнью населения, свидетельствует о том, что авто-

ры этих статей были весьма далеки от церковной среды (верующих и священнослужителей). В их статьях содержится значительное число некорректных выражений, демонстрирующих невежество в церковных вопросах.

В газетах «Голос Ростова» и «Новое слово» большое внимание уделялось сообщениям об открытии церквей. Так, 23 августа 1942 г. в газете «Голос Ростова» сообщалось о начале совершения богослужений в Никольской церкви под колокольной кафедрального собора Рождества Богородицы Ростова-на-Дону [15]. К 26 сентября 1942 г. были возобновлены богослужения в Сретенской церкви станицы Александровской [16] (ныне район Ростова-на-Дону). Как сообщалось в газете «Новое слово», 28 августа 1942 г. были освящены Никольская и кладбищенская церкви Таганрога. Это сообщение стало образцом отсутствия владения автором церковной терминологией. Так, Никольскую церковь, никогда не обладавшую статусом собора Русской православной церкви, он назвал «Никольским кафедральным собором», епископ Иосиф (Чернов) был назван в публикации «первосвященным» [17]. 17 октября 1942 г. в Ростове-на-Дону состоялось торжество освящения греческой церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы [18]. В воскресенье 27 декабря 1942 г. в присутствии представителей румынского командования и духовенства был торжественно открыт Армянский кафедральный собор [19]. Еще в августе 1942 г. в «Голосе Ростова» была опубликована статья о судьбе армянских храмов Ростовской области. Немалое внимание в «Голосе Ростова» уделялось объявлениям о действующих храмах и времени совершения там богослужений [20].

Особую группу составляли статьи с описанием освящения открытых во время оккупации церквей. Авторы таких материалов акцентировали внимание читателей на большом количестве присутствовавших при освящении ростовчан и представителей духовенства, принимавших в нем участие. Уделялось внимание даже культурной составляющей: в статье, посвященной освящению Благовещенской греческой церкви, автор свидетельствовал о пении за богослужением хора, поспешно созданного известным ростовским регентом М.Ю. Скрипниковым [21]. Такие приемы были призваны создать впечатление активно возрождавшейся религиозной жизни в южном городе.

Кроме статей, связанных с открытием церквей, в оккупационной периодике присутствовали и коллаборационистские выступления, как ростовского духовенства, так и епископата. Большой резонанс вызвала статья, описывающая совершение настоятелем кафедрального собора Рождества Богородицы Ростова-на-Дону протоиереем Вячеславом Сериковым молебна на площади перед Государственным банком на месте разрушенного в 1930-х гг. собора во имя Святого благоверного князя Александра Невского. Как сообщалось в газете, священник «возносил горячие молитвы за замученных большевиками священнослужителей». В качестве резюме статьи была опубликована фраза: «Хочется подойти к германским солдатам и искренне, от всей души, поблагодарить благородных воинов за спасение от большевистского проклятья» [22]. На Рождество Христово 1943 г. в газете «Голос Ростова» было опубликовано коллаборационистское слово ростовского архиепископа Николая (Амассийского), в котором епископ, помимо обращения к религиозной тематике, дал оценку оккупации: «на русской земле плевелы [безбожия] с корнем вырываются и сжигаются руками лучших цивилизованных наций Европы, руководимых великим вождем германского народа» [23]. Коллаборационистские выступления и сотрудничество с оккупационными властями как епископа, так и протоиерея В. Серикова были наказаны после завершения оккупации Ростова-на-Дону. 20 марта 1943 г. особым посланием патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) архиепископ Николай и протоиерей В. Сериков были осуждены за связь с гитлеровцами [24]. В отличие от эмигрировавшего в Румынию архиепископа Николая, протоиерей В. Сериков был осужден НКВД «за измену Родине и проведение антисоветской агитации» и закончил свои дни в исправительно-трудовых лагерях [25].

Как видно, особенностью религиозной жизни в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны было ее достаточно позднее оживление. Только в период оккупации стали массово открываться церкви, а деятельность епархиальных управлений была возобновлена по инициативе нацистских властей.

Периодические издания, публиковавшиеся в Ростове-на-Дону и Таганроге в 1942–1943 гг., были направлены на идеологическое воз-

действие на жителей оккупированной территории. В качестве метода, на который нацистами были сделаны ставки, использовалось обращение к религиозной тематике, запрещенной в СССР. Частое освещение открытия церквей, акцентирование внимания на большом количестве присутствовавших при освящении людей, а также публикуемые обращения архиереев, носивших коллаборационистский характер, были призваны создать видимость процветающей церковной жизни и признание оккупационного режима.

Примечания

1. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009; Шкаровский М.В. Русская церковь и Третий рейх. М., 2010; Ковалев Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011; Одинцов М.И., Кочетова А.С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014; Кринко Е.Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 1(13). С. 98–112 и др.

2. Табунщикова Л.В. Особенности церковной жизни на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2 ч. Тамбов. 2015. № 10 (60). Ч. 1. С. 175–178; Она же. Церковная жизнь на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне: мат-лы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2015. С. 369–375; Она же. Церковная жизнь г. Ростова-на-Дону в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы социальной истории. Вып. 17. Новочеркасск, 2016. С. 81–86.

3. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 3–5.

4. Шадрина А.В. Стратегии выживания православного духовенства Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 1. С. 81.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.
6. Табунщикова Л.В. Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. I. С. 174.
7. Голос Ростова. 1942. № 16. С. 2.
8. Освящение храма // Голос Ростова. 1942. № 32. С. 1.
9. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 65. Л. 37–37об.
10. Объявления // Голос Ростова. 1942. № 6. С. 1.
11. Церкви Ростова // Голос Ростова. 1942. № 16. С. 2.
12. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 65. Л. 37–37об.; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – Архив УФСБ РФ по РО). Д. П-49273. Т. 1. Л. 24.
13. К новой жизни // Голос Ростова. 1942. № 1. С. 1.
14. Верующий. Восстановление церквей // Голос Ростова. 1942. № 9. С. 2; А.И. С нами Бог! // Голос Ростова. 1942. № 10. С. 2.
15. Объявления // Голос Ростова. 1942. № 6. С. 1.
16. Возрождение храма // Голос Ростова. 1942. № 21. С. 1.
17. Освящение храмов в Таганроге // Новое слово. 1942. № 73. С. 2.
18. Освящение храма // Голос Ростова. 1942. № 32. С. 1.
19. Открытие Армянского кафедрального собора // Голос Ростова. 1943. № 3. С. 1; Литургия в Армянском соборе // Голос Ростова. 1942. № 37. С. 1.
20. Объявления // Голос Ростова. 1942. № 6. С. 1; Церкви Ростова // Голос Ростова. 1942. № 16. С. 2.
21. Освящение храма // Голос Ростова. 1942. № 32. С. 1.
22. Ш.Н. Вечная память убиенным за веру Христову // Голос Ростова. 1942. № 8. С. 1.

23. Архипастырское послание ко всем пастырям и верующим православной Христовой церкви Ростовской епархии // *Голос Ростова*. 1943. № 2(61). С. 1.

24. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. С. 43–45.

25. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-54273.

В.А. Иванов

**ПАРТИЗАНСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ ИМЕНИ ЧАПАЕВА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В 1943–1944 гг.:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИЯ
В АНТИНАЦИСТСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ**

Вопрос об антинацистском движении Сопrotивления в годы Великой Отечественной войны на территории захваченного гитлеровцами Крыма – довольно обширная и дискуссионная научная проблема. Несмотря на то обстоятельство, что с 1944 г. и по сегодняшний день написано довольно интересных и детализированных исследований, многие аспекты, связанные с организацией, формированием и участием в борьбе против немецко-румынских оккупантов в Крыму, остаются малоизученными. Этот вопрос становится особенно актуальным в связи с 75-летним юбилеем Великой Победы и касается, в частности, действий партизан и подпольщиков в Степном Крыму. Значительные сложности создает дефицит архивных источников. Многие эксклюзивные документы из фондов Государственного архива Республики Крым (ГАРК) в настоящее время недоступны для исследователей [1], хотя они были рассекречены еще в начале 1990-х гг., когда Крым входил в состав независимой Украины. Эти ограничения затрудняют глубокое и всестороннее изучение подвига героев Крымского полуострова в борьбе против нацистской Германии и ее союзников.

Разумеется, природно-климатические условия степной зоны Крыма не подходили для масштабных партизанских действий в тылу вражеских войск, в отличие от юго-восточной части полуострова. Тем не менее, здесь достаточно активно боролись против гитлеровцев подпольщики, а с ноября 1943 г. – и партизаны. Если в отношении

антинацистского подполья вопросов не возникает, то в отношении партизанского движения мы всё же достаточно условно можем назвать его участниками в Северо-Западном Крыму всех тех, кто активно занимался пропагандистско-агитационной работой, сбором оружия и боеприпасов, организовывал диверсии и акции саботажа, передавал секретные зашифрованные сведения в распоряжение оперативной группы в специально созданном партизанском соединении имени Чапаева и в его отрядах в составе Украинского штаба партизанского движения при военном совете 51-й армии 4-го Украинского фронта. Оперативная группа, в которую в основном входили диверсионно-разведывательные подразделения, подчинялась майору Ш.Б. Чернянскому [2]. Под его руководством вербовались гражданские лица из жителей нынешних Херсонской и Запорожской областей и по отдельности забрасывалась через линию фронта с бывшей пристани Чурюм в Херсонской области в район с. Сары-Булат (ныне с. Портовое) Ак-Шейхского (ныне Раздольненского. – В. И.) района Крымской АССР (ныне Республики Крым) [3]. Задача членов этих групп заключалась в сборе разведывательных данных, агитационно-пропагандистской и диверсионной работе [4]. Участник подпольной организации Ак-Шейхского района Г.И. Стальбовский вспоминал о деятельности группы и опасных рейдах через Каркинитский залив: «Дубков Л.П. в с. Орловке организовал и возглавил подпольную группу, куда вошли Михайлин Петр, Черемисин Борис, Мазуренко Леонид и др. Дубков имел уже звание лейтенанта и небольшой военный опыт, совместно с Кимом А.П. он в с. Стерегущее среди рыбаков организовал подпольную группу, куда вошли: Шостик Е., Петрик М., Киосов В. и Руденко Гр. Дважды переправлялись на 2-местном челноке ночью через бушующий Каркинитский залив на Большую землю с нашими разведанными с Кимом Антоном, Руденко Григорием, таким же 20-летним комсомольцем, впоследствии замученным во Фрайдорфском гестапо и брошенным в колодец в 1,5 км от Фрайдорфа (ныне с. Новоселовское Раздольненского района Республики Крым. – В. И.) [5]. Вместе с Кимом Ал[ексан]дром П[етровичем] Дубков Л.П., применяя свой опыт, организовал в Ак-Шейхском подполье и возглавил молодежную диверсионную группу, впоследствии соединившуюся с диверсионной группой оперативного отдела 51-й

армии 4-го Украинского фронта, переправленной на Крымскую землю» [6]. Как мы видим из процитированного отрывка воспоминаний Г.И. Стальбовского, несмотря на то, что возможностей для массовой партизанской борьбы у уроженцев степного Крыма не было, тем не менее это не остановило молодых людей от участия в антинацистском вооруженном сопротивлении. А тот факт, что с 1 по 6 ноября 1943 г. 10-й стрелковый корпус 51-й армии генерал-майора К.П. Неверова [7], преодолев Сиваш, захватил плацдарм на его южном берегу в районе Хаджи-Булак, Тью-Тюбе, лишь активизировал их усилия [8]. Командование 51-й армии создало целую агентурно-разведывательную сеть на территории Ак-Шейхского, Ак-Мечетского (ныне Черноморского), Красно-Перекопского, Евпаторийского, отчасти Джанкойского и Лариндорфского (ныне Первомайского) районов Крымской АССР. Естественно, без помощи местных жителей Г.Ф. Алаторцев, Г.В. Беляев, Л.П. Годулянова, Я.Ф. Голенков, Я.А. Качанов, Д.М. Шостик, Н.В. Ильина, В.П. Зоркин и другие разведчики не могли успешно выполнять поставленные перед ними задачи военным командованием.

Описывая участие бойцов партизанского соединения имени Чапаева в антинацистской борьбе, нужно остановиться поподробнее на двух персоналиях, а именно – братьях Ким, так именно благодаря этим отважным юношам формировалась антинацистская подпольная ячейка на территории практически всего Ак-Шейхского района Крымской АССР.

В семье Екатерины Хван было семеро детей – пять сыновей и две дочери. Их отец скончался незадолго до начала войны. Старший брат Александр служил летчиком в Севастополе, Антон же работал на заводе никелировщиком и учился в вечерней школе. Так как Александр в силу прохождения военной службы находился за пределами Крыма, заботы о семье легли на его брата Антона. Незадолго до начала войны Александр Ким демобилизовался и стал работать в ЦСУ Ак-Шейхского района, куда на постоянное место жительства переехала семья Кимов. С началом Великой Отечественной войны на фронт ушли Алексей и Андрей Кимы, и от них не было практически никаких известий. Как вспоминал младший из братьев Арсен Ким, его сестра уже после войны получила письмо, отправленное еще в декабре 1942 г.: «Я сейчас лежу в госпитале в Москве. Чувствую себя хорошо, совсем

уже выздоровел, скоро поеду на фронт и буду беспощадно громить врага. Поздравляю с наступающим 1943 годом» [9]. К сожалению, Алексей и Андрей Кимы домой по окончании Великой Отечественной войны не вернулись, один пропал без вести на фронте в октябре 1941 г., другой – в августе 1944 г.

Когда началась нацистская оккупация Крыма, Антона Кима задержали и отправили в лагерь. Юноше удается сбежать и добраться до родных. В это же время его старший брат Александр устроился работать заведующим молочным пунктом в с. Садырь Ак-Шейхского района в качестве прикрытия. О том, что Александр является активным участником антинацистского подполья, Антон и Арсен Кимы узнали по чистой случайности. «Помню, ночью проснулся я с каким-то дядей. Это, оказывается, был Степан Андреевич Гусев, который и дал задание брату и его товарищам», – вспоминал Арсен Ким в своем интервью газете «Авангард». Отметим, что Александр не хотел, чтобы никто из его родных втянулся в подпольную работу. Однако, по свидетельству Арсена Кима, Антон об этом узнал и категорически заявил брату: «Если не дашь мне задания, сбегу к партизанам» [10]. Александр вынужден был согласиться, и после этого Антона переправляют на другую сторону залива, где он проходит специальную подготовку и его уже присылают для выполнения задания на территорию Ак-Шейхского района. Житель Ак-Шейхского района, упомянутый ранее Г.И. Стальбовский, лично знавший семью Кимов, вспоминал о том, какую роль в нем играли братья в подпольной организации: «Оружия в уже организовавшихся подпольных группах, возглавляемых: в д. Садыр – Кимом А.П., в д. Семидовичи – Чуприной Егором, в д. Ташкут – Поладтяном А.С., пос. Ак-Шейк – Дюпченко У.Н., в сов[хозе] “Монай” – Тарасовым С.Н. и др., – всё же было недостаточно для активных вооруженных действий, вся надежда была на связь с лесными партизанами. Подпольное руководство посылало на связь товарищей Кима А.П. и Коржа Н.Д. По прибытии в г. Симферополь на явочную квартиру стали ждать связных из леса, но лес подвергался большому прочесам – немецкое командование решило уничтожить советских патриотов, а в Симферополе началась облава и поголовные обыски. Лесных связных тов[арищи] Корж и Ким не дождались и, пробывши в г. Симферополе 3 суток, ушли, надежды наши рухнули

на встречу» [11]. Хотя попытка установления контакта с симферопольскими подпольщиками потерпела неудачу, Александр Ким и его товарищи не теряли надежды на дальнейшее продолжение борьбы. Всё же им удалось установить связь с военным советом 51-й армии и войти в состав разведывательно-диверсионной группы.

1 декабря 1943 г. через Каркинитский залив была заброшена первая группа разведчиков из 3 человек. Об этом упоминает Г.И. Стальбовский: «В ноябре 1943 года к нам в д. Садыр (Славянка. – В. И.) пришли ночью 3 человека и спросили Ситниченко, это был коммунист, бывший председатель колхоза, рыбак из Чурюма, скрывавшийся у нас в Садыре, уже состоящий в нашей подпольной группе. Они сообщили ему, что переброшена через Каркинитский залив оперативная группа 51-й армии, в нее входили: Гусев Степан Андреевич, Шибаев Иван Васильевич, Зоркин Владимир Тихонович. Ситниченко сейчас же доложил Киму А.П., который, ознакомившись, забрал их к себе в дом – на немецкий сепараторный пункт, устроив их на чердаке, а внизу перерабатывалось молоко и др[угие] молочные продукты. Заходили немцы и румыны получать молоко и не подозревали, что над их головой находятся народные мстители – вот такой был бесстрашный, рисковавший собой и своими близкими ради спасения советской Родины первый командир Ким Александр Петрович» [12]. В дальнейшем, вплоть до 28 марта 1944 г., на территорию Ак-Шейхского района командованием 51-й армии было высажено в общей сложности 77 человек, причем некоторые из них перебрасывались по нескольку раз из разных мест. В различных приказах военного командования и партийного руководства, хранящихся в фондах ГАРК, даются противоречивые сведения о том, как назывались эти забрасываемые группы. В одних источниках они фигурируют под названием партизанских отрядов имени Лазо, Кутузова, Разина, Сталина, Чапаева, «Победа». Противоречивы сведения и о составе этих групп [13]. Одни документы говорят об отрядах, насчитывавших якобы 170, 328, 350 и даже более 800 человек. Но по итогам расследования, проведенного ЦК Компартии Украины в 1962 г. по выявлению участников партизанского и подпольного движения в Крыму, был составлен список из 77 участников борьбы с нацистами, заброшенных на территорию Ак-Шейхского района [14].

После выполнения очередного задания, в марте 1944 г., Антон Петрович Ким был предан сельским старостой, который узнал его и выдал полиции. Не желая сдать врагам в плен, Антон погиб в начавшейся схватке [15]. Александра Кима гитлеровцы арестовали на Бакальском погранпосту, когда он пытался найти своего связного [16]. Уже после освобождения Крымского полуострова от нацистской оккупации Анна Петровна Ким ездила к колодцу, из которого вытаскивали трупы казненных гитлеровцами людей. Именно там в последний раз она видела своего старшего сына Александра вместе с подпольщиком Григорием Руденко и женщиной, запомнившейся ей по особой примете – яркой красной кофте. К сожалению, труп погибшего сына из этого «колодца смерти» извлечь не удалось. А Арсену Киму была передана такая справка: «Дана тов. Ким (Хван) Екатерине в том, что ее сын Антон Петрович Ким действительно состоял на службе в штабе оперативной группы партизанского движения при военном совете 51-й армии в должности командира диверсионно-подрывной группы с 2.XII.1943 по 28 февраля 1944 года. Погиб при выполнении боевого приказа командования оперативной группы» [17].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в северо-западной части Крыма действовали подпольные диверсионно-разведывательные группы, которые составляли так называемое партизанское соединение имени Чапаева. Важную роль в организации и формировании этого соединения составляли братья Александр и Антон Кимы, Г.Ф. Алаторцев, Г.В. Беляев, Л.П. Годулянова, Я.Ф. Голенков, Я.А. Качанов, Д.М. Шостик и другие. Эти группы непосредственно подчинялись оперативной группе Украинского штаба партизанского движения при военном совете 51-й армии. Военное командование обратилось за помощью к местным подпольщикам в связи с тем, что весной следующего года готовилось крупномасштабное наступление советских войск на Перекопском перешейке. Разведанные о дислокации немецких и румынских войск, сведения об укреплениях противника, несомненно, представляли значительную ценность для командования 4-го Украинского фронта. К сожалению, несмотря на тот факт, что советские разведчики в целом выполнили поставленную им задачу, практически все агенты были либо раскрыты гитлеровцами, либо вынуждены в целях безопасности покинуть место

проведения разведывательной операции. К сожалению, о героическом подвиге патриотов Степного Крыма после окончания Великой Отечественной войны сведений мало. Похоронен Антон Ким в с. Стерегущее Раздольненского района. В честь него названы улицы в пгт Раздольное и с. Славянское Республики Крым. На средства членов международной корейской общины «Бомминрён» в январе этого года отреставрирован монумент в виде пятиконечной красной звезды в память о комсомольце-подпольщике Антоне Киме [18]. Конечно, хотелось бы, чтобы республиканские власти уделяли больше внимания сохранению исторической памяти об отважных борцах с нацизмом в Раздольненском районе.

Примечания

1. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. П-151. Оп. 1. Д. 635–640.
2. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 / сост. В.К. Гарагуля, И.П. Кондранов, Л.П. Кравцова. Симферополь, 1994. Вып. 4. С. 103, 105.
3. Цисарь Ю. Огненные годы крымской степи // Крымская правда. 2011. 5 мая. № 80 (25243). С. 2.
4. Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Кримська область / під ред.: Л.Д. Солодовник, М.В. Багров, В.І. Балахонов та ін. Київ, 1974. С. 562.
5. Новосёловское (Крым). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Новосёловское_\(Крым\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Новосёловское_(Крым)) (дата обращения: 03.04.2020).
6. Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2011. С. 110.
7. Мелитопольская операция // Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / под ред. М. М. Козлова. М., 1985. С. 441.
8. Кондранов И.П. Крым. 1941–1945. Хроника. Симферополь, 2000. С. 138.
9. Ким А. Наша семья // Авангард. 1979. 27 сентября. № 116 (4979). С. 2.
10. Там же.
11. Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В. Указ. соч. С. 110.
12. Там же.
13. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 300. Л. 187–194.

14. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 105.
15. Книга Памяти Республики Крым / под ред. И.В. Иванченко и др. Симферополь: Таврида, 1995. Т. 6. С. 250.
16. Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В. Указ. соч. С. 112.
17. Ким А. Указ. соч. С. 2.
18. В поселке Раздольное Республики Крым восстановлен монумент Антона Кима – участника Великой Отечественной войны. URL: <https://koreanradio.info/in-the-village-razdolnoye-republic-of-crimea-restored-the-monument-of-anton-kim-participant-of-the-great-patriotic-war/> (дата обращения: 03.04.2020).

И.Е. Татарин

**«ПОДПОЛЬНЫЙ РАЙКОМ ДЕЙСТВУЕТ...».
К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЖЕПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на примере Ворошиловградской области)**

За всю историю нашей страны не было столь масштабной войны, унесшей жизни десятков миллионов жизней, принесшей горе, страдания и разрушения, как Великая Отечественная война. Ценою героических побед на фронтах и в тылу советский народ сломил врага. Юбилей великой Победы вновь актуализирует вопрос о цене Победы и требует освещения малоисследованных моментов войны. Представляется важным проследить деятельность отдельных партизанских отрядов в условиях нацистской оккупации. Тяжелые поражения Красной армии весной – летом 1942 г. и последовавшая полная оккупация УССР, Дона и прорыв вермахта к Волге и Кавказу поставили СССР на грань военной катастрофы. Однако победа в Сталинградской битве обозначила коренной перелом в войне. Разгромив отборные части немецких, итальянских и румынских войск под Сталинградом, советские войска начали освобождение страны от оккупантов.

Эти события неоднократно находили отображение в научной и историко-мемуарной литературе. Однако отдельные аспекты этих процессов не освещены либо далеки от объективного рассмотрения. Много «белых пятен» скопилось в отношении партизанского движе-

ния на оккупированных врагом советских территориях. Среди работ, касающихся исследуемого вопроса, отметим работу советских украинских историков И. Кураса и А. Кентия, в которой на документальной основе исследована деятельность Украинского штаба партизанского движения (УШПД), в том числе подготовка партизанских кадров через систему курсов и школ УШПД в Ворошиловграде (ныне – Луганск) [1]. Заслуживает также внимания современное исследование А. Гогуна «Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944» [2] и работы других историков [3].

Руководство Третьего рейха четко представляло место и роль партизанской борьбы в вооруженном конфликте с СССР. Сегодня широко известны тесные связи Германии с различными подпольными националистическими организациями, прежде всего украинскими, как и участие националистов в Холокосте и карательных акциях против партизан и мирного населения. Берлин осознавал опасность и серьезность угроз со стороны партизанского движения, возглавляемого коммунистами, поэтому уделял борьбе с подпольщиками пристальное внимание. Не последнее место в арсенале средств борьбы с советским сопротивлением занимали перевербовка подпольщиков и создание лжепартизанских отрядов.

Представляется весьма интересным рассмотреть некоторые события, происходившие в российско-украинском пограничье на стыке современных Воронежской и Белгородской областей России (РСФСР) и Луганской (в годы войны – Ворошиловградской) области Украины. 30 мая 1942 г. специальным постановлением Ставки Верховного Главнокомандования был сформирован УШПД, который возглавил замнаркома внутренних дел УССР Тимофей Строкач. Как отмечал в итоговом отчете начальник оперативного отдела УШПД полковник Бондарев, «партизанское движение на Украине с первых своих дней было организованным движением» [4]. 15 марта 1942 г. 4-е управление Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) УССР в Ворошиловграде организовало спецшколу для подготовки руководителей партизанских отрядов и радистов. Для обеспечения устойчивой радиосвязи с диверсионными группами, агентурой и партизанскими отрядами была построена мощная 250-ваттная радиостанция и заложено строительство еще двух таких же в Воронеже и Ворошиловграде. Военный завод № 139

изготовил и передал 4-му управлению НКВД УССР 100 портативных раций специальной конструкции для работы в тылу [5].

Слабая подготовка и поспешность, с одной стороны, и контрразведывательные мероприятия немцев, с другой, часто приводили к провалам и гибели агентов. Так, из числа заброшенных в тыл врага 11 бывших курсантов спецшколы НКВД после приземления перешли на работу в органы немецкой разведки, а 3 выпускника вообще отказались идти на выполнение спецзадания. Бывший курсант спецшколы А. Бледнов 25 октября 1942 г. был арестован немецкой контрразведкой при выполнении спецзадания. Пойдя на сотрудничество с немцами, на допросах он дал показания на себя и перечислил всех слушателей спецшколы. Сотрудничая с врагом, он дезинформировал УШПД. В освобожденном в феврале 1943 г. Ворошиловграде органами советской контрразведки он был выявлен и арестован. Выяснилось, что с целью работы в советском тылу он был специально оставлен в городе до прихода Красной армии [6].

Согласно данным из отчета оперативного отдела УШПД, за июнь – июль 1942 г. штаб сформировал и оставил в тылу противника на территории Харьковской, Сталинской (ныне – Донецкой) и Ворошиловградской областей 216 специально обученных к боевым действиям в тылу партизанских отрядов, которым оставили для связи 6 радиостанций. Когда на рубеже 1942–1943 гг. советские войска вновь заняли эти районы, обнаружили всего 12 партизанских отрядов (5 %) общей численностью 241 человек. А всего на указанных выше территориях на 1 сентября 1942 г. УШПД имел связь лишь с 34 отрядами [7].

Зачастую к провалам в подпольной работе приводила недостаточная стойкость, подготовленность и слабая проверка кадров. Так, оставленный в тылу для организации сопротивления врагу второй секретарь Ворошиловградского обкома КП(б)У Стеценко соединился на Донбассе с партизанским отрядом Воропаева. Однако в первом же бою отряд рассеялся, и Стеценко был вынужден уйти в Ворошиловград. Дальнейшие события известны по одному из документов органов госбезопасности: «В городе Ворошиловграде и других районах области [летом 1942 г.] были наспех организованы партизанские отряды и подпольные группы. В качестве примера связные т. Стеценко – Анохина, Щеголева (она же Морозова Евгения), Погуляева,

будучи арестованными, выдали немецко-итальянский разведке тов. Стеценко как секретаря подпольного обкома КП(б)У» [8]. Заметим, что Стеценко избежал ареста, однако подпольно-партизанскую деятельность он вынужден был свернуть и скрывался в областном центре до возвращения советских войск.

На территории Ворошиловградской области в 1942–1943 гг. немцы развернули два разведывательных органа – разведпункт Абвера «Герес – группа Б», размещавшийся в Старобельске, и главный отряд Абвера «Аусенштелле Эрнст», дислоцировавшийся в Алчевске. Кроме этого, действовали 29 различных контрразведывательных и карательных органов оккупантов. В одном только Ворошиловграде в период оккупации работали 17 контрразведывательных структур противника [9]. Отдельно отметим старобельский контрразведывательный пункт «Мельдекопф – Танн», который возглавлял зондерфюрер Леонгард Фельске, он же Танн Александр Артемьевич. До мая 1942 г. эта структура входила в состав Абвергруппы 306, после чего ее переподчинили Абвергруппе 304. Именно ее сотрудникам летом – осенью 1942 г. удалось задержать и перевербовать несколько десятков советских радистов и агентов 4-го управления НКВД УССР. В итоге враг парализовал деятельность подпольных резидентур НКВД и оставленного партийно-комсомольского подполья. Абвер не только вел радиоигру с советской разведкой, пытаясь дезинформировать противника, но и забрасывал через линию фронта перевербованную агентуру. Во многом этот провал был обусловлен не только халатностью, но и предательством агента 4-го управления НКВД С. Козюбердина. Он лично знал выпускников Ворошиловградской спецшколы, поэтому возглавил абверовскую резидентуру в Ворошиловграде, занимался поиском советских разведчиков и законспирированного подполья по всей территории области [10].

Советские органы знали об этом провале. В секретном письме от 19 января 1943 г. заместителя наркома внутренних дел УССР С. Савченко Н. Хрущеву отмечалось: «Из добытых нами сведений, заслуживающих полного доверия, немецким контрразведывательным органам полностью известен весь личный состав радистов, обучавшихся на курсах в Ворошиловграде, а равно и агентура, подготовлявшаяся там же для использования УШПД и ЦК КП(б)У в тылу противника.

<...> Немецким контрразведывательным органам известны связи по оккупированной территории большинства этой агентуры, которые взяты под контроль на предмет ликвидации ее в случае появления в тылу у них. Значительная часть радистов и агентов из числа подготовлявшихся Вами в Ворошиловграде после выброски их в тыл немецкими контрразведывательными органами задержана, часть из них ликвидирована, а часть перевербована и работает в пользу немцев. О конкретных лицах, провалившихся и перевербованных немцами, сообщим дополнительно» [11].

По мере приближения краха 6-й армии Ф. Паулюса в Сталинграде и отступления вермахта и его союзников с Кавказа и Волги немецкая контрразведка в конце 1942 – начале 1943 г. усилила борьбу против партизан и подпольщиков, активно вербуя и используя ценную агентуру и осуществляя масштабные контрразведывательные мероприятия. Ставя цели по вскрытию антифашистских подпольных организаций и уничтожению партизанского движения на оккупированных территориях, структуры Абвера активно формировали лжепартизанские подразделения. Это позволяло выявлять партизан и подпольные патриотические организации, их связи, конспиративные квартиры, места базирования. Абвер широко использовал агентуру, завербованную из числа коммунистов, комсомольцев, убежденных противников советской власти, дезертиров, уголовников и пр.

Примечательными в этом отношении являются мероприятия, осуществленные Абвером на севере Ворошиловградской области (Троицкий район) на границе с Белгородской и Воронежской областями России. Так, в январе 1943 г., после освобождения от оккупантов частями 111-й стрелковой дивизии 3-й танковой армии РККА Троицкого района, в эту местность из немецкого тыла со своим штабом вышел полковник Нивский, именовавший себя командиром партизанского полка. Опергруппами УШПД и НКГБ было установлено, что Нивский – это Вилл Николай Иванович, эстонец, завербованный немецкой контрразведкой в начале войны в лагере для военнопленных под Полтавой для борьбы с партизанским движением. В августе 1942 г. под видом полковника РККА, командированного из Полтавы «штабом партизанских сил», он был отправлен немцами в северные районы области для организации лжепартизанских отрядов из сво-

ей агентуры и выявления советского подполья в оккупированных районах [12].

Выполнив задание, накануне освобождения района советскими войсками лжеполковник Вилл был переброшен в Троицкий район для организации ложного партизанского отряда и связи с «подпольным райкомом КП(б)У», который по заданию обкома возглавлял оставленный в тылу летом 1942 г. Г. Ткаченко. В январе 1943 г. Вилл и Ткаченко сформировали лжепартизанский полк им. Сталина из завербованных в концлагере казаков, диверсантов, полицейских и прочей немецкой агентуры. Действуя строго в соответствии с инструкциями Абвера, лжекомандиры приступили к составлению вымышленных отчетов о своей боевой деятельности, активно представляя «однополчан» к боевым наградам. В одном из таких отчетов на имя секретаря Ворошиловградского обкома КП(б)У А. Гаевого упоминалась численность отряда в 600 человек, плюс 300 – резерв. Лжепартизаны якобы уничтожили 1798 оккупантов, среди которых – 118 офицеров и один генерал, награжденный двумя железными крестами (!). Кроме этого ими был «разгромлен» штаб 320-го пехотного полка вермахта, «захвачены» штабные документы, «уничтожены» 4 танка, а трофеями отряда «стали» 717 винтовок, 118 пистолетов, 51 автомат, 9 пулеметов, 9 мотоциклов и другая амуниция и имущество [13]. Общеизвестно, что в годы Великой Отечественной войны после подобных потерь немецко-фашистские оккупанты проводили жестокие карательные акции, тотально уничтожая население, которое, как считалось, сочувствовало и помогало партизанам. Однако, как показали материалы специальной комиссии, расследовавшей после войны злодеяния карателей на оккупированных территориях Ворошиловградской области, никаких масштабных карательных акций в Троицком районе враг не проводил. За всё время оккупации Троицкого района (08.07.1942–19.01.1943) было расстреляно 23 жителя [14].

Заметим, что 19 января 1943 г. немецко-итальянские части покинули райцентр, однако передовые части РККА вошли в него лишь 28 января. Фактически 9 дней власть полностью находилась в руках этого лжепартизанского полка им. Сталина и подпольного райкома во главе с Г. Ткаченко. Самозванцев пытались разоблачить уцелевшие от репрессий оккупантов подпольщики Вакшин-Рощин, Воробьёв,

Круглов, Науменко, Вера Воробьёва, Мария Балаба, обвинив подпольный райком в предательстве и связях с оккупантами. Под угрозой разоблачения Г. Ткаченко и Н. Вилл на заседании бюро райкома быстро сфабриковали дело об «измене Родине» и расстреле «заговорщиков», а командование 111-й стрелковой дивизии РККА, вошедшей 28 января в райцентр, утвердило приговор. В расстрелах троицких патриотов принимали участие Н. Вилл и его подчиненные-«партизаны» из завербованных в концлагере казаков [15].

Заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом Ворошиловградского обкома КП(б)У Г. Емченко выяснил, что на территории Троицкого района в период оккупации никаких партизанских отрядов не было. Вместо этого немцами был создан лжеотряд во главе с изменниками Родины. За время оккупации нацисты с помощью провокаторов, добровольно пошедших на сотрудничество, выявили троицкое подполье, а также соседний партизанский отряд в Вейделевском районе Белгородщины, и разгромили их. В марте 1943 г. советскими органами контрразведки лжепартизанский отряд и активные члены подпольного райкома были разоблачены и арестованы. На следствии выяснилось, что Ткаченко был завербован немецким комендантом гауптманом Гринчем, который поставил ему задание по созданию ложной партизанской структуры для выявления местного подполья и враждебных оккупантам элементов. Всего по делу арестовали 21 человека, а 12 из них, среди которых были Ткаченко и Вилл, военный трибунал войск НКВД Украинского военного округа, заседавший по этому делу с 26 мая по 2 июня 1943 г., приговорил к расстрелу, остальные получили длительные сроки тюремного заключения [16]. Всего по делу проходило 43 лжепартизана, а также 19 человек, успевших на момент расследования влиться в ряды РККА [17].

Казалось бы, ситуация с лжепартизанским отрядом на территории Троицкого района предельно ясна, предатели были разоблачены и понесли заслуженное наказание. Однако спустя 16 лет после описываемых событий, в мае 1959 г., Военная коллегия Верховного суда СССР в определении № 06341-42 частично пересмотрела вышеуказанные решения военного трибунала войск НКВД Украинского военного округа от 26 мая – 2 июня 1943 г. Среди прочего там отмечалось, что существование подпольного райкома «не подлежит сомнению»,

однако его деятельность «была безрезультатной в силу малодушия и нерешительности Г. Ткаченко». Установлено, что после отхода немецко-итальянских частей из райцентра местное население освободило из заключения советских граждан, самовооружилось и, проведя митинг, провело запись в партизанский отряд, командиром которого стал Вилл. Ткаченко возглавил местный райком, а Таволжанский – райисполком. По ряду осужденных приговоры были изменены либо отменены (в том числе и высшая мера наказания), некоторые дела отправили на дополнительное расследование по вновь открывшимся обстоятельствам [18].

Более того, в заключении по делу Г. Ткаченко, направленном в Военную коллегия Верховного суда СССР за подписью заместителя главного военного прокурора полковника Б. Викторова отмечалось: «...Произведенным дополнительным расследованием установлено, что осужденные по настоящему делу лица признаны виновными в измене Родине необоснованно, а поэтому приговор подлежит изменению, а в отношении остальных – отмене» [19]. Под изменниками Родине прокурор имел в виду расстрелянных Ткаченко, Вилла, Салиенко и Таволжанского.

Однако оставалось «белое пятно» в отношении казненных Ткаченко и его помощников – троицких подпольщиков (Вакшин-Рошин, Воробьев, Круглов, Науменко, Вера Воробьева, Мария Балаба). В материалах доследования частично подтверждается их противодействие Ткаченко, Виллу и др. Поплатившиеся жизнью подпольщики действительно возражали против составления фальшивых отчетов, приписывания вымышленных заслуг и представления к наградам, за что «подпольный райком» и вынес им смертный приговор. Вызывает недоумение позиция прокуратуры, усмотревшей «наличие оснований для пересмотра дела», и перекалфикация этих преступлений Ткаченко и сообщников со статьи 54-1 Уголовного Кодекса (УК) УССР («измена Родине») на ст. 98 ч. 2 УК УССР («превышение власти»). Военная коллегия Верховного суда СССР посчитала доводы прокуратуры обоснованными, утвердив новый, пересмотренный приговор. А в силу ст. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1957 г. «Об амнистии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции» Ткаченко,

Вилла, Таволжанского и Салиенко стали считать не имевшими судимости [20].

Как видим, немецкая контрразведка вела масштабную борьбу против партизан и подпольщиков, активно вербуя агентуру и осуществляя масштабные контрразведывательные мероприятия. В ряде случаев удавалось вскрывать антифашистские подпольные организации и уничтожать партизанское движение на оккупированных территориях. Структуры Абвера активно формировали лжепартизанские подразделения, в том числе и в приграничных районах Украины и Российской Федерации. В отношении же запутанной ситуации с исследуемым подпольным райкомом и лжепартизанским отрядом решение лежит не только в исторической плоскости, но и в сфере уголовного права. Открытие новых источников помогло бы более точно осветить вопрос.

Примечания

1. Курас И.Ф., Кентий А.В. Штаб непокоренных (Украинский штаб партизанского движения в годы Великой Отечественной войны). Киев, 1988.

2. Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944. М., 2012.

3. Единожды приняв присягу... Рассказы о чекистах / сост.: В.Н. Владимиров, О.Ф. Вольный. Донецк, 1990; Кентий А., Лозицкий В. Війна без пощади і милосердя: партизанський рух у тилу вермахта в Україні (1941–1944). Київ, 2005; Родня. Полиция и партизаны, 1941–1944. На примере Украины / авт.-сост.: А. Гогун, И. Дерейко, А. Кентий. Киев, 2011; Семистяга В.Ф. Советско-германское противостояние в приграничных регионах УССР и РСФСР накануне и во время Сталинградской битвы // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Мат-лы междунар. науч. конф. (5–7 июня 2013 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2013. С. 121–128; Он же. З історії школи особливого призначення Українського штабу партизанського руху // З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 1997. № 1/2. С. 384–390.

4. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. Л. 19–20.

5. ЦГАОО Украины. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
6. Родня. Полиция и партизаны, 1941–1944. С. 224–226.
7. Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования ... С. 82.
8. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 22. Д. 22. Л. 32–33.
9. Щит и меч государства: страницы органов госбезопасности на Луганщине. Луганск, 2010. С. 106.
10. Семистяга В.Ф. Советско-германское противостояние в приграничных регионах УССР и РСФСР ... С. 126.
11. ЦГАОО Украины. Ф. 74. Оп. 22. Д. 74. Л. 8.
12. ЦГАОО Украины. Ф. 62. Оп. 1. Д. 275. Л. 65–72.
13. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф. П.-1790. Оп. 1. Д. 154. Л. 10–14.
14. ГА ЛНР. Ф. П.-1790. Оп. 1. Д. 261. Л. 7.
15. ЦГАОО Украины. Ф. 62. Оп. 1. Д. 275. Л. 70–72.
16. ГА ЛНР. Ф. П.-1790. Оп. 1. Д. 154. Л. 118, 121.
17. Там же. Л. 66–69.
18. Там же. Л. 133, 143–150.
19. Там же. Л. 143.
20. Там же. С. 155, 171–172.

Е.А. Шкрибитько, А.С. Саенко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИФАШИСТСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ВНЕШНИХ КОМАНДАХ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ БУХЕНВАЛЬД

История фашистских концлагерей – полная противоречий тема, широко обсуждаемая в научных и общественных кругах с момента окончания войны и по настоящее время. Существует огромное различие между характером и масштабами проведенных исследований в отечественной и зарубежной исторической науке. К сожалению, эта тема была ограничена для исследований в советский период вследствие определенных политических установок.

Актуальность темы данной статьи определяется тем, что концлагеря фашистской Германии – явление уникальное и по своим масштабам,

и по своей жестокости. Необходимая для подавления инакомыслия в тоталитарном государстве страшная пенитенциарная система Третьего рейха была признана мировой общественностью преступлением против человечества. Одним из наиболее известных концлагерей нацистской Германии был концентрационный лагерь Бухенвальд.

Зарубежные исследователи и публицисты не уделяют внимания вопросу о пребывании в указанном концлагере советских узников, хотя их количество было весьма значительным. Неотъемлемой частью истории концлагеря является тема подпольного сопротивления. Целью данной статьи является внесение ясности и конкретики в деятельность антифашистского подполья Бухенвальда, выявление особенностей его функционирования во внешних командах концлагеря.

Антифашистское движение Сопротивления в концентрационном лагере Бухенвальд и в его внешних командах возникло в борьбе с нацистским террором за сохранение жизни арестованных противников Гитлера. Из сознания необходимости интернациональной солидарности среди заключенных, видевших в фашизме врага человечества, родилось непоколебимое стремление всеми средствами саботировать производство военной продукции.

Интернациональный антифашистский актив должен был постоянно вести борьбу. Главным направлением была борьба против жестокого, открытого и тайного террора эсэсовцев. Но кроме этого нужно было оказывать энергичное сопротивление эсэсовским агентам – заключенным в полосатых куртках, профессиональным преступникам, шпионам и доносчикам. Третьим направлением борьбы была работа по преодолению политических противоречий среди представителей отдельных национальностей. Самую сильную группу политических заключенных составляли организованные коммунисты. Интернациональный антифашистский актив создавал в отдельных национальных группах единый оборонительный фронт, отбрасывая все политические и идеологические разногласия.

Успешная политическая работа, которая велась систематически в течение многих лет, принесла положительные результаты, когда началась борьба за освобождение узников. Это нашло свое отражение в общей клятве, произнесенной на «перекличке свободы» 19 апреля 1945 г.

Изоляция Бухенвальда от внешнего мира была нарушена необходимостью производства важной военной продукции. Квалифицированных рабочих отбирали инженеры частных фирм и размещали в небольших лагерях. Часть из них работала в цехах вместе с гражданскими рабочими. Освоивших работу квалифицированных рабочих необходимо было сохранять для предприятий. В результате применявшейся в концлагерях системы наказаний большое число заключенных выбывало из строя вследствие болезни, нетрудоспособности и смерти. Это мешало производству. Поэтому начальство концлагерей было вынуждено отказаться от применения ряда самых жестоких методов обращения с заключенными. Пришлось также обеспечить заключенных минимальным питанием для сохранения их работоспособности.

Вследствие плохого питания и плохих жилищных условий, а также в результате тяжелой работы и длительного рабочего дня состояние здоровья заключенных было в целом неудовлетворительным. Из внешних команд, особенно тех, где заключенные работали на частных предприятиях и где ввиду тесного контакта с гражданскими рабочими приходилось создавать видимость сносного обеспечения заключенных, небольшие группы больных непрерывно отправляли в основную лагерь Бухенвальд.

Учитывая возросшее значение использования труда заключенных, Главное административно-хозяйственное управление СС в Берлине создало специальный отдел, наделив его широкими полномочиями. Этот отдел именовался отделом DII. Отдел в централизованном порядке регулировал использование труда заключенных, тесно взаимодействуя с гестапо, также являлся ответственным за массовые аресты на оккупированных немцами территориях. Каждый раз при проведении какого-либо крупного строительства гестапо поставляло затребованных отделом DII рабочих-заключенных [1].

Когда формировались команды для работы во внешних лагерях, коммунисты принимали меры к тому, чтобы их влияние было обеспечено также и там. Так, например, коммунистам в порядке партийного поручения давали задание отправляться с транспортом и брать на себя в этих лагерях обязанности старост лагерей, капо в лазаретах, заведующих продовольственными складами или старост блоков. Такие задания получали позже не только коммунисты, но и те заключенные,

которые в прошлом доказали, что они не позволят превратить себя в послушное орудие в руках эсэсовцев.

Как рассказывал в своих воспоминаниях Крут Келер, который в 1938–1945 гг. находился в концентрационном лагере Бухенвальд, перед тем как товарищи уходили во внешнюю команду, они договаривались о том, как доставлять информацию с помощью коробки из-под медикаментов. Свои сообщения они либо прятали в дрова, либо в упаковку для лекарств, относительно которой договаривались заранее. Если же было необходимо побеседовать с ответственным товарищем более подробно, произвести в этих лагерях перемещения или изменить тайники для писем, то этот товарищ должен был явиться лично. Для этой цели он находил уважительную причину. Например, он представлял дело так, будто ему нужно доставить в Бухенвальд больного заключенного на операцию. Если в данный момент такой возможности не было, его официально вызывали через гарнизонного врача в концлагерь Бухенвальд для получения «головоломки» [2]. Но и этого не всегда было достаточно, чтобы полностью держать эти лагеря под своим контролем. Возникла необходимость лично наблюдать за такими лагерями и знать об условиях содержания заключенных.

Хороший предлог для посещения концентрационных лагерей представлялся в связи с тем, что ни в одной внешней команде не было зубо-врачебного кабинета. Для лечения зубов заключенные должны были посещать соответствующий зубо-врачебный кабинет на производстве или ходить к зубному врачу в городе. Однако, по ряду самых разнообразных причин, это было связано с непреодолимыми трудностями. Таким образом, подпольщики могли попадать во внешние команды под предлогом осмотра заключенных и выполнять свои задачи.

Почти во всех командах проводился организованный саботаж и диверсии. В районе Эйзенаха на одном из предприятий работало более 600 заключенных, в том числе более 380 русских, большая группа французов и югославов [3]. Подпольная организация состояла из двух групп: группа «А» – актив и группа «С» – сочувствующие. Работали здесь в две смены, и подпольщики расставляли тут своих людей. Русские поддерживали самый тесный контакт и самые тесные связи с французами и югославами. Во главе французов стояли Диотон

и Бенц. Вместе с советскими товарищами работали чех Франц Ландауэр, бывший секретарь городского комитета Союза коммунистической молодежи Праги, находившийся в заключении с 1938 г.

Основная работа заключенных была направлена на срыв военного производства. Остродефицитные материалы, такие как хромоникелевые сплавы, преднамеренно пускались в отходы. Выходили из строя токарные станки конвейера. В ночную смену агрегаты работали на холостом ходу. Выпуск продукции значительно снизился [4].

После тяжелых ударов, которые были нанесены вермахту под Москвой и Сталинградом, гитлеровцы начали заполнять возникшие в армии бреши в живой силе специалистами из глубокого тыла, которых ранее на фронт не отправляли. Немецкие заключенные из числа подпольщиков сумели воспользоваться сложившейся ситуацией. Через эсэсовского начальника строительства они посоветовали комендатуре путем организации курсов каменщиков подготовить специалистов из имевшегося в лагере большого числа заключенных евреев и поляков, которые до этого не допускались к квалифицированной работе. Этот план, который впоследствии спас жизнь многим сотням заключенных, был предложен СС выдающимся немецким антифашистом Робертом Зивертом. В качестве капо строительной команды I ему поручили осуществить на практике подготовку учеников каменщиков [5].

Подпольщики не собирались, конечно, готовить для гитлеровцев хороших каменщиков, однако первый курс обучения должен был дать хорошие результаты, чтобы доказать комендатуре целесообразность последующего обучения. В блоках, где размещались заключенные, объявили, что те, кто хочет работать добровольно в команде по подготовке каменщиков, могут в нее записаться.

Команда по подготовке каменщиков давала Интернациональному лагерному комитету и другие преимущества. Заключенные, обучавшиеся в этих командах, получали дополнительный паек рабочих, занятых на тяжелых работах (каждый второй день от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ буханки хлеба и кусок кровяной или ливерной колбасы). Часть этого дополнительного пайка антифашисты из этой команды отдавали Интернациональному лагерному комитету, благодаря чему добавку хлеба получали подпольщики, вынужденные работать в тех коман-

дах, в которых дополнительные пайки не полагались. Благодаря тому, что первый курс обучения закончился удачно, на последующие могли записаться еще многие сотни еврейских и польских заключенных. Уменьшилась опасность включения их в транспорты уничтожения, направлявшиеся в Аушвиц.

После того как закончился первый курс обучения, по предложению Роберта Зиверта, товарищей Шнейдера, Шиллера, молодого антифашиста из Берлина Филипсона и Эриха Файна оставили в команде в качестве инструкторов и бригадиров. Затем было разрешено организовать вторую группу, в которой планировалось подготовить около 200 каменщиков. Для сотен заключенных-евреев это означало спасение от смерти [6].

В своем сообщении бывший заключенный Эрих Файн рассказывал об одном эпизоде, происходившем в команде по подготовке каменщиков: «Мы клали стены для цехов “Густлоф-верке”. Колонны у входа в завод еще не были оштукатурены и отделаны. Однажды лагерфюреры СС Редль и Шоберт осматривали строительство и спросили у капо Роберта Зиверта, кто из каменщиков сделал такую хорошую кладку. На это Роберт ответил, что эту кладку сделали евреи. “Не может этого быть, чтобы евреи могли овладеть ремеслом. Позови их сюда и пусть они поработают на наших глазах”. Роберт Зиверт позвал нас, и мы стали работать в этой части цеха, которая еще не была закончена. Сначала Редль некоторое время наблюдал за работой, а затем в ярости заорал: “Убирайтесь!”» [7]. Благодаря обучению профессии каменщика многим заключенным удалось устроиться на менее опасную работу. При этом во время работы слабых ставили рядом с более опытными товарищами, которые и производили кладку вместо них.

Еще одним производством, где работала внешняя команда узников, было предприятие «Густлоф-верке» в Веймаре, принадлежавшее гауляйтеру Тюрингии Ф. Заукелю. В непосредственной близости от завода был обнесенный колючей проволокой концлагерь, в котором находились около 2,5 тыс. заключенных. Здесь были русские, французы, поляки, чехи, испанцы, немцы. Администрация завода делала всё, чтобы увеличить выпуск продукции за счет нечеловеческой эксплуатации заключенных и военнопленных. Но, несмотря ни на что, производительность труда была крайне низкой, планы выпуска оружия

систематически срывались. Работавшие в цехах представители подпольной организации Бухенвальда смело и самоотверженно делали свое дело [8].

К моменту, когда команда начала свою деятельность, в ней было занято примерно 800 немцев, иностранных рабочих и военнопленных. Военнопленными были французы. Как пишет в своем сообщении Август Штетцель, который в 1937–1945 гг. находился в концентрационном лагере Бухенвальд, группа заключенных-подпольщиков составила представление о рабочих, занятых на предприятии, получила определенную информацию относительно руководства предприятия и характера производимой продукции (минометы и токарные станки).

В первую команду вошло 22 заключенных, среди них были политические, а также профессиональные преступники и асоциальные элементы. Коммунистическая группа состояла из 6 человек. Из главного лагеря привозили всё необходимое, что давало возможность почти ежедневно поддерживать связь с центральным руководством в лагере и Интернациональным лагерным комитетом. Заключенные различных национальностей, находившиеся в лагере близ Веймара, налаживали сотрудничество со своими антифашистскими центрами и руководящими органами. Для этого в основном использовали подачу рапортов о болезнях, которые невозможно было лечить в малом лагерном лазарете, а также отправку с транспортом, перевозившими белье и продовольствие [9].

Начиная с июля 1944 г. саботаж в цехах проводился организованным путем, по заблаговременно продуманному плану. Формы саботажа были очень разнообразными и сложными. Организованно отрывая от работы квалифицированных рабочих, заключенные-подпольщики систематически срывали производственный процесс. Это делалось так: заключенные, обслуживающие особенно важные станки, «заболевали» или вызывались якобы для допросов на несколько дней в главный лагерь [10]. Существовал и другой метод. Так как в большинстве случаев рабочие были плохо обучены, они не имели опыта обращения со сложными станками. В результате ломались резцы, не соблюдались необходимые допуски при токарных и фрезерных работах, станки перегревались. Это объясняли главным образом не-

доразумениями, связанными с тем, что рабочие не знают немецкого языка. Мероприятиям по организации саботажа содействовало также и то, что станки быстро изнашивались. Их постоянно заменяли станками, вывезенными из оккупированных стран.

Заключенные Великий и Страшнов, работая писарями, занимались приписками: тысячи деталей, которые, по их сведениям, были якобы изготовлены, на самом деле не существовали. Давибаран, работая на последней операции по рассверловке деталей, делал заведомый брак, и в конечном итоге детали выбрасывались. Михаил Кубанский однажды вывел из строя свой станок на 14 дней. На него был подан рапорт СС. Кубанскому грозила смертельная опасность, но его выручили подпольщики [11].

Весомый ущерб фашистскому производству наносили заключенные, работавшие в шлифовальном отделе, где обрабатывались инструменты для цехов 1 и 2. Инструмент умышленно портили, пережигали, неправильно точили. Главные фрезы, вальцфрезы, изготавливаемые из высококачественного металла, не были пригодны к употреблению. В производстве брака здесь особенно отличился молодой заключенный В. Виноградов из Ростова [12].

Ежедневно в лагере людей, делавших брак, жестоко наказывали. Тех, кто не желал работать, эсэсовцы избивали и отправляли в штрафной блок. Наказанные заключенные получали урезанный паек пищи, лишались отдыха. На помощь приходила подпольная организация. Со штрафниками солидаризировался весь лагерь, товарищи, отрывая от себя, приносили им суп, хлеб, табак [13].

Приведенные факты подтверждают жестокость и бесчеловечность по отношению к заключенным в нацистских лагерях, но, несмотря на всё это, дух сопротивления узников не удалось сломить.

Примечания

1. Виленский М., Кюнг Н. Война за колючей проволокой. 2-е изд., доп. и испр. М., 1960. С. 243.
2. Красноперов В.М. Подпольщики Бухенвальда М., 1960. С. 75.
3. Кюнг Н.Ф, Тальмант У.Р. Из истории движения сопротивления советских людей в лагерях гитлеровской Германии // История СССР. 1959. № 5. С. 42.

4. Тычков Н.П., Тычкова Л.К. Набат памяти. Ярославль, 1990. С. 72.
5. Там же. С. 74.
6. Там же. С. 76.
7. Красноперов В.М. Указ. соч. С. 89.
8. Там же. С. 112.
9. Поливин Г.П. Это было в Бухенвальде. Новосибирск, 1959. С. 154.
10. Тычков Н.П. Жизнь остановить нельзя. Иваново, 1961. С. 53.
11. Там же. С. 56.
12. Тычков Н.П., Тычкова Л.К. Указ. соч. С. 77.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 14. Л. 111–112.

М.А. Савченко

**ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЗАКОВ-ЭМИГРАНТОВ
ЗА ПРОЯВЛЕНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

События Великой Отечественной войны продолжают оставаться в фокусе исторической памяти российского общества и исследователей. Среди множества обсуждаемых проблем одной из дискуссионных является коллаборационизм и правовая ответственность за его проявления. Среди множества этнических и социальных групп, вовлеченных в процесс сотрудничества с Германией в период 1941–1945 гг., были и представители казачества. При этом в общей картине казачьего коллаборационизма необходимо разделять две составляющие: казаки-эмигранты и казаки – граждане СССР.

Как отмечает О.В. Ратушняк, большинство казаков-эмигрантов выступили в поддержку наступления германской армии на СССР, идеологи и лидеры казачьего зарубежья заявили об этом практически с первых же дней войны, а некоторые казаки рвались принять участие в войне против СССР [1]. По мнению Е.Ф. Кринко, наиболее вероятная общая численность казачьих частей, воевавших на стороне противника, составляла 70–80 тыс. человек, а доля потомственных казаков

в них – примерно 50 тыс. человек [2]. Только 1430 казаков из состава Казачьего стана, выданных советским властям в г. Лиенце, принадлежало к эмигрантам первой волны [3]. При этом коллаборационистами в одинаковой степени считают как граждан СССР, так и эмигрантов белых армий, проигравших в Гражданской войне.

В ходе Великой Отечественной войны были разработаны нормативно-правовые документы для уголовного преследования лиц, пошедших на сотрудничество с германскими властями, они предусматривают конкретные нормы уголовного наказания. Однако формально они касались советских граждан, перешедших на службу к оккупантам, в то время как представители казачьей белой эмиграции гражданами СССР не являлись.

Первоначально правовой основой преследования коллаборационистов явилась печально известная статья 58 Уголовного кодекса РСФСР – за контрреволюционную деятельность. Об этом говорится в приказе прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» от 15 мая 1942 г. Советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличенные в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавшие в деятельности карательных органов немцев – подлежали ответственности по ст. 58-1/а УК РСФСР [4].

Юридическим основанием для уголовного преследования деятелей российской эмиграции, ставших на путь сотрудничества с вермахтом и немецкими оккупационными властями, можно считать указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков». Он устанавливал перечень тяжких преступлений, за которые виновные в них представители германского политического руководства, командование армий и их сообщники должны были нести полную и суровую уголовную и материальную ответственность [5].

Начавшееся освобождение оккупированных советских территорий в 1943 г. привело к принятию еще одного нормативного акта –

19 апреля 1943 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». В нем приводился перечень привлекаемых категорий лиц: «немецкие, итальянские, румынские, венгерские и финские фашистские злодеи и шпионы и изменники из советских граждан будут караться смертной казнью через повешение, пособники из местного населения – ссылкой на каторжные работы на 15–20 лет» [6]. Представители российской эмиграции, в том числе казачьей, в этом перечне отсутствуют, тем не менее можно утверждать, что советская власть автоматически внесла их круг лиц, подпадающих под юрисдикцию указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., невзирая на их гражданско-правовой статус.

Здесь необходимо отметить, что основная масса казачьей эмиграции, выбравшая путь сотрудничества с Германией, вступила в ряды 15-го кавалерийского корпуса вермахта, который проводил операции на территории Балканского полуострова, и в боевых действиях против Красной армии не участвовала. После завершения военных действий в Европе в 1945 г. они были выданы в СССР вместе с основной массой личного состава казачьих частей, сформированных из советских граждан – коллаборационистов, и подвергнуты уголовному наказанию.

Основой для разработки законодательной базы правового преследования и наказания коллаборационистов стали два главных категориальных термина – «предательство» и «измена». И если к гражданам СССР, связанным с Советским государством гражданско-статусными отношениями, при вступлении или мобилизации в Красную армию дававшим воинскую присягу, эти термины имеют непосредственное отношение и влекут для них правовые последствия, то к белым эмигрантам они не применимы. Невозможно предать и изменить государству, к которому не принадлежишь. Тем не менее, означенная терминология предопределила, вплоть до 1990-х гг., негативное, уничижительное отношение к казачьей эмиграции в целом.

Это позволяет предположить, что казачья эмиграция за рубежом, ушедшая из страны после поражения в Гражданской войне, продолжала рассматриваться советской властью как враждебная сила. Соответственно, это отразилось на применяемой к ней терминологии и на желании во чтобы то ни стало заполучить классового врага в свои руки после Великой Отечественной войны, что и было реализовано. Об этом же говорит и чрезвычайно высокий уровень наказания как для рядовых казаков-эмигрантов, так и для высшего казачьего руководства. Приговоры по обвинению в коллаборационизме были вынесены казачьей эмиграции в большей степени по политическим мотивам, а не на юридических основаниях.

Таким образом, неожиданно масштабное проявление коллаборационизма в период Великой Отечественной войны многие исследователи объясняют продолжением Гражданской войны, что подтверждается отношением к этому явлению самой советской власти, для которой это тоже было продолжение войны с классовым врагом. Как видим, сложность проблемы казачьего коллаборационизма объясняется не только наличием правовых «лакун», но и политической предысторией.

В своем комплексном труде о судьбе казачьей эмиграции в XX в. О.В. Ратушняк отмечает: «Многие исследователи считают, что казаков-эмигрантов нельзя причислять к коллаборантам в силу того, что они не были гражданами Советского Союза. Однако, по нашему мнению, сотрудничество с врагами своей родины также является проявлением коллаборационизма безотносительно факта гражданства» [7]. Это также свидетельство того, что правовые аспекты исторических событий и процессов, в данном случае фактов сотрудничества части казачьей эмиграции с германскими властями в период Великой Отечественной войны, не рассматриваются как определяющие. Это ставит под угрозу основополагающий принцип цивилизации главенства закона и норм права.

Подводя итоги, можно резюмировать следующее:

1. Казачья эмиграция считала СССР и советскую власть враждебной для себя силой и в период Великой Отечественной войны добровольно стала сотрудничать с германскими властями.

2. После завершения Великой Отечественной войны наиболее радикальная часть казачьей эмиграции, запятнавшая себя военными преступлениями, должна была понести наказание в соответствии с международными нормами права.

3. Казачья эмиграция, репатриированная в СССР в 1945 г., в основной своей массе подверглась уголовному преследованию по политическим основаниям, а не правовым, что повлекло неадекватно суровое наказание.

Таким образом, проблема правовой ответственности казаков-эмигрантов за проявления коллаборационизма в период Великой Отечественной войны требует своего дальнейшего изучения и осмысления в научной и общественной сферах.

Примечания

1. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2018. С. 276.

2. Кринко Е.Ф. В составе вермахта и СС: коллаборационистские казачьи части // Исторические и политологические исследования. 2013. № 4 (54). С. 268.

3. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранное формирование Третьего рейха. М., 2011. С. 649.

4. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград, 2005. С. 39; Уголовный кодекс РСФСР. М., 1938.

5. Трут В.П. Массовая борьба с врагом и сотрудничество советских граждан с оккупантами в годы Великой Отечественной войны: сравнительный анализ // Народы Юга России в отечественных войнах: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 сентября 2012 г., ЮНЦ РАН) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2012. С. 81–82.

6. Смыкалин А. Судебная система страны в годы Великой Отечественной войны // Российская юстиция. 2002. № 9. URL: <https://base.garant.ru/4058383/> (дата обращения: 11.02.2020).

7. Ратушняк О.В. Указ. соч. С. 326.

Л.В. Табунщикова**РЕПРЕССИВНЫЕ АКЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ДОНСКИХ
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО С НЕМЦАМИ
ПЕРИОДА ОККУПАЦИИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1943 гг.)**

В период Великой Отечественной войны на территории Ростовской области в условиях религиозного возрождения происходило массовое открытие православных храмов. Однако особенностью данного процесса был тот факт, что наибольшее количество открытий, около двухсот, пришлось на период немецкой оккупации. В одном городе Ростове-на-Дону в рассматриваемый период начали функционировать 11 храмов [1]. Для сравнения: в предыдущий предвоенный период были закрыты все ростовские храмы. Данная ситуация была в общем характерна для всех регионов, побывавших под оккупацией. Так, согласно отчету Совета по делам Русской православной церкви, на 1 января 1948 г. число открытых немцами храмов на временно оккупированных территориях СССР составляло 7547 [2]. Согласно подсчетам историка М.В. Шкаровского, на занятой германскими войсками территории СССР открылось около 9400 храмов [3]. Советская власть, освободив занятые немцами территории, предпочитала не закрывать уже функционирующие храмы, а по-новому их регистрировать.

На фоне общей статистики открытых во время Великой Отечественной войны на Дону церковью значительный интерес представляет ситуация со священнослужителями, начавшими или продолжившими в данное время свою богослужебную деятельность. Подавляющее большинство священников, зарегистрированных уполномоченным по делам Русской православной церкви по Ростовской области в первые послевоенные годы, начали службу при немецкой оккупации и в дальнейшем репрессиям за это не подвергались. Так, священник Александр Польский, по данным анкеты, служил в соборе Рождества Христова г. Каменска-Шахтинского с сентября 1942 г. [4]. Псаломщик Александр Головкин начал службу во Всехсвятской церкви г. Таганрога с октября 1941 г. и продолжал ее по август 1943 г. [5]. Иеромонах Иоанн (Пётр Алексеенко) «во время оккупации г. Азова выехал в го-

род Таганрог, где работал в Кресто-Воздвиженской церкви в качестве священника» [6] и т.д.

Более того, в послевоенное время проходили регистрацию уполномоченного по делам Русской православной церкви по Ростовской области в качестве священнослужителей и те лица, которые в оккупации находились на светских должностях. Так, псаломщик кафедрального собора Ростова-на-Дону, согласно заполненной им анкете, работал при немецкой оккупации в бургомистерстве завхозом: «...Не имея абсолютно никаких средств к дальнейшему существованию с женою, старухой 65 лет, я вынужден был поступить на службу и работал завхозом в бургомистерстве 7-го района г. Ростова н/Д» [7], – и тем не менее получил регистрацию в декабре 1944 г. у местного уполномоченного по делам Русской православной церкви [8]. Священник села Головатовка Азовского района служил в оккупацию в трамвайном управлении [9]. Дьякон села Кагальник Азовского района во время войны находился в плену в Норвегии [10]. Псаломщик села Тарасовка Тарасовского района в 1943 г. ушел с немцами в Австрию, где был до 1949 г. В 1950 г. получил регистрацию [11]. Псаломщик храма на территории пос. Сельмаш Я.Я. Зеневич при отступлении немцев выехал в Германию, где находился до 1945 г. В 1945 г. вернулся обратно [12]. Были и «невозвращенцы». Так, например, настоятель Михайловского храма г. Новочеркаска Николай Фомин в 1943 г. ушел во время немецкого отступления вместе с казаками атамана Павлова на запад, до 1951 г. был священником в г. Мангейме в Германии, затем переехал в Нью-Йорк. Скончался в Германии в возрасте 91 года [13].

Однако такая относительно спокойная судьба была характерна не для всех донских священнослужителей, начавших или возобновивших свою деятельность в годы войны. Часть донского клира была репрессирована сразу после ухода немцев и прихода советских частей. В настоящее время выявлены четыре случая репрессий органами советской власти донских священнослужителей за сотрудничество с немцами.

Одним из первых был арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) таганрогский епископ Иосиф (Чернов). Возглавивший церковную жизнь в Таганроге епископ

Иосиф последний раз до войны репрессировался в 1935 г., был осужден на 5 лет лишения свободы, наказание отбывал по декабрь 1940 г. [14]. После освобождения проживал в г. Азове. Через несколько дней после начала немецкой оккупации был вызван в таганрогское бургомистерство, где ему было предложено пройти регистрацию в качестве священнослужителя. Перед освящением Никольского собора г. Таганрога Чернов был вызван в отдел пропаганды, где ему предложили прочитать перед согражданами пронемецки составленную речь [15]. При освящении собора, где присутствовали работники бургомистерства и немецких воинских частей [16], епископ написанную офицером речь, как и собственную проповедь, читать отказался. Больше ему речей читать не предлагали, но по настоянию властей он был вынужден во время пребывания в Таганроге с августа 1942 г. по февраль 1943 г. написать три статьи антисоветского характера в местную коллаборационистскую газету «Новое слово». 17 октября 1942 г., в день 1-й годовщины захвата города немецкими войсками, в Никольском соборе, по приказу немцев, он совершил литургию. Годовщина сопровождалась и другими праздничными мероприятиями. В тот же день в таганрогской коллаборационистской газете вышла статья епископа «Крест снова венчает храмы», посвященная возрождению православия в Таганроге [17].

Епископ Иосиф (Чернов) после прихода советских войск был арестован в 1944 г. и судим в 1945 г. как агент гестапо и тайный иоаннит (последователь секты почитателей Иоанна Кронштадтского. – Л. Т.). Основное обвинение базировалось на его, согласно материалам дела, «профашистской» речи при освящении Никольского храма и антисоветских публикациях в газете «Новое слово». Публикации епископ признал, от обвинений в пособничестве гестапо категорически отказался, признав только факт провозглашения им многолетия немецкой армии на площади у памятника Петру I в июне 1943 г. после перенесения его немцами на старое место (вместо памятника Ленину) [18]. Решением Военного трибунала Северо-Кавказского военного округа в феврале 1946 г. Иосиф (Чернов) приговорен к 10 годам ИТЛ. Как «особо опасный государственный преступник» был направлен в особый лагерь Министерства внутренних дел близ Челябинска. После отбытия

срока наказания он возглавил в Алма-Ате кафедру и даже обсуждался в числе возможных кандидатов на выборах нового патриарха в 1971 г., однако отказался выставлять свою кандидатуру, сославшись на преклонный возраст и отсутствие богословского образования [19]. Митрополит Иосиф (Чернов) был реабилитирован прокуратурой Ростовской области 14 мая 1992 г.

Другим видным арестованным церковным деятелем был священник Вячеслав Сериков. Именно им, совместно с протоиереем Иоанном Наговским, было организовано в сентябре 1942 г. по приказу немецких властей в г. Ростове Епархиальное управление для руководства церквами оккупированных территорий. Очевидец событий священник Павел Чехранов позже вспоминал: «Еще до прибытия в Ростов и вступления архиепископа Николая (Амассийского. – Л. Т.) в управление епархией объявился лично для меня не знакомый священник – отец Вячеслав Сериков. Появился на поверхности церковной жизни Ростова сразу же по приходе в Ростов немецких вооруженных сил и отрекомендовал себя как благочинный г. Ростова, назначенный епископом Иосифом Таганрогским. Он предложил мне принять участие в общественных городских благодарственных молебнах... по случаю занятия немцами г. Ростова. На это предложение я дал категорический отказ, рассматривая его как позорное для всякого русского гражданина» [20]. Данная информация была изложена отцом Павлом в объяснительной записке, когда после освобождения Ростова его попросил об этом прибывший в город представитель Московской патриархии [21].

Сериков Вячеслав Алексеевич, 1888 г.р., был арестован в мае 1944 г. управлением Наркомата государственной безопасности по Ростовской области за измену Родине и проведение антисоветской агитации. Осужден по статьям 58-1 «а», 58-10 Уголовного кодекса РСФСР к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет. Скончался в местах заключения в 1953 г. Прокуратора Ростовской области в 1993 г. вынесла заключение о реабилитации Вячеслава Алексеевича [22]. Наговский избежал наказания, уехав с отступавшими немцами на Запад. Последние годы жизни провел настоятелем южноамериканского прихода Святой мученицы Зинаиды (Рио-де-Жанейро).

Помимо Ростова и Таганрога, активный центр организации церковной жизни в 1942 г. находился в г. Шахты и был связан с деятельностью

местного протоиерея Василия Дмитриева, исполнявшего обязанности благочинного с августа 1942 г. по февраль 1943 г. В 1948 г., будучи священником ст. Ольгинской, он был арестован, судим и получил 10 лет заключения – преимущественно за то, что во время открытия собора в 1942 г. в г. Шахты произнес антисоветскую речь «с восхвалением немецких порядков» [23]. Сам осужденный свою речь признавал произнесенной под давлением со стороны шахтинского бургомистра [24]. Положение осложнялось тем, что она была целиком опубликована в местной коллаборационистской газете «Шахтинский вестник» от 30 августа 1942 г. под заголовком: «Город Шахты приветствует офицеров немецкой комендатуры» [25].

Четвертым арестованным, а по времени первым, является священник хут. Слободского Семикаракорского района Киреев Николай Алексеевич. Согласно материалам дела, в период оккупации «использовал церковь в контрреволюционных целях, проводил среди населения антисоветскую агитацию в пользу немецких оккупантов» [26]. На практике это выразилось следующим образом: в августе 1942 г. он якобы призывал население убирать урожай и сдавать зерно для нужд немецкой армии, а также поступать в нее добровольцами. Несмотря на предъявленное обвинение, подкрепленное свидетельскими показаниями, Н.А. Киреев на суде в декабре 1943 г. был оправдан: «трибунал не считает доказанным виновность Киреева Н.А.» [27].

Собственно глава Ростовской епархии архиепископ Николай (Амассийский), непосредственно связанный с немцами, как и Наговский, репрессий сумел избежать. Особым посланием патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского) от 20 марта 1943 г. архиепископ Николай был осужден за связь с гитлеровцами [28]: «В Ростове было открыто Епархиальное управление, и, к стыду нашему, нашлись духовные лица – Вячеслав Сериков, Иоанн Наговский, – которые согласились работать в этом Епархиальном управлении по указке немцев. В качестве же возглавителя епархии где-то разыскали бывшего ростовского архиепископа Николая Амассийского, еще в 1935 г. уволенного нами от управления Ростовской епархией. Жалкий старец едва ли отдавал себе ясный отчет в своих действиях, но тем он и удобнее был для показательного возглавления» [29]. В 1943 г.

Николай (Амассийский) во время отступления немцев уехал в Румынию, где умер в возрасте 90 лет. Жил в одном из монастырей близ румынской столицы – города Бухареста. Реабилитирован в 1989 г. по делу 1935 г.

Таким образом, по имеющимся на настоящий момент данным, из более чем 200 священнослужителей, служивших при немцах, органами советской власти были арестованы четыре человека, из них осуждены трое. Подавляющего большинства священнослужителей, начавших или продолживших после долгого перерыва службу в оккупации, последующие репрессии не коснулись. Большинство получило регистрацию местного уполномоченного по делам Русской православной церкви и продолжило свою деятельность.

Примечания

1. Табунщикова Л.В. Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 10 (60). Ч. I. С. 173.

2. Васильева О.Ю. Свои или чужие: к вопросу о религиозной жизни на временно оккупированной территории. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5209.htm> (дата обращения: 16.03.2020).

3. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 гг.: сб. документов / сост. М.В. Шкаровский. М., 2003. С. 28.

4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 183. Л. 14.

5. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 77. Л. 9–9об.

6. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 57. Л. 9–9об.

7. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 1. Л. 16.

8. Там же. Л. 22.

9. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 93. Л. 15.

10. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 95. Л. 20.

11. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 269. Л. 34.

12. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области (далее – Архив УФСБ по РО). Д. П-156613. Дело по обвинению Я.Я. Зеневиича 1948 г.
13. Чибисова С.П. История православных храмов Новочеркаска. Ростов н/Д., 2013. С. 166.
14. Архив УФСБ по РО. Д. П-38243. Дело по обвинению И. Чернова. 1935 г. Л. 237.
15. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Дело по обвинению И. Чернова. 1945 г. Л. 65.
16. Новое слово. 1942. 1 сентября. № 73. С. 2.
17. Табунщикова Л.В. Епископ Иосиф (Чернов): служение в оккупированном Таганроге в годы Великой Отечественной войны // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2016. С. 486.
18. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Дело по обвинению И. Чернова. 1945 г. Л. 83.
19. (Веретенников) Макарий, архим. Иосиф (Чернов). Православная энциклопедия. URL: // <http://www.pravenc.ru/text/578561.html>. (дата обращения: 15.03.2020).
20. Церковный вестник. 1999. № 7 (76). С. 7.
21. Чехранов В.П. Священник Павел Чехранов // Церковный вестник. № 7 (76). 1999. С. 7.
22. Справка Управления Федеральной службы безопасности РФ по Ростовской области № 115/6/9-Т-2075 от 12.11.2015.
23. Архив УФСБ по РО. П-50466. Дело по обвинению В.М. Дмитриева 1948 г. Л. 116.
24. Там же. Л. 122.
25. Там же. Номер листа не указан.
26. Архив УФСБ по РО. Д. П-5841. Дело по обвинению Н.А. Киреева 1943 г. Л. 30.
27. Там же. Л. 44.
28. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.
29. Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 34.

К.В. Воронин**ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ
ГРАЖДАН, ОБВИНЯЕМЫХ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ПРОТИВНИКОМ:
НА МАТЕРИАЛАХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ 1943–1954 гг.**

Органы государственной безопасности СССР начали разыскивать пособников оккупантов, виновных в физическом уничтожении мирных советских граждан и военнопленных, еще в ходе Великой Отечественной войны по мере освобождения оккупированных территорий. Суды над арестованными в 1944–1945 гг. преступниками проводились военными трибуналами действующих армий. Они руководствовались приказом народного комиссара обороны № 106 от 19 апреля 1943 г. с объявлением Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». В пункте 2 этого приказа говорилось: «Военным советам фронтов и армий обязать командиров дивизий не позднее 10 мая 1943 г. организовать для этой цели военно-полевые суды в соответствии с требованиями объявляемого Указа». Пособники из местного населения, «уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами», должны были наказываться ссылкой на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Приговоры военно-полевых судов при дивизиях следовало утверждать командиру дивизии и приводить в исполнение немедленно» [1].

Но еще до принятия данного указа, начиная с декабрьского наступления под Москвой в 1941 г. и далее по мере освобождения от нацистов захваченных советских территорий, вслед за войсками туда прибывали оперативные группы НКВД, которые немедленно занимались поисками лиц, сотрудничавших с оккупационными властями. Начинался сбор сведений о преступлениях, совершенных за время немецкой оккупации, допрашивались десятки, а то и сотни свидетелей преступлений. Большинство переживших оккупацию граждан активно сотрудничали с работниками образованной по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. Чрезвы-

чайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, а также органами НКВД, поскольку желали доказать свою лояльность вернувшейся советской власти.

Одной из проблем на местах при расследовании деятельности советских граждан, сотрудничавших с оккупантами, и вынесении наказания (а зачастую и смертного приговора) являлось поверхностное разбирательство с этими людьми на стадии предварительного дознания. Нередко хватало одного-двух свидетельств сотрудничества с оккупантами, чтобы советский гражданин получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Однако не все советские граждане шли на службу к оккупантам по антисоветским мотивам либо по личным интересам. Вынужденно сотрудничали с оккупантами граждане старших возрастов, до войны работавшие в органах государственной власти и управления. Фактически оккупанты привлекали их к выполнению прежних трудовых обязанностей под угрозой наказания. Но, несмотря на это, многие из этих граждан оставались патриотами и стремились оказывать помощь подпольщикам и гражданскому населению в своих населенных пунктах. Данные обстоятельства часто не учитывались спецгруппами НКВД при предварительных разбирательствах и особыми совещаниями НКВД при вынесении приговоров.

Ярким примером таких поверхностных разбирательств служит уголовное дело от 10 мая 1943 г. в отношении Георгия Геннадьевича Николаева, 1900 г.р., арестованного 28 февраля 1943 г. спецгруппой экономического отдела НКВД по Ворошиловградской области. Николаев обвинялся в том, что «в период оккупации немцами Краснодонского и Верхне-Теплянского района Ворошиловградской области добровольно стал к ним на службу, сначала в качестве директора Краснодонской райконторы дохода и сбыта, позже председателем Петровского райпотребсоюза и в своей практической работе оказывал содействие немецким властям» [2].

Дело в отношении коллаборанта Николаева является примером одной из основных системных проблем советского правосудия – формализованного предварительного расследования. Главные отличия

тельные признаки этой проблемы – создание судебных доказательств прямо на досудебных стадиях процесса, с отступлением от принципа равноправия, т.е. фактически лишь одной из сторон в процессе – стороной уголовного преследования, а также крайняя формализация действий органов дознания и следствия [3].

Так, Николаев в своих показаниях признавал, что работал на оккупационные власти, но вместе с тем ясно указывал на давление, оказывавшееся на него со стороны новых административных властей из числа добровольных коллаборантов. В более позднем протоколе допроса от 21 мая 1954 г. Николаев так описывал этот факт: «... Комендант мне сказал так: если я не пойду к ним служить, то буду заключен в концлагерь, а семья будет отправлена в Германию» [4].

В вину Николаеву также ставилось, что «в своей практической деятельности Николаев, как руководитель этих организаций, принимал активные меры к заготовке сельхозпродуктов, которыми снабжал немецко-фашистские войска. За время его деятельности заготовил для немцев 200 тонн картофеля и других овощей» [5]. Но следствие не учитывало показаний Николаева о том, что 28 ноября 1942 г. он был арестован местной полицией и просидел под арестом три недели. Причины ареста он охарактеризовал так: «...якобы принадлежу к еврейской национальности и являюсь членом ВКП(б), одновременно с этим обвиняли, что я, работая в конторе дохода и сбыта, саботировал проведение в жизнь мероприятий для немецких властей... и в выдаче без рядов семьям коммунистов и краснодонцев овощей» [6].

Но главными обвинениями были добровольное сотрудничество Николаева с немецкими властями и, возможно, вербовка его в качестве агента органами немецкой разведки для подрывной деятельности в тылу у наступающей Красной армии. Следственные органы к таким обвинениям обязывал Приказ НКВД СССР № 001683 от 12 декабря 1941 г. «Об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника». Согласно этому приказу, в круг обязанностей создававшихся в освобожденных районах территориальных управлений НКВД входило «через агентов, осведомителей и партизан, а также честных советских граждан установить и арестовать предателей, изменников и провокаторов, как состоявших на службе немецких оккупационных властей, так

и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий». 16 декабря 1941 г. этот приказ был уточнен в директиве НКВД УССР № 33881/св. В числе основных задач городских и районных аппаратов НКВД на освобожденной от противника территории здесь отмечалось: «Выявление и изъятие всех лиц, работавших в административных органах, созданных немцами (самоуправления, старосты, полиция и т.д.)». Таким образом, арестам в освобожденных областях подлежали сотрудники организованных немцами административных органов, полицейских формирований и лица, принимавшие участие в совершаемых нацистами преступлениях. Кроме того, аресту подлежали дезертиры и «враждебные элементы из числа местных жителей». Последняя формулировка была недостаточно четкой и вызвала у сотрудников НКВД массу вопросов [7]. Последовавшие указания НКВД СССР от 18 февраля 1942 г. подробно расписывают конкретные категории граждан освобожденных районов, с которыми следовало работать органам НКВД. В частности, действия Николаева в период оккупации подпадали под пункт М: «...всех без исключения лиц, служивших в созданных немцами учреждениях и предприятиях, вне зависимости от рода обязанностей (исключая насильно мобилизованный контингент), а также всех лиц, добровольно оказывавших услуги немцам, какой бы характер эти услуги ни носили» [8].

В пользу уголовного преследования Николаева сыграл и еще один факт: в ходе предварительного расследования нашелся свидетель, который заявил, что «когда немцы удирали, он [Николаев] нагрузил подводу продуктов: мука, сахар, мед и сбежал с немцами... кроме того, взял из вырученных денег [кассы Петровского райпотребсоюза] несколько тысяч себе и роздал большую сумму тем, кто убежал с немцами, а кроме того, многих агитировал убежать с “освободителями”» [9]. Действительно, в своих показаниях Николаев признавал, что переехал в г. Ворошиловград в момент отступления немецких войск. Однако причиной отъезда был арест в январе 1943 г. его старшего сына за деятельность в молодежной антифашистской организации, и отъезд стал попыткой Николаева узнать судьбу и оказать помощь сыну. Этот факт подтверждается показаниями жены и дочери Николаева – Николаевой Марии Антоновны и Николаевой Ольги Георгиевны.

Есть еще один малопонятный в этом деле факт. И при первоначальном допросе в 1943 г., и при последующих кассационных допросах Николаев упоминал о своих контактах с Третьякевичем Михаилом Иосифовичем, являвшимся во время оккупации Донбасса секретарем подпольного горкома партии и одновременно комиссаром партизанского отряда. Кроме того, его младший брат – Третьякевич Виктор Иосифович – был одним из руководителей молодежной антифашистской организации «Молодая Гвардия» и был казнен за сутки до казни сына Николаева в шурфе той же шахты № 5. Николаев показывал, что после освобождения г. Ворошиловграда от оккупации он по направлению М.И. Третьякевича стал работать в горкоммунхозе. Из показаний Николаева: «Когда я объяснил Третьякевичу, что [я] работал при немцах, он сказал, что знает, кто и чем занимался при оккупации» [10]. Но, несмотря на эти показания, М.И. Третьякевич опрошен по существу дела не был и участия в защите Николаева от предъявленных обвинений не принял.

В итоге 25 сентября 1943 г. Г.Г. Николаев был осужден особым совещанием НКВД к 7 годам ИТЛ. Однако не смирился с несправедливым приговором. В деле сохранилось постановление Ворошиловградской прокуратуры от 31 августа 1944 г. об отказе в жалобе Г.Г. Николаева в пересмотре его уголовного дела.

Через 10 лет, в мае 1954 г., Николаев вновь обратился в судебные органы по поводу своего несправедливого наказания. Опрошенные в рамках нового судебного разбирательства свидетели красноречиво рассказывали о деятельности Николаева по оказанию помощи голодавшим семьям коммунистов и советских офицеров. Из протокола допроса свидетеля Г.Г. Герасимова: «Работая на базе, я знал много случаев, когда Николаев оказывал населению помощь путем выдачи им овощей помимо норм, установленных оккупантами. Николаев лично давал об этом письменные распоряжения, что я знаю, так как работал счетоводом базы» [11]. За эту деятельность Николаев был арестован полицией, и у него было отобрано имущество.

Подверглись репрессиям оккупантов и родители Николаева, проживавшие в Ворошиловграде. Кроме того, 21-летний сын Николаева – Анатолий Георгиевич, с начала оккупации проживавший в г. Краснодоне, в январе 1943 г. был арестован за участие в подпольной организации

«Молодая гвардия». При обыске у него было найдено оружие. 16 января 1943 г. А.Г. Николаев был расстрелян в г. Краснодоне вместе с другими подпольщиками, а его останки сброшены в шахту № 5. Из протокола допроса дочери Николаева: «...впоследствии оказалось, что Николаев Анатолий был расстрелян немцами как участник “Молодой гвардии”». Труп его был сброшен в шурф шахты № 5, где впоследствии обнаружен без глаз, языка и сильно изуродованным» [12]. Все эти факты в 1943 г. органами дознания и суда во внимание приняты не были.

Таким образом, советские правоохранительные органы по причине огромного потока текущей работы в прифронтовой зоне, непрофессионализма и бездушия отдельных сотрудников и отсутствия свидетелей неоправданно ставили настоящих патриотов, оказавшихся на службе в органах управления в период оккупации, в один ряд с приспособленцами, привыкшими жить при любой власти в соответствии со своими меркантильными интересами.

В октябре 1956 г. по заявлению Г.Г. Николаева определением Военного трибунала Киевского военного округа было отменено постановление особого совещания при НКВД СССР от 25 сентября 1943 г. «за отсутствием состава преступления» [13].

Изучение коллаборационизма в последние годы приобрело большой размах в связи с рассекречиванием и публикацией документов, ранее не известных исследователям. Зачастую уголовные дела по убежденным предателям смешивались с делами граждан, вынужденно работавших на оккупантов, однако вносящих свой, пусть и небольшой, но очень нужный вклад в общую Победу. Многие из таких граждан были репрессированы и отбыли тюремные сроки в местах лишения свободы. Но анализ таких уголовных дел показывает, что, несмотря на несправедливое отношение к ним органов советской власти, они никогда не были коллаборационистами и остались истинными патриотами своей Родины.

Примечания

1. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М., 1997. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/04.html (дата обращения: 19.03.2020).

2. Архив Министерства государственной безопасности Луганской Народной Республики (далее – Архив МГБ ЛНР). Ф. Р-21/10889-3. Оп. 1. Д. 1126-р. Л. 24, 27, 38.

3. Раджабов Ш.Р., Абдурахманова П.М. Актуальные проблемы предварительного расследования. URL: <https://scienceproblems.ru/images/PDF/2019/46/aktualnye-problemy-predvaritelnogo.pdf> (дата обращения: 19.03.2020).

4. Архив МГБ ЛНР. Ф. Р-21/10889-3. Оп. 1. Д. 1126-р. Л. 55.

5. Там же. Л. 24, 34, 35.

6. Там же. Л. 24.

7. Дюков А.Р. Растоптанная Победа. Против лжи и ревизионизма. URL: <https://e-libra.su/read/397722-rastoptannaya-pobeda-protiv-lzhi-i-revizionizma.html> (дата обращения: 19.03.2020).

8. Там же.

9. Архив МГБ ЛНР. Ф. Р-21/10889-3. Оп. 1. Д. 1126-р. Л. 37.

10. Там же. Л. 29, 57.

11. Там же. Л. 63, 64.

12. Там же. Л. 60.

13. Там же. Л. 72–73.

Раздел 6. Великая Отечественная война в пространстве памяти советского и постсоветских обществ

В.В. Наухацкий

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Историческая политика – это использование истории в целях реализации злободневных политических задач. Историческая политика существовала всегда, но в начале XXI в. мы наблюдаем новый этап ее активизации, что непосредственно связано с распадом СССР, складыванием независимых государств, формированием новой геополитической реальности. Как отмечается в современной литературе, «историческая политика осуществляется в интересах политических, культурных, этнических и других общественных групп в борьбе за власть, ее удержание или перераспределение. Историческая политика является средством обеспечения политической, культурной или иных форм лояльности крупных общественных групп, а также удержания идеологического и политического контроля над ними» [1].

Как известно, историю пишут победители. Вот почему современная историческая политика направлена на закрепление геополитических результатов распада СССР и возвеличивание роли западных демократий в борьбе с тоталитаризмом, т.е. фашизмом и коммунизмом, нацизмом и сталинизмом.

В результате намеренного искажения установленных, документально подтверждаемых исторических фактов, подчиненного определенным политическим целям и идеологии, в общественном и политическом дискурсе утверждается фальсифицированная версия предыстории и истории Великой Отечественной войны.

Основные направления такой исторической политики определились достаточно давно, но в последние годы они приобретают характер банальных истин и закрепляются в резолюциях и решениях европейских политических институтов в качестве правовых и политических норм. Можно выделить следующие основные направления ревизии истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Во-первых, представление СССР и Сталина наравне с фашистской Германией и Гитлером виновниками развязывания мировой войны. Включение в общественно-политический дискурс тезиса о равной ответственности Германии и СССР за развязывание войны произошло под влиянием распада СССР и нашло отражение в заявлениях руководителей Польши, Румынии, Украины, Прибалтийских стран, Парламентской ассамблеи ОБСЕ, Совета Европы и других европейских структур. Логическую завершенность данный подход получил в резолюции Европарламента «О влиянии исторической памяти на будущее Европы» (19 сентября 2019 г.), где виновниками войны были объявлены «коммунистический Советский Союз и нацистская Германия», которые, подписав договор о ненападении «с секретными частями», проложили путь для начала мировой войны. В качестве принципиально значимого для доказательства данного тезиса идут ссылки к Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. Политика пособничества в подготовке Германии к агрессии против СССР и других стран, Мюнхенское соглашение 1938 г. и другие факты при этом игнорируются.

Такая позиция сомнительна и с точки зрения конкретно-исторического подхода, так как игнорирует обстоятельства, предшествующие подписанию договора, и методологически, поскольку называется одна конкретная причина глобального события и игнорируется международный исторический контекст межвоенного двадцатилетия, т.е. условия и обстоятельства времени. Иначе говоря, в научном исследовании причина (причинная обусловленность)

не может подменять принцип исторической обусловленности событий, совокупности условий.

Тезис о равной ответственности Германии и СССР за развязывание войны в последнее время логично был пролонгирован в рамках европейского исторического дискурса на проблему ответственности за Холокост и Германии, и СССР. Некоторые политики Европы в последнее время высказались в подобном ключе. К примеру, об этом заявил во время визита в Польшу в конце января 2020 г. президент Украины В. Зеленский, обвинивший СССР в организации Холокоста. По его словам, в Холокосте виновны «оба тоталитарных режима» – СССР и нацистская Германия. Однако ложь, построенная на другой лжи, не может считаться правдой.

Во-вторых, представление США и Великобритании главными победителями во Второй мировой войне, умаление ведущей роли СССР в разгроме агрессора. С этой целью принижаются значение и масштабы одержанных Красной армией побед, замалчивается невыполнение данных СССР обязательств об открытии второго фронта в Европе в 1942 и 1943 гг., игнорируются твердо установленные факты. Данный отнюдь не новый тезис в последние годы всё активнее транслируется западными политиками, которые не утруждают себя поисками аргументов исторического характера и даже забывают оценки роли СССР и его Красной армии в разгроме фашизма, высказанные в свое время лидерами США, Великобритании, Франции и других стран. Истина, очевидно, сегодня совершенно не интересует акторов исторической политики. Это нормально для постмодерна, но не значит, что поиск научной истины с опорой на архивы превратился в анахронизм.

В-третьих, замалчивание того несомненного факта, что большинство стран Европы, за исключением Великобритании, а также нейтральных (в том числе с прогерманским нейтралитетом) Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции, Исландии, Турции, были в различной степени союзниками или пособниками гитлеровской Германии.

В-четвертых, представление Красной армии не освободительницей народов Европы от фашизма, а оккупантом народов и стран Восточной, Юго-Восточной Европы и Прибалтики. Подобная логика иррациональна и расходится со здравым смыслом, который состоит в том, что именно Красная армия спасла народы Европы от истребления,

утраты государственности, подчинения агрессору. Драматические коллизии послевоенного развития Восточной Европы не могут поставить под сомнение этот исторически неоспоримый факт. В русле данного тезиса замалчивается также и реальная помощь СССР странам Восточной Европы в послевоенные годы продовольствием, в восстановлении экономики и т.д.

В-пятых, в искаженном свете представляются источники Победы и массовый героизм советского народа, а советское общество рассматривается как царство насилия, как один сплошной Гулаг. Конечно, русофобия [2] и антисоветизм появились давно, но они особенно активизировались с конца прошлого века в связи с распадом СССР, ликвидацией советской власти и утратой Россией статуса сверхдержавы.

К сожалению, часть политической, культурной и научной элиты не сумела избежать нигилистической критики исторического развития СССР, а отчасти и России и даже покаяний перед новыми «союзниками», например перед Японией [3]. С конца 1980-х гг. в СМИ нарастала кампания разоблачительной критики Великой Отечественной войны и участия Советского Союза во Второй мировой войне. В 1990-е и последующие годы ряд российских и западных политиков и аналитиков сошлись на почве антикоммунизма и антисоветизма и внесли вклад в фальсификацию истории Великой Отечественной войны. Так, предпринимались попытки обвинить советское руководство, подписавшее советско-германский договор о ненападении, в «сговоре» с Гитлером и в агрессивных намерениях, переложить исключительно на Сталина тяжесть первых полутора лет войны, приписать ему военно-стратегическую бездарность и волюнтаризм, возложить на СССР ответственность за раскол послевоенной Европы и т.п. Предпринимались попытки юридического осуждения коммунизма, проводилось голосование в Думе против Знамени Победы. В прессе появились публикации с «разоблачениями» подвигов З. Космодемьянской, А. Матросова, героев-панфиловцев, с провокационными вопросами о ненужности защиты Ленинграда и т.д. Победа в войне представлялась без связи с советской властью, ВКП(б), социалистической идеологией, что проявлялось и в научном дискурсе, и в атрибутике праздника Победы.

Между тем принципиально важным для понимания логики развязывания Второй мировой войны и оценки ее содержания является

признание классовых противоречий той эпохи. Вторая мировая война своим острием направлялась против СССР, потому что он не только мешал правящим кругам Запада утвердить свою глобальную власть, но и был идеологически и политически чужд Западу. Этим объясняется и поддержка германского фашизма рядом стран Запада; и Мюнхенский сговор как подготовка западного альянса против СССР; и переговоры о сепаратном мире с эмиссаром Гимmlера К. Вольфом, которые вел будущий директор ЦРУ США А. Даллес в 1945 г.; и разработка по заданию премьер-министра У. Черчилля Объединенным штабом планирования военного кабинета Великобритании весной – летом 1945 г. операции «Немыслимое» с целью военной кампании против СССР – с участием вновь сформированных 10–12 немецких дивизий, и т.д.

Критикуя и ругая свое прошлое, мы сами дали западным критикам дополнительные поводы для русофобии и антисоветизма. Как сказал классик, «метили в коммунизм, а попали в Россию». Кроме того, долгие годы в Польше, странах Восточной Европы и Прибалтики, на Украине разрушали памятники советским воинам, сочиняли мифы о насилиях красноармейцев над местным населением, подсчитывали суммы «репараций», которые Россия якобы должна выплатить этим странам, героизировали пособников нацистов. Однако протесты российских посольств и МИД в этой связи носили весьма умеренный характер.

Правда, в 2009 г. была создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, прекратившая существование в феврале 2012 г. В 2012 г. были учреждены Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество. Был утвержден историко-культурный стандарт. В текст федерального стандарта по истории было внесено дополнение (приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 г.): «Опасность фальсификации прошлого России в современных условиях. Фальсификация новейшей истории России – угроза национальной безопасности страны». Были предприняты и другие шаги по активизации исторической политики [4].

Определенный поворот в исторической политике России обозначился с 2014 г., что было связано с украинским кризисом и резким

ухудшением отношений со странами Запада из-за воссоединения Крыма с Россией и событиями на Донбассе. Новый импульс исторической политике, несомненно, придает активное включение в нее Президента России В.В. Путина, который в конце 2019 г. – начале 2020 г. выступил с рядом важных заявлений, относящихся к истории Второй мировой войны, к позиции польского руководства накануне войны и вызвавших несомненный отклик в мировых СМИ и реакцию политиков.

Как справедливо отмечается в литературе, «альтернативные (исключительно негативные) трактовки советского прошлого соседями по постсоветскому пространству противоречили российскому интеграционному (инклюзивному) нарративу памяти, частью которого было признание советского периода важной и ценной, хотя и противоречивой составляющей исторического опыта России. А ревизия мифа о “великой Победе” у соседей (везде по западному периметру России армия – освободительница от нацизма превращалась в армию-оккупанта, заменившую нацистский тоталитаризм на коммунистический) в сочетании с формулой “коммунизм равно нацизм” не только была по образу России как члена антигитлеровской коалиции, но и подтачивала центральный объединительный исторический символ. Наличие объединительного нарратива истории и памяти, основанного на идее государственного величия (всё равно какого – имперского или советского), играло важную роль социально-психологического компенсатора» [5].

Таким образом, историческая политика – это прежде всего феномен политики. Причем историческая политика оказывается тем эффективнее (по крайней мере на определенное время), чем дальше она от научных принципов исторической науки. На примере истории Второй мировой и Великой Отечественной войны можно выделить следующие принципы европейской исторической политики, которые противоречат основным принципам научного исторического познания. Во-первых, это неисторический подход, то есть описание причин и предпосылок начала войны вне исторического контекста, в результате которого разрушается связь времен и причин. Во-вторых, принцип субъективизма, то есть тенденциозный, произвольный подбор фактов, без насилия над которыми отмеченные выше концепты европейской исторической политики не выдерживают научной

критики. С этой точки зрения позиция В.В. Путина, подкрепленная архивными документами, носит научно-объективный, а не пропагандистский характер. В-третьих, приоритет геополитических целей перед научно-образовательными, подчинение геополитическим задачам исторических коммеморативных практик, политики памяти, культурной политики и проч. В-четвертых, комплекс русофобии как искажающий историческую панораму оценочный и мировоззренческий принцип. В-пятых, аморализм как ценностный критерий, предающий забвению и глумлению жертвенный подвиг миллионов наших соотечественников.

Итак, намеренное искажение твердо установленных исторических фактов, подчиненное геополитическим целям и соответствующее определенной системе идеологических и политических координат, выполненное в соответствии с названными принципами, представляет собой не набор случайных ошибок или заблуждений, а не что иное, как фальсификацию истории.

Нет никакого сомнения в том, что будут продолжаться попытки определенных политических кругов Запада использовать ложь о Второй мировой и Великой Отечественной войнах с целью не просто ослабить позиции России на международной арене, но изменить мировоззренческие установки народа, повлиять на общественные настроения внутри страны.

Что можно противопоставить этому? Нужно опираться на научные аргументы и научную методологию, публиковать новые документы, извлеченные из архивов, официально и решительно реагировать на искажение истории структурами Евросоюза и политиками отдельных государств. Но главное – опираясь на научные аргументы, проводить патриотически ориентированную государственную историческую политику, совершенствовать преподавание истории в средней и высшей школе.

Ну и, конечно, нужно верить в того самого крота истории, который роет медленно, но уверенно. Историческая политика меняется, как и сама история. Историческая политика может быть инструментом для закрепления определенных результатов в переустройстве мира, в строительстве государств. Вместе с тем историческая политика может быть причиной разрушения тех государств, социальных и по-

литических сил, которые сделали ставку на тотальное переписывание истории в угоду политическим и националистическим сиюминутным интересам. Нельзя не согласиться со словами о том, что «манипулирование и злоупотребление прошлым в угоду сиюминутным интересам всеми участниками этого захватывающего занятия как на Украине, так и за ее пределами стали одной из предпосылок и частью процессов, приведших к аннексии Крыма, скрытого и явного разделения регионов по вопросам отношения к прошлому и войне в Донбассе» [6].

Разумеется, мы не должны забывать, что во всех странах Западной и Восточной Европы, на Украине, в Прибалтике немалое число людей не подвержены исторической амнезии и отторгают неонацистскую пропаганду, хранят память о подвигах советского солдата.

Хотелось бы также подчеркнуть, что итоги Второй мировой войны были юридически сформулированы в приговоре Нюрнбергского трибунала, где было четко определено, кто был агрессором, а кто его жертвой. Историческая правда была, таким образом, утверждена международным военным трибуналом, и попытка ревизии исторического прошлого неизбежно затронет интересы не только России, но и всех стран, которые были союзниками СССР.

Правда в исторических документах, а не в резолюциях с антироссийским подтекстом. И эта правда на нашей стороне. Никто не сможет отрицать тот факт, что над Рейхстагом развивался советский красный флаг. Мы должны хранить и уважать память о Советском Союзе, о советском народе, о героях фронта и тыла, о Красной армии, о наших отцах и дедах, защитивших мир от фашистского порабощения.

Примечания

1. Касьянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М., 2019. С. 35.
2. Резников К.Ю. Мифы и факты русской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра. М., 2016.
3. Беляков А.В., Матвейчев О.А. Россия и Китай. Две твердыни. Прошлое, настоящее, перспективы. М., 2017. С. 189–190.
4. Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Полития. 2019. № 3. С. 87–102.

5. Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 137–138.

6. Там же. С. 9.

А.С. Тимощук, Н.Н. Трофимова

ВОЙНА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Продолжается война за память о Победе, за аутентичный образ Великой Отечественной на фоне процессов фальсификации истории, национализации Победы, ее гламуризации. 75 лет Великой Победы подняли новую волну дискуссий о причинах Второй мировой, об ответственности за ее развязывание, о вкладе в Победу [1]. 27 января 1945 г. советскими войсками был освобожден концентрационный лагерь Auschwitz-Birkenau (Освенцим). В Израиле, США, Польше, России и во всем мире помнят про это событие. В этом году состоялись памятные мероприятия в честь освобождения, которые посетил президент Украины В.А. Зеленский. Он представил освобождение узников как национальный подвиг. Дивергенция мемориальных потоков не имеет темпоральных границ, Польская народная армия может стать «солдатами Пилсудского», советские войска – украинцами.

Несомненно, в составе Украинских фронтов было немало украинцев, так как они пополнялись с территории УССР, однако сам принцип создания и пополнения воинских частей, соединений и объединений был географический, а не национальный. Степной фронт составляли не степняки, Волховский – не волхвы. 100-я стрелковая Львовская дивизия формировалась призывниками Вологодской, Архангельской областей и Коми АССР и получила почетное название за освобождение Львова. На всех фронтах воевали военнослужащие всех национальностей. Советская идентичность – это коллективное социальное образование, которое помогло республикам осуществить грандиозные планы по модернизации промышленности, созданию инфраструктуры и обеспечить коллективную безопасность. Современные стыдливые конъюнктурные игры с памятью не могут принести долгосрочный результат, так как основаны на подмене и манипуляциях [2].

Одним из направлений противостояния фальсификации истории является шествие «Бессмертного полка», которое являет пример мемориальной низовой самоорганизации. Вопреки заявлениям о социальной пассивности потребительского общества, в последние годы развивается спонтанная социальная активность, добровольчество. Образец такой неофициальной народной соборности – это акция «Бессмертный полк» на День Победы, собирающая миллионы участников. Помимо России, шествие с портретами своих предшественников, отдавших свою молодость и силы Победе, проводят горожане Донецка и Луганска, Киева и Одессы, Николаева и Харькова, Кишинёва и Минска, Астаны и Бишкека, Риги и Еревана, Берлина и Нью-Йорка [3].

«Бессмертный полк» – это гигантская коммеморативная река, собирающая крошечные ручейки памяти, простые семейные истории: «Ушел и остался там», «Дедушка не любил говорить про войну», «Могила до сих пор не найдена», «Прошел всю войну», «Погиб от ран», «Освобождал Вену и Будапешт». Мемориальные потоки памяти идут через века; внуки и правнуки рассказывают с гордостью о своих предках. В 2018 г. в шествии приняли участие 10 млн человек в России, 800 тыс. по всему миру. «Бессмертный полк» стал своего рода системой распознавания «свой – чужой». При этом, наряду с понятной гуманистической традицией помянуть всех поименно, противники шествия устраивают войну с памятью, пытаются предать эту акцию забвению [4].

С каждым годом 9 Мая всё больше приобретает черты народного праздника, сродни еврейскому исходу, избавлению от порабощения. Есть надежда, что 9 Мая станет таким евразийским коммеморативным брендом, объединяющим народы со сходной судьбой, отдавшие жизни для того, чтобы иметь право пахать свою землю и воспитывать детей. Это действительно победа жизни над смертью, неслучайно 9 Мая так близко к Пасхе. В Евразии не будет просто памяти и примирения, как это имеет место в Европе 8 мая. Здесь транслируют эстафету памятования избавления от ига фашизма. Это глубинный сотериологический архетип.

Поражает массовость акции, участие в ней молодежи, детей. Угрозы националистов на Украине не смогли сорвать праздник. Дело не только в том, что акция «Бессмертный полк» здесь может восприниматься

участниками как протестное движение. Люди хотят воспользоваться правом на свою личную историю, отбирая те монументальные скрепы единения, спасения и благодарности. Они интуитивно чувствуют, что без этого праздника не было бы никаких других, что 9 Мая – это символическая демонстрация своего культурного суверенитета. Ведь не случайно, что отношение Гитлера и фашистов к народам СССР было иным, нежели к европейцам.

С другой стороны, альтернативные потоки памяти в виде коричневых националистических реминисценций актуализируются в Прибалтике и на Украине, что не может не вызывать опасения, так как зарубежные кураторы поддерживают эти виды античеловеческих практик ради подрыва стабильности и мира в регионе. Политический инжиниринг по-своему борется народным банком памяти 9 Мая: перенос акцента с Победы на примирение, инициация уголовных дел на организаторов шествий, смена даты праздника и просто парламентская инициатива его отмены.

День Победы – это ценностно-смысловая эстафета России. У нас много разных праздников, профессиональных, религиозных, однако 9 Мая – это самый важный, всенародный праздник единения, памяти и медитации на сущность мира и согласия в мировой истории. Это подлинно народный праздник. И как бы кто ни говорил, что из него делают фетиш, мол, других побед не было и эксплуатируют 9 Мая, все до сих пор празднуют победу над Гитлером, этот праздник не искоренишь из памяти, т.к. он стал семейным [5].

Негативные коммеморативные процессы – это гламуризация, десакрализация, политизация Великой Победы. Одним из таких токсичных примеров является гротескный роман М. Кононова «Голая пионерка», десакрализирующий образ Евдокии Афанасьевны Мухиной, 16-летней девушки, которая вступила добровольно в ряды Красной армии. Обучившись радиоделу, она десантировалась за линию фронта и помогала советским войскам в тылу врага [6].

У Кононова девочка-подросток Мария Мухина добровольно уходит на фронт, скрыв свой настоящий возраст, переживает взросление, становится объектом сексуальных отношений с офицерским составом своей части; поднимаются темы людоедства в блокадном Ленинграде, показательных мотивирующих расстрелов офицеров. Первоначальное

название позорного романа – «Эх, бляха-муха! или Секретный приказ генерала Жуйкова». В кошунственном произведении война становится эротическим действием, образ Богородицы символизирует летающая голая пионерка. По мотивам очерняющего Победу романа в театре «Современник» К. Серебренниковым был поставлен одноименный спектакль с Чулпан Хаматовой в главной роли, который обсуждался во многих сетевых изданиях, защищавших его как «национальное достояние».

Границы дозволенного стали размытыми, они сместились. Кошунственное, маргинальное неожиданно вторгается в повседневность. Брутальное становится обыденным, затираясь в потоке новостей. Черствость – это повседневность причащения к низменному, катарсис наоборот. Отсутствие сострадания – это фактор прорывающегося лингвоцинизма публичных спикеров: одна актриса жалуется на то, что у нее «холодок по спине пробежал», на что другая ответила, что это «замерзший дух генерала Карбышева», который «подошел сзади и приобнял»; владелец фирмы «Владыка морей», торгующей морепродуктами, пошутил: «При заморозке мидия погибает, как генерал Карбышев, с плотно стиснутыми зубами. Если створки приоткрыты, она замерзла уже дохлой» [7]. В обыденной речи можно услышать про «подвиги селфи» с обливанием холодной воды «Карбышев-стайл».

Патриот – этот тот, кто знает и помнит. Дмитрий Михайлович Карбышев – военный специалист, генерал, который был контужен и попал в плен. Когда его не смогли завербовать («Я совестью и Родиной не торгую!»), то отправили на работы в концлагерь, а в феврале 1945 г. он был замучен до смерти обливанием на морозе ледяной водой.

Мир стал скоростным, насыщенным и децентрированным, бессердечным. В потребительском обществе холодных контактов нет ничего святого. Доступно много видеопроодукции со смещенными ценностными ориентациями: насилие, нарушения общественной морали, издевательства, натурализация зла. Хотя по сценарию подобные проявления могут осуждаться, они делаются эстетично, со вкусом. Для людей со слабой рациональной рефлексией достаточно смакования образов для образования девиантных паттернов. Когда-то религия занималась цензурой культуры, она отбраковывала любование пороками, воспитывала эмпатию. В секулярную эпоху практически

не осталось ни одной темной стороны человеческого поведения, которая бы не стала предметом эстетизации. Постмодернизм дестабилизировал понимание зла, оно стало серым, нюансированным. Произошла деконструкция традиционных оппозиций: добро и зло, праведники и злодеи, герои и подлецы. Скандальное прочтение нарративов о войне является не патриотизмом, а игрой на могилах предков [8].

Модные режиссеры заявляют, что порнографическими постановками они очищают Победу от политического гламура. Для этого не нужно собирать деньги с помощью краудфандинга на черную комедию «Праздник». Сюжет псевдопроблемный, поднимающий руку на святое, на память о подвиге блокадников, преследующий конкретную цель – вбросить в общественное сознание мем «Пока рядовые граждане умирали, начальство пировало». Другой пример – либеральная газета проводит опрос: «Стоило ли сдать Ленинград, чтобы спасти его жителей?». Таким образом, взамен политического гламура продвигается пропаганда врага [9].

Конечно, нам необходима перезагрузка 9 Мая, его очищение от ложных политических мотивов. А.А. Ананьев, Г.Я. Бакланов, Ю.В. Бондарев, В.П. Некрасов, Б.Л. Васильев, В.В. Быков, Н.Н. Никулин, П.А. Михин и другие литераторы в окопах уже создали образ другой, неофициальной, «солдатской» войны [10]. Как Великая Отечественная война была подлинно народной, так и 9 Мая – это общий праздник долга, самопожертвования и героизма. В нем как бы сливаются в единый хор голоса воинов на Ледовом побоище и на поле Куликовом, Северной войне и Отечественной войне 1812 г., Крымской и Японской, Первой мировой и Великой Отечественной, голоса новых героев. 9 Мая – это праздник идентификации себя с воинами, отдавшими свои жизни ради нашей свободы [11]. Они тоже хотели жить, ходить в театр, любить, выходить замуж, рожать детей, играть с внуками. Однако всем им выпала другая доля. Потомки победителей должны сохранить величайшее достижение – Победу, которая олицетворяет все переломные моменты истории России. Гитлеровские войска же олицетворяют всё то зло, которое во все века приходило на Русь, – кипчаков и половцев, уведивших тысячи женщин и детей на рынки Крыма, орды Батыя, войска Наполеона, германские полчища, топтавшие Беларусь и Украину.

Сегодня, когда народному единству россиян мешают противоречия между богатыми и бедными, когда более половины россиян считают, что в стране отсутствует народное единство, «каждый сам за себя», «народ живет в нищете», «нет единой цели, идеи, патриотизма, сплоченности», Победа в Великой Отечественной войне – одно из немногих, что сплачивает россиян, их единство противостоянию хищным захватчикам. Полагаем, что десакрализация памяти о подвиге советского народа – это продолжение войны со своим народом на стороне врага.

Военный корреспондент Муса Джалиль из застенков концлагеря пишет для нас о том, какой должна быть память о войне в стихотворении «Варварство» (1943 г.). О моральном духе советского народа в тылу мы узнаем из другого документа – дневника врача скорой помощи А.Г. Дрейцера:

«29 сентября 1941 г.

Дома отравилась девушка 19 лет. Выпила склянку йодной настойки. Родители лежат в обмороке, сестра мечется по комнате, а сама больная лежит на диване без чувств. На столе письмо в Красную Армию. Оказываю ей помощь. Она “жить не хочет”. Она на заводе испортила деталь.

Переговорил с комсомольской ячейкой. Встретились в больнице, потолковали. Потом возвращаю ей письмо в Красную Армию. В отчаянии она это письмо написала жениху в Красную Армию. Обрадовалась, что письмо не отправлено. Обещает больше таких “глупостей” не делать.

24 апреля 1943 г.

Завмаг П. 62. повесился. Оставил трогательное письмо. Его сотрудники крали продукты. Проверив наличие, он обнаружил воровство. Во избежание позора – повесился» [12].

Сегодня раздается критика о том, что из 9 Мая делают заурядность. Возможно, современным идеологам стоит обратиться к риторике мастеров слова 1941–1945 гг., когда на передовицах разворачивалась уникальная художественная экспрессия воли к Победе. Сегодня эти тексты и выступления воспринимаются аутентично и мобилизующе. Изучение лингвориторического инструментария, представленного в различных медиа военных и первых послевоен-

ных лет, может способствовать перезагрузке 9 Мая, очищению его от шаблонных фраз.

Положительный эффект медиатизации заключается в том, что она защищает День Победы от затирания временем. Благодаря кино- и фотохронике, песням военных лет мы можем ощутить близость той эпохи, которая с культурологической точки зрения очень близка нам. Мы живем в том же цивилизационном типе общества, построенном на городской культуре, производственных циклах и ценностно-смысловых ориентирах. Поэтому, когда наступает 22 июня, нам легко представить ужас войны, когда идут выпускные, летние полевые работы, заводские смены и обычная мирная жизнь, которой мы живем сейчас так же, как и в 1941 г. [13].

Сейчас также есть угроза фашизма в лице скинхедов, националистов, а глобальная информационная сеть опутала нас, как колючая проволока. Великая Отечественная война продолжается. И победить в ней можно только с помощью подлинного патриотизма, основанного на памяти и знании.

Примечания

1. Струкова Е.В., Рябушкина Л.Г. Дискуссии о Великой Отечественной войне в современном журналистском дискурсе // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 27–28 февр. 2015 г.). Ставрополь, 2015. С. 306–311.

2. Козлов Н.Д. Современные западные историки и средства массовой информации о роли СССР в разгроме Германии // Клио. 2019. № 12 (156). С. 30–38; Оспенников Ю.В. Проблема фальсификации истории: на примере оценки выселения народов в годы ВОВ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 3 (18). С. 25–27; Захарова Е.М. Фальсификация событий Великой Отечественной войны в представлениях петербургской молодежи // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Мат-лы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 341–345.

3. Тимошук А.С. Акция «Бессмертный полк» как спайка государственно-гражданской идентичности // Позитивный опыт регули-

рования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР. Казань, 6–7 сентября 2018 г. Казань, 2018. С. 333–337.

4. Тимощук А.С. Мемориальные войны и пролиферирующая самоиндивидуация // Проблемы региональной и глобальной безопасности в современном мире: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов (Владимир, 26 апреля 2018 г.). Владимир, 2018. С. 109–115.

5. Тимощук А.С. Героическое прошлое России и социальная память // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. В 2 ч. Ч. 2. Чита, 2015. С. 117–119.

6. Мухина Е.А. Восемь сантиметров. М., 1975.

7. Стешин Д. Над смертью Карбышева пошутили. Кто на очереди: Матросов или Гагарин? // Комсомольская правда. 05.02.2019. URL: <https://www.balkans.kp.ru/daily/26938/3989007/> (дата обращения: 22.02.2020).

8. Кафтан В.В. Современные социальные технологии духовно-ценностной компрометации Великой Победы // Педагогическое образование и наука. 2015. № 4. С. 109–114.

9. Гузенко А.Ю. Блокада Ленинграда сквозь призму информационной войны // Участие войск НКВД СССР в обороне Ленинграда: сб. мат-лов межвуз. науч.-практ. конф. к 75-летию полного освобождения Ленинграда от немецко-фашистской блокады. СПб., 2019. С. 52–54; Шутько Ю.А., Кравченко И.Н. Блокада Ленинграда: ошибка Сталина или важный тактический ход? // НаукаПарк. 2016. № 7 (48). С. 63–66.

10. Киличенков А.А. Как воевали и как победили: неюбилейные историографические заметки. (рец. на кн.: Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!»: мы умирали, чтобы победить. М., 2006. 574 с.) // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 124–131.

11. Галиева Ю.А., Тимощук А.С. Великая Победа как фактор международного права в современных геополитических условиях // Россия в глобальном мире. 2017. № 10 (33). С. 310–316.

12. Дрейцер А.Г. Записки врача «Скорой помощи» (1941–1944) // Электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=241010&p=3> (дата обращения: 25.02.2020).

13. Тимошук Е.А. Повседневность и разрыв: феноменология войны // История повседневности и образ жизни россиян в XIX–XXI вв.: материалы всерос. оч.-заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 24 октября 2019 г., посвящ. 80-летию Шадр. гос. пед. ун-та. Шадринск, 2019. С. 181–185.

Т.В. Лохова

ПРАКТИКА УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сохранение памяти о событиях и итогах Великой Отечественной войны является не только определенной формой ментальной характеристики современных россиян, стремящихся увековечить в сознании и мемориальных объектах участие своих предков в военном лихолетье, но и желанием передать следующим поколениям это знание и чувство. На государственном уровне мы видим поддержку новых мемориальных форм, связанных с Великой Отечественной войной, появляющихся как результат общественных инициатив (акции «Бескозырка», «Бессмертный полк»). Потому принятие 1 марта 2020 г. федерального закона о городах трудовой доблести стало еще одним логичным шагом по увековечиванию памяти о трагических страницах нашей истории. Федеральный закон определяет основную цель – увековечение подвига тружеников тыла во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это почетное звание присваивается городам Российской Федерации, жители которых внесли значительный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., обеспечив бесперебойное производство военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях и проявив при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность [1]. Таких городов в России сотни...

2 июля 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин озвучил первые 20 городов России, которые получают это звание. Это Саратов, Нижний Новгород, Екатеринбург, Челябинск, Самара, Пермь, Нижний Тагил, Омск, Казань, Новосибирск, Ярославль, Магнитогорск, Ижевск, Уфа, Томск, Ульяновск, Иваново, Новокузнецк, Иркутск и Боровичи. В этих городах будут установлены памятные стелы с изображением герба города, текстом Указа Президента Российской Федерации о присвоении звания. В них также будут проводиться публичные мероприятия и праздничные салюты 1 Мая и 9 Мая, в День города.

В России существуют еще два почетных звания для городов, чье население активно участвовало в войне и приближало Победу. Звание «Город-герой» существует с советских времен. Его были удостоены 12 городов в СССР (девять из них на территории современной России): Одесса, Севастополь, Волгоград, Киев, Москва, Ленинград, Керчь, Новороссийск, Минск, Тула, Мурманск, Смоленск, – и крепость-герой – Брестская крепость. С 2006 г. в России утверждено звание «Город воинской славы». Оно присвоено 45 городам за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества. В их числе есть и те города, в которых не велись бои в годы Великой Отечественной, например Хабаровск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский.

Звание «Город трудовой доблести» является специальным аналогом «Города-героя» и «Города воинской славы». Присвоение звания «Город трудовой доблести» осуществляется по итогам рассмотрения заявок Российского общественного объединения «Победа», где итоговое решение принимает Президент Российской Федерации. Основанием для присвоения почетного звания являются государственные награды, которыми награждались предприятия города и его отдельные сотрудники, вручение им переходящих Красных знамен Государственного комитета обороны СССР, другие факты героизма в труде.

Новороссийску звание «Города-героя» было присвоено 14 сентября 1973 г. Имея эту высокую награду, городская общественность, тем не менее, выразила свое желание отметить в городе памятными знаками трудовую доблесть горожан в годы войны. В первую очередь мы анализируем проявления трудовой доблести и массовых под-

вижнических трудовых результатов на примере градообразующего предприятия – Новороссийского морского торгового порта.

Новороссийский порт еще в 1930-х гг. был коренным образом реконструирован: в причальных линиях стали использоваться не деревянные, а железобетонные причалы, которые закреплялись за определенными грузами (районирование порта), была построена элеваторная галерея, оборудован механизмами импортный пирс, строились холодильник, лесная пристань и морской вокзал. К началу войны протяженность 41 причала Новороссийского порта составляла 4,7 км. Общий грузооборот за 1940 г. составил 1554 тыс. т, в порту насчитывалось 2076 работников, включая 509 грузчиков. Эти производственные мощности позволяли в год в среднем обрабатывать свыше 400 судов и более 25 тыс. железнодорожных вагонов [2]. С началом войны пароходства Черноморско-Азовского бассейна (Черноморское, Азовское, Сочинское и «Совтанкер») подчинили свою деятельность нуждам обороны приморских районов и эвакуации промышленных предприятий и населения.

С первых дней войны Новороссийский порт являлся составным элементом эвакуационных схем всех направлений перемещения производственных мощностей, человеческих ресурсов, сельскохозяйственного потенциала и сырьевой базы страны. В первые месяцы через порт не только отправляли грузы в Туапсе, Сочи, Поти, Батуми, но и принимали эвакуогрузы из Одессы и Севастополя. Поддержание на должном уровне потенциала деятельности порта было немислимо без достаточного количества квалифицированных специалистов, но еще в первые месяцы войны половина тружеников порта была мобилизована в ряды Красной армии и Военно-морского флота. Оставшиеся на своих рабочих местах портовики не уходили с причалов, работая по 15–16 часов без отдыха. Немало работников порта проявляли примеры трудового героизма, оставаясь работать на причалах сутками. Темпы обработки судов намного перекрывали все рекорды мирного времени (порой разгрузка парохода могла происходить в течение 30–40 часов вместо 5 суток). В порту одновременно обрабатывалось 10–12 судов, а затем и 18–20. В течение июля – декабря 1941 г. портовики обработали 620 судов, причем 579 из них досрочно [3].

В сентябре 1943 г. Новороссийский порт стал первым портом на Чёрном море, освобожденным от гитлеровских захватчиков. Воспоминания вернувшихся из Геленджика портовиков (П.С. Хаджинова, Г.М. Авдольянца и др.) описывали руины города и порта: «Долгожданный морской порт Новороссийска встретил нас торчащими из гавани мачтами и трубами затонувших судов. ...Полностью были уничтожены грузовые склады. На развороченных бомбами и минами железнодорожных путях валялись горелые товарные вагоны» [4]. Отстраивать Новороссийский порт после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков пришлось практически с нуля. На вывороченном бетонном массиве третьей пристани портовики написали клятву: «Из пепла пожарищ и обломков развалин мы восстановим тебя, родной порт!» Общий ущерб, причиненный порту, составил более 120 млн рублей. Грузовые операции возобновились только в октябре 1944 г. И лишь в 1954 г. порт достиг довоенного уровня грузооборота.

Немалый вклад в дело помощи фронту и народному хозяйству внесли моряки транспортного флота, грузооборот которого в 1943 г. составил 32,7 млрд тонно-километров (увеличение более чем в 2 раза по сравнению с 1942 г.). За этот год работники морского транспорта перевезли 19,1 млн т грузов [5]. К 1941 г. в системе Народного комиссариата морского флота насчитывалось 14 морских пароходств и 51 морской порт, среди которых южные (черноморские) порты занимали значимое место. Новороссийский порт с первых дней Великой Отечественной войны стал играть важную стратегическую роль: снабжать фронт необходимым снаряжением и боеприпасами, эвакуировать предприятия вглубь страны.

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г.) награждались рабочие, инженерно-технический персонал и служащие промышленности и транспорта; колхозники и специалисты сельского хозяйства; работники науки, техники, искусства и литературы, а также работники советских, партийных, профсоюзных и других общественных организаций, обеспечивших своим доблестным и самоотверженным трудом Победу Советского Союза над Германией в Великой Отечественной войне

[6]. Специальным условием было требование о минимуме трудового стажа – не менее одного года в период с июня 1941 г. по май 1945 г. Инвалидам Отечественной войны, вернувшимся на производство, молодым рабочим, окончившим ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), лицам, освобожденным от работы по инвалидности, женщинам, освобожденным от работы по семейному положению, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» вручалась при условии, если вышеперечисленные лица проработали в указанный период не менее 6 месяцев. Старым производственникам, возвратившимся на работу в период Великой Отечественной войны, медаль вручалась и в том случае, если они проработали даже меньше шести месяцев. Вручение медали колхозникам производилось при условии перевыполнения ими установленного в колхозе минимума трудовой и соблюдения трудовой дисциплины в колхозе.

К 1 января 1995 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» было награждено приблизительно 16 096 750 человек [7]. Представление к награждению медалью производилось исполнительными комитетами городских и районных Советов депутатов трудящихся на основе документов, выдаваемых руководителями предприятий, учреждений, партийных, советских, профсоюзных и других общественных организаций. Далее по процедуре шло рассмотрение списков представленных к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и утверждение отдельными структурами:

– в отношении трудящихся промышленных предприятий, транспорта, совхозов – соответствующими народными комиссарами союзных и республиканских народных комиссариатов;

– в отношении трудящихся колхозов, кооперации и работников партийных, советских, профсоюзных и других общественных организаций – председателями Президиумов Верховных Советов союзных (не имеющих областного деления) и автономных республик, председателями исполнительных комитетов областных и краевых Советов депутатов трудящихся;

– в отношении работников науки, техники, искусства и литературы – председателями соответствующих комитетов при СНК

СССР и начальниками управлений при СНК союзных и автономных республик и председателем Президиума Союза советских писателей.

Учрежденная через месяц после медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» предназначалась для тружеников тыла. Вручение медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» производилось от имени Президиума Верховного Совета СССР исполнительными комитетами областных, районных и городских Советов депутатов трудящихся по месту жительства награжденных.

В материалах делопроизводства наградного отдела исполнительного комитета Краснодарского совета депутатов трудящихся за период с марта 1946 г. по январь 1950 г. хранится дело «Материалы по награждению трудящихся города Новороссийска медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”» [8], которое содержит перечень всех предприятий, заводов и учреждений города, представивших своих сотрудников к награждению медалью, а также акты вручения по предприятиям. Среди 154 заявленных предприятий к награждению своих сотрудников были ведущие заводы (цементные заводы «Пролетарий» и «Октябрь», вагоноремонтный, шиферный, судостроительный, молочный заводы, завод «Красный двигатель», хлебозавод, завод № 98 им. С.М. Кирова, пивзавод, рыбзавод и др.) и другие предприятия города (швейная фабрика № 4, типография, мебельная фабрика, Новороссийский порт), финансовые и банковские структуры (Госбанк), медицинские (городская ветеринарная лечебница) и образовательные учреждения (городской отдел народного образования, индустриальный техникум, средняя школа № 62), учреждения торговли (управление рынками, Новороссийский городской отдел торговли, спецторг), ряд комбинатов, строительных управлений и др. [9]. Всего к награде представлено по г. Новороссийску за период 1947–1948 гг. 2249 человек.

В январе 1947 г. в докладной записке заместителя начальника Центрального управления кадров Новороссийского порта В.В. Кириллова на имя председателя исполкома Новороссийского городского Совета

депутатов трудящихся Коровова был представлен список из 90 претендентов к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [10] (ранее он был согласован и утвержден министром морского флота СССР П.П. Ширшовым). В марте 1947 г. Главное управление кадров Министерства морского флота в письме начальнику Новороссийского порта Васеву отмечало, что в соответствии с постановлением секретариата Президиума Верховного Совета СССР от 16 августа 1945 г., разрешающим награждение медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» работников морского флота, отличившихся в морских операциях, обеспечивших доставку вооружения, боеприпасов, снабжения и продовольствия и своим трудом способствовавших победе над Германией, предлагалось выявить работников, достойных награждения медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и представить на них списки в министерства до 30 марта 1947 г. [11].

Все эти данные показывают нам яркие примеры массового проявления трудовой доблести в отдельно взятом регионе. И мы понимаем, что не только наградная система выявляла отличительные случаи трудового подвига, но и вся общая картина трудового порыва и желания быть в это экстремальное время войны вместе со своей страной и жить по девизу, ставшему для многих жизненным кредо – «Всё для фронта! Всё для Победы!», – давали примеры массового трудового героизма в военное время. В 2006 г. была создана Всероссийская общественная организация «Трудовая доблесть России», которая объединила не только ветеранов труда, но и всех тех, кто ставил своей целью заботу о сохранении и развитии лучших традиций российского народа, направленных на создание общенародных ценностей. Инициатором создания общероссийской организации стала Московская общественная организация Героев Социалистического Труда и полных кавалеров ордена Трудовой Славы. Накопив большой опыт работы по объединению единомышленников, добившихся выдающихся успехов по накоплению исторического материала о примерах трудовых успехов не только в военное, но и послевоенное и уже современное время, по защите интересов и законных прав тружеников, талантом

и руками которых была создана интеллектуальная и индустриальная мощь державы, московская организация сочла необходимым распространить данный опыт на всю Россию, имея разветвленную сеть соратников и партнеров по всей территории Российской Федерации. Всё это еще раз подчеркивает необходимость принятия закона о городах трудовой доблести в нашей стране. По замыслу инициаторов проекта – Российского общественного объединения «Победа», ежегодно в канун 1 Мая список городов с этим званием будет расширяться. Гордость за трудовые достижения и подвиги народа, передача памяти о громадном трудовом и ратном наследии сформировала ранее и продолжит формировать в будущем общее представление россиян о своей идентичности.

Примечания

1. Федеральный закон от 01.03.2020 №41-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город трудовой доблести”» // ИПП «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/73684003/> (дата обращения: 10.07.2020).
2. Наследники Священной гавани. Новороссийск, 2001. С. 44.
3. Лохова Т.В. Роль Новороссийского порта в эвакуационных процессах Великой отечественной войны // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны. Сб. науч. ст. Краснодар, 2016. С. 172.
4. Наследники Священной гавани. С. 40.
5. Морской транспорт в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://pobeda.mintrans.ru/history/25017/> (дата обращения: 20.03.2016).
6. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Аллея Славы. URL: <http://glory.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=424> (дата обращения: 15.05.2019).
7. Там же.
8. Управление архива муниципального образования город Новороссийск. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 873а.
9. Там же. Л. 1, 2.
10. Там же. Д. 627. Л. 44.
11. Там же. Л. 71.

Т.Ю. Власкина**ГЕРОИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЛДНР¹**

В критические моменты своего существования сообщества раз за разом находят в исторической памяти человечества поучительные и вдохновляющие примеры. Всемирно-историческое значение Победы СССР в Великой Отечественной войне не исчерпывается масштабными социально-политическими и экономическими последствиями. В самоидентификации гражданина СССР одной из ключевых позиций стала семейная память о войне, реальная или гипотетическая роль родных в иерархии ее персонажей, оценка собственной личности в сравнении с образами героев. Образ войны до сих пор остается «точкой сборки» для всего постсоветского пространства.

Задачей данной работы является изучение такого явления, как влияние героических символов Великой Отечественной войны на формирование системы ценностей и собственного пантеона героев самопровозглашенных республик Донбасса. Круг вопросов, к которому относится эта тема, в последние годы активно разрабатывается: постсоветское мифотворчество [1], развитие независимой национальной идеологии, а также связь с этим процессом агрессивного антисоветского и антироссийского дискурса [2], изменения оценок прошлого в массовом сознании украинского населения [3]. Легко заметить, что в основном исследования были обращены к политике Украины по изживанию советского прошлого. Изучение альтернативных процессов, происходящих на территории Донецкой и Луганской народных республик (далее – ЛДНР), оставалось за рамками научных интересов. Основными источниками данного исследования служат материалы полевой работы автора в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) в 2018–2019 гг., а также материалы открытых интернет-ресурсов, опубликованные документы, произведения современных литераторов Донбасса.

В 2014 г. украинский социально-политический кризис, развивавшийся в течение длительного времени, вылился в открытый

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (17-18-01411).

вооруженный конфликт на Юго-Востоке. Одной из проблем, по поводу которых Донбасс не согласился с исторической политикой Киева и Майданом, стало отношение к Великой Отечественной войне. Многие респонденты, отвечая на вопрос, как они отличают «своих» от «чужих», описывают свою позицию таким же образом, как и одна из жительниц Горловки: «Наши – это те, кто разделяют взгляды наши. Не наши... Тут водораздел очень простой: во-первых, это отношение к Великой Отечественной войне, это георгиевская ленточка, то есть это... всё, Бандера не герой и никогда им не будет здесь. Всё! Нюрнбергский процесс поставил жирную точку. Поэтому не надо здесь навязывать этих героев. <...> Есть вещи, от которых я отказаться не смогу ни при каких условиях, – это принципы» (ДНР09.07.2019. И4И4ТВ)¹.

Задолго до обострения ситуации началось разрушение позитивного образа общей истории России и Украины, создание конструктивистской парадигмы «обороняющейся украинской этнонации», в которой России и русским отводилась роль врага [4]. Стали обеляться коллаборанты и нацистские преступники, а затем началось создание националистических парамилитарных структур, представители которых открыто демонстрировали нацистскую символику и проводили публичные акции, порождавшие соответствующие исторические ассоциации. Параллельно возвращение Крыма и поддержка русскоязычного Донбасса укрепили почву под уже предпринимавшимися ранее попытками обвинить Россию – проекцию СССР – в агрессии и таким образом обратить аллюзии в отношении неонацизма. В результате сложилась ситуация, в которой определенная часть населения Украины стала ассоциироваться у другой ее части с «фашистами», а их действия – с «вражеской оккупацией».

Справедливости ради следует сказать, что обе стороны обвиняют друг друга в неоправданной жестокости, особенно это характерно для 2014 и 2015 гг. Однако по мере развития событий стало известно, что именно борцы за единую Украину систематически копируют не только шевроны нацистов, но и практики обращения с пленными,

¹ Условия проведения экспедиции требовали гарантий полной анонимности для респондентов. Все интервью имеют шифр, в котором содержится информация о месте и дате записи, № интервью, № информанта, инициалах автора записи.

с мирным населением. Сегодня республиканские структуры, Следственный комитет РФ и международные организации собрали тома документов по поводу преступлений украинских силовиков, сопоставимых с теми, которые фигурировали в материалах Нюрнбергского процесса [5]. В задачи настоящей работы не входит изучение военных преступлений, здесь мы упоминаем о них только для того, чтобы подчеркнуть наличие более веских оснований для исторических ассоциаций, нежели образы, атрибуты и политическая риторика.

В сознании «бывших советских людей», и в первую очередь тех, кто позиционирует себя как наследники Победы, укоренено представление о способах ее достижения – модель поведения, в которой важное место занимают понятия «герой» и «подвиг». Поэтому в условиях, когда возникли очевидные причины для исторических аллюзий, героические символы борьбы с фашизмом возродились спонтанно самым естественным образом.

Определенный вектор восприятия вольно или невольно задавался лидерами восстания. Так, в июне 2014 г. командир ополчения Славянска И.И. Стрелков заявил: «Наш гарнизон попадает в полное оперативное окружение и будет вести бой, как гарнизон Брестской крепости, – без всякого снабжения» [6]. Накануне выборов главы ДНР в октябре того же года А.В. Захарченко сказал: «Цена того, за что мы боремся, гораздо выше цены нашей жизни» [7].

В начальный период войны на Донбассе, когда какой-то единой концепции развития ЛДНР, как и инструментов для ее целенаправленного проведения, не существовало, в информационном поле стали множиться сюжеты, хорошо знакомые всем по книгам и фильмам. Ополченцы сбивали украинские самолеты из личного оружия, бросались с гранатами под танки, вызывали огонь «на себя» и, чтобы не попасть в плен, подрывали себя вместе с врагами [8]. Десятки юных героев становились в ряды ополчения, чтобы отомстить за погибших родных. Неизвестные партизаны взрывали рельсы, по которым шли эшелоны с военной техникой, забрасывали гранатами стратегические объекты [9]. Встречались и вовсе фантастические сообщения. Например, про «Деда-медовика», который принес взрывное устройство в банке с медом на блокпост ВСУ [10]. Не меньше было историй о расправах над ополченцами и мирными жителями,

подробности которых сколь ужасающе, столь же и хрестоматийны. Достаточно вспомнить рассказ о «распятом мальчике» и менее известные – о том, как каратели казнили ополченца и его беременную жену, изнасиловали всех женщин в г. Счастье, расстреляли раненых в больнице г. Красный Лиман и т.п. [11]. Казалось, что в этот период подобные сюжеты воспринимались обществом с готовностью. Возможно, это связано с бессознательными попытками «втиснуть» мировоззренческий катарсис в пропагандистскую матрицу, согласно которой война с фашизмом предстает, перефразируя А. Мерцалова, апологией бессмысленного насилия и языческой жертвенности [12]. Ирония, а скорее трагизм, ситуации состоит в том, что ее мифологический потенциал не исключает реалий и не менее жестоких, и не менее героических.

Информация распространялась в СМИ – на официальных и неофициальных каналах, в социальных сетях, пересказывалась при личном общении. Практически одновременно появились опровержения. В частности, расследования журналиста А. Шария разоблачили целый ряд так называемых фейков, определенным образом влиявших на восприятие донбасских событий [13]. Нередко публиковались и опровержения опровержений, мгновенно распространявшиеся в сети. Современная электронная и компьютерная техника в значительной степени потеснила традиционные каналы формирования героических символов – прессу, литературу, кино. Создались исключительные возможности для ведения сложной информационной игры, в которой переплетаются факты, домыслы и сознательные провокации. Но одновременно власти лишились монополии на истину. Справиться с огромным потоком сведений и с точностью установить реальность события – задача сложная и заслуживающая отдельного изучения. Бесспорным следствием информационного хаоса стало устойчивое недоверие мировой, а частично и российской общественности к сообщениям о жертвах и подвигах Донбасса. Практически каждый трагический сюжет осмеивается и скептически отсылается к «распятому мальчику» – удачно проведенной информационной провокации.

Знаковые сюжеты Великой Отечественной войны оказались мощно представлены в информационном поле Донбасса, став частью

новой истории или нового исторического мифа – в данном случае это не важно. По мнению Е.С. Сенявской, «механизм формирования героических символов относится к сфере идеологии и пропаганды, а их содержание – к категории социального мифотворчества» [14]. Ситуация, сложившаяся на Донбассе в первые годы войны, служит выразительной иллюстрацией этому положению.

Показательна история об отряде «Юная самооборона» из Лисичанска Луганской области. Легенда гласит, что группа молодежи – все младше 18 лет, числом около 60–70 человек, плохо вооруженные – приняла единственный, но героический бой с карателями: «Эти дети одни держали оборону Лисичанска против батальонов Нацгвардии двое суток». Сюжет впервые появился в интернете осенью 2014 г. и вызвал естественные ассоциации с «Молодой гвардией» [15]. Сегодня на запрос в интернете «Юная самооборона Лисичанска» выпадает более 5 тыс. ссылок и более 56 тыс. – на запрос «Молодая гвардия Лисичанска»: на множестве ресурсов размещены описания подвига юных луганчан. При этом похоже, что исходный нарратив связан только с одним юношей, который представляется командиром батальона. До сих пор не удалось получить подтверждения истинности этого сюжета из официальных источников в ЛНР. Одновременно с появлением этих материалов в интернете была опубликована серия постов, развенчивающих подвиг [16]. И не все приведенные авторами аргументы были убедительно опровергнуты. Недавно в сети появился видеоматериал, где военный корреспондент Юрий Беляев (позывной Кот), записавший самый первый из репортажей о «Юной самообороне», говорит, что это миф, – он сам был введен в заблуждение [17]. Но несмотря на сомнительное качество информации, о современных молодоговардейцах уже пишут стихи и повести, рассказывают школьникам на «уроках мужества», на экскурсиях в музей «Молодая Гвардия» в Краснодоне [18].

Перечень подвигов, совершенных защитниками Донбасса, как документально установленных, так и фольклоризированных, достаточно велик, чтобы стать важной частью системы ценностей ЛДНР. Но процесс формирования героического сонма живых и мертвых, одинаково почитаемых и властью, и населением, происходил медленно и непоследовательно.

Симптоматический случай произошел в ноябре 2015 г. в Донецке. По инициативе батальона «Восток» на центральных улицах города были размещены бигборды с портретами ополченцев, прославившихся среди товарищей по оружию стойкостью и героизмом. Среди них был, например, портрет О.Г. Гришина (Медведь), возглавившего в июле 2014 г. оборону стратегической высоты 277,9 (Саур-Могила). Указом главы ДНР № 353 от 10.09.2015 он был посмертно награжден медалью «Золотая звезда» с присвоением звания Героя Донецкой Народной Республики. Через некоторое время местное агентство «Всесвит» заклеило портреты героев рекламой иностранных курортов, спортивных клубов и массажных салонов [19]. Когда возмущенная группа ветеранов пришла в офис компании, им предложили встретиться с хозяином бизнеса, когда он будет доступен, и решить все вопросы с ним. При этом встреча была назначена через 2 недели [20]. В широких массах донецкой общественности происшествие особой реакции не вызвало.

На десятках сайтов различных обществ и союзов ведется драматический отчет побед и потерь [21]. Но первые годы размещение материалов носило сугубо инициативный, корпоративный характер. Можно сказать, что павшие товарищи первоначально становились героями лишь для узкого круга однополчан, родных и близких, знавших их лично. За пределы этого круга их слава проникала бессистемно. Соответственно, и превращение прототипов героических символов в сами символы, способные породить феномен массового почитания и подражания, было ограничено.

Процессы республиканской канонизации шли иными путями. Главными собирательными образами сражающихся республик в этот период стали ополченец и доброволец, воплотившие идеи донбасского патриотизма и единения с Россией. В роли групповых символов стали выступать прославленные в боях подразделения – «Призрак», «Пятнашка», «Спарта», «Сомали», «Восток». Широкую известность получили «медведевцы», погибшие смертью храбрых на Саур-Могилах. Место их погребения стало частью мемориала героям Великой Отечественной войны и одним из первых памятников защитникам ДНР.

Только с середины 2016 г. на официальном сайте ДНР стали размещаться материалы о героях и подвигах [22]. Начало акции законо-

мерно совпало с началом выдачи населению паспортов ДНР. К этому времени война шла уже 2 года. Причинами длительного периода «жизни без героев» была недостаточная централизация власти, когда батальоны и бригады могли проводить на территориях под своим контролем вариативную политику («Князь Горловский с бароном Дебальцевским власть делили» (ДНР08.11.2019.И11И11ТВ)), а внутри республик существовал значительный слой населения, которое составляло им оппозицию. Кроме того, ополченцам приходилось беспокоиться о своей анонимности: и сегодня родные, находящиеся на территории, подконтрольной Киеву, могут стать объектом преследования. Необходимость скрывать личность, кроме прочего, породила среди ополченцев практику использования вместо имен прозвищ – позывных, которые в обязательном порядке присваивались бойцам при поступлении на службу. Иногда эта практика распространялась едва ли не на всех, кто соотносил себя с ЛДНР: позывными пользовались медики, журналисты, снабженцы и гуманитарщики, общественные активисты, порой даже педагоги (ДНР06.11.2019И7И7ТВ; ДНР12.07.2019И7И8ТВ).

«[Героев] с одной стороны, призывают пропагандировать, а с другой – не хотят “светиться”» (ДНР12.07.2019.И7И8ТВ), – подобная особенность патриотической работы сохранилась до последнего времени. Поэтому героические символы Донбасса либо обезличены, либо представляют собой весьма ограниченный перечень узнаваемых лиц. Вначале ими часто становились приезжие добровольцы, семьи которых находились в безопасности, или прославленные командиры подразделений, личности которых были широко известны, а жизнь, как правило, коротка.

Алексей Мозговой, командир бригады «Призрак» (погиб 23.05.2015 в р-не с. Михайловка Перевальского р-на); Павел Дремов, командир «Первого казачьего полка имени Платова» (погиб 12.12.2015 в р-не г. Первомайска); командир «Спарты» Арсений Павлов (Моторола) (16.10.2016 погиб в Донецке в результате теракта), Михаил Толстых (Гиви), командир «Сомали» (погиб 08.02.2017 в результате теракта); Олег Мамиев (Мамай), командир батальона «Пятнашка» (погиб 17.05.2018 в Авдеевской промзоне), глава ДНР Александр Захарченко (погиб 31.08.2018 в Донецке в результате теракта) – таков официаль-

ный пантеон узнаваемых лиц ЛДНР. При этом только в списке награжденных Золотой Звездой Донецкой Республики около 30 человек. Как замечала Е.С. Сенявская, подвиг совершают сотни, символами становятся единицы [23].

В устных портретах признанных героев информанты заостряют внимание на чертах, традиционно привлекающих народную любовь, – бесстрашии, самоотверженности, надежности, верности избранному пути: «Гиви летом под Иловайском первым шел в бой в футболке защитного цвета, без бронника и каски, с двумя пистолетами в голых руках. Мне это, с нескрываемым уважением, рассказывали ополченцы. Они даже не пытались соревноваться с ним в мужестве, потому что “Он – заговорённый”» [24]; «Очень популярный был Мозговой, Алексей Мозговой. <...> “Призрак” освобождал границу Донецка и Луганска. Это когда бои начинались за то, чтоб нас разорвать, и Мозговой был очень популярный, правда. Ну у него такой, во-первых, был имидж Че Гевары – человека из народа» (ДНР09.07.2019.И4И4ТВ); «Захарченко – человек-олицетворение этой войны, протеста... настоящий донбассовец. Война – это как раз тот момент, когда проявляются все качества: один был в авторитете и сбежал, бросил всех, а другой был никем и пошел воевать. [Захарченко] не глупый, не жадный, конкретный, рисковый... Он готов был погибнуть в любой момент» (ДНР12.07.2019.И7И8ТВ).

Параллельно с канонизацией избранных сильных личностей развивается более реалистическое направление, опирающееся на постулаты «окопной правды»: «Подвиг разведчика – полный провал», «Гражданская война – война без героев» (ДНР02.11.2019.И3И3ТВ); «Нам не нужны герои, нам нужны бойцы – попробуй посидеть в окопах под Коминтерново» (ДНР12.07.2019.И9И8ТВ). Среди ответов респондентов на вопросы о героях с редким единодушием звучат мнения о героизме всего населения: «Референдум – массовый гражданский подвиг» (ДНР05.11.2019.И4И4); «Герои – каждый, кто решил туда пойти: санинструкторы, спасатели МЧС, дворники...» (ДНР06.11.2019.И7И7ТВ); «Герои – те, кто что-то делал» (ДНР06.11.2019.И8И6(б)ТВ); «Герои – простые воины и рядовые – самые простые люди поднялись. Встали, поверили» (ДНР08.11.2019.И11И11ТВ); «Герои – это наши детки под минами и бомбами» (ДНР09.07.2019.И4И4ТВ).

В целом следует заметить, что ни в чем так остро не проявились противоречия идеологического строительства ЛДНР, как в формировании собственного пантеона героев. В период активных боевых действий общество стихийно заимствовало историческую модель героических знаков и символов Великой Отечественной войны, исходя из представлений о вооруженном конфликте 2014 г. как о борьбе с фашизмом. При этом фактическая обстановка больше соответствовала Гражданской войне со слабой централизацией власти, разнообразием политических предпочтений и примитивно-демократическим принципом выдвижения лидеров. Подобное сопряжение само по себе весьма противоречиво. После унификации управления, подписания Минских соглашений ЛДНР официально стали на путь мирного строительства. Власти настроены сделать всё, чтобы лишить повседневность Донбасса примет военного быта. Боевых действий, а следовательно, и героев как бы не стало, хотя при этом едва ли не ежедневно фиксируются жертвы и разрушения, а Народная милиция продолжает стоять на линии разграничения.

Примечания

1. Константинов С.В., Ушаков А.И. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М., 2001. С. 33–44, 137–142.

2. Баранов А.В. Великая Отечественная война как объект исторической политики на Украине и в Новороссии: сравнительный анализ // Антропология конфликта и мира: Великая Отечественная война в исторической памяти и культуре народов юга России: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. / науч. ред., сост. О.В. Матвеев, К.И. Зудин. Краснодар, 2015. С. 85–93; Беспалов А.К. Героика и предательство в условиях современного развития Русского мира: постановка проблемы // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: мат-лы IV Междунар. науч. конф. (Донецк, 31 октября 2019 г.). Т. 8: Политические и юридические науки / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2019. С. 35–38.

3. Портнов А.В. Украинские образы Второй мировой войны // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 2 (108). С. 91–92.

4. Баранов А.В. Особенности формирования украинской историографии нациестроительства и этнического самосознания в конце XX – XXI в. // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию славянской письменности (г. Краснодар, 16 ноября 2013 г.). Краснодар, 2013. С. 141–142.

5. Григорьев М.С. Обыкновенный фашизм: военные преступления украинских силовиков (2014–2016). М., 2016; Белая Книга Новороссии: жертвы украинского террора на Донбассе 2014 – начала 2015 г. Донецк, 2015; Трагедия юго-востока Украины. Белая книга преступлений / под ред. А.И. Бастрыкина. 2-е изд., доп. М., 2015.

6. Стрелков сравнил Славянск с Брестской крепостью. URL: <https://lenta.ru/news/2014/06/19/slavyansk1/> (дата обращения: 16.09.2018).

7. Александр Захарченко: Цена того, за что мы боремся, гораздо выше цены нашей жизни. URL: <http://rusrand.ru/events/aleksandr-zaharchenko-tsena-togo-za-chto-my-boremsja-gorazdo-vyshe-tseny-nashej-zhizni> (дата обращения: 11.09.2018).

8. Ополченец ЛНР подбил танк ценой собственной жизни. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1773239> (дата обращения: 11.09.2018); Боец ополчения подорвал себя, чтобы не сдаваться Нацгвардии. URL: <https://www.kp.by/daily/26252/3132725/> (дата обращения: 11.09.2018).

9. Глава ЛНР рассказал об успехах ополченцев. URL: <http://webground.su/topic/2014/07/08/t6> (дата обращения: 11.09.2018).

10. На блокпосту под Луганском взорвалась замаскированная под банку меда бомба. URL: <https://lenta.ru/news/2015/01/17/badwinnietherooh/> (дата обращения: 17.09.2018).

11. Беженка из Славянска вспоминает, как при ней казнили маленького сына и жену ополченца. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-07-12/37175bezhenka_iz_slavyanska_vspominaet_kak_pri_ney_kaznili_malenkogo_syna_i_zhenu_opolchentsa (дата обращения: 11.09.2018); Каратели расстреляли раненых в больнице Красного Лимана. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/602822/cid/1/> (дата обращения: 19.09.2018).

12. Мерцалов А. Один к пяти // Родина. 1991. № 6–7. С. 138.

13. Шарий: видео казни беременной и ополченца – фейк и разжигание ненависти. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/zinur/post362526114/> (дата обращения: 11.09.2018).

14. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 196–215.

15. Молодая гвардия. Современная история. Герои наших дней. URL: <https://fishki.net/anti/1337621-molodaja-gvardija-sovremennaja-istorija-geroi-nashih-dnej.html> (дата обращения: 11.09.2018); Подростки Луганщины: навеки 17-летние. URL: <http://nashgazeta.net/71596-podrostki-luganschiny-naveki-17-letnie.html> (дата обращения: 18.09.2018); Донецкий И. Мама, если не я, то кто? (Художественно-публицистический дневник). Донецк, 2019. С. 65.

16. Россиянку возмутил фейк в пользу сепаратистов на Донбассе. URL: <https://ru.krymr.com/a/26724943.html> (дата обращения: 02.08.2017).

17. Наш Донбасс. Информационно-аналитическая интернет-газета. URL: https://ok.ru/nashdonba?st._aid=GroupTopicLayer_VisitProfile (дата обращения: 30.03.2020).

18. Казмин В. Красавка (рассказ). URL: <http://ruskline.ru/analitika/2016/04/18/krasavka/> (дата обращения: 18.09.2018); Анна Долгарева // Русская поэзия. URL: http://ya-zemlyak.ru/avtpoesia.asp?id_avt=815 (дата обращения: 10.02.2020).

19. Фотографии погибших ополченцев в Донецке заклеили рекламой фитнеса и отдыха за рубежом. URL: <http://patriot-donetsk.ru/2197-fotografii-pogibshih-opolchencev-v-donecke-zakleili-reklamoy-fitnessa-i-otdyha-za-rubezhom.html> (дата обращения: 10.02.2020).

20. Ветераны ДНР призывают чтить память погибших бойцов. URL: <http://patriot-donetsk.ru/2243-veterany-dnr-prizyvayut-chtitramyat-pogibshih-boycov.html> (дата обращения: 10.02.2020).

21. Сводки от ополчения Новороссии. URL: https://vk.com/strelkov_info?utm_source=search_mail&utm_medium=organic&utm_term= (дата обращения: 10.02.2020); Продолжаем списки павших героев ополчения Новороссии // Новостной портал «Заря Новороссии». URL: http://novorossy.ru/memorial/article_post/prodolzhayem-spiski-pavshikh-geroyev-opolcheniya-novorossii (дата обращения: 16.02.2020) и др.

22. Открытие мемориальных знаков // Белые журавли. URL: <http://podvig-dnr.ru/category/sobytiya/otkrytie-memorialnyh-znakov/page/2/> (дата обращения: 27.04.2020).

23. Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 206.

24. Донецкий И. Указ. соч. С. 64.

Г.Д. Гриценко

УСТНЫЕ ИСТОРИИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

Тот, кто зачеркивает память,
На будущее ставит крест.
А. Абрамов

Чем дальше уходят эпохальные события истории, тем больше обезличивается социально-психологическая атмосфера исторических фактов, снижается их эмоционально-чувственное восприятие. И нередко в этих условиях возникает соблазн переписывания истории, переоценки прошлого, свержения прежних кумиров и создания новых. В результате происходит разрыв хрупкой нити исторической памяти, изменение энергетического потенциала культуры. Великие «отцы» становятся забытыми «дедами», фундаментальные мемориальные комплексы героического прошлого становятся «бесхозными», книги, рассказывающие о героизме предыдущих поколений, оказываются ненужными, а памятники новой истории противоречат прежним ценностным ориентирам.

В последние десятилетия это наблюдается и в российском обществе. Переоценке подвергается не только мирное советское прошлое, но и события Великой Отечественной войны. Память о ней вызывает широкий спектр эмоций у ныне живущих поколений – от восхищения и поклонения, скорби и сострадания до пренебрежения и скептицизма.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190170-5.

В то же время еще Д.С. Лихачёв считал, что «память истории священна» и что «память – основа совести и нравственности, память – основа культуры. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память – наше богатство» [1]. Действительно, память истории, или историческая память, всегда воспринималась как память народа об исторически апробированных образцах социального воспитания человека. Она способствовала осмыслению человеком собственного «Я» в истории своего народа, понимания нашего «Мы» в социокультурном сообществе страны и общечеловеческой цивилизации. Именно историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социального Бытия и рассматривается одним из мощных регуляторов общественной жизни.

В этом контексте актуальна мысль Августина Аврелия, высказанная им в «Исповеди»: «Есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего, настоящее будущего. Эти три времени существуют в нашей душе и нигде в другом месте... настоящее прошедшего – это память...» [2].

Однако память есть «бестелесная духовная субстанция» [3], которая может противостоять «уничтожающей силе времени» [4], аккумулируя в сознании людей представления о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и ярких достижениях страны, но и может приводить к резкому снижению уровня патриотических чувств, гражданского оптимизма, акцентируя внимание как на социальных невзгодах, повлекших большие человеческие, нравственные и материальные утраты, так и на переоценке героического прошлого, исходя из политической или иной целесообразности. Историческая память не есть механическое повторение и воспроизведение прошлого, это отражение сложности и неоднозначности человеческих отношений, изменения духовных ценностей и личных позиций, влияния субъективных мнений. Об этом свидетельствуют «белые пятна» и «черные дыры» в мировой и отечественной истории.

Кроме того, в исторической памяти, по мнению исследователей, отражаются и воспроизводятся альтернативные пути развития истории как нереализованные возможности. Воспоминания воссоздают контуры возможных событий, тем самым высвобождая скрытую

эмоциональную энергию. Альтернативные тропинки в прошлое помогают восстановить утраченные миры [5]. Историческая память – источник широкого спектра эмоциональных и психологических переживаний человека: восхищения и пренебрежения, поклонения и поругания, благоговения и презрения, радости и скорби, сострадания и равнодушия, величия и ничтожества, страдания и наслаждения, уверенности и скептицизма.

Двойственная природа исторической памяти, отражающая противоречивость реальной жизни, два лика памяти, один из которых воспроизводит факты прошлого, а другой придает им многообразные, в том числе и новые оттенки – от почтения до цинизма, – аллегорически раскрыты в греческом мифе о Мнемозине, являющейся одновременно богиней воображения и богиней памяти.

И сегодня, когда разворачивается информационная борьба за пересмотр истории Великой Отечественной войны, роли СССР в победе над фашизмом, когда воинскую доблесть и мужество многих героев ставят под сомнение, объективно необходимым становится изменение методов сбора, классификации и анализа информации о событиях Великой Отечественной войны. Особого внимания в данном аспекте заслуживает «канал», на котором в огромной мере зиждется историческая память, – метод устной истории, включающий рассказы бабушек, дедушек, родителей, соседей, переживших военное время [6]. Особенно это значимо сегодня, пока еще живы те, кто «родом из Великой Отечественной войны», у кого еще сохранены письма с фронта, фотографии военных лет, пожелтевшие газетные вырезки из далеких 1940-х гг., ордена и медали, похоронки.

Использование фактологического потенциала «человека с улицы» (А. Шюц) для анализа уходящих в прошлое граней социальной жизни имеет противоречивую историю, сопровождающуюся взлетами и падениями интереса к данной форме отражения человеческого опыта [7]. В то же время «документы жизни» (К. Пламмер) могут представлять собой лучший тип «социально-исторического материала» (П. Томпсон) [8].

Данная источниковедческая база особенно важна при изучении Великой Отечественной войны как возможность укрупненного взгляда на военно-историческую действительность. Известно, что всё

меньше остается очевидцев героического подвига советского народа, всё больше выхолащивается из учебников по истории России эмоциональная сторона Великой Отечественной войны – рассказы о подвигах конкретных людей. История превращается в сухое статистическое повествование о количестве боевых сражений, о численности погибших на полях боев, пленных, умерщвленных в концлагерях, мирных жителях, увезенных в Германию, и т.д. Из исторической канвы уходит конкретный человек, остается безликая масса людей.

Поворот к устным историям как зафиксированным историям жизни, в которых описываются военные траектории конкретных людей, раскрывается индивидуальная судьба солдата во всем неповторимом сочетании ее трагизма и героизма, может рассматриваться как методологический прием создания живой социальной ткани, составленной из индивидуальных судеб «рядовых агентов исторического процесса» [9]. Так, сквозь сухие статистические данные будут проступать суровые будни войны, строящиеся по принципу «здесь и сейчас».

Использование устной истории в социальных науках предоставляет возможность изучить то или иное событие Великой Отечественной войны в его вписанности во время, темпорально, а именно: когда происходящее соотносится с временными рамками и позволяет «увидеть» событие глазами не стороннего наблюдателя, а очевидца – во всех его красках и оттенках [10].

Данная особенность метода устной истории более ярко проявляется благодаря другому его свойству: возможности услышать «живое слово» респондента – участника исторического события [11]. Как справедливо отмечает А.С. Готлиб, исследователь, а вместе с ним и читатель, подпадает под обаяние респондента, эмоционально-чувственно отзываясь на все перипетии жизненной ситуации участника события, как бы «капитулируя» перед ним, оказавшись под влиянием удивительной притягательности нарратива [12].

Именно поэтому, с точки зрения лингвокультурологического анализа, устная история может рассматриваться своеобразным языковым знаком, хранящим, воспроизводящим и транслирующим культурные установки, которые придают поступкам конкретного человека устойчивый смысл [13]. Использование метода устной истории позволяет оттенять, точнее отцвечивать, особенности проявления ментальности

народа в конкретно-исторических условиях на персонифицированном личностном уровне [14].

В рассматриваемом ключе важно, что устные истории как жизненные истории участников войны являются реальными «голосами» очевидцев, оригиналами, без правки и редактирования, не прошедшими через корректуру «литератора». Рассказанная история становится зеркалом реальной жизни, правдой о происшедших с ветераном Великой Отечественной войны событиях, их результатах и последствиях [15].

Устная история отличается от научной информации, полученной иным эмпирическим методом, именно тем, что последняя есть результат опосредованного восприятия исторического события – через то, как исследователь видит мир в настоящее время. Это означает, что военно-исторический факт при описании исследователем «не предстает перед читателем таковым, каким он существует на самом деле» [16], а через интерпретацию исследователем.

В рассматриваемом контексте устная история есть всегда репрезентация самого респондента, авторская интерпретация событий военных лет. Это означает, что жизнь рассказана собственным голосом, повествование построено на собственном языке. Таким образом, история Великой Отечественной войны перестает быть количественной информацией о поражениях и победах, героизме и предательстве, о смелости и трусости, перечнем обезличенных событий. История приобретает эмоционально-психологическое, ценностно-ментальное, индивидуально-личностное содержание, что делает нарратив объективно необходимым и неизбежным источником информации о Великой Отечественной войне во всем ее величии и трагизме. Достоверность воспоминаний создает особый эмоциональный канал сопричастности к прошлому. Именно поэтому сохранится насущная потребность записать воспоминания тех, кто прошел через испытания Великой Отечественной войны, чтобы зафиксировать и сохранить для последующих поколений «черно-белое кино» под названием «Человеческое измерение Великой Отечественной войны».

Ярким примером использования метода устной истории являются сборники семейных преданий «Никто из нас войны забыть не сможет» как результат кропотливой работы на протяжении нескольких лет ставропольских студентов [17]. Семейные предания как тексты

истории являются информационным и духовным ресурсом развития общества, говорящим или молчащим свидетелем повседневной жизни. Кроме того, в семейных преданиях индивид опосредованно – с помощью услышанных воспоминаний родственников – осмысливает место собственного «Я» в семейной родословной. Именно через семейные предания молодежи удастся прикоснуться к тем или иным страницам истории страны, ощутить духовное единение со старшим поколением. Прошлое, сохранившееся в памяти старших родственников, ставит молодежь в ситуацию коммуникации с опытом представителей других поколений. Такой социальный опыт способствует расширению круга близких, размыкая его в направлении прошлого.

Чтобы сохранить, насколько это возможно, героический дух народа, его самоотверженное служение Отечеству, которыми были пронизаны военные годы, многие студенты записывали воспоминания своих близких о том, где и как они воевали, как работали и жили в тылу, как смогли пережить оккупацию.

В результате сопричастности молодежи к тому материалу, который ею описывался, возникла возможность не только по-иному взглянуть на своих прабабушек и прадедушек, но и прикоснуться к духовной составляющей событий Великой Отечественной войны. Комментарии студентов к тем ситуациям, которые ими были записаны, дают возможность судить о гражданском самосознании, патриотизме самих «исследователей».

Рассказывая о своей бабушке, С. Ворушилина горько сожалела о том, что маленькой Любе не удалось познать радостей счастливого детства: на следующий день после ее рождения началась война, с которой так и не вернулся ее отец и которая «забрала» ее мать [18].

С особой трепетностью говорит А. Ключ о своей семье, в которую война также запустила свои страшные щупальца. Размышляя над словом «Родина» и готовностью самоотверженно ее защищать, Александр отмечает, что «в голове возникла ассоциация из разряда семейных ценностей: род, родитель, родные, а значит – самые близкие. Это они защитили меня, дали мне возможность жить, учиться» [19].

Важным является и то духовное единение молодежи со старшим поколением, которое ощущается при чтении комментариев, оставленных студентами во время записи устных историй. Слушая рассказы

близких родственников, студенты познавали важность простых человеческих истин – доброты, дружбы, страдания, стойкости духа. «Долго я не могла уснуть после беседы с ветераном войны Иваном Ивановичем, – вспоминала С. Клипчаева. – Закрою глаза и вижу то, что никогда не видела: немцев, “Катюшу”, почтальона Кондрашку... Вместо военных самолетов, обстреливающих поселения, сегодня в небе яркие звезды, Млечный путь, луна. Днем – яркое солнце, голубые облака. Какое же все-таки небо разное!!!» [20].

Характер размышлений сегодняшних и будущих студентов о значении Великой Отечественной войны для современного поколения позволяет констатировать понимание ими всего величия и всей трагедийности этой войны:

Со временем всё зарастает бьюлю,
Что связано с минувшею войной,
Уж не приходят вдовы к надмогилю,
Траншеи битвы заросли травой.
Людская память вечно помнит милых
Отцов, мужей, любимых, сыновей,
Забуть она солдат войны не в силах,
Что жизнь отдали Родине своей.

(И. Ильченко, учащийся МОУ СОШ № 3, с. Китаевское, Новоселицкий район, Ставропольский край) [21].

Итак, радикальные изменения, происходящие сейчас во всех областях жизни российского общества, накладывают существенный отпечаток на историческую память в целом и на восприятие событий героического прошлого. В этих условиях использование метода устной истории воспринимается как осознанная необходимость сохранения памяти о тех, кто ковал эту Победу, и особенно о тех, кто обеспечил ее ценой своей жизни. Безусловно, в рассказанных участниками Великой Отечественной войны жизненных историях описываются индивидуально значимые события. В субъективных жизнеописаниях, конечно, сложно уловить объективность (социальные закономерности) социальной жизни, именно поэтому для данной цели есть иные методы научного познания социума. Когда же ведется речь об исторической памяти, особенно памяти о Великой Отечественной войне, наиболее оптимальным становится метод устной истории.

Примечания

1. Лихачев Д.С. Память истории священна. М., 1986. С. 14.
2. Августин А. Исповедь. М., 1998. С. 26.
3. Иконникова С.Н. Историческая память как духовный ресурс цивилизации // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачёвские научные чтения. СПб., 2008. С. 194.
4. Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 14.
5. Иконникова С.Н. Указ. соч. С. 194.
6. Болокина Л.А. Рассказы жителей освобожденных от оккупации территорий Калининградской области как историко-антропологический источник // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. мат-лов (Казань, 2–6 июля 2019 г.) / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.; Казань, 2019. С. 107.
7. Готлиб А.С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследования культуры. 2013. № 1 (10). С. 9–14.
8. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 132.
9. Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 15.
10. Безденежных Е.П. Воспоминания жителей оккупированных территорий о Великой Отечественной войне: образы в памяти очевидцев // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. мат-лов. С. 106–107.
11. Волкова Е.Ю. Устные свидетельства женщин, переживших Великую Отечественную войну, как этнографический источник // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. мат-лов. С. 107–108.
12. Готлиб А.С. Указ. соч. С. 12.
13. Алещанова И.В. Нарративность: определение понятия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3. С. 43–44.
14. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М., 2003.
15. Готлиб А.С. Указ. соч. С. 12.
16. Готлиб А.С. Качественная методология, исторический нарратив, или Можно ли написать историю советской социологии «с челове-

ческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 1. С. 14.

17. Никто из нас войну забыть не сможет / под ред. В.А. Шаповалова: отв. ред. Г.Д. Гриценко, О.И. Лепилкина. Вып. 1. Ставрополь, 2000; Никто из нас войну забыть не сможет / под ред. В.А. Шаповалова: отв. ред. Г.Д. Гриценко, О.И. Лепилкина. Вып. 2. Ставрополь, 2010.

18. Никто из нас войну забыть не сможет. Вып. 2. С. 111.

19. Там же. С. 51.

20. Там же. С. 208.

21. Там же. С. 299.

Н.И. Медвенский

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. В МУЗЕЯХ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИИ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оказала значительное влияние на развитие музейного дела СССР. После начала боевых действий перед советскими музеями как учреждениями культуры встали три важнейшие задачи: в сложившихся экстремальных условиях сохранить имеющиеся собрания; документировать события и процессы, происходящие в военный период; проводить воспитательно-патриотическую работу среди населения. На эти задачи были направлены приказы Наркомата просвещения РСФСР от 1941 г. «О мероприятиях по сохранению и учету музейных фондов» и «О формах функционирования музеев в военное время».

К началу войны ведущим учреждением, занимающимся сбором, изучением, хранением и экспонированием предметов – памятников естественной истории, материальной и духовной культуры на территории Абхазии являлся Абхазский государственный музей, созданный в 1917 г. В военный период научные сотрудники музея вели активную выставочно-экспозиционную, научно-исследовательскую и массово-просветительскую работу, осуществляли чтение лекций, проводили беседы, устраивали историко-краеведческие кружки и др. По понятным причинам коллектив стремился показать в своих экспозициях героизм советских воинов на фронте и трудовой под-

виг работников тыла, делая особый акцент на уроженцах Абхазии. Директор музея Л. Соловьев, сотрудники А. Герия, Е. Миляновский, Е. Папашвили создали специальный подотдел «Великая Отечественная война», на базе которого экспонировались соответствующие документальные и вещественные материалы [1].

Основную их массу составляли артефакты агитационно-пропагандистского характера: плакаты, призывающие граждан страны встать на защиту Отечества или пожертвовать часть своих сбережений на нужды обороны; полотна на военно-патриотическую тематику; живописные и скульптурные портреты советских политических руководителей и военачальников; листовки и др. К сожалению, в означенное время случаи поступления подлинных личных вещей участников войны носили нерегулярный характер. При этом часть экспонатов, пополнивших фонды музея в 1941–1945 гг., представляли собой военные трофеи: вооружение, обмундирование, знаки различия военнослужащих вермахта и др. Однако некоторые из подобных артефактов впоследствии были изъяты из музейного фонда по идеологическим соображениям.

С конца 1940-х по начало 1990-х гг. основной задачей Абхазского государственного музея являлась популяризация истории и достижений республики в составе Советского государства. Именно в этот период в собрания учреждения поступил основной массив документов и предметов по тематике Великой Отечественной войны. Были сформированы тематические фонды и мемориальные дела. В частности, в музее хранятся фотопортреты 23 Героев Советского Союза из Абхазии: Н.П. Адамии, Р.М. Барцыца, Н.Т. Берии, М.М. Бостанджяна, В.А. Габлии, Э.Г. Гараняна, Б.И. Гарина, К.М. Гонтаря, Г.Д. Дермановского, И.С. Зубкова, Я.К. Иосселиани, М.В. Кантари, Я.Б. Кокоскери, И.А. Макеенко, А.Р. Мелитяна, В.Н. Очаленко, В.И. Попкова, Н.Е. Редькина, М.С. Сахненко, Н.П. Усова, В.К. Харазии, Н.Я. Ходосова, А.Х. Чакряна и 3 полных кавалеров Ордена Славы: И.Т. Ванача, И.Н. Цулая и А.М. Шушаняна. Здесь же – материалы о рядовом 867-го стрелкового полка С.Д. Пачулии, закрывшем своим телом пулеметную амбразуру и тем самым повторившем подвиг А.М. Матросова; о политруке 3-й пулеметной роты 1151-го стрелкового полка А.К. Назадзе, после ранения не покинувшей строй, под-

нявшей залегших под вражеским огнем советских бойцов и погибшей в ходе последующей атаки; о военном летчике Д.А. Шервашидзе (Чачба), сбитом в небе над Кубанью, вступившем в партизанский отряд «Юный мститель», а после освобождения станицы Лабинской назначенном командире роты 808-го стрелкового полка и павшем в бою под Одессой.

В экспозиции Абхазского государственного музея также представлены личные вещи и фотографии первой летчицы-абхазки, штурмана 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка и 634-го легкого бомбардировочного авиационного полка, лейтенанта М.Х. Авидзба (1917–1986). В ходе войны ее экипаж совершил 477 боевых вылетов, провел в воздухе свыше 1000 часов и сбросил на врага 63 000 кг бомб. Она участвовала в обороне Кавказа, освобождении Крыма, Белоруссии, Польши, разгроме немецко-фашистских войск в Германии. За мужество и героизм, проявленные при защите Родины, была награждена орденами Отечественной войны I и II степеней, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Абхазской АССР и др. В настоящее время посетители музея могут увидеть кожаный летный шлем, защитные очки, планшет с картами, фронтовые письма и другие ценные артефакты, связанные с жизнью и боевым путем Мери Хафизовны [2].

Интерес представляет и макет двухпалубного товарно-пассажирского теплохода «Абхазия», построенного в 1927 г. на Балтийском судостроительном заводе (Ленинград). 10 августа 1941 г. судно было мобилизовано на военные нужды в качестве санитарного транспорта. Его штатная эвакуационная емкость составляла 400 человек, численность медицинского персонала – 9 врачей, 29 медсестер, 75 санитаров. Работала 1 операционная и 4 перевязочных на 11 столов. В общей сложности «Абхазия» выполнила 36 эвакуационных рейсов: из Одессы – 9 (перевезла 3854 человека), Севастополя – 18 (14 056 человек), Феодосии – 9 (7420 человек), Ялты – 1 (2085 человек). Общее количество эвакуированных составило 32 325 человек, из них 11 804 человека (36,6 %) составляли лежачие. Кроме того, к 12 апреля 1942 г. судно перевезло в Одессу и Севастополь войсковое пополнение – 71 352 человека, а также 40 857 т боеприпасов и вооружения. 10 июля 1942 г. теплоход

погиб в Севастопольской бухте в результате прямого попадания немецкой авиабомбы [3].

Особое место в собраниях Абхазского государственного музея, связанных с Великой Отечественной войной, занимает раздел, посвященный битве за Кавказ. С августа 1942 по январь 1943 г. в горных районах Абхазии развернулись интенсивные боевые действия между войсками 46-й армии Закавказского фронта и 49-м горнострелковым корпусом вермахта, стремившимся через перевалы Главного Кавказского хребта прорваться к побережью Черного моря. Противник был остановлен и отброшен ценой жизни тысяч советских солдат и офицеров, навсегда оставшихся лежать на склонах гор, в ущельях и на перевалах. Поэтому еще летом 1943 г. на местах недавних боев Наркоматом обороны СССР были организованы поисковые работы, имевшие целью обнаружение и захоронение останков участников сражений в высокогорной и горно-лесистой местности.

Некоторые из найденных в ходе подобных мероприятий образцов вооружения, снаряжения и обмундирования РККА и вермахта пополнили музейные фонды. В их числе – армейские каски, сигнальные и осветительные патроны (ракеты), минометные мины, пулеметные диски и ленты, винтовочные и автоматные гильзы, ракетница, немецкий легкий 50-мм миномет *Granatenwerfer 36*, альпинистские «кошки», стандартный шестигранный эбонитовый медальон РККА и др. Многие аналогичные реликвии были собраны в ходе экспедиций по местам боевой славы на Клухорском, Марухском и Санчарском направлениях, организованных научными сотрудниками Абхазского государственного музея с 1960-х по 1980-е гг. Особое внимание подобной работе уделял ветеран Великой Отечественной войны, участник боев в окрестностях Санчарского перевала, директор музея в 1978–2007 гг. А.М. Тариа. Богатый фотодокументальный материал, собранный при его активном участии, отражает боевую деятельность 808-го, 810-го и 815-го стрелковых полков 394-й стрелковой дивизии, 66-го и 307-го стрелковых полков 61-й стрелковой дивизии, 25-го пограничного полка НКВД, 2-го сводного стрелкового полка, сводных отрядов Сухумского и Тбилисского военно-пехотных училищ, подразделений 107-й и 155-й стрелковых бригад в горах Абхазии.

Обширным собранием музейных предметов, отражающим события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., располагает также Государственный музей боевой славы им. В.Г. Ардзинба. Данное учреждение было создано на основании Постановления Кабинета Министров Республики Абхазия от 20 мая 2008 г., а его открытие состоялось 14 декабря 2014 г. Музей осуществляет хранение, изучение и публичное представление предметов и коллекций периода грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Первой мировой войны 1914–1918 гг., а также других исторических событий, связанных с военной историей народа Абхазии.

За пять с лишним лет сотрудниками музея собрано свыше 1 тыс. единиц хранения, имеющих прямое отношение к Великой Отечественной войне. В их числе – записанные на диктофон устные свидетельства участников боевых действий и тружеников тыла, фронтовые письма, фото- и киноматериалы, документы советских солдат и офицеров – уроженцев Абхазии, боевые ордена и медали, предметы быта, личные вещи ветеранов, газетные вырезки военных лет и многое другое.

Большую значимость представляет постоянно действующая фотоэкспозиция «Абхазия в Великой Отечественной войне советского народа», созданная на базе личного архива доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Грузинской ССР, заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР Г.А. Дзидзари (1914–1988). В 2017 г. его сын, А.Г. Дзидзария, передал в музей несколько десятков обнаруженных им фотографий, отражающих различные аспекты участия воинов из Абхазии в боевых действиях против немецких войск, результаты бомбардировок Сухума фашистской авиацией, а также трудовые будни работников тыла и их вклад в Великую Победу. Многие из этих фотоматериалов ранее нигде не публиковались.

Интерес заслуживает и витрина, посвященная вкладу дочерей Абхазии в общую Победу над фашизмом. В годы войны в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и Военно-морского флота (ВМФ) влилось свыше 800 девушек и женщин из небольшой республики. Они несли службу в войсках противовоздушной обороны, связи, внутренней охраны, в военно-автомобильных частях, в военно-медицинских учреждениях санитарной службы РККА, в различных

тыловых службах и др. Посетители музея могут увидеть фронтовые фотографии М. Адлейба, А. Акусба, Т. Багателия, В. Бения, Е. Гарцкия, Н. Герия, Ф. Джинджолия, А. Дзидзария, Н. Инал-Ипа, В. Курмазия, Е. Лакоба, А. Мамацевой, Т. Мамацевой, В. Озган, Т. Папаскири, Н. Смыр, Л. Тарба, М. Халваш, В. Шакая, Л. Эшба и др.

Особую ценность представляет коллекция предметов, связанных с именем известного советского военачальника Хасана Лагустановича Харазии (1908–1990). В ходе Великой Отечественной войны он последовательно являлся начальником штаба, затем командиром 112-го горного кавалерийского полка; заместителем командира 21-й горной кавалерийской дивизии 8-го кавалерийского корпуса, затем исполняющим обязанности командира данного корпуса; командиром 4-й гвардейской механизированной бригады 2-го гвардейского механизированного корпуса 2-й гвардейской армии; командиром 10-й гвардейской воздушно-десантной бригады; командиром 301-го гвардейского стрелкового полка 100-й гвардейской стрелковой Свирской Краснознаменной дивизии, затем заместителем командира данной дивизии. После войны командовал 100-й гвардейской воздушно-десантной дивизией (1946), 39-й гвардейской стрелковой дивизией (1952–1954), являлся первым заместителем командующего 3-й гвардейской механизированной армией (1956–1962), заместителем командующего войсками Уральского военного округа в звании генерал-лейтенанта (1962–1969) [4].

В соответствующей тематической экспозиции представлен бюст Х.Л. Харазии, его парадный китель, фуражка, орден Ленина, 4 ордена Красного Знамени, орден Суворова III степени, 2 ордена Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды и многочисленные орденские планки к медалям СССР и иностранных государств, а также рукопись его воспоминаний «Дорогами мужества» [5].

Внимание посетителей привлекает ставшая всемирно известной фотография военного корреспондента газеты «Советская Абхазия» Семена Иосифовича Короткова «Скорбящая мать человечества», удостоенная Золотой медали в 1966 г. на международной фотовыставке в Москве. В 1942 г., в ходе тяжелых боев за Севастополь, Коротков запечатлел бойца морской пехоты Алексея Аршбу, погибшего спустя несколько часов в ходе разведывательного выхода. На протяжении

более двух десятков лет после окончания войны поиски родственников советского воина оставались безрезультатными, пока наконец в одном из горных сел корреспондент не встретился с матерью Алексея, Марущей Пачалия. Передав ей снимок, он ушел, оставив поседевшую от времени и горя женщину наедине с последним изображением еще живого, улыбающегося сына, но в последний момент не выдержал и обернулся – так родилась эта фотография.

Руководство и сотрудники музея участвуют в ежегодных военно-исторических поисковых экспедициях по местам боевой славы на перевалах Главного Кавказского хребта и его боковых отрогах, следуя тем самым добрым традициям своих предшественников. Как и в период существования СССР, основной целью их проведения является поиск, установление судеб и торжественное захоронение с надлежащими почестями советских солдат и офицеров, павших в битве за Кавказ в 1942–1943 гг. Из найденных в экспедициях предметов вооружения и снаряжения сформирована соответствующая коллекция, также экспонирующаяся на постоянной основе. В числе экспонатов – трехлинейная (7,62 мм) винтовка Мосина образца 1891 г., кавалерийский карабин Мосина, четырехгранные игольчатые штыки к винтовке Мосина, штык-ножи к германскому карабину Маузера 98, обоймы для патронов к винтовкам Мосина и Маузера, советские ручные гранаты РГД-33, немецкая ручная граната М-39, советская малая пехотная лопата образца 1939 г., немецкий переносной ранцевый огнемёт образца 1935 г., детали от чехословацкого ручного пулемета ZB-30 (применялся в ходе боевых действий на Санчарском направлении), а также хлорница, столовые и чайные ложки, ручные бритвы, перочинные ножи, монеты, пряжки от ремней, пуговицы, элементы подвески вещмешков, ремни от часов, набойки от сапог и другие артефакты, найденные вместе с останками советских воинов.

Таким образом, музеям Абхазии удалось накопить и сохранить ценные документы и материалы, связанные с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Это способствовало сохранению исторической памяти о самом массовом кровопролитии в истории человечества, советских государственных и военных деятелях, солдатах и офицерах РККА и ВМФ, тружениках тыла, внесших свой вклад в Великую Победу. Вещественные и документальные свидетельства тех героических

и одновременно трагических событий поступают в фонды абхазских музеев и в настоящее время. Однако по мере того, как всё меньше остается среди нас живых свидетелей военных лет, всё более ценными становятся их воспоминания о минувшем, а работа по тщательному изучению накопленного материала приобретает особую актуальность.

Примечания

1. Черкезия Г.Т. Трудящиеся Абхазии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сухуми, 1962. С. 81.
2. Абхазский биографический словарь. М.; Сухум, 2015. С. 24.
3. Азаров И.И. Непобежденные. М., 1973. С. 60.
4. Харазия Х.Л. Дорогами мужества. М., 1984.
5. Там же.

Д.Н. Санин

РОЛЬ ЕГОРЛЫКСКОГО МУЗЕЯ И ЕГОРЛЫКСКОГО РАЙОННОГО АРХИВА В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

9 мая 2020 г. исполняется 75 лет Великой Победы нашей Родины над фашистской Германией. На сегодняшний день сохранение и изучение истории Великой Отечественной войны остается одним из приоритетных направлений в российской науке и культуре. Источники, отражающие события этого периода, разнообразны: письменные, вещественные, этнографические, фольклорные, лингвистические, кино- и фотодокументы. Местами их хранения являются архивы и музеи. Этнографические, историко-краеведческие, художественные, специализированные, мультимедийные комплексы и музеи хранят вещественные свидетельства истории Великой Отечественной войны.

В Егорлыкском историко-краеведческом музее находятся на хранении 3935 различных экспонатов, более половины из которых посвящены истории Великой Отечественной войны. Главными документами учетной деятельности музея являются книги основного и вспомогательных фондов и инвентарные книги. Фонды Егорлыкского районного музея представляют собой следующие разделы: живопись, графика,

скульптура, предметы прикладного искусства, быта и этнографии, предметы нумизматики, редкие книги, оружие, документы, фотографии и негативы, экземпляры печатной продукции. Практически в каждом фонде, за исключением фондов редких книг и скульптуры, имеются материалы, так или иначе освещающие период войны. Часть из них введена в научный оборот, другая еще ждет своей очереди. Кроме того, музей активно занимается популяризацией истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и патриотическим воспитанием подрастающего поколения.

Особый интерес для посетителей и исследователей представляет база документов военного и послевоенного времени. Она содержит фотографии, удостоверения к наградам, письма, грамоты, периодические издания, биографии и автобиографии погибших и пришедших с фронта участников войны. Проникновенно звучат строки из писем отца и сына Серовых, погибших на фронте [1]. Если у отца письма пронизаны драматическим ощущением войны и смерти, то у двадцатилетнего сына – любовью к матери и сестре.

Достаточно объемный материал содержится в фонде периодики. В основном это газетные статьи, посвященные освобождению станицы Егорлыкской и Егорлыкского района, участникам Великой Отечественной войны и труженикам тыла [2]. Также в фонде хранятся Книги Памяти районов Ростовской области, среди которых важное место занимает Книга Памяти Егорлыкского района [3]. Интересны хранящиеся в музее нумизматические материалы: медали, ордена, памятные знаки. Все эти экспонаты несут информацию о подвигах жителей района на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу. Большая часть этих экспонатов доступна для обозрения посетителей музея. Также востребованы коллекции, посвященные нашим землякам – Героям Советского Союза (Т.Е. Брилеву, А.П. Дубинцу, В.А. Сулеву, В.Ф. Педько) [4]. Большой интерес вызывают материалы по деятельности егорлыкского подполья в годы войны [5]. В вещественном фонде музея находятся предметы быта и макеты вооружения, в том числе редкие для музейных экспозиций вещи. Например, в экспозиции зала «Великая Отечественная война 1941 года до наших дней» Егорлыкского историко-краеведческого музея представлен один из первых бронежилетов «Стальной нагрудник РККА СН-42»,

а также бутылкомет Цукермана. Эти предметы переданы в дар музею поисковым отрядом Егорлыкского района. В этом зале расположена витрина, посвященная истории 5-го Донского казачьего кавалерийского корпуса. Экспонатом, вызывающим особый интерес посетителей музея, является казачья шашка, найденная при поисковых работах на Миусских рубежах, где в феврале 1943 г. шли ожесточенные бои [6].

К категории историко-бытовых предметов этого периода относятся детали обмундирования и воинской амуниции (форма, обувь, фляжки, котелки, ложки и др.) не только бойцов Красной армии, но и солдат противника. Для исследователей интересны именные вещи (медалионы, котелки и др.), которые помогают установить личность их владельца. Своим внешним видом внимание посетителей привлекает блиндажная печка с отверстием для установки котелка (на закрывающей его крышке выдавлены клеймо и название производителя – фирма *Vuderus*, существующая по сегодняшний день, а также дата ее основания – 1731 г.). Особый интерес данная информация вызывает у посетителей среднего и старшего школьного возраста [7].

С целью патриотического воспитания детей и молодежи в течение нескольких лет музей проводит тематические выставки на открытых площадках в день освобождения станицы Егорлыкской, в честь Дня Победы и в другие знаменательные даты. Эти мероприятия неизменно пользуются популярностью у местного населения. Музей тесно сотрудничает со школами района, оказывая методическую помощь при подготовке к урокам истории по Великой Отечественной войне. Также ведется взаимодействие поискового движения России с поисковыми отрядами Егорлыкского района в рамках тематических мероприятий (например, День Неизвестного Солдата и др.).

Хранением документов, касающихся истории Великой Отечественной войны, занимается также сектор по архивной работе администрации Егорлыкского района. В его фондах находится множество различных письменных источников того времени, например законодательные и нормативно-правовые акты, делопроизводственные материалы, периодическая печать, источники личного происхождения (мемуары, письма, дневники и т.д.). По нашим подсчетам, всего в архиве содержатся 52 дела, касающихся Великой Отечественной войны. При этом хранящиеся в них документы относятся лишь к 1943–1945 гг.

К сожалению, более ранние документы, в том числе довоенного периода, были уничтожены из-за риска попадания в руки врагов – вывезти и сохранить в июле 1941 г. документы не представлялось возможным. Интересными для исследования истории войны являются документы Совета депутатов трудящихся Егорлыкского района и его исполнительного комитета, которые датируются началом 1943 г. Эти документы содержат информацию об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками Егорлыкскому району. В акте приводятся данные всех жителей и хозяйств района, пострадавших во время оккупации. О колхозе имени Ворошилова Кавалерского сельсовета есть такое свидетельство: «...Летом 1942 года немецкие изверги оккупировали наш колхоз. Шесть месяцев мы находились под пятой фашистов. За этот короткий, но мучительный период немецкого “хозяйничанья” мы воочию видели лицо врага, это убийство, грабежи, разрушения, надругательство над достоинством русского человека, над натурой, честью. Немецкие бандиты разрушили весь наш колхоз, они увезли хлеб из наших амбаров, они заставляли нас работать на врагов. Было уничтожено и угнано крупного рогатого скота 177 голов на сумму 3 075 000 рублей, лошадей 189 голов на сумму 2 301 000 рублей, овец 816 голов на сумму 2 472 000 рублей и т.д.» [8].

Не менее интересен другой документ о причинении ущерба немецко-фашистскими захватчиками Егорлыкскому району. В нем приводятся списки граждан, эвакуированных в военный период в Егорлыкский район, и описывается их вклад в помощь фронту.

Сведения о Великой Отечественной войне приводятся также в документах колхозов и сельских советов Егорлыкского района. Они содержат информацию о восстановлении разрушенного хозяйства и оказании помощи фронту. Протокол заседания сельского совета Кавалерского исполкома сообщает о помощи населения по сбору денежных средств на постройку эскадрильи «Освобождённый Дон». Документы колхоза «Украина» свидетельствуют о сборе средств в сумме 1111,60 рублей на постройку танковой колонны «Ростовский колхозник» [9].

В протоколе заседания Ильинского сельсовета имеется список жителей сельсовета, сотрудничавших и ушедших с немцами, таковыми оказалась большая часть жителей данного сельсовета. Протоколы

исполкома Балабановского совета информируют о помощи пострадавшим от немецкой оккупации и о решении освободить жителей от уплаты 50 и 100 % налогов. На основе тех же документов можно проследить эпидемиологическую обстановку в колхозах. Например, в Балко-Грузском совете: «...В совхозе не ведется борьба с антисанитарией, везде около жилых домов у входа грязь, навоз, что также ведет к различным заболеваниям» [10].

К сожалению, не все сельсоветы исправно вели документацию в период войны. К примеру, из уже упомянутого Балко-Грузского совета имеются разрозненные документы, датированные 1943 г., но систематизируются описи лишь с 1948 г. [11]. Источники колхоза «Украина» интересны тем, что сообщают о восстановлении советской власти в колхозе в то время, когда за центр района еще шли бои. Так, первый протокол колхоза «Украина» от 25 января 1943 г. содержит информацию об избрании председателя колхоза, первого в еще не освобожденном районе. На собрании колхозников «постановили избрать председателем колхоза тов. Реуцкого Михаила Сергеевича, членами правления тов. Сердюк Ивана и Короткого Якова Даниловича» [12].

Основная часть всех протоколов исполкомов сельских советов этого периода посвящена восстановлению сельского хозяйства: увеличению площади посевов зерновых культур, поголовья крупного рогатого скота, улучшению условий жизни населения. В документах того времени также отражены трудовые подвиги жителей тыла. Например, в описи «Списки лиц, награжденных и представленных к награждению медалью “За оборону Кавказа”» приводятся данные о гражданских лицах, совершивших подвиги: «...в 1942 году по инициативе тов. Коробцовой во время эвакуации из прифронтовой полосы выведено в тыл 1700 голов овец, брошенных Шелковским “Заготскотом”, и сдано на питание Красной армии. В 1943 году по поручению райкома ВКП(б) и райисполкома со своей бригадой колхозников перевыполнила задания командования по строительству аэродрома в х. Репяховка и оборонительных сооружений и укрепрайона» [13]. Также в архиве хранится дело № 27 «Списки лиц, награжденных медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”». Из этих документов видно, что труд в Великой Отечественной войне высоко оценивался советским государством [14]. Основная часть докумен-

тов этого периода в целом слабо изучена и требует более серьезного и детального исследования.

Примечания

1. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Письма Серова Кузьмы Ульяновича от 10 февраля 1942 г. и Серова Валентина Кузьмича от 20 марта 1945 г. Находятся на временном хранении.

2. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Книга учета основного фонда № 1. Л. 56.

3. Там же. Л. 6, 47.

4. Там же. Л. 7–12.

5. Там же. Л. 54.

6. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Книга учета научно-вспомогательного фонда № 1. Л. 30.

7. Там же. Л. 93.

8. Сектор по архивной работе администрации Егорлыкского района. Акты причиненного ущерба немецко-фашистскими захватчиками Егорлыкскому району. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 5, 6, 7, 89, 103.

9. Сектор по архивной работе администрации Егорлыкского района. Колхоз «Украина» Войновского сельского совета. Протоколы № 1–10 общих собраний колхозников и № 1–27 заседания правления 25 января – 23 декабря 1943 г. Ф. 71. Оп. 1 ОАФ (объединенного архивного фонда). Д. 8. Л. 4об., 5.

10. Сектор по архивной работе администрации Егорлыкского района. Протоколы заседаний исполкомов сельских советов. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4. Л. 18, 20, 90, 131, 132.

11. Сектор по архивной работе администрации Егорлыкского района. Исполнительный комитет Балко-Грузского сельского совета депутатов трудящихся. Ф. 32. Оп. 1.

12. Сектор по архивной работе администрации Егорлыкского района. Колхоз «Украина» Войновского сельского совета. Протоколы № 1–10 общих собраний колхозников и № 1–27 заседания правления 25 января – 23 декабря 1943 г. Ф. 71. Оп. 1 ОАФ. Д. 8. Л. 1–3.

13. Сектор по архивной работе администрации Егорлыкского района. Списки лиц, награжденных и представленных к награждению медалью «За оборону Кавказа». Ф. 32. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

14. Сектор по архивной работе администрации Егорлыкского района. Списки лиц, награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ф. 32. Оп. 1. Д. 27.

А.Н. Еремеева

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ «В ГРАНИТЕ И БРОНЗЕ»¹

Важным ресурсом сохранения памяти о Великой Отечественной войне являются монументальные памятники. История их возведения насчитывает более 75 лет. Особая активность наблюдалась в юбилейные годы (начиная с двадцатилетия Победы). Подходы к монументальной пропаганде были детерминированы целым рядом факторов и претерпевали изменения на различных этапах. Как справедливо отмечали Н. Конрадова и А. Рылеева, «всю вторую половину XX века российское общество осознавало Великую Отечественную войну как центральное историческое событие, и сегодняшняя политика памяти, помимо стремления к поиску новых смыслов и форм, демонстрирует крепкую советскую наследственность». При этом «каждый юбилей приносил новую тенденцию, отчуждая память от самого события, “упаковывая” его» [1].

Рассмотрим основные тенденции освещения данной темы в научных исследованиях советского и постсоветского периодов.

Появление в послевоенные десятилетия многочисленных памятников, увековечивавших отдельные сражения, героев и жертв войны (включая такие масштабные мемориалы, как Волгоградский, Хатынский, Саласпилский, Брестская крепость), стимулировало появление работ, осмысливавших эволюцию стиля и (частично) идеологические аспекты монументальной пропаганды. Происходило это как в рамках обобщающих исследований по истории монументального искусства СССР [2], так и в специальных трудах.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва» по теме «Монументальная политика как инструмент сохранения культурной памяти».

Непосредственно памятники героям Великой Отечественной (Второй мировой) войны и ее жертвам как в СССР, так и за рубежом – в странах социализма и антигитлеровской коалиции – стали объектом исследования в монографии И.А. Азизян и И.В. Ивановой [3]. Авторы проследили трансформацию подходов (в том числе композиционно-пластических) к созданию памятников (начиная с временных, возведенных еще до Победы, заканчивая грандиозными мемориалами).

Весомым вкладом в осмысление темы явилась искусствоведческая диссертация Т.Г. Малининой (1984) [4]. Автор сосредоточилась на монументальных проектах (реализованных и нереализованных), созданных как ответы на вызовы военного времени. Для осознания формирования художественного образа памятника Великой Отечественной войны привлечены материалы всесоюзных конкурсов 1942–1945 гг. Показано взаимодействие основных акторов монументальной политики – партийных, советских (прежде всего Комитета по делам архитектуры при СНК), военных организаций и творческих союзов. Почти через четверть века под редакцией Т.Г. Малининой вышел сборник документов и материалов, представляющий истоки художественных поисков увековечения Великой Отечественной войны [5].

В 1960–1980-е гг. издавались художественные альбомы, источники личного происхождения, сборники документов, отражающих различные, в том числе монументальные аспекты мемориализации Великой Отечественной войны. Книгу Е.В. Вучетича [6] – одного из «отцов» советских грандиозных многофигурных ансамблей, культовых памятников (в том числе «Воин-освободитель», «Родина-мать зовёт!») – можно рассматривать в качестве важного источника по истории монументальной политики.

Современные исследования, посвященные мемориальному воплощению памяти о войне, рассматривают памятники в контексте исторической политики и политики памяти, используя теоретический инструментарий *memory studies*, работы П. Нора, М. Хальбвакса, Я. Ассманна и других классиков жанра. Публичные дискуссии, инициированные властью, коммеморативные ритуалы (в том числе в рамках монументальных инициатив) рассматриваются как способы воздействия на историческую память населения.

Значительное количество работ последних десятилетий фокусируется на различных аспектах формирования и современного состояния монументального наследия, увековечивающего память о Великой Отечественной войне. Авторы анализируют ресурсы советских и современных монументов в производстве исторической памяти, национальной идентичности, подходы различных политических сил к интерпретации образов, их стремление использовать памятники в своих целях.

В статье исследовательницы из ФРГ А. Черкасски представлена эволюция советского мемориального ландшафта (применительно к памятникам, увековечивающим Великую Отечественную войну). В данной эволюции выделяется три этапа: середина 1940-х – середина 1950-х гг.; середина 1950-х – конец 1970-х гг.; с 1980-х гг. до 1991 г. – с точки зрения «исключения и включения разных групп жертв войны в советскую коллективную память под влиянием симбиоза внутриполитических и внешнеполитических интересов» [7].

Наибольший интерес исследователей вызывает скульптура «Родина-мать зовёт!» Е. Вучетича на Мамаевом кургане. Неслучайно журнал социально-гуманитарных исследований «Лабиринт» обозначил тему специального номера (№ 1 за 2017 г.) – «“Родина-мать зовет!”: пятьдесят лет в строю». По сути, обсуждение данной темы началось еще в рамках № 4 за 2015 г., тема которого была обозначена как «Символ Родины-матери в российской культуре: политика, семиотика, история». Авторы констатируют, как и в советское время, сакральное отношение значительной части населения к скульптуре на Мамаевом кургане, активное тиражирование образа, его успешное использование в контексте патриотического дискурса. О.В. Рябов полагает, что «значение монумента в современной символической политике выходит за рамки его роли в памяти о войне», что «монумент фактически стал одним из важнейших национальных и политических символов современной России»; он связан как с «позиционированием сегодняшней России в мире», так и перекличкой советского прошлого и настоящего [8]. М.Ю. Тимофеев, солидаризируясь с коллегами в плане эффективного использования монумента для патриотической консолидации общества, отмечает, что Волгоград благодаря повсеместному использованию образа знаменитой скульптуры ассоциируется исключительно

с памятью о Сталинградской битве и победой в войне и этим самым провоцирует попытки разнообразить диапазон образа города [9].

Представляет интерес анализ мемориального комплекса постсоветского периода «Парк Победы», предпринятый А.В. Ваньке через призму коммуникативных аспектов его функционирования в публичной сфере, как объект и инструмент государственной политики. Автор реконструирует механизм, посредством которого поддерживается образ «единой нации», «воспроизводится идентичность народа-победителя, помнящего героев и жертв войны» [10].

В ряде работ показано восприятие населением памятников, увековечивающих Великую Отечественную войну, что важно, учитывая их роль в формировании системы ценностей. И.Ю. Васильев на основе анкетирования жителей Краснодара реконструировал их отношение к памятникам Великой Отечественной войны и сделал вывод об их статусе как наиболее «символически наполненных для горожан объектов». Отмечается их связь «с традиционной символикой, архетипами, которые часто не рефлексированы, но неосознанно воспроизводятся современными людьми» [11].

Случай, когда монумент Победы вне ситуации праздника воспринимается лишь как элемент архитектурного ландшафта, рассмотрен Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной на примере открытого в 1983 г. ростовского мемориального комплекса на Театральной площади, неоднозначно оцениваемого населением города и в прошлом, и в настоящем [12].

Исследователи отмечают особый интерес государства, в связи с уходом поколения свидетелей войны, к актуализации культурной памяти о ней для постоянного воспроизводства дискурса Победы, разделяемой широкими слоями населения и являющейся мощным консолидирующим фактором [13].

Новые памятники, транслирующие память о периоде Великой Отечественной войны, нередко отражают темы травмы отдельных народов многонациональной России/СССР. Речь идет о Холокосте (памятники жертвам которого появились еще в советское время) [14], а также о депортациях военных лет. Учитывая, что значительная часть депортированных народов проживала на Северном Кавказе (карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы), причем все они были лишены национальных автономий, именно здесь последние 30 лет

активно идут процессы монументального увековечения. Как справедливо отмечает П. Полян, делается это по инициативе представителей самих депортированных народов, иногда (например, в Калмыкии, где памятник «Исход и возвращение» работы Эрнста Неизвестного стал, по сути, одной из визитных карточек столицы республики [15]) при поддержке местных властей и полном устранении федерального центра. Памятники возникают и в местах депортации (так, пять памятных знаков депортированным калмыкам были поставлены за пределами Калмыкии) [16]. Мемориальное пространство дополняется тематическими музеями. Благодаря этому образ травмы включается в процесс создания культурных идентичностей на Северном Кавказе.

Как видим, увековечение памяти о Великой Отечественной войне посредством монументального искусства стало предметом исследования специалистов различных областей социогуманитарного знания, в том числе историков, искусствоведов, культурологов, социологов. Со временем тема не утратила своей актуальности, но приобрела новые исследовательские ракурсы, связанные с обращением авторов к методологическому инструментарию *memory studies*, мемориализации депортаций военных лет.

Примечания

1. Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред.-сост. М. Габович. М., 2005. С. 242.

2. Монументальное искусство СССР / авт.-сост. В.П. Толстой. М., 1978; Воронов Н.В. Советская монументальная скульптура, 1960–1980. М., 1984; Елатомцева И.М. Монументальная летопись эпохи. Минск, 1969.

3. Азизян И.А., Иванова И.В. Памятники вечной славы. Концепция и композиция. М., 1976.

4. Малинина Т.Г. Художественный образ памятника Великой Отечественной войны (по материалам конкурсов и выставок 1942–1945 годов): дис. ... канд. искусствоведения. М., 1984.

5. Память и время: из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. Т.Г. Малинина. М., 2011.

6. Вучетич Е.В. Художник и жизнь / ред.-сост. А.С. Федоров. М., 1963.

7. Черкасски А. Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне // Былые годы. 2012. № 3 (25). С. 82–89.

8. Рябов О.В. Монумент «Родина-мать зовёт!» в символической политике: контуры проблемного поля // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 6–20.

9. Тимофеев М.Ю. «Войны памяти»: монумент «Родина-мать зовёт!» в современной мемориальной политике // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 56.

10. Ваньке А.В. Ландшафты памяти. Парк Победы на поклонной горе в Москве // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3 (101). С. 203–220.

11. Васильев И.Ю. Памятники Великой Отечественной войны в восприятии краснодарцев // Наследие веков. 2017. № 2. С. 69–74.

12. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Памятник на площади: жизнь в тени праздника // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. Т. 8. № 3. С. 27–35.

13. Камынин В.Д. Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 1 (86). С. 59–65; Федор Д., Льюис С., Журженко Т. Война и память в России, Украине и Беларуси // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3 (119). С. 114–141 и др.

14. Черкасски А. Место увековечивания памяти евреев, уничтоженных во время Второй мировой войны, в советском мемориальном ландшафте // История и историки в контексте времени. 2012. № 9 (9). С. 30–35; Вятчина М., Юдкина А. Мемориализация Холокоста в Смоленской области (1943–1990 гг.): действующие лица, места и практики поминовения // Евреи пограничья: Смоленщина. М., 2018. С. 237–250; Чевеля Я. Змиевская балка: вопреки. Ростов н/Д., 2013.

15. Полян П. Увековечение памяти о депортированных – дело рук самих депортированных. Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций // Неприкосновенный запас. 2010. № 3 (71). С. 30–48.

Р.Г. Тикиджьян, И.А. Пимкина

**МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА
г. ШАХТЫ (ШАХТА им. КРАСИНА):
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Задачи сохранения и реставрации памятников Великой Отечественной войны, изучение истории их создания, поддержание в состоянии, соответствующем достойному и уважительному отношению к памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне и о страшных жертвах на этом многосложном пути, остаются сегодня по-прежнему актуальными. В последние пятнадцать лет эта тематика стала важным направлением исследований в исторической науке и музееведении. Одной из значимых проблем остается изучение истории «адского колодца» на шахте им. Красина и мемориального комплекса «Жертвам фашизма» г. Шахты Ростовской области. Эту поисковую и исследовательскую работу уже много лет проводят активисты-краеведы и школьники группы «Исток», школьного музея МБОУ СОШ № 27 им. Дм. Донского г. Шахты. Нами использован широкий круг опубликованных и неопубликованных источников: правовые и нормативные акты, принятые правительствами СССР и РФ; архивные документы Центра хранения архивных документов г. Шахты, Центра документации новейшей истории Ростовской области, материалы прессы. Анализ и обобщение опыта такой работы могут быть полезны для школьных музеев, краеведов и архивистов других регионов, комплектования музеев и архивов документами по истории создания мемориальных комплексов, их сохранения и дополнения.

Информация об истории создания памятников на территории Ростовской области, в том числе мемориалов и комплексов «Вечный огонь», уже собрана и размещается на сайте «Книга памяти Ростовской области» [1]. На территории Ростовской области находится 167 мемориальных комплексов «Вечный огонь». Из этого списка два мемориала «Жертвам фашизма» расположены в городе Шахты и в хуторе Ериковский Дубовского района [2].

На рассвете 24 июля 1942 г. город Шахты был оставлен нашими войсками. И даже теперь, через десятки лет, шахтинцы и их близкие родственники, пережившие фашистский «новый порядок», не могут

без содрогания вспоминать страшные дни оккупации. Первой акцией германского командования в горняцком городе были расстрелы советских активистов, военнопленных. Этим занимались военная комендатура, гестапо и его вспомогательный отряд, жандармерия и полиция, в которую нанялись служить бывшие кулаки, антисоветчики и уголовники. Со свойственной немцам пунктуальностью все арестованные и расстрелянные регистрировались в книге, содержащей сведения о людях, в отношении которых была применена смертная казнь. Вел книгу начальник тюрьмы Залазин. Места для расстрелов выбирали сотрудники гестапо, и многие из этих мест до сих пор не установлены. По воспоминаниям очевидцев, как правило, это были песчаные карьеры около станции Каменоломни, хуторов Поповка, Власовка, а также район Горного леса. Бывшие полицейские Семизоров, Бондарев, Денисов, Меренков, Гордиенко показали в 1959 г. в ходе судебного следствия, что всякий раз, возвращаясь в город после очередного расстрела горожан, полицаи торопились напиться. Гитлеровцы, видимо в порядке поощрения, давали возможность отряду городской полиции «расслабиться». Часто самогон и водку меняли на одежду расстрелянных. «Специалистом» по обмену был Гордиенко (Старый Фома).

В начале октября 1942 г. в период очередного разгула последовало новое предложение – использовать ствол шахты имени Красина для казни арестованных. В отряде это предложение весьма активно поддержали, доложив данную «рациональную» идею оберштурмбанфюреру СС Гельфсготту. Идея была воспринята положительно, вскоре у ствола шахты соорудили специальный станок, состоящий из трех отсеков. Среднее отделение – конусообразная площадка, узкой частью обращенная к стволу. Жертв заводили на площадку, расстреливали, и трупы сами падали в ствол. Были случаи, когда в ствол сбрасывали раненых и даже живых, в том числе и детей. Эти страшные расправы над мирными жителями продолжались вплоть до освобождения г. Шахты советскими войсками в феврале 1943 г.

После освобождения города результаты зверств оккупантов сразу привлекли к себе внимание. В газете Южного фронта «Сталинское знамя» от 14 февраля 1943 г. был опубликован очерк собкора П. Толстоброва «Адский колодец». Вот выдержка из этого очерка: «Вначале

решили посетить шахту. Чем ближе подходили к ней, тем нестерпимей стоял смрад. На снегу около ствола свежая человеческая кровь. На балках внутри – обрывки одежды и тоже кровь. В глубине едва виден труп женщины. Так вот он, “адский колодец”, могила трех тысяч ни в чем не виновных советских людей» [3]. Так весь советский народ узнал о страшном «адском колодце» смерти на Восточном Донбассе, еще одной драматичной странице истории немецко-фашистской оккупации Ростовской области. По неполным данным, в нем сгинуло от 3 до 4 тыс. советских жителей – из г. Шахты и окрестных поселений.

Непосредственно уже в годы Великой Отечественной войны там, где защитники Отечества и местные жители пали смертью храбрых, на местах их захоронений повсеместно стали возникать временные и постоянные памятники, стелы и обелиски. Первоначально они создавались из недолговечных материалов (дерева, кирпича, гипса, бетона). Так, уже 10 марта 1943 г. было принято постановление Шахтинского горкома КПСС об увековечивании памяти патриотов-шахтинцев, замученных фашистскими оккупантами. На месте трагических событий у ствола шахты им. Л.Б. Красина был установлен первый памятник «Жертвам фашизма», который представлял собой деревянную пирамиду со звездой. На обелиске была надпись: «Жертвам фашистских извергов». В феврале 1946 г. вышло постановление советского правительства «О взятии военных могил на учет и их благоустройстве». Оно непосредственно обязывало местные органы советской власти взять под охрану братские могилы и воинские захоронения периодов Гражданской и Великой Отечественной войн.

Так как почва под памятником постепенно оседала и памятник деформировался, городской совет принял решение установить его на более устойчивом месте. Впоследствии его заменили на обелиск из гранита, который располагался на месте современного входа на мемориал.

Коллектив шахты им. Л.Б. Красина и учащиеся средней школы № 27 взяли над памятником постоянное шефство. В 1959 г. на территории шахтного двора, на месте ствола шахты, где покоятся советские граждане, был сооружен памятник павшим героям и зажжен Вечный огонь. Памятник стали называть «Коленопреклонённый солдат». На плите была сделана надпись: «Вечная слава патриотам – шахтинцам, от-

давшим свои жизни в борьбе за свободу и независимость Советской Родины».

Автором проекта этого памятника был архитектор Ф.С. Комаров. В настоящее время макет данного памятника хранится в городском краеведческом музее. Фотографии памятника того времени хранятся в школьном музее, музейной комнате клуба им. Л.Б. Красина и выставлены на сайте городской библиотеки им. А.С. Пушкина, материал размещен Н.Г. Емельяновой, членом историко-краеведческого объединения «Исток» при школьном музее МБОУ СОШ № 27. Во втором томе книги «Наш край», изданном в 1968 г. Ростовским книжным издательством, была помещена фотография с текстом «Обелиск у шахты им. Красина на месте гибели жертв фашизма. Здесь фашисты сбросили в ствол шахты более 5 тысяч шахтеров» [4].

В ходе подготовки 30-летия празднования Победы в Великой Отечественной войне КПСС и советское правительство особо озаботились увековечением памяти, обновлением и строительством новых мемориалов, посвященных этим событиям. Из информации отдела культуры Ростовского обкома КПСС о состоянии работы над памятниками в городах Ростове, Таганроге, Шахтах (от 1 июля 1971 г.): «Мемориальный комплекс на шахте им. Красина в городе Шахты намечено соорудить по проекту, разработанному архитектором Р. Мурадьяном и скульптором И. Резниченко. Проектные работы завершены в нескольких вариантах, последний из которых утвержден художественным советом Ростовских художественно-производственных мастерских и передан заказчику. В марте 1971 г. авторы проекта получили одобрение и рекомендации Шахтинского ГК КПСС по частичной доработке комплекса. Правительственного разрешения на строительство мемориала также пока нет. У Шахтинского ГК КПСС имеется договоренность с Министерством угольной промышленности СССР о возможном финансировании строительства этого памятника за счет средств отрасли» [5].

Следующим шагом стало проектирование Красинского мемориала – с того момента, когда скульптор И. Резниченко изваял монументальную фигуру шахтера с вечным огнем в руках. Мемориал у шахты им. Красина (архитектор Р. Мурадьян, скульптор И. Резниченко) был построен в 1975 г. Он стал олицетворением борьбы против фашизма,

стоической твердости и патриотизма. Основной монумент мемориального комплекса размещается на месте бывшего террикона. Монумент решен в виде двух мощных пилонов, силуэтно напоминающих террикон, усеченную пирамиду. Возникает мысль о погребальном кургане, о символах вечности, информационно закрепленных в сознании людей. Фигура скорбящего шахтера, держащего чашу с огнем, как бы разрезает пространство между пилонами и напоминает о страшной трагедии, разыгравшейся здесь. Ствол шахты, в которую сбрасывали людей, оформлен в виде декоративной решетки. Из-под решетки звучала траурная музыка. Записи музыки были заказаны и сделаны в Волгограде в 1975 г. Бетонные пилоны облицованы гранитной крошкой, а скульптура – медными листами. Сам постамент выполнен из лабрадорита. При этом продумана схема движения посетителей по мемориальному комплексу: скульптура шахтера находится на оси улицы, люди обходят монумент, идут вдоль мемориальной стены к стволу шахты, причем с каждым шагом возрастает эмоциональное напряжение восприятия всего комплекса. Поражают «немые свидетели» (ствол шахты, окружающая степь) произошедших здесь чудовищных злодеяний оккупантов и их сообщников. Пространство шахтинского мемориала выходит за пределы непосредственного визуального восприятия ансамбля и включает панораму города. Степное окружение трактуется как своеобразный символ русского поля. Композиция мемориального комплекса насыщена образами трагедии, эстетически осмыслена, предельно лаконична [6].

Следует особо отметить, что строился мемориал в том числе и на деньги и пожертвования, собранные жителями города. Было собрано около 180 тыс. рублей. На этой стройке трудились многие строительные коллективы города Шахты, учащиеся кулинарного училища, учебно-курсового комбината производственного объединения «Ростовуголь», автомотоклуба и других организаций города. Всеми работами руководил главный прораб Н.С. Филонов. Штаб этой поистине народной стройки возглавлял тогда лично первый секретарь Октябрьского райкома КПСС П.С. Шаповалов. В газете «Ленинское знамя» от 10 мая 1975 г. в статье А. Захарова «Вечная слава героям» описано это важнейшее событие для г. Шахты и всей Ростовской области. 9 мая 1975 г. в 10 часов 30 минут состоялось

торжественное открытие мемориала «Жертвам фашизма» на шахте им. Л.Б. Красина. Открывал митинг первый секретарь горкома КПСС Е.Ф. Алексашкин. Среди почетных гостей был ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке, участник освобождения города Шахты, почетный гражданин города Шахты П.И. Черенков, зачитавший письмо-обращение к потомкам от имени ветеранов Великой Отечественной войны – шахтинцев и участников освобождения города. Капсула с этим письмом было заложена в нишу стены памяти погибших мемориального комплекса [7]. На гранитной стене выбиты слова донского поэта Н.М. Скребова.

Всего на стену памяти погибших тогда было нанесено 250 фамилий патриотов (из более 3,5 тыс. погибших), сброшенных в шурф шахты. Сейчас никто точно не может объяснить причин, почему именно это количество фамилий было нанесено на плиты. Но теперь, спустя столько лет, многие имена погибших утрачены навсегда.

В послевоенные годы Партийный архив Ростовского обкома КПСС (сегодня – Центр документации новейшей истории Ростовской области) проводил серьезную работу по сбору, восстановлению документов партийных и комсомольских органов о подпольной работе и партизанском движении в районах, временно оккупированных врагом. Сегодня совместно с кандидатом исторических наук, доцентом Донского государственного технического университета (ДГТУ) Р.Г. Тикиджьяном, школьниками, активистами группы «Исток» г. Шахты в фондах архива выявлены и изучаются материалы о периоде оккупации, о шахтинцах, сброшенных в ствол шахты им. Л.Б. Красина:

- акты от 7 и 10 апреля 1943 г.;
- материалы судебного следствия, приговора трибунала Донского военного округа от 23 января 1952 г. (том 12, с. 29; том 13, с. 118, 126);
- материалы судебного следствия, приговора трибунала Донского военного округа 1953 г. (том 4, с. 118; том 13, с. 87);
- материалы судебного следствия, приговора трибунала Донского военного округа 12 сентября 1958 г. (том 7, с. 180) [8].

Важным источником остаются и материалы прессы: выявлены статьи в газетах «Красный шахтер» от 3 марта 1944 г., «Молот» от 9 и 10 мая 1959 г. Данную информацию в послевоенное время собирали и продолжают собирать школьники-краеведы школ

г. Шахты – № 10, 12, 17, 25, 27, 40, 42 и известный шахтинский краевед А.К. Зеленский.

В городском архиве г. Шахты сохранились списки коммунистов Ворошиловского, Октябрьского, Ленинского райкомов партии, списки гестапо замученных и расстрелянных на шахте им. Л.Б. Красина.

Большую работу продолжают и сотрудники архива. Были заново восстановлены списки и уточнены взамен утраченных в 1990-е гг. прошлого столетия.

Таким образом, в итоге проделанной поисковой работы на данный момент, кроме уже имевшихся 250 фамилий, на стену памяти погибших мемориала «Жертвам фашизма» в поселке Красина г. Шахты установлены и нанесены фамилии патриотов (еще 301 человек), сброшенных в ствол шахты им. Л.Б. Красина (11 табличек по 25 фамилий и на последней 12-й – 26 фамилий). Сегодня продолжается работа по уточнению и поиску имен погибших на шахте им. Л.Б. Красина за период с осени 1942 г. по 11 февраля 1943 г. Поисковую работу ведет группа краеведов и школьников «Исток» МБОУ СОШ № 27 (ученики и местные жители поселка Красина). Восстановление полного списка погибших в шурфе шахты имени Красина – задача, очевидно, не одного поколения. Именно поэтому так ценна информация, любые свидетельства о жизни и гибели каждого человека.

В итоге многолетней поисковой и исследовательской работы, изучения и систематизации документов по истории мемориального комплекса краеведами и школьниками группы «Исток» был создан статистический паспорт мемориального комплекса «Жертвам фашизма» города Шахты, подготовлены и написаны две книги – «Книга памяти» и «Подвиг народа». На их основе изданы три брошюры, продолжается работа по сохранению памяти о подвигах наших дедов и прадедов, проявивших героизм в борьбе с фашистскими захватчиками, – через СМИ, организацию семинаров регионального значения и переносных выставок для жителей и гостей города Шахты, а 9 Мая – и на самом мемориале [9].

Последние три года большую помощь в этой работе школьному музею и группе краеведов «Исток» оказывают профессиональные историки кафедры истории и культурологии ДГТУ и специалисты «Областного экологического центра учащихся» Ростовской области.

Примечания

1. Книга Памяти Ростовской области. URL: <http://pamyatdon.ru/content/pamyatniki-pobedy/> (дата обращения: 25.02.2020).
2. Официальный портал правительства Ростовской области. Мемориальные комплексы и памятники на территории Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/2327/> (дата обращения: 25.02.2020).
3. Сталинское знамя. 1943. 14 февраля. № 31. С. 3.
4. Наш край. Сборник документов / под ред. А.Г. Беспаловой. Т. 2. Ростов н/Д., 1968. С. 436.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-9. Оп. 60. Д. 367. Л. 50–51.
6. Пьявченко Е.В. Ландшафтный архитектор. Ростов н/Д., 2012.
7. Захаров А. Вечная слава героям // Ленинское знамя. 1975. 10 мая.
8. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 60. Д. 367. Л. 8, 50, 51. Ф. Р-3. Л. 52–53, 58.
9. «Исток». МБОУ СОШ № 27 // «К Вашим услугам». 2018. 7 февраля. № 10. С. 1, 17.

М.С. Сивков

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ (на примере бывшего кинотеатра «Великан» в г. Краснодаре)

Монументальные памятники являются одним из наиболее ценных источников исторической информации. Зачастую, если речь идет о скульптурных произведениях, можно лишь посредством визуального осмотра определить, к какому событию они приурочены. В случаях же с архитектурными памятниками ситуация осложняется отсутствием прямых свидетельств принадлежности объекта к тому или иному историческому контексту. В исключительных случаях на фасадах зданий, имеющих историко-культурное значение, размещают памятные таблички, которые могут поведать судьбу постройки. Но бывает и так, что архитектурное сооружение никаким образом не выдает случайному прохожему свою историческую судьбу. Одним

из таких объектов является здание, расположенное в г. Краснодаре по адресу ул. Красная, 27 [1].

Эксплуатация данной территории началась еще в период Российской империи в 1911 г., когда здесь построили первый в Краснодаре «Скеттинг-ринк» (площадку для катания на роликовых коньках). Уже тогда первое сооружение, расположившееся по этому адресу, отличалось особым изяществом архитектуры и декора: в отапливаемых залах железобетонной конструкции был выложен паркетный пол, на котором одновременно могло расположиться более двух тысяч горожан. Украшенный бархатом, пальмами и зеркалами, «Скеттинг-ринк» стал излюбленным местом отдыха екатеринодарцев. Однако мода на этот вид времяпрепровождения быстро сошла на нет, и тогда зал был преобразован в кинотеатр, получив название «Мон Плезир» («Мое удовольствие»).

В период советской власти кинотеатр, поменявший три названия (сперва «Ленинский», затем «Великан» и уже после войны «Кубань»), служил к тому же еще и концертным залом. Именно в нем в 1926 г. выступал Владимир Маяковский. Но наиболее важное историческое событие, связанное с этим кинотеатром, произошло в годы Великой Отечественной войны.

В период немецкой оккупации помещения кинотеатра продолжали использовать по их прямому назначению, однако теперь репертуар был ориентирован на аудиторию гитлеровских офицеров. Большинство артистов покинули его еще задолго до захвата Краснодара. Однако когда город был оккупирован, их всех отыскивали и заставляли вернуться на работу. Для актеров, выступавших здесь, предполагалась зарплата в размере 400 грамм хлеба в день, что, в свою очередь, было в два раза больше, чем выделялось на работников заводов.

По утверждению современников, в кинотеатре начали показывать голливудские премьеры и сценические постановки, популярные в Германии. Пьесы, которые здесь ставились, подбирали лично начальник городского гестапо. Нацисты дали зданию новое название – «Кляйнтеатр», что в переводе означает «Маленький театр».

Сеансы в оккупированном Краснодаре обычно ограничивались тремя кинопоказами с 12:00 до 16:00. Они начинались с военной кинохроники, где демонстрировалась борьба немецкой армии с со-

ветским подпольем и органами государственной безопасности. Особое место в немецкой идеологической работе занимали киноленты бытового содержания, в которых положительно демонстрировалась жизнь простых людей при гитлеровском режиме. Данные фильмы показывались с агитационной целью, чтобы привлечь потенциальных рабочих для новой Германии и для желающих вступить ряды нацистов коллаборационистов.

Репертуар художественного содержания проходил строгий отбор. Демонстрировались довоенные советские фильмы, такие как «Дети капитана Гранта», «Музыкальная история», «Таинственный остров», немецкие «Алло, Жаннин», «Бель Ами», «Кора Тери» и американские «Большой Вальс», «100 мужчин и одна девушка».

В целом краснодарские кинотеатры оккупационного периода можно разделить на две группы: одни были предназначены для посещения только военнослужащими гитлеровской армии, так как в них показывали лишь фильмы на немецком языке, другие имели возможность посещать все желающие при получении особого пропуска (однако зачастую это могли позволить себе лишь пособники нацистского режима и лояльные к нему граждане).

После 186 дней немецкой оккупации советским войскам удалось освободить Краснодар. Однако немцы не планировали прекращать свои злодеяния. Отступая, они поджигали и минировали наиболее важные объекты инфраструктуры. Среди этих объектов оказался и кинотеатр «Великан».

Утром 11 февраля 1943 г. в здании кинотеатра раздался первый взрыв. Загорелся зрительный зал и костюмерная. Заведующий кинотеатром Николай Петухов без раздумий ворвался в окутанное огнем здание. Разглядев в дыму заложенную под вскрытым паркетом взрывчатку, он начал обрывать провода. Заведующему удалось не только уцелеть самому, но и спасти кинотеатр от полного разрушения. Однако еще предстояло одолеть бушующее пламя. Он вместе с уборщицей Алмаст Багдасарьянц в течение нескольких часов боролся с огнем, и в итоге им все же удалось потушить пожар. Благодаря их самоотверженности здание практически не пострадало.

Впоследствии именно здесь, в кинотеатре «Великан», 14 июля 1943 г. произошел первый в СССР судебный процесс по делу пособничества

гитлеровским оккупантам. 11 обвиняемых предстали перед советским законом. Военный трибунал под руководством Николая Майорова в течение трех дней допрашивал подсудимых – участников немецкой зондеркоманды, обслуживавшей машины-душегубки.

Обвиняемые являлись гражданами Советского Союза. В основном они имели антисоветские взгляды и полагали, что немецкая власть установится здесь навсегда. Однако борьба с каким бы то ни было режимом не может считаться справедливой, если ее жертвами становятся простые люди, когда используются методы, выливающиеся в систематическое истребление населения.

Подробно раскрыл факты уничтожения жителей Краснодара на суде обвиняемый В. Тищенко. Он описал, как происходили казни в «душегубках»: сначала машины смерти выезжали в город только по пятницам, но затем они начали ежедневные объезды улиц. «Душегубки» представляли собой 8-тонные грузовики, которые имели двойные стенки и псевдоокна. Под кузовом проходила труба, доставлявшая отработанный дизельный газ в герметично закрытый прицеп. Сначала в машину загоняли женщин, а затем закидывали туда их детей. По показаниям Тищенко, жертвы знали, что они идут на верную смерть, и пытались всячески сопротивляться. Людей, пробовавших бороться за собственную жизнь, немцы забивали прикладами автоматов. Смерть в «душегубках» наступала в течение 5–10 минут, после чего тела убитых отвозили за город, в район, где сейчас находится Чистяковская роща, и сбрасывали в вырытый для этого ров.

Длительные слушания с участием 22 свидетелей позволили доказать причастность обвиняемых к этим бесчеловечным преступлениям. Подсудимые по окончании слушаний свою вину полностью признали. Суд назначил им высшую меру наказания – смертную казнь, и 18 июня 1943 г. обвиняемые были повешены на главной площади города. По сохранившимся сведениям, на казни присутствовало свыше 50 тыс. горожан и жителей Кубани [2]. Это событие получило широкий общественный резонанс как в СССР, так и за границей, дав всем понять, что враги, «пришедшие за железным крестом», получают «лишь березовый». Материалы суда над пособниками оккупационного режима в Краснодаре имели существенный юридический вес и в дальнейшей практике. Данный прецедент досконально рассматривали во время

Нюрнбергского процесса. Даже спустя десятилетия, в 1970-е гг., на основании материалов Краснодарского процесса были выявлены и осуждены немецкие преступники, осуществлявшие в годы войны деятельность по истреблению мирного населения Кубани.

Более кинотеатр «Великан» не переживал серьезных исторических потрясений. Постепенно, с появлением более крупных кинозалов вроде «Авроры» или «Болгарии», он стал приходить в запустение. В начале 2000-х гг. его помещения были переданы под нужды развлекательного центра, а уже потом его сменил магазин одежды [3]. На сегодняшний день приезжие и даже коренные краснодарцы проходят мимо здания на Красной, 27, не подозревая о тех страшных событиях, свидетелем которого оно стало.

Учитывая исторический контекст, очевидным становится необходимость музеефикации данного архитектурного сооружения. Эксплуатация бывшего кинотеатра «Великан» как помещений элитарного бутика выглядит не просто халатно, а даже преступно. Особенно на фоне регулярных новостей из-за рубежа, где происходит самая настоящая война с советским историческим наследием, с памятью о той жертве, которую принес русский солдат и рабочий ради освобождения целого континента от «коричневой чумы». Наблюдая, как за границей один за другим под различными политическими предлогами сносятся памятники и монументы воинам-освободителям, мы должны с особым усердием защищать то, до чего рука антироссийской пропаганды еще не смогла дотянуться.

Примечания

1. Гинзбург Л.В. Бездна. М., 1967. С. 120.
2. Михневич А.В., Сокол А.В. Политико-правовые особенности Краснодарского процесса 1943 года над пособниками немецких оккупантов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4 (42). С. 99–101.
3. Шахова Г.С. Краснодарская улица Красная. Краснодар, 2005.

А.В. Баранов**ЦИКЛ КОНФЕРЕНЦИЙ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(2016–2019 гг.) КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
И УКРЕПЛЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА**

Актуальность темы состоит в том, что память о Великой Отечественной войне, как и о военной истории Российского государства, подвергается сейчас угрозам дискредитации и забвения. Память не возникает сама собой, стихийно. Ядро исторических ценностей, «несущие конструкции» оценки событий прошлого, базовые патриотические смыслы важнейших фактов и явлений – всё это должно обдуманно и целенаправленно создаваться акторами политики памяти. Значение памяти о Великой Отечественной войне определяется тем, что именно Победа 1945 г. – самый бесспорный символ исторической гордости и сплочения нашего общества в современных условиях, «стержень» положительной национальной самооценки. Человек, гордящийся подвигами своих дедов и прадедов, более склонен защищать Родину и в современных конфликтах. Геополитические противники России делают ставку на дискредитацию Победы СССР над нацизмом, рассчитывая «перепрограммировать» цивилизационное и политическое самосознание граждан России, как это во многом удалось сделать на Украине, в Грузии и в других странах – «осколках» нашего единого Отечества. Поэтому важно воссоздавать и укреплять позитивную идентичность российского Причерноморья – исторического региона, за обладание которым наша страна вела напряженную борьбу в XVIII–XX вв. Актуальность исследования военной истории Причерноморья возросла после воссоединения Крыма с Россией и образования народных республик в Донбассе.

Цель статьи – осмыслить опыт ряда университетов и научно-исследовательских учреждений Юга России по проведению цикла военно-исторических конференций в 2016–2019 гг., наметить контуры совершенствования данной формы политики памяти и воспитания патриотизма.

Инициатива проведения конференций по военной истории Причерноморья была высказана совместно преподавателями Севасто-

польского государственного университета (канд. полит. наук, доц. Д.В. Маковская, канд. филос. наук, доц. Л.Н. Гарас) и Кубанского государственного университета (д-р полит. наук, д-р ист. наук, проф. А.В. Баранов, д-р ист. наук, д-р социол. наук, проф. В.В. Касьянов) в начале 2016 г. В подготовке и проведении ежегодных конференций активно участвуют Южный научный центр РАН, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского и другие ведущие научные и учебные организации региона. Мы благодарны за организационную и идейную поддержку Краснодарскому региональному отделению Русского географического общества, Российскому историческому обществу, Российскому военно-историческому обществу. На протяжении 2016–2019 гг. выпущено четыре сборника материалов конференций [1], в них приняли участие более 150 специалистов не только из многих регионов России, но и из Болгарии, Сербии, Польши, Белоруссии, Армении, Абхазии, ДНР и ЛНР. Сложилось ядро творческого коллектива. Конференции по устоявшейся традиции проводятся в городах-героях (Севастополе, Керчи, Новороссийске) и городах воинской славы (Туапсе).

Политика памяти может быть определена как целенаправленно формируемое отношение к восприятию истории своей страны, ее цивилизационного и политического ядра ценностей, к важнейшим событиям прошлого [2]. Политика памяти выражается в выборе и трактовке памятных дат истории, в топонимике, в практиках коммеморации, в музейной и образовательной деятельности и др. Важной составной частью политики памяти выступает, притом неизбежно, борьба за символическое пространство: утверждение в обществе «правильной», «своей» (с точки зрения обладателей власти) трактовки прошлого и вытеснение, опровержение, маргинализация трактовок «чужих», а потому осуждаемых и недопустимых. При этом в сильных, нравственно здоровых странах поддерживается базовый консенсус относительно символов исторической гордости и принципов патриотизма, каковые стоят в политике памяти неизмеримо выше текущих политических пристрастий.

Долгосрочный проект конференций по военной истории Причерноморья, реализуемый нами с 2016 г. по настоящее время, основан на следующих неразрывно взаимосвязанных принципах:

– понимание Причерноморья как международного региона, расположенного в ареале контактов и соперничества цивилизаций и великих держав;

– последовательное отстаивание российских национальных интересов, уважение к подвигам воинов, дипломатов, всех слоев общества в целом, которые на протяжении веков интегрировали Причерноморье в нашу цивилизацию, обогащая наш историко-культурный код, но не подвергая его чрезмерной унификации;

– признание исторической преемственности традиций и достижений России в Причерноморье; восприятие Российской империи, СССР и Российской Федерации в качестве исторических инвариантов отечественной государственности.

Методологически важным является мнение одного из вдохновителей цикла конференций – директора Центрального музея Тавриды (Симферополь) А.В. Мальгина о том, что Причерноморье является важным примером успешной социокультурной и политической интеграции полиэтничного, поликонфессионального региона в историю России [3].

Научная проблематика Великой Отечественной войны – один из приоритетов исследований участников конференций. Внимание уделяется закономерностям и особенностям боевых действий Великой Отечественной войны в Причерноморье. Так, И.В. Киселёв (Краснодар) раскрыл взаимодействия Черноморского флота с Красной армией в ходе боевых действий в Крыму и на Кубани в 1941–1944 гг. [4]. В.В. Разумный (Донецк) определил военно-политическое значение обороны Севастополя [5]. И.В. Рыбак (Севастополь) установила закономерности участия морской пехоты в обороне черноморских городов-героев [6]. Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону) осветил действия диверсионно-разведывательных групп И.Г. Старина в Приазовье за февраль – март 1942 г. [7]. Т.И. Юрина (Новороссийск) выявила роль борьбы за Новороссийск в битве за Черноморское побережье Кавказа, подвиг морских пехотинцев во время обороны Новороссийска (август – сентябрь 1942 г.) [8]. И.В. Киселёв изучил бои за освобождение Новороссийска в сентябре 1943 г. [9]. Роль кубанских казаков в обороне Севастополя и Керчи раскрыл А.Г. Бурмагин (Краснодар) [10]. Магистранты Ю.А. Жукова и С.А. Киндяков (Краснодар) выявили малоизвестные страницы обороны Туапсе [11]. Е.Ф.

Кринко и В.И. Афанасенко (Ростов-на-Дону) установили действия 339-й стрелковой дивизии по освобождению Крыма с ноября 1943 по май 1944 г. [12]. Ряд статей выполнен в жанре микроистории. Таковы работы А.Ю. Рожкова (Краснодар), И.Г. Тажидиновой (Краснодар), А.П. Скорика (Новочеркасск), Е.Е. Лютова (Керчь), магистрантов, участников военно-поискового движения Ю.А. Жуковой и С.А. Киндякова (Краснодар), бакалавра Л.Г. Григорьян (Новороссийск) [13].

Внимание уделяется подвигу работников советского тыла в Керчи и Новороссийске по восстановлению народного хозяйства (статьи В.М. Юрченко (Краснодар) [14]), усилиям Новороссийского порта по эвакуации мирного населения; ресурсам возрождения экономики Юга России (статьи Т.В. Лоховой (Новороссийск) [15]), демографическим потерям населения Юга страны вследствие боевых действий (работы Е.Ф. Кринко и И.В. Киселёва [16]).

Неотъемлемая часть политики памяти – позиционирование в современном идейно-символическом пространстве, где активно распространяются фальсификации истории Великой Отечественной войны. Необходимо последовательно и аргументированно опровергать мифы антироссийской пропаганды, дискредитирующей подвиг нашего народа. Данную задачу решает проф. Е.М. Малышева (Майкоп) на материалах зарубежных школьных учебников [17]. И.В. Киселёв обобщил противоречивые тенденции современной отечественной историографии борьбы за Черноморское побережье Кавказа [18]. Актуальные вопросы критики коллаборационизма и нацистской пропаганды, оккупационной политики освещают Е.М. Малышева и Н.А. Гаража (Новороссийск) [19].

Важным направлением работы конференций стала тема «Историческая память и воспитание российского патриотизма». Н.А. Гаража сравнивает образы Родины в пропаганде и обыденном восприятии советских людей [20]. Статьи Н.А. Съедина (Симферополь) посвящены отражению военной истории Крыма в топонимах полуострова [21]. Близкая тема – увековечивания памяти о военных летчиках в названиях улиц Севастополя – освещена С.Б. Скоробогатовым (Симферополь) [22]. А.Д. Попов (Симферополь) установил преемственность традиций и новации в политике памяти городов-героев Причерноморья [23]. Е.В. Ананьева (Севастополь) исследовала формирование

идентичности севастопольцев на примере памяти о послевоенном восстановлении города и семейной истории [24]. И.В. Островская (Севастополь) определила этапы создания Книги памяти города-героя Севастополя [25]. С.С. Минц (Краснодар) раскрыла роль подвига героев Аджимушкайских каменоломен в поддержании исторической памяти о Великой Отечественной войне [26]. Е.Е. Лютов (Керчь) обобщил опыт реконструкции обороны Керчи на примере музея береговой батареи № 48 [27]. Т.А. Сенюшкина (Симферополь) выявила значение памяти о Великой Отечественной войне как фактора диалога поколений в современном российском обществе [28].

Конференции традиционно завершаются общением историков с сотрудниками музеев, проведением совместных экскурсий по местам боевой славы городов-героев. Участие в заседаниях конференций принимают студенты и аспиранты вузов России, а также ДНР и ЛНР. Тем самым мы стремимся передать уважение к подвигу наших предшественников и патриотические ценности молодому поколению.

Таким образом, цикл военно-исторических конференций, организованный совместно Кубанским и Севастопольским государственными университетами, доказал свою эффективность в качестве формы политики памяти, укрепления российского патриотизма. Очевидны и перспективы развития научно-исследовательской, просветительской работы. Малоизученными еще остаются актуальные вопросы истории освобождения Украины, Молдавии, Румынии и Болгарии от фашистской оккупации, послевоенных геополитических трансформаций Причерноморья. Данная тематика находится на самом острие информационной войны между Россией и ее противниками. Необходимо активизировать сотрудничество профессиональных историков с ветеранскими и поисковыми организациями, молодежными историко-просветительскими объединениями. Проведение очередной международной научно-практической конференции «Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне» предполагается 1–3 октября 2020 г. в городе боевой славы Туапсе. Организаторы цикла конференций открыты к сотрудничеству со всеми научными и учебными центрами, представителями различных социальных и гуманитарных наук.

Примечания

1. Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. участников всерос. науч.-практ. конф. (г. Севастополь, 25–26 апр. 2016 г.) / отв. ред. А.В. Баранов. Краснодар, 2016; Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. статей всерос. науч.-практ. конф. (г. Керчь, 2–3 ноября 2017 г.) / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар, 2017; История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Новороссийск, 28–30 октября 2018 г.) / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар, 2018; Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Севастополь, 24–26 октября 2019 г.) / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар, 2019.

2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

3. Мальгин А.В. Феномен Новороссии // История в подробностях. 2015. № 6 (60). С. 6475.

4. Киселёв И.В. Эволюция взаимодействия Черноморского флота с Красной армией в ходе боевых действий в Крыму и на Кубани в 1941–1944 гг. // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 145–149.

5. Разумный В.В. Значение обороны Севастополя в военной кампании 1942 года: военно-политический аспект // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 154–157.

6. Рыбак И.В. Морская пехота в обороне черноморских городов-героев // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции ... С. 179–183.

7. Кринко Е.Ф. Действия диверсантов И.Г. Старина в Приазовье в феврале – марте 1942 г. // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 165–170.

8. Юрина Т.И. О роли новороссийского противостояния в истории битвы за Черноморское побережье Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Причерноморье в войнах и дипломатии Россий-

ского государства ... С. 183–186; Она же. Подвиг морской пехоты в период Новороссийской оборонительной операции (август – сентябрь 1942 года) // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 226–230.

9. Киселёв И.В. Бои за освобождение Новороссийска на завершающем этапе битвы за Кавказ (сентябрь 1943 г.) // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 206–209.

10. Бурмагин А.Г. Участие кубанских казаков в отражении первого и второго штурмов Севастополя, октябрь – декабрь 1941 года) // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 149–153; Он же. К вопросу участия 72-й отдельной Кубанской кавалерийской дивизии в боях за Керчь в мае 1942 г. // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции ... С. 184–189.

11. Жукова Ю.А., Киндяков С.А. К проблеме изучения боевых действий в августе 1942 года на туапсинском направлении // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 222–226.

12. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 339-я стрелковая дивизия в боях за освобождение Крыма (ноябрь 1943 – май 1944 г.) // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции ... С. 9–14.

13. Рожков А.Ю. Битва за Севастополь в судьбе одного из защитников города // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 157–160; Тажидинова И.Г. Бои за Новороссийск в личных записях старшего лейтенанта В.Г. Морозова (к выявлению особенностей фронтового дневника) // Там же. С. 157–160; Скорик А.П. Кубанская станица Александровская в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 217–221; Лютов Е.Е. Освобождение северной части Анапского района от немецко-фашистских захватчиков (21–26 сентября 1943 г.) // Там же.

С. 247–251; Жукова Ю.А., Киндяков С.А. Боевые действия в районе ст. Куринской на высоте 561.0 и прилегающих к ней высотах во время Туапсинской оборонительной операции 1942–1943 гг. по воспоминаниям ветеранов // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 187–190; Они же. А. Оборона станицы Куринской, окрестных населенных пунктов и высот летом – осенью 1942 года по воспоминаниям бойцов 32-й гвардейской стрелковой дивизии // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства ... С. 196–200, Григорьян Л.Г. Медицинское сопровождение обороны «Малой земли» в воспоминаниях участников // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура ... С. 278–283.

14. Юрченко В.М. Экономическое и военно-стратегическое значение городов-героев Новороссийска и Керчи перед началом Великой Отечественной войны и в первый военный год // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства ... С. 210–215; Он же. Города-герои Причерноморья: Новороссийск и Керчь в годы Великой Отечественной войны // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 212–216.

15. Лохова Т.В. Роль новороссийского порта в эвакуационных процессах Великой Отечественной войны // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 170–174; Она же. Финансово-кредитные и промышленно-образовательные ресурсы СССР в восстановлении разрушенного нацистскими оккупантами народного хозяйства Юга России в 1943–1947 гг. // Причерноморье в контексте российской цивилизации ... С. 296–304.

16. Кринко Е.Ф. Демографические последствия Великой Отечественной войны для Юга России // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 206–2011; Он же. Роль книг памяти в установлении сведений о потерях населения Юга России в годы Великой Отечественной войны // Причерноморье в контексте российской цивилизации ... С. 326–238; Киселёв И.В. Людские потери Красной армии и войск стран Оси в ходе боев на территории Краснодарского края в 1943 г. // История и современное развитие При-

черноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 242–246.

17. Малышева Е.М. Вторая мировая война в европейских школьных учебниках: абберация памяти // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 200–205.

18. Киселёв И.В. Борьба на Приморском фланге битвы за Кавказ 1942–1943 гг. в трудах современных российских историков // Причерноморье в контексте российской цивилизации ... С. 239–244.

19. Малышева Е.М. Крымско-татарский коллаборационизм в документах Третьего рейха // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 191–195; Она же. Привлечение к коллаборационизму исламских народов в пропаганде и практике Третьего рейха // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства ... С. 201–205; Гаража Н.А. // Нацистская программа профессионального обучения молодежи оккупированного Крыма: горизонты пропагандистских ожиданий и поле опыта. 1941–1944 гг. // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 196–200; Она же. Депортация в Третий рейх и принуждение к труду в воспоминаниях жителей г. Новороссийска // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 230–235.

20. Гаража Н.А. Образ родины в советской пропаганде и в восприятии граждан. 1941–1945 гг. // Причерноморье в контексте российской цивилизации ... С. 245–250.

21. Съедин Н.А. Их подвиг в небе помнит Крымская земля // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 161–164; Он же. Памятники Крымской и Великой Отечественной войн в Симферополе: ресурсы и возможности в патриотическом воспитании // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства ... С. 421–425.

22. Скоробогатов С.Б. Увековечивание памяти летчиков – участников Великой Отечественной войны в названиях улиц г. Севастополя // Причерноморье в контексте российской цивилизации ... С. 497–503.

23. Попов А.Д. Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Причерноморья: советский опыт и преемственность тра-

дий // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 498–501.

24. Ананьева Е.П. Факторы формирования региональной идентичности жителей Крыма (на материалах о послевоенном восстановлении г. Севастополя) // Причерноморье в контексте российской цивилизации ... С. 287–295.

25. Островская И.В. Книга памяти города-героя Севастополя: история создания // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации ... С. 557–562.

26. Минц С.С. Роль подвига героев Аджимушкай в формировании исторической памяти о Великой Отечественной войне // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства ... С. 440–444.

27. Лютов Е.Е. Береговая батарея № 48 в Керчи. Использование полевых материалов в реконструкции событий Великой Отечественной войны // Причерноморье в контексте российской цивилизации ... С. 492–497.

28. Сенюшкина Т.А. Память о Великой Отечественной войне как фактор диалога поколений // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства ... С. 13–17.

М.Е. Колесникова, А.В. Танцева

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:

ОПЫТ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ) был создан в 2012 г. на базе трех крупнейших вузов Ставрополя – Северо-Кавказского государственного технического университета (СевКавГТУ), Ставропольского государственного университета и Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета. Коллектив каждого вуза, вошедшего в состав СКФУ, имел давнюю историю, богатую традициями. Одна из них – свято чтить память о поколении людей, на долю которых выпал тяжкий жребий Великой

Отечественной войны. Они передали нам свои традиции братства и солидарности, поистине выстраданный опыт единения и взаимопомощи. В музее истории СКФУ хранятся материалы и документы по истории вуза периода 1941–1945 гг., позволяющие воссоздать трагические и героические страницы прошлого, рассказать о них сегодняшним студентам.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для коллектива преподавателей, сотрудников, студентов вуза (с 1936 по 1943 г. – Ворошиловский государственный педагогический и учительский институт Народного комиссариата просвещения РСФСР; с 1943 по 1953 г. – Ставропольский государственный педагогический и учительский институт). Нападение фашистской Германии на СССР совпало с окончанием летней экзаменационной сессии. Выпускники собирались выехать по месту распределения, студенты и преподаватели планировали летний отдых. Мирная жизнь института была прервана войной. Уже 22 июня 1941 г. в институте состоялся митинг, в принятой резолюции говорилось: преподаватели и студенты «все как один готовы взять оружие в руки, с достоинством и умением бить обнаглевшего врага» [1].

С самого начала войны на фронт ушли многие сотрудники, преподаватели и студенты, в их числе директор института И.В. Кулев, декан физико-математического факультета Д.К. Надежин, преподаватели и студенты И.А. Агарков, Е.И. Дидин, Б.В. Касаткин, Г.В. Жогин, И.В. Четвериков, В.Г. Макаренко, Б.М. Кувичко, В.И. Шевченко, И.П. Барашкин, И.П. Безручко, И.П. Берус, И.Н. Дудченко, И.Д. Зайцев, Л.Н. Ларцев, А.Н. Прокопов, Г.И. Тапешко, Д.Т. Чернецких многие другие [2]. Всего в 1941 г. из Ворошиловского педагогического института в Красную армию выбыло 112 человек. Имена их внесены в электронную Книгу Памяти Ставропольского края 1941–1945 гг. [3], часть высечена на памятной мраморной табличке, размещенной в холле второго учебного корпуса университета (г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1).

Мужеством и героизмом в борьбе с фашистами прославили свою alma mater и выпускники института. Среди них Герой Советского Союза Иван Сергеевич Мазницын (1920–1945) – выпускник физико-математического факультета. О его подвиге сегодняшним студен-

там напоминает информационный стенд в учебном корпусе Института математики и естественных наук СКФУ. В ходе Висло-Одерской наступательной операции, начавшейся 12 января 1945 г., танковый взвод под его командованием в составе 63-го танкового батальона 108-й танковой бригады 9-го танкового корпуса 33-й армии 1-го Белорусского фронта принимал участие в осуществлении вспомогательного удара с пулавского плацдарма. Перед генеральной атакой было решено провести боевую разведку силами стрелкового батальона, поддержанного танками. В выполнении этой задачи принимал участие и танковый взвод под командованием старшего лейтенанта И.С. Мазницына. При атаке сильно укрепленной вражеской обороны в районе населенного пункта Кшивда (Польша) танкисты уничтожили два гитлеровских танка, пять пушек, четыре дзота и до 200 солдат и офицеров противника. Экипаж И.С. Мазницына уничтожил один танк, три противотанковых пушки и около сотни гитлеровцев. В ходе боя танк командира был подбит и загорелся, экипаж погиб. И. Мазницыну удалось выбраться из танка. Старший лейтенант до последнего отстреливался из пистолета, уничтожив шестерых автоматчиков. Чтобы не попасть в плен, он выпустил последнюю пулю в себя. В ходе разведки боем были получены ценные сведения, которые в итоге обеспечили успех операции советских войск и позволили развить наступление. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, старшему лейтенанту Мазницыну Ивану Сергеевичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза [4].

Годы Великой Отечественной войны стали временем суровых испытаний для жителей Ставропольского края. За годы войны в армию было призвано более 320 тыс. ставропольцев. Около 6 тыс. жителей Ставрополя в первые дни войны вступили в Красную армию добровольцами. На территории края были сформированы стрелковая дивизия и кавалерийские дивизии, морские стрелковые бригады, которые воевали на Южном, Сталинградском и Северо-Кавказском фронтах. Всего на фронтах Великой Отечественной погибло 170 тыс. ставропольцев, около 27 тыс. человек вернулись домой инвалидами. 220 тысяч воинов-ставропольцев награждены

орденами и медалями, из них 200 удостоены звания Героя Советского Союза.

Более пяти месяцев, с августа 1942 г. по январь 1943 г., длилась оккупация Ставрополя, унесшая жизнь 31 тыс. жителей края. Не удалось начать новый 1942/1943 учебный год и студентам Ворошиловского государственного педагогического института. 3 августа 1942 г. на Ставрополь был сброшен вражеский десант, город был оккупирован немецко-фашистскими войсками. Полномасштабную эвакуацию города и вуза провести не удалось. В период с 4 августа 1942 г. по 23 января 1943 г. институт не работал. Обучение в вузе оккупантам наладить не удалось.

Во время оккупации в Ставрополе фашистами были зверски замучены 8 тыс. человек, в том числе подвергнуты пыткам и расстреляны преподаватели института: заведующий кафедрой биологии профессор К.Л. Каменко с семьей, профессор кафедры химии Н.Н. Рождественский, доцент кафедры математики Г.Л. Бродский, старший преподаватель кафедры иностранных языков Р.И. Перлина, преподаватель рабфака В.С. Островский, лаборант кафедры основ марксизма-ленинизма М.Б. Тантилевская, зубной врач М.Б. Сах, студентки Винокурова, Нац, Перлих, Шихмат, Фаермак. Во время бомбежки погиб преподаватель истории А.Я. Колосов [5].

В период оккупации был частично взорван главный учебный корпус института (ныне корпус 2 СКФУ), остались только стены. Были разбиты кабинеты, уничтожены коллекции минералов, собранных со всех концов земли, выброшены вместе с экспонатами по палеозологии и палеоботанике наглядные пособия (картины, карты, диаграммы), приборы, вырублен ботанический сад. Оккупанты вывезли из вуза наиболее ценное оборудование, приборы, мебель, уничтожили литературу. По данным комиссии по выявлению зверств фашистов в г. Ставрополе, институту был причинен урон в 3134 тыс. рублей [6].

В ходе наступления войск Красной армии 29 января 1943 г. Ставрополье было полностью освобождено от оккупантов. Указом Президиума Верховного Совета СССР 12 января 1943 г. городу Ворошиловску было возвращено прежнее название Ставрополь, а край стал именоваться Ставропольским. Через три дня после освобождения города начались восстановительные работы в институте. В первые

две недели коллектив преподавателей и студентов занимался приведением в порядок уцелевших аудиторий, кабинетов и лабораторий. Временная администрация вуза в докладной записке на имя председателя Ставропольского горисполкома от 30 января 1943 г. просила «утвердить смету расходов, связанных с возобновлением работы института, в сумме 26 400 рублей» [7]. Просьба была удовлетворена, необходимые средства выделены.

Учебный семестр в Ставропольском государственном педагогическом институте (СППИ) начался 5 февраля 1943 г., на занятия пришли 70 студентов педагогического и учительского институтов. Был проведен прием на 1-й курс и старшие курсы на факультеты русского языка и литературы, физико-математический, географический, естественный, иностранных языков и на 4 отделения входившего в СППИ учительского института: русского языка и литературы, физико-математическое, естественно-географическое и историческое. На 1 мая 1943 г. на всех факультетах вуза обучалось 452 чел., на отделениях учительского института – 282 чел. [8]. В 1943/1944 учебном году в институте работало 5 профессоров и 15 доцентов. В 1944 г. был открыт исторический факультет, на первый курс которого зачислили 24 чел. Значительную часть среди них составляли фронтовики, уволенные в запас по ранению. Несмотря на трудности – почти полное отсутствие учебников и учебных пособий, программ и элементарных условий для самостоятельной работы, отсутствие бумаги, а также освещения в вечернее и ночное время – студенты учились, записывали лекции на старых газетах и книгах между строк, читали вслух конспекты [9].

Среди преподавателей тоже были фронтовики: профессор А.В. Козырев, доценты Г.П. Булатов, И.С. Ефремов, Н.С. Дмитриев, А.М. Малинин, А.С. Звенигородский, Н.И. Стащук [10]. Они возобновили чтение учебных курсов, вели большую пропагандистскую работу. Всего же за период Великой Отечественной войны в стенах Ставропольского пединститута было подготовлено 352 человека, в учительском институте – 307 человек.

Не вернулись с полей сражений Великой Отечественной войны преподаватели Ставропольского госпединститута А.Л. Баев, П.В. Барашкин, И.П. Берус, И.Д. Зайцев, И.Н. Дудченко, ассистент кафедры микробиологии З.Д. Гербельская, ассистент кафедры физиологии

Б.А. Глассон, старший преподаватель В.М. Заборин, сотрудники С.А. Рублев, Ф.Т. Андросов, Е.Ф. Шеховцов, И.Л. Колосов, препаратор кафедры физики К.А. Геккельман, препаратор кафедры фармакологии А.Д. Миненко, истопник А.И. Перегудов, выпускники 1942 г. Б.П. Болтянский, В.С. Ващенко, И.С. Гладкий, П.Ф. Грибняк, М.А. Зусмановский, А.И. Лексау, В.С. Руденко, С.Т. Шульгин, студенты Н.И. Иванько, Л.Н. Ларцев, Г.И. Тапешко, Д.Г. Чернецкий, И.Г. Архипов, Ю.И. Копытцев, А.И. Прокопов, А.А. Лифанов, В.С. Ручковский, И.П. Безручко, В.В. Ефименко, И.Т. Курбатов, Р.Е. Ойзер, Н.И. Сизов, С.М. Смирнова, Ю.И. Соценко, Ю.И. Таранов, Л.Г. Ягубов и другие.

По окончании Великой Отечественной войны в преподавательский коллектив вуза влились бывшие фронтовики. Среди них А.С. Трайнин, кандидат исторических наук, прибывший из Ленинграда; П.А. Шацкий, окончивший Московский институт истории, философии и литературы, ставший доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой истории СССР; приехавший из г. Баку доцент А.В. Попов; А.К. Серебряков, занимавший должности заведующего кафедрой, декана, проректора института; известный в будущем ученый физик Е.И. Несис, получивший степень доктора наук; доценты А.С. Щитов, в будущем декан естественно-географического факультета; доцент В.С. Дронов, организатор научно-исследовательского центра по изучению творчества В.Я. Брюсова и символистов, заведующий кафедрой литературы; М.Д. Черновалов, выпускник Ростовского госуниверситета, и другие.

Студенческую семью также пополнили 62 фронтовика. Многие из них, закончив аспирантуру и докторантуру, получив опыт практической работы в образовательных учреждениях края, государственных и партийных органах, вернулись на преподавательскую работу в родной вуз. Это ставшие в будущем доктора наук А.В. Авксентьев, Н.И. Иванько, Д.В. Кочура, Ф.П. Тройно, доценты Л.М. Чмыхов, Т.И. Беликов, М.В. Ерохин, Е.А. Трегубов (в будущем декан исторического факультета), А.М. Панков, Е.А. Мохов, П.В. Костин, М.Т. Иванов, П.П. Воронков, старшие преподаватели М.П. Заикин, А.Т. Гостищев и другие.

Участники Великой Отечественной войны работали и в СевКавГТУ. В 1966 г. общетехнический факультет Краснодарского

политехнического института, на базе которого в 1971 г. и был создан СевКавГТУ, возглавил участник Великой Отечественной войны, кандидат технических наук П.М. Рачков (1966–1971), заведовавший одновременно и кафедрой технологии металлов.

Многих участников войны сегодня уже нет в живых, но их подвиги являются моральным ориентиром для новых поколений студентов. Традиции сохранения памяти о Великой Отечественной войне продолжают в СКФУ. В память о тех, кто отдал свои жизни, кто отвоевал мир, во внутреннем дворе СКФУ около 3-го учебного корпуса установлен памятник «Вечная Слава», посвященный студентам, преподавателям и сотрудникам Ставропольского государственного университета, павшим на фронтах Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. Мемориал был установлен в 1970 г. в честь 25-летия Победы в Великой Отечественной войне [11].

На современном этапе историками СКФУ проводится большая работа по сохранению памяти о Великой Отечественной войне, пишутся книги и учебные пособия, в том числе и для школы, проводятся конференции [12]. Кафедра истории России реализует студенческий исследовательский проект «Память о войне и устная история» (руководитель – доцент Е.Н. Стрекалова), основанный на анализе и научном осмыслении в аспекте индивидуальной и коллективной памяти устных интервью непосредственных очевидцев Великой Отечественной войны [13]. Совместно с архивистами Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК) в 2019 г. подготовлен к изданию сборник архивных документов с рабочим названием «Письма с фронта и на фронт», посвященный 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В него вошло более двухсот писем фронтовиков – заветных «треугольников», которые бережно хранятся в архивах и являются источниками личного происхождения. Собранные воедино письма позволяют реконструировать отдельные страницы истории Великой Отечественной войны, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический и эмоциональный фон событий войны, раскрывают уникальную ментальность военного времени через личное восприятие авторов.

На базе СКФУ реализуется научно-просветительский проект «Исторические чтения» (руководитель – профессор Н.Д. Судавцов) – цикл ежемесячных публичных научно-просветительских лекций для учащейся молодежи г. Ставрополя с просмотром документальных учебных фильмов по определенной теме. В 2015 г. «Исторические чтения» были посвящены 70-летию Великой Победы и проходили с участием ветеранов Великой Отечественной войны; в 2016 г. – «Трудным вопросам истории России», обозначенным в «Историко-культурном стандарте», включая и период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [14]. Победа 1945 г. стала сегодня одной из ключевых тем фальсификаций истории Второй мировой войны. Научные доклады на Чтениях были посвящены подготовке СССР к войне, в том числе и усилиям советской дипломатии, направленным на создание выгодных внешнеполитических условий с целью оттянуть начало войны, и тому решающему вкладу, который внес СССР в разгром фашизма. В 2018 г. ключевыми темами Чтений стали 75-летие победы в Сталинградской и Курской битвах, битве за Кавказ. В 2019 г. «Исторические чтения» были посвящены 75-летию снятия блокады Ленинграда, 75-летию введения орденов Ушакова и Нахимова, 75-летию открытия Второго фронта, 75-летию учреждения почетного звания «Мать-героиня», 75-летию окончания Второй мировой войны. В 2020 г. Чтения посвящены 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Работа по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне имеет не только научное, но и огромное эмоциональное, воспитательное значение, укрепляет национальное самосознание, помогает глубже понять молодым людям сопричастность к истории великой страны, обеспечивает преемственность поколений.

Примечания

1. Под знаменем В.И. Ленина: сб. док. и мат-лов из истории Ставроп. краев. комсомольской организации. 1918–1968 гг. Ставрополь, 1970. С. 199.

2. Музей истории СКФУ. Фонд СГПИ. Ставропольскому пединституту 25 лет. Рукопись. С. 10.

3. Книга Памяти Ставропольского края 1941–1945 гг. URL: <http://книга-памяти.рф> (дата обращения: 25.02.2020).

4. Герои Советского Союза – боевая слава земли Ставропольской. Ставрополь, 2019. В 2 т. Т. 1. С. 127–128.
5. Карташев А.В. Вузы Ставрополья в годы Великой Отечественной войны // Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д., 2016. URL: <https://www.proza.ru/2017/10/15/585> (дата обращения: 25.02.2020).
6. Ставропольскому пединституту 25 лет. С. 7.
7. ГАСК. Ф. 1872. Оп. 1. Д. 100. Л. 21, 23.
8. ГАНИСК. Ф. 2536. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.
9. ГАСК. Ф. 1872. Оп. 1. Д. 48. Л. 11–12.
10. ГАНИСК. Ф. 2536. Оп. 1. Д. 5. Л. 22.
11. ГАНИСК. Ф. 5574. Оп. 1. Д. 19.
12. Вклад народов Северного Кавказа в Битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.): сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2018; Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945) / под ред. С.И. Линца, А.А. Аникеева. М., 2019.
13. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования / под науч. ред. Е.Н. Стрекаловой. СПб., 2008.
14. Особенности освещения «трудных вопросов истории России» в процессе реализации историко-культурного стандарта: сб. уч.-метод. мат-лов / под общ. ред. Е.В. Евмененко. Ставрополь, 2017.

Е.В. Стегленко

РОЛЬ ВУЗОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Великая Отечественная война является одним из главных мест памяти не только в России, но и на значительной части бывшего постсоветского пространства. Немаловажную роль в сохранении памяти о войне играет использование данной темы в системе образования и духовно-нравственного воспитания молодежи. Анализ сложившихся образовательных и воспитательных практик позволяет говорить о том, что данная работа на разных уровнях образования,

включая школьное, среднее, начальное профессиональное, среднее специальное и высшее, имеет системный характер.

Теме Великой Отечественной войны посвящен значительный комплекс мероприятий, позволяющих участвующим в них школьникам и студентам создать представление о событиях и участниках Великой Отечественной войны, роли советского народа в победе над нацистской Германией и ее союзниками. Эти мероприятия традиционно находят свое отражение в годовых планах воспитательной работы, особенно в юбилейные годы. При этом ведущую роль в реализации данной деятельности могут играть университеты и другие учреждения высшего образования – как научно-образовательные центры, обладающие наибольшими кадровыми, информационными и материально-техническими ресурсами. Вузы часто выступают в качестве площадок для проведения различных всероссийских и региональных акций, инициированных общественными организациями, политическими партиями или парламентскими группами. В данной связи представляет определенный интерес опыт реализации данных вопросов в деятельности вузов Ростовской области.

Одним из самых масштабных мероприятий для вузов является акция «Георгиевская ленточка». Вузы могут оказывать информационную поддержку в ее проведении и обеспечивать распространение ленточек через профессиональные и студенческие объединения. Ежегодно на площадках Южного федерального университета (ЮФУ), Кабардино-Балкарского государственного университета и других вузов проводится такая всероссийская акция, как «Диктант Победы». Ее организаторами выступают Ростовское региональное отделение партии «Единая Россия», Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество и Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы» [1].

Молодежный парламент Государственной думы Российской Федерации инициировал ежегодное проведение на площадках ЮФУ и других вузов еще одной всероссийской акции – «Тест по истории Отечества». К празднику Победы 9 Мая силами студенческой художественной самодеятельности проводятся ставшие традиционными концерты и выставки. Студенты участвуют в акции «Бессмертный полк», при этом Патриотическим центром университета и социальным отде-

лом обеспечивается изготовление табличек с фотографиями ветеранов и участников войны. Волонтерский центр оказывает помощь людям пожилого возраста, которые в силу физического состояния не могут лично участвовать в шествии, но выражают желание, чтобы портреты их близких были пронесены в общем строю.

Большую работу в данном направлении ведут и другие вузы Ростовской области. Так, на площадках Донского государственного технического университета (ДГТУ), Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова ежегодно в начале мая проводится областной межвузовский военно-спортивный праздник «Поклонимся великим тем годам!», объединяющий учебные заведения Ростовской области, общественные организации, поисковые отряды. Также к традиционной практике можно отнести ежегодное возложение цветов к мемориалам, посвященным Великой Отечественной войне, захоронениям, местам памяти жертв оккупации. В 2020 году под эгидой ЮФУ они прошли в рамках акции памяти «Свобода ценой жизни!» [2].

С целью развития исследовательского интереса среди молодежи к теме Великой Отечественной войны университетами проводятся научные конференции. С 2018 г. ежегодно ЮФУ проводит региональную научно-практическую конференцию «Великая Отечественная война в мемориальном пространстве Донского края» [3] и региональный конкурс короткометражных фильмов «Память в объективе» [4]. Подобные конференции проводятся и другими вузами. Так, 13 февраля 2020 г. ДГТУ провел конференцию «Современные формы и методы в системе патриотического воспитания молодежи». 28–29 февраля 2020 г. в Ростове-на-Дону на базе Южно-российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации прошла научно-практическая конференция с международным участием «Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России», организованная Российским обществом политологов [5].

Таким образом, важную роль в направлении патриотического воспитания молодежи и актуализации темы Великой Отечественной войны играют образовательные и научные мероприятия. Они могут

проходить как в самих вузах, так и на площадках общеобразовательных учреждений, музеев, патриотических центров и исторических парков. Традиционно проводится цикл лекций ведущих специалистов – историков Великой Отечественной войны на базах школ и вузов, организуются встречи с детьми войны, блокадниками, узниками концентрационных лагерей. Организуются конкурсы на лучшие работы, посвященные Великой Отечественной, фестивали, социологические опросы, встречи с представителями поисковых отрядов.

Примечания

1. «Диктант Победы» написали в ЮФУ. URL: <https://www.sfedu.ru/www2/web/press-center/news/60848> (дата обращения: 12.03.2020).

2. 14 февраля в Южном федеральном университете прошла мемориальная акция памяти «Свобода ценой жизни!». URL: <https://www.sfedu.ru/www2/web/press-center/news/62274> (дата обращения: 12.03.2020).

3. В ЮФУ прошла научно-практическая конференция «Великая Отечественная война в мемориальном пространстве Донского края». URL: <https://sfedu.ru/www2/web/press-center/news/62282> (дата обращения: 22.03.2020).

4. Конкурс фильмов «Память в объективе» прошел в ЮФУ. URL: <https://www.sfedu.ru/www2/web/press-center/news/56131> (дата обращения: 22.03.2020).

5. Конференция о восприятии Великой Отечественной войны молодежью в Ростове-на-Дону. URL: <http://ruspolitology.ru/anonsy/9474/> (дата обращения: 22.03.2020).

А.А. Кочергин

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В Краснодарском крае местной элитой интенсивно утверждается система казачьего образования. С 2016 г. в обязательном порядке хотя бы по одному казачьему классу создано в каждом общеобразовательном учреждении региона, ускоренными темпами идет процесс

придания школам статуса казачьих. К концу 2019 г. таковых в крае насчитывалось уже около 60, всего же в учреждениях общего образования функционировало 4,5 тыс. казачьих классов и групп, действовало 7 казачьих кадетских корпусов. В целом казачьим образованием охвачено более 85 тыс. школьников. Непременным условием деятельности казачьих классов является преподавание дисциплины по истории и современности кубанского казачества. Краевыми историками были разработаны соответствующие учебные пособия для всех возрастов.

Тема Великой Отечественной войны представлена в «Истории кубанского казачества», учебнике для 9-х классов, авторы которого – сотрудники Кубанского государственного университета доцент П.П. Матющенко и профессор В.И. Черный. Ей посвящена глава «Казачество Кубани в Великой Отечественной войне», состоящая из пяти параграфов [1]. Содержание данной главы в сокращенном виде дублируется и в информационных материалах для педагога к дополнительной общеобразовательной общеразвивающей программе «История и современность кубанского казачества», преподаваемой в 10–11-х классах [2].

Отличительной чертой представленного в учебнике нарратива, в соответствии с идеологией указанной дисциплины, является склонность его авторов постулировать казаков как отдельного актора Великой Отечественной войны. На это ориентированы и названия соответствующей главы и ее параграфов. В первом параграфе «Казаки вступают в боевые ряды» просматривается интенция категоризировать субъектов военных событий в этническом контексте. При таком подходе казаки репрезентируются как один из народов СССР, мобилизовавшихся на оборону страны: «На защиту свободы и независимости государства поднялись все народы страны. В едином строю сражались казаки: они, как и раньше, встали на защиту Отечества» [3]. Они предстают как этнический групповой субъект регионального сообщества Краснодарского края: «Позабыли обиды на советскую власть и кубанские казаки. Общая беда объединила все народы края: русских, украинцев, белорусов, адыгов, армян». Одновременно категоризируется как казачий и весь регион. Переходя к рассказу о воинских соединениях как непосредственных участниках боевых действий, авторы учебника продолжают попытку манифестации

казаков как самостоятельного актора: «С начала войны у нас начали формироваться кавалерийские части. Они состояли в большинстве своем из казачьего населения» [4]. Однако они вынуждены признать, что в реалиях войны все армейские подразделения были социально разнородными, и ключевым фактором формирования их состава выступала политическая лояльность: «Сразу после начала войны казаки обратились в Москву с просьбой разрешить формирование из добровольцев казачьих сотен. Казачье происхождение для вступления в сотни не считалось обязательным: главный критерий – благонадежность» [5]. И как раз по поводу последней у советского режима были опасения относительно казаков: «75 % состава казачьих сотен были красными партизанами и участниками Гражданской войны. Не принимали казаков, служивших некогда в белых частях, имевших родство с репрессированными казаками, “врагами народа”, имевших родственников за границей, эмигрантов, покинувших Россию после революции и Гражданской войны» [6]. Тем не менее общей линией повествования остается имплицитное подчеркивание характеристики поименованных казачьими воинских соединений как сущностно таковых, а не номинальных: «Желающих вступить в строй было столь много, что вскоре из сотен стали формировать полки, потом дивизии. И наконец, решили сформировать корпус. В него вошли по две кубанские и донские дивизии. Казаки приняли присягу и вступили в боевые ряды Красной армии» [7].

Второй параграф «В бой идут одни казаки» посвящен рассказу о боевом пути 17-го казачьего кавалерийского корпуса, в ходе войны преобразованного в 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус. Уже одно из первых масштабных боевых действий, в которых он участвовал, получившее впоследствии название «Кущевская атака», стало символом участия казаков в Великой Отечественной войне. Рассказ о нем в учебнике представлен посредством цитат из источников того периода: «Удар казаков корпуса был стремительным и неожиданным для гитлеровцев. Немецкий солдат, участник этого боя, в письме домой говорил об ужасе, испытанном при встрече с казаками. “Казаки – это какой-то вихрь, который сметает на своем пути все препятствия. Мы боимся казаков, как возмездия Всевышнего”» [8]. О значении события свидетельствует ссылка на советскую прессу:

«Газета “Красная звезда” в статье “Воевать, как воюют кубанские казаки под руководством генерала Кириченко” писала: “Остановить немцев на юге возможно! Их можно бить и разбить! Это делали казаки”» [9]. При этом отмечается, что в начале битвы за Кавказ это был едва ли не единственный успех наших войск. И «бой дорого обошелся не только немцам, но и кавалеристам. Сотни казаков сложили головы». В повествовании о дальнейшем боевом пути корпуса подчеркивается, что немалая заслуга принадлежит его бойцам в защите Туапсе [10]. В последующем казаки освобождали Украину, Белоруссию, Польшу, Венгрию, Словакию, Чехию. Корпус был награжден четырьмя орденами. «22 его воина стали Героями Советского Союза. Семеро казаков – полными кавалерами ордена Славы» [11]. Таким образом, авторы закрепляют репрезентацию казачьей субъектности во время войны посредством дискурса генерализации, прежде всего прибегая к манифестации кавалерийских соединений как казачьих. Упоминание в аналогичном контексте иных воинских формирований только призвано способствовать утверждению такого видения ситуации: «Казаки Кубани сражались с фашистскими захватчиками не только в кавалерийских сотнях. Весной 1944 года здесь была сформирована 9-я Краснодарская пластунская дивизия. Она, с боями дойдя до фашистского логова, приумножила славу отцов, дедов, прадедов» [12].

Вместе с тем в учебнике представлена и проблема казачьего коллаборационизма. Третий параграф так и называется – «На стороне Германии». Как движущая сила данной практики характеризуется германская сторона: «Учитывая опыт сражений на советском фронте, а также встретив сопротивление населения оккупированных территорий, немцы попытались поменять тактику: после оккупации большей части края они постарались привлечь на свою сторону в первую очередь казачье население, представителей национальных меньшинств». В отношении них оккупанты проводили проактивную политику: «Немцы обещали вернуть казакам собственность и привилегии, провели некоторые преобразования. Возрождались органы казачьего самоуправления, открывались храмы и мечети; оккупанты не противились казачьим обычаям и традициям. И часть казачьего населения поверила гитлеровцам, стала сотрудничать с ними» [13]. Коллаборационисты характеризуются как затаившие обиду и злобу на существо-

вавший в СССР политический режим. При этом отмечается, что «на помощь немцы привезли белоэмигрантов, борцов с советской властью в годы Гражданской войны. Они формировали боевые казачьи сотни для борьбы с партизанами, для охраны коммуникаций. Стали активно создавать казачьи части из военнопленных» [14]. Приводя примеры действовавших на стороне германцев воинских соединений, авторы учебника подчеркивают, что «в боях с Красной армией казаки почти не участвовали. Там же, где им доводилось сталкиваться с советскими частями, бой шел до полного уничтожения: Красная армия в плен их не брала» [15].

Признается широкое распространение казачьего коллаборационизма и на территории Краснодарского края: «На Кубани также шло формирование казачьих частей для немецкой армии. В край из Германии прибыли бывшие царские генералы П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро. Казачьи части в помощь немцам были созданы во многих станицах, но наиболее активно вступали в сотни в Афипской, Верхнебаканской, Ильской, Крымской, Северской». Отмечается, что «в этих станицах проживало больше черноморцев, и они, видимо, поверили: немцы помогут им образовать то самое мифическое независимое государство – “Казакую”» [16]. Деятельность указанных соединений характеризуется негативно: «Сражаться на Кубани сформированным немцами казачьим сотням не пришлось, хотя “новый порядок” они защищали от партизан преданно: охраняли концлагеря, выполняли полицейские и карательные функции. Перед освобождением края Красной армией они вместе с семьями были переброшены в Крым, потом в Белоруссию» [17]. Также приводятся примеры и иных случаев коллаборационизма, квалифицируемые как ничтожные: «Попытались немцы образовать еще одну добровольческую дивизию, и название ей придумали красивое: “Свободная Кубань”. Но вступить в нее пожелали, как ни агитировали, разъезжая по станицам, бывшие белогвардейские генералы, всего человек 300. Судьба “Свободной Кубани” оказалась бесславной; а ее командир бывший генерал Красной армии М.М. Шаповалов за несколько дней до окончания войны был расстрелян чешскими партизанами» [18]. Делается вывод, что «расчеты фашистской Германии на кубанских казаков – как на союзников в борьбе со “сталинской

тиранией” – не оправдались. Казачье население Кубани в своем большинстве оказалось верным Родине, присяге» [19]. Однако непосредственные количественные показатели коллаборационизма в крае не приводятся. Между тем, по приводимым К.М. Александровым оценкам, в начале 1943 г. вместе с отступающими германскими войсками эвакуировалось на Украину порядка 94 тыс. кубанских казаков и членов их семей [20]. Это свидетельствует скорее о том, что ситуация с лояльностью советскому режиму в среде казачества была противоречивой, как и понимание идеи патриотизма.

Утверждению тезиса о прогосударственной позиции кубанских казаков посвящен четвертый параграф «Спротивление оккупантам». Авторы учебника отмечают, что германская сторона попыталась установить шадящий оккупационный режим в крае: «Немцы пытались убедить население: тяжелая жизнь – следствие правления большевиков; они обещали вернуть землю казакам и коренным жителям, а жизнь их сделать свободной и богатой». Однако характеризуется это лишь как тактический ход: «Заигрывание скоро закончилось террором. По отношению ко всем, в том числе и к казакам, и к адыгам; ко всем, кто оказывал хоть малейшее сопротивление оккупантам». Основным способом антифашисткой борьбы представляется партизанское движение, централизованно организованное. Всего в крае было создано семь партизанских объединений, в них входило 86 партизанских отрядов. При этом подчеркивается, что «в партизанских отрядах и подпольных группах были в основном коммунисты и комсомольцы, их жены и даже дети» [21]. Авторы учебника не скрывают, что казаки и здесь были по обе противоборствующие стороны, одновременно отмечая моральное господство оставшихся на просоветских позициях: «Захватчики с семьями партизан были предельно жестоки, арестовывали, подвергали истязаниям, брали в заложники... Врагу помогали предатели. В их числе были и казаки. Но казаки были и в партизанских отрядах, спасали эвакуированное население, выполняли поручения командования Красной армии. Высокие человеческие качества никогда не покидали большинство казаков». Об этом свидетельствуют многочисленные жертвы среди жителей края за годы войны: «Погибли, замучены, задушены газом более 61 тысячи кубанцев. Не вернулись в отчие дома 476 тысяч

человек. Их имена – в краевой Книге Памяти. Среди не пришедших с полей сражений – более 200 тысяч пропавших без вести. В их числе немало и казаков» [22].

В то же время как драматическая характеризуется постигшая коллаборационистов участь, к проблеме которых авторы учебника возвращаются в пятом параграфе «Трагедия казаков в Лиенце». Прослеживается стремление квалифицировать их судьбу как вынужденную: «Вслед за отступающими немецкими частями потянулись обозы многочисленных беженцев. Как утверждает атаман кубанских казаков в зарубежье В.Г. Науменко, за немцами стихийно двигались тысячи семей, одиночки и группы, старики и дети... Во многих районах, станицах и хуторах немцы жестко требовали от казачьих семей уходить с Кубани вместе с бегущей с нашей земли сильно побитой гитлеровской армией». Аналогичным образом объясняется и непосредственное участие казаков в прогерманских воинских соединениях: «Созданное в Германии Главное управление казачьих войск занималось комплектованием казачьих частей, в основном из военнопленных. Многие казаки, попавшие в плен не по собственному желанию, соглашаясь вступать в эти части, надеялись: им удастся перейти на сторону или Красной армии, или союзников, спасти жизнь» [23]. Скорее сочувствием к казакам пронизаны описания доставшихся им трудностей в последние месяцы войны, ознаменовавшиеся передислокацией казачьих формирований в Австрию: «Поход был одновременно героическим и трагическим. Тысячи казаков – женщин, стариков, детей – преодолели покрытые снегом Альпы в поисках спасения» [24]. Но спасения, как отмечают авторы учебника, они не нашли: английское командование передало казаков вместе с женщинами и детьми советской стороне: «Всего в Россию для следствия и суда было вывезено более 50 тысяч человек. Половина – гражданское население. Многие выданные казаки были противниками не только Советского Союза, но и союзников. <...> Пострадали не только те, кто воевал на стороне немцев, но и те, кто ушел с Кубани вместе с мужем, сыном, отцом». С определенным почтением репрезентируется и поведение казачьих лидеров в данных обстоятельствах: «Были арестованы и переданы СССР и командиры казачьих частей, предупрежденные английским командованием

о предстоящей судьбе Казачьего стана и поэтому имеющие возможность скрыться, спасти себя. Никто из них этого не сделал: они разделили судьбу тех, кого собрали под свои знамена. Русские генералы, непримиримые враги советской власти со времен Октябрьской революции и Гражданской войны, П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро были осуждены в СССР к смертной казни и в 1946 году повешены» [25]. Оценивая события в Лиенце, авторы ссылаются всё на того же атамана В.Г. Науменко, назвавшего действия англичан «великим предательством», а судьбу казаков – «великой трагедией», в противовес которому приводится позиция английской стороны: «Англичане же заявили: они всего лишь выполняли условия Крымского протокола и предателями себя не считают» [26]. Тем не менее заключительный вывод о судьбе коллаборационистов делается осуждающий: «Трагедия многих тысяч наших казаков в Лиенце, других участников войны на советско-германском фронте, сражающихся на стороне фашистских агрессоров, свидетельствует: измена Родине, своему народу – всегда наказуема. Физически или морально. Чем бы ее ни оправдывали» [27].

Установка авторов учебника на репрезентацию казачества как самостоятельного актора войны вылилась в произвольное представление его как сложного социального феномена, пронизанного противоречиями и многоаспектностью практик его участников. Однако это стало для них и методологической проблемой, проявившейся прежде всего в отсутствии языка описания такой реальности. Свою ограничительную роль сыграло и стремление авторов соответствовать культивируемому в Краснодарском крае мифу о кубанском казачестве. Как следствие, наблюдается преувеличение субъектности казаков, действовавших на советской стороне, и принижение деятельности тех, кто так или иначе оказался на противоположной стороне.

Показательно, что представленный в учебнике рассказ о войне по преимуществу состоит из общих фраз и минимально обращается к эмпирике. С одной стороны, можно предположить, что его авторы исходили из предпосылки, что потенциальные читатели и так хорошо ее знают. Однако не менее возможным обстоятельством представляется и то, что при конкретизации нарратива тот неиз-

бежно стал бы наглядно вступать в противоречие с современным краевым казачьим дискурсом. Также примечательно, что авторы учебника ограничиваются немногочисленными упоминаниями персоналий. Среди представителей советской стороны актуализируются некоторые командиры воинских соединений, руководитель края (П.И. Селезнев), а из числа рядовых героев – братья Игнатовы. При этом все они не были казаками. Противоположный лагерь представлен даже большим количеством имен, преимущественно эмигрантскими казачьими лидерами. Среди них выделяется фигура атамана Кубанского казачьего войска за рубежом В.Г. Науменко. На страницах учебника в других главах он изображается как герой белой армии, спаситель регалий Кубанского казачьего войска, организатор обустройства казаков в Югославии в 1920–1930-е гг., много сделавший для сохранения исторической памяти кубанского казачества. Однако в главе о Великой Отечественной войне атаман предстает скорее как сторонний наблюдатель происходивших событий, отсутствует указание на его сотрудничество с нацистскими властями и образованными ими структурами, в частности на участие в руководстве упоминаемого Главного управления казачьих войск. Объяснить это можно тем, что во время написания учебника своего пика достиг сформированный в крае местной элитой культ почитания и героизации В.Г. Науменко как носителя истинного казачьего духа [28].

Пример рассмотренного учебника демонстрирует методологические лакуны образовательного нарратива о Великой Отечественной войне. Выход за рамки исключительно ее глорификации, попытка рассказа о многоаспектности событий и поливариативности практик участников требует переформатирования всего соответствующего дискурса. В условиях наблюдаемой актуализации исторической политики как антагонистической это представляется нетривиальной задачей, требующей интеллектуального мужества и мировоззренческой зрелости.

Примечания

1. Матющенко П.П., Черный В.И. История кубанского казачества: учебник для 9-х классов учреждений дополнительного образо-

вания детей и классов казачьей направленности образовательных учреждений Краснодарского края. Краснодар, 2010. С. 157–178.

2. Кубанские казаки в Великой Отечественной войне. URL: http://iro23.ru/sites/default/files/kubanskie_kazaki_v_velikoy_otechestvennoy_voynе.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

3. Матющенко П.П., Черный В.И. Указ. соч. С. 157.
4. Там же. С. 159.
5. Там же. С. 161.
6. Там же.
7. Там же. С. 161–162.
8. Там же. С. 163.
9. Там же. С. 163–164.
10. Там же. С. 164.
11. Там же. С. 165.
12. Там же. С. 165–166.
13. Там же. С. 168.
14. Там же.
15. Там же. С. 169.
16. Там же.
17. Там же. С. 169–170.
18. Там же. С. 170–171.
19. Там же. С. 171.
20. Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М., 2005. С. 78.
21. Матющенко П.П., Черный В.И. Указ. соч. С. 172.
22. Там же. С. 173.
23. Там же. С. 175.
24. Там же. С. 176.
25. Там же. С. 177.
26. Там же.
27. Там же. С. 177–178.
28. Кочергин А.А. Современное кубанское казачество в поисках героев: случай атамана В.Г. Науменко // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего. Саратов, 2018. С. 110–115.

Р.Х. Ганиева**ИСТОРИЯ ПРЕДКОВ – ЦЕННЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ**

Национальная травма часто затрагивает потомков пострадавших и влияет на жизни нескольких поколений при условии отсутствия мер для решения и искоренения судьбоносной проблемы. Трагическое наследие находится в основе многих личностных и семейных неурядиц: «Проблема проявляется у потомства, поскольку травма, которая передается, намного сильнее той, которую получают...» [1].

Многие исследователи приводят наиболее показательный пример – пример жертв Холокоста и их потомков. Так, по многолетним наблюдениям, дети выживших во время Холокоста «чаще страдают от посттравматических синдромов, чем их родители, которые в реальной жизни страдали и боролись» [2].

Передача травмирующего прошлого носит трансгенерационный характер: скрываемое и запрещенное так или иначе входит в жизнь потомков. Умалчиваемая травма, неосознанное и нежелаемое наследие – прямой путь к болезням, соматическим либо психосоматическим проблемам у представителей следующих поколений семей, переживших травмирующий опыт.

В то же время при изменении как внешних, так и внутренних условий меняется и сознание всех вовлеченных: когда проблема «выявляется, обговаривается, перемещается в исторический и семейный контекст с помощью терапевта... эти проявления уменьшаются и прекращаются у взрослых и даже у детей» [3].

Национальная травма оказывает пролонгированное воздействие на несколько поколений. Как следствие, сам пострадавший не в силах изменить сложившуюся критическую ситуацию, обратить ее во благо. Помочь в завершении неоконченного действия может лишь специалист – «контейнирующий психотерапевт», умеющий проникать глубоко в проблему, использующий различные подходы и практики, а также экспрессивные методы воздействия [4].

Опыт показывает, что работа с людьми, пережившими травмирующий опыт, приобретает особую значимость: своевременная и профессиональная помощь позволяет «купировать» передачу психотравмы и преодолеть пресловутый «синдром предков». Следующим крае-

угольным камнем в решении проблемы травмирующего опыта является формирование у пострадавших посттравматического роста (ПТР). В зависимости от ряда условий, у трагедии могут быть разные последствия: пострадавший может пребывать как в состоянии хронического стрессового расстройства, так и прийти к посттравматическому росту. По нашему мнению, история предков – поистине ценный материал для размышлений не только историков и социологов, но в первую очередь – для психологов. Чем глубже мы погружаемся в события жизни той или иной семьи, тем больше убеждаемся, что многие жизненные циклы повторяются в каждом новом поколении – события воспроизводят себя с удивительной и пугающей точностью.

История семьи – это узкая психологическая проблема, которая повторяется в каждом поколении. У истоков изучения этого вопроса стоял Мюррей Боуэн, утверждавший, что в семейной системе накапливаются дисфункциональные модели, которые приводят, в конце концов, к отклонению от нормы ее членов (концепция «трансмиссии»). Кроме идеи трансмиссии, М. Боуэн рассматривает понятие «семейный сценарий» – стабильные модели структурной организации и микродинамики семьи, которые переходят из поколения в поколение.

Зная о передаче определенных паттернов через многие поколения, можно предсказать не только гипотетические, но и определенные процессы в будущем. Изучая историю семьи и учитывая детали жизни текущего поколения, можно восстановить способы функционирования прошлых поколений. Узнавание и исследование таких паттернов может помочь семье понять, какие способы адаптации она использует, и избежать повторения неприятных моделей в настоящем, их перехода в будущее. Для этого семье следует освоить другие способы совладания с ситуацией. А. Шутценбергер в своей монографии «Синдром предков» пишет о том, что она «всегда вела систематический поиск в истории семьи», когда занималась больным: нет ли повторяющихся событий или проявлений «неосознанной, скрытой лояльности семье», неосознанной идентификации себя «с ключевым, важным членом семьи». И часто находила такие случаи, как, например, рак в том же возрасте, что и у близких родственников [5]. Далее автор в своем бестселлере рассказывает о враче и психологе Жозефине Хилгард, которая в результате анализа карт больных, поступавших в клинику

в течение нескольких лет, обосновала, что резкое начало психоза у пациентов во взрослой жизни связано с повторением в семейной системе травмирующего события, имевшего место в детстве, – со смертью матери или отца, помещения в психиатрическую клинику или печального случая. «При повторении контекста, когда ребенок вырастет и ему самому исполняется столько же лет, сколько было его родителю (когда тот, например, попал в психбольницу), а его собственному ребенку исполняется столько же лет, сколько было ему самому, когда его мать, к примеру, умерла или попала в психбольницу (двойная годовщина), – госпитализация в лечебное учреждение повторяется, и это статистически значимо» [6].

Предлагаю читателю семейную историю участника Великой Отечественной войны, связанную с непредсказуемыми жизненными событиями. Это «системная травма». Если в родовой истории есть место системной травме, то кто-то из представителей младшего поколения под давлением семейной темы идентифицирует себя со старшим «героем», подражает ему, копирует его паттерны и диспозиции и в результате «реанимирует» чужую судьбу. Важно и то, что этот сценарий преднамеренно не выбирают, в сознании он не выявляется, и поэтому ему не оказывают сопротивления. В этом кейсе показано, что в трех поколениях одной семьи в связи с трагическими событиями (депортация ингушей в Казахстан и Среднюю Азию в 1944 г., вооруженный конфликт в Пригородном районе и Владикавказе в 1992 г.) без вести пропадают мужчины.

Замечая эту преемственность, члены семьи обеспокоены судьбой мужчин четвертого поколения и пытаются решить, как прервать эту цепочку и обезопасить последующее поколение от печальной определенности. Что делать? Как быть? «Может быть, этнологи, или психосоциологи, или специалисты по геносоциограммам смогут внести свой небольшой вклад в попытки решения проблемы? Ведь нужно одновременно вспомнить и либо простить, либо “перевернуть страницу” и забыть, чтобы смерть и насилие не закреплялись навечно в форме бесконечной вендетты, чтобы не продолжалось вечное страдание. Чтобы потомкам не досаждали обременительные для них “призраки”, или серьезные физические расстройства (болезни, смерти), которые без слов помечают подобные события» [7]. Психологам зачастую

удается помочь субъекту проработать физические и психологические составляющие «очисткой генеалогического древа» семьи.

До 23 февраля 1944 г. в селе Базоркино Пригородного района Чечено-Ингушской АССР проживала многодетная семья Баркинхоева Биберта Эльбертовича (1885 г.р.), с которым жил его 84-летний отец Баркинхоев Эльберт Гойбертович. В семье воспитывалось 9 детей – семеро своих и двое приемных (дети брата Биберта – Джамалдина). Всего семья насчитывала двенадцать человек. Старшему сыну Биберта Хасану в мае 1941 г. исполнилось 18 лет. Осенью он ушел добровольцем на фронт в составе 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка. День выселения застал семью Баркинхоевых врасплох – никто не ожидал такого жестокого отношения к ингушам, тем более к семье фронтовика. Биберта сразу отделили от семьи, а жена и дети не смогли взять ни теплую одежду, ни продукты питания, так как времени на сборы было отведено мало. Всех погрузили на телегу и в сопровождении военных отвезли на железнодорожную станцию «Консервный» (эта станция расположена в селе Майское Пригородного района).

Добралась семья Биберта в районный центр Акмолинска Северного Казахстана в 20-х числах марта 1944 г. Здесь семье удалось воссоединиться. Депортированных поселили в крошечных мазанках, состоящих из двух комнат. Отопления не было, а на улице стояли лютые морозы. Через неделю от холода и голода умер дедушка Эльберт. Тело умершего просто закопали в снег и сделали заметку, чтобы весной найти. Но весной тело дедушки не обнаружили, так как его растерзали волки. Лето и осень 1944 г. были очень тяжелые. Детям нечего было есть, они болели. Четырехлетний Мусса заболел туберкулезом и умер. Чтобы спасти от смерти младших братьев и сестер, Хасан выкрал из амбара два мешка пшеницы. По доносу он был арестован и осужден на два года. Приговор для того времени был вынесен достаточно мягкий, так как были учтены военные заслуги Хасана. В феврале 1945 г. от горя, недостатка пищи и туберкулеза скончался глава семьи Биберт. С его телом поступили так же, как и с телом дедушки. Он был погребен в глубоком снегу в 5–10 метрах от жилья. Весной вернулся старший сын Хасан (его освободили досрочно), и вся семья взялась за поиски тела главы семьи. Но поиски снова не увенчались успехом – видимо, опять постарались волки. Для семьи Баркинхоевых это было огром-

ным потрясением – ни тело дедушки Эльберта, ни тело отца Биберта предать земле по национальным обычаям не получилось.

В 1956 г. был принят закон о реабилитации – появилась возможность вернуться на историческую родину. Сохранились свидетельства очевидцев о том, что ингуши перевозили в чемоданах самый драгоценный груз – останки безвременно умерших родственников. По возвращении в первую очередь они предавали останки родной земле и только потом отправлялись искать свои дома. Для Баркинхоева Хасана и его младших братьев это были черные дни: они не знали, где останки их близких. Возвратившись одними из первых в свое родное село Базоркино осенью 1956 г., Хасан и его младший брат Хусен, которому едва исполнилось 20 лет, вырыли в земле времянку недалеко от своего дома и провели там зиму. Хасан часто навзрыд плакал, вспоминая отца и дедушку. С ним эта боль оставалась до самого конца его жизни.

Но через много лет история этой семьи пошла по кругу – всё повторилось. Осенью 1992 г. в Пригородном районе разгорелся конфликт, результатом которого стало огромное количество человеческих жертв. Многие люди были взяты в заложники. Многие были выдворены за пределы административной территории Пригородного района и Республики Северная Осетия. В числе 192 пропавших без вести ингушей значатся и представители семьи Баркинхоевых: братья Хусен Бибертович (1933 г.р.) и Хасан Бибертович (1923 г.р.), сын последнего – Баркинхоев Руслан Хасанович (1952 г. р.), а также Баркинхоев Султан Джамалдинович (1927 г.р.) и его сын – Баркинхоев Борис Султанович (1949 г.р.). Напомним, что Султан – это тот самый круглый сирота, которого растил отец Хасана Биберт.

Только на этом примере можно увидеть, что в XX в. четыре поколения одной семьи пострадали в результате не зависящих от них обстоятельств. Прах этих людей так и не был предан земле по ингушским традициям. Вот потери семьи: прадед Эльберт, дедушка Биберт (депортация 1944 г.), Хасан и его сын Руслан, братья Хусен, Султан и его сын Борис (военные события осени 1992 г. в Пригородном районе). Итак, сегодня в списках пропавших без вести во время событий 1992 г. числится шесть членов семьи Баркинхоевых. Многие годы родственники ищут своих близких, обращаясь в официальные структуры республики и федерального центра. Они пытаются найти

останки членов своей семьи только для того, чтобы предать их родной земле. В них жива вера в то, что, предав земле близких, удастся прервать бесконечную цепь трагических событий, избежать в будущем безвременных потерь и наконец обрести душевный покой.

Примечания

1. Шутценбергер А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М., 2001. С. 127.

2. Там же.

3. Там же.

4. Там же. С. 202, 206.

5. Там же. С. 91.

6. Там же.

7. Там же. С. 87.

С.А. Хубулова

ГЕРОИ, РЕВОЛЮЦИИ И ВОЙНЫ XX в. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Изучение исторической памяти о судьбоносных политических событиях XX в. является актуальным, поскольку она во многом определяет не только развитие народа и государства, но и его мировоззрение и идеологию. Историческая память играет основополагающую роль в формировании гражданской и национальной идентичности. Очень часто те или иные современные политико-идеологические установки и координаты основываются на апеллировании к прошлому, исторической памяти, которая включена в систему политического сознания. Но сама память не является статичной и зависит от многих факторов: ценностной окрашенности, эмоциональности, информированности, изменения ценностных ориентиров.

Кризис традиционных ценностей порождает эрозию коллективных ценностей, когда крушение идеологии приводит к распаду в психологии общества. Одним из серьезных итогов этого процесса является перекося в восприятии индивидом или группой людей исторического

прошлого, деформация исторической памяти. При этом историческая память играет основополагающую роль в формировании гражданской и национальной идентичности. Вопросы истории революции и войн XX в. и их героев сегодня стоит остро как никогда до этого и вызывает массу самых противоречивых мнений.

Для народов Осетии эти темы осложнены националистическими изысканиями определенных кругов, в ходе которых делаются попытки принизить участие осетин в Великой Отечественной войне, выставить ветеранов не в лучшем свете, а национально-освободительную борьбу жителей Южной Осетии характеризовать как экспансию. Происходит массивный натиск на историческую память народов, и, отталкиваясь от псевдонаучных изысканий, осуществляются попытки строить свою вымышленную историю, тем самым создавать очаги напряженности в регионе Кавказа. Обострение межнациональных отношений, политические разногласия часто подпитываются искажением исторических фактов и посягательством на историческую память поколений. Всё это актуализирует проблему героев и истории переломных событий XX в. в жизни народов Северной и Южной Осетии, а также всего региона.

В последние десятилетия узловые события XX в., к которым с полным правом относятся революция 1917 г., мировые войны, а также грузино-осетинское вооруженное противостояние 1990-х гг. и последующих лет, стали объектом острейшей политической и идеологической борьбы. Фальсификация истории этих событий принимает агрессивные и радикальные формы, что не может не отражаться на умонастроениях не только российского, но и мирового сообщества. Манипуляции общественным сознанием приводят к тому, что происходит подмена одних ценностей другими, часто даже не ценностями, а историческими вымыслами, что пагубно отражается на национальном самосознании, социокультурных ценностях.

Происходящие в сознании перекосы не позволяют человеку объективно оценивать прошлое и героев-антигероев, в том числе революции и войн. Исследование перерождения образов революции и войн в исторической памяти народа способствует осознанию механизмов воспроизведения прошлого в общественном сознании, места государства и общественных институтов в этом процессе, что, несомненно,

свидетельствует о взаимосвязи интерпретации исторического прошлого от современных установок. Изучение восприятия исторического прошлого позволяет расширить представление о великих событиях и процессах, происходящих в России и в регионе, оказывает влияние на познание современности, препятствует деформации исторической памяти народа, воспитывает молодежь на лучших образцах истории своего народа.

Историческая память о революциях и войнах XX в. является одним из факторов формирования национальной идентичности осетин, гордости от причастности к своему народу, который через поколения пронес лучшие социокультурные ценности, идеалы, защищавшиеся и отстаивавшиеся в ходе важных исторических процессов. Осмысление указанных событий не только на основе воспоминаний их участников, но также на большом фактическом материале периодической печати тех лет позволит детализировать картину революции, войн и образы героев тех событий, одновременно расширяя глобальные представления о войнах и социальных переломах.

Проблемы исторической памяти в научном ракурсе стали успешно разрабатываться в конце прошлого века. Наиболее значимыми работами историко-психологической направленности можно считать труды Е.С. Сенявской [1], которая впервые обратилась к освещению особенностей психологии фронтового поколения, оказавшегося в экстремальных условиях. Она прослеживает не только состояние духовного мира в годы войны, но также влияние военного опыта в мирных условиях.

Специфику общественного сознания послевоенных лет проанализировала Е.Ю. Зубкова [2]. В своих работах автор обстоятельно освещает восприятие Великой Отечественной в послевоенном советском обществе, влияние ее на обыденное сознание, жизненные ценности. Впервые в работах Е.Ю. Зубковой были поставлены вопросы исторической памяти народа.

В последующих работах авторы анализировали проблемы исторического сознания и памяти и их трансформацию в современном российском обществе [3]. В исследовательском поле оказались проблемы исторического сознания советских людей периода нэпа, 1930-х гг. Авторы указывают на то обстоятельство, что средства массовой

информации этого периода создавали витринную сторону жизни советского народа, не допуская в зазеркалье с его голодом, разрухой и низкой культурой. Это приводило к мифологизации исторического сознания.

Новые трактовки связаны также с историей Первой мировой войны, незаслуженно забытой не только историографами, но и населением, которому долгие десятилетия внушалась мысль об империалистическом характере войны. В современной историографии, свободной от классового подхода и идеологических штампов, происходит переосмысление значения этой войны, отражения на исторической памяти современников [4].

К 100-летию российских революций 1917 г. в отечественной и зарубежной историографии появились работы, в которых анализируются изменения в интерпретации проблематики революционных событий и отражение 1917 г. в исторической памяти народа [5].

Вызовы времени потребовали изменений в исследовательских подходах и к истории Великой Отечественной войны и ее памяти в современном обществе. Авторы отмечают, что ряд проблем военной истории в советской историографии освещался тенденциозно, с нарушением объективности и историзма [6]. В особенности исследователей интересуют вопросы соотношения индивидуальной и коллективной, т.е. социальной, памяти.

Подводя итоги небольшого историографического анализа, отметим наличие большого пласта исследований, художественных и кинематографических произведений, которые, несмотря на мастерство, все же не создавали в общественном сознании целостной картины тех великих событий, о которых говорилось выше. Образы революции и войн существовали в «общественном сознании в виде вторичной исторической реальности». Пришло время обобщить накопленные в них данные и воссоздать целостный образ этих событий, запечатленный в сознании общества.

Необходим анализ процесса складывания и трансформации образов героев революции и войн XX в., влияния современных политических дискурсов на формирование исторической памяти современных граждан Северной и Южной Осетии. Изучение имеющихся научных знаний, характеристик, обыденных представлений

разных социальных слоев населения Осетии об этих судьбоносных для этноса событиях даст возможность реконструировать механизмы и обстоятельства формирования исторического сознания этноса, его наполнение, а также воздействие на жизненные установки граждан, особенно молодых. Важно проанализировать процесс трансформации вероятностной модели события, существовавшей в общественном сознании, в образ исторического события, выявить основные этапы этого процесса.

Историческая память о войнах XX в. является одним из факторов формирования национальной идентичности осетин, гордости от причастности к своему народу, который через поколения пронес лучшие социокультурные ценности, идеалы, защищавшиеся и отстаивавшиеся в ходе важных исторических процессов. Эмоционально оформленные воспоминания, как правило, касаются героических событий. Изучение исторической памяти даст возможность проследить, насколько обеспечена преемственность поколений у народов Осетии, в каких формах она происходит. Актуальными те или иные пласты памяти становятся тогда, когда они востребованы в рамках современных социокультурных и политических задач. Обращение к прошлому для создания современных героических образов исходит из возможности их применения в сегодняшних условиях. Поэтому предметом исторической памяти являются исключительно значимые события и персонажи, которые в большей степени востребованы в современном обществе.

Прикладное значение темы связано с возможностью использования материалов и выводов для решения задач исторического образования и формирования исторического сознания у молодых поколений, что в значительной степени облегчило бы процесс социализации молодежи. Формирование правильных исторических представлений, в том числе о войнах XX в. и их героях, содействует патриотическому воспитанию молодежи, преодолению кризиса идентичности.

Примечания

1. Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 3–16.

2. Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153–160.
3. Шрейдер Ю. Сознание и его имитация // Новый мир. 1989. № 11. С. 244–255.
4. Лейберов И.П. Патриотические настроения, их проявление и угасание в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 497–501.
5. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16; Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32–41.
6. Великая Отечественная война (историография). Сб. обзоров / ред. Н.Н. Месяцев, В.М. Шевырин. М., 1995.

Е.М. Горюшина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ / ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ¹

Данная статья представляет собой промежуточные результаты исследования исторической памяти как политического риска в российско-грузинских отношениях. Актуальность обусловлена тем, что Грузия, как наиболее западно ориентированное государство на Кавказе, выбрала кооперацию со странами ЕС и США, полностью отказавшись от дипломатических и политических взаимоотношений с Россией. С момента августовских событий 2008 г. отношения между Россией и Грузией характеризуются неопределенностью и взаимными упреками с неоспоримым желанием Севера (Россия) подчинить себе Юг (Грузия), используя общее историческое прошлое, но по-разному имплементируя политику памяти. Авторская гипотеза основана на определении первоочередного источника конфликта в стремлении предать забвению разнообразие народов, поляризуя развитой Север и отсталый Юг, тем самым противопоставляя их друг другу.

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 17-18-01411 в 2020 г.

При этом нарратив необязательно приводит к политическому конфликту, но побуждает память следовать определенным политическим задачам и выполняет эту функцию столь эффективно, что полностью нивелирует возможность политических компромиссов. Учитывая фрагментарность и противоречивый характер имеющейся аналитики по теме, ощутимый недостаток восполняют 19 интервью, собранные автором во время полевых исследований в Грузии в октябре – ноябре 2018 г., феврале 2019 г., октябре – ноябре 2019 г., а также на территории Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Москва, Новороссийск и др.).

Изучение современных российско-грузинских отношений восходит к периоду окончания перестройки, но получает настоящее развитие только в начале XXI в. В 1994 г. была издана работа американского историка Р.Г. Суни «Создавая грузинскую нацию» [1], в которой автор размышляет об итогах советской власти для южнокавказского государства и постсоветской России. Спустя десятилетие Суни вновь обращается к проблеме взаимоотношений уже ставших друг для друга «новыми» государств, но все еще объединенных общей «старой» историей [2]. Ключевую роль играет историческая память о Второй мировой войне и ее трансформация в современной Грузии.

Большая часть зарубежных англоязычных источников минует проблемы политического нарратива и исторической памяти в отношениях между Россией и Грузией, ограничиваясь исключительно выводами в области международных отношений и практическими рекомендациями для глобальных акторов.

Русскоязычные исследования, напротив, фрагментарны, но всё же касаются темы изучения нарративов и роли памяти в современном российско-грузинском взаимодействии [3]. К проблематике политического нарратива обращается Е. Чхаидзе [4] и коллектив авторов статей, включенных в сборник «Россия – Грузия после империи» [5].

Основной нарратив, прослеживающийся почти во всех работах по обозначенной теме, так или иначе соприкасается с тезисом, согласно которому «на Кавказе даже вместо меридианов и параллелей бегут линии фронта» [6]. Так изображалась Грузия в различные периоды, в том числе в 1990-е гг., а также с 2003 по 2008 г., во время которых она представлялась в качестве основного аттрактора империалистических притязаний «северного соседа». Это также уходит корнями в импер-

ские войны против горцев, в период борьбы Грузии за независимость в 1917 г. и в августовское восстание в 1924 г.

Комплексным исследованием сегментов исторической памяти и политики нарративов в российско-грузинских отношениях занимались Дж. Вёрч и Н. Батиашвили [7]. Авторы обратили внимание на важный политический нарратив М. Саакашвили через несколько месяцев после «революции роз» и за день до его инаугурации на пост президента Грузии в январе 2004 г., когда тот совершил паломничество в Гелати, древний монастырь в западной части страны. Там он дал клятву на могиле царя Давида Строителя, чье правление продлилось с 1089 по 1125 г. Символическая ценность и политическое влияние, которое этот случай оказал на грузинское население, проистекают из исторической важности Давида Строителя в коллективной памяти всех граждан Грузии. В национальном нарративе страны Давид Строитель выступает в качестве сильного лидера, изгнавшего иностранных оккупантов и объединившего раздробленные регионы в государство, границы которого схожи с сегодняшними. Под иностранными оккупантами неизменно воспринимается «северный сосед» (Россия).

В период правления М. Саакашвили разрушается традиционная историческая память о Великой Отечественной войне в Грузии, которая постепенно превращалась из регионального сегмента бывшего СССР в сегмент общеевропейской исторической памяти о Второй мировой войне. Так, 19 декабря 2009 г. по инициативе М. Саакашвили в г. Кутаиси был снесен Мемориал Славы. В результате взрыва советского военного памятника случайно погибли женщина и ее восьмилетняя дочь [8]. Изначально дата сноса мемориала должна была совпасть с днем рождения бывшего президента Грузии, который надеялся построить новое здание парламента на этом участке в рамках кампании по развитию городов за пределами Тбилиси. Однако 46-метровая арка была внезапно разрушена на два дня раньше запланированного срока – явная попытка избежать общественного контроля.

По задумке автора взорванного памятника Мераба Бердзенишвили, мемориал напоминал убийство дракона Святым Георгием – вооруженный всадник ударял немецкого солдата ножом: «Это очень сложная композиция с множеством переплетенных мотивов. У каждой эпохи есть свои драконы. И для XX века это был фашизм» [9].

Однако главным идеологическим полем битвы в вопросе памяти о Второй мировой войне является празднование Дня Победы в Тбилиси, на котором пророссийски (местная версия «Бессмертного полка») и антироссийски настроенные грузины ежегодно борются за то, как вспоминать войну. Непримируемость активистов с одной стороны связана с тем, что пожилое поколение обвиняет своих младших противников в попытках ослабить решающую роль Советского Союза в разгроме нацистской Германии и в неуважении к памяти грузин, погибших в этой войне. Противоборствующая группа убеждена в том, что советские флаги и лозунги «оскорбляют жертв советских репрессий и грузин, убитых в борьбе против российского империализма» [10].

Тезис о трансформации памяти также подтверждается многими интервью с представителями грузинской диаспоры, где одним из ключевых вопросов являлся «Что для Вас представляет память о войне 1941–1945 гг.?». В 11 из 19 интервью прослеживается нарратив об общей истории русских и грузин, общей войне против общего врага, в некоторой степени – ностальгии по советскому прошлому, подкрепленному не столько победой, сколько особым положением грузин в СССР в поствоенное время [11].

Примечания

1. Suny R.G. The making of the Georgian nation. Bloomington, 1994.
2. Suny R.G. Constructing primordialism: Old histories for new nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. No. 4. P. 862–896.
3. Негров Е.О. Отношения России с Грузией и Украиной в 2006 г.: опыт анализа официального политического дискурса в РФ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Т. 3. № 3. С. 132–144; Гарибашвили И. Грузия – Россия: поиски выхода из тупика // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 1. С. 75–77.
4. Чхаидзе Е. и исследование русско-грузинских литературных связей в Грузии с советского периода по постсоветский // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 53. С. 91–112.
5. Чхаидзе Е., Лекке М. Россия – Грузия после империи: сб. ст. М., 2018.
6. Jagielski W. Dobrze miejsce do umierania. Warszawa, 2010.

7. Wertsch J.V., Batiashvili N. Mnemonic communities and conflict: Georgia's national narrative template // In: Trust and Conflict: Representation, Culture and Dialogue / ed. I. Markova, A. Gillespie. London, 2011. P. 51–62.

8. Georgian President Blasted Over Monument's Demolition. URL: https://www.rferl.org/a/Georgian_President_Blasted_Over_Monuments_Demolition/1910056.html (дата обращения: 20.02.2020).

9. Ibid.

10. Georgia's World War II commemoration becomes ideological battlefield. URL: <https://eurasianet.org/georgias-world-war-ii-commemoration-becomes-ideological-battlefield> (дата обращения: 21.02.2020).

11. Скотт Э. Свои чужаки. Грузинская диаспора и эволюция Советской империи. М., 2019.

И.А. Зейберт

ПЕРЕПИСЫВАНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ГЛОРИФИКАЦИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТВИИ

Школьная история и общественное мнение. История, преподаваемая в школе, – далеко не единственный источник знаний о прошлом и не единственный фактор, формирующий историческую память общества. Однако среди многих прочих составляющих, участвующих в формировании коллективной памяти, школьная история выделяется своей целенаправленностью – она призвана сформировать определенные, четко заданные образы. В современной Латвии это сказывается на различии восприятия собственной истории между старшим и младшим поколениями. На смену прежней, советской, версии истории в Латвии появились новые национальные версии. Новые образы прошлого неизбежно сталкиваются со старыми советскими, которые не могли исчезнуть в одночасье вместе с породившим их государством.

Переписывание истории: как это делается. Прекращение существования Организации Варшавского договора, объединение Германии на условиях Запада, распад СССР, расширение НАТО до границ

России преподносятся теперь не только как победа Запада в «холодной войне», но и как окончательная победа во Второй мировой войне. В результате победитель превращается в побежденного.

В трагический период распада Советского Союза в авангард сил, фальсифицирующих историю Второй мировой и Великой Отечественной войн, выдвинулись этнополитические элиты бывших союзных республик, и впереди всех – властвующие элиты республик Прибалтики, в частности Латвии. Они творят несправедливый суд над нашей общей историей. Они отторгают и очерняют все то, что исторически, культурно и духовно связывало и, хотелось бы надеяться, продолжает связывать народы бывшего СССР, выстоявшие и победившие в Великой Отечественной войне. Примечательно, что латвийские фальсификаторы не изобрели ничего нового, а взяли на вооружение политические мифы, сконструированные в советологических центрах Запада при участии своих соотечественников, сотрудничавших с гитлеровскими оккупационными режимами, в том числе и в сфере пропаганды:

- миф о якобы извечном русском и советском геноциде латвийского народа;
- пропагандистски мотивированное сведение советско-германского договора о ненападении августа 1939 г. к одиозно звучащему пакту Молотова – Риббентропа, который интерпретируется в духе теории тоталитаризма как сговор агрессоров, позволивший Советскому Союзу «оккупировать» Латвию;
- очернение освободительной миссии Красной армии в Великой Отечественной и Второй мировой войнах с целью обвинить СССР в «повторной оккупации» Латвии и оправдать сотрудничество латвийских националистических элит с немецкой оккупационной администрацией;
- селективное, упрощенческое и злонамеренное толкование сложных периодов в развитии СССР с целью выставить свой народ жертвой «большевистских зверств», жесткой политики ликвидации формирований «лесных братьев», а также якобы целенаправленно проводившейся «русификации».

Сегодня при контактах с представителями Латвии граждане России поражаются, как глубоко интегрированы в их сознание русофобские и антисоветские мифы, приобретшие в современных условиях

антироссийскую направленность. Основополагающими выступают мифы об оккупации летом 1940 г. и повторной оккупации Латвии в 1944–1945 гг. В условиях господства этих мифов множатся факты, которые не могут не вызвать озабоченности и протеста российской стороны. В политике Латвии торжествует направленный против России воинствующий национализм, продолжается дискриминация русскоязычного населения, стремительно развивается процесс легализации и героизации легионеров СС, действуют «музеи оккупации», воспитывающие молодежь в антироссийском духе и низводящие великое значение Победы исключительно к теневым сторонам.

Замалчивание нацистских преступлений, в которых участвовали латыши. Одним из способов переписывания истории является замалчивание «неприятных» событий периода нацистской оккупации, в которых принимали прямое участие латыши. К ним относится и трагедия в Злекасе.

В 1944–1945 гг. в Злекской волости Вентспилсского района, в Угалских и Рендских лесах базировался партизанский отряд «Красная стрела» (“Sarkanā bulta”), который состоял из 300 бойцов. Контингент был разнообразный: заброшенные на парашютах диверсанты, местные жители, не желавшие служить в Латышском легионе СС, коммунисты-подпольщики. Поблизости располагались шоссе и железнодорожная ветка Рига – Вентспилс, узкоколейка Айзпите – Кулдига, шоссе Вентспилс – Салдус. И диверсии на дорогах стали серьезно беспокоить руководство группы армии «Курляндия». Тогда 9–10 декабря 1944 г. карателями были сожжены хутора Дижжури, Граути, Вевери, Мурниеки и Зилуты, а их 160 жителей пригнаны в Злекас и расстреляны за поддержку советских партизан.

В 1960-х гг. на месте трагедии установили громадный валун с памятной табличкой, который сохранился до сих пор. На развилке дороги находится обелиск – пирамида из черного гранита, установленный в 1965 г. Вокруг обелиска могильные плиты, фамилии на которых – сплошь латышские. Каратели расстреливали целые семьи, от мала до велика.

Раньше в школе Злекаса был музей, посвященный этой трагедии. Однако в самом начале 1990-х гг. его уничтожили. В современных учебниках по истории Латвии нет упоминаний об этом событии.

Нынче в чести другие партизаны, национальные, а события в «Курляндском котле» трактуются так, будто все местное население вместе с немецкими войсками сражалось против наступавшей Красной армии. Между тем в Злекасе мирных людей расстреливали не только немцы. Исполнителями наряду с военнослужащими 106-й немецкой роты полевой жандармерии и СД были солдаты и офицеры 2-й роты 43-го армейского гренадерского полка 19-й ваффен-гренадерской (2-й латышской) дивизии СС.

Последствия переписывания истории. В общественном мнении Латвийского государства в настоящее время присутствуют разные образы прошлого: происходящие из советской версии, сформированные новой национальной версией и, наконец, имеющие какое-то иное происхождение, не связанное со школьным преподаванием истории. Популярность тех или иных образов не имеет прямой и однозначной связи с тем, какие образы преподаются в школе. Однако в целом усилия учителей не пропадают даром: суждения молодежи, как правило, являются более антисоветскими, чем старших поколений.

По мнению авторов латвийской национальной истории, «тоталитарная империя» жестоко угнетала, эксплуатировала и использовала в своих корыстных целях несчастные нерусские народы СССР. Интерпретации национальной истории зачастую закреплены в новых национальных государствах законодательно. Концепция «советской оккупации» в Латвии, Литве, Эстонии зафиксирована в актах о восстановлении независимости, имеющих конституционную силу. Получается, будто совершенно ничего хорошего народы СССР от совместного проживания бок о бок с русским народом не получили. Только насилие, террор и эксплуатацию.

Таким образом, становится очевидным, что тенденции в разработке учебной литературы по истории в странах, возникших на постсоветском пространстве, в корне отличаются от тех, которые преобладают в большинстве стран ЕС. Здесь в последние годы в школьных учебниках по национальной истории возобладал «объективистский» подход к изучению истории своих стран и народов в XX в. Их авторы стремятся объяснить, почему события происходили именно так, а не иначе, показывают исторический характер этих явлений, взаимосвязь различных этапов развития своей страны. При этом главным

вектором этого развития они называют сложный путь своих народов от несвободы к свободе и демократии.

В учебниках Латвии, возникших в постсоветский период, имеет место иная тенденция. В рамках объективного стремления к историческому обоснованию государственного суверенитета здесь в большей или в меньшей степени обосновывается исторический путь этих народов к «свержению сталинского тоталитаризма», к «борьбе с российской оккупацией» и т.п. Характерно при этом, что вся вина и ответственность за происшедшее в нашей общей истории в рамках единого государства возлагается на Москву и Кремль. Российская империя и Советский Союз, Российская Федерация как правопреемница СССР в данном контексте выступает в такой литературе как главный и едва ли не единственный виновник всех бед и несчастий латвийского народа.

Если существующие тенденции продолжатся, то через 10–15 лет события XX в. будут напрочь забыты латвийским населением. В сознании латвийского народа будет сформирован образ России как злойшей империи, которая веками его уничтожала, подавляла и эксплуатировала.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеева Валентина Анатольевна – к.и.н. (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог)

Акопян Виктор Завернович – к.и.н. (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)

Афанасенко Владимир Иванович (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)

Ачмиз Казбек Гучипсович – д.и.н. (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)

Бабич Александр Владимирович (Государственный архив Краснодарского края, г. Краснодар)

Багдасарян Сусанна Джамилевна – д.и.н. (Международный юридический институт, г. Сочи)

Баранов Андрей Владимирович – д.и.н., д.полит.н. (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Боголюбов Александр Александрович – д-р гуманитарных наук в области новейшей истории (Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск)

Болокина Любовь Александровна – к.и.н. (Тверской государственный технический университет, г. Тверь)

Бондарев Виталий Александрович – д.и.н. (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)

Броварь Александр Витальевич – д.и.н. (Донбасская юридическая академия, г. Донецк)

Броварь Никита Александрович (Донецкий национальный университет, г. Донецк)

Бубличенко Владимир Николаевич – к.и.н. (Ухтинский государственный технический университет, г. Ухта Республики Коми)

- Бугаев Абдула Махмудович** – к.и.н. (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный)
- Бугай Николай Федорович** – д.и.н. (Институт российской истории РАН, г. Москва)
- Васильев Игорь Юрьевич** – к.и.н. (Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», г. Краснодар)
- Венков Андрей Вадимович** – д.и.н. (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Власкина Татьяна Юрьевна** (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Воронин Константин Владимирович** (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Ганиева Роза Хаматхановна** – к.психол.н. (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, г. Магас)
- Гапуров Шахрудин Айдиевич** – д.и.н. (Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный)
- Говоровский Владислав Валентинович** (независимый исследователь, ст. Вёшенская Ростовской области)
- Головина Евгения Леонидовна** (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)
- Горюшина Евгения Михайловна** (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Гриценко Галина Дмитриевна** – д.филос.н. (Южный научный центр РАН, г. Ставрополь)
- Давыдов Александр Станиславович** (Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза)
- Дюкарев Андрей Викторович** – к.и.н. (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

- Дюкарева Ирина Анатольевна** (независимый исследователь, г. Краснодар)
- Еремеева Анна Натановна** – д.и.н. (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Краснодар)
- Жбанникова Марина Исматовна** (Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону)
- Забелин Владимир Михайлович** – к.и.н. (Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь)
- Заблотский Александр Николаевич** (Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева, г. Таганрог)
- Захарина Екатерина Александровна** (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Зейберт Илгарт Алфонович** – д-р экономики (Балтийское географическое общество, г. Рига)
- Зухба Майя Автандиловна** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, г. Сухум)
- Иванов Вячеслав Александрович** – к.и.н. (Центральный музей Тавриды, г. Симферополь)
- Идрисова Замира Байрамалиевна** (Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала)
- Кайтуков Георгий Борисович** (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)
- Киселев Илья Викторович** – к.и.н. (Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А.К. Серова, г. Краснодар)
- Киселев Михаил Юрьевич** – к.и.н. (Архив РАН, г. Москва)
- Койчуев Аскербий Дагирович** – д.и.н. (Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск)

- Колесникова Марина Евгеньевна** – д.и.н. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Королев Алексей Александрович** – д.и.н. (Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза)
- Королева Лариса Александровна** – д.и.н. (Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза)
- Кочергин Алексей Анатольевич** (Распределенный научный центр межэтнических и религиозных проблем, г. Краснодар)
- Кринко Евгений Федорович** – д.и.н. (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Куручкин Евгений Валерьевич** (независимый исследователь, с. Александровка Ростовской области)
- Кускарова Ольга Ивановна** – к.с.н. (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)
- Ларинцев Роман Иванович** (независимый исследователь, г. Северодвинск Архангельской области)
- Лохова Татьяна Владимировна** – к.и.н. (Новороссийский политехнический институт (филиал) Кубанского государственного технологического университета, г. Новороссийск)
- Лысенко Ирина Альбертовна** – к.и.н. (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)
- Магамадов Супьян Султанович** – к.и.н. (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный)
- Матвеев Владимир Александрович** – д.и.н. (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Матишов Геннадий Григорьевич** – академик РАН (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Медведев Максим Валерьевич** (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)

- Медвенский Николай Игоревич** (Государственный музей Боевой Славы им. В.Г. Ардзинба, г. Сухум)
- Назаренко Владимир Васильевич** (независимый исследователь, г. Таганрог)
- Наухацкий Виталий Васильевич** – д.и.н. (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону)
- Очирова Нина Гаряевна** – к.полит.н. (Южный научный центр РАН, г. Элиста)
- Панарин Андрей Анатольевич** – д.и.н. (Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир)
- Панарина Елена Владимировна** – д.и.н. (Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир)
- Пимкина Ирина Алексеевна** (средняя общеобразовательная школа № 27, г. Шахты Ростовской области)
- Приходько Сергей Александрович** (Новозыбковский краеведческий музей, г. Новозыбков Брянской области)
- Рёброва Ирина Викторовна** – к.и.н., PhD (Центр изучения антисемитизма при Берлинском техническом университете, Германно-русский музей «Берлин – Карлсхорст», г. Берлин)
- Романько Олег Валентинович** – д.и.н. (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь)
- Савченко Михаил Александрович** (Краснодарский научно-методический центр, г. Краснодар)
- Саенко Антон Сергеевич** (Донецкий национальный университет, г. Донецк)
- Самарина Елена Михайловна** (независимый исследователь, г. Дзержинск Нижегородской области)
- Санин Дмитрий Николаевич** (Егорлыкский историко-краеведческий музей, ст. Егорлыкская Ростовской области)

- Сивков Михаил Сергеевич** (Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар)
- Сивков Сергей Михайлович** – к.и.н. (Южный институт менеджмента, г. Краснодар)
- Стегленко Елена Владимировна** (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Степаньян Олег Владимирович** – к.б.н. (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Сугаипова Айзан Магомедовна** (Чеченский государственный университет, г. Грозный)
- Судавцов Николай Дмитриевич** – д.и.н. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Султанбеков Рабадан Магомедович** – к.и.н. (Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала)
- Суций Сергей Яковлевич** – д.филос.н. (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Табунщикова Людмила Викторовна** – к.и.н. (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Танцезова Анастасия Владимировна** – к.и.н. (Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва)
- Татаринов Игорь Евгеньевич** – к.и.н. (Луганский национальный университет им. В. Даля, г. Луганск)
- Тикиджьян Руслан Геннадьевич** – к.и.н. (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)
- Тимощук Алексей Станиславович** – д.филос.н. (Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир)
- Титаренко Дмитрий Николаевич** – д.и.н. (Донецкий юридический институт МВД Украины, г. Кривой Рог)
- Трофимова Наталья Николаевна** – к.ю.н. (Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир)

- Упоров Иван Владимирович** – д.и.н., к.ю.н. (Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
- Урюпина Марина Анатольевна** (Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко, г. Краснодар)
- Филатов Сергей Викторович** – к.и.н. (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону)
- Фридман Александр Эльевич** – PhD (Саарландский университет, г. Саарбрюккен)
- Фогель Елена Александровна** (Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, г. Таганрог)
- Хатуев Ислам Заутдинович** – к.и.н. (Чеченский государственный университет, г. Грозный)
- Хубулова Светлана Алексеевна** – д.и.н. (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)
- Шадрина Алла Валерьевна** – к.и.н. (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Шишова Наталья Васильевна** – к.и.н. (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)
- Шкрибителько Елена Александровна** – к.и.н. (Донецкий национальный университет, г. Донецк)
- Шмыгаль Игорь Анатольевич** (Ростовское региональное отделение Общероссийского общественного движения по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», г. Ростов-на-Дону)
- Юрченко Иван Юрьевич** – к.и.н. («Вестник Научно-методического совета по природообустройству и водопользованию», г. Москва)
- Якунин Вадим Николаевич** – д.и.н. (Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти)
- Януш Сергей Владимирович** – д.и.н. (Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А.К. Серова, г. Краснодар)

Содержание

Академик Матишов Г.Г. Предисловие 5

Раздел 1. Великая Отечественная война в современной историографии и исторических источниках

Кринко Е.Ф. Вопросы истории юга РСФСР в Великой Отечественной войне в новейших исследованиях и документальных публикациях 8

Медведев М.В. Отечественная историография истории освобождения западных районов Ростовской области в 1943 г. 17

Юрченко И.Ю. Новейшая немецкоязычная историография истории казачьего коллаборационизма в годы Второй мировой войны 25

Дюкарев А.В., Дюкарева И.А. Коллаборационизм и/или военно-политическая оппозиция казачества юга России: к постановке научно-этической проблемы 36

Якунин В.Н. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны: опубликованные источники по проблеме 39

Бабич А.В., Самовтор С.В. Документальные источники Государственного архива Краснодарского края по изучению периода оккупации края гитлеровцами во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 48

Болокина Л.А. Протоколы бюро подпольных райкомов ВКП(б) Калининской области как исторический источник 57

Захарина Е.А. Публикации в ростовских газетах военного времени как исторический источник о жизни остарбайтеров 65

Венков А.В. Война на Юге России в опубликованных мемуарах германских солдат 72

Матвеев В.А. Солдатские письма как исторический источник в изучении Великой Отечественной войны 79

<i>Самарина Е.М.</i> О ворошиловградском партизанском отряде под руководством И.М. Яковенко: из воспоминаний отца	89
<i>Приходько С.А.</i> Новозыбков в 1942 г. (на материале дневника Ф.Н. Далёнкина)	100
<i>Шмыгаль И.А.</i> Новый подход к изучению истории Великой Отечественной войны на основе опыта по созданию Книг Памяти	108
 Раздел 2. Специфика боевых действий на южном фланге советско-германского противостояния в 1941–1943 гг.	
<i>Януш С.В.</i> Особенности боевых действий на южном фланге советско-германского фронта в 1942–1943 гг.	115
<i>Сивков С.М.</i> Роль военных училищ в организации оборонительных операций на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны в 1941–1942 гг. (на материалах Урюпинского военного пехотного училища)	123
<i>Головина Е.Л.</i> Выполнение задач по возведению оборонительных рубежей в районе Сталинграда войсками 5-й саперной армии (октябрь 1941 г. – январь 1942 г.)	130
<i>Назаренко В.В.</i> Непрошенные гости в оккупированном Таганроге	135
<i>Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И.</i> «Азовский флот» Кригсмарине. ВМС Германии на Азовском море в 1941–1942 гг.	144
<i>Афанасенко В.И.</i> Подвиги воинов НКВД на рубеже реки Маныч	150
<i>Киселев И.В., Урюпина М.А.</i> Диверсионные операции полка «Бранденбург-800» в ходе боев на Западном Кавказе в 1942 г.	156
<i>Ачмиз К.Г.</i> Оборона Майкопа в ходе битвы за Кавказ в августе 1942 г.	163
<i>Говоровский В.В.</i> Значение боев на Верхнем Дону для победы в Сталинградской битве	173

**Раздел 3. Вклад народов Юга России в Победу в Великой
Отечественной войне**

- Гануров Ш.А., Магамадов С.С., Бугаев А.М.* Восстанавливая историческую справедливость (вклад чеченцев в борьбу с немецкими фашистами)179
- Койчугев А.Д.* Карачаевцы в годы Великой
Отечественной войны188
- Зухба М.А.* «Немногое о многом» (об участии Абхазии
в Великой Отечественной войне)196
- Акопян В.З.* Армянский национальный район на Кубани
в период Великой Отечественной войны203
- Бугай Н.Ф.* Барометр погоды и нравственности в государстве:
на службе Победы в войне 1941–1945 гг.212
- Судацков Н.Д.* Северокавказцы в движении Сопrotивления
в Европе в годы Второй мировой войны221
- Кускарова О.И.* Северный Кавказ: труженики тыла в годы
Великой Отечественной войны230
- Жбанникова М.И.* Борьба за урожай зерна 1941 г. в условиях
военного положения на территории Ростовской области
(по материалам донских архивов)237
- Султанбеков Р.М.* Вклад населения Дахадаевского района
в достижение победы над фашистской Германией245
- Идрисова З.Б.* Деятельность партийных и советских органов
власти горных районов Дагестана по оказанию помощи семьям
фронтовиков в годы Великой Отечественной войны254
- Хатуев И.З., Сугаипова А.М.* Работники сферы здравоохранения
Чечено-Ингушетии накануне и в годы Великой
Отечественной войны260
- Степаньян О.В.* Великая Отечественная война в жизни донских
армян села Несветай (на примере семьи Степаньян)265
- Очирова Н.Г.* Война и мир в судьбе народного писателя Калмыкии
Алексея Бадмаева (1925–2007 гг.)272

**Раздел 4. Власть и общество в 1941–1945 гг.: военная экономика
и повседневная жизнь**

- Суций С.Я.* Система школьного образования юга РСФСР в 1941–1945 гг.
(на материалах Степного Предкавказья и Нижнего Поволжья) . . . 281
- Королева Л.А., Давыдов А.С., Королев А.А.* Советская школа
в первые месяцы Великой Отечественной войны
(по материалам Пензенской области) 289
- Агеева В.А.* Реорганизационные процессы в системе трудовых
резервов в годы Великой Отечественной войны
(на материалах Дона) 294
- Кайтуков Г.Б.* Военно-мобилизационная модель развития
промышленности Северной Осетии в 1941–1945 гг. 302
- Бубличенко В.Н.* Детские закрытые учреждения НКВД СССР
в годы Великой Отечественной войны 308
- Упоров И.В.* Деятельность органов внутренних дел по борьбе
с бандформированиями в Краснодарском
крае (1941–1943 гг.) 313
- Панарин А.А., Панарина Е.В.* Проблема обеспечения
коммунальными услугами городского населения Северного
Кавказа в годы Великой Отечественной войны 320
- Лысенко И.А.* Вопросы обеспечения сельского населения через
систему потребительской кооперации в период Великой
Отечественной войны 328
- Багдасарян С.Д.* Повседневная жизнь курорта в условиях
Великой Отечественной войны (на материалах
города-курорта Сочи) 338
- Броварь А.В., Броварь Н.А.* Восстановление промышленности
юга европейской части СССР: Донбасс (1943–1950 гг.) 343
- Забелин В.М.* Социально-экономическое развитие
Благодарненского района Ставропольского края в 1945 г. . . . 351
- Боголюбов А.А.* Польские беженцы на юге РСФСР в 1944–1946 гг. . . . 359
- Фогель Е.А.* Меры по охране детства в Таганроге
в 1943–1944 гг. 365

<i>Киселев М.Ю.</i> Академические комиссии помощи раненым бойцам и их семьям	370
--	-----

Раздел 5. Оккупация советских территорий и ее последствия

<i>Романько О.В.</i> Немецкие спецслужбы на оккупированной советской территории в 1941–1944 гг.: структура, функции, региональные особенности (на примере Крыма)	376
<i>Бондарев В.А., Шишова Н.В.</i> Повседневность сельского населения оккупированных территорий Советского Союза в период Великой Отечественной войны (на материалах Юга России) . . .	387
<i>Филатов С.В.</i> Село Юга России в условиях оккупации	396
<i>Васильев И.Ю.</i> Повседневная жизнь в период оккупации на территории Усть-Лабинского района Краснодарского края . . .	405
<i>Курочкин Е.В.</i> Расстрелы еврейских беженцев в Александровском районе Ростовской области в период оккупации: источники, методика и проблемы исследования	409
<i>Титаренко Д.Н.</i> Судьба инфекционных и венерических больных в период нацистской оккупации (на примере Украины)	418
<i>Реброва И.В., Фридман А.Э.</i> Преступления без памяти и наказания? Убийства детей с физическими и умственными особенностями развития на оккупированных территориях РСФСР в 1941–1943 гг.	428
<i>Шадрина А.В.</i> Особенности религиозной жизни в Ростовской области в 1942–1943 гг. и ее отражение в периодике оккупационного периода	438
<i>Иванов В.А.</i> Партизанское соединение имени Чапаева в Северо-Западном Крыму в 1943–1944 гг.: проблемы формирования, организации и участия в антинацистском сопротивлении	445
<i>Татаринов И.Е.</i> «Подпольный райком действует...». К вопросу о деятельности лжепартизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны (на примере Ворошиловградской области)	452

- Шкрибителько Е.А., Саенко А.С.* Деятельность антифашистской подпольной организации во внешних командах концентрационного лагеря Бухенвальд461
- Савченко М.А.* Правовая ответственность казаков-эмигрантов за проявления коллаборационизма в период Великой Отечественной войны: правовые и политические аспекты ...469
- Табунщикова Л.В.* Репрессивные акции органов государственной безопасности в отношении донских священнослужителей за сотрудничество с немцами периода оккупации в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.)474
- Воронин К.В.* Проблемы расследования деятельности советских граждан, обвиняемых в сотрудничестве с противником: на материалах уголовных дел 1943–1954 гг.481

Раздел 6. Великая Отечественная война в пространстве памяти советского и постсоветских обществ

- Наухацкий В.В.* Великая Отечественная война в современной исторической политике: некоторые методологические вопросы488
- Тимошук А.С., Трофимова Н.Н.* Война как фактор формирования национальной идентичности496
- Лохова Т.В.* Практика увековечивания трудовой доблести тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны504
- Власкина Т.Ю.* Героические символы Великой Отечественной войны и формирование системы ценностей ЛДНР512
- Гриценко Г.Д.* Устные истории о Великой Отечественной войне и их роль в сохранении исторической памяти523
- Медвенский Н.И.* Отражение событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в музеях Республики Абхазии531
- Санин Д.Н.* Роль Егорлыкского музея и Егорлыкского районного архива в сохранении памяти о Великой Отечественной войне538

<i>Еремеева А.Н.</i> Память о Великой Отечественной войне «в граните и бронзе»	544
<i>Тикиджьян Р.Г., Пимкина И.А.</i> Мемориальный комплекс жертвам фашизма г. Шахты (шахта им. Красина): история создания и сохранение исторической памяти	550
<i>Сивков М.С.</i> Исторический контекст памятников архитектуры (на примере бывшего кинотеатра «Великан» в г. Краснодаре)	557
<i>Баранов А.В.</i> Цикл конференций по военной истории Причерноморья (2016–2019 гг.) как форма реализации политики памяти и укрепления патриотизма	562
<i>Колесникова М.Е., Танцеева А.В.</i> Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: опыт Северо-Кавказского федерального университета	571
<i>Стегленко Е.В.</i> Роль вузов Ростовской области в сохранении памяти о Великой Отечественной войне	579
<i>Кочергин А.А.</i> Великая Отечественная война в учебниках по истории кубанского казачества	582
<i>Ганиева Р.Х.</i> История предков – ценный материал для размышлений	592
<i>Хубулова С.А.</i> Герои, революции и войны XX в. в исторической памяти народов Северной и Южной Осетии	597
<i>Горюшина Е.М.</i> Трансформация исторической памяти о Второй мировой/Великой Отечественной войне в современной Грузии	602
<i>Зейберт И.А.</i> Переписывание истории Великой Отечественной войны и глорификация нацистских преступлений в современной Латвии	606
Сведения об авторах	611

Table of Contents

Foreword (*Academician RAS Matishov, G.G.*)5

Chapter 1. The Great Patriotic War in the Contemporary Historiography and Historical Sources

Krinko, E.F. Issues of history of the South of RSFSR during the Great Patriotic War in the latest studies and documentary publications ...8

Medvedev, M.V. Russian historiography of the history of liberation of the western areas of Rostov Region in 194317

Yurchenko, I.Yu. Newest German-language historiography of the history of the Cossack collaborationism during the Second World War25

Dyukarev, A.V., Dyukareva, I.A. Collaborationism and/or military-political opposition of the Cossacks of the South of Russia: towards a scientific and ethical problem36

Yakunin, V.N. Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War: published sources on the issue39

Babich, A.V., Samovtor, S.V. Documentary sources of the State Archive of Krasnodar Krai (Territory) on the study of the period of occupation of the territory by the Nazis during the Great Patriotic War of 1941–194548

Bolokina, L.A. Protocols of the bureaus of the underground district committees of the All-Union Communist Party (the Bolsheviks) in Kalinin Region as a historical source57

Zakharina, E.A. Publications in Rostov war-time newspapers as a historical source of information about the life of the Ostarbeiters65

Venkov, A.V. War in the South of Russia in the published memoirs of the German soldiers72

Matveev, V.A. Soldier letters as a historical source when studying the Great Patriotic War79

<i>Samarina, E.M.</i> About Voroshilovgrad partisan detachment led by I.M. Yakovenko: from the memoirs of author's father	89
<i>Prikhodko, S.A.</i> Town of Novozybkov in 1942 (based on the F.N. Dalyonkin's diary)	100
<i>Shmygal', I.A.</i> New approach to studying the history of the Great Patriotic War on the basis of practices of creating the Books of Memory	108

Chapter 2. Specifics of Hostilities on the Southern Flank of the Soviet-German Confrontation in 1941–1943

<i>Yanush, S.V.</i> Specific features of hostilities on the southern flank of the Soviet-German front in 1942–1943	115
<i>Sivkov, S.M.</i> Role of military schools in organizing defence operations in the Northern Caucasus during the Great Patriotic War in 1941–1942 (based on the materials of the Uryupinsk Military Infantry School)	123
<i>Golovina, E.L.</i> Implementation of tasks of constructing defensive lines in the area of Stalingrad by the troops of the 5 th Sapper Army (October 1941 – January 1942)	130
<i>Nazarenko V.V.</i> Uninvited guests in occupied Taganrog	135
<i>Zablotsky, A.N., Larintsev, R.I.</i> “Azov Fleet” of the Kriegsmarine. The German Navy in the Sea of Azov in 1941–1942	144
<i>Afanasenko, V.I.</i> Feats of arms of the NKVD soldiers at the Manych River line	150
<i>Kiselev, I.V., Uryupina, M.A.</i> Diversion operations of the Brandenburg-800 Regiment during the battles in the Western Caucasus in 1942	156
<i>Achmiz, K.G.</i> Defence of Maikop during the Battle for the Caucasus in August 1942	163
<i>Govorovsky, V.V.</i> Significance of battles in the Upper Don Region for the victory in the Battle of Stalingrad	173

Chapter 3. Contribution of the Peoples of Southern Russia to the Victory in the Great Patriotic War

<i>Gapurov, Sh.A., Magamadov, S.S., Bugaev, A.M.</i> Restoring historical justice (contribution of the Chechens to the fight against the German fascists)	179
<i>Koichuev, A.D.</i> Karachays during the Great Patriotic War	188
<i>Zukhba, M.A.</i> “A bit about many” (on the participation of Abkhazia in the Great Patriotic War)	196
<i>Akopyan, V.Z.</i> Armenian National (Ethnic) District of Kuban during the Great Patriotic War	203
<i>Bugai, N.F.</i> Barometer of weather and morals in the state: serving the Victory in the war of 1941–1945	212
<i>Sudavtsov, N.D.</i> Northern Caucasians in the resistance movement in Europe during the Second World War	221
<i>Kuskarova, O.I.</i> Northern Caucasus: workers of the rear and home front during the Great Patriotic War	230
<i>Zhbannikova, M.I.</i> Struggle for the grain harvest of 1941 under martial law in Rostov Region (based on the materials from the Don archives)	237
<i>Sultanbekov, R.M.</i> Contribution of the population of Dakhadaevsky District to the victory over fascist Germany	245
<i>Idrisova, Z.B.</i> Activities of the Communist Party and Soviet authorities in the mountainous regions of Dagestan providing assistance to the families of front-line soldiers during the Great Patriotic War	254
<i>Khatuyev, I.Z., Sugaipova, A.M.</i> Healthcare workers of Chechnya-Ingushetia on the eve and during the Great Patriotic War	260
<i>Stepanyan, O.V.</i> Great Patriotic War in the life of the Don Armenians in the village of Nesvetai (the Stepanyans being exemplified)	265
<i>Ochirova, N.G.</i> War and peace in the fate of people’s writer of Kalmykia Alexei Badmaev (1925–2007)	272

Chapter 4. Authorities and Society in 1941–1945:**Military Economy and Daily Life**

<i>Sushchyi, S.Ya.</i> System of school education in the South of RSFSR in 1941–1945 (based on the materials of the Steppe Ciscaucasia and the Lower Volga Region)	281
<i>Koroleva, L.A., Davydov, A.S., Korolev, A.A.</i> Soviet school in the first months of the Great Patriotic War (based on the materials of Penza Region)	289
<i>Ageeva, V.A.</i> Reorganizational processes in the system of labour reserves during the Great Patriotic War (based on the Don Region materials)	294
<i>Kaitukov, G.B.</i> Military mobilization model of North Ossetia industrial development in 1941–1945	302
<i>Bublichenko, V.N.</i> Children's closed institutions of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War	308
<i>Uporov, I.V.</i> Activities of the internal affairs bodies in the fight against gang units in the Krasnodar Krai (Territory) (1941–1943)	313
<i>Panarin, A.A., Panarina, E.V.</i> Problem of communal and public utilities provision to the urban population of the Northern Caucasus during the Great Patriotic War	320
<i>Lysenko, I.A.</i> Some issues of provision of the rural population through the system of consumer co-operation during the Great Patriotic War	328
<i>Baghdasaryan, S.D.</i> Everyday life of the resort under the conditions of the Great Patriotic War (based on the materials of the city-resort of Sochi)	338
<i>Brovar, A.V., Brovar, N.A.</i> Restoration of industry in the south of the European USSR: the Donbass (1943–1950)	343
<i>Zabelin, V.M.</i> Social and economic development of Blagodarnensky District of Stavropol Krai (Territory) in 1945	351
<i>Bogolyubov, A.A.</i> Polish refugees in the South of RSFSR in 1944–1946	359
<i>Fogel, E.A.</i> Child protection measures in Taganrog in 1943–1944	365

<i>Kiselev, M.Yu.</i> Academic commissions of assistance to the wounded soldiers and their families	370
---	-----

Chapter 5. Occupation of the Soviet Territories and its Consequences

<i>Roman'ko O.V.</i> German special services on the occupied Soviet territory in 1941–1944: structure, functions, specific regional features (the case of the Crimea)	376
<i>Bondarev, V.A., Shishova, N.V.</i> Everyday life of the rural population of the occupied territories of the Soviet Union during the Great Patriotic War (based on the materials of the South of Russia)	387
<i>Filatov S.V.</i> Village of the South of Russia under occupation	396
<i>Vasilyev, I.Yu.</i> Everyday life during the Great Patriotic War and occupation in Ust-Labinsk District of the Krasnodar Krai (Territory)	405
<i>Kurochkin, E.V.</i> Shootings of the Jewish refugees in Aleksandrovsky District of Rostov Region during occupation: sources, methods, and problems of research	409
<i>Titarenko, D.N.</i> Fate of infectious and venereal patients during the Nazi occupation (the case of Ukraine)	418
<i>Rebrova, I.V., Friedman, A.E.</i> Crimes without memory and punishment? Murders of children with specific physical and mental development features on the occupied territories of the RSFSR in 1941–1943	428
<i>Shadrina, A.V.</i> Peculiarities of religious life in Rostov Region in 1942–1943 and its reflection in the periodicals of the occupation period	438
<i>Ivanov, V.A.</i> Chapayev's Partisan Union in the North-Western Crimea in 1943–1944: problems of formation, organization, and participation in the anti-Nazi resistance	445
<i>Tatarinov, I.E.</i> "The underground district committee operates..." On the issue of activity of pseudo-partisan detachments during the Great Patriotic War (the case of Voroshilovgrad Region)	452

- Shkribit'ko, E.A., Saenko, A.S.* Activities of the anti-fascist underground organization in external teams of the Buchenwald Concentration Camp461
- Savchenko, M.A.* Legal responsibility of the Cossack emigrants for the manifestations of collaborationism during the Great Patriotic War: legal and political aspects469
- Tabunshchikova, L. V.* Repressive actions of the state security bodies against the Don clergy for co-operation with the Germans of the occupation period during the Great Patriotic War (1941–1943)474
- Voronin, K.V.* Problems of investigation of activity of the Soviet citizens accused of co-operation with the enemy: based on the materials of criminal cases of 1943–1954481

Chapter 6. The Great Patriotic War in the Space of Memory of the Soviet and Post-Soviet Societies

- Naukhatskyi, V.V.* Great Patriotic War in modern historical policy: some methodological issues488
- Timoshchuk, A.S., Trofimova, N.N.* War as a factor in forming the national identity496
- Lokhova, T.V.* Practice of immortalizing the labour valour of the rear workers during the Great Patriotic War504
- Vlaskina, T.Yu.* Heroic symbols of the Great Patriotic War and formation of the Lugansk and Donetsk People's Republics value system512
- Gritsenko, G.D.* Oral histories about the Great Patriotic War and their role in the preservation of the historical memory523
- Medvensky, N.I.* Reflection of the events of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the museums of the Republic of Abkhazia531
- Sanin, D.N.* Role of Yegorlyk Museum and Yegorlyk District Archive in preserving the memory of the Great Patriotic War538
- Yeremeeva, A.N.* Memory of the Great Patriotic War “in granite and bronze”544

<i>Tikijyan, R.G., Pimkina, I.A.</i> Memorial complex for the victims of fascism in Shakhty (mine in the name of Krasin): history of creation and preservation of historical memory	550
<i>Sivkov, M.S.</i> Historical context of architectural monuments (the case of former <i>The Velikan Cinema</i> in Krasnodar)	557
<i>Baranov, A.V.</i> Series of conferences on the military history of the Black Sea Region (2016–2019) as a form of memory policy implementation and strengthening of patriotism	562
<i>Kolesnikova, M.E., Tantsevova, A.V.</i> Preservation of the historical memory of the Great Patriotic War: practices of the North-Caucasian Federal University	571
<i>Steglenko, E.V.</i> Role of higher educational establishments of Rostov Region in preserving the memory of the Great Patriotic War	579
<i>Kochergin, A.A.</i> Great Patriotic War in the textbooks on the history of the Kuban Cossacks	582
<i>Ganieva, R.Kh.</i> History of ancestors is a valuable material for reflections	592
<i>Khubulova, S.A.</i> Heroes, revolutions, and wars of the 20 th century in the historical memory of the peoples of North and South Ossetia	597
<i>Goryushina, E.M.</i> Transformation of historical memory of the Second World War/the Great Patriotic War in modern Georgia	602
<i>Zeibert, I.A.</i> Rewriting the history of the Great Patriotic War and glorification of the Nazi crimes in present-day Latvia	606
Information about the authors	611

Научное издание

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ:
СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ**

Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной
75-летию Победы в Великой Отечественной войне
(г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.)

Корректурa: А.С. Бабаева, С.А. Шестак, А.А. Яковлева

Оригинал-макет С.А. Шестак

Перевод: Т.Е. Гревцова, Р.Г. Михалюк

Обложка А.В. Коржов

Подписано в печать 28.08.2020

Формат 60 × 84/16. Гарнитура Minion Pro

Бумага офсетная. Печать цифровая

Усл. печ. л. 36,74. Тираж 300 экз.

Издательство ЮНЦ РАН

344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

Тел. (863) 250-98-21